Smirnova, Sof'ia Ivanovna
Sol' zemli

СОЛЬ ЗЕМЛИ

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

С. Смирновой.

ТОМЪ I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.
1875

PG3470
.S62S6
1875

(104)

ПРОЛОГЪ.

Капризная рѣчка шепчетъ и заигрываетъ и бѣжитъ, бѣжитъ безъ остановки, стараясь мимоходомъ доплеснуть до бревна, скатившагося на самый краешекъ берега. А сверху выдвинувшійся уголъ лѣса съ укоризной смотритъ на эти проказы и только чуть замѣтно покачиваетъ верхушками. Дальше, деревья немножко отступаютъ въ глубь, а тамъ опять всей массой напираютъ на самый конецъ обрыва и точно сдавить хотятъ расшалившуюся рѣку въ своихъ объятіяхъ, точно они ей думу какую-то задали неразрѣшимую. И долго провожаютъ они ее такъ съ одной стороны, а съ другой тянется просторъ необъятный, и нѣтъ ему конца. Все заливные луга — Калифорнія тамошнихъ помѣщиковъ.

Крикнулъ гдѣ-то журавль въ просонкахъ, камень скатился въ воду—и только. Все заснуло. Спитъ Иванъ-чай, скромно захвативший всѣ негодныя мѣста; спитъ застѣнчивая ромашка, дремлетъ полынь по откосамъ. Низко спускается туманъ и теплая сырость любовно окутываетъ парóмъ со всѣми его обитателями. Долговязый лодочникъ растянулся во всю длину своей каюты и попалъ ногой прямо въ ротъ

сынишкѣ, рискнувшему лечь черезчуръ близко къ родительскимъ пяткамъ. Тотъ вскочилъ и оглянулся безумными глазами. Все на мѣстѣ и все благополучно. Только что́ это какъ будто тамъ, въ лѣсу? Мальчикъ сталъ прислушиваться. Звуки какіе-то неопредѣленные. Не то вѣтки хрустнули, не то песокъ. Вотъ и Шарикъ поднялъ морду, обнюхиваетъ воздухъ. Нюхнулъ разъ пять и гамкнулъ, потомъ еще нюхнулъ и опять гамкнулъ.

„Эге—думаетъ мальчишка—это штука!“ и вылѣзаетъ изъ отцовской каюты.

А на встрѣчу ему, съ берега, несется залпомъ какая-то фигура. Именно залпомъ: какъ зарядъ, пущенный изъ ружья, она не можетъ остановиться и стремглавъ влетаетъ на перевозъ. Только на срединѣ парома фигура останавливается и даетъ Шарику ловкую затрещину каблукомъ. Собака, только-что было-входившая во вкусъ, взвизгиваетъ и мгновенно скрывается въ капитанской каютѣ.

На паромѣ остаются двѣ фигуры: хозяина, или, вѣрнѣе, хозяйскаго наслѣдника, и гостя. Послѣдній съ шикомъ швыряетъ свой картузъ въ пространство, ловитъ его и нахлобучиваетъ на голову оторопѣвшаго собесѣдника. Тотъ захлебывается отъ удивленія и можетъ только выговорить:

— Андрюшка!

— Я!

— Что́ ты, лѣшій, балуешься!

— Ну, ну, разговаривай!

И картузъ такъ же проворно переходитъ на голову своего прежняго хозяина.

— Буди поди отца.

— Да что ты? аль съ того свѣта?

— Мы-то? Мы поближе будемъ. Иди, что ли, подымай хрыча-то своего!

Наслѣдникъ только глазами хлопалъ: онъ никакъ не могъ сообразить, въ чемъ дѣло. Андрюшка тѣмъ временемъ успѣлъ уже вооружиться длиннѣйшимъ шестомъ и ткнулъ имъ въ капитанскую каюту, разсчитывая довольно вѣрно, что куда-нибудь да попадетъ хозяину, не въ животъ, такъ въ спину. Изъ каюты понеслось ворчанье. Андрюшка всадилъ шестъ еще дальше. Рычанье повторилось. Наконецъ, послѣ новой продѣлки съ шестомъ, изъ каюты показались ноги. Въ одно мгновеніе ока шестъ полетѣлъ прочь и гость смиренно поджидалъ появленія остального туловища. Выкатилась понемногу и вся фигура лодочника, и скорѣе сонливо, чѣмъ сердито, посмотрѣла на незваннаго посѣтителя. Посѣтителемъ оказался мальчикъ лѣтъ тринадцати, не больше, сухощавый, проворный, такъ и *пожиравшій* глазами все, на чемъ ни останавливались его быстрые, почти неуловимые взгляды.

— Вотъ я тебѣ виски-то выдеру, началъ-было хозяинъ, еле ворочая языкомъ.

Андрюшка давно сметилъ, что лодочнику не только драться, но и говорить лѣнь.

— Я, дяденька, ничего. Нешь я тебя потревожилъ?

— То-то, потревожилъ; а за виски, знаешь?

Андрюшка опять не смутился.

— Тутъ къ вамъ баринъ одинъ пріѣдетъ...

— Какой тамъ баринъ?

— А вотъ такой! На двухъ ногахъ, голова въ рукахъ!

— Это намеднишній, что ли?

— Онъ самый.

— Ну?

— Вотъ-те и ну! Велѣли его не пускать.

— Куда?

— Никуда!

— О, лѣшій!

Лодочникъ только плюнулъ.

— Думаешь, вру? Истинная правда.

Прошло полчаса съ небольшимъ. Андрюшка лежалъ, положивши локти на самый край парома и глядѣлся въ воду. Хозяйскій наслѣдникъ лежалъ на спинѣ, поставивъ колѣнки горою. Самъ хозяинъ давно влѣзъ въ каюту.

— Я говорю, фантазировалъ Андрюшка: — я говорю, волки... Они тоже понимаютъ. Вотъ они веревки не любятъ. Покажи волку веревку,—онъ тебѣ сейчасъ: дзынь! Ты еще тутъ, а онъ ужъ энъ дѣ! Ванька, ты слышишь?

— Слышу!

Ванька какъ будто даже обиженъ этимъ вопросомъ.

— Ну, медвѣдь, тотъ опять другое. Тотъ вонъ водку любитъ. Я такъ думаю, дай ему сапоги — пропьетъ! Ты что́ смѣешься? Ей-богу! Да мнѣ Иванъ говорилъ, Иванъ, вотъ Марьинъ мужъ. Дали, говоритъ, Мишкѣ сапоги, вотъ этакимъ манеромъ: въ этой рукѣ сапоги, а въ этой—водка. Такъ онъ сапоги-то отъ себя пихаетъ, — это, значитъ, ты себѣ возьми, а къ водкѣ такъ лапу и протягиваетъ. Подай, дескать, мое добро. Умный звѣрь!

— Ишь!

Ванька пораженъ и, съ своей стороны, солидно замѣчаетъ:

— Разные бываютъ случаи. Вотъ, я тебѣ скажу, у меня баушка сверчковъ боялась... Никакъ ѣдутъ!

Андрюшка приподнялся на локтяхъ.

— И то ѣдутъ!

И они оба съ Ванькой стали прислушиваться. Надо было имѣть очень тонкій слухъ, чтобы разобрать мягкій, нѣжный стукъ колесъ по рыхлому грунту. Въ пескѣ тонулъ даже звукъ лошадиныхъ копытъ. На минуту все замерло. Потомъ по водѣ пронесся протяжный крикъ:

— Лодоч-ни-икъ!

Андрюшка стремглавъ кинулся въ каюту. Минутъ черезъ пять, не раньше, полетѣлъ съ парома отвѣтъ:

— Слы-ышу!

Перевозчикъ почесался, поддернулъ опояску и крикнулъ на весь уѣздъ:

— Много-ль васъ тамъ?

— Оди-инъ! Лодку давай!

— Ванька, отвязывай лодку! Да греби одинъ! Чего тамъ! Довезешь, небось.

И капитанская каюта снова приняла хозяина въ свои объятія.

Андрюшка остался поджидать гостя на паромѣ и жадно слѣдилъ за всѣми движеніями лодки: вотъ она отчаливаетъ, вотъ тронулась и пошла пересѣкать волны; носъ ея прямо смотритъ въ стѣнки перевоза, а злодѣй-Ванька ни за что не пристанетъ:—молодцомъ! Такъ и есть! не тѣмъ весломъ гребетъ! Лѣвѣе бы надо, а онъ...

— Легче правымъ-то весломъ! Легче, тебѣ говорятъ! Нѣтъ! мимо!

Артистъ заговорилъ въ Андрюшкѣ. Онъ весь пылалъ отъ негодованія. Наконецъ, вотъ они близко; онъ схватился за корму и гнѣвно подтащилъ ее къ парому. Высокій муж-

чина выскочилъ на перевозъ. Чуть ли онъ былъ не выше лодочника. Андрюшка сдѣлалъ ему какой-то знакъ и отвелъ въ сторону.

— Вы нынче на барскій дворъ не ѣздите!

На лицѣ пріѣзжаго выразилось удивленіе.

— Не приказано.

— Не можетъ быть!

— Это я тебѣ вѣрно говорю.

Андрюшка добродушно ухмыльнулся.

— Что же?.. Развѣ что-нибудь случилось?

— Мнѣ этого знать не можно.

Пріѣзжій отъ удивленія даже ремень у сумки передвинулъ съ одного плеча на другое.

— Куда же мнѣ дѣваться? полюбопытствовалъ онъ, наконецъ.

На деревню ступайте. Тамъ и ночуйте.

— Да я тамъ никого не знаю.

— Она говоритъ: пусть, говоритъ, онъ у Ивана спроситъ. Они пустятъ.

— Кто это Иванъ?

— Марьинъ мужъ. Ихняя изба напротивъ часовни. А то къ Дементью. Онъ мужикъ тверезый... Вотъ опять Гаврило. Хошь, я тебя сведу?

— Хорошо, спасибо. Только вотъ что... Онъ, видимо, размышлялъ.—Туда лѣсомъ идти?

— Зачѣмъ лѣсомъ! Мы по краешку пойдемъ. Лѣсомъ —это къ намъ. А туды можно по краешку.

— Да. Онъ почесалъ себѣ носъ.—Нѣтъ, ужъ я лучше вотъ что. Я здѣсь, у лодочника, ночую.

— Какъ хошь. А только что она говоритъ: ежели, говоритъ, они пожелаютъ...

— Она здорова?

— Здоровы-съ.

Андрюшка усмѣхнулся. Пріѣзжій продолжалъ вертѣть въ рукахъ ремень.

— Къ намъ баринъ нынче пріѣхалъ, докладывалъ Андрюшка.

Гость встрепенулся.

— Давно?

— Съ часъ мѣста будетъ. Я побѣгъ, еще и ужинать не сбирали.

— Странно. Что́, по крайней мѣрѣ, сказали? Когда мнѣ завтра приходить?

— Нѣтъ, она ничего.

— Чортъ знаетъ! Онъ пожалъ плечами.—Вотъ что, ты теперь ступай, а завтра утромъ приди мнѣ опять скажи.

— Извольте!

— Ну, тамъ что-нибудь. Узнаешь. Иди-же!

Онъ сдѣлалъ раздражительный жестъ. Андрюшка тряхнулъ головой, затопалъ по гнилому помосту и скоро слышно стало, какъ посыпались камни отъ его неистоваго влѣзанія на крутой берегъ. Потомъ и это затихло.

Проѣзжій заявилъ лодочнику о своемъ желаніи переночевать у него, и получивши согласіе, долго и молча ходилъ по парому. Глядѣлъ онъ куда-то въ пространство, въ туманную, мѣсячную даль и барабанилъ пальцами по застежкамъ дорожной сумки. Половицы гнулись у него подъ ногами и даже въ иныхъ мѣстахъ представляли не совсѣмъ безопасныя трещины, но онъ этого не замѣчалъ. Ванька

развелъ огонекъ и сталъ варить картошку. Только тутъ пріѣзжій угомонился и прилегъ къ костру. Пламя освѣтило его длинныя ноги, частію пропадавшія въ темнотѣ, и его еще очень молодое, но уже измученное лицо. Ни усовъ, ни бороды не было на этомъ добромъ лицѣ, а голубые глаза смотрѣли ужъ какъ-то не въ мѣру задумчиво. Длинными, черезчуръ длинными пальцами расчесывалъ онъ, какъ гребенкой, свои свѣтлые волосы. Никакой шелкъ не сравнялся бы съ ними въ мягкости.

Ванька долго разсматривалъ длиннаго барина, пока не соскучился и не заснулъ. А баринъ все сидѣлъ. Давно и огонь потухъ, а онъ все не спалъ. Видно, сонъ не шелъ ему на умъ.

Андрюшка не совралъ: на господскій дворъ дѣйствительно пріѣхалъ „баринъ“. Онъ стоялъ у сарая и глядѣлъ, какъ кучеръ выпрягаетъ изъ фаэтона его пару рыженькихъ. Въ домѣ вздумали-было растворить никогда не отпиравшееся парадное крыльцо.

— Зачѣмъ это? не надо! крикнулъ баринъ.—Что за торжество такое!

— Анна Игнатьевна приказали.

На верху на балкончикѣ показалась женская фигура.

— Оставьте! это я велѣла! заявила она довольно повелительно.

— Да я не хочу этого парада. Я пройду къ тебѣ. Тамъ уютнѣе.

— Не нужно. Я сама сойду внизъ. Нужно же когда нибудь отворять эти комнаты. Григорій, отпирай!

Это воззваніе относилось уже къ дворецкому, который

съ видимымъ наслажденіемъ запустилъ полъ-аршинный ключъ въ щелку замка.

Женская фигура между тѣмъ спустилась внизъ и прошла по двору. Въ темнотѣ можно было только различить небольшой шлейфъ ея платья и накинутую на головѣ мантилью. Баринъ немедленно пошелъ ей на встрѣчу. Онъ представлялъ довольно странную фигуру въ своей длинной, сѣрой шинели съ огромнымъ воротникомъ и висячими рукавами. Догнавши особу въ мантильѣ, онъ нагнулся и почтительно поцѣловалъ ей руку. Особа сдѣлала движеніе плечами и стала подыматься по лѣстницѣ.

Дворецкій, нагибаясь и сверкая лысиной, спѣшилъ подостлать коврикъ подъ ноги господамъ.

Въ комнатахъ было темно и пахло погребомъ.

— Свѣту! свѣту! восклицалъ баринъ, принимая свѣчку изъ рукъ изнывавшаго отъ усердія дворецкаго.

— Pardon, извинилась спутница, въ свою очередь отнимая ее у хозяина.—Я посвѣчу сама. Потомъ обратилась къ лакею:—Скорѣе самоваръ, и чашки, и все, что́ нужно. Да отворите окна, балконъ отоприте! Да за цвѣтами къ садовнику пошлите.

— Зачѣмъ это? взывалъ-было́ хозяинъ, но она не слушала и шла дальше. Онъ могъ только сзади любоваться прелестной фигурой въ голубомъ капотѣ, шуршавшемъ по паркету, и черной кружевной мантильей, драпировавшейся на головѣ и до половины скрывавшей ей плечи.

— Что это ты нынче? не вытерпѣлъ онъ:—испанкой какой-то одѣта?

Она усмѣхнулась, но ничего не отвѣтила, а прямо прошла къ камину и стала зажигать лампу. Онъ сбросилъ на

стулъ шинель, тутъ же кинулъ фуражку и подошелъ къ ней.

Какія два разныя лица озарились пламенемъ разгорѣвшейся свѣтильни! Онъ—уже поблекшій, поношенный, всю жизнь, всю силу, казалось, сосредоточившій въ своихъ свѣтлыхъ, прозрачныхъ глазахъ. Она — поразительная не красотой, но какой-то дерзкой прелестью. Совершенная блондинка, она не имѣла и слѣдовъ той мягкости, которая обыкновенно характеризуетъ блондинокъ. Напротивъ, поднимая свои сѣрые глаза, она такъ и обдавала дерзкой холодностью. Она влекла къ себѣ не живостью, не граціей, даже не кокетствомъ, а именно этой новизной выраженія. Много есть хорошенькихъ женщинъ, но немного такихъ, которыя врѣзывались бы въ памяти разъ навсегда, а она была изъ числа ихъ. Теперь, когда черное кружево мантильи легло на пепельные волоса, а широкій, открытый фасонъ рукавовъ оттѣнялъ поразительную красоту рукъ на голубомъ фонѣ капота—эта женщина просилась въ картину. А между тѣмъ никто не сказалъ бы про нее, что она красавица. Еще менѣе можно было назвать ее хорошенькой. Ни къ одному изъ этихъ типовъ она не подходила.

Съ шумомъ потрясалъ дворецкій ручками у балконныхъ дверей, пока наконецъ обѣ половинки не подались и вечерній воздухъ не ворвался въ столовую. Замелькалъ огонекъ у лампы, затрепетала скатерть на столѣ, а на стѣнѣ то выступали, то прятались во мракѣ оленьи и собачьи головы.

— Ну, Анна, началъ хозяинъ: — разсказывай, какъ твои дѣла.

— Сейчасъ, погодите! Григорій, скорѣй самоваръ! Да цвѣты, пожалуйста!

Жестокая! неужели она не видѣла, что еще немного, и усердный дворецкій разсыплется въ мелкія дребезги. Онъ бѣжалъ съ самоваромъ, летѣлъ съ подносами и съ тарелками, онъ же пододвигалъ стулья, спотыкался, а въ передней даже поплевалъ на блюдечко и вытеръ его рукавомъ.

— Вы спрашиваете, какъ мои дѣла? продолжала Анна, съ удивительнымъ искусствомъ лавируя рукавами между чашками.—Ничего. Сѣнокосъ идетъ хорошо. Отъ Соколовыхъ всѣ рабочіе ушли къ намъ. Здѣсь имъ хорошо платятъ. Да, между прочимъ, m-r Соколовъ грозится сдѣлать мнѣ скандалъ. A madame сказала, что я такая женщина, такая...

Она не докончила и стала разливать чай. Онъ слушалъ молча и постукивалъ ложкой о молочникъ. Явились тарелки съ малиной, явились сливки и печенье, а вслѣдъ за ними и дворецкій. Онъ облекся въ бѣлыя перчатки и съ благоговѣніемъ бралъ чашку на одномъ концѣ стола, чтобы перенести ее на другой, своему барину. Тотъ наконецъ не вытерпѣлъ и махнулъ рукой.

— Ступай, Григорій, ты намъ не нуженъ.

Григорій торжественно, но грустно кланяется и удаляется.

На дворѣ залаяла собака. Анна встрепенулась и стала прислушиваться.

— Что ты думаешь, это кто нибудь чужой?

— Нѣтъ, ничего. Здѣсь, говорятъ, волки ходятъ.

Она встала и передвинула лампу.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— Задуваетъ сильно. Вѣтеръ.

Онъ поднялъ глаза. Она была какъ будто немножко взволнована.

— Тебѣ дуетъ? Можно балконъ затворить!

— Ахъ, сидите пожалуйста. Я нарочно велѣла его отпереть. Сюда, Григорій, вотъ сюда къ окну!

Она словно обрадовалась дворецкому, державшему въ объятіяхъ огромные цвѣточные горшки. Хозяинъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, пока ихъ устанавливали. Только что утвердился на мѣстѣ послѣдній кактусъ, какъ онъ ужъ очень рѣшительно приказалъ своему мажордому удалиться.

Анна не спѣша подошла къ столу и стала класть въ ротъ по одной ягодкѣ, не подаривши собесѣдника даже ни единымъ взглядомъ.

— Ну, сѣнокосъ хорошъ, началъ онъ. — Это я слышалъ; дальше что?

— А дальше я опять-таки стою на своемъ. Вамъ надо завести ферму. Сѣно съ каждымъ годомъ падаетъ въ цѣнѣ. Если вы не желаете торговать въ убытокъ, послѣдуйте моему совѣту.

— Я объ этомъ подумываю, давно подумываю. Да вотъ все какъ-то... Дѣла много; некогда заняться.

Она поморщилась.

— Вы тамъ сельско-хозяйственные клубы затѣваете...

— Ты хочешь сказать, что это потерянное время?

— Нѣтъ, отчего же. Напротивъ. Вотъ не возьмется ли вашъ клубъ помочь?

— Нѣтъ, видишь ли. Тамъ будутъ проводиться взгляды на хозяйство вообще. Какая нибудь ферма ихъ не займетъ.

Она смотрѣла, серьёзно онъ говоритъ или нѣтъ.

— Они тамъ раздѣлили губернію по полосамъ и соображаютъ теперь, гдѣ разводить укропъ, гдѣ саладъ. Одинъ

членъ даже проектъ пишетъ на премію: засѣять хрѣномъ 120 десятинъ и ждать послѣдствій!

— А! вотъ что! У васъ времени нѣтъ. Проекты пишете?

— Да. Я какъ эти штуки увидалъ, думаю: ну, любезные! На слѣдующемъ же собраніи дѣлаю предложеніе: ввести стуколку въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. А чтобы имени не мѣнять, чтобы вмѣсто сельско-хозяйственнаго не называть клубъ стуколочно-преферансовымъ, поставить тамъ гдѣ нибудь въ углу дежурнаго и дать ему книгу въ руки: Читай! О сѣвооборотѣ и о новѣйшемъ способѣ удобренія.

Анна засмѣялась.

— Хорошо вы поете! гдѣ-то сядете!

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ, у меня много своихъ занятій.

— Вѣрю! Я сейчасъ принесу конторскія книги. Мы вмѣстѣ провѣримъ, да кстати мнѣ нужно тамъ справиться.

Она сдѣлала-было движеніе, но онъ удержалъ ее.

— Нѣтъ, пожалуйста, только не сейчасъ. Нельзя-ли до завтра? Я усталъ съ дороги.

— А вы долго здѣсь пробудете?

— Тебѣ хочется, чтобы я поскорѣе уѣхалъ?

— Мнѣ хочется, чтобы вы отвѣчали на вопросъ!

Она сдвинула съ головы мантилью и лукаво улыбнулась.

— До завтрашняго вечера.

— Только? протянула она жалобно, и сейчасъ же заѣла горе ягодами.

— Анна, не притворяйтесь пожалуйста! Если я не загляну сюда полтора года, вы даже и не поморщитесь.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы думаете? А что ваша супруга?

Онъ нахмурился.

— Къ чему этотъ вопросъ?

— Я просто такъ спросила. У мужа всегда спрашиваютъ о здоровьѣ жены.

Она усмѣхнулась и мелькомъ взглянула на балконъ въ темную глубь.

— Послушай, Анна. Ты знаешь, я только съ тобой объ этомъ и могу говорить, больше ни съ кѣмъ. Я способенъ иногда отъ этой женщины выскочить въ окно, въ дверь, куда угодно, и бѣжать, бѣжать безъ оглядки. Но, вотъ видишь-ли, это семейный очагъ, священная сторона жизни. А потому я долженъ объ ней молчать: она священная!

Онъ покраснѣлъ и съ азартомъ отхлебнулъ нѣсколько глотковъ чаю. Морщины такъ и обрисовались на лбу, и свѣтлые, только слегка посеребрившіеся усы шевелились отъ раздраженія.

На дворѣ очень явственно слышался лай собакъ и чьи-то шаги. Анна вдругъ встала.

— Куда ты?

— Я и забыла объ ужинѣ. Надо распорядиться.

— А! Это дѣло хорошее. Нельзя ли грибовъ поджарить?

— Я велѣла.

— Да вѣдь они, злодѣи, не съумѣютъ. Постой-ка, я пойду самъ.

Анна сдѣлала невольное движеніе.

— Зачѣмъ это? У меня кухарка отлично готовитъ.

— Нѣтъ, это не то! Жареные грибы—вѣдь это поэзія. Бѣлые грибы въ сметанѣ, въ настоящемъ соку—это цѣлая поэма!

Восторженный тонъ его доказывалъ, что эту поэму будутъ стряпать не иначе, какъ подъ его руководствомъ. Возраженія были бы неумѣстны. Анна промолчала. Въ кухнѣ блескъ былъ невыразимый. Плита топилась въ развалъ. Кастрюльки кипѣли, шипѣли, брызгались и дымились. На столѣ чистилась рыба для ухи, на лавкѣ щипали къ завтрашнему дню цыпленка, на полу ходила кошка и заглядывала во всѣ мѣста, гдѣ могла быть говядина. Кто вытиралъ сковороду, кто лѣзъ подъ печку за лучиною, а кто и такъ себѣ, смотрѣлъ или тыкалъ пальцемъ въ провизію.

Кого-то Богъ сподобилъ пролить сливки и за это быть немедленно вытолканнымъ въ сѣни. Тутъ преступникъ наткнулся на барина, у котораго при этомъ вылетѣли изъ головы всѣ мечты о грибной поэзіи. Анна почти чутьемъ угадала Андрюшку и толкнула его по направленію къ двери, а сама скользнула въ кухню. Мигомъ обревизовавши всѣ кастрюльки, бросивши нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній, она вдругъ потребовала огурцовъ. Огурцы оказались на погребѣ.

— Прекрасно, пусть идутъ на погребъ.

Откуда-то изъ угла вылѣзаетъ старуха, снимаетъ со стѣны ключи, крестится и шагаетъ за порогъ. Аннѣ нужно чѣмъ-то распорядиться; она идетъ вслѣдъ за ней, пока баринъ объясняетъ кухаркѣ поэзію бѣлыхъ грибовъ. На дворѣ охватываетъ теплая тьма. Нога тонетъ въ мелкой травѣ, а роса ложится на ботинки. Въ старой банѣ, гдѣ временно помѣщаются плотники, мелькнулъ огонекъ и скрипнула дверь. Потомъ, огонекъ потухъ и все затихло. Противъ кухни полегли свѣтлые узоры, а за то тамъ, между деревьевъ, казалось вдвое темнѣе. Туда и пробиралась Анна Игнатьевна. Тамъ ждалъ ее Андрюшка.

— Ты видѣлъ его? былъ первый вопросъ.

— Видѣлъ.

— И проводилъ на деревню?

— Нѣтъ, онъ на паромѣ остался.

— Да вѣдь я тебѣ говорила...

— И я ему говорилъ: ты бы, говорю, у Ивана, у Марьина мужа, а они сами не пожелали.

— Стало быть, онъ тамъ и ночуетъ?

— Да они сами, я имъ говорилъ.

— Да какъ же? гдѣ же это? Есть ли тамъ мѣсто?

— Эва! мѣсто-то; найдутъ! У него исправникъ ночевалъ, сейчасъ умереть...

— Ну, хорошо. Завтра утромъ ты придешь убирать комнаты, я тебя позову.

— Ладно!

Послѣ ужина у господъ завязалась живая бесѣда. Оба разгорячились. Онъ отъ стакана портвейна, а она отъ того опьяняющаго жара молодости, который пылаетъ на щекахъ и искрится въ глазахъ. Она, впрочемъ, неспособна была сильно раскраснѣться. Чуть только выступитъ на лицѣ розовая краска и сейчасъ же пропадаетъ, оставляя лишь матовую, молочную бѣлизну. За то тѣмъ ярче выдѣляется нестерпимый свѣтъ ея глазъ. Они не сверкаютъ, но какъ-то невыносимо пронизываютъ своей ясной, холодной выразительностью.

— Надо умѣть отрѣшиться отъ узкихъ взглядовъ, гремѣлъ хозяинъ передъ сковородой жареныхъ грибовъ: — и примѣнять ко всему мѣрку широкую. Ты, какъ умная женщина...

— Который разъ вы мнѣ это говорите?

— Анна, надо быть снисходительнѣе.

— Знаю. Но вѣдь я умная женщина. Это ужъ рѣшено. Зачѣмъ же повторять?

— Ты не знаешь себѣ цѣны. Съ одной стороны въ тебѣ цѣлый адъ гордости и надменности, а съ другой... Я промолчу, но только изъ скромности.

И онъ ужъ безъ всякой скромности налилъ себѣ другой стаканъ.

— Ты живешь здѣсь въ глуши, обстановка не позволяетъ тебѣ взглянуть на жизнь прямо; но придетъ минута, когда повязка спадетъ, и тогда...

— Тогда?...

— Моя Анна Игнатьевна преобразится. Что такое (онъ провелъ рукой около себя) этотъ домъ? эти мужики, бабы? Я знаю, что это давитъ, гнететъ тебя. Я чувствую, что я долженъ раздвинуть передъ тобой горизонтъ. Моя обязанность — показать тебѣ жизнь. Молодыя силы не должны глохнуть. Имъ нуженъ воздухъ, просторъ!

Загадочная улыбка играла у нея на губахъ. Она незамѣтно вскинула глазами и также быстро опустила ихъ.

— Начните съ того, заговорила она тихо:—чтобы возвратить мнѣ видимые признаки моей свободы. Отдайте мнѣ мой дипломъ. Вѣдь вы меня держите въ плѣну.

Искорка, но на этотъ разъ не отъ вина, промелькнула у него въ глазахъ. Взгляды ихъ встрѣтились только на одно мгновеніе, и какъ будто перекрестный огонь пробѣжалъ между ними.

— Что это? ты требуешь у меня вида?

— Нисколько не требую, потому что особенной надоб-

ности въ немъ не имѣю, а просто желала бы видѣть его у себя въ рукахъ. Хотя бы даже изъ любопытства.

— Скажи мнѣ прямо, Анна, на что онъ тебѣ нуженъ?

— Я же вамъ говорю, что ни на что.

— Иначе я его не даю.

Она гордо приподняла голову.

— Вы не даете? Вы хотите, чтобы я серьёзно потребовала его отъ васъ?

— Не горячись. Дипломъ въ твоихъ рукахъ — опасная игрушка. Твоя будущность не такая вещь, чтобы необдуманно рисковать ею. Нынче этотъ дипломъ у тебя— кто знаетъ, какую ты глупость сдѣлаешь завтра? Рѣки слезъ не исправятъ того, что́ иногда женщина способна сдѣлать такъ себѣ, отъ скуки.

— Сколько мнѣ лѣтъ, милый родственникъ? спросила она вдругъ.

— Ты совершеннолѣтняя; законъ на твоей сторонѣ, знаю. Но Анна, подумай, и ты увидишь, что я правъ. Это простой клочокъ бумажки, но я не смѣю отдать его тебѣ,— понимаешь ли, не смѣю!

— Да въ чемъ же вы меня подозрѣваете, наконецъ? Можетъ быть, вы боитесь за цѣлость своего серебра или фарфора?

— Послушай...

— Право, мнѣ больше ничего не остается предположить.

— Если ты будешь такъ добра, выслушаешь меня...

— Спрячьте ваши чайныя ложки, если вы за нихъ опасаетесь.

— Если ты будешь такъ добра...

Она откинулась на спинку стула и стала смотрѣть въ сторону.

— Здѣсь бываетъ одинъ господинъ (вслѣдъ за этими словами пристальный, пронизывающій взглядъ). Хочешь, я тебѣ скажу его фамилію? Корсаковъ (чуть замѣтное движеніе съ ея стороны). Для кого онъ ѣздитъ сюда?

— Вашъ вопросъ сдѣланъ въ такой формѣ, что я имѣю право и не отвѣчать на него.

— Знаю. Знаю, что ты можешь не отвѣчать мнѣ. Но я прошу тебя, скажи мнѣ: знаешь ты этого господина?

— Да, я знаю его. Онъ ѣздилъ сюда къ вашему управляющему, или вѣрнѣй, къ сыну вашего управляющаго, который былъ, кажется, его ученикомъ. Вотъ и все. Довольны вы?

— Въ городѣ всѣ говорятъ, что онъ ѣздитъ не къ управляющему, а къ тебѣ.

Она гнѣвно обернулась.

— Кто же эти всѣ? Ваша жена, да пятьдесятъ-пять сплетницъ, которыя бѣгаютъ по чужимъ домамъ? Или, можетъ быть, вашъ губернаторъ занимается этимъ, въ числѣ важныхъ докладовъ?

— Важно не то, кто пустилъ этотъ слухъ, а то, что онъ пущенъ.

— Ахъ, да... это! А вотъ здѣсь говорили про васъ, будто вы всѣхъ своихъ дѣтей хотите на будущее время отсылать въ воспитательный домъ. Этотъ слухъ тоже пущенъ. Какъ вы находите, важенъ онъ?

— Это, наконецъ, личности, Анна. Будемъ говорить спокойнѣе. Кто мнѣ поручится... (Онъ вдругъ вынулъ изъ кармана часы). Теперь десять минутъ перваго. Поѣздъ при-

ходитъ на станцію въ десять часовъ и тридцать-пять минутъ. Оттуда до насъ пять верстъ. Кладу полчаса на проѣздъ, четверть часа на переправу. Въ началѣ двѣнадцатаго, онъ можетъ быть здѣсь. Кто мнѣ поручится, что этотъ господинъ не прогуливается гдѣ-нибудь тутъ по близости?

Тревога выразилась на лицѣ собесѣдницы во время этихъ вычисленій. Она, однако, подавила ее и только замѣтила:

— Очень можетъ быть. Если онъ любитель путешествій, я не вижу тутъ ничего невѣроятнаго. Если такъ разсуждать, то все можетъ случиться: крыша, напримѣръ, упадетъ, или вдругъ метеоръ на насъ свалится. И это бываетъ.

— Дай Богъ, чтобы это осталось моей фантазіей. Потому что Корсаковъ—это вѣдь чортъ-знаетъ что такое! Это была бы для тебя слишкомъ незавидная партія. Онъ сумасшедшій, ты можетъ быть не знаешь?

Анна вдругъ перемѣнила тонъ.

— Неправда, онъ премилый человѣкъ. У него такія длинныя ноги — это мнѣ нравится. Потомъ еще я люблю смотрѣть, какъ онъ обѣдаетъ: онъ съ одинаковымъ удовольствіемъ съѣстъ и баранину, и мороженое, и жареную подошву. Онъ не знаетъ, что такое перчатки! Ахъ, да мало ли у него достоинствъ!

— Да, Анна, и когда подумаешь, что такой человѣкъ можетъ прельстить тебя,—тебя, которая, еслибы захотѣла, произвела бы фуроръ на лучшемъ изъ нашихъ баловъ!

— Я не такая красавица, чтобы гдѣ-нибудь блистать.

— Ты? ты болѣе чѣмъ красавица! Ты влечешь человѣка помимо его воли. Я не лично о себѣ говорю, а объ

общихъ впечатлѣніяхъ, обо всѣхъ отзывахъ. Въ тебѣ есть сила... Ты ее не знаешь. Ты женщина съ блестящимъ умомъ. Чего тебѣ недостаетъ? Съ такими ли средствами выдвигаются люди впередъ? Не только здѣсь, въ нашемъ гниломъ городишкѣ,—въ Москвѣ, въ Петербургѣ,—вездѣ тебя ожидаетъ хорошій пріемъ! Такія женщины, какъ ты, не погибаютъ, не затираются въ массѣ. Не Корсаковымъ владѣть ими. Нѣтъ! Ты или не знаешь себѣ цѣны, или притворяешься,—одно изъ двухъ. Ты скрываешь свои мысли... Не Корсаковъ же, наконецъ, будетъ твоимъ мужемъ.

Она сложила руки на колѣняхъ и напряженно, лихорадочно слушала его. Какъ брилліантъ, ловила она всякое его слово, каждый жестъ. Даже верхняя губа слегка поднялась (вѣрный признакъ волненія), а глаза были широко открыты, точно какая-то новая заря открывалась передъ ней.

Собесѣдникъ не могъ не замѣтить, что рѣчь его подѣйствовала, какъ самый сильный ядъ.

— Нужно тебѣ замѣтить, продолжалъ онъ:—что Корсаковъ человѣкъ далеко даже не блестящій. А ты именно ищешь блеску. Я вѣдь знаю твой вкусъ. Самое лучшее, что онъ могъ выдумать—это какую-то машину безъ начала, безъ конца. Но вѣдь надъ ней хохочетъ весь городъ. Вѣдь онъ сдѣлался посмѣшищемъ. Корсаковъ—и ты!

Наступило глубокое молчаніе. Вдругъ Анна поднялась и сначала нерѣшительно, а потомъ какъ-то даже весело замѣтила:

— А знаете, вѣдь вы угадали. Я чуть-было не сдѣлала этой глупости.

У него забѣгали глаза и усы опять зашевелились.

— Пожертвовать г. Корсакову своимъ будущимъ! Въ самомъ дѣлѣ, ужь не черезчуръ ли это!

— Такъ это правда, Анна?

— Николай Михайлычъ! Она подошла и съ чувствомъ пожала ему руку.—Нынѣшнихъ словъ вашихъ я никогда не забуду. Вы меня толкнули, можетъ быть, въ пропасть, но все равно, вы меня толкнули, и больше я ужъ не встану. Теперь Корсаковъ мнѣ не нуженъ. Полчаса тому назадъ, онъ былъ для меня опасенъ, теперь—онъ мнѣ жалокъ. Но ужъ если я устраню его, то не задумаюсь и надъ другими. Да, вы мнѣ объяснили мое призваніе. Благодарю васъ, благодарю!

Баринъ былъ уничтоженъ этими словами. Онъ сидѣлъ передъ нею въ самомъ непоэтическомъ остолбенѣніи.

— Вы думаете, можетъ быть, что я опять притворяюсь? На этотъ разъ, ей-богу, нѣтъ! Надо же быть искренней хоть разъ въ жизни. Такъ будущее блеститъ передо мной, вы говорите? Вотъ безумная-то! Чего-жъ я ждала? Да; такъ вотъ что; Корсакова надо удалить, это ясно теперь. Научите, какъ?

Она скрестила руки и остановилась передъ нимъ.

— Да ты что, смѣешься надо мною?

— Честное, благородное слово, нѣтъ. Да вотъ что: хотите доказательства? да? слушайте! Корсаковъ здѣсь! Ну, что-жъ? я думала, съ вами будетъ дурно? Нѣтъ? Превосходно! главное, значитъ, сдѣлано; признаніе есть, все остальное—пустяки. Итакъ, Корсаковъ здѣсь, вы угадали. Онъ пріѣхалъ... да позвольте: именно—въ 10 часовъ 35 минутъ. Ваши вычисленія пригодились. Ахъ, когда вспомнишь, сколько хитрости, сколько обмановъ нужно было, чтобы

скрыть отъ васъ эту исторію... Боже, какъ все это глупо! И знаете, кто мой сообщникъ? Андрюшка!

Она расхохоталась. Но и смѣхъ, да вообще и вся ея развязность были черезчуръ напускные. Руки дрожали у ея собесѣдника, когда онъ сталъ наливать себѣ третій стаканъ вина.

— Не много ли? бросила она ему мимоходомъ, но потомъ сейчасъ же спохватилась. — Да, такъ надо доказать мою искренность! Завтра утромъ я приглашаю г. Корсакова, вмѣсто назначеннаго ему тайнаго свиданія, просто на чашку чаю. И не только никакой таинственности не будетъ, но я васъ даже покорнѣйше прошу говорить съ нимъ, занимать его и даже, пожалуй, показать ему, что онъ здѣсь въ домѣ посторонній. Вѣрите вы мнѣ теперь, Николай Михайлычъ?

Она опять протянула ему руку, которую онъ схватилъ и поцѣловалъ болѣе, чѣмъ почтительно.

— Кто-нибудь изъ насъ сумасшедшій, выговорилъ онъ неясно.—Либо ты, либо я.

— Слушайте! Мнѣ надо отдѣлаться отъ Корсакова. Помогите мнѣ. Сама я этого сдѣлать не въ силахъ.

— Отчего?

— Я завела дѣло слишкомъ далеко. Я дала ему столько надеждъ, столько обѣщаній. Я безсовѣстно завлекала его. Какъ я теперь порву разомъ всѣ отношенія? Развѣ это вещь возможная? Меня можетъ спасти только ваше вмѣшательство.

— Ура! вотъ она—великая женщина! вотъ будущая звѣзда на русскомъ горизонтѣ! Постой!

Онъ досталъ изъ бокового кармана пакетъ и торжественно выложилъ его на столъ.

— Вотъ твой дипломъ, твои бумаги—словомъ, все,

что нужно, чтобы сдѣлаться свободной, самостоятельной гражданкой. Смотри! Я отдаю ихъ, потому что увѣренъ въ тебѣ. Я знаю, что теперь они безопасны въ твоихъ рукахъ. Никакая буря не сломитъ теперь эту вѣточку!

А вѣточка между тѣмъ очень аккуратно складывала собранныя бумаги.

— Анна, ты пойдешь дальше, чѣмъ я ожидалъ. Что всѣ мои предсказанія въ сравненіи съ тѣмъ, что тебя ожидаетъ!

Тутъ она весьма вѣрно сообразила, что въ немъ говоритъ третій стаканъ вина.

Долго еще онъ не унимался, а она сидѣла сначала торжествующая, съ смѣлымъ и вызывающимъ взглядомъ, съ презрительной складкою на губахъ, потомъ какъ снѣгъ растаяла, и улыбка и вызовъ, и грусть набѣжали на эти холодныя черты, тоска заблестѣла въ ясныхъ взорахъ. Все это на одно мгновеніе застыло и затѣмъ пропало безъ слѣда. Анна встала и простилась съ хозяиномъ.

— Помните же условіе! выговорила она ему почти въ упоръ, и хлопнула дверью.

Куда такъ скоро шагаете вы, г. Корсаковъ? Зачѣмъ забыли вы на паромѣ свой портсигаръ? зачѣмъ спотыкаетесь на пни и на кочки, цѣпляетесь за вѣтки и прыгаете черезъ канавы? Ужъ не въ усадьбу ли спѣшите вы? Что особеннаго ожидаетъ васъ тамъ? Чашка кофе, хорошія деревенскія сливки, любезный хозяинъ и прелестная хозяйка. Вотъ она, эта сирена, съ своими пепельными косами и съ капризными изгибами рта.

Она какъ-будто хотѣла что-то сказать, но раздумала и однимъ поворотомъ головы, однимъ взглядомъ приглашаетъ васъ войти.

Г. Корсаковъ мчится на крыльцо и потомъ въ залу, буквально мчится, потому что маленькихъ шаговъ онъ не признаетъ. Онъ живетъ во времени, но никакъ не въ пространствѣ, и для ногъ его пространство не существуетъ. Наткнувшись на хозяина, онъ, казалось, самъ удивился быстротѣ, съ какой попалъ сюда.

Николай Михайловичъ сдѣлался рѣшительно неузнаваемъ. Глаза смотрятъ тускло, самъ онъ точно не выспался и чѣмъ-то сильно недоволенъ, такъ, что даже Анна замѣтила:

— Что это, вы нынче точно тетушку схоронили?

— А что?

— Грустите. Борисъ Яковличъ, берите же вашу чашку.

Эти слова адресовались къ Корсакову.

— Не знаю, отчего это у насъ на похоронахъ принято непремѣнно тосковать? Когда я умру, милости просимъ ко мнѣ на танцовальный вечеръ съ ужиномъ. Я хочу сдѣлать опытъ. Можетъ быть, мое нововведеніе примется.

Корсаковъ засмѣялся или, вѣрнѣе, захлебнулся въ нѣсколько пріемовъ. Его смѣхъ былъ похожъ на истерику, на рыданія, на что угодно, только не на смѣхъ. Хозяинъ поглядѣлъ на него съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ и обратился къ своей родственницѣ:

— Ты нынче, Анна, изъ рукъ вонъ оригинальничаешь. То вѣнчаться хочешь въ черномъ платьѣ, то похороны съ танцами.

— А вамъ это не нравится? Вы желаете, чтобъ я была приличнѣе? Извольте!

Она скрестила руки — обыкновенная уловка, когда она чѣмъ-нибудь раздосадована.

— Ну-съ, какъ поживаютъ у васъ въ городѣ? что вашъ губернаторъ? Предводительша не сдѣлала еще себѣ желтаго платья? А m-me Трындина все еще возитъ съ собой своего бебешку? Правда, что Nicolas вставилъ себѣ фальшивые зубы? Васъ это интересуетъ?

Она сдѣлала внезапный оборотъ въ сторону Корсакова. Тотъ зажмурился и опять истерично засмѣялся.

Она подвинула къ себѣ чашку и стала исподтишка наблюдать, какъ онъ пьетъ свой кофе. Это было зрѣлище очень занимательное. Каждый разъ онъ наклонялся и дѣлалъ глотокъ, другой, третій. Потомъ вдругъ, какъ испуганный, отскакивалъ отъ своей чашки. Подумавши немного, онъ переводилъ духъ и дѣлалъ новое нападеніе на кофе. Съ прежней неутомимостью глоталъ онъ черную жидкость, не разбирая хорошенько, есть ли въ ней сахаръ и хоть намекъ на сливки или вообще на какую-нибудь приправу. А хозяйка нарочно, для опыта, не положила ни того, ни другого.

— Сладко ли вамъ, Борисъ Яковличъ?

— Все равно-съ!

— То-есть какъ это все равно, хитритъ Анна:—сладко или несладко?

— Сахару, кажется, нѣтъ,—но я пью и такъ.

— Какъ, и безъ сливокъ?

— Ахъ да, позвольте!

Онъ хватаетъ молочникъ и выливаетъ половину къ себѣ въ чашку.

Николай Михайловичъ снисходительно улыбается и по-

глаживаетъ себѣ усы. Онъ размышляетъ, о чемъ бы такомъ заговорить съ гостемъ, чтобы положительно показать своей родственницѣ всю его несостоятельность. Но извѣстно, что въ такія-то именно минуты умъ человѣческій и бываетъ особенно неподатливъ на изобрѣтенія.

— Слышали вы о холерѣ? умнѣе этого онъ ничего не догадался предложить.

Анна перекинулась взглядами съ своимъ vis-à-vis. Она видимо была недовольна его тактикой и нахмурившись слушала, какъ Корсаковъ отвѣчалъ ему, распространяясь о томъ, что холера собственно тогда только и исчезнетъ, когда научатся прививать ее, какъ оспу.

— Вотъ какъ! протянулъ Николай Михайловичъ.— Богатая фантазія! Чья это?

— Чья? Да не помню-съ... Да все равно-съ. Корсаковъ сдѣлалъ новый набѣгъ на кофе, который подъ напоромъ новыхъ силъ сталъ быстро исчезать.

— А другого средства вы не знаете? подшучивалъ хозяинъ.

Корсаковъ зажмурился.

— Какъ вамъ сказать! Да вотъ, позвольте... Вы... конечно, читали отчеты санитарной коммисіи?

Онъ раскрылъ на минуту свои голубые глаза и тотчасъ же опять закрылъ ихъ.

— Тамъ объ этомъ много толкуютъ. Чистота, говорятъ, здоровый воздухъ, здоровая пища. Вамъ, какъ предсѣдателю земской управы, это должно быть извѣстно. Вы посмотрите, какими у васъ буквами въ отчетахъ выведено: НАРОДНОЕ ЗДРАВІЕ.

— Да, но у насъ, знаете ли, содержаніе статьи всегда бываетъ обратно пропорціонально ея заглавію.

— Это напрасно-съ! совершенно напрасно-съ!

Корсаковъ опять тщательно зажмурился.

— У земства есть обязательные расходы, продолжалъ хозяинъ. Станетъ оно вамъ тратить деньги на какую нибудь гигіену. У насъ вонъ, придетъ срокъ, и посреднику заплати, и судьѣ заплати, и врачу заплати,... да не за то, чтобы здоровье наше охранялъ, а чтобы старые грѣшки какъ нибудь зачинилъ.

— Конечно-съ; конечно! (гость опять истерически засмѣялся). Да и что-же-съ мужицкое здоровье охранять, когда онъ все равно кислой капустой себя набиваетъ, а въ избѣ дышать нельзя. Этого врачъ предотвратить не можетъ-съ. Лечить онъ можетъ-съ...

И опять тихій истерическій смѣхъ.

„Чортъ бы тебя побралъ съ твоимъ хохотомъ“, подумалъ хозяинъ и насупился.

Утро вообще не клеилось. Главное—цѣль не достигалась. Предполагаемый разрывъ Анны съ Корсаковымъ ни на шагъ не подвигался впередъ. Или ужъ гость былъ такъ наивенъ, что не замѣчалъ натянутаго обращенія, или онъ не хотѣлъ замѣчать его. Переговорили обо всемъ: о предметахъ научныхъ, литературныхъ, общественныхъ, хозяйственныхъ, затронули нравственность, политику, губернскія сплетни — нѣтъ, дѣло не подвигается. Анна цѣдитъ слова сквозь зубы; Корсаковъ жмурится, опрокидывается и говоритъ цѣлыя рѣчи, перемѣшивая ихъ съ хохотомъ. У г. предсѣдателя земской управы сходилъ съ лица второй потъ.

— Что же это такое? размышлялъ онъ: — хоть бы

однимъ словомъ намекнула! Что за бѣсъ эта женщина! Привела его сюда, посадила меня, а сама хоть бы слово. Не могу же я сказать ему: милостивый государь, она желаетъ, чтобы вы подали въ отставку!

Одно средство только и остается. Николай Михайловичъ встаетъ и объявляетъ, что ему пора ѣхать, что шарабанъ давно уже стоитъ у крыльца.

— Ты знаешь, Анна, я остаюсь здѣсь только до вечера. А мнѣ еще надо побывать въ лугахъ и вообще объѣздить все по хозяйству. Весьма жаль, что я не могу пригласить тебя. Ты мнѣ очень нужна.

— Что за бѣда! Вѣроятно, Борисъ Яковлевичъ не обидится, если я его оставлю на время. Вѣдь это по дѣламъ. Она посмотрѣла на него черезъ плечо. Онъ всталъ и немедленно началъ раскланиваться.

У крыльца давно уже стоялъ рыжій коренникъ и сердился, и нетерпѣливо ждалъ той минуты, когда возжи хлеснутъ ему по бокамъ и онъ помчитъ, какъ игрушку, легкій шарабанъ. Подымая уши при малѣйшемъ шорохѣ, онъ, не ворочая головы, видѣлъ что́ дѣлается назади. Достаточно было барину занести ногу, какъ ужъ онъ рванулся и не хотѣлъ ждать, пока сядетъ дама.

Анна вскочила въ экипажъ, передернула возжи и сразу осадила рыжаго красавца.

— Прощайте! крикнула она Корсакову и откинула вуаль, налетавшій ей на глаза.

Сверкнули бѣлыя возжи и на мѣстѣ шарабана осталось облако пыли. А коренникъ выѣзжалъ за ворота, красиво перебирая ногами и гнѣвно раздувая ноздри.

Корсаковъ стоялъ на ступенькѣ и на этотъ разъ глаза

его были широко открыты. Онъ провожалъ уѣзжавшій шарабанъ съ видомъ человѣка, нечаянно окунувшагося въ ушатъ холодной воды. Было тутъ и удивленіе, и досада, и просто горько стало ему. Подумалъ онъ, поправилъ на головѣ фуражку и тоже пошелъ за ворота.

Не прошло и 10-ти минутъ, какъ шарабанъ примчался назадъ. Анна сидѣла одна, и налетѣвши на Корсакова, осадила лошадь.

— Поѣдемте со мной!

— Куда?

— Все равно, куда-нибудь. Мнѣ надо съ вами переговорить. Борисъ вскочилъ въ кабріолетъ.

— А гдѣ же вашъ спутникъ?

— За нимъ сейчасъ присылали. Намъ навстрѣчу попались предводительскія лошади. Его зачѣмъ-то туда требуютъ. Ужо вечеромъ онъ вернется.

— Онъ въ городъ, кажется, хотѣлъ ѣхать?

— Отложилъ до завтра.

Она замолчала и все свое вниманіе отдала рыжему кореннику.

Онъ тоже молчалъ, и все время спокойно и пристально глядѣлъ на нее. Вѣтеръ налеталъ ей въ лицо, заигрывалъ и развѣвалъ пышныя пряди волосъ; какъ самый тонкій ленъ, крутились они у ней на вискахъ и на лбу, и набѣгали на глаза. Бѣлый вуаль свивался какъ змѣя и нѣжно окутывалъ ей шею. Вотъ они свернули съ дороги и въѣхали въ луга. Экипажъ пошелъ цѣликомъ. Высокая трава хлестала по колесамъ; со всѣхъ сторонъ несся ароматъ

кашки, ромашки, колокольчиковъ, и тысячи тѣхъ растеній, которыя имѣютъ свои названія только въ ботаникѣ. Воздухъ былъ какой-то мутный. Точно кисейкой задернутые, стояли вдали стога; раскинулись они по всему полю и кончались только съ горизонтомъ. Лечь хотѣлось въ эту траву, залѣзть въ самую прохладу, закинуть голову на руки и забыть все на свѣтѣ. Такъ и замереть, чтобы подъ головой была трава, а надъ головой небо—и больше ничего.

Анна все ѣхала и все молчала. Вотъ они спустились въ лощину и точно изъ земли выросъ передъ ними уголъ рощи. Потянулся орѣшникъ и осина; запахло грибами, малиной и сыростью. Еще немного, и въ просвѣтѣ между деревьями заблестѣла вода. Они пріѣхали къ рѣкѣ.

— Не пора ли остановиться? спросилъ Корсаковъ, бережно вынимая возжи изъ рукъ своей спутницы. Она не сопротивлялась и первая вышла изъ шарабана.

— Я привяжу лошадь.

Она кивнула головой и пошла по направленію къ берегу. Онъ скоро догналъ ее.

— Ну-съ, Анна Игнатьевна?

Отвѣта нѣтъ.

— Наше дѣло слажено? Будетъ, наконецъ, какое-нибудь рѣшеніе? Я бросилъ всю работу, я бросилъ уроки. А теперь время такое...

Онъ сорвалъ длинный колосъ и перетиралъ его въ рукахъ.

— Чего же вы хотите? Она остановила на немъ какой-то странный, почти стеклянный взглядъ.

— Свадьбы, отвѣтилъ онъ тихо.

— Свадьбы? Послушайте, не женитесь на мнѣ. Она

схватила его за руку. Тотъ отъ изумленія даже колосъ выронилъ.

— Да, я вчера отреклась отъ васъ. Вы мнѣ не мужъ, а я вамъ не жена. Слышите! Съ этого слѣдовало начать, но все равно, я кончаю этимъ признаніемъ. Ну, что же? Говорите же что-нибудь! Называйте меня подлой женщиной, гоните меня. Но только ради Бога не молчите, не глядите на меня такъ, Борисъ Яковлевичъ! Я отказалась отъ васъ. Понимаете ли вы это? Я отказалась. Я сказала другому, что не пойду за васъ.

— Что́ же это такое? Это была шутка?

— Ахъ, еслибы вы знали только... еслибы вы знали меня! Вы давно бы сами ушли отсюда. Такой жены, какъ я... не дай вамъ Богъ. Нѣтъ! Это невозможно. Она задыхалась отъ волненія. Губы у нея побѣлѣли, а когда онъ взялъ ее за руку, эта рука была точно холодная сталь.

— Анна Игнатьевна, я обѣщаюсь вамъ не дѣлать никакихъ упрековъ. Говорите поспокойнѣй. Что́ бы вы ни сказали мнѣ—я все приму какъ должное, какъ то, чего я заслужилъ — и только. Никогда я не обвиню женщину за то, что она меня не любитъ.

— Да развѣ не я первая...

— Перестаньте. Вы могли сами ошибиться. То, что́ вы приняли за любовь, была... было... Ну, все равно. Говорите, Анна Игнатьевна. Я слушаю.

— Говорить! Какъ будто это такъ легко. Лучше бы намъ никогда не встрѣчаться съ вами. Знаете вы, что̀ я такое? Она опустила голову и отвернулась. — Я способна продать самаго близкаго мнѣ человѣка. Да, я была бы способна на это. Меня обстоятельства на все могутъ толкнуть.

Вы смотрите на меня и думаете: какой характеръ у этой женщины! Да, я знаю: вы до сихъ поръ такъ думали. Вы сами мнѣ говорили объ этомъ, Борисъ Яковлевичъ! Отвѣтьте мнѣ: какой характеръ у того, кого жизнь ломаетъ какъ спичку? Съ виду только я города беру. На пустякахъ я и упряма, и дерзка, а на дѣлѣ... Дайте мнѣ силу, и вы увидите тогда... Дайте мнѣ то, чего у меня нѣтъ... Этого умѣнья поставить на своемъ, пойти наперекоръ людямъ даже тогда, когда они вьются передъ вами мелкимъ бѣсомъ или дѣйствуютъ на васъ угрозой. Тутъ-то и надо посмѣяться надъ ними, показать имъ ихъ безсиліе. А я... я смирилась! Попробуйте, убѣдите меня въ чемъ-нибудь,—я соглашусь, я готова пойти за вами на край свѣта. Но пусть два, три человѣка скажутъ, что этого дѣлать не слѣдуетъ, что это не годится — кончено, я все бросила. Пусть даже я убѣждена, что правда на вашей сторонѣ. Я скорѣе пойду за вашими врагами, чѣмъ за вами. Потому что ихъ много, а вы одинъ.

Онъ далъ ей высказаться. Но когда она замолкла, лицо у него замѣтно просвѣтлѣло: онъ начиналъ понимать ее.

— Не унывайте, Анна Игнатьевна; это слабость общая, человѣческая.

— Полноте! Вотъ вы, напримѣръ. Неужели вы отказались бы отъ меня потому-только, что тамъ какому-нибудь родственнику въ одиннадцатомъ колѣнѣ не угоденъ этотъ бракъ, что онъ насулилъ вамъ впереди всякаго блаженства, съ тѣмъ, чтобы этой свадьбѣ не бывать? Сдѣлали бы вы это?

— Для меня такого блаженства нѣтъ, которое бы помѣшало любить васъ.

— А я... Я соблазнилась этимъ блаженствомъ. Неужели вы не оттолкнете отъ себя женщину, которая была такъ малодушна?

Нѣтъ, онъ не оттолкнулъ ее.

— На меня находитъ иногда какая-то безумная страсть къ славѣ, къ блеску. Тогда я не знаю, что́ такое любовь. Для меня тогда нѣтъ никакихъ чувствъ, кромѣ одного. Въ это время я не знаю препятствій! Если не силой, такъ хитростью, а я устраню ихъ. Но какія это скверныя минуты! Я чувствую вѣдь, что добиваюсь невозможнаго, что я стремлюсь къ тому, чего мнѣ никогда дано не будетъ—и все-таки... Спасите меня! Дайте мнѣ силу отказаться отъ этого! Будьте вы моей поддержкой! Съ вами я еще, можетъ быть, уцѣлѣю; одна—нѣтъ. Я пошла по такой дорогѣ, съ которой рѣдко возвращаются. Верните меня, пока еще есть время!

Она стояла передъ нимъ съ глазами, полными муки и томленія. Могъ ли онъ устоять противъ этой мольбы? Да и чѣмъ было отвѣтить ей, какъ не ласками? Въ немъ не было страстныхъ порывовъ: онъ говорилъ тихо, почти хладнокровно. Но въ самомъ этомъ спокойствіи слышалось гораздо болѣе любви, чѣмъ въ ея горячей, безумной мольбѣ. Она и молила, и приказывала въ одно время. Ея отчаяніе каждую минуту грозило перейти въ гнѣвъ, ея томленіе—въ холодность. Онъ зналъ, что ему грозитъ опасность изъ обвинителя попасть въ обвиненные, и щадилъ ея самолюбіе. Онъ не говорилъ ей о своей любви—зачѣмъ? она и такъ слишкомъ ясно свѣтилась въ его голубыхъ глазахъ. Но онъ, съ ловкостью самаго искуснаго діалектика, доказалъ ей,

что она права, права съ начала и до конца. Скорѣй онъ, Борисъ Яковлевичъ, виноватъ въ томъ, что не предупредилъ этой сцены, что не предвидѣлъ ее заранѣе. Словомъ сказать, онъ окунулся въ тину съ головой, онъ пошелъ ко дну подъ тяжестью своихъ грѣховъ; за то она выплыла чистая, какъ хрусталь. Онъ не зналъ, какъ опасно оправдывать именно такихъ женщинъ, какъ Анна Игнатьевна.

Смотрите, она такъ спокойно опирается ему на руку, такъ смѣло смотритъ ему въ глаза, какъ будто никакая тѣнь и не пробѣгала между ними.

Холодомъ вѣетъ отъ этой дѣвушки, когда она не улыбается. Повелительница сквозитъ въ каждомъ поворотѣ плечъ, въ каждомъ движеніи плечъ или полуопущенномъ взглядѣ.

Справится ли онъ съ такой женой? Кажется, Борисъ Яковлевичъ самъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ, слушая ея исповѣдь.

— Изъ меня, говорила Анна, какъ изъ воску, близкій человѣкъ можетъ сдѣлать все, что захочетъ. Но только надо, чтобъ онъ былъ художникъ; а то вѣдь и воскъ можно сломать! Я упряма... я даже по природѣ своей очень упряма... только ненадолго. Если я два дня стою на своемъ, на третій ужъ непремѣнно уступлю; а на четвертый мнѣ даже будетъ странно, какъ можно было такъ долго не соглашаться. Но сразу я никогда не уступлю. Этого я не въ силахъ сдѣлать.

— Борисъ, ты не сердишься на меня?

Первый разъ она говорила ему *ты*. Не все ли это равно, что сказать: Борисъ, я позволяю теперь поцѣловать меня. Онъ конечно не отказалъ.

Вечеромъ, баринъ Николай Михайловичъ узналъ, что его родственница уѣхала съ Корсаковымъ въ городъ. Какъ же это? и дипломъ, и бумаги... все, значитъ?... Баринъ обругалъ всю дворню и сломя голову поскакалъ на станцію.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На берегу рѣки Корки есть городской садъ и въ немъ павильонъ съ зельтерской водой, бутербротами и желтыми плетеными стульями. Сама природа устроила такъ, что каждые семь часовъ вечера собираются сюда всѣ тѣ, кому дома нечего дѣлать; за входъ ничего не платятъ, кромѣ тѣхъ высокоторжественныхъ дней, когда красные шкалики и полковой оркестръ доставляютъ мужчинамъ наслажденія на рубль, а дамамъ на полтинникъ. Въ будни шкалики убираются и эстрада занята исключительно желтыми стульями. На томъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ разливался фаготъ и флейта, теперь сидѣла веселая компанія и хлопали пробками отъ пивныхъ бутылокъ.

„Германія, да и только!“ думаетъ попавшій сюда невзначай посѣтитель, но сейчасъ же беретъ свою мысль назадъ, потому что здѣсь кому-то желаютъ провалиться, тамъ кого-то посылаютъ ко всѣмъ чертямъ. „Россія—это несомнѣнно“. И успокоенный посѣтитель спрашиваетъ себѣ стаканъ зельтерской воды.

— У насъ тамъ, въ управѣ—гремѣлъ какой-то мрачный господинъ:—двумъ членамъ будетъ вѣрныхъ триста лѣтъ, а съ предсѣдателемъ и всѣ четыреста.

— Ну, ври больше!

— Вы думаете, неправда?

— Да что-жъ, Балкашину сорокъ, сорокъ-пять лѣтъ, самое большое.

— Да ты не на рожу ему смотри, а на внутренность. Онъ старъ духомъ. Вотъ что́ я говорю. Онъ по убѣжденіямъ стольникъ царя Алексѣя Михайловича. Нашъ лѣтописецъ Несторъ, упокой Богъ его душу, былъ въ сравненіи съ нимъ передовой мыслитель.

— Экъ вѣдь вретъ! Это Балкашинъ-то! Да у насъ губернаторъ его за нигилиста считаетъ.

Оратора кто-то дернулъ за рукавъ.

— Нельзя ли поуспокоиться? Ударъ можетъ сдѣлаться.

Говорилъ это докторъ, приличный и самый солидный господинъ во всей компаніи. Ораторъ не тронулся и замѣтилъ только на это:

— Любезнѣйшій Феликсъ Францычъ, у меня натура крѣпкая. Губернаторовъ не боится. А на всякій случай, противъ удара-то... Человѣкъ, подай полбутылки портеру!

— Нѣтъ, ты въ самомъ дѣлѣ, не пренебрегай.

— Я лечусь, докторъ, я лечусь. Три бутылки каждый день аккуратно. Это при умѣренномъ леченіи, а въ случаѣ кризиса пріемы усиливаются. Но больше пяти никогда. Юноша! что пріунылъ?

Послѣдній возгласъ относился къ правому сосѣду, очень еще молодому человѣку, у котораго все было не на мѣстѣ, начиная съ фуражки и кончая запонками. На отчаянной физіономіи его самыми крупными буквами было написано: „все, что́ вы, господа, считаете особенно важнымъ, все это въ сущности пустяки“. Онъ положилъ локти на столъ, за-

сунулъ всѣ пять пальцевъ въ свои великолѣпнѣйшіе волосы и старался пронизать взглядами пустыя бутылки отъ пива. Окликъ собесѣдника заставилъ его поднять глаза.

При внимательномъ разсмотрѣніи оказывалось, что мрачный ораторъ былъ просто славный малый съ вѣчно пьяными взглядами и лицомъ, подернутымъ лакомъ. Какая-то тонкая плёнка на глазахъ придавала имъ этотъ пьяный видъ, даже тогда, когда онъ былъ трезвъ, или по возможности трезвъ. Бутылки и полбутылки проскользали у него незамѣтно, безъ нихъ немыслимо было никакое событіе въ его жизни, если считать за событія всѣ завтраки, обѣды и ужины. Безъ портера, онъ по́ловина человѣка, тѣло безъ души, языкъ безъ словъ. Таковъ Алексѣй Никитичъ Грубецкой, членъ губернской земской управы, владѣтель нѣсколькихъ болотъ и двухъ-этажнаго дома. Мужчина черноволосый, высокій, съ виду угрюмый. Говорить не умѣлъ, но бурчалъ и ворковалъ, всегда басомъ. Мѣстоименія *ты* во множественномъ числѣ безъ надобности не употреблялъ. Убѣжденій никакихъ не имѣлъ, кромѣ того, что всякій человѣкъ долженъ быть болѣе или менѣе подлецъ.

Про сосѣда его, Феликса Францовича, никто ничего не могъ сказать больше того, что онъ докторъ и отлично играетъ въ ералашъ. Не слышно, чтобы кто-нибудь особенно вѣровалъ въ него, какъ въ медика, но сомнѣваться въ его ералашныхъ способностяхъ было бы все равно, что сомнѣваться въ существованіи бубновыхъ и трефовыхъ тузовъ.

Былъ тутъ еще томный товарищъ прокурора съ изящными до приторности руками, и съ грудными придыханіями въ разговорѣ, который шелъ у него однимъ только тономъ выше шопота. Онъ наотрѣзъ отказался не только отъ пол-

бутылочекъ, но даже и отъ стаканчиковъ. Докторъ его поддерживалъ, но Грубецкой возмущался.

— Это все принципы. Прокурорскій надзоръ намъ тону задаетъ.

— Нимало. Я берегу свое здоровье.

— А? Бокъ и компанія! Физіологическія письма Фогта! Человѣкъ! стаканъ парного молока!

— Чего-съ?

— Послушайте...

Въ эту минуту проходитъ мимо какая-то дама съ двумя мужчинами.

Грубецкой останавливаетъ руку съ стакаиомъ на полдорогѣ ко рту и восклицаетъ:

— Борисъ и Глѣбъ съ женой!

— Кто?

— Неужто не знаете? Онъ, и она, и опять онъ!

Докторъ укоризненно покачалъ головой.

— Которая это бутылка въ тебѣ говоритъ?

— Во мнѣ говоритъ не бутылка, а сама истина. Два брата нашли, что съ нихъ одной жены за глаза довольно. Виноватъ ли я въ этомъ, судите сами?

— Будетъ тебѣ врать-то! Кто она такая?

— Жена Бориса и Глѣба! Вонъ прокурорскій надзоръ смѣется; стало быть знаетъ, что я говорю правду.

— Я, признаюсь, отзывы эти слышалъ раньше, но на чемъ они основываются—не знаю.

— Эхъ, судебная-то палата! сейчасъ видна! На статьѣ 1,015 и 1,227 такого-то тома, на такой-то страницѣ... На чемъ?—разумѣется на фактахъ. Одинъ братъ приводитъ Анету и говоритъ: „ты мою Анету не трогай“. А почему?

„А потому, что я, говоритъ, женился про себя“. А другой говоритъ: „это предразсудки. Я, говоритъ, художникъ, музыкантъ, люблю прекрасное“... Ну, а тотъ человѣкъ добрый, и вдобавокъ ученый.

Собесѣдники расхохотались, а одинъ изъ нихъ такъ даже вскочилъ.

— Сергѣй Ильичъ, куда вы?

— Юноша, куда?

Но юноша вынулъ уже изъ головы всѣ десять пальцевъ и поспѣшно схватился за фуражку.

— Ужъ не за красавицей ли вслѣдъ?

— Не могу, господа, не могу. Это феноменъ. Вы знаете, я тоже художникъ.

— Сережа, да постой...

Но Сережа мчался уже на всѣхъ парахъ вслѣдъ за гуляющими.

— Хорошенькая? кинулъ вопросительно прокуроръ.

— Въ моемъ лексиконѣ красокъ не хватаетъ!

— Ну, ужъ, коли въ твоемъ не хватаетъ... усмѣхнулся докторъ:—должна быть хороша!

— Нѣтъ, не то, это не красота, а шикъ. Это то... что въ шампанскомъ угольная кислота... Опьяняющая женщина. Чтобы знать толкъ въ ней, надо быть...

— Пьяницею? подсказалъ сосѣдъ.

— Именно. Да вѣдь это давно извѣстно, что истинно-прекрасное трезвому человѣку недоступно. Пока ты себѣ нервы не разстроишь, что́ они у тебя такое?—воловьи жилы, больше ничего? А разстроилъ ты ихъ—вотъ они у тебя и вибрируютъ. И стали тебѣ доступны такія явленія, о которыхъ ты прежде и думать не смѣлъ, да и не умѣлъ. А то,

экъ хотѣлъ удивить: пьяница! Я себя пьяный ставлю выше всѣхъ трезвыхъ!

Вернулся Сережа и тономъ, недопускающимъ возраженій, объявилъ, что это несомнѣнно самая изящная женщина во всемъ городѣ. Докторъ вступился за губернаторшу, прокуроръ—за дочку предводителя.

— Милыя, прелестныя женщины, соглашался Сережа:— но все не то, понимаете-ли? Это особа блестящая.

— Губернаторша ваша, забрюзжалъ Грубецкой:—восковая кукла. Въ Москвѣ у Василія Блаженнаго такими торгуютъ. Пеньковые волосы, кубовые глаза — готово. Предводителя дочь—это особая статья, это Рашель нижегородская. Причешетъ себѣ голову по-классически, да классическій корсетъ надѣнетъ, да взгляды еще классическіе—ну, и кончено, убила!

Прокуроръ язвительно улыбнулся.

— На все есть карикатуры. Даже прекрасное не избѣгнетъ ихъ.

— Глядите, вотъ она!

Всѣ обернулись въ ту сторону, куда показывалъ глазами Сережа.

Какая-то блондинка, вся въ черномъ, подошла къ балюстрадѣ, выходившей на набережную. Она сказала нѣсколько словъ мужчинамъ, бывшимъ около нея, взяла стулъ, небрежно повернула его къ периламъ и сѣла въ полъ-оборота къ публикѣ. Одинъ изъ мужчинъ подалъ ей бинокль. Она направила его вдаль и повидимому не обращала ни малѣйшаго вниманія ни на своихъ спутниковъ, ни на другихъ посѣтителей.

Это была знакомая намъ Анна Игнатьевна.

Одинъ изъ ея провожатыхъ, соскучившись, видно, такимъ невниманіемъ, пошелъ гулять по вокзалу. Послѣ двухъ или трехъ туровъ, какъ и слѣдовало ожидать, наткнулся на компанію Грубецкаго.

— Филиппъ Яковлевичъ, васъ-ли я вижу? заворковалъ почтенный членъ управы.—Позвольте представить вамъ моихъ собутыльниковъ! Докторъ. Прекраснѣйшій человѣкъ. Въ ералашъ играетъ неподражаемо. Прокурорскій надзоръ, — тоже прекрасный человѣкъ, всегда трезвый. Сережа— бывшій флотскій офицеръ, теперь кандидатъ на всѣ должности, не ниже трубочиста. А вамъ, господа, честь имѣю рекомендовать: Филиппъ Яковлевичъ Корсаковъ. Вина въ ротъ не беретъ.

Послѣ этого залпа представленій, Грубецкой успокоился и довольно хладнокровно принялъ выходку Корсакова, который наградилъ всѣхъ надменнымъ поклономъ и удалился.

— Это что за жаръ-птица? поинтересовался бывшій морякъ.

— Чиновникъ въ банковой конторѣ. Больше ничего не имѣю прибавить.

— Такъ это ея мужъ?

— То Борисъ, а это Филиппъ. Другъ, какъ ты несообразителенъ! Къ сожалѣнію, нѣтъ, это не мужъ. Я давича со слѣпу не разглядѣлъ. Оказывается, что это Филиппъ и Глѣбъ. Ну, да это субъектъ неинтересный. А вотъ мужа тебѣ надобно будетъ показать. Послѣдній изъ могиканъ. Со смертью его угаснетъ поколѣніе людей абсолютно-честныхъ. Онъ послѣдній представитель этого рода. А братецъ Филиппъ — родоначальникъ будущихъ абсолютныхъ подлецовъ.

— Будетъ тебѣ ораторствовать! Скажи, кто же другой-то?

— Это экземпляръ страждущаго человѣчества. Это и есть самый Глѣбъ.

Чѣмъ дальше подвигался вечеръ, тѣмъ больше становилось гуляющихъ въ вокзалѣ. Въ началѣ девятаго, между колоннами показалась фигура Николая Михайловича въ прежней неуклюжей шинели. Это былъ тотъ самый Балкашинъ, въ сравненіи съ которымъ, по словамъ Грубецкаго, лѣтописецъ Несторъ показался бы передовымъ мыслителемъ,— тотъ самый Балкашинъ, который соблазнялъ Анну петербургскими балами и блескомъ.

Анна Игнатьевна сдѣлала незамѣтное движеніе и слегка дотронулась до своего спутника кончикомъ бинокля. Тотъ понялъ и всталъ. Оба прошли въ садъ другимъ выходомъ. Грубецкой проводилъ ихъ насмѣшливымъ взглядомъ.

— Ага! видно не желаетъ встрѣтиться-то!

— Съ кѣмъ? поинтересовался Сережа.

— Съ beau frère'омъ.

— Такъ она Балкашину родственница? Не можетъ быть! удивлялся прокуроръ.

— Вотъ и видно пріѣзжаго изъ столицы. Ну, кто у насъ здѣсь не знаетъ родства! Ну, можно ли это? Поймайте на улицѣ первую барыню и спросите, какъ у сестры мужа полиціймейстеровой племянницы свекровь зовутъ? Знастъ, навѣрное знаетъ!

— А романическая исторія у этого семейства! замѣтилъ докторъ флегматично.

— У какого семейства?

— Да вотъ Балкашиныхъ и этой... какъ ее... Анны Игнатьевны.

— Разскажите, Феликсъ Францовичъ!

— Стойте, ребята, я вамъ эту исторію разскажу кратко и выразительно.

Грубецкой высморкался въ видѣ вступленія и затѣмъ продолжалъ:

— Я эту мякину, Балкашина, знаю съ младенчества. Знаете вы сорныя травы на огородѣ? Ну, вотъ это Балкашины. Говорунъ; всегда можетъ сказать: берусь когда угодно заговорить васъ до обморока,—и заговоритъ! Такъ вотъ-съ, этотъ Балкашинъ, лѣтъ тому должно быть девять, нашелъ вдругъ, что у него одно ребро лишнее. Бацъ! И выпросилъ себѣ у Бога Еву. Ну, ужъ и Ева же, я вамъ скажу! Да вы сами небось знаете; видали?

— Видѣли, отвѣтили всѣ какъ-то грустно и вздохнули.

— Вся штука въ томъ, что у этой Евы была тогда сестра, дѣвчонка такъ лѣтъ двѣнадцати, тринадцати, не больше. А у этой сестры... Вотъ тутъ боюсь я, господа, спутаться. Позвольте, для ясности...

Онъ протянулъ руку къ бутылкѣ.

— Да, такъ эта сестра... Что́ такое я хотѣлъ сказать-то? Да, сестра! Это и есть, честь имѣю рекомендовать, Анна Игнатьевна Корсакова. А отецъ у нея... Это я вамъ скажу, романъ...

— Какой романъ, это просто путаница! разсердился Сережа:—пойдемте-ка лучше въ садъ.

— Постой! сейчасъ! сейчасъ! Я опять буду краснорѣчивъ. Отецъ у нея генералъ Хмѣлевъ, человѣкъ былъ съ состояніемъ, но гдѣ теперь это состояніе—Аллахъ вѣдаетъ.

Можетъ быть, одна ассигнація у тебя, другая у меня, а третья гдѣ-нибудь въ Ростовѣ-на-Дону — неизвѣстно! Все можетъ быть. Важно то, что онъ все прожилъ. Да еще прежде, чѣмъ прожилъ, вотъ какая штука случилась: у него жена сбѣжала. Тогда весь городъ, я помню, и ахалъ, и охалъ. Городъ ахаетъ, а мужъ ничего. Интересно, говоритъ, только съ кѣмъ? Хлопъ! въ одинъ прекрасный день узнаетъ: съ чиновникомъ. Этого онъ ей никогда простить не могъ. Ну, бѣгай съ художникомъ, съ актеромъ, ну, съ мошенникомъ наконецъ бѣги, но съ чиновникомъ! Немножко старикъ не рехнулся. Потомъ однакожъ привыкъ. Дочерей-то она, однако, у него оставила, а онъ въ дѣтяхъ толку никакого не зналъ. Какъ первый случай представился, онъ спихнулъ Еву за Балкашина, а младшая дочь на рукахъ осталась. Потомъ умеръ — куда ее дѣвать? Нашъ герой и радъ бы ее не брать, да нельзя: общественное мнѣніе присудило. Взялъ онъ Анюту, да вотъ по-сю пору и возился съ нею. Сначала въ городѣ ее держалъ, потомъ въ деревню свезъ, да тамъ управляющимъ сдѣлалъ. Ну, а барыня въ двадцать лѣтъ—какой тутъ управляющій?

— Вотъ оно что! А мать-то какъ же? Такъ и пропала безъ вѣсти?

— Мать, говорятъ, умерла. Сынъ у нея остался — и гдѣ онъ теперь, что́ съ нимъ... Вотъ, господа, мнѣ вѣдь по убогости моей все прощается. Что́ съ пьянаго человѣка возьмешь! Такъ вотъ нынѣшней осенью на первомъ же собраніи, какъ только этотъ Іуда Искаріотскій расходится, я ему и поднесу вопросецъ. Только начнетъ онъ о своихъ доблестяхъ толковать, о своемъ сочувствіи къ народу русскому,—я ему запросъ: „Господинъ, дескать, предсѣдатель, гдѣ

находится вашъ собственный родственникъ такой-то? Не таскаетъ ли онъ гдѣ-нибудь кули на пристани? Знаетъ ли онъ грамотѣ? Да, что! Впрочемъ, все это пустяки. Если онъ и безъ вѣсти пропадетъ, все однимъ подлецомъ на свѣтѣ меньше будетъ.

Первая мрачная фраза, первый признакъ того, что далѣе пускаться въ состязанія съ Грубецкимъ не совсѣмъ безопасно, для логики по крайней мѣрѣ.

Анна Игнатьевна прошлась по саду нѣсколько разъ. За нею и вѣрный спутникъ ея, Глѣбъ. Оба повидимому кого-то ждали и искали глазами между гуляющими.

— Пойдемте, промолвила наконецъ Анна.

— А Филиппъ?

— Что мнѣ за дѣло до вашего Филиппа!

Обгоняя въ сумеркахъ незнакомыя фигуры, они вышли изъ саду на тротуаръ и потомъ на набережную.

Глѣбъ былъ молодой человѣкъ, не такой длинный, но такой же худой, какъ и братъ. Чахоточный, некрасивый, но съ черными огневыми глазами, которые разгорались, впрочемъ, очень рѣдко и большею частію смотрѣли на міръ божій весьма лѣниво. Теперь онъ шелъ съ дамой и потому немного оживился. Онъ носилъ до неприличія рѣдкую бородку, потому что густая не выростала, а брить ее или даже давать брить, значило бы дѣлать движенія и тѣмъ причинять себѣ безпокойство. Только двѣ вещи на свѣтѣ и могли расшевелить его: женщины и музыка.

Въ неистовый періодъ первой страсти, онъ воскресъ и воспрянулъ духомъ до того, что порѣшилъ жениться не-

медленно. Но потомъ стали поговаривать, что невѣста ему невѣрна, надобно было удостовѣриться въ этомъ. Ему стало лѣнь наблюдать за нею, или попросту говоря, лѣнь стало продолжать любовную исторію. Онъ поохалъ, повздыхалъ и снова приказалъ Антошкѣ приходить по утрамъ надѣвать ему, барину, носки. Съ тѣхъ поръ осталась одна у него царица—рояль. Только и могли его разбудить шопеновскія фантазіи или какая-нибудь страшная баллада. Сестры, братья, знакомые — всѣ были не болѣе, какъ скучныя принадлежности скучнѣйшей жизни. Изъ всей этой массы лицъ выдавалась для него одна Анна Игнатьевна, да и та, кажется, обязана была этимъ больше тому, что онъ могъ съ ней бесѣдовать о своей прошедшей страсти и о той необъятной скорби, которая неизбѣжно должна когда-нибудь поглотить его, Глѣба, со всей его лѣнью и стремленіями.

Въ одномъ изъ переулковъ, недалеко отъ рѣки, такъ что можно было видѣть клочокъ набережной, жила Фаина Ивановна Корсакова, со всѣми чадами и домочадцами.

Длинная, крытая галлерейка вела въ низенькую, но очень приличную квартиру нижняго этажа. Запахъ горячей желѣзной печи и чего-то затхлаго наполнялъ эту галлерейку. Чистый половикъ велъ отъ крыльца вплоть до конника въ передней. Если въ домѣ никто не былъ именинникъ и никакого рожденія не праздновали, навѣрное можно было сказать, что въ передней царствуетъ тьма кромѣшная.

Въ залѣ опять половики, но только поизящнѣе; окна съ глубочайшими амбразурами: въ простѣнкахъ двѣ фото-

геновыя лампы, и наконецъ потолки со сводами: постройка видимо старинная. Мебели тоже, по всѣмъ вѣроятностямъ, было лѣтъ четыреста, какъ членамъ въ управѣ. Теперь такихъ узоровъ никто не только соткать, но даже вообразить себѣ не можетъ. Еще мудренѣе было бы представить себѣ, что могутъ существовать на диванахъ такіе удивительные тамбурные чехлы. Но верхъ изумленія составляло то, что на этихъ чехлахъ сидитъ такая античная женщина, какъ Фаина Ивановна.

Чтобы не поразиться вдругъ, начинайте глядѣть на нее снизу. Что́ вы увидите прежде всего? Бархатныя малиновыя туфли. Она передѣлала ихъ изъ той самой бержерки, которую въ 1826 году надѣвала на маскарадъ къ московскому генералъ-губернатору. Пойдемъ далѣе. Юбка изъ чернаго тру-тру, которую, изъ уваженія къ хозяйкѣ, принято было называть шелковою. Шаль, которая стоила когда-то 300 р., но, теряя каждый годъ по 15%, спустилась постепенно до нуля. Бѣлыя, полныя руки, обнаженныя по локоть, отсутствіе всякаго воротничка и наконецъ античныя серьги изъ двухъ перевитыхъ колечекъ: голубаго и золотаго.

Лицо Фаины Ивановны замѣчательно не менѣе ея туалета. Начинается оно подбородкомъ, двойнымъ или тройнымъ, смотря по обстоятельствамъ. Сидитъ она смирно—и подбородокъ только въ два этажа. Нахохлится или надуется—немедленно является третій этажъ. По этому признаку домашніе могли даже приблизительно узнавать настроеніе ея духа, какъ мы угадываемъ погоду по движеніямъ лягушки, посаженной въ стаканъ съ водой. Цвѣтъ лица малиновый, со всѣми оттѣнками, отъ блѣднаго до темнаго и полосатаго вклю-

чительно. Нужно было принять въ соображеніе все достоинство Фаины Ивановны, всѣ ея добродѣтели, чтобы не заподозрить ее въ знакомствѣ съ рюмочкой. Затѣмъ шиньонъ, съ косою въ видѣ короны на волосахъ, зачесанныхъ назадъ безъ малѣйшаго признака пробора.

Встрѣтивши свою невѣстку, Фаина Ивановна окатила ее взглядомъ, какимъ, говорятъ, Екатерина Великая обдавала провинившихся придворныхъ. Но Анна Игнатьевна не хотѣла принимать этого взора на свой счетъ; она скромно снимала перчатки и прошла въ другую комнату. Тамъ ее ожидало интересное зрѣлище: малый лѣтъ 19 и взрослая барышня неистово вертѣлись, взявшись за руки и изображая мельницу. Платье у барышни развѣвалось и хлестало по стульямъ и по столамъ, пока она наконецъ не упала въ изнеможеніи на первую попавшуюся табуретку.

— Анна! Это ты? Какъ я рада! Безъ васъ такая тоска.

— Ну, этого не замѣтно.

— Это я съ тоски. Ей-Богу! Вотъ, вся комната ходитъ верхъ дномъ. Ну, что, былъ кто-нибудь въ саду? Хорошенькій морякъ былъ? Да? Кончено, выхожу изъ гимназіи.

Все это говорила не переводя духу младшая дочь Фаины Ивановны, Саша. У этой темноволосой, бѣленькой дѣвушки глаза хоть и заплыли немножко, а такъ и рекомендовали ее, какъ сорванецъ-барышню. Эти темненькіе глазки, безпрестанно исчезавшіе между щекъ и окончательно пропадавшіе, когда она смѣялась, прелукаво смотрѣли на все и всѣхъ. Полнотой природа Сашеньку не обидѣла. У ней были такія аппетитныя плечи, что всегда хотѣлось ущип-

нуть ихъ; неуловимая игривость въ чертахъ дѣлала то, что Сашу почти можно было назвать хорошенькой. Къ тому же, она такъ кокетливо умѣла прикалывать себѣ пунцовые бантики; у нея были такіе ослѣпительные зубы, такія пухлыя ручки. По случаю пунцовыхъ бантиковъ шла жестокая война съ матерью. Та нашла въ своихъ законахъ статью, которая гласила, что гимназистка должна забыть о самомъ существованіи красныхъ, зеленыхъ, или какихъ бы то ни было лентъ. Саша, нетолько этой статьи, но и вообще всего материнскаго законодательства признавать не хотѣла. Она получала изъ физики нули, изъ исторіи единицы, и все-таки была счастлива. Она выслушивала наставленія, увѣщанія, причитанія — и преисправно себѣ ужинала и обѣдала. Въ минуты радости, — садилась къ окну и дѣлала прохожимъ ручкой. Она находила какое-то странное удовольствіе въ томъ, чтобы тратить свои способности на тысячу безсмысленныхъ шалостей и проказъ; она убивала свой умъ на изобрѣтеніе пасквилей, отчаянныхъ похожденій съ братцемъ и любовныхъ фантазій. Въ 17 лѣтъ она хвалилась, что была влюблена 19 разъ, что изъ физики она знаетъ только одинъ магнетизмъ, да и то не такъ, какъ о немъ говорится въ учебникахъ.

— Вы однѣ? спрашивала Фаина Ивановна тономъ убійственной холодности.

Анна подняла глаза.

— Глѣбъ со мной пришелъ.

— А Борисъ?

— Мой мужъ еще не приходилъ.

— А Филиппъ?

— Филиппъ Яковлевичъ остался въ саду.

Фаина Ивановна окончательно недовольна. Она терпѣть не можетъ, когда ея сына въ ея присутствіи называютъ „мой мужъ“. Это, по ея мнѣнію, дерзкое хвастовство. Невѣстка съ ней очень вѣжлива, даже предупредительна, но позволяетъ себѣ иногда ядовитыя замѣчанія. Этого Фаина Ивановна допустить не можетъ. Да и наконецъ, что такое эта женщина? Конечно, она женила на себѣ ея сына для того, чтобы сдѣлать его несчастнымъ. Сказать, что Борисъ женился самъ—невозможно. Ему бы это никогда и въ голову не пришло.

Фаина Ивановна помнила, можетъ быть, какихъ усилій стоило ей самой когда-то укрѣпить за собой своего покойника. Поэтому, она смотрѣла на всякую свадьбу, какъ на посягательство женщины противъ мужской свободы. Каждое утро она клала три земныхъ поклона Николаю Чудотворцу въ тѣхъ видахъ, чтобы онъ помогъ ей пристроить дочерей и оградилъ сыновей отъ женидьбы. И вдругъ,—старшая дочь обрекла себя на вѣчное дѣвство, а сынъ...

Давно уже десятый часъ, а никто еще не садился за самоваръ, никто не смѣлъ спросить себѣ чаю, потому что не было главнаго лица, домашняго повелителя—Филиппа Яковлевича. Анна Игнатьевна сдѣлала страшную ошибку, не подождавши его въ саду. Онъ будетъ недоволенъ этой выходкой и вернется домой разстроенный, вѣроятно раздраженный. Всѣ это знаютъ и ходятъ насупившись. Съ одной стороны непріятно сидѣть безъ чаю, а съ другой еще непріятнѣе видѣть хозяина пасмурнымъ. Своими свинцовыми взглядами Филиппъ Яковлевичъ могъ заморозить самыя пылкія чувства. Саша, способная вертѣться мельницей даже въ часы сильнѣйшей скорби,—и та ёжилась въ присутствіи сво-

его старшаго братца. Нарочно роняла ложки, чтобы нагнуться подъ столъ, когда онъ слишкомъ пристально взглядывалъ на нее. Безпрекословно подавала ему книгу, если онъ хотѣлъ читать, и спички, если ему нужно было закурить сигару. Фаина Ивановна не смѣла заказать къ обѣду кушанье, которое не нравилось Филиппу. Никто не имѣлъ права встать изъ-за стола раньше послѣдняго блюда, потому что Филиппъ называлъ это невѣжливостью и неуваженіемъ. Переложить съ мѣста на мѣсто вещь, принадлежавшую Филиппу, можно было только въ случаѣ пожара или другой не менѣе настоятельной необходимости. Войти къ нему въ комнату безъ разрѣшенія, все равно, что войти въ алтарь съ папироской.

И такому-то человѣку Анна Игнатьевна рѣшилась оказать неуваженіе. Должно быть, она сама сознавала всю величину своего проступка, потому что стояла у окна скучная и задумчивая. Дрогнулъ хозяйскій звонокъ. Антошка, какъ встрепанный, побѣжалъ отворять. Строгая Марья съ классическимъ профилемъ выплыла изъ кухни съ самоваромъ въ рукахъ. Фаина Ивановна готовилась разливать чай и скинула съ плечъ удивительную шаль, которая во всѣ торжественныя минуты сбрасывалась долой и валялась подъ стуломъ.

Изъ другой комнаты выплыла лебединой походкой старшая дочь, Варвара Яковлевна. Шлейфъ ложился вѣеромъ и мягко волочился за ней. Длинная тальма закрывала худощавую фигуру. Черные волосы съ стальнымъ отливомъ были гладко и безукоризненно зачесаны на уши. Ослѣпительно-бѣлый кружевной воротничокъ дѣлалъ еще желтѣе ея и безъ того желтое лицо. Черные глаза и черныя брови

придавали ей какой-то южный типъ, не будь утинаго носа, который портилъ выраженіе и дѣлалъ ее больше всего похожей на классную даму. Отъ нея такъ и пахло институтомъ, строгостью и французскимъ учебникомъ. Въ рукахъ у нея постоянно бывалъ кожаный баулъ, маленькій chef d'oeuvre съ шелковой и золотой оторочкой. Находилось въ немъ всегда нѣсколько филегипюровыхъ воротничковъ: два или три готовыхъ и одинъ неконченный. Другихъ рѣдкостей тамъ не бывало. Варвара Яковлевна любила еще классиковъ: она читала Пропилеи, Данта, Торквато Тассо, словомъ все, что́ ее переносило въ древніе или въ средніе вѣка, никакъ не ближе. Жила она, какъ и братья, уроками и днемъ бывала занята, а вечеромъ садилась за Пропилеи или за Микрокозмъ Лотце.

Усаживаясь за столъ, она извинилась передъ матерью, что нечаянно толкнула ее подъ локоть, передъ братомъ—богъ-знаетъ за что. Очевидно, она любила извиняться. Варвара Яковлевна была воплощенная деликатность. Но расточительная на эту добродѣтель, она требовала ея и отъ другихъ. Если кто-нибудь, казалось ей, говоритъ съ нею не тѣмъ тономъ, какимъ слѣдуетъ, или какъ-нибудь не такъ повернетъ глаза—она тотчасъ же обижалась, и становилась ядовитой. Отъ классическихъ авторовъ она научилась такимъ тонкостямъ, какихъ простымъ смертнымъ и во снѣ не снилось. Всѣ эти тонкости, яды и деликатности привели къ тому, что ее называли женщиной тяжелой, къ которой надо обращаться не спроста, а съ оглядкой.

Да, Варвара Яковлевна была достойной сестрицей достойнаго братца. Филиппъ двумя-тремя словами умѣлъ наводить уныніе на всѣхъ окружающихъ. Если есть эмблема

скуки — такъ это Филиппъ Корсаковъ. Свинцовые глаза взглядываютъ мелькомъ, чтобы тѣмъ съ большею неумолимостью остановиться на какой-нибудь одной жертвѣ. Онъ мужчина очень благообразный. Наружность у него даже умная, а что хотите, отталкивало же всѣхъ отъ этого человѣка! Одна манера цѣдить слова сквозь зубы и пересыпать ихъ паузами, отобьетъ охоту говорить съ нимъ. Зачѣмъ эти тонкія губы съ ядовитыми уголками? Зачѣмъ такъ аккуратно лежатъ эти свѣтлые волосы?

Вошелъ Филиппъ Яковлевичъ, и отовсюду обратились на него выжидательные взгляды. Что онъ скажетъ о поведеніи Анны Игнатьевны? Какимъ словомъ поразитъ онъ ее?

Но онъ молчитъ. И это понятно: онъ не любитъ пускать своихъ зарядовъ смаху. Онъ начинаетъ съ того, что беретъ отъ матери налитый стаканъ и, ни слова не говоря, ставитъ его на другой конецъ стола. Старшая сестра подаетъ ему молочникъ, младшая подвигаетъ свѣчку.

Молчаніе невозмутимое. Всѣ тяжело дышатъ, но не отъ страха, не отъ волненія, а просто отъ тоски. Каждаго гнететъ сознаніе, что о чемъ теперь ни заговори, все выйдетъ неловко. Слава-богу, почтеннѣйшую публику выручаетъ на этотъ разъ Глѣбъ. Онъ сидитъ, протянувши ноги, въ самомъ большомъ креслѣ, и думаетъ о томъ, какъ бы это такъ достать стаканъ съ чаемъ, чтобы не потревожить себя. Блестящая мысль озаряетъ его.

— Саша, подай мнѣ чай!

— Нельзя ли побезпокоиться самому?

— Да вѣдь тебѣ только руку протянуть.

— А тебѣ?

— Да у тебя руки длиннѣе.

— Ну, еще это погоди. Мы не мѣряли.

— Дмитрій, будь другъ! взываетъ Глѣбъ уже къ младшему брату.

Тотъ нехотя высовываетъ изъ-за самовара свою стриженую голову.

— Чего?

— Передай чай.

Глѣбу дѣйствительно стоитъ только протянуть руку, а Дмитрію надо совершить путешествіе вокругъ всего стола. Дмитрій отказывается наотрѣзъ. Наконецъ, Варвара Яковлевна кончиками пальцевъ берется за блюдечко и передаетъ его брату, точно змѣю, которая каждую секунду можетъ укусить ее.

— Вы вѣроятно имѣли какое-нибудь спѣшное дѣло? начинаетъ Филиппъ.

Вслѣдъ за этимъ свинцовый взглядъ Филиппа скользнулъ на Аннѣ. Та обернулась и равнодушно отвѣтила ему:

— Я? нѣтъ.

— А я полагалъ... Вы такъ быстро удалились...

— Быстро, вы говорите? Я нахожу, что очень тихо. Вы знаете, Глѣбъ не умѣетъ скоро ходить.

— Вы меня извините, что я не сдѣлалъ вопроса прямо, но я хотѣлъ выразить собственно ту мысль, что когда человѣка... Когда двое или трое отправляются вмѣстѣ, то они и возвращаются вмѣстѣ.

— По необходимости? или потому, что это имъ доставляетъ удовольствіе?

— По тому или по другому... Мнѣ кажется, тутъ и вопроса не можетъ быть. Это правила приличія, и только.

— А, ну въ такомъ случаѣ mercі. Mercі, Филиппъ Яковлевичъ. Не будь васъ, кто бы меня научилъ приличію!

Филиппъ сверкнулъ глазами и оборвалъ свой гнѣвъ на сестрѣ, которая вздумала-было запустить шарикомъ въ Глѣба.

— Вы задѣнете меня по носу, чего я вовсе не желаю. Попросилъ бы отложить шалости до болѣе удобнаго времени.

Фаина Ивановна съ громомъ стала перемывать ложки и съ ожесточеніемъ кликнула Антошку, которому приказала принести полотенце.

— Что, Борисъ еще не вернулся?

Съ этимъ вопросомъ Филиппъ принялъ прежній грустно-спокойный видъ.

— Нѣтъ еще. Не могу понять, что такое. Что за причина?

Фаина Ивановна стала вдругъ озабочена.

— Причина? Вы удивляете меня, мамаша. Объ этомъ можно спросить у меня, у нея, у васъ... Но какъ же спрашивать это у человѣка, который триста шестьдесятъ-пять дней въ году не знаетъ, что̀ онъ дѣлаетъ!

Анна вспыхнула.

— Вы говорите это въ шутку, конечно?

— Анна Игнатьевна, вы могли замѣтить, что я шучу очень рѣдко.

— Если я ошибаюсь, вы намекаете на то, что мой мужъ рехнулся.

— Я никогда не позволю себѣ сказать такой нелѣпости. Мой братъ, къ несчастію, одинъ изъ тѣхъ людей, которые никогда не даютъ себѣ отчета, что̀ они дѣлаютъ,

почему и для чего. Отсюда выходитъ страшная путаница и даже... даже безалаберность. Я глубоко жалѣю моего брата...

— Давно ли это вы сдѣлались такимъ истиннымъ христіаниномъ?

— Милая моя, знаете, что я вамъ скажу? начала Фаина Ивановна:—заступаться за мужа, конечно, хорошо, но говорить колкости, но оказывать неуваженіе людямъ...

Филиппъ насупилъ брови.

— Мамаша, предоставьте мнѣ, пожалуйста, защищаться самому. Моей belle-soeur доставляетъ удовольствіе дѣлать мнѣ непріятности. Прекрасно! Мы будемъ разсуждать хладнокровно. Человѣкъ имѣетъ молоденькую жену, мать и сестеръ, о которыхъ онъ тоже обязанъ нѣкоторымъ образомъ заботиться... Положимъ, поддержка у нихъ есть. Но вѣдь я человѣкъ смертный. Онъ тоже (указываніе на Глѣба) можетъ и заболѣть и потерять мѣсто. Стало быть, они не гарантированы. Каждый изъ насъ, если только онъ смотритъ на вещи здраво, будетъ думать прежде всего о томъ, чтобы обезпечить семейство...

— А помимо семьи вы не видите ужъ никакихъ интересовъ? Дальше тамъ пустота? Да?

Анна сдѣлала жестъ и въ глазахъ Филиппа блеснулъ рѣзной браслетъ на ея прекрасной рукѣ.

— Прошу, не говорите этого при моей сестрѣ. Гимназія, съ ея просвѣщенными идеями, достаточно уже вскружила ей голову. Всѣ гимназистки начинаютъ вѣрить въ высшее призваніе и хотятъ обнять любовію своею весь міръ. Это хотя и глупо, и даже безвредно, но... но терпимо быть не можетъ.

А гимназистка съ просвѣщенными идеями старалась въ эту минуту отдавить подъ столомъ ногу Дмитрію и въ то же время сохранить невиннѣйшее выраженіе лица.

— Вашихъ убѣжденій, Анна Игнатьевна, я не знаю. Но каковы бы они ни были, полагаю, что они не могутъ стоять на одной доскѣ съ воззрѣніями гимназистки. Вы, конечно, желаете, чтобы мужъ любилъ васъ, чтобы семейный очагъ привлекалъ его...

— Зачѣмъ же очагъ? Я скажу гораздо проще: я желаю, чтобы привлекала его именно я, моя особа.

— Ну, да, я понимаю, вы желаете развить въ немъ именно семейный духъ. Духъ...

— Если въ моемъ Борисѣ будетъ одна десятимилліонная доля того, что́ у насъ называютъ отцомъ семейства, я первая откажусь отъ него.

Филиппъ даже привсталъ немного. Фаина Ивановна вздохнула на всю комнату. Анна докончила:

— Но я надѣюсь, что этого не будетъ.

— И по-моему вы правы! заявилъ вдругъ Глѣбъ и выпрямился, а потомъ и совсѣмъ всталъ.—Какъ только я отецъ семейства—баста! я уже не человѣкъ. Даже въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ.

— Нѣтъ, это ужъ чортъ-знаетъ, что́ такое! вскочила вдругъ Фаина Ивановна. — Мнѣ скоро въ лицо скажутъ, что я не женщина, а скотина, потому что у меня шесть человѣкъ дѣтей!

Глѣбъ махнулъ рукой и усѣлся въ кресло. Варвара Яковлевна положила работу на столъ и устремила на Анну проницательный взглядъ.

— Я не знала, что у васъ такія крайнія убѣжденія, промолвила она наконецъ.

Когда страсти поулеглись, Филиппъ опять заговорилъ. Вышло что-то въ родѣ длиннѣйшей притчи о двухъ человѣкахъ, изъ коихъ одинъ былъ добрый, а другой злой. Невѣстка слушала его, стиснувъ зубы и изрѣдка дарила взглядами, не совсѣмъ мягкими. При каждомъ нетерпѣливомъ движеніи гнѣвъ сверкалъ у нея въ глазахъ, а матовыя щеки раза два даже слегка зарумянились, но только на одно мгновеніе. Какая-то надменность застыла у ней на лицѣ во время этого длиннѣйшаго спича.

— Борисъ пришелъ! крикнула вдругъ Саша, и дѣйствительно за порогомъ послышались шаги, а немедленно вслѣдъ затѣмъ предстала фигура Бориса Яковлевича.

Цѣлый градъ вопросовъ окатилъ вошедшаго, но онъ искалъ кого-то глазами. Изъ всѣхъ этихъ лицъ ни одно не улыбнулось ему такъ искренно, какъ то, которое онъ отыскивалъ. Анна глядѣла на него исподлобья. И такъ лукавонѣженъ былъ этотъ взглядъ.

— Ну, что значитъ! Ничего не значитъ. Опоздалъ, да и все тутъ. Ты никакъ рѣчь говорилъ? обратился Борисъ къ Филиппу.—Продолжай, пожалуйста, я буду слушать.

Никакого яду, никакой насмѣшки не было въ этихъ словахъ, такъ простодушно они были сказаны. Но Филиппъ остался недоволенъ.

— Съ женой твоей у насъ было тутъ маленькое объясненіе.

— А! въ самомъ дѣлѣ? Это интересно.

И Борисъ ужъ заранѣе зажмурился.

— Мы съ ней немножко не сходимся во мнѣніяхъ. Да, кстати, я не совѣтовалъ бы тебѣ быть отцомъ семейства. Иначе тебѣ грозитъ опасность. Ты можешь лишиться расположенія Анны Игнатьевны.

Анна опять кинула въ его сторону не совсѣмъ дружелюбный взглядъ.

— Ты меня понимаешь, Борисъ, начала она.—Ты знаешь, что я называю отцомъ семейства человѣка, который такъ же думаетъ о людяхъ, какъ китайцы о земномъ шарѣ. Вся вселенная—это ихъ Небесная Имперія, и только одинъ крошечный-крошечный уголокъ остается на долю всѣхъ остальныхъ государствъ вмѣстѣ.

— Изъ вашихъ словъ, моя милая, обернулась вдругъ Фаина Ивановна:—я узнала только то, что вы хорошо выучили географію, но больше ничего не поняла. Извините!

Аннѣ очень хотѣлось сказать: извиняю! Но она удержалась. Мужъ такъ нѣжно глядѣлъ на нее, что она подумала: „Бѣдный Борисъ, здѣсь всѣ противъ тебя. Никто тебя не понимаетъ. Я одна, одна твоя радость. Не лучше ли я всѣхъ ихъ вмѣстѣ? А?“ Она сдѣлала ему этотъ вопросъ взглядами и получила утвердительный отвѣтъ. Ей вдругъ стало весело. Хотѣлось кого-нибудь задѣть своей радостью.

— Вы нынче никакъ десятый воротникъ вяжете, Варвара Яковлевна? зацѣпила она свою belle-soeur.

Выборъ сдѣланъ неудачно. Belle soeur сжала губы.

— Я не думаю, чтобы могла помѣшать кому-нибудь своимъ воротничкомъ, будь это даже одиннадцатый.

— Не только не мѣшаешь, вступается Фаина Ивановна:—но даже положительно доставляешь мнѣ удовольствіе;

я всегда настаивала на томъ, чтобы дѣвушка имѣла въ рукахъ какое-нибудь рукодѣлье. По-моему, это гораздо приличнѣе, чѣмъ разсматривать себѣ ногти и любоваться своими ручками.

— Если ручки хороши, такъ отчего же не любоваться? дразнитъ Анна.

— Какъ! я у себя подъ носомъ растопырю пять пальцевъ и буду на нихъ глядѣть? Это на свои-то собственныя руки? Фу, мерзость какая!

Фаина Ивановна нагнулась, подняла съ полу шаль и въ негодованіи надѣла ее себѣ на плечи.

Деликатная Варенька отъ сильнаго волненія дѣлаетъ такія петли, что навѣрно ея филегипюровый воротничокъ долженъ отъ этого пострадать.

— Такъ вы съ моей женой все спорите?

И Борисъ по старой привычкѣ, вмѣсто смѣху, начинаетъ всхлипывать. Филиппъ дѣлаетъ глубокомысленную мину.

— Мы съ Анной Игнатьевной смотримъ на тебя съ разныхъ точекъ зрѣнія. Я говорю, что ты самъ не знаешь куда стремишься. Она какъ бы даже оскорбляется этимъ. Она судитъ, какъ женщина, и притомъ... въ первый мѣсяцъ послѣ свадьбы. Но съ тобой, братъ, ты знаешь, мы уже не разъ говорили объ этомъ.

— Да, да, какъ же, я помню.

— Надѣюсь. И думаю, что мнѣ еще не разъ придется напомнить объ этомъ. Я не думаю, конечно, переломить твоихъ убѣжденій. Убѣжденія священны. Но ты знаешь, что я встрѣтилъ въ банкѣ Соболева, и онъ говоритъ, что, къ сожалѣнію, дѣти его должны покончить свои уроки,

потому что ты пренебрегаешь ими и слишкомъ часто манкируешь.

— Было у меня время—я занимался съ ними по два, по два съ половиной часа, а теперь нѣтъ времени—я не хожу.

— Я заявилъ тебѣ объ этомъ не въ интересѣ Соболевскихъ дѣтей...

— А въ моемъ собственномъ. Да, я знаю, но вотъ видишь ли, мой интересъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ ты его ищешь.

— Филиппъ, я не понимаю,—вступается Фаина Ивановна, снова сбрасывая съ себя шаль, которая немедленно отправляется на полъ,—что тебѣ за охота принимать участіе въ человѣкѣ, который родныхъ не признаетъ! Что̀ такое родня, семейство? Вздоръ! Отжившія понятія! Что за дѣло, что мать останется безъ куска хлѣба, что сестры пойдутъ по-міру!

— Пожалуйста, исключите меня, кротко замѣчаетъ Варвара Яковлевна:—мнѣ ничьей поддержки не нужно.

Но мать не слушаетъ ее. Она уже закусила удила.

— Твой братъ космополитъ. Или, какъ это тамъ у васъ называется? Можетъ быть, я и вру, дикихъ словъ не имѣю привычки запоминать. Онъ можетъ страдать тамъ о какомъ-нибудь итальянскомъ нищемъ, который обжирается макаронами. Если тамъ, на другомъ концѣ земли, гдѣ-нибудь въ Ирландіи, кого-нибудь не накормили, мой сынъ заболѣетъ отъ тоски. Но если на матери худые башмаки, тѣмъ хуже для нея.

Борисъ добродушно покачалъ головой.

— Вотъ чудеса, подумаешь: да если нѣтъ крѣпкихъ башмаковъ, отчего-жъ не надѣть худые?

— Если не изъ приличія, сударь мой, такъ для здоровья, чтобы не промочить себѣ ноги.

— Ну, настолько-то у насъ еще съ вами хватитъ денегъ, чтобы купить калоши.

— Нельзя ли, минуя сапоги и калоши, поставить вопросъ прямо, затянулъ опять Филиппъ, и такъ уныло, что самъ даже не выдержалъ и зѣвнулъ.—Тутъ дѣло идетъ не собственно о матеріальныхъ выгодахъ, но о томъ, что есть два рода любви: любовь всеобъемлющая, чувство совершенно фиктивное, и любовь въ собственномъ смыслѣ. Кто имѣетъ претензію полюбить весь міръ, тотъ обыкновенно не чувствуетъ привязанности ни къ кому. Истина старая, но глубокая. Если я не умѣю дорожить своимъ семействомъ, то какими бы фразами это ни прикрывалъ,—я сухой эгоистъ, не больше. Эти космополиты, какъ очень вѣрно выразилась мамаша, умѣютъ вздыхать только объ итальянскихъ нищихъ!

— Ну, а какъ ты думаешь, началъ вдругъ Глѣбъ, точно очнувшись отъ тяжелаго сна:—если человѣкъ женится и ему сядутъ на шею полтораста человѣкъ жениныхъ родныхъ, долженъ онъ и на нихъ перенесть свою любовь, или ужъ это значитъ быть космополитомъ?

— Это ничего, оборвалъ его Филиппъ.—Скверно только быть болваномъ.

По лѣни или по чему другому, но Глѣбъ братниного вызова не принялъ.

— Что бы тамъ ни было, говорилъ Борисъ:—а у меня какъ-то больше сердце лежитъ къ человѣку, который можетъ сочувствовать хотя бы даже ирландскимъ нищимъ, чѣмъ къ человѣку, который полюбилъ какую-нибудь лысую голову и будетъ любить ее до самаго окончанія дней, а

больше и знать никого не хочетъ. Космополитъ, даже самый неистовый, способенъ иногда на чудеса самоотверженія. А вотъ ты, братъ, извини, умрешь банковымъ чиновникомъ.

Филиппа передернуло.

— Да, я съ итальянскими макаронами обниматься не стану, но всегда умѣлъ и съумѣю исполнить свой долгъ. У каждаго честнаго и порядочнаго человѣка на первомъ мѣстѣ стоитъ долгъ. Я нахожу, впрочемъ, что нашъ разговоръ переходитъ въ колкости, и потому считаю нужнымъ его прекратить.

Онъ всталъ и царственнымъ жестомъ взялъ со стола шандалъ. Его пропустили въ какомъ-то молчаливомъ благоговѣніи. Анна поднялась почти въ ту же секунду и тоже ушла, ни слова не говоря.

Фаина Ивановна на всѣ семь комнатъ кричала Марью, гремѣла чашками, ключами, словомъ, являла всѣ признаки раздраженія. Борисъ съѣлъ за одинъ присѣстъ нѣсколько кусковъ черствой булки и запивалъ ихъ какими-то намеками на чай. Въ немъ сказывался аппетитъ рабочаго человѣка безъ всякаго признака того шестаго чувства, которое заставляетъ гастрономовъ отыскивать въ ѣдѣ самую суть, какъ философы отыскивали когда-то причину всѣхъ причинъ. Покончивши съ трапезой, Борисъ тоже прошелъ къ себѣ.

Его отдѣленіе состояло изъ двухъ комнатъ. Одна имѣла такой видъ, какой, вѣроятно, будетъ имѣть земля въ день страшнаго суда. Колбы, реторты, каучуковыя трубки, гвозди, кожи, куски рельсовъ съѣхались сюда, точно на выставку со всѣхъ концовъ свѣта и спрятались за слоемъ

пыли вершка въ полтора. На желѣзной печкѣ висѣло пальто; свѣчка стояла на полу, а сапоги попали на полку. На потолкѣ, съ того мѣста, гдѣ бываетъ обыкновенно люстра, свѣшивалась цѣпь съ крючкомъ. Клочки бумажекъ, какъ снѣгъ, хлопьями валялись по угламъ. На окнѣ стоялъ какой-то сосудъ, накрытый сѣткою, и двѣ бутылки. Запахъ былъ удивительный: отдавало не то аптекой, не то лабораторіей или шорной лавкой.

Но перешагните черезъ порогъ и приподнимите ковровый пологъ надъ дверью—передъ вами совершится самое неожиданное, самое балетное превращеніе.

Нѣжный ароматъ живыхъ цвѣтовъ и какого-то куренья, какъ нельзя лучше гармонируетъ съ голубымъ цвѣтомъ мебели. Матовыя ширмы на окнахъ не пропускаютъ яркаго свѣта и скупо разливаютъ его по этажеркѣ, по вычурному умывальнику и двумъ жардиньеркамъ. Цвѣты и зелень, пропасть зелени дѣлаютъ изъ комнаты что-то въ родѣ оранжереи.

Потолокъ со сводами, такъ же какъ и въ залѣ. Однимъ только испортили старинный стиль: альковъ отдѣлили перегородкой и устроили тамъ спальню, такъ что вышелъ собственно не альковъ, а темная клѣтка, въ которую надо было входить не иначе, какъ со свѣчей.

Когда Борисъ вошелъ къ женѣ, она лежала на диванѣ съ книгой въ рукахъ. Висячая лампа освѣщала сверху ея выточенную фигурку, въ тончайшей бѣлой блузѣ съ шитьемъ. Волосы всѣ были подобраны кверху широкимъ чернымъ бархатомъ, концы котораго падали ей на шею. Увидавши мужа, она отложила книгу и медленно приподнялась. Онъ

хотѣлъ-было подсѣсть къ ней, но она отстранила его и встала сама.

— Послушай, Борисъ, начала она, сдвинувъ брови:— долго твой братецъ будетъ еще считать себя твоимъ ментором? Объясни ему, пожалуйста, что ты совсѣмъ не Телемакъ. Я не могу больше выносить его язвительныхъ проповѣдей. Я не хочу этого. Мнѣ надоѣлъ мой первый опекунъ. Я у Бога не просила себѣ второго. Онъ можетъ опекать своихъ сестрицъ и даже братьевъ, если ему угодно, но меня и моего мужа... Я скажу ему когда-нибудь, что онъ дуракъ и чтобы онъ не мѣшался не въ свое дѣло.

— Ты сердита на него?

— Это мнѣ нравится! Сердита! Нѣтъ, вы скажите просто, что я зла. Пусть онъ заведетъ свою жену! И пусть сдѣлаетъ изъ нея чиновницу. А я семейно-буржуазно-аристократическихъ понятій отъ него унаслѣдовать не желаю! У меня, слава-богу, есть свой царь въ головѣ и я молиться кумирамъ Филиппа Яковлевича не намѣрена.

— Что́-жъ ты хочешь, чтобъ я съ нимъ сдѣлалъ?

— И ты это спрашиваешь, Борисъ?

— Послушай, вѣдь единственное, что́ я могу—это оборвать его. Положимъ, что я это сдѣлаю. Что̀-же дальше?

— Мнѣ это все равно, что́ бы тамъ дальше ни было. Я чувствую потребность сказать ему, что онъ дуракъ. И скажу непремѣнно скажу.

— Ну, и прекрасно!

— Ничего нѣтъ прекраснаго, напротивъ—прескверно. Это ужъ называется ругательствомъ. Но я принуждена такъ поступить. Ты самъ меня ставишь въ такое положеніе...

— О, да какая ты сердитая!

— Да; и я не понимаю тѣхъ людей, у которыхъ, вмѣсто нервъ, протянуты канаты! Ты можешь улыбаться, когда твой братецъ гремитъ краснорѣчіемъ, а я не могу. Ты можешь ѣсть разогрѣтую говядину, а я ея не терплю. Тебя оставятъ безъ чаю, и ты этого не замѣтишь, а я къ такимъ любезностямъ не привыкла. Да, кто мнѣ наступаетъ на платье, тотъ долженъ извиниться, иначе...

Она не договорила, что́ иначе, и сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ актрисы дѣлаютъ на сценѣ въ самыя патетическія минуты. Шлейфъ бѣлаго капота порывисто волочился за нею.

Онъ стоялъ задомъ къ туалету, и съ кроткой усмѣшкой смотрѣлъ на нее.

— Еслибъ я могъ окунуть Филиппа въ какую-нибудь особенную купель съ кротостью... Да такихъ купелей нѣтъ.

— Еслибы ты могъ занять у него немножко самолюбія, ты сдѣлалъ бы мнѣ большое одолженіе.

— Словомъ, ты хочешь, чтобы я усмирилъ брата?

— Я удивляюсь только одному, какъ ты самъ, безъ моего желанія, давно не сдѣлалъ этого.

— Ей-богу, Анна, ты ставишь меня въ такое затруднительное положеніе. Не знаю право, какъ и приняться...

Анна вдругъ подошла къ нему такъ близко, что ленты ея задѣли его по плечу.

— Ты не знаешь, какъ покончить съ этими отношеніями? заговорила она, почти задыхаясь отъ волненія.— Хорошо, предоставь это мнѣ. Только... приготовься ко всему. Я не умѣю останавливаться на половинѣ. Можетъ быть, и

ничего не будетъ. А можетъ быть, насъ и выгонятъ отсюда, чего я душевно желаю. Да? соглашайся, Борисъ!

Онъ покачалъ головой.

— Погоди, Анна. Теперь это невозможно.

— Да отчего? отчего? скажи на милость.

— Ну, какъ же это такъ вдругъ...

— Ты точно Глѣбъ. Вдругъ! Тѣмъ лучше.

— Первое, надо будетъ думать о хозяйствѣ, а теперь ты избавлена отъ всѣхъ хлопотъ. Ты подумай, сколько надо убить времени на переѣзды, да путешествія, да устраиванья.

— Первое до тебя не касается. Дальше.

— Второе, Филиппъ можетъ, если захочетъ, сыграть со мной скверную штуку. Онъ можетъ устроить такъ, что меня не будутъ пускать на заводъ. Онъ разъ и заикнулся ужъ объ этомъ.

— Знаешь ты что! я скверней твоего Филиппа не могу себѣ никого представить.

Она сжала зубы и заходила опять по комнатѣ.

— Напрасно! Зачѣмъ видѣть во всѣхъ одно дурное?

— Да покажите мнѣ, наконецъ, хорошее. Я вамъ буду премного обязана.

— Гляди на жизнь проще. Право, она лучше, чѣмъ тебѣ кажется.

— Ну, ужъ ты съ своими блаженными привычками. Для тебя вездѣ будетъ рай. Твоя мамаша сущая вѣдьма, а тебѣ кажется, что она какая-нибудь Юнона или Діана.

— Вотъ видишь; вѣрно, она тебя вѣдьмой не называетъ.

— А! какъ будто въ названіяхъ дѣло. Еслибы мнѣ

кто-нибудь сказалъ годъ тому назадъ, что я буду выносить такую адскую жизнь, я бы прямо сказала, что это вздоръ. Помириться съ жизнью, которая представляетъ какъ разъ обратную сторону всѣхъ моихъ мечтаній, я не могу. Знаешь, если я соглашаюсь на это теперь, такъ вѣдь это продолжаться не можетъ. Это не въ моей натурѣ. Нѣтъ, не этого я хочу.

— Опять?

Онъ широко открылъ теперь голубые глаза и ловилъ ими каждое ея движеніе.

— Да, опять! А ты думалъ, что это чувство можетъ умереть во мнѣ? Нѣтъ, и не вини меня. Я не виновата. Это какой-то инстинктъ, съ которымъ я не могу бороться. Ахъ, что-то будетъ, что-то будетъ!

Она закрыла себѣ глаза рукою. Потомъ вдругъ встрепенулась.

— Помни только одно, что ты сдѣлалъ все, чтобы не заглушить, а напротивъ, развить во мнѣ эту силу. Твоя родня подставляетъ мнѣ сучки на каждомъ шагу. Я ихъ переломаю всѣ. Да. Мнѣ хочется отмстить имъ, отплатить за все то униженіе, которое я выношу здѣсь ради тебя. Если твои планы удадутся, тѣмъ лучше. Если нѣтъ, я найду себѣ дорогу.

Онъ молчалъ. Что́ ему было говорить? Онъ чувствовалъ, что эта женщина минутами ускользаетъ у него изъ рукъ. Ее волновало то, что́ ему казалось чистѣйшими пустяками. И наоборотъ: она не умѣла проникнуться той мечтой, которая занимала его дни и ночи. То она вдругъ начинаетъ сочувствовать ему, и въ области фантазій заходитъ дальше самыхъ смѣлыхъ плановъ его; то остынетъ и за-

бываетъ, что̀ интересуетъ ея мужа, что́ интересовало ее еще вчера. А разгадка была проста. И онъ узналъ эту разгадку, только гораздо позднѣе.

— Борисъ, неужели ты любишь свою мать?

Анна Игнатьевна усѣлась опять на диванъ, вскинула руки за голову и положила на скамеечку ногу въ свѣтлой туфлѣ.

— Люблю.

— И очень?

— Откровенно тебѣ говоря, не знаю. У меня какъ-то нѣтъ градусника, по которому я могъ бы измѣрить степень своей любви.

— Что́-жъ ты въ ней находишь особенно хорошаго?

— Первое то, что она женщина умная. Потомъ, ты возьми, какъ она дѣятельна, какъ она всегда занята! Для нея просидѣть безъ дѣла 10 минутъ—сущее наказаніе. Съ 5-ти часовъ утра она на ногахъ. Ею держится все хозяйство. Вѣдь насъ восемь человѣкъ. Ужъ за одно это я готовъ уважать ее.

— Кого ты, агнецъ мой, не уважаешь! Думаю, что ты уважаешь даже свою Вариньку за то, что она читаетъ Плутарха.

— Это искаженный характеръ, но по природѣ своей она добра. Ты замѣть, какъ она всегда рада, если представится случай кому-нибудь оказать услугу. Чѣмъ же она виновата, что ей платятъ за это большею частію колкостями? Это въ высшей степени воспріимчивыя, мягкія натуры. Но если ихъ съ дѣтства гонятъ, раздражаютъ, какъ ты хочешь... Варвару мать никогда не любила. Ну, изъ нея и вышла желчная дѣвушка.

— Словомъ сказать, всѣ прекрасны, и нѣтъ такой гадости, которая не заключала бы чего-нибудь хорошаго.

— Полно тебѣ злословить.

Онъ сѣлъ около нея на скамеечку и взялъ ее за руки.

— Ага, испугался! Борисъ, какъ мнѣ хочется, чтобы твои планы удались!

— А мнѣ-то какъ этого хочется, Анна!

— Послушай, нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы тебѣ самому познакомиться съ Боборыковымъ?

— Это зачѣмъ?

— А затѣмъ, чтобы твой любезный братецъ былъ намъ ненуженъ. Чтобы оставить его въ сторонѣ.

— Нѣтъ, матушка. Къ нему не доступишься. Филиппъ къ нему съумѣлъ поддѣлаться, а я на это не мастеръ.

— Да, проговорила Анна задумчиво:—а все-таки мнѣ надо бы его повидать. Почемъ знать...

— Что, почемъ знать?

— Нѣтъ, ничего. Мы попробуемъ. Надо умѣть ладить не съ одними машинами, и съ людьми также. Вотъ что, раздѣлимъ нашу задачу пополамъ. Я беру на себя людей. Хочешь?

Онъ засмѣялся такъ, какъ смѣются дѣтской болтовнѣ.

— Je suis une femme d'esprit. Помни. Мнѣ это слово запало въ душу. Его сказалъ человѣкъ, который знаетъ толкъ въ женщинахъ. Не сердись, Борисъ, всѣ мы знаемъ себѣ цѣну. Зачѣмъ притворяться? Отчего ты нынче такъ долго пробылъ на заводѣ, а? Я ждала-ждала тебя въ саду. До десятаго часу. Вѣдь ты ничего не ѣлъ съ самаго завтрака.

— А по-твоему, надо пять разъ въ день поѣсть? Охъ вы, женщины, женщины!

— Что дѣлать, слабыя созданья! Она прильнула къ нему.—Я бы неспособна была просидѣть цѣлый день безъ обѣда. Ахъ, Борисъ, насколько ты лучше меня! Ты молчалъ давеча, но я видѣла по твоимъ глазамъ, какъ тебѣ непріятно было, что я такъ злилась. Отчего я не умѣю себя сдерживать, какъ ты! Не сердиться, быть ко всему равнодушной! Да развѣ это возможно? Нѣтъ, я не буду себя передѣлывать, потому что все равно не передѣлаю. Лучше люби меня такъ.

Ему казалось, что онъ видитъ передъ собой прежнюю Анну. Но вѣдь это только одно мгновеніе. Долго ли продолжится оно? Эти дерзкіе глаза смотрятъ теперь такъ свѣтло, почти нѣжно. Но еще немного, и они загорятся другимъ блескомъ. Ему слишкомъ хорошо знакомъ былъ ихъ гнѣвъ; но зачѣмъ забѣгать впередъ?

II.

Недалеко отъ города стояли химическій и механическій заводы купца Еремѣева. Всѣ эти корпуса, склады, бараки, кузницы, конторы, больницы—представляли свой особенный замкнутый міръ. И по всѣмъ безчисленнымъ угламъ и закоулкамъ этого промышленнаго міра жизнь идетъ такая, какой никогда не увидишь на главныхъ улицахъ губернскаго города. Тутъ, смотришь, землю въ тачкахъ возятъ, тамъ катятъ по рельсамъ пустой вагонъ, дальше—кули таскаютъ. Гдѣ землекопы работаютъ, гдѣ плотники, гдѣ кузнецы, гдѣ контор-

щикъ пробѣжитъ со счетомъ. Вездѣ стукъ, грохотъ, переклички, и надъ всѣмъ этимъ неумолкающій гулъ машинъ. Тутъ выростаетъ фундаментъ и огромная котловина для паровика; тамъ разверзлась другая пропасть для дымовой трубы, а надъ нею стонутъ и дрожатъ переброшенныя доски отъ напора сотни силъ, работающихъ надъ сваями. Наивно-глупо стоитъ коперъ, издали похожій на висѣлицу, и словно не понимаетъ, что́ около него творится. Взовьется сорока-пудовая баба и ухнетъ такъ, что заходитъ помостъ съ рабочими, а бревно медленно, точно нехотя уйдетъ въ землю, или лучше сказать въ какую-то помойную яму съ жидкимъ слоемъ грязи.

Въ одной изъ мастерскихъ у дверей стоялъ нашъ Борисъ, закопченый, замазанный, въ рабочемъ балахонѣ, въ высокихъ, чуть ли не охотничьихъ сапогахъ, и бесѣдовалъ съ какимъ-то мужчиной. Мимо, то-и-дѣло шныряли рабочіе. На дворѣ пробовали давленіе новаго насоса. Въ зданіи формовали модели для машинъ. Подъ самымъ потолкомъ на карнизахъ лѣпились рельсы и на нихъ катались желѣзныя балки съ воротомъ и спущенными цѣпями. Точно для грѣшниковъ въ аду наготовили тутъ этихъ страшныхъ огромныхъ крючьевъ, путешествовавшихъ вмѣстѣ съ балками по всему корпусу. Кажется, и уйдти-то отъ этого крюка некуда,—такъ медленно, но неумолимо вѣрно двигается онъ въ какую-нибудь одну сторону. Глядишь—зацѣпилъ здоровый камень и потащилъ его вверхъ; потомъ, точно одумался и по чьей-то командѣ сталъ его опять спускать. Попадись человѣкъ, и онъ размозжитъ ему голову. Но никто не попадается, и камень преблагополучно спускается. Это прессъ для моделей. Наляжетъ онъ своей грудью на

ящикъ съ рыхлой землей, и будетъ такъ лежать до тѣхъ поръ, пока не потребуютъ куда-нибудь вновь. Приведутъ въ дѣйствіе воротъ, завертится колесо, и пойдетъ послушная масса двигаться по волѣ человѣка вверхъ и внизъ, взадъ и впередъ.

Стали растапливать вагранки (печи для плавки чугуна), и запыхтѣли, загудѣли, загремѣли онѣ на все зданіе. Какъ титанъ рвется воздухъ изъ трубы, ищетъ простору, стонетъ, реветъ, но сзади напираютъ новые валы, и, хочешь, не хочешь, а покоряйся.

Гулъ пошелъ такой, что Борисъ долженъ былъ поднять голосъ по крайней мѣрѣ на два тона. Находя, можетъ быть, что это несовсѣмъ удобно для его легкихъ, онъ пригласилъ собесѣдника пройдтись съ нимъ по двору. И вотъ зашагали они по грудамъ песку и свѣжей взрытой земли, черезъ колоды, ямы, кучи мусора и старыхъ трубъ.

— Чтобы отлить этотъ цилиндръ, нужно какихъ-нибудь два часа, доказываетъ Борисъ.

— Не могу.

— Ну, наконецъ, вы послѣ его сломаете. Послѣ, когда онъ мнѣ не нуженъ будетъ.

— Зачѣмъ-же ломать?

— А мнѣ, понимаете ли, эта вещь необходима. Еслибъ не это... такъ я не сталъ бы васъ безпокоить. Не могу же я дѣйствовать безъ остова, безъ самой основы.

Борисъ взглянулъ на собесѣдника, желая узнать, не смягчился ли онъ. Нѣтъ, все та же безстрастная мина.

— Войдите въ мое положеніе! Что же я теперь стану дѣлать безъ этого цилиндра? Какъ я обойдусь безъ него?

Собесѣдникъ начинаетъ шевелить губами.

— А вы устройте его изъ чего-нибудь другого, совѣтуетъ онъ.

— Богданъ Иванычъ, еслибъ его можно было устроить изъ тюлю, повѣрьте, что я и не обратился бы къ вамъ. Я купилъ бы въ городѣ пять аршиновъ тюлю, и скроилъ бы его. Но какъ мнѣ вамъ растолковать...

— Не могу.

Хорошо, что Борисъ самъ былъ человѣкъ болѣе или менѣе невозмутимый. Другой бы на его мѣстѣ давно сталъ ругаться. Особенно, если принять во вниманіе, что этотъ разговоръ длился не пять минутъ и не десять, а вѣрныхъ три-четверти часа. Начинался онъ неизмѣнно такъ: „да поймите же, наконецъ,“ продолжался: „не могу“ и оканчивался тѣмъ же „не могу“.

— Странно, говорилъ Борисъ.—Меня ставятъ въ такое положеніе, что я долженъ отъ всего отказаться. Дайте согласіе на этотъ цилиндръ, хоть бы только для того, чтобы отвязаться отъ меня.

— Не могу.

Борисъ зажмурился.

— Я не угодникъ. Не могу сдѣлать чуда. Мнѣ нужно и то, и то; и мнѣ ничего не даютъ. Кому я этимъ обязанъ? Г. Боборыкову? Онъ вамъ отдалъ такое приказаніе?

— Нѣтъ; онъ мнѣ этого не говорилъ. Но онъ и обратнаго этому тоже не говорилъ. Я не имѣю разрѣшенія принимать даровые заказы.

— Но вѣдь мнѣ-то, мнѣ лично, сдѣлана льгота.

— Машины, уже имѣющіяся на лицо...

— Я это слышалъ, Богданъ Иванычъ.

Борисъ неистово мялъ фуражку.

— Хорошо. Я вижу, мнѣ остается только одно, обратиться самому къ вашему главноуправляющему.

— Желаете, чтобы я далъ вамъ его адресъ?

— Благодарю. Я достану его у брата.

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ молча.

— Знаете что, Богданъ Иванычъ, скверно быть бѣднымъ человѣкомъ. Притѣсняютъ всѣ. Вотъ сколько я времени потеряю теперь изъ-за этого цилиндра. У меня все готово: чертежи, вычисленіе. Я чувствую, что нуженъ только одинъ толчокъ... Вдунуть только жизнь, и машина пойдетъ. Вы не поймете, а вѣдь это скверное состояніе! Поймалъ мысль, почти осязаешь ее, и вдругъ... остановка. Знаете что, возьмите меня пока къ себѣ на заводъ. Я буду вмѣстѣ съ рабочими чугунъ отливать. Какъ-нибудь между дѣломъ можно будетъ и свои приборы устроить. А? Богданъ Иванычъ, возьмите.

Собесѣдникъ сбилъ пепелъ у сигары.

— У насъ рабочій получаетъ 30 к. въ сутки. Чтобы окупить эти приборы, вамъ придется работать полтора года.

Борисъ истерично захохоталъ.

— Полноте! скажите-ка лучше, что разрѣшаете.

— Я самъ здѣсь работникъ. Еслибъ Еремѣевъ-то былъ я, можетъ быть мы съ вами бы и поладили. А то я вѣдь Чижовъ, не Еремѣевъ. Ты что? меня? обратился онъ вдругъ къ какому-то рабочему. — Сейчасъ иду. Мое почтеніе-съ!

Борисъ въ раздумьѣ посмотрѣлъ въ слѣдъ Чижову съ его невозмутимо-медленной, размѣренной походкой. Скажите ему, что гдѣ-нибудь по сосѣдству рухнула крыша или взорвало паровикъ, едва-ли онъ прибавитъ шагу. Съ одной изъ са-

мыхъ некрасивѣйшихъ физіономій, даже съ отпечаткомъ нѣкоторой вульгарности, онъ однако же рѣзко выдавался изъ толпы своей апатіей. Нѣтъ человѣка, который видѣлъ бы его разсерженнымъ, еще менѣе того обрадованнымъ или опечаленнымъ. Пусть ему вдругъ откажутъ отъ мѣста, или разомъ произведутъ въ фельдмаршалы, онъ съ одинаковымъ безстрастіемъ выслушаетъ объ новости и ни одинъ мускулъ на лицѣ не дрогнетъ. Если есть чистокровные флегматики, такъ онъ изъ числа ихъ. Съ такимъ-то автоматомъ приходилось имѣть дѣло нашему Борису. У англичанъ они называются флегматиками, меланхоликами, а у насъ про нихъ говорятъ: „хоть колъ на головѣ теши!“

Потерявши изъ виду своего гонителя, почтеннаго механика Еремѣевскихъ заводовъ, Богдана Ивановича, Борисъ прошелъ въ мастерскія. Стукъ, грохотъ и бѣшеная скачка пятидесяти или шестидесяти колесъ могли оглушить человѣка непривычнаго, но ему это было ни почемъ. Онъ самымъ хладнокровнымъ образомъ путешествовалъ между машинами, приводами и катающимися станками, когда каждую минуту какая-нибудь неугомонная шестерня грозила раздробить ему плечо или, уцѣпившись за край балахона, втащить его подъ самый потолокъ. Все это мчалось, гремѣло, опускалось, взлетало вновь, вертѣлось, жужжало и знать не хотѣло о существованіи какихъ-то букашекъ людей. Шатунъ у паровика, взлетая на почтенное разстояніе и потомъ съ яростію кидаясь внизъ, казалось, говорилъ: „посторонись! не то отъ тебя останется одинъ прахъ!“ Тутъ летитъ на всѣхъ парахъ маховикъ, тамъ зіяетъ красное жерло топки, здѣсь подбираются зубья огромнѣйшаго вала, которому ничего не стоитъ истереть васъ въ порошокъ. Смерть и смерть во

всѣхъ видахъ! но только для человѣка непривычнаго, рабочіе же ко всему приглядѣлись. Оторветъ кому-нибудь палецъ, а не то и всю руку, скажутъ: „машина балуетъ,“ и пойдутъ опять шнырять около нея, накидывать ремень на вертящійся валъ. Случается, что иногда кто-нибудь не досчитается цѣлой ноги, но впрочемъ это рѣдко бываетъ.

Борисъ пробрался-было къ паровой, когда его кто-то окликнулъ. Онъ обернулся.

— Что-жъ, винты-то точить, что-ли?

Борисъ задумался.

— Нѣтъ, не надо.

— Что такъ?

— Да ничего еще не готово. Съ конца нельзя начинать.

— Ага! видно, съ Богданомъ Иванычемъ поговорили!

Малый поплевалъ себѣ на пальцы и взялъ въ руки молотъ. Интересная это была личность. Низкій, широкоплечій, мускулистый, лѣтъ 19, 20 самое большее, онъ рѣдкому не кидался въ глаза своей огромной, рыжеватой, курчавой головой. Темные глаза смотрѣли не то сердито, не то загадочно-странно изъ-подъ нависшаго лба. Эти глаза и толстыя яркія губы дѣлали его лицо до крайности типичнымъ. Тайное какое-то ожесточеніе блестѣло въ его взглядахъ. Въ pendant къ этой наружности былъ и костюмъ. Парусинное пальто, давнымъ-давно уже потерявшее свой первоначальный образъ, было подпоясано веревкой и обратилось въ нѣчто, подобное бабьей паневѣ. На ногахъ огромнѣйшіе смазные сапоги, шитые совсѣмъ на другую ногу.

Звали этого страннаго малаго Лёвкою. Такова, по край-

ней мѣрѣ, была его кличка на заводѣ. Силы онъ былъ необыкновенной. Эта сила играла во всѣхъ его мускулахъ, рвалась наружу и блистательно заявляла себя въ каждомъ взмахѣ руки, разбивавшей молотомъ желѣзныя полосы.

Борисъ точно дѣло дѣлалъ, стоялъ и смотрѣлъ, съ какой яростью Лёвка ударяетъ по наковальнѣ. Его занималъ не столько самый процессъ, сколько личность работника, освѣщенная пламенемъ горна.

Обѣденный звонокъ положилъ конецъ всему стуку и грохоту. Машины угомонились, люди перевели духъ и непривычная тишина стала водворяться въ мастерскихъ. Мастеровые одинъ за однимъ выходили вонъ, а Лёвка почему-то не послѣдовалъ за ними. Вытирая себѣ грязное лицо еще болѣе грязною полою балахона, онъ заявилъ Борису, что Богданъ Иванычъ „шельма, и себѣ на умѣ“.

— Кто же изъ насъ лучше его? отвѣтилъ Борисъ, погрузившись въ разсматриваніе какихъ-то трубокъ.—Я не думаю, чтобы мы съ вами были передъ нимъ добродѣтели.

Лёвка двинулъ бровями.

— Ну, вы-то ужъ положительная добродѣтель, прости вамъ Господи! Для васъ въ раю и мѣста подходящаго не найдутъ.

Борисъ разсѣянно поглядѣлъ на него. Едва-ли онъ вслушался хорошенько въ его слова.

— Вы не знаете, заговорилъ онъ:—гдѣ бы мнѣ тутъ найти каучуковыя ткани? Неужели придется выписывать изъ Москвы?

— Ткани! усмѣхнулся Лёвка.—Да здѣсь кромѣ дегтю ничего не найдешь.

— А мнѣ кромѣ шутокъ... Да, надо будетъ въ Москву обратиться. Нечего дѣлать.

— Вы все-таки хотите удивительную машину выдумать? Экъ, вѣдь, подумаешь, страсть у человѣка какая! Вы, главное, вѣруйте. Вѣра, говорятъ, горы двигаетъ. Ну, а коли гора къ Магомету не подойдетъ, такъ онъ самъ къ ней подойдетъ.

— А что вы думаете? Это хорошая притча. Это вѣрно! Не ждите чуда, идите сами на встрѣчу ему. Работайте, трудитесь, ночей не досыпайте, и вы сами додумаетесь до чуда. Велики чудеса, до которыхъ доходитъ умъ человѣческій. Развѣ электро-магнитъ не чудо? А сила пара, сила пороха, это ли не чудеса! И всѣ они крылись въ головѣ человѣка. Пожалуй, въ природѣ, если хотите. Да вѣдь и вся-то природа, всѣ ея тайны у насъ въ головѣ. Только однѣ ужъ открыты, а до другихъ долго мы еще не додумаемся. Особенно коли будемъ ждать Магометову гору. Тутъ упрямство не въ прокъ будетъ. Неужели мы будемъ все ждать, ждать и ждать? И пальцемъ не пошевельнемъ для того, чтобы наша вѣра не была мертва, чтобы она не осталась безъ дѣлъ? Нѣтъ, не даромъ сказано: „ищите и обрящете“, а не „сидите и ждите“. А развѣ мы ищемъ? Мы бѣжимъ отъ истины. Мы называемъ безумными тѣхъ, кто ее отыскиваетъ.

Онъ вдругъ точно захлебнулся и замолчалъ.

— Не то вы христіанинъ, не то философъ, кто васъ разберетъ! замѣтилъ Левка съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

— Да, другъ, замѣтилъ Борисъ какъ-то особенно мягко: — кабы мы съ тобой понимали, что̀ значитъ истинный христіанинъ, мы были бы великіе люди.

— Чувствительно вамъ благодаренъ, а я лѣвую щеку подставлять не намѣренъ. Меня и безъ того такъ отлично жарятъ по обѣимъ ланитамъ, что... для меня оно ужъ нѣкоторымъ образомъ и лишнее. Это вѣдь тѣ больше проповѣдуютъ, въ коихъ пальцемъ ткнуть небезопасно. Конечно, коли я знаю, что до моихъ ланитъ никто не дотронется, такъ извольте... буду ихъ подставлять!

Борисъ смотрѣлъ на него съ грустной улыбкой. Были минуты, когда онъ забывалъ зажмуриться.

— Когда вы... началъ онъ: — когда въ васъ это все перебродитъ?

— Никогда. Я ненавижу всѣхъ вообще, и каждаго въ особенности, и васъ въ томъ числѣ. И себя, разумѣется. Я такъ мало дорожу своей особой, что во всякую минуту готовъ ее зашвырнуть, запихнуть туда, откуда ужъ вылѣзти нельзя, или, по крайней мѣрѣ, трудновато.

— Еслибы я вѣрилъ половинѣ того, что́ вы говорите...

— Вѣрьте, вѣрьте, Борисъ... какъ васъ, Яковлевичъ, что-ли. Тотъ, кто заставилъ меня надѣть этотъ балахонъ, всѣ тѣ, которые вытолкали меня въ шею... Если они когда-нибудь...

— Послушайте, проклятія — вѣдь это вздоръ. Вѣдь это слова одни.

— А вы думаете, что я проклятіями и ограничусь? Нѣтъ-съ, пойду въ глубь! открою... я открою эту силу, которой вы боитесь, я вразумлю ее!

— Въ чемъ же эта сила? грустно спросилъ Борисъ.

— Въ чемъ? будто вы не знаете!

— Не знаю. Да вѣдь и вы не знаете.

Съ этими словами Борисъ пошелъ къ двери. Лёвка

остановилъ его. Какъ ни грязно было его лицо, а замѣтно, что оно пылало.

— Послушайте! Вы меня считаете за дурака!

— Нѣтъ, не то. Жалко мнѣ васъ. Вотъ это такъ.

— А! жалость! Я смѣюсь надъ вашимъ сожалѣніемъ!

— Вотъ то-то и бѣда, что вы смѣетесь. Знаете, въ чемъ вамъ искать теперь своего спасенія? Въ работѣ!

Лёвка показалъ ему свои руки.

— Нѣтъ, не въ физической, а въ умственной. Въ васъ сила еще не улеглась. Послушайте: общество вытолкнуло васъ. Оно несправедливо, оно ошибалось, положимъ. Докажите же это. Бросьте ему вызовъ въ лицо. Но въ то же время оставьте по себѣ добрую память. Ваша сила найдетъ себѣ приложеніе. Что, еслибы всѣ эти даромъ потраченныя силы собрать воедино! Что, еслибы только дать другое направленіе всѣмъ этимъ великимъ умамъ, всѣмъ великимъ честолюбцамъ! Дайте какому-нибудь добросовѣстному ученому энергію Аттилы или Ганнибала, даже просто какого-нибудь изувѣра-іезуита, наконецъ, сумасшедшее, положимъ, честолюбіе Наполеона. Я самъ, видите ли, не самолюбивъ. Но я знаю и никогда не стану отрицать, что самолюбіе—великая сила. У васъ его большой запасъ. Неужели же вы не найдете лучшей дороги?

Борисъ потрясалъ попавшимся ему подъ руки желѣзнымъ болтомъ. Глаза у него сдѣлались совсѣмъ большіе и почти гнѣвные. Лёвка слушалъ съ нетерпѣніемъ, закусывая себѣ губы и наморщивъ брови.

— Сказалъ бы спасибо, да не на чемъ, промолвилъ онъ, наконецъ. — Вонъ посмотрите-ка лучше, вамъ что-то несутъ.

Борисъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ Антошка съ корзинкой въ рукахъ.

— Что тебѣ?

— Анна Игнатьевна приказала вамъ отдать.

И Антошка протянулъ корзинку. Борисъ поспѣшно сорвалъ покрышку. Оказалось: холодный цыпленокъ, сыръ и яйца.

— Ахъ, эти женщины! говорилъ онъ съ улыбкой, разглядывая цыпленка со всѣхъ сторонъ и раздумывая, ѣсть его или не ѣсть.—Не хотите ли? предложилъ онъ вдругъ, протягивая корзину Лёвкѣ.

Тотъ отошелъ въ сторону.

— Нѣтъ, благодарствую.

— Послушайте, вы не церемоньтесь. Я ужъ позавтракалъ. Я цѣлый вотъ такой кусокъ съѣлъ.

И Борисъ въ доказательство вынулъ изъ кармана другой, ему подобный. Это былъ ломоть чернаго хлѣба.

— Это моя жена все хлопочетъ. Она никакъ не хочетъ повѣрить, что я могу быть когда-нибудь сытъ. Берите же!

И онъ снова протянулъ соблазнительную корзину.

Лёвка вдругъ сердито обернулся.

— Ну, давайте, впрочемъ.

Борисъ просвѣтлѣлъ и вышелъ во дворъ вслѣдъ за Антошкой.

Щегольская эгоистка вкатила на заводскій дворъ, промчалась мимо конторы и нѣсколькихъ складовъ, и остановилась передъ развалинами чего-то еще недостроеннаго. Кучи щебню, балки, бревна окончательно преграждали ей дорогу.

Лошадь фыркнула и попятилась. Изъ пролетки выскочилъ знакомый намъ отставной морякъ, Сережа Говоровъ.

— Эй, послушай! Кто у васъ тутъ смотритель? обратился онъ къ первому попавшемуся фабричному.

— Мало-ль у насъ тутъ смотрителевъ! отвѣчалъ тотъ равнодушно, и прошелъ мимо.

Дѣлать нечего. Пришлось отыскивать кого-нибудь самому. Споткнувшись, по крайней мѣрѣ, разъ двѣнадцать и провалившись одинъ разъ въ яму съ какой-то рыхлой землей, посѣтитель, наконецъ, вышелъ изъ себя и такъ заоралъ смотрителя, что землекопы поставили заступы и стали на него смотрѣть.

— Хоть бы одинъ дьяволъ догадался призвать кого-нибудь! увѣщевалъ ихъ пріѣзжій.

— Да чего звать-то? Вонъ онъ Богданъ Иванычъ-то идетъ.

Механикъ не спѣша перебирался черезъ перекладинки.

— Вамъ кого нужно? спросилъ онъ, поднимая свои сонные глаза.

— Васъ! То-есть не васъ собственно, а я пріѣхалъ посмотрѣть на заводъ.

— Вы отъ г. Боборыкова?

— Да, если хотите, отъ него. Я родственникъ Боборыкова и пріѣхалъ не по дѣлу, а собственно такъ, для удовольствія. Можете вы поводить меня по этимъ руинамъ?

И онъ указалъ на дѣйствительно ветхія зданія для рабочихъ.

— Въ настоящую минуту не могу, потому что я занятъ въ столярной, а вотъ...

Онъ указалъ на стоявшую вдали фигуру Бориса.

— Вы передаете меня этому господину?

— Да. Онъ хотя и неслужащій здѣсь, но можетъ познакомить васъ съ производствомъ основательно. Мое почтеніе!

Бывшій морякъ ринулся по указанному направленію. Борисъ тщательно зажмурился, выслушивая его объясненія.

— Не по дѣлу, вы говорите? переспросилъ онъ.

— Чисто отъ бездѣлья. Видите ли, у меня мать находитъ, что я засидѣлся, отсырѣлъ, заржавѣлъ. Я тоже нахожу это. Спрашиваю: куда бы тутъ у васъ дѣваться? Поѣзжай, говорятъ, на заводъ. На заводъ! Отлично, великолѣпно! Полчаса—и здѣсь. Но зачѣмъ я собственно пріѣхалъ, ей-богу не знаю. Родственники-то имѣли свои виды, посылая меня сюда. Они воображаютъ, кажется, что я какъ только увижу какую-нибудь фабрику, такъ сейчасъ и остепенюсь. Не знаю, откуда они это взяли, но вижу, что это засѣло имъ въ голову. Тѣмъ хуже. Я, нужно вамъ сказать, шалопай. Да-съ, je suis un шалопай.

Весь этотъ фейерверкъ пущенъ былъ Борису въ упоръ, такъ, что онъ даже нѣсколько оторопѣлъ.

— Если вы не жалѣете своихъ ногъ, ведите меня куда-нибудь. Куда ни попало, все равно. Я всѣмъ останусь доволенъ. Человѣкъ невзыскательный, какъ видите. Говорятъ: осматривай, ну, я и осматриваю.

— Вы тутъ осторожнѣе, въ творило попадете, предостерегъ Борисъ.

— Творило! Какое названіе! надо бы записать. По крайней мѣрѣ, маменька и сестрица не будутъ сомнѣваться, что я дѣйствительно тутъ былъ. Нѣтъ ли у васъ клочка бумажки? Тво-ри-ло. Такъ, кажется? Нѣтъ ли у васъ еще

какого мудренаго слова — а? Какъ вотъ эта штука называется, что гудетъ такъ—а?

Борисъ засмѣялся.

— Вагранка.

— Вагранка? Отлично. Мы и это запишемъ. Ва-гранка. Теперь будетъ съ нихъ. Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, что я былъ тутъ самъ, собственной особой.

Онъ тряхнулъ головой и откинулъ назадъ свои чудные волосы. На лицѣ играла самая беззаботная улыбка. Глаза говорили: „есть ли на свѣтѣ такая вещь, которую стоило бы принимать въ суръёзъ? Такой вещи нѣтъ“.

Исходивши, по малой мѣрѣ, три четверти завода, побывавши даже въ банѣ и въ аптекѣ, наши собесѣдники точно два года были знакомы. Борисъ съ слабостью, свойственною всѣмъ пылкимъ поклонникамъ какой-нибудь идеи, началъ посвящать его въ тайны этой идеи. Морякъ слушалъ внимательно и сталъ смирнѣе.

— Я здѣсь такой же пришлецъ, какъ и вы, говорилъ Борисъ: — но здѣсь моя мастерская, мой храмъ, все, что́ хотите. Я мало говорю теперь о своей мысли, потому что знаю, что всякую идею надо распространять не словомъ, а дѣломъ. Если я буду проповѣдывать ее такъ, только на словахъ, такъ на меня будутъ только головой качать, да еще хорошо, если этимъ ограничатся. Для того же, чтобы провести ее въ массу, нужны средства, огромныя средства. А я могу располагать только самыми ничтожными. Пока, я думаю, мнѣ остается только одинъ выходъ: обратиться къ вашему родственнику.

Морякъ выразительно свистнулъ.

— Хотя я и родственникъ моего родственника, но

должно сознаться, что онъ скотина порядочная. Впрочемъ, скотина изящная.

Борисъ вздохнулъ. И съ этой стороны надежды рушатся.

— Мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы можно было отказать въ такомъ дѣлѣ, какъ мое. Ради науки, въ ея интересахъ...

— Полноте! Охота вамъ говорить все такое неподходящее! Наука для васъ есть наука, а для него она средство или указаніе, какъ въ самое непродолжительное время наживать капиталы. Для меня она, напримѣръ... Что̀ такое она для меня? Вотъ штука! никогда даже не задавалъ себѣ этого вопроса. Ну, да впрочемъ, это не суть важно. Я тутъ послѣдняя спица въ пятомъ колесѣ. А вообще-то я вамъ скажу, какъ наше общество относится къ наукѣ... Взгляните-ка пристальнѣе, безъ очковъ.

Борисъ не унялся и съ жаромъ принялся развивать ему свою теорію, пытаясь доказать, что противъ нея никакая скотина устоять не можетъ, даже самая изящная.

— Ну, нѣтъ, это вы напрасно. У насъ кожа только на перчаткахъ тонкая, а на прочихъ мѣстахъ самая непроницаемая. Какую вы истину въ насъ ни пустите, не дойдетъ. Развѣ только прямо въ бровь попадете, да вѣдь это трудно.

Борисъ невольно вспомянулъ Лёвку, который давеча ругалъ всѣхъ наповалъ. Полно, ужъ не былъ ли онъ правъ въ своемъ ожесточеніи? Что, если и онъ, Борисъ, найдетъ въ обществѣ такъ же мало сочувствія, или пожалуй и совсѣмъ не найдетъ его? Но вѣдь онъ требуетъ этого не

ради себя, а ради науки. Нашъ идеалистъ не хотѣлъ понять, чтобы можно было отказать такому святому дѣлу.

— Знаете что, говорилъ морякъ.—Вы къ родственнику моему не обращайтесь. Или, пожалуй, попробуйте,—за пробу въ полицію не сажаютъ,—но потомъ отрясите прахъ съ ногъ вашихъ. Говорятъ, что нынѣшней осенью пріѣдетъ сюда самъ Еремѣевъ. Толконитесь къ нему. Вы не смотрите на то, что онъ купецъ, да еще вдобавокъ Еремѣевъ. Про него столько чудесъ разсказываютъ... Странный, кажется, человѣкъ. Право, вы попробуйте.

Борисъ жадно слушалъ его.

„Еремѣевъ“, думалъ онъ: „это отлично. Только еще до осени, вотъ что скверно. Ну, да могло бы быть и хуже“.

На прощаньи, повѣса представилъ, какъ онъ будетъ увѣрять маменьку, что влюбился въ заводъ.

— Я знала, скажетъ, я знала, Сережа, что это на тебя подѣйствуетъ благотворно. Однако, что-жъ вы меня не выгоните! Прощайте. Аддіо.

III.

Три часа ночи. Въ домѣ у Фаины Ивановны всѣ спятъ. Вдругъ въ залѣ что-то хлопнуло. И почти въ ту же секунду раздалось нѣсколько сильнѣйшихъ аккордовъ. Фаина Ивановна вскочила и какъ безумная заметалась на постели. Но это только съ просонокъ. Она скоро сообразила, что это изволитъ потѣшаться ея сынокъ, плюнула и полѣзла опять подъ одѣяло.

Въ залѣ дѣйствительно сидѣлъ за роялью Глѣбъ и разыгрывалъ свои фантазіи. Вдохновеніе приходило къ нему большею частію по ночамъ, такъ что въ домѣ этому ужъ не удивлялись. Развѣ только плюнутъ и положатъ на голову подушку, чтобы не такъ слышно было. Даже самъ Филиппъ не могъ въ этомъ случаѣ усмирить брата. Онъ и тонко, и косо, и прямо пробовалъ намекать на то, что приличіе и даже просто уваженіе къ ближнимъ не позволяетъ тревожить ихъ по ночамъ; но Глѣбъ, который, надо отдать ему справедливость, меньше всѣхъ признавалъ авторитетъ своего непогрѣшимаго родственника, отвѣчалъ обыкновенно, что онъ ужъ таковъ уродился, что какъ только придетъ ему какая-нибудь мысль, то онъ ловитъ ее на лету, и на часы не смотритъ. Наконецъ, даже просто ничего не отвѣчалъ: зѣвалъ себѣ, да потягивался, а ночью опять задавалъ концертъ. Впрочемъ, это случалось съ нимъ раза два-три въ мѣсяцъ, не больше.

Теперь лунный свѣтъ ложился ему на сутуловатую спину и однимъ лучомъ пробѣжалъ по волосамъ. Темныя, прямыя пряди падали ему на лобъ. Почти горячечный блескъ глазъ его пожиралъ клавиши, по которымъ руки бѣгали съ замѣчательнымъ проворствомъ.

Цѣлый каскадъ маленькихъ нотокъ разсыпался и вдругъ оборвался. Въ басу начиналось мрачное тремоло и crescendo, crescendo отъ едва слышнаго шопота дошло до потрясающихъ размѣровъ. Точно громъ бури разразился вдругъ подъ этими низкими сводами. Прогремѣлъ и замолкъ. Глѣбъ на минуту остановился и какъ будто думалъ. Потомъ вдругъ заплакалъ, но не онъ, а заплакали клавиши подъ его пальцами. Такихъ раздирающихъ звуковъ дѣйствительно не при-

думать днемъ, среди людского говора и суеты. Надо волшебную обстановки ночи, ея тишину, чтобы вызвать эти рыдающіе переливы.

Такой пьесы написать нельзя. Ее можно только сыграть и позабыть. Глѣбъ такъ и дѣлалъ. Онъ въ жизни своей сочинилъ только двѣ польки и одну серенаду. Все, что онъ создавалъ по ночамъ, осталось навсегда его тайной.

Всю свою безшабашную, безобразную молодость выплакалъ онъ надъ этой роялью. Онъ замеръ теперь. Онъ залетѣлъ на такую высоту, какую не всякій вынесетъ безъ головокруженія. Но ему ужъ не страшно. Онъ не останавливается, да и нельзя ему остановиться, пока хватаетъ силъ и духъ выноситъ потрясеніе.

Дверь неслышно отворилась, и какая-то бѣлая фигура остановилась на порогѣ. То была Анна Игнатьевна. Одно мгновеніе она прислушивалась къ игрѣ, задерживая дыханіе. Потомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ, хотѣла подобрать шлейфъ, но ужъ поздно. Глѣбъ услыхалъ шорохъ и обернулся. Не говоря ни слова, Анна сдѣлала ему жестъ, который значилъ: „продолжайте!“ Музыкантъ не заставилъ повторить, и прерванная баллада понеслась еще бѣшенѣе.

Анна отворила окно, вдохнула въ себя свѣжій воздухъ, въ которомъ слышалась близость рѣки, и осторожно опустилась на стулъ. На противоположной стѣнѣ, въ зеркалѣ, точно въ какой-то туманной, волшебной дали, отражалась вся ея фигура, но она этого не замѣчала. Она вся отдалась этимъ звукамъ, и обнявши руками спинку стула, положила на нее голову, какъ будто дремала.

Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, даже и музыкѣ.

Глѣбъ съ шумомъ отодвинулся отъ рояли и обернулся къ своей слушательницѣ.

— Я васъ разбудилъ?

— Нѣтъ, я не спала. Я вѣдь часто не сплю по ночамъ.

— Что такъ?

— Думы невеселыя въ голову идутъ. Скучно мнѣ, Глѣбъ, вотъ что! добавила она неожиданно, и встала.

Онъ съ участіемъ поглядѣлъ на нее, подумалъ и выговорилъ:

— Еще бы!

— Отчего „еще бы“? Отчего ты думаешь, что я должна скучать?

— Эхъ, Анна Игнатьевна! Неужели вы... Я вѣдь слѣжу за вами...

— Ну, и что-жъ?

— Ну, и вижу... Что? Этого я вамъ пожалуй и объяснить не съумѣю. Я вижу. Вѣдь мы, иной разъ бываемъ проницательны. Что до того, что мнѣ Антошка сапоги надѣваетъ, вы на это не смотрите. И я могу проснуться. И сапоги стану самъ надѣвать. Не стóитъ, впрочемъ.

— Какъ не стóитъ! Удивительный ты человѣкъ, Глѣбъ. Мнѣ бы хотѣлось разбудить тебя.

— Ну, что-жъ, попробуйте! Онъ бросилъ на нее вызывающій взглядъ. Глѣбъ ни мало не былъ влюбленъ въ Анну Игнатьевну. Въ немъ недавно еще улеглась первая страсть и очень онъ ужъ усталъ отъ нея. Это чувство все-таки требовало нѣкотораго напряженія, а напряженій его натура рѣшительно не выносила. Онъ смѣло могъ назвать себя другомъ Анны Игнатьевны, но къ дружбѣ мужчины

съ женщиной почти всегда примѣшивается одна десятимилліонная доля того чувства, которое носитъ обыкновенно другое названіе. Можетъ быть, оно-то и служитъ цементомъ, и даетъ ту крѣпость, которой недостаетъ въ дружбѣ двухъ женщинъ или двухъ мужчинъ.

На вызовъ родственника Анна только улыбнулась.

— Нѣтъ, куда мнѣ спасать утопающихъ! Я сама утопающая.

— Вы?

— Да, я. Что удивляешься? Видно, ты плохо меня изучилъ. Сыграй-ка опять что̀ сейчасъ игралъ.

— Не могу.

— Ты самъ не знаешь, какъ это хорошо, что̀ ты сейчасъ исполнилъ. Попробуй!

— Нѣтъ, и не просите.

Онъ вдругъ сердито повернулся къ рояли и заигралъ опять.

Если прежде была страсть, буря, всѣ сильные мотивы жизни, то теперь такая роскошная нѣга, такое сладкое, робкое замираніе, призывъ, томленіе, что такъ могутъ только играть влюбленные или великіе артисты.

Анна слушала, слушала, и не выдержала. Она подошла къ игравшему и положила ему руку на плечо.

— Перестань! Я не могу дольше выносить. Эта музыка... Господи, вѣдь это могутъ только слушать счастливые люди! Сыграй мнѣ что-нибудь сумасшедшее! Слышишь? Такое, чтобы духъ захватило. Вотъ въ родѣ давешняго! Да играй же!

Она почти крикнула эти слова, такъ что онъ невольно оборвалъ тактъ и въ изумленіи остановился. Потомъ точно

и на него перешелъ ея порывъ и ея гнѣвъ. Онъ вдругъ съ такой быстротой ринулся въ цѣлое море звуковъ, что дѣйствительно духъ стало захватывать отъ этой безумной скачки.

Когда оборвалась послѣдняя нотка, Анна нагнулась къ нему. Зрачки у нея расширились и вся она дышала страстью. Музыка видимо наэлектризовала ее.

— Знаешь ли, начала она:—знаешь ли ты такіе порывы, которые влекутъ человѣка въ бездну? Мы падаемъ, и въ самомъ этомъ паденіи чувствуемъ прелесть.

— А ты испытала это? Глѣбъ иногда тоже говорилъ ей *ты*.

— Нѣтъ, но я хочу испытать. Да! Довольно этой жизни! Я задыхаюсь въ вашемъ домѣ. Меня давитъ, меня гонитъ отсюда!

Съ этими словами какъ будто изсякла ея энергія. Она облокотилась на рояль и замолкла.

— Вамъ скучно здѣсь! повторилъ Глѣбъ ея же слова.

— Да, мнѣ скучно. Да такъ, что еслибы было куда бѣжать, я бы убѣжала сейчасъ же, не задумываясь. Борисъ — отличный человѣкъ. Онъ умнѣе, онъ лучше всѣхъ насъ, я это сознаю. Но можетъ ли онъ наполнить всю мою жизнь? Ты не повѣришь, Глѣбъ, а я иногда жалѣю о своей деревнѣ. Тамъ я была занята, тамъ у меня работа была, а здѣсь что́ я такое? Хозяйничать такъ, въ маленькомъ размѣрѣ, я не привыкла, да и не умѣю. У меня тамъ было хозяйство большое. Мнѣ была тамъ предоставлена полная свобода. А тутъ?... неужели я въ самомъ дѣлѣ пойду въ кухню жарить котлеты, или муку буду выдавать на пироги? Я знаю, что женщины, въ двад-

цать тысячъ разъ лучше меня дѣлаютъ это, и все-таки... Да я на это и неспособна... Виновата ли я? Мелочи — это моя антипатія! Да и наконецъ, вотъ что, Глѣбъ, положимъ даже, что я и согласилась бы быть хозяйкой, развѣ ваша матушка уступила бы мнѣ свое мѣсто? Да если у нея отнять удовольствіе бѣгать по всему дому съ ключами, да жариться до шести часовъ у плиты, что́ отъ нея останется?

Во время этого монолога, Глѣбъ задумчиво смотрѣлъ на нее.

— Я помню, началъ онъ:—когда Борисъ былъ женихомъ, то онъ говорилъ, что хочетъ посвятить васъ въ свои планы. И я помню, онъ съ такимъ жаромъ объявлялъ, что вы ему непремѣнно будете сочувствовать. Онъ тогда еще говорилъ объ васъ, какъ о замѣчательной дѣвушкѣ и по уму, и по характеру... Вотъ, говоритъ, эта женщина подвинетъ мое дѣло впередъ. Я въ ней увѣренъ больше, чѣмъ въ себѣ!

Анна какъ-то замерла отъ этихъ словъ и поникла головой.

— Да, сказала она въ раздумьѣ: — и Борисъ былъ правъ, когда надѣялся на меня. Никто больше меня не вѣрилъ въ его мечты. Развѣ есть хоть одинъ человѣкъ, который ожидалъ бы отъ него чего-нибудь путнаго? Всѣ вы смотрите на него, если не прямо какъ на сумасшедшаго, то какъ на самаго безполезнаго мечтателя.

— Кто это мы? Только не я!

— Нѣтъ, и ты! Когда ты лежишь на постели, или когда Антошка надѣваетъ тебѣ сапоги, ты думаешь такъ же, какъ и другіе, т.-е.: какой это мой братецъ болванъ!

Охота же ему вставать въ шестомъ часу и бѣжать куда-нибудь на заводъ, или умирать надъ книгами у себя въ кабинетѣ. Теперь ты, можетъ быть, ему и сочувствуешь, потому что тебя музыка разогрѣла, но въ обыкновенное время... Не отказывайся! пожалуйста, не отказывайся!

Глѣбъ отчаянно замоталъ головой.

— Самъ я лѣнивъ, но изъ этого не слѣдуетъ...

— Перестань, не разувѣришь. Ты спрашиваешь, почему я не помогаю мужу (онъ этого не спрашивалъ, но все-равно, онъ намекнулъ ей на это).—Хорошо. Въ чемъ же, какъ же я могу помочь ему? Представь себѣ одно: ты страстно любишь человѣка, ты готовъ за него душу положить. Вдругъ у этого человѣка разболѣлись зубы. Что ты подѣлаешь со всей своей любовью? Предметъ твоей страсти бьется головой объ стѣну, а ты стоишь и хлопаешь глазами. Или, пожалуй, тоже головой о печку бьешь. По-моему, хлопать глазами даже лучше. Своя голова цѣлѣе останется. Я вѣрю во всѣ фантазіи Бориса. Для меня онѣ уже не фантазіи, а новое открытіе, можетъ быть новая эра въ наукѣ. Но что же я могу сдѣлать? Въ чемъ я ему окажу помощь? Въ вычисленіяхъ, что-ли? я дальше десятичныхъ дробей ничего не знаю. Мнѣ скажутъ: учись! Хорошо, положимъ, я прошла высшую алгебру и аналитическую геометрію. Что-жъ дальше? Оказывается, что тутъ моя помощь совсѣмъ и не нужна. Онъ всѣ эти вычисленія давно сдѣлалъ и безъ меня. Да и наконецъ, я проглотила всю математику, а таланта, способностей моего мужа у меня нѣтъ. Въ наукѣ ему нужно помощника, равнаго ему по силамъ, или совсѣмъ никакого. Я знаю, что необходимо Борису: деньги, средства! Вотъ безъ чего ему обойтись

нельзя. Я дѣйствительно мечтала помочь ему въ этомъ насколько умѣю, подыскивать людей, располагать ихъ въ пользу его идеи... И что-жъ я вижу? Что мы въ городѣ почти никого не знаемъ. У насъ ни души нѣтъ знакомыхъ. Этихъ-то пустяковъ я сгоряча и не замѣтила. Маленькую ошибку сдѣлала: собралась воевать съ людьми, которыхъ и на лицо-то не оказывалось.

Она горько засмѣялась.

— Вотъ теперь и ищи выхода! И наполни чѣмъ-нибудь свою жизнь! Мужъ цѣлые дни сидитъ за работой, а я... что я такое? разрѣши мнѣ этотъ вопросъ, Глѣбъ!

Глѣбъ вдругъ вскочилъ съ мѣста и принялъ восторженный видъ пророка, на котораго только-что сошло вдохновеніе свыше.

— Знаете что! Ваше призваніе дѣйствительно быть проповѣдницей какой-нибудь идеи. У васъ на это богатыя силы. Вы увлечете людей за собой! Даю вамъ мое честное, благородное слово! Ищите себѣ знакомства. И расширьте кругъ этотъ какъ можно больше! Я такъ глубоко увѣренъ въ вашемъ успѣхѣ...

Злая радость мелькнула у нея въ глазахъ.

— Ты думаешь, что я могла бы имѣть успѣхъ? да?

— Несомнѣнно. Не въ порядкѣ вещей, чтобы такая женщина, какъ вы, Анна...

— Да, да. Ну, хорошо. Съ чего бы это только начать? Ты говоришь — знакомства. Положимъ. Но вѣдь не могу же я ѣхать и рекомендоваться всѣмъ сама. Легко сказать: обширный кругъ, успѣхъ! Но ты подумай, съ чего надо начинать! Проповѣдница идеи — въ губернскомъ городѣ! M-me Roland прославилась не потому, чтобы она

была великая женщина... Читала я ея дневникъ, — такая же, какъ и мы грѣшныя... а потому, что ей приходилось дѣйствовать на большой сценѣ. Многое, что́ вблизи смѣшно— издали чудо какъ хорошо. Въ такой катастрофѣ, какъ французская революція, нетрудно было выдвинуться впередъ. А вотъ открыть пропаганду въ нашемъ губернскомъ городѣ... Да нѣтъ, лучше сыграй что-нибудь еще!

— Не могу, воображенія не хватаетъ.

— Да вотъ, возьми темой проводника въ пустынѣ. Гремитъ, гремитъ—и тишина ему въ отвѣтъ! Или вотъ еще лучше. Я дамъ тебѣ тему: женщина съ огромнѣйшимъ запасомъ честолюбія, самолюбія, славолюбія и съ крошечнымъ характерцемъ, только съ намекомъ на характеръ. Смотри, какая богатая мысль! Одна сила рвется вдаль, влечетъ ее на высоту, другая тянетъ книзу, въ болото. Представь намъ эту борьбу, покажи, какія страданья должна вынести эта женщина, покуда, наконецъ, болото побѣдило. Да здравствуетъ болото!

— Эта женщина — ты, Анна! восторженно произнесъ Глѣбъ, стараясь сохранить иронической видъ.

— Я? Ха-ха! Съ чего ты это взялъ? Это тебѣ такъ кажется, потому что ты нынче настроился на самый торжественный тонъ. Ты учитель, а я жена учителя. И затѣмъ покойной ночи. Я, какъ болѣе благоразумная, удаляюсь первая.

Ночная бесѣда имѣла свои послѣдствія. Анна встала въ одиннадцатомъ часу и не явилась къ чаю, чѣмъ несказанно огорчила свою belle-mère. Глѣбъ тоже опоздалъ. Смѣшно было смотрѣть, какъ вчерашній артистъ, теперь сонный и

растерянный, улегся съ ногами на диванъ и глядѣлъ, какъ одинъ братъ собирается на службу, а другой тоже, повидимому, куда-то собрался, потому что одѣтъ по-праздничному.

Въ сосѣдней комнатѣ, классическая Варенька, слышно, спрашиваетъ учениковъ, какъ читается 12-й членъ символа вѣры, и „что сіе значитъ?“ Фаина Ивановна пролетаетъ какъ ураганъ и носится по всѣмъ уголкамъ дома, всюду обозначая свое присутствіе какимъ-нибудь „охомъ“, „ахомъ“ приказаніемъ Антошкѣ пойти пригладить себѣ хохлы, или кровавой стычкой съ Марьей. Кстати объ ней; это въ своемъ родѣ преудивительное, прекапризное созданіе. Она любила иногда прикинуться, модничала и кривлялась, какъ любая институтка. Въ случаѣ обиды, ударялась въ истерику, говорила, что у ней грудь болитъ, что она больше служить не можетъ. Наконецъ въ экстренныхъ случаяхъ билась головой объ стѣну. Если кто-нибудь изъ гостей хвалилъ ея кушанье, просила себѣ у барыни прибавку. Фаина Ивановна сцѣплялась съ ней на худой конецъ десять разъ въ день, и все-таки не могла разстаться съ этимъ сокровищемъ. Еслибы Марья ушла на одинъ, только на одинъ день, Фаина Ивановна не жилица на бѣломъ свѣтѣ. Сохрани Богъ, другая кухарка попадется смирная, съ кѣмъ тогда затѣять пальбу? На кого топать ногами, въ кого швырнуть ложкой? И барыня и служанка были вполнѣ довольны другъ другомъ. Онѣ вели войну по всѣмъ правиламъ искусства. Сперва незначительныя стычки, потомъ перестрѣлка картечью, потомъ выдвигалась тяжелая батарея, пули отпускались ужъ полновѣсныя, и попасть невзначай между воюющими державами было небезопасно.

Филиппъ, укладывая въ портфѣль какія-то бумаги, подозрительно посматривалъ на брата.

— Куда ты? спросилъ онъ наконецъ.

Борисъ зажмурился.

— Да вотъ думаю съѣздить къ Боборыкову.

— Къ кому?

Филиппъ сдѣлалъ этотъ вопросъ не то, чтобы съ ужасомъ, а съ чѣмъ-то похожимъ на ужасъ. Братъ повторилъ. Филиппъ положилъ бумаги на столъ и скрестилъ руки на груди à la Napoléon.

— Что же, ты еще только думаешь познакомиться съ нимъ, или знакомство уже сдѣлано?

— Нѣтъ, я, по правдѣ сказать, былъ у него два раза, да не приняли. Говорятъ, дома не было.

— И ты думаешь, что его въ самомъ дѣлѣ не было дома?

— Можетъ быть, и былъ; Богъ его вѣдаетъ!

— Мнѣ кажется, одно подозрѣніе, что тебя *не хотѣли* принять, должно бы отбить охоту являться въ домъ другой разъ.

— Я къ нему десять разъ пойду, до тѣхъ поръ, пока онъ меня наконецъ не приметъ. Плюнетъ, а велитъ принять.

Филиппъ съ негодованіемъ пожалъ плечами.

— У насъ въ роднѣ такъ никто не разсуждалъ. Первый разъ слышу подобную мысль.

— Видишь ли, еслибъ я искалъ отъ этого господина Боборыкова чего-нибудь для себя лично, это было бы, какъ бы тебѣ сказать... Я бы тогда и справляться не сталъ, какъ разсуждали у насъ объ этомъ въ роднѣ. Но я, ты знаешь, хлопочу не о себѣ.

— Да, о наукѣ! я и забылъ.

Филиппъ неестественно расхохотался. Глѣбъ лежалъ и думалъ: „вотъ тутъ-то бы мнѣ надо по настоящему заступиться за брата. А то вчера Анна меня очень неделикатно задѣла на этотъ счетъ. Да, надо, надо заступиться. Но вѣдь говорить придется, а что говорить? ей-богу, вѣдь это ужасно. Все болтать, болтать. Что за чортъ въ самомъ дѣлѣ“.

И онъ съ нѣкоторой яростью попробовалъ перевернуться на другой бокъ.

— Вы, господа, продолжалъ Филиппъ: — вы, господа, великіе мыслители, какъ плащомъ какимъ драпируетесь этой наукой. Но вѣдь не всякаго можно дурачить. Иные видятъ, что за этимъ громкимъ словомъ скрывается пустота. Вы съ своимъ, какъ его, Дмитріевымъ, Писаревымъ?... завоевали весь міръ на бумагѣ. А не умѣете устроить своихъ собственныхъ дѣлишекъ.

Борисъ принялся за свой добродушный, истеричный смѣхъ.

— Этотъ Писаревъ или Дмитріевъ, какъ ты его окрестилъ, съ моимъ дѣломъ не имѣетъ рѣшительно ничего общаго. А что я дѣйствительно хочу завоевать, хоть и не весь міръ, но одинъ уголокъ нашего промышленнаго міра— это правда. И еслибы ты потрудился когда-нибудь выслушать меня какъ слѣдуетъ...

— Извини, мнѣ некогда, сухо оборвалъ его Филиппъ.

— Да? ну, это очень жаль. Но только, замѣть, это отнимаетъ у тебя всякое право критиковать меня. Пропускать свои мнѣнія черезъ твою цензуру я не буду...

— На васъ, пустозвоновъ, цензуры нѣтъ!

— Позволь! мои опыты даютъ вамъ гарантію. Я затѣялъ совсѣмъ не такое безумное дѣло... Не я первый выступилъ на эту дорогу. Я могу указать тебѣ на многіе авторитеты. Въ сущности я даже ничего не открылъ. Я хочу только приложить къ дѣлу силу давно извѣстную, но почему-то оставленную. До меня еще надъ этимъ вопросомъ работали многіе. Могу назвать тебѣ Андро, Тельедю-Моте, Жюльена.

— Пощади! Меня убьетъ эта тирада. Къ тому же я нынѣче плохо спалъ ночь.

Филиппъ искоса посмотрѣлъ на Глѣба. Тотъ, разумѣется, и не шевельнулся.

— Про Боборыкова я тебѣ скажу только одно: что онъ человѣкъ въ высшей степени одаренный здравымъ смысломъ. Отсюда ты можешь выводить заключенія, какія тебѣ вздумается.

— Да „здравый смыслъ“ это по-вашему что? мѣдный лобъ, что ли? наивно спрашивалъ Борисъ.

— Милый мой, здравый смыслъ—это то, о чемъ человѣкъ долженъ ежедневно просить Бога въ своихъ молитвахъ. Безъ него ты на вѣки останешься звѣздочетомъ. Еще разъ повторю, что Боборыковъ, котораго я знаю хорошо, для котораго я устраиваю нѣкоторыя дѣла въ банкѣ, Боборыковъ, говорю я, человѣкъ въ высшей степени уважаемый. Гордый, это правда, но я такимъ людямъ прощаю гордость, потому что они имѣютъ на нее полное право.

— Откуда вы эти права берете? удивился Борисъ. — Въ какихъ это законахъ вы вычитали? Христіанскій законъ вамъ это положительно запрещаетъ, а ты, кажется, хорошій православный.

— Примѣшивать религію къ мелочамъ обыденной жизни, по-моему, значитъ осквернять ее.

— А, вотъ оно что. Такъ вотъ вы какой морали придерживаетесь: не убей никого, не ограбь, да евангеліе почитай, то-есть не евангеліе собственно, а самую книгу въ бархатномъ переплетѣ. Положилъ ее на престолъ, оказалъ ей всякія почести, да и кончено—обязанности христіанскія исполнилъ! А маленькіе грѣхи простятся, это ничего. Всего на томъ свѣтѣ въ разсчетъ не примутъ.

— Не всякое лыко въ строку, лѣниво замѣтилъ Глѣбъ:— что́ полегче, то можно и съ вѣсовъ долой.

Борисъ замолкъ, увидавши, что братъ забралъ портфѣль и краснорѣчиво уходитъ изъ комнаты. Но волненіе нашего проповѣдника еще не улеглось. Онъ видѣлъ, что передъ нимъ на диванѣ лежитъ еще слушатель, хотя, можетъ быть, и фиктивный, но все-таки слушатель.

— Еслибъ можно было, гремѣлъ онъ: — когда-нибудь научить этихъ фарисеевъ понимать свою религію. Еслибъ можно было очистить ихъ отъ обрядностей!

— Однако ты скоро пойдешь? вдругъ отрѣзалъ Глѣбъ.

— Куда?

— Къ Боборыкову.

— Ахъ, да!

Борисъ засуетился. Поискалъ у себя въ карманѣ перчатокъ—не нашелъ. Поискалъ фуражки—тоже не нашелъ. Бросился къ себѣ въ комнату—наткнулся на Фаину Ивановну, получилъ въ награду за это: „ахъ, батюшка, одурѣлъ что-ли?“ и наконецъ благополучно добрался до своей кладовой, иначе кабинета. Тамъ вытащилъ изъ-подъ книгъ фуражку, засунулъ что-то такое совсѣмъ ненужное въ кар-

манъ, и кинулся вонъ съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ спасаются только отъ наводненія.

Г. Боборыковъ, главный управляющій купца Еремѣева, занималъ въ городѣ чуть-ли не лучшій домъ послѣ губернаторскаго. Зеркальныя стекла, колонны, лѣпная работа на стѣнахъ—все рекомендовало этотъ домъ, какъ жилище нѣкотораго божества. Швейцаръ, статуи на лѣстницахъ и всѣ прочія мытарства еще болѣе подтверждали идею о его божественномъ происхожденіи. Мрачная прислуга въ передней и открывающаяся въ перспективѣ амфилада внушали о благоговѣніи, съ какимъ нужно было вступать сюда простому смертному.

Но Борисъ, какъ съ этимъ чувствомъ вовсе незнакомый, зашагалъ по дубовому паркету такъ же равнодушно, какъ по половикамъ Фаины Ивановны. Какія-то нимфы съ кубками и арфами дразнили его на дорогѣ. Предстали взору раскрытое кѣмъ-то піанино и брошенныя ноты. Во всѣхъ зеркалахъ направо и налѣво отражалась его смѣшная, журавлиная фигура, а онъ себѣ все шагалъ. Взявшись за ручку кабинетной двери, онъ размышлялъ о томъ, что вотъ же два раза не принималъ, а въ третій и принялъ. Радость преждевременная, ибо увидать Боборыкова и не ослѣпнуть было такъ же трудно, какъ посмотрѣть на Юпитера и не разсыпаться въ прахъ. Представши передъ лицо его, Борисъ не то чтобы сконфузился, а почувствовалъ себя какъ-то скверно. Казалось, создавая Боборыкова, природа ошиблась и хватила черезъ край. Всю надменность и величіе, потребныя для десяти субъектовъ, она отдала одному. На сколько могли эти добродѣтели отразиться въ наружности—онѣ отразились въ совершенствѣ. Крупный, но кра-

сивый обликъ глядѣлъ убійственно холодно. Недоступность парила надъ этой головой, а презрѣніе никогда не сходило съ губъ. Трудно было ожидать, чтобы онъ заговорилъ просто; скорѣй можно было думать, что онъ скажетъ подъ музыку речитативъ, какъ говорятъ въ оперѣ короли, когда они однимъ жестомъ приказываютъ удалиться какому-нибудь пажу. На этотъ разъ, однакожъ, дѣло обошлось безъ речитатива, хозяинъ только спросилъ:

— Что̀ вамъ угодно?

Вопросъ сопровождался замороженнымъ взглядомъ. Борисъ, по обыкновенію, началъ съ того, что зажмурился и этимъ сразу проигралъ свое дѣло. Все, что́ онъ потомъ ни говорилъ, было въ глазахъ хозяина не болѣе, какъ дополненіемъ къ первой продерзостной выходкѣ. Сидя бокомъ къ гостю, онъ дѣлалъ отмѣтки въ какихъ-то бумагахъ; онъ то отчеркивалъ ихъ, то расчеркивалъ, самымъ невѣжливымъ образомъ углублялся въ чтеніе иной фразы, и только что не говорилъ: „убирайтесь же вонъ“.

Борисъ какъ началъ, такъ ужъ и полетѣлъ, не останавливаясь, спотыкаясь, задыхаясь, перемѣшивая начало съ концомъ, середину съ началомъ. Ему хотѣлось разомъ разсказать и о томъ, что́ ему нужно, и о томъ, что́ онъ задумалъ, и о томъ, что́ предвидится впереди: какія могутъ быть препятствія и какъ ихъ устранить. Въ своей наивности, онъ не хотѣлъ представить себѣ, чтобы человѣку постороннему могъ быть непонятенъ какой-нибудь насосъ посредственной силы или распредѣлительная коробка. Онъ говорилъ о флюометрахъ и о квадратахъ давленія, какъ мы говоримъ о погодѣ и о нашихъ хорошихъ знакомыхъ. Выходило нѣчто среднее между лекціей, безтолковымъ объ-

ясненіемъ и желаніемъ обратить слушателя въ свою вѣру. Замѣчая, что съ хозяиномъ отъ нетерпѣнія дѣлаются судороги, Борисъ спѣшилъ: хотѣлъ просить о дозволеніи отлить на заводѣ цилиндръ и нѣкоторыя другія принадлежности, а вышло, что онъ проситъ о сочувствіи. Хотѣлъ просить о выдачѣ заимообразно нѣкоторой ссуды, а оказалось, что онъ приглашаетъ уважать науку и стать во главѣ предпріятія.

Хозяинъ вертѣлся, вертѣлся; наконецъ, сдѣлалъ на бумагѣ толстѣйшій штрихъ—и всталъ.

— Вы родственникъ того Корсакова, который служитъ въ банкѣ?

Борисъ совсѣмъ ошалѣлъ.

— Да, я его родственникъ.

— Хорошо-съ, я посмотрю, что́ для васъ можно будетъ сдѣлать.

Онъ посмотритъ? Странно!

— Мнѣ кажется, началъ-было Борисъ.

— Вы меня извините. У меня дѣла, занятія. Впрочемъ, я поговорю съ механикомъ.

— Стало быть, я могу надѣяться...

— Тамъ будетъ видно. Мое почтеніе-съ!

Послѣ обѣда, семейный ареопагъ Фаины Ивановны собирался обыкновенно въ залѣ. Нервная Марья приносила кофе и со вздохомъ ставила на столъ. Разливать садилась сама хозяйка, сбросивъ съ плечъ шаль и обнаживъ по локоть руки. Варенька доканчивала филегипюровый воротничокъ, приглаживала выбившійся волосокъ и чувствовала себя

несчастной. Ей казалось, что никто въ отношеніи къ ней не довольно деликатенъ. Глѣбъ, напримѣръ. На что это похоже? Сѣлъ къ ней задомъ и, еслибы не Анна Игнатьевна, навѣрное скинулъ бы сюртукъ. Но Анна тутъ. Филиппъ глубокомысленно дремлетъ надъ какою-то книгой. Борисъ съ истиннымъ усердіемъ проглатываетъ свой кофе. Чашка по обыкновенію стоитъ спокойно на мѣстѣ, а самъ онъ порывисто путешествуетъ отъ спинки дивана къ столу и обратно. Заручившись однимъ глоткомъ, онъ откидывается назадъ, точно ротъ полощетъ. Въ постороннемъ домѣ эти продѣлки были бы непремѣнно замѣчены, но тутъ къ нимъ присмотрѣлись.

Никто не знаетъ, гдѣ Дмитрій. Его исчезновеніе изъ дому на цѣлые дни сдѣлалось явленіемъ столь обыкновеннымъ, что всѣ давно уже перестали удивляться этому. Тутъ онъ—прекрасно; нѣтъ его—никто не думаетъ безпокоиться. „Не пропадетъ“, рѣшаютъ родственники. „Гдѣ-нибудь шатается“. Съ тѣхъ поръ, какъ его, за какія-то художества, выгнали изъ гимназіи, онъ сталъ въ домѣ на какомъ-то военномъ положеніи. Придетъ, повоюетъ съ Марьей, перебьетъ у нея тарелки, прольетъ что-нибудь, доведетъ ее до истерики, поѣстъ—глядишь, и опять исчезъ. Онъ требовалъ отъ домашнихъ только одного: чтобы его накормили; дальше—хоть трава не рости. „Гдѣ я, и что я—это, молъ, не вашего ума дѣло“. Только одна мать втайнѣ скорбѣла объ немъ. Фаина Ивановна ни за что на свѣтѣ не согласилась бы признаться, что самый праздношатающійся есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самый любимый ея сынъ.

Саша поднимаетъ страшнѣйшую возню съ кошкой, ко-

торая мяучитъ, шипитъ и изгибаетъ спину дугой. Мать ее усовѣщиваетъ.

— Стыдись! семнадцатилѣтняя балбесиха! Ты бы лучше физику учила!

— Что вы, мамаша, все съ физикой!

— Много ты знаешь, да!

— Немного, но все же достаточно. Анна, гляди!

Изъ кармана вытаскивается записочка и переходитъ въ руки къ сосѣдкѣ. Та читаетъ:

„Милый Сережа! приходи, пожалуйста, въ воскресенье въ соборъ. Я буду стоять у праваго клироса въ розовой шляпкѣ съ голубымъ перомъ. Не подумай, пожалуйста, что я гимназистка. Боже сохрани!“

„Addio, mio caro.“

„PS. Не забудь, если можно, принести фунтъ конфектъ. Отдашь мнѣ ихъ на паперти, потому что въ церкви неудобно!“

„Твоя Анета.“

— Что̀ это такое? спрашивала Фаина Ивановна, узрѣвши бумажку.

— Это, мамаша, французскій переводъ изъ Галахова.

— Да что̀ именно?

— Тараса Бульбу намъ задали перевести. Ужасно трудно!

— Этакая дичь. Гоголя переводятъ!

Фаина Ивановна въ недоумѣніи уронила шаль опять на полъ. Филиппъ между тѣмъ дочелъ до точки и захлопнулъ книгу.

— Ну-съ, что же ваши похожденія у Боборыкова? обернулся онъ къ брату.

— Былъ, отвѣтилъ Борисъ односложно.

— Да-съ, ну, и были приняты?

— И былъ принятъ.

— Вотъ какъ. Ну, и хорошо разумѣется? Вѣжливо?

Борисъ задумался. Какъ въ самомъ дѣлѣ его приняли: вѣжливо или невѣжливо? Этого вопроса онъ себѣ еще не задавалъ.

— Кажется, ничего, выговорилъ онъ нерѣшительно.

— Да, ничего, замѣтила Анна. Ты можешь сказать, что тебя не вытолкали. Но, чтобы сказать: „ничего“, это ужъ слишкомъ смѣло.

— Ну, гдѣ же! послушай! Онъ человѣкъ занятый...

— Это онъ самъ тебѣ сказалъ? Ну, такъ ты самая невинная птичка, если ловишься на эту удочку. Эти люди обыкновенно заняты, но чѣмъ? Красотою своихъ ногтей. Ты ему помѣшалъ? Скажите, пожалуйста. Можетъ быть, онъ выводилъ себѣ брови кисточкой.

— Я долженъ вамъ замѣтить, что вы ошибаетесь, началъ Филиппъ.—Господинъ Боборыковъ человѣкъ еще молодой и дѣйствительно занятый.

— Своей особой? да.

— Какъ можно судить о человѣкѣ, не зная его даже въ лицо?

— А такъ, очень просто. Мнѣ достаточно знать, что онъ имѣетъ 15 тысячъ годового дохода, чтобы сказать вамъ, какой у него цвѣтъ глазъ, какъ онъ переставляетъ ноги.

— Конечно, это парадоксъ, сказалъ Филиппъ, особенно напирая на букву *и*.

— Да-съ, конечно. А выводъ изъ этого вотъ какой:

если мой мужъ позволяетъ дурачить себя, то я не изъ такихъ, которымъ можно было бы пустить пыль въ глаза. И пусть бы этотъ человѣкъ попробовалъ принять меня такъ, какъ онъ принялъ Бориса...

— Ну, и что-жъ бы тогда? спросилъ Филиппъ насмѣшливо.

— Думаю, что въ дуракахъ остался бы онъ, а не я.

Фаина Ивановна расхохоталась такъ, что стекла задрожали. Анна чуть скользнула взглядомъ въ ея сторону.

— О, повѣрьте, продолжала она:—что женщина, маломальски находчивая, всегда съумѣетъ такъ повести дѣла, что на мѣсто величія у ея собесѣдника останется одна пошлость. И онъ это увидитъ подъ конецъ, онъ этого не можетъ не видѣть. А разъ онъ сбитъ съ позиціи, ему трудненько будетъ разыгрывать передо мной роль китайскаго богдыхана. На этихъ людей лучше всего дѣйствовать такъ: онъ проситъ говядины—предложите ему горчицы.

— Вы цитируете Шекспира, говоритъ Варенька.

— Нимало.

— Позвольте мнѣ замѣтить, что это такъ. О горчицѣ упоминается въ его пьесѣ „Укрощеніе строптивой“.

— А, ну, можетъ быть. Les beaux esprits se rencontrent. Я не читала этой пьесы.

— Какая самоувѣренность! замѣтилъ Борисъ:—эти женщины, подумаешь право, ни въ грошъ насъ не ставятъ. Вотъ видите: какъ смѣлъ Боборыковъ меня такъ принять... Я же виноватъ. Ее бы онъ такъ не смѣлъ принять.

— Да позвольте, началъ Филиппъ:—отчего вы думаете, что вамъ было бы оказано такое предпочтеніе?

— Отчего? подумайте! (Анна бросила на него вызы-

вающій взглядъ.) Задаю вамъ эту загадку на сегодняшній вечеръ.

— Ужъ не думаете ли вы попробовать сами аттаковать Боборыкова?

— Аттаковать? какое странное слово! Можно повести дѣло проще.

— Ну, словомъ сказать, сдѣлать ему визитъ.

— Не знаю. Все можетъ быть. Какъ знать то, что́ неизвѣстно! Ахъ да, кстати, Борисъ, мнѣ нужно сказать тебѣ два слова.

Она вышла и сдѣлала знакъ мужу, чтобы онъ слѣдовалъ за ней.

Борисъ приготовлялся-было выпить десятую чашку кофе, но при этомъ приглашеніи поставилъ ее на столъ, вытеръ на ходу губы и удалился.

Фаина Ивановна выразительно взглянула на всѣхъ.

— Я спрашиваю васъ, есть ли тутъ какое-нибудь подобіе здраваго смысла? Соблюдаетъ ли эта женщина, я не говорю, вѣжливость, но просто приличія? Она кидаетъ грязью во всѣхъ насъ! Наконецъ она будетъ плевать въ насъ.

Съ послѣднимъ словомъ на подбородкѣ у Фаины Ивановны выросло чуть ли не четыре этажа.

— Я жалѣю брата, холодно замѣтилъ Филиппъ.

— Жалѣть его! Скажите на милость! Да онъ первый поможетъ ей смѣшать насъ съ грязью. Я не вижу въ немъ и тѣни прежняго Бориса. Это какой-то истуканъ въ отношеніи къ роднымъ. Но... она имъ вертитъ, какъ я вотъ этой ложкой.

И Фаина Ивановна для вящей наглядности повернула ложку два раза у всѣхъ на виду.

— Она велитъ ему кого-нибудь обокрасть—онъ пойдетъ, и обокрадетъ. Она прикажетъ ему поджечь насъ—и онъ подожжетъ, даю свою голову на отсѣченье.

Спустя полчаса въ комнатѣ остались только Варенька и Глѣбъ. Она убрала работу въ свой баулъ и пользовалась сумерками, облокотившись на подоконникъ. Онъ лежалъ на диванѣ, изрѣдка приподымаясь на локтѣ, чтобы закурить папиросу.

— Какъ я завидую, начала она: — тѣмъ женщинамъ, которыя имѣютъ около себя хоть одного преданнаго человѣка.

Искренняя грусть, слышавшаяся въ этихъ словахъ, не тронула Глѣба.

— Одного мало, замѣтилъ онъ: — что одного. Когда будешь у Бога просить себѣ поклонниковъ, проси разомъ дюжину. Неравно послѣ придется торговаться. Ну, пятокъ скинешь, все еще на твой вѣкъ хватитъ.

— Глѣбъ, ты не понимаешь меня. Я не ищу поклонниковъ. Въ мои ли года...

— Да что тебѣ? лѣтъ тридцать-пять, тридцать-шесть самое большое? Эка бѣда. Для девяностолѣтняго холостяка ты еще молода. А что́ такое девяносто лѣтъ? Въ ветхомъ завѣтѣ въ эти года еще женились.

— Не о свадьбѣ я думаю. Но когда я смотрю на Бориса и на его жену...

— Такъ тебѣ хочется завести своего Бориса? Это натурально.

Но Варенька ужъ не слушала его. Она плакала.

— Грустно сознавать, что ни для кого, ни для кого на свѣтѣ ты не нужна!...

— Какъ же! А ученики-то твои? кто-жъ ихъ будетъ спрашивать: „что сіе значитъ?“

— Братья! что такое братья! никто изъ нихъ не хочетъ знать о моемъ существованіи!

— Ну, вотъ ужъ и неправда. Я первый... Варя! будь другъ! передай мнѣ спичку. Вотъ, спасибо. По гробъ не забуду.

— Мать? Для нея все равно, тутъ я, или на другомъ концѣ Россіи. Жива я, или мои кости давно въ могилѣ сгнили! И эта женщина, эта Анна Игнатьевна смѣетъ смотрѣть на меня свысока, какъ на какую-то букашку. Дарить меня своими ласками, какъ нищаго милостыней. Да, я нищая, но милостыни не приму. Если мнѣ ужъ суждено на своемъ вѣку быть для всѣхъ чужой, такъ и буду!... Но ужъ и вы же моей любви не дождетесь. Скорѣй отравлю себѣ всю жизнь, а вамъ услуживать, къ вамъ поддѣлываться не хочу. Полно! Довольно всѣ надо мной посмѣялись. Варвара Яковлевна сама будетъ хохотать!

И Варенька закрыла свои слезы черной тальмой.

Услыхавъ въ голосѣ сестры чуть не рыданія, Глѣбъ въ изумленіи приподнялся на локоть и сталъ на нее смотрѣть...

IV.

Каждый годъ 15-го августа, по случаю рожденія хозяйки, у Балкашиныхъ давался обѣдъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ день прощанья съ загородной жизнью.

Оставя въ сторонѣ сужденіе гласнаго Грубецкаго, Николай Михайловичъ былъ человѣкъ очень порядочный. По

убѣжденіямъ своимъ, крайній западникъ: въ пятидесятыхъ годахъ англоманъ, въ шестидесятыхъ—космополитъ, въ семидесятыхъ—пруссофилъ. Похваливая у англичанъ selfgovernment, у нѣмцевъ школьнаго учителя, онъ любилъ французовъ за ихъ политическія и соціальныя страсти, за уличную парижскую жизнь. Клубы, трибуны, ораторы, памфлеты—все это была для него такая необходимая приправа къ обыденной жизни, безъ которой онъ не могъ обойтись, какъ и безъ хорошаго повара. Въ юности онъ воспламенялся англійскими и парижскими выборами, германскими учеными, литературными и музыкальными обществами. Въ зрѣломъ возрастѣ пламя это потухло, но западникъ остался въ немъ навсегда. Онъ читалъ Бокля, Карлейля, Гервинуса, Прудона; глоталъ безразлично французскихъ публицистовъ послѣдняго разбора, Лассаля, политическую экономію школы Бастіа и Стюарта Милля, послѣдніе вопли умирающей философіи и первый лепетъ нарождающагося реализма. Все это онъ храбро пережовывалъ и затѣмъ отправлялъ въ желудокъ, ни мало не справляясь, насколько нужно ему такое фрикасе. Проглотилъ — и баста! Что-нибудь да выйдетъ. Выходило дѣйствительно такое удивительное міровоззрѣніе, что губернаторъ имѣлъ полное право считать его нигилистомъ, а Грубецкой — стольникомъ царя Алексѣя Михайловича.

Несомнѣнно было то, что онъ человѣкъ начитанный и даже такъ сказать напечатанный, ибо въ нѣкоторыхъ изданіяхъ являлись его статьи о податной реформѣ и о кредитныхъ учрежденіяхъ. Писалъ онъ кромѣ того въ разныя газеты о сельскомъ хозяйствѣ, о статистикѣ, о свободной торговлѣ, и все съ ловкостью человѣка, нахватавшаго раз-

ныхъ мыслей и неуспѣвшаго разобраться. Выходило такъ, что въ статьѣ объ удобреніи онъ говорилъ много о статистикѣ, или, разсуждая о кредитѣ, вдругъ нападалъ на философію древняго міра.

Несомнѣнно также, что изучая финансистовъ и политическую экономію, онъ ничего не дѣлалъ какъ членъ управы. Онъ зналъ до тонкости Песталоцци, зналъ какъ воспитывался Эмиль у Жанъ-Жака Руссо, и не вѣдалъ, что творится въ училищныхъ совѣтахъ, по какой системѣ идетъ преподаваніе въ сельскихъ школахъ, да и существуютъ-ли наконецъ самыя школы.

Собраніе выбрало его въ предсѣдатели единственно за добродѣтели, и за эти же добродѣтели выберетъ вѣроятно опять на слѣдующее трехлѣтіе. Онъ цѣнилъ это предпочтеніе и умѣлъ быть признательнымъ. Положительно во всей губерніи не было человѣка любезнѣе Балкашина. Одному, глядишь, пришлетъ стерлядь, другому ананасовъ изъ своей оранжереи; а то вдругъ ни съ того, ни съ сего возьметъ, да и подаритъ верховую лошадь. Похвалитъ у него кто-нибудь сигары—„вамъ нравится?“ скажетъ: „позвольте предложить коробку“. Вы, разумѣется, отказываетесь. „Нѣтъ, ни за что. Здѣсь такихъ не достанешь. Это мнѣ одинъ пріятель въ подарокъ прислалъ“. И въ концѣ-концовъ коробка будетъ у васъ на столѣ. „Какъ, спрашивали многіе, какъ можетъ такъ безумно мотать человѣкъ, у котораго, кромѣ небольшого имѣнія, ничего нѣтъ?

Не всѣ, конечно, знали, что Балкашинъ беретъ подряды на желѣзныхъ дорогахъ и въ клубѣ играетъ по большой, преимущественно съ купцами. Имѣніе было только невиннымъ предлогомъ для разныхъ западно-европейскихъ

нововведеній, между прочимъ для опытовъ надъ дренажемъ и новѣйшей сѣно-ворошилкой.

Игра, подряды, политическая экономія, сельское хозяйство, званіе почетнаго мирового судьи и предсѣдателя въ попечительномъ совѣтѣ,—все это вмѣстѣ взятое не могло, конечно, оставить много досуга для члена земской управы. А такъ-какъ теорія финансовъ, напримѣръ, для государства гораздо важнѣе какой-нибудь земской управы, то Николай Михайловичъ этой теоріи вполнѣ и отдавался, какъ человѣкъ добросовѣстный, ставящій общественное благо выше своего личнаго. Онъ велъ себя такъ, что во всякую данную минуту могъ сказать, положа руку на сердце: „я служу никакъ не своей губерніи, еще того менѣе своему уѣзду, но всему государству русскому“. Таковъ Балкашинъ; но у него была еще жена Софья Игнатьевна или Ева, какъ называли ее въ городѣ.

Такихъ женщинъ, какъ она, у насъ десятки тысячъ. Почти въ каждомъ почтенномъ семействѣ есть своя Ева. Она и любопытна, и болтлива, и кокетка, и мотовка, и экономная хозяйка,—все вмѣстѣ. Если эти Евы и различаются чѣмъ-нибудь, такъ это своими денежными средствами. Одна имѣетъ возможность бросить 300 р. на туалетъ для двухъ баловъ—другая нѣтъ; одна мѣняетъ въ зиму четыре шляпки—другая помирится на двухъ. Одна не можетъ видѣть толстаго бѣлья—другая не только видитъ, но даже носитъ его. Дальше разница рѣдко идетъ: развѣ только въ мелочахъ, въ какихъ-нибудь странныхъ причудахъ, въ манерѣ или въ разговорѣ.

Вы видѣли сотни такихъ женщинъ, вспомните, чѣмъ каждая выдѣлялась отъ другихъ. Эта вспыльчива, дерзка,

и любитъ говоритъ колкости,—та сдержанна, умѣетъ владѣть собой и тѣмъ заслужила названіе дамы вполнѣ свѣтской; эта играетъ на фортепіано и поетъ,—та поетъ, но не играетъ; эта кокетничаетъ со всѣми безъ разбора, та только съ избранными, а та, наконецъ, и совсѣмъ не кокетничаетъ, потому что года ужъ вышли. Но какія бы у нихъ ни были порознь замашки, манеры, зубы и волосы—у всѣхъ вообще одни стремленія, надъ всѣмъ паритъ одинъ общій духъ. Вотъ ихъ катехизисъ: 1) старайтесь, чтобъ о васъ говорили хорошо; 2) старайтесь говорить про другихъ дурно; 3) старайтесь поддержать свое положеніе въ обществѣ: если въ домѣ есть 30 р., нельзя-ли 25 изъ нихъ истратить на поддержку этого положенія; 4) ахайте надъ пустяками и никакихъ великихъ вопросовъ жизни, кромѣ новаго мѣста и прибавки жалованья мужу, не признавайте; 5) слѣдите за тѣмъ, что́ принято, и строго казните все то, чего вы сами бы не сдѣлали. Съ этимъ катехизисомъ каждая Ева совершаетъ свой жизненный путь, и бѣда тому, кто уклонился отъ него. Софья Игнатьевна въ жизни своей измѣнила ему только дважды: разъ, когда она, переодѣвшись мужчиной, ускакала за мужемъ въ деревню изъ ревности; другой разъ, когда сдѣлала сцену бывшей предводительшѣ, тоже изъ ревности.

Во всемъ прочемъ наша Ева была живая копія остальныхъ. Характеромъ немножко взбалмошная, въ свѣтѣ она думала только о томъ, чтобы не отстать отъ другихъ. Платила портнихѣ по 70 р. за фасонъ, и сшивши себѣ семнадцать платьевъ, говорила, что ей нечего надѣть; чувствовала себя несчастной въ тотъ день, когда у нея никто не былъ и она нигдѣ не была; больна бывала аккуратно че-

резъ каждые два дня; требовала себѣ такихъ туфель, какихъ не оказывалось во всемъ городѣ и которыя нужно было выписывать изъ Петербурга. Читала немного, но ровно настолько, чтобъ не смѣшать Диккенса съ Теккереемъ или Дюма père'a съ Дюма fils'омъ. Путешествія считала самымъ серьёзнымъ чтеніемъ и рискнуть на нихъ рѣшалась только изрѣдка. Самую глупую скаредность мѣшала съ самымъ нелѣпымъ мотовствомъ. Никогда никому не наливала крѣпкаго чаю изъ боязни разориться; или вдругъ задавала обѣдъ съ дорогими винами и земляникою въ январѣ. Въ три года не могла собраться купить себѣ теплаго одѣяла, и покупала пуховую мантилью, которая на другой же день выходила изъ моды.

Словомъ сказать, Ева была бы прекрасной подругой жизни, еслибы только не одна несчастная страсть—ревность. *Но эта страсть* сгубила ее и отравила жизнь ея мужу. Она настолько вѣрила своему Николинькѣ, что боялась оставить его на пять минутъ съ какой-нибудь женщиной. Стóитъ ей отвернуться, думала она, какъ они пойдутъ цѣловаться. О томъ, что другая женщина можетъ имѣть свое самолюбіе, ей и въ голову не приходило. Она не хотѣла допустить, чтобы кто-нибудь могъ устоять противъ взглядовъ ея Николиньки. Каждая красавица, казалось ей, за счастіе считаетъ обняться съ нимъ. Ни одна горничная не смѣла подавать барину умываться, не смѣла убирать у него въ кабинетѣ; это было дѣло лакея. Ни одна гостья не уѣзжала изъ дому безъ того, чтобы Ева не уличила мужа въ дѣланіи ей глазокъ.

Утромъ 15-го августа, новорожденная принимала гостей во всемъ блескѣ своего лиловаго шелковаго платья.

Бѣлокурые, жёлтоватые волосы ея, бѣдные на лбу и на вискахъ, но роскошные на затылкѣ, длинными локонами спускались почти до пояса. Глазки ея щурились, какъ у котенка. Вся ея миніатюрная, немножко сморщенная, физіономія носила отпечатокъ молодой еще, но уже значительно тронутой жизни. Узенькія плечи были одарены необыкновенной подвижностью. Вся она ёжилась, извивалась и поркала, напоминая какого-то крошечнаго звѣрька.

Дача Балкашиныхъ находилась верстахъ въ трехъ отъ города. Сначала роща, потомъ длинная липовая аллея вели къ подъѣзду, обтянутому парусиной. Все было еще на лѣтнемъ положеніи. Астры и георгины красовались на клумбахъ; какіе-то удивительные цвѣты, посаженные въ неменѣе удивительныя вазы, спускались внизъ, обвивали тумбы и ползли по шпалерамъ. Зеленая садовая скамейка и забытая на ней лейка прислонились къ рѣшеткѣ палисадника. Маркизы были спущены; въ отворенныя окна слышенъ былъ стукъ тарелокъ, праздничные голоса и даже шелестъ платья новорожденной.

Гдѣ бываютъ Сережа Говоровъ или Грубецкой, тамъ тишины быть не можетъ. Почтенный гласный и бывшій морякъ, оба ораторствовали на разныхъ концахъ стола, не безпокоясь особенно о томъ, кто ихъ слушаетъ. Появляясь вмѣстѣ въ какихъ-нибудь домахъ, они открывали другъ другу жестокую конкурренцію.

— Что́ вы мнѣ толкуете о корреспонденціяхъ! кричалъ Сережа, истребляя кусокъ пирога. — Это все сплошное вранье. Я самъ, на своемъ вѣку, послалъ три корреспонденціи, и ни въ одной не было двухъ словъ правды. Клянусь вамъ честью!

— Контроль! Общественное мнѣніе! возражали ему сосѣди.

— Что мнѣ общественное мнѣніе! Я сижу одинъ. Мнѣ скучно. Думаешь, что бы такое... а! напишу корреспонденцію. Беру перо и начинаю. Въ городѣ Н. господинъ Б. нанесъ въ публичномъ мѣстѣ оскорбленіе господину С. Госпожа В., невольная свидѣтельница этой сцены, упала въ обморокъ. Тогда вступился господинъ Р. и далъ господину Б. пощечину. Ну, разумѣется, потасовка и искъ мировому судьѣ. Поставьте вмѣсто заглавія: письмо изъ Переяславля, запечатайте и отправляйте.

— Отвѣтственности можете подвергнуться! кричалъ Грубецкой.

— За что́ это? Никогда! Я именъ не выставилъ.

— Ничего не значитъ. Я могу узнать себя. Я скажу, что господинъ Б.—это я самый и есть.

— Какія доказательства?

— А доказательства такія: вы говорите, что я нанесъ оскорбленіе, положимъ, изругалъ кого-нибудь въ публичномъ мѣстѣ. Я вамъ сейчасъ представлю десять человѣкъ свидѣтелей, которые покажутъ, что я нѣкоего барина, дѣйствительно, изругалъ, и въ публичномъ мѣстѣ. Вы говорите, что господину Б. дали пощечину? Я приведу тридцать человѣкъ, которые видѣли, какъ я эту пощечину получилъ. Стало быть, господинъ Б.—это я.

Хозяйка щурилась отъ удовольствія, что у нея за столомъ сидятъ такіе умные люди. Хозяина вызвали въ другую комнату и подали ему записку.

Балкашинъ распечаталъ—и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Письмо было отъ Анны.

„Николай Михайловичъ!

„Два мѣсяца тому назадъ я лишилась друга. Мало того, я отняла у себя всякую надежду на то, что этотъ другъ когда-нибудь проститъ мнѣ. Я сдѣлала все, чтобы порвать отношенія, настоящую цѣну которымъ я узнала только впослѣдствіи. Я думала, что достаточно рѣшиться на глупость, чтобы быть счастливой. Теперь вижу, что пословица о счастливыхъ дуракахъ не всегда оправдывается. Но подумайте, мнѣ было двадцать-два года; я не знала, что такое любовь, и хотѣла испытать ее. Ахъ, оказывается, что это, хотя и подслащенное, но такое прѣсное блюдо, какого моя натура не выноситъ. Да, вы были правы тогда. Не любовь мое призваніе. Семейная жизнь для меня не имѣетъ прелестей. Меня влечетъ туда, куда вы сами манили меня когда-то. Я теперь болѣе, чѣмъ когда-либо та Анна, на которую вы прежде возлагали столько надеждъ. Я жду только человѣка, который помогъ бы мнѣ сбросить эти оковы. Я томлюсь въ этой тюрьмѣ. Забудемъ прошлое. Протяните мнѣ руку. Вы какъ мужчина, какъ мой лучшій другъ, должны простить мнѣ.

„Я вѣрю въ васъ, Николай Михайловичъ. Вѣрю настолько, что буду ждать васъ каждый день. Не можетъ быть, чтобы мой бывшій покровитель забылъ свою Анну“.

„P. S. Вы видите, теперь я въ вашихъ рукахъ. Если мой мужъ узнаетъ объ этомъ письмѣ, я пропала“.

Николай Михайловичъ проглотилъ эту записку, какъ ложку бальзама. Тутъ были польщены всѣ его чувства, а главное —самолюбіе. Она смирилась, наконецъ. Даже... Онъ боялся договорить. Какъ назвать то тепло, ту искренность, которою дышетъ все писмо? Такъ откровенны бываютъ только

съ другомъ. Очевидно, она отдавала ему въ руки свою судьбу. Неужели прежнія отношенія могли бы опять возобновиться между ними? Конечно. Не только возобновиться, но даже будутъ проникнуты той теплотой, которой недоставало имъ прежде.

Онъ схватилъ перо и сѣлъ писать отвѣтъ.

Бѣдная Ева! Вотъ когда ей были поводы ревновать мужа больше, чѣмъ ко всѣмъ горничнымъ съ тазами и умывальниками. Она была застрахована со всѣхъ сторонъ, кромѣ одной, и эта одна, невѣдомо для нея, находилась теперь въ страшной опасности. Балкашинъ если и не былъ влюбленъ въ Анну, то могъ влюбиться въ нее каждую минуту. Кромѣ красоты, онъ умѣлъ цѣнить въ ней умную, страстную женщину и вдобавокъ женщину, которая выросла у него на глазахъ, къ которой онъ успѣлъ уже привыкнуть въ десять лѣтъ. Онъ никогда не надѣялся плѣнить ея сердце, но почемъ знать... ему дорого было бы даже малѣйшее расположеніе ея.

Старый грѣшникъ, онъ забывалъ, что ему подъ пятьдесятъ, что у него есть жена и земская управа на рукахъ. Онъ увлекся до того, что способенъ былъ написать такой отвѣтъ:

„Мы помирились; это рѣшено.

„Съ моей стороны доказательства будутъ. Но я требую ихъ и отъ тебя. Если ты, дѣйствительно, такъ же способна забыть прошлое, какъ забылъ его я, пріѣзжай вечеромъ къ намъ. Сегодня рожденье моей жены.

„Ради твоего мужа, помимо этого приглашенія, я пришлю другое, оффиціальное, чрезъ человѣка“.

Еслибы онъ зналъ, какъ Анна Игнатьевна хохотала надъ

этой запиской, онъ бы не написалъ ея, конечно. Еслибы онъ зналъ, при какихъ условіяхъ сама Анна сочиняла ему свое посланіе, еслибы онъ только могъ видѣть ту сцену, которая происходила не далѣе, какъ сегодня утромъ, онъ разодралъ бы на себѣ свой плащъ и посыпалъ бы голову пепломъ.

А сцена была вотъ какого рода.

Собираясь писать къ Балкашину, Анна положила на столъ листъ почтовой бумаги и пригласила Бориса.

— Ну, сердце мое, гляди, что́ я сейчасъ придумала.

— Что такое?

— А вотъ смотри.

Она присѣла на табуретку и вывела: „Николай Михайловичъ!“

— Кому это?

— Кому? Вотъ вопросъ. Другу, разумѣется. Вотъ видишь ли, я разъ его одурачила, хочется одурачить еще разокъ. Ты позволяешь?

— „Два мѣсяца тому назадъ я лишилась друга“, читалъ Борисъ у нея черезъ плечо.—Кого это, матушка?

— Молчи. Не мѣшай. Ты видишь, я страдаю.

И она продолжала: „мало того, я отняла у себя всякую надежду...“ Ты погоди, не пугайся. „Надежду на то, что этотъ другъ когда-нибудь проститъ мнѣ“.

— Послушай, ты забавляешься, или серьёзно думаешь отослать эту записку?

— Наисерьёзнѣйшимъ образомъ. „Я сдѣлала все, чтобы порвать отношенія“ и т. д. и т. д. и т. д.

Борисъ все смотрѣлъ съ недоумѣніемъ, и наконецъ уви-

далъ такую фразу: „мнѣ было двадцать-два года; я не знала, что́ такое любовь и хотѣла испытать ее“.

— Ахъ! хотѣлъ сказать Борисъ.

„Ахъ“! продолжала она дальше: „это хотя и подсла. щенное, но такое прѣсное блюдо...“

— Такъ ли? спросилъ онъ, нагибаясь къ ней.

— Такъ. Не мѣшай. „...Какого моя натура не выноситъ“. Ну, кажется, ясно.

— Написавши еще нѣсколько строчекъ, она обернулась. Борисъ стоялъ на томъ же мѣстѣ и какъ-то странно смотрѣлъ на нее. Ее встревожило это выраженіе.

— Ты, надѣюсь, понимаешь, Борисъ, что это шутка-

— Почемъ знать? выговорилъ онъ задумчиво.

— Иначе я бы тебѣ этого не показала. Прочти, ради самого Бога. „Я жду человѣка, который помогъ бы мнѣ сбросить эти оковы“. Вѣдь такъ можно говорить только, что называется, „въ изступленіи ума“. Никакъ ты сердишься, Борисъ? Ты недоволенъ? Ну, хочешь, я сейчасъ разорву эту записку?

Она сдѣлала-было движеніе, но онъ схватилъ ее за руку.

— Не надо; скажи мнѣ только одно, зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— Затѣмъ, что я хочу возобновить съ нимъ знакомство.

— Да? Такъ для чего же это сумасшедшее посланіе? Развѣ нельзя сдѣлать этого просто?

— Нельзя, сердце мое, нельзя! Ужъ позволь мнѣ это знать лучше тебя. Тутъ, чѣмъ больше вранья, тѣмъ лучше.

Смотри, вотъ это я прибавляю чисто для твоего спокойствія: „если мой мужъ узнаетъ объ этомъ письмѣ, я пропала“.

— Разорви это, Анна, выговорилъ онъ спокойно, но настойчиво.

Она уже забыла о давишней своей готовности угодить ему.

— Вовсе не нужно. Зачѣмъ это я стану рвать? Это chef-d'oeuvre. Такое письмо можно сочинить только разъ въ жизни. Борисъ, ты не понимаешь, ты совсѣмъ меня не понимаешь. Мои планы такъ тонко задуманы, что тебѣ, мой милый медвѣдь, не уразумѣть ихъ. Они ведутъ насъ съ тобой прямо въ рай. Помни наше условіе. Ты имѣешь дѣло съ машинами, я—съ людьми. Надо же мнѣ какъ-нибудь начать свою карьеру. Съ Балкашина—это самое лучшее. Онъ введетъ меня въ высшее общество, а тамъ.... простись съ своей женой.

Она зажмурилась и засмѣялась.

— Анна, ты, наконецъ, становишься положительно какимъ-то ребенкомъ. Твоя послѣдняя приписка рѣшительно компрометтируетъ тебя передъ этимъ человѣкомъ.

— Какъ? Какъ? повтори-ка опять это слово. *Компрометтируетъ?* и ты это могъ выговорить? Не ожидала!

Она расхохоталась.

— Да. Ты сама не видишь, въ какое ложное положеніе ты себя ставишь. Такими вещами шутить нельзя. Репутацію свою безъ надобности женщинѣ не къ чему терять.

— *Репутацію?* Ты начинаешь портиться, Борисъ. Я прежде отъ тебя жалкихъ словъ не слыхала.

— Да, потому что ты не знаешь, какъ для меня до-

рого твое доброе имя. Я желалъ бы, чтобы про тебя, кромѣ хорошаго, ничего мы говорили.

— Merçi. Я этого бы вовсе не желала. Les femmes les plus ennuyeuses sont celles dont on ne parle jamais. Вы хотите, словомъ сказать, чтобы я совсѣмъ какъ бы не существовала на свѣтѣ. Анна Игнатьевна! Что такое Анна Игнатьевна! Ахъ, это, вы знаете, добродѣтельная женщина. Жена учителя!

— Ты стыдишься быть женой учителя?

— Ни мало, но я стыжусь быть добродѣтельной. То, что́ ты называешь *репутаціей,* для меня послѣднее дѣло. Возьмите себѣ эту репутацію, дайте мнѣ только возможность быть на что-нибудь годной. Согласись, Борисъ, вѣдь не могу же я всю мою жизнь услаждать тебя. Если ты хочешь, чтобы я дѣйствительно была тебѣ помощницей, дай мнѣ свободу поступать, какъ мнѣ угодно. Пусть это письмо будетъ залогомъ нашего согласія. Да?

— Съ условіемъ, что ты вычеркнешь послѣднюю фразу.

— Этого-то я и не сдѣлаю.

— Я не могу допустить, чтобы тебя считали...

— Чѣмъ-съ?

— Ну, чѣмъ бы то ни было. Зачѣмъ тебѣ дѣлать видъ, что ты меня обманываешь?

— А зачѣмъ тебѣ къ этому придираться? Это входитъ въ мои соображенія. Увѣряю тебя, даю тебѣ честное слово, что отъ этого дѣло пойдетъ гораздо лучше. Считая меня несчастной, разочарованной, Балкашинъ будетъ мнѣ помогать обѣими руками. Онъ тебя не терпитъ. Онъ сдѣлаетъ это просто по духу противорѣчія.

— Хорошо; ты начинаешь съ пустяковъ, но потомъ... можно, вѣдь, пойти и дальше.

— Что?

Она остановила на немъ строгій, недоумѣвающій взглядъ.

— Анна! Не ты ли сама просила меня, чтобы я былъ твоей поддержкой? Теперь ты падаешь.

— Я падаю? Вы съ ума сошли!

— Да, ты падаешь. По этому пути далеко не уйдешь. Это дорога іезуитовъ. Я говорю это не въ смыслѣ такого паденія... не въ смыслѣ измѣны. Нѣтъ. Этому бы, по крайней мѣрѣ, я не повѣрилъ. Но вообще... Лучше никогда не знать успѣха ни въ чемъ, чѣмъ добиваться его такимъ путемъ.

— Извините, мы съ вами по этому вопросу не сходимся, холодно замѣтила она, и стала закрывать конвертъ.

Онъ хотѣлъ-было что-то сказать, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но потомъ раздумалъ и молча вышелъ изъ комнаты. Когда она нагнулась, чтобы налѣпить облатку, на глазахъ у нея сверкнули слезы. Вѣдь въ томъ, что́ она писала, была своя доля правды.

Темный августовскій вечеръ. Красные фонари фантастически освѣщаютъ липовую аллею. Погода вѣтряная и плошки крыльца лихорадочно мелькаютъ: то потухнутъ, то снова разгорятся, выбрасывая цѣлые клубы дыма. Тѣнь каждой проходящей фигуры пляшетъ на дорожкѣ: голова или пропадаетъ въ деревьяхъ, или вдругъ появляется у подъѣзда. Масса какого-то экипажа, выступая изъ мрака, принимаетъ видъ Ноева Ковчега. Недалеко, по шоссе, слышенъ стукъ телегъ, возвращающихся съ базара.

Вотъ загремѣли колеса рессорнаго экипажа, потомъ онъ свернулъ на аллею и за вѣтромъ не стало слышно лошадиныхъ копытъ. Пролетка разомъ выкатилась на свѣтлую площадку; силуэтъ лошади заплясалъ на пескѣ.

Парусинный подъѣздъ принялъ въ свои объятія какую-то даму. Дамѣ этой пришлось снимать тальму почти на виду у всего общества: передняя была маленькая, чисто дачная и прямо выходила въ залу. Хозяйка чуть не ахнула, узнавши, кто эта особа. Какъ! Ея сестра, ея родная сестра Анна Игнатьевна, подарила ее своимъ визитомъ? Есть подарки, — ихъ мало, впрочемъ, — отъ которыхъ былъ бы душевно радъ отказаться. Соничка не знала, радоваться ей этому событію или плакать. Кажется, преобладающимъ чувствомъ былъ у ней въ эту минуту столбнякъ. Она положительно могла бы сконфузить сестру своимъ изумленіемъ, еслибы къ той не подоспѣлъ на выручку самъ хозяинъ дома.

— Выручайте! шепнула ему Анна, протягивая руку самымъ радушнымъ образомъ.

— Какъ это мило, какъ это любезно съ вашей стороны! заговорилъ Балкашинъ.

Она его перебила и прямо обратилась къ сестрѣ.

— Представь себѣ: mon seigneur et maître не пускаетъ меня никуда изъ дому. Я сегодня убѣжала потихоньку, ей-Богу. Какъ же, помилуйте, мужъ не пускаетъ. Надо употребить силу.

Она засмѣялась и стала снимать перчатки. Потомъ однимъ взглядомъ окинула комнату. Гости усѣлись на угловомъ диванѣ за столомъ, украшеннымъ вычурной лампой съ амурами, якоремъ и матовымъ колпакомъ. На кругленькомъ

диванчикѣ, обнимавшемъ посреди залы тумбу съ цвѣтами, двое или трое мужчинъ читали какую-то газету. Множество цвѣтовъ на подзеркальникахъ и спущенная стора на балконной двери,—дальше Анна не успѣла разглядѣть.

Пришлось выслушать нѣсколько рекомендацій, потомъ черезъ двери въ столовой мелькнула чья-то фигура и всѣхъ позвала пить чай.

За длиннымъ столомъ, сверкавшимъ ослѣпительной скатертью, фруктами и печеньемъ, хватило бы мѣста для всѣхъ. Но хозяинъ нашелъ, что тѣсно и пригласилъ Анну къ отдѣльному столику. Она усѣлась, нисколько не стѣсняясь и однимъ граціознымъ жестомъ поправивъ свое платье орѣховаго цвѣта. Черное кружево на рукавахъ открывало до половины ея руки, которыми она видимо щеголяла. Бѣлизна ея щекъ и шеи, особенно пріятный очеркъ рта и вызывающіе полуоткрытые взгляды дѣлали ее для всѣхъ интересною новинкою.

Говорила она не громко и очень развязно. Но это была не мужская развязность, а какое-то особенное, очень немногимъ женщинамъ извѣстное искусство выдѣляться изъ толпы. Она глядѣла и садилась не такъ, какъ другія, а ужъ смѣялась рѣшительно такъ, какъ никто. Въ этомъ-то и находили прелесть ея поклонники. Мужчинамъ положительно нравилось, когда она улыбалась, нагибала голову и обдавала ихъ своими дерзкими взглядами. Случалось, она обертывалась, поднимала глаза и, казалось, пробовала свою силу на каждомъ изъ собесѣдниковъ. Изъ нашихъ знакомыхъ тутъ былъ изящный прокуроръ, безпардонный Сережа Говоровъ и Грубецкой, проглотившій двѣ бутылки портера

и настоятельно требовавшій теперь у всѣхъ отчета, почему онъ не князь.

Былъ тутъ еще нѣкто Дюшенъ съ своей женой. Онъ и она общаго имѣли только то, что оба были брюнеты. Онъ уже замѣтно на склонѣ дней своихъ, но еще полный, здоровый и весь насквозь пропитанный мягкостью, даже женственностью. Больше всего въ жизни своей онъ любилъ Шиллера, Шекспира, свою жену и своихъ малютокъ. Волосы его, самаго безукоризненнаго угольнаго цвѣта, были очень манерно зачесаны на виски. Глаза, хотя и крупные, выраженіемъ своимъ почему-то напоминали коринку, о которой говорится въ пѣснѣ нѣмецкихъ булочниковъ. Пухлые пальцы на рукахъ, вѣроятно, вводили его въ заблужденіе насчетъ ихъ красоты, потому что онъ поминутно вертѣлъ ихъ передъ глазами, стараясь, чтобы и другіе не потеряли ихъ изъ виду.

Жена его, тоже сильная брюнетка, если не съ орлинымъ, то во всякомъ случаѣ съ длиннымъ носомъ, любила на свѣтѣ только три вещи: своего мужа, своихъ малютокъ и азартныя игры. Въ стуколку она сражалась съ неистовствомъ. За карточнымъ столомъ она отстаивала не только равенство женщинъ, но даже ихъ несомнѣнное превосходство. Когда измученные противники складывали оружіе и молили о пощадѣ, она съ священнымъ огнемъ весталки тасовала колоды вплоть до зари. Во всемъ прочемъ это была барыня какъ слѣдуетъ. Господинъ Дюшенъ что-то ужъ черезчуръ пристально глядѣлъ на Анну. Анна поймала этотъ взглядъ и подумала, что въ ея наружности могло такъ озадачить этого господина.

— Кто это? обратилась она къ Балкашину.

— Дюшенъ. Правая рука предводителя.

— Мнѣ эта правая рука не нравится. Кто этотъ хорошенькій юноша?

— Говоровъ. Я вѣдь тебѣ рекомендовалъ его.

— Ну, да изъ вашей рекомендаціи я узнала только, что Говоровъ и больше ничего.

— Что-жъ тебѣ сказать еще? Ну, я, пожалуй, прибавлю, что онъ родственникъ нѣкоего Боборыкова. Вѣдь ты немного отъ этого выиграешь?

— Кого? переспросила Анна съ живостью.

— Боборыкова, управляющаго на еремѣевскихъ заводахъ. Малый ничего себѣ, этотъ Боборыковъ, только у него девятой клепки въ головѣ недостаетъ. Онъ вообразилъ себѣ, что онъ донъ-Педро Бразильскій, а мы его величества подданные. Впрочемъ, отъ этого никто не теряетъ. Онъ у меня бываетъ иногда.

— А-а! протянула Анна вслухъ, а про себя рѣшила: это я приму къ свѣдѣнію.

Разсчитывая на бесѣду a parte съ своей родственницей, Балкашинъ ошибся. Они были слишкомъ на виду. Бросить нѣсколько полусловъ вполголоса можно, но дальше рискнуть неловко.

Передъ ужиномъ предполагался фейерверкъ. На улицѣ было страшно холодно, но дѣлать нечего — всѣ пошли на улицу. Гости ходили по аллеѣ и стучали зубами. Молодежь хохотала. Сережа разсказывалъ, какъ странно одѣвается madame Дюшенъ.

— Если, говорилъ онъ:—взять ее за шиворотъ и встряхнуть — она такъ и проскочитъ въ платье. По-моему, это неприличіе носить такія платья.

— А будь у нея носъ немного покороче, вы бы не такъ заговорили, замѣтила Анна.

— Вы думаете, я сталъ бы за ней ухаживать? Боже меня сохрани! Я видѣлъ разъ, какъ она играетъ въ стуколку. Съ тѣхъ поръ меня всегда тошнитъ въ ея присутствіи. Теперь, о чемъ бы она со мной ни говорила, мнѣ представляется только одно: что она крикнетъ „иду!“ и стукнетъ кулакомъ по столу, а за неимѣніемъ стола, пожалуй, и по мнѣ.

Балкашинъ принесъ Аннѣ тальму и пошелъ съ ней вдвоемъ по аллеѣ.

— Ну, теперь признаніе, говорилъ онъ.—Полное признаніе. Я его требую, какъ родственникъ, какъ старшій.

— Мнѣ кажется, послѣ того, что́ я написала вамъ, слова будутъ лишнія.

— Письмо твое — это собраніе намековъ. Но гдѣ-же разгадка? Насколько я могъ понять, ты... ты несчастлива, Анна? Tu es malheureuse? Да? Dis-moi, mon enfant.

— И по-французски и по-русски это одинаково скверно. Я этого слова не хочу выговорить.

— Я понимаю. Твоя деликатность... Pauvre enfant! Но помни всегда, что я... я твой лучшій другъ и защитникъ. Я не стану вспоминать о прошедшемъ. Оно какъ бы не существовало для меня. Я не могу винить тебя потому, что ты все-таки еще ребенокъ... не болѣе, какъ ребенокъ.

— Какія, подумаешь, бываютъ маленькія дѣти. Въ 22 года...

— Ровно ничего не значитъ...

— А помните: блескъ-то? красота-то?

Онъ вопросительно поглядѣлъ на нее.

— Вы не берете назадъ своихъ словъ?

— Какихъ, mon enfant?

— Ахъ, ради Бога только безъ этого „mon enfant“! Потомъ, чтобы смягчить эту раздражительную фразу, прибавила, улыбаясь:

— Я все такъ же капризна. Я люблю блескъ. Мнѣ нужны поклонники, мнѣ нужно, чтобы обо мнѣ говорили, понимаете ли? Какимъ образомъ дойти до этого,—мнѣ все равно.

Pauvre enfant оказалась все такимъ же бѣсенкомъ, какимъ была и прежде. Балкашинъ размышлялъ, какъ перейти безъ скачка изъ минорнаго тона въ мажорный. Пришлось прибѣгнуть къ обыкновенной увертк̀ѣ.

— Чего-жъ ты хочешь? я не понимаю.

— Прежде всего хочу, чтобы вы были догадливы и не такъ солидны. Ради Бога, безъ этой солидности. A bas la gravité! Забудьте, что вы были когда-то моимъ опекуномъ. Этотъ грѣхъ и прощается вамъ только подъ этимъ условіемъ. Вы не смотрите на то, что я прислала вамъ такое раздирающее письмо. Я теперь раскаяваюсь въ этомъ. Согласитесь, что я рискую слишкомъ многимъ. Съ моимъ мужемъ, каковъ бы онъ ни былъ, я расходиться не желаю. Сближеніе съ вашимъ домомъ поведетъ къ непріятностямъ. Онъ хочетъ меня исключительно сохранить для себя. Я пробовала объяснять ему, что это невозможно,—онъ не вѣритъ. Тѣмъ хуже для него!

Она сорвала вѣтку и стала хлестать ею по своему платью. Балкашинъ не понималъ ее. Не мудрено, — она сама понимала себя только на-половину. Въ ея рѣчахъ было такое хитрое сплетеніе истины и лжи, что она сама

переставала различать, гдѣ кончается одна и гдѣ начинается другая. „Мой родственникъ настроенъ теперь сладко, думала она. Онъ проглотитъ изъ моихъ рукъ и не такія пилюли. Обстоятельствами надо пользоваться. Я дамъ ему понять, во-первыхъ, что я несчастна, но, во-вторыхъ, и это самое главное, что со мной плачевныхъ дуэтовъ пѣть нельзя никому, а ему всѣхъ менѣе. Когда я увижу, что онъ ко мнѣ охладѣваетъ, тогда дѣло другое. Тогда я усилю пріемы нѣжности. Теперь это лишнее. Я люблю Бориса, но, Боже мой, зачѣмъ же онъ заперъ меня въ тюрьму? „Ты падаешь“, сказалъ онъ мнѣ. „Да, можетъ быть, я и падаю. Но все-же я люблю тебя, Борисъ, и если я кинулась въ этотъ омутъ, то ради тебя, ради твоего дѣла“.

Балкашинъ вдругъ воодушевился.

— Куда бы ты ни пошла, Анна, какое бы дѣло ты ни затѣяла, всегда можешь разсчитывать на меня. Я старикъ передъ тобою. Но энтузіазмъ молодости — великое дѣло.

Она незамѣтно пожала плечами.

— У тебя есть всѣ условія, чтобы играть въ обществѣ первую роль. И я съ своей стороны готовъ всѣми силами помогать тебѣ. Моя пѣсенка спѣта. Надо давать мѣсто другимъ. И если эта другая будешь ты, я по крайней мѣрѣ сойду со сцены безъ сожалѣнія. Можетъ быть, въ тебѣ сбудутся тѣ мечты, которыя не сбылись въ моей жизни.

Чѣмъ больше рисовалъ онъ ей заманчивыхъ картинъ, тѣмъ больше разгоралось въ ней то чувство, которое не давало ей спать по ночамъ, которое измучило, истомило ее, которое толкало ее впередъ. Ей тѣсенъ становился родной

городъ. Ей коротка казалась сама жизнь. Она боялась, что ускользнетъ то, съ чѣмъ она разстаться была не въ силахъ.

— Да, повторила она задумчиво. — Скучно жить на свѣтѣ. Только вѣдь тогда и живешь, когда обманываешь себя.

— Перестань, Анна.

— Да, бываютъ минуты, когда я ничему не вѣрю. Рѣшительно ничему.

Онъ молчалъ, не зная, какъ понимать эти слова.

— Впрочемъ, оставимьте этотъ разговоръ, замѣтила она вдругъ рѣзко.—Сестра ищетъ васъ.

За ужиномъ пошли поздравленья новорожденной и тосты за ея здоровье.

— Кстати, сколько тебѣ лѣтъ? полюбопытствовалъ вдругъ мужъ.

Но жена не слыхала этого вопроса. Да и странно было бы слышать его. Она разрѣзывала жаркое. Она спрашивала себѣ ножикъ. Мужъ повторилъ вопросъ. Жена вытирала губы салфеткой и насколько можно было понять, изъ-подъ салфетки вылетѣли слова: двадцать-девять!

Грубецкой какъ несъ кусокъ ко рту, такъ и не донесъ его.

— Сколько? переспросилъ онъ.

— Пятьдесятъ! отшучивалась хозяйка.

Съ Грубецкимъ сдѣлался припадокъ кашля. У Сережи мелькнула въ головѣ мысль. Сказать или не сказать? Вѣдь она ей сестра. Ну, эка бѣда, скажу!

Сережа нагнулся къ Аннѣ.

— On ne parle pas de corde dans la maison d'un pendu, выговорилъ онъ самымъ наивнѣйшимъ образомъ.

Анна поглядѣла на него исподлобья.

— Черезъ десять лѣтъ я сама буду убавлять себѣ года. Тогда берегитесь.

V.

Губернаторъ, генералъ Кукушъ, имѣлъ привычку вставать въ 6 часовъ утра, чѣмъ и думалъ подавать примѣръ всему городу. Но городъ спалъ. Не спали только несчастные чиновники, являвшіеся съ докладами. Полиціймейстеръ аккуратно каждое утро дремалъ въ кабинетѣ его превосходительства, ожидая выхода. Но самъ генералъ выходилъ бодрый, съ волосами еще мокрыми отъ вылитаго на нихъ ведра холодной воды. Узкое, красное лицо его, выбритое такъ гладко, какъ вѣрно не брился больше никто во всей губерніи, глядѣло и сурово, и съ тѣмъ довольствомъ, которое испытывалъ человѣкъ, „въ предѣлѣ земномъ совершившій земное“. Онъ, казалось, каждую минуту хотѣлъ спросить: „милостивый государь, а почему?... а позвольте узнать?...“ Такъ вопросительно было всегда выраженіе его бѣловатыхъ глазъ. Надѣто на немъ было не то пальто, не то шлафрокъ какой-то: коричневый, спереди гладко обтянутый, назади какъ будто со шлейфомъ. Китайскія туфли шмыгали такъ, какъ шмыгаютъ больные по корридорамъ.

Нынѣшнее утро генералъ покончилъ уже всѣ свои аудіенціи и сидѣлъ съ женой въ маленькой столовой. Жена его, хорошенькая Лили, или Елена Павловна, дѣйствительно напоминала восковую куклу. Миніатюрное личико буквально

исчезало въ изобиліи природныхъ локоновъ: бѣлокурые, длиннѣйшіе, они падали ей на плечи и закрывали шею, которую она украшала то бархатомъ, то жемчужными нитками. Подхваченные напереди розовой лентой, волосы эти все-таки не давали ей покоя, безпрестанно набѣгая то на уши, то на щеки. Голубые глаза были даже черезчуръ велики, такъ что придавали ей выраженіе вѣчнаго удивленія. Длиннѣйшій шлейфъ сѣраго платья дѣлалъ какъ-то еще миніатюрнѣе эту крошечную фигурку.

Она такъ лѣниво пила кофе, какъ будто кто приговорилъ ее къ этому въ наказаніе за вчерашнюю шалость. Мужъ самъ наливалъ ей чашку и держалъ кофейникъ на спирту. Вообще мужъ тутъ по всѣмъ признакамъ исполнялъ роль хозяйки: онъ даже мылъ и перетиралъ блюдечки. Это было его любимое занятіе. Послѣ административныхъ заботъ онъ позволялъ себѣ эту маленькую роскошь. Вооружаясь чайнымъ полотенцемъ, онъ чувствовалъ себя уже не губернаторомъ, а хозяиномъ дома, почти отцомъ семейства.

— Да, Лили, говорилъ онъ теперь, запахивая свою тальму:—надо быть, милая моя, экономной.

Лили въ отвѣтъ сдѣлала самую презрительную изъ презрительныхъ гримасъ.

— Твое розовое платье можетъ быть отлично выкрашено. Эта матерія хорошо красится; зачѣмъ же бросать его?

— Можетъ быть, вы и бахраму мнѣ выкрасите?

— Бахраму можно перемѣнить, мой другъ.

— Да, а платье выкрасить? Отлично придумано. Только ужъ тогда и носите сами на здоровье.

— Да, вѣдь, Лелечка...

— Хоть бы Разлелечка!

— Надѣнешь! говоритъ сердито мужъ.

— А вотъ увидите!

Она надулась и стала ногой теребить собачонку подъ столомъ.

— Это дикое мотовство, говорилъ онъ, хлопая въ тактъ ладонью.

— Это дикія разсужденія! говорила она.

— Вотъ и еще: нанимать извозчиковъ, когда имѣешь своихъ лошадей...

— А какъ бы вы думали! Вы возьмете карету, а мнѣ пѣшкомъ ходить? Нѣтъ, я предпочитаю сама взять карету.

— Но вѣдь тогда мнѣ надо нанимать извозчика. Это двойной расходъ. И глупый расходъ!

— Идите пѣшкомъ. Ступайте пѣшкомъ, коли вы находите, что это выгоднѣе.

— Нѣтъ, я положу предѣлъ этому мотовству.

— Я у васъ требую не пустяковъ, а вещей необходимыхъ.

— Ваше превосходительство!

— А! Это вы, Алексѣевъ. Войдите.

Въ комнатѣ является скромная фигура чиновника. Это правая рука губернатора (извѣстно, что губернаторамъ безъ правой руки обойтись невозможно). Алексѣевъ имѣетъ право въ экстренныхъ случаяхъ являться сверхъ положеннаго часа.

Генералъ подтягиваетъ морщины на щекахъ и дѣлается изъ отца семейства губернаторомъ.

— Ну, что?

— Я нынче, ваше превосходительство, на счетъ фабрикъ.

— А-а-а! Лицо генерала принимаетъ такое выраженіе, какое бываетъ у мартышки, когда ее сзади кто-нибудь ударитъ по затылку.

— Конечно, то, что́ я имѣю донести вамъ, ваше превосходительство, не особенно важно, но, слѣдуя вашему собственному приказанію... На Еремѣевскихъ заводахъ не совсѣмъ спокойно-съ. Тамъ появился агитаторъ.

— Кто?

Генералъ встрепенулся. Даже Лили подняла глаза.

— Это нѣкто Трезвовъ, ваше превосходительство. Между рабочими онъ больше извѣстенъ подъ именемъ Лёвки.

— Мальчишка какой-нибудь?

— Мальчишка, ваше превосходительство.

— Имѣете объ немъ письменныя свѣдѣнія?

— Какъ-же-съ, ваше превосходительство.

Чиновникъ протянулъ вчетверо сложенный листокъ бумаги.

— Имѣете какія-нибудь законныя данныя на арестованіе его?

— Пока еще нѣтъ...

— Хорошо. Я приму эту бумагу къ свѣдѣнію. Можете идти. Постойте! Что́-жъ онъ тамъ такое дѣлаетъ?

— Рабочихъ просвѣщаетъ, ваше превосходительство.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Въ томъ смыслѣ, что онъ ихъ развращаетъ, ваше превосходительство. Толкуетъ имъ въ превратномъ видѣ объ ихъ обязанностяхъ и ихъ правахъ.

— Приму къ свѣдѣнію. Можете идти.

Генералъ развернулъ листъ и углубился въ чтеніе. Но Алексѣевъ тотчасъ же вернулся опять и снова просунулъ голову въ дверь.

— Я забылъ сказать вашему превосходительству, что васъ настоятельно желаетъ видѣть какой-то господинъ. Я ему неоднократно отказывалъ, но онъ...

— Кто такое еще?

— Кажется... Я за вѣрное не выдаю... но, кажется, онъ учитель гимназіи.

— Пусть придетъ другой разъ!

— Онъ такъ настоятельно требуетъ, ваше превосходительство.

Вдругъ у губернатора мелькнула мысль: а что если онъ по дѣлу объ агитаторѣ? И немедленно его превосходительство заявило, что господинъ этотъ можетъ войти.

Лили ушла. Она не интересовалась даже знать, что это за учитель. А учитель былъ не кто иной, какъ Борисъ. Своей длинной фигурой онъ внушилъ губернатору опасенія, не есть ли онъ тотъ самый агитаторъ, который... и т. д. Послѣ первыхъ двухъ фразъ генералъ разубѣдился, послѣ третьей услышалъ уже, что передъ нимъ сидитъ изобрѣтатель, или ученый, или нѣчто подобное тому. Если кого губернаторъ не любилъ и боялся въ одно время, такъ это ученыхъ. Но разъ допустивши къ себѣ такое опасное существо, надо быть съ нимъ вѣжливымъ...

— Я обращаюсь къ вамъ, какъ къ посреднику, говорилъ Борисъ.—Я надѣюсь, что вы, какъ человѣкъ, имѣющій сношенія съ высшими сферами, поддержите мою мысль.

„Чего этотъ баринъ ко мнѣ затесался?“ подумалъ генералъ, и вслухъ спросилъ:

— Въ чемъ дѣло?

— Вотъ видите ли, я изучаю теперь новую силу,— силу, которая заинтересовала когда-то весь ученый міръ, надѣлала много шуму, но потомъ почему-то заглохла. Впрочемъ, это, я думаю, для васъ неинтересно. Я скажу прямо. Дѣло идетъ о сжатомъ воздухѣ. Вы, можетъ быть, уже слышали объ этомъ?

— Признаюсь, нѣтъ, оборвалъ генералъ.

— Видите ли, наука дала намъ средства устроить машину, которая будетъ дѣйствовать не паромъ, а сжатымъ воздухомъ.

— А-а-а! протянулъ генералъ, и вдругъ подтянулъ себѣ всѣ морщины. Ему показалось почему-то, что, можетъ быть, этотъ господинъ ведетъ все дѣло къ Лёвкѣ и къ фабричному вопросу.

— Устройство этой машины, довольно сложное на практикѣ, по теоріи очень просто. Представьте себѣ цилиндръ...

— Какъ вы говорите: „цилиндръ“?

— Да, цилиндръ. Борисъ, для пущей убѣдительности, представилъ его рукою.

— Гм, да. Ну-съ, цилиндръ?..

— Въ немъ двигается поршень.

— Однакоже, позвольте. Что такое поршень?

— Поршень-съ... это какъ бы вамъ объяснить... Это кружокъ, насаженный на стержень, или просто на палку. Онъ вставляется въ цилиндръ и...

Генералъ вдругъ вломился въ амбицію.

— Я понимаю, молодой человѣкъ, я понимаю. Не трудитесь.

— Да, это очень просто, согласился Борисъ.—Но въ этой машинѣ, видите ли, было много несовершенствъ, пока Жюльену не пришла счастливая мысль приложить къ ней гидравлическій прессъ...

Передъ генераломъ вдругъ вынырнулъ изъ глубины прошедшаго остовъ физики съ болтавшимися на немъ безобразными лохмотьями гидростатики, звуковой и свѣтовой теоріи, динамической теоріи теплоты и даже... даже съ гидравлическимъ прессомъ. Но все это исчезло такъ же скоро, какъ и появилось. Отъ пресса не осталось ничего, кромѣ воспоминанія о какой-то рукояткѣ или коромыслѣ.

— Послѣ приложенія Жюльена дорога передъ нами открыта. Удивительно, какъ до сихъ поръ такъ лѣниво двигается этотъ вопросъ. Я такъ глубоко убѣжденъ въ его великой будущности...

„Да скоро ли же это ты о фабрикахъ-то?“ тоскливо думалъ губернаторъ. „Кабы знать, да вѣдать — ни за что бы я тебя не пустилъ.“

— Кромѣ того, если при этомъ допустить еще ламку расширителя... Вы понимаете, что тогда вычисленія принимаютъ совсѣмъ другой оборотъ. Силы выигрывается 50% на 100. Да вотъ позвольте...

Борисъ вытащилъ изъ бокового кармана почтенный свертокъ. „Однако я очень, очень терпѣливъ“, удивлялся самъ генералъ своему терпѣнію.

— Теорія эта, говорилъ Борисъ, отыскивая что-то въ своихъ бумагахъ:—теорія эта особенно привлекательна по-

тому, что она можетъ произвести переворотъ въ промышленномъ мірѣ. Она убьетъ огромныя фабрики...

„Вотъ оно! наконецъ-то“. Генералъ задерживалъ дыханіе.

— Стало быть, и огромные капиталы, которые развиваются теперь съ слишкомъ явнымъ ущербомъ для маленькихъ.

„Да не ты ли и есть агитаторъ-то?“ мелькнуло опять въ головѣ хозяина. „Чортъ тебя знаетъ. Превосходительствомъ меня ни разу не назвалъ. Въ глаза мнѣ боишься смотрѣть, свои все жмуришь. Наконецъ, убью, говоритъ, фабрики. Капиталы убью. Извольте видѣть.“

— Гидравлическій прессъ, началъ опять Борисъ...

Разъ задавшись мыслью, что сидѣвшій передъ нимъ ученый есть собственно не ученый, а нѣчто другое, губернаторъ сталъ смѣлѣе.

— Молодой человѣкъ, оставимьте прессы. Я желалъ бы знать, что́ вамъ собственно отъ меня нужно?

Борисъ только-что отыскалъ-было въ своихъ бумагахъ интересное мѣсто, гдѣ страницы полторы были исписаны цифрами и алгебраическими формулами. Вопросъ хозяина заставилъ его разстаться съ этой драгоцѣнностью.

— Вотъ видите ли, теорія эта, если даже и не сдержитъ своихъ обѣщаній, во всякомъ случаѣ очень блестящая теорія... Начинающимъ всегда оказываютъ помощь... Во Франціи, даже въ Италіи правительство давало свою поддержку этому предпріятію. Я надѣюсь... что и наше правительство не откажется, словомъ сказать, я явился къ вамъ, какъ къ представителю нашей администраціи. Если заграницей можно было разсчитывать на помощь государ-

ства, то вѣроятно и у насъ. Если помогаютъ разнымъ ученымъ обществамъ, то какъ же не помочь человѣку, который идетъ ощупью, но не потому, чтобы онъ не увѣренъ въ своей мысли, а просто потому, что у него нѣтъ самыхъ необходимыхъ средствъ...

— Вы вѣроятно получаете жалованье? сухо замѣтилъ генералъ.

— Моего жалованья хватило бы развѣ на то, чтобы нанять сарай для машинъ. А здѣсь, я не скрою, здѣсь нужны большія деньги. По крайней мѣрѣ, могу ли я разсчитывать на поддержку правительства, если мой первый опытъ будетъ удаченъ?

— Повѣрьте, что правительству и безъ вашихъ фантазій слишкомъ много дѣла.

— По-моему, въ этомъ случаѣ государство обязано оказывать помощь, отвѣтилъ Борисъ съ непривычной рѣзкостью.—Вы имѣете право считать меня сумасшедшимъ, пока я не сдѣлалъ перваго опыта. Но разъ онъ удался... У кого же мнѣ искать поддержки, если вы отказываете въ ней? Для перваго опыта я разсчитываю на частныхъ лицъ; хотя тутъ-то, именно тутъ-то вамъ и слѣдовало бы помочь мнѣ. Это рискъ, положимъ, но такой пустой рискъ и такой благоразумный... если только можно сказать, что рискъ бываетъ благоразумный. Позвольте вамъ по крайней мѣрѣ оставить мои бумаги. Можетъ быть, прочитавши внимательно, вы сдѣлаетесь моимъ заступникомъ.

Въ душу губернатора опять начинало прокрадываться сомнѣніе, что передъ нимъ дѣйствительно стоитъ не агитаторъ, а ученый, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала пропадать и самоувѣренность. Никакими силами не могъ онъ побѣдить

врожденной робости передъ учеными. „Кто его знаетъ“, думалось ему: „можетъ быть, онъ мнѣ каверзы строитъ. Можетъ быть, онъ хочетъ уличить меня въ чемъ-нибудь.“ Все это заставило его въ отвѣтъ на бумаги Корсакова сказать только:

— Я приму ихъ къ свѣдѣнію.

Тутъ Борисъ хотѣлъ-было еще распространиться о сжатомъ воздухѣ, но вспомнилъ,что хозяинъ не сразу понялъ, что̀ такое поршень, и сталъ прощаться.

— Постойте, погодите. Вы на Еремѣевскихъ заводахъ никогда не бывали?

— Я тамъ постоянно работаю.

— Постоянно?

Генералъ стоялъ въ остолбенѣніи.

„Да полно ужъ Лёвка-то, это не ты ли?“

Жестокія сомнѣнія прокрались къ нему въ душу.

— Ваша фамилія?

— Корсаковъ.

— Вашъ адресъ?

Борисъ сказалъ.

„Приму къ свѣдѣнію“, рѣшилъ губернаторъ, и немедленно по уходѣ гостя сѣлъ къ столу и написалъ: „Корсаковъ“; потомъ сдѣлалъ черточку и рядомъ написалъ адресъ.

VI.

Въ воскресенье вечеромъ на заводѣ бывало весело. Черезъ пять человѣкъ шестой напивался пьянъ. Дѣвки водили хороводы. Мужики играли въ орлянку. На той сторонѣ

рѣки, у кабака, два мужика галдѣли такъ, что все отъ слова до слова слышно было на этомъ берегу. Скучали только очередные сторожа. Съ тоской глядѣли они на кучку рабочихъ, собравшихся у одного изъ флигелей. Человѣкъ тридцать стояло и сидѣло во всѣхъ позахъ около оратора съ газетой въ рукахъ. Ораторъ этотъ былъ извѣстный намъ Лёвка. Такой-же растерзанный и сердитый, онъ сверкалъ глазами изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, и такимъ тономъ обращался къ слушателямъ, какъ будто они были его жесточайшіе враги. Ни одной улыбки не подарилъ онъ имъ, ни одного дружескаго привѣтствія, и тѣмъ не менѣе эти люди смотрѣли на него съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ. Лёвка былъ самое популярнѣйшее лицо на всемъ заводѣ. Можетъ быть, именно потому, что онъ популярности не просилъ. Онъ никогда не заигрывалъ съ рабочими, еще того менѣе старался показать имъ, что ему нужно ихъ расположеніе. Задѣнетъ его кто-нибудь—онъ огрызется; ругаться умѣлъ лихо, по силѣ не было ему равнаго между фабричными. За то, какъ сядетъ въ праздникъ читать вѣдомости—„ну, просто, братцы, сласть, а не человѣкъ.“ Его грубая, но толковая манера изложенія била прямо на всѣхъ понятливыхъ слушателей. Такой агитаторъ, какъ Лёвка, былъ бы сокровищемъ для нашего „общества распространенія безполезныхъ книгъ.“ Самыя сложныя идеи онъ проповѣдывалъ съ изумительнымъ искусствомъ. Самыя неудобопонятныя вещи онъ брался объяснять мужикамъ, чему примѣромъ служили его толкованія о политической экономіи. Рабочіе увидали въ немъ такую глубину учености, что стали его уважать наравнѣ съ попомъ, который у

нихъ тоже былъ дока, и ежели одного цѣнили за ясность, то другого, наоборотъ, за великую туманность изложенія.

Газета въ рукахъ Лёвки была только предлогомъ къ лекціи. Прочелъ онъ, напримѣръ: „по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Мексики...“ и положилъ листъ на колѣни.

— Ну, кто у васъ тутъ знаетъ Мексику?

Молчаніе. Одинъ парень робко выставляетъ впередъ лѣвое плечо.

— Я такъ думаю, это губернія.

Лёвка передразниваетъ его рожу.

— А я такъ думаю, это баба, жена твоя. Вотъ та самая, которая тебя за виски таскаетъ.

Парень спрятался. Фабричные хохочутъ.

— Терпѣть не могу, продолжалъ Лёвка: — когда кто не знаетъ, а суется. Какъ я могу говорить о томъ, чего не знаю! Мексика—это государство не русское, и не французское. И нѣмцевъ тамъ нѣтъ, и англичанъ нѣтъ... Ну, да это все равно, кто бы тамъ ни жилъ, а главное дѣло, живетъ народъ взбалмошный. Ни дать, ни взять вотъ вашего брата. Что ни сдѣлаютъ—все безъ толку. Не хватитъ догадки работать всѣмъ міромъ, сообща, а все такъ вотъ. Коли ты что задумалъ, такъ я не то, чтобы тебѣ помогать, а давай-ка лучше ногу тебѣ подставлю. Упалъ въ яму—тамъ и лежи.

— Это ты напрасно, замѣтилъ какой-то суровый старикъ.

— Чего напрасно-то? Развѣ это не такъ? Гдѣ ты у насъ видѣлъ, чтобы у насъ за одно шли? Ты въ кабакъ, а я въ баню. Ты къ хозяину, а я отъ хозяина. Оттого-то мы, какъ дураки, и сидимъ на мели. Оттого-то нами и

помыкаетъ всякій, у кого карманъ толстъ. Былъ такой случай, что одинъ разбойникъ 12 человѣкъ чумаковъ перебилъ. Взялъ дубинку, да такъ-таки каждаго по головѣ и ухлопалъ. Говоритъ, что чумаки-то были пьяны, а мы и не пьяны, да изъ насъ всякій прикащикъ душу вытрясетъ. Придетъ каждый поодиначкѣ, да и пойдетъ кланяться: „батюшка, Сидоръ, либо тамъ Матвей Иванычъ, отпусти хлѣба на гривну.“ — Давай деньги. — „Да вотъ, батюшка, пятакъ.“ Поломается Матвей Иванычъ.—Ну, ужъ, скажетъ, Богъ съ тобой. Давай деньги, пятакъ за тобой. Ты взялъ, да еще благодари слезно. А хлѣбъ-то и весь больше пятака не стóитъ. За что съ тебя Матвей Иванычъ гривну слупилъ? За то, что ты Лутонюшкинъ братъ, пустота деревенская. А кабы ты посмышленѣе-то былъ, ты бы вотъ чтó сдѣлалъ: ты бы къ міру присталъ, да міромъ-то хлѣбъто и закупили бы; оптомъ, всякій знаетъ, дешевле обходится. Вотъ онъ, пятакъ-то въ барышахъ и остался бы.

— Это ты точно, подтверждаютъ со всѣхъ сторонъ.

— Вонъ въ чужихъ государствахъ такъ и дѣлаютъ. Не во всѣхъ конечно, а тоже, которые поумнѣе. Вотъ нѣмцы, англичане. Они давно за умъ взялись. Давай, скажетъ, мы, братцы, станемъ провизію сообща покупать. Что намъ этихъ лавочниковъ ублажать?

— Ишь ты, нѣмецъ-то! хитеръ!

— Да это еще что. Ты вотъ человѣкъ здоровый, руки у тебя есть, зачѣмъ ты сюда пришелъ? обратился вдругъ Лёвка къ первому попавшемуся фабричному. Тотъ усмѣхнулся.

— Зачѣмъ? Небось оброкъ надо заплатить.

— Работалъ бы дома.

— Много дома выработаешь!

— Машины бы завелъ. Тамъ бы и стучалъ, чѣмъ сюда идти.

— Другъ! откуда у меня машины! Врядъ соху-то справить. И хлѣбъ купи, и соли купи...

— А! такъ ты, значитъ, потому сюда и пришелъ, что руки-то у тебя есть, да машинъ-то, по нашему матеріалу, нѣтъ. Вотъ хозяинъ тебѣ дастъ машины, за то ужъ онъ и слупитъ съ тебя здорово. Ты вотъ сейчасъ отлилъ котелъ: онъ себѣ 10 рублей стóитъ, а въ продажѣ за него 15 даютъ. Кабы котелъ-то былъ твой, ты бы эти 5 рублей въ карманъ положилъ. А теперь ты этихъ пяти рублей и не понюхаешь. Хозяинъ дастъ тебѣ двугривенный; на, скажетъ, благодари своего создателя. Да и этого бы онъ не далъ, да боится: пожалуй человѣкъ безъ хлѣба-то умретъ. Кто-жъ у него работать тогда станетъ?

И Лёвка безъ запинки развивалъ систему Шульце-Деличевскихъ потребительныхъ обществъ. Но завѣтной мыслью его были не эти общества. Онъ выбралъ ихъ только какъ переходную ступень, чтобы не слишкомъ озадачить своихъ и безъ того уже изумленныхъ слушателей. Впереди ему улыбалась теорія Лассаля...

Прошло полчаса. Ораторъ вдругъ спохватился, что онъ началъ собственно о Мексикѣ.

— Да, такъ вотъ эта Мексика. Я вамъ говорилъ, что тамъ народъ безтолковый живетъ. Выберетъ онъ себѣ правителей, да и думаетъ: „Эхъ! одного мало, дай-ка я еще другого“. Потомъ поглядитъ, поглядитъ: „Ну, ужъ куда ни шло, давай еще третьяго“. Вотъ эти трое передерутся, и народъ передерется. И идетъ потасовка шесть мѣсяцевъ,

случается и годъ, и больше. Потомъ, только собрались отдыхать — смотришь: ужъ опять дерутся. Ну, конечно, толкъ отъ этого хорошій: ни торговли тамъ, ни промысловъ, ничего нѣтъ. Какъ хочешь, такъ и промышляй. Ну, и промышляютъ, на большихъ дорогахъ. Вотъ теперь посмотримъ, что́ тутъ объ этой Мексикѣ пишутъ.

Лёвка взялся опять за газету. И долго еще толкли тутъ въ ступѣ Мексику и Шульце-Деличевскія ассоціаціи...

Квартира Богдана Ивановича свидѣтельствовала о скромныхъ привычкахъ хозяина. Мёблировка была самая умѣренная: диванъ, столъ, стулъ и стулъ; больше ничего. На стѣнахъ, впрочемъ, висѣли арапники, револьверы и всякаго рода оружіе. На диванѣ сидѣли Борисъ и Сережа Говоровъ. На окнѣ самъ хозяинъ.

У Бориса былъ очень жалобный видъ. Онъ сидѣлъ облокотившись на столъ и разсматривалъ какіе-то чертежи. Сережа ткнулъ его осторожно пальцемъ въ плечо.

— Не думайте объ этомъ, ей-Богу. А то помѣшаетесь, ей-ей помѣшаетесь. Ну, что хорошаго! Такъ вѣдь, Богданъ Иванычъ?

— Пятьсотъ метровъ при семнадцати атмосферахъ, повторялъ Борисъ задумчиво.

— Да будетъ вамъ, послушайте. Вѣдь это же, наконецъ, и на меня начинаетъ дѣйствовать. Пятьсотъ метровъ, ну, и пусть ихъ! Ну, и чортъ съ ними!

— Три четверти силы теряются даромъ. И все это по несовершенству насосовъ. Это ужасно! Просто злодѣй этотъ вашъ управляющій, Богданъ Иванычъ!

— Ну, какой тамъ злодѣй. Такъ себѣ, не особенно любезный человѣкъ.

— Особенно не любезный. Трудно съ нимъ ладить.

Борисъ забралъ къ себѣ всѣ бумаги на колѣни, думая, вѣроятно, что такъ ему будетъ удобнѣе разсматривать ихъ. Сережа закурилъ папироску и пересталъ обращать на него вниманіе.

— Что у васъ за чучело тутъ есть на заводѣ? началъ онъ.

— У насъ много чучелъ, равнодушно отвѣтилъ хозяинъ.

— Лёвка какой-то?

— Да, это золото 96-й пробы.

— Представьте себѣ, даже мой родственникъ его замѣтилъ. Кто онъ такой, вы не знаете?

— Въ паспортѣ числится: мѣщанскій сынъ Трезвовъ.

— Какой-то русскій Мирабо. Онъ у васъ, я слышалъ, рѣчи говоритъ?

— Не знаю, это до меня не касается.

— А что, если онъ у васъ рабочихъ взбунтуетъ?

— Тогда мы его прогонимъ.

— Надо-бы вотъ губернатору донести. Онъ ужасно боится бунта. Кстати, видѣли вы его Лили? Какая хорошенькая женщина! Коли найду другую такую, женюсь, непремѣнно женюсь.

— Зачѣмъ дѣло стало?

— Да, помилуйте, Грубецкой всѣхъ невѣстъ отбиваетъ.

— Грубецкой? это кто же такой?

— Членъ управы. Пьяница горькая, но умница. Имъ только и управа держится. Балкашинъ, тотъ только соби-

рается что-то сдѣлать. Вотъ сейчасъ, господа, сейчасъ, сію минуту! Глядишь — и ничего не сдѣлалъ. А Грубецкой, — это молодецъ. Вечеромъ выпилъ шесть бутылокъ, проигралъ въ штосъ до зари, завтра, не переодѣваясь, ѣдетъ изъ клуба прямо въ управу.

— Должно быть, интересная штука, покажите мнѣ его когда-нибудь.

— Это можно. Только вотъ что: если вы чувствуете въ себѣ наклонность къ запою, лучше и не знакомьтесь. Споитъ васъ живымъ манеромъ. Борисъ Яковлевичъ, да что-жъ вы нынче проснетесь или нѣтъ?

Борисъ дѣйствительно зажмурился и точно заснулъ на какой-то одной идеѣ.

— Кажется, это такъ? вскочилъ онъ вдругъ и неожиданно взъерошилъ себѣ волосы.

— Съ нами крестная сила! что вы, батюшка?

Но Борисъ взялъ листокъ, нагнулся къ столу и сталъ что-то лихорадочно чертить.

— Нѣтъ! Это я вамъ скажу... Вотъ бы вамъ мою мамашу, а ей такого сына! Десять тысячъ ведеръ слезъ проливалось бы въ день! Ахъ да, слышали вы? у насъ явился новый фениксъ. Восемнадцатое чудо свѣта. Черникъ какой-то. Его выписала Падалка по телеграфу изъ Ингерманландіи.

— Я его знаю, замѣтилъ хозяинъ.

— Не можетъ быть!

— Я и отца его зналъ. Онъ техникъ и агрономъ.

— То-есть. Кто это онъ? Черникъ или его отецъ?

— Пожалуй, оба. Отецъ его изъ простыхъ, по нашему

изъ мужиковъ. Потомъ былъ управляющимъ у князя Юсупова. Пробилъ себѣ дорогу. Ну, и сынъ пошелъ хорошо.

— Такъ онъ ничего, не болванъ?

— Малый съ головою.

— Представьте себѣ, а я былъ увѣренъ, что онъ оселъ. Какъ же! поѣхалъ къ губернатору представляться, къ предводителю. Къ родственнику моему даже явился. Только что не говоритъ: я такой-то! потрудитесь обратить на меня вниманіе!

— Онъ вѣдь человѣкъ съ состояніемъ.

— Начхать мнѣ на его состояніе.

— Онъ вѣдь по своей спеціальности знаменитость.

— Моя спеціальность—износить 10 паръ сапогъ безъ всякой видимой пользы для себя и для другихъ. И я по этой спеціальности тоже знаменитость.

— Ваша супруга, кажется, подъѣхала, сказалъ хозяинъ.

— Кто? встрепенулся Борисъ.

— Барыня какая-то. Вы давича говорили, что жена за вами хотѣла заѣхать. Вѣроятно, это она.

Борисъ собралъ всѣ свои бумаги и взялъ фуражку. На крыльцѣ его встрѣтила Анна.

— А-га, дождался меня! Какой умникъ. А я сейчасъ только отъ Балкашиныхъ. Они завтра переѣзжаютъ въ городъ. Видѣла вашего Боборыкова. Онъ сѣлъ ко мнѣ бокомъ и заговорилъ со мной черезъ плечо, не повертывая головы. Я ему предложила играть въ галки. Онъ, кажется, огорчился, но сталъ вѣжливѣе. Вообще этихъ господъ надо обрывать сразу. Проведи меня, пожалуйста, по заводу; я здѣсь никогда не бывала.

Она взяла его подъ руку и продолжала разсказывать.

— Видѣла опять Дюшена. Знаешь, какъ онъ меня удивилъ. Онъ меня въ чемъ-то подозрѣваетъ; должно быть въ убійствѣ. Дѣлаетъ какой-то таинственный видъ; говоритъ намеками. Все что-то хочетъ сказать — и не досказываетъ. Подойдетъ, раскроетъ ротъ и спроситъ: какъ ваше здоровье? Ну, вотъ, что ты хочешь, а мнѣ кажется, что онъ хотѣлъ спросить совсѣмъ не то.

— Что́ же?

— Не знаю, только навѣрное не то. Или онъ глупъ, ужъ окончательно глупъ.

— Скажи, пожалуйста, бываютъ у тебя умные люди?

— Да, кромѣ тебя, почти всѣ. Развѣ ты этого не зналъ?

Она засмѣялась и тихо сжала ему руку.

На углу главнаго зданія показалась фигура Лёвки.

— Мое почтеніе-съ! крикнулъ онъ, и съ какимъ-то особеннымъ комизмомъ снялъ съ головы шапку обѣими руками.

— Вотъ рекомендую тебѣ чудака, шепнулъ Борисъ своей женѣ.

Но та вдругъ точно обожглась, выдернула у него руку и остановилась въ недоумѣніи. Лёвка быстро подошелъ къ нимъ и взглянулъ ей въ лицо. По мускулистымъ чертамъ проскользнуло выраженіе насмѣшки.

— А! это ты! выговорилъ онъ съ притворнымъ хладнокровіемъ.

Анна сначала было совсѣмъ потерялась, потомъ какъ-то нерѣшительно протянула ему руку.

— Лёвушка!

— Да, Лёвушка. Ужъ не жена ли это ваша? Поздравляю съ находкой.

И Лёвка отвѣсилъ низкій поклонъ. Борисъ въ затрудненіи потеръ себѣ носъ.

— Вотъ такъ сокровище! продолжалъ Лёвка.—Двадцать лѣтъ живу на свѣтѣ, одну такую только и видѣлъ. Да и ту вы подцѣпили. Честь вамъ, и слава, и многая лѣта.

— Рекомендую тебѣ: мой братъ, выговорила Анна, очень вѣжливо показывая мужу на Лёвку.

— Братъ? Давно ли это? Мнѣ помнится, вы, милая сестрица, и знакомства со мной водить не хотѣли!

— Ты вѣрно смѣшалъ меня съ моимъ зятемъ?

— Э! будто бы! Нѣтъ, матушка, соль съ сахаромъ смѣшать трудно. Только на языкъ положи—сейчасъ скажется. Я ничего не забылъ: все считаю. Чѣмъ онъ меня наградилъ—это одна статья; а чѣмъ ты подарила—это другая статья.

— Слушай, Лёвушка; ты взбалмошный мальчикъ и больше ничего. Приходи ко мнѣ; мы съ тобой еще поговоримъ.

— Да, ужъ на счетъ разговоровъ-то будьте спокойны. Вы еще обо мнѣ услышите.

— Какъ ты сюда попалъ? Въ какомъ ты видѣ!

— Въ своемъ собственномъ. И знайте, что я теперь этотъ видъ на вашъ благовоспитанный промѣнять не желаю. Въ этомъ капотѣ вы меня и въ своей гостиной примете, если только принять пожелаете. А не пожелаете, и еще того лучше! Мы съ вами встрѣтимся гдѣ-нибудь на другой дорожкѣ.

— Ахъ, не пугай!

Анна засмѣялась. Лёвка взглянулъ на нее изъ-подъ бровей. Борисъ, наконецъ, счелъ нужнымъ вступиться.

— Господа, что-жъ это такое... Если вы братъ моей жены, такъ я очень радъ. Заходите какъ-нибудь.

— Ну, тамъ увидимъ. А пока прощайте; мнѣ некогда. Да, вотъ что: вы свою жену держите въ рукахъ. Дурить ей не давайте; цѣлѣй будетъ. Прощай, Аннушка.

VII.

Анна во всемъ парадѣ стояла у себя въ комнатѣ, какъ вдругъ явился неожиданный гость. Менѣе всего она ожидала видѣть въ этотъ день брата. Лёвка вошелъ и положилъ на столъ какіе-то инструменты.

— Вотъ вамъ, модели принесъ. Гдѣ хозяинъ-то?

— Его нѣтъ; онъ на урокѣ. Да поздоровайся, по крайней мѣрѣ.

— Куда это ты, во дворецъ, что ли, собираешься?

— Не во дворецъ, а къ Балкашину.

— Эге! Скажи, что я ему кланяться велѣлъ.

Лёвка сѣлъ въ кресло.

— Такъ у васъ съ нимъ шуры-муры идутъ. Такъ-съ. Ну, а другая-то моя сестрица, Соничка, какъ поживаетъ? Все такая же благонамѣренная?

— Послушай, Лёвушка, объ этомъ послѣ; я хотѣла спросить, за что ты на меня сердишься?

— А! ты сама старые счеты поднимаешь!

— Мнѣ нечего бояться ихъ, потому что я по отношенію къ тебѣ не виновата.

— Ты не виновата? Нѣтъ, голубушка, я такихъ женщинъ, какъ ты, цѣню меньше всего на свѣтѣ. Я ихъ ставлю на послѣднюю ступеньку.

Она вся вспыхнула.

— Я твоего личнаго мнѣнія не спрашиваю. Ты могъ приберечь его для себя. Я желала только знать, на чемъ ты основываешь свое... свои натянутыя отношенія ко мнѣ?

— По-моему, нѣтъ никакихъ ни натянутыхъ, ни растянутыхъ отношеній. По-моему, есть только отношенія одного болвана къ другому и другого къ третьему. Причемъ первому хочется надуть второго, а второму перваго. Никакихъ тонкостей я не признаю, и если ты хочешь, чтобы я понималъ тебя, говори со мною прямо.

— Да ты что, демагогъ, что-ли? спросила она съ нѣкоторой досадой.

— Да-съ, я демагогъ, честь имѣю рекомендоваться. Я человѣкъ, который презираетъ все такъ глубоко, что и вамъ не понять всей глубины этого презрѣнія. Моя молодость написана кровью. Мнѣ оставалось одно, либо плакать, либо ненавидѣть. Я выбралъ послѣднее. А потому заигрывать со мной, искать отъ меня добраго слова — напрасно.

— Я не ищу ничего. Я хочу только объяснить нѣкоторыя недоразумѣнія.

— Это опять-таки слово изъ лексикона дураковъ. Ты желаешь повидимому знать, почему я не молюсь на тебя, какъ молится на тебя твой Борисъ и штуки двѣ-три изъ той сволочи, съ которой приходится сталкиваться? Этотъ вопросъ ты могла сдѣлать мнѣ пять лѣтъ тому назадъ, когда, помнишь, мы первый разъ познакомились

съ тобой. Теперь ужъ и время ушло, да и обстоятельства-то были такія...

— Какія? Ты меня опять-таки ни въ чемъ не можешь обвинить. Я не знаю даже, насколько ты можешь претендовать на Балкашина. Согласись, что вѣдь ты ему очень дальній родственникъ. Всѣ твои права основываются только на просьбахъ твоей матери.

— Я всегда имѣю право требовать, чтобы общество или накормило меня, или дало мнѣ работу. Если оно не даетъ мнѣ ни того ни другого, оно для меня не существуетъ!

— Постой! Тутъ дѣло идетъ не объ обществѣ. Чѣмъ провинились передъ тобою Балкашинъ и я?

— Вамъ я обязанъ тѣмъ, что меня исковеркали; а такихъ вещей, Анна Игнатьевна, не прощаютъ. Ну, а вашъ родственникъ доломалъ меня; онъ можетъ этимъ похвалиться. Въ 15 лѣтъ посвящать мальчика во всѣ тайны лакейства—опасно. Онъ либо дѣйствительно сдѣлается лакеемъ, либо ужъ пойдетъ на проломъ, не разбирая препятствій. Но мнѣ шишки подхалимства не дано, и потому остается одно: брызгать въ васъ грязью въ отвѣтъ на тѣ комки, которые полетѣли въ меня. Отрицать вѣдь нельзя, что меня топтали въ грязь.

— Къ чему столько рѣчей? Въ твоемъ положеніи находились сотни, тысячи даже.

— А! но можетъ быть эти сотни и тысячи могли мириться съ своимъ положеніемъ, а я скорѣй зарѣжу себя тупымъ ножомъ, чѣмъ позволю издѣваться надъ собой!

— Ты ставишь себя въ какое-то исключительное положеніе; ты дѣлаешь изъ себя героя.

— Да, а вы думали, что я надѣну на себя колпакъ скромности? Нѣтъ-съ, я вѣрилъ и всегда буду вѣрить, что есть люди, которые положительно цѣлою головой выше другихъ. Я не понимаю, и никогда не пойму, что за удовольствіе говорить намеками, что желалъ бы плюнуть въ лицо, когда можно просто взять да и плюнуть?

— Да! вотъ у тебя какія дикія желанія!

Она улыбнулась той непонятной улыбкой, которая рѣшительно всякаго могла раздразнить. Оба они находили какое-то странное наслажденіе въ этомъ разговорѣ. Видно, что они знали другъ другу цѣну, хотя ни за какія сокровища не сознались бы въ этомъ.

— Словомъ, ты злишься. Это ничего, Лёвушка; это мнѣ даже нравится. Ты въ самомъ дѣлѣ былъ бы способенъ плюнуть всѣмъ въ лицо. Я люблю такую смѣлость, хотя сама... сама на нее неспособна. Я презираю человѣка и не въ силахъ сказать ему этого. Но, Лёвушка, не пренебрегай мной! Минутами и я бываю способна на многое. Вылечи меня только отъ моей нерѣшительности, и я знаю, что мы поймемъ другъ друга. Ты возненавидѣлъ всѣхъ, потому что тебѣ не дали того мѣста, которое тебѣ нужно. Я понимаю тебя. Я знаю, что у насъ затираются люди дѣйствительно блестящіе и царитъ золотая посредственность.

— Вотъ какъ. А помнишь ли, какъ ты отъ меня, Анна Игнатьевна, когда-то отворачивалась?

— Перестань. Я отворачивалась отъ тебя? Избѣгала, это правда. Но подумай, что́ же я могла сдѣлать? Не могла же я поддакивать тебѣ. Ты требовалъ разрыва между мною и Балкашинымъ. Но куда же бы я дѣлась тогда? Тебѣ хорошо быть демагогомъ, а каково намъ, жен-

щинамъ? Вѣдь я у него жила буквально изъ милости. Нельзя же сказать въ самомъ дѣлѣ, что я у него управлала имѣніемъ. Ему имѣніе-то это служило больше для забавы.

— Да постой, выведемъ же, наконецъ, заключеніе. Ты поддѣлывалась къ родственнику—и тебѣ жилось хорошо. Я считалъ его скотиной — мнѣ приходилось скверно. Ты, стало-быть, благовоспитанная, я мужлопанъ. Статочное-ли дѣло вамъ со мной возиться?

— Послушай, все же мнѣ было хуже, чѣмъ тебѣ.

— Да-съ, Анна Игнатьевна, вы-то именно и есть прекрасный образчикъ того общества, на которое я плюю. Оно кадитъ тѣмъ, у кого въ карманѣ есть деньги и безстыдство, и отвертывается отъ того, у кого часто не бываетъ двухъ копеекъ. „Я васъ избѣгаю!“ Слово хорошенькое. Чего-жъ вамъ еще? Такія изящныя женщины, какъ вы, никогда не отворачиваются. Онѣ избѣгаютъ.

— Какъ я похожа на изящную даму! Будь я ею дѣйствительно, кто бы меня заставилъ принять такого оборванца, какъ ты? Полно, Лёвушка! Ты отлично видишь, что во мнѣ говоритъ не изящество.

— А что-же? Желаніе порисоваться передъ демагогомъ? Почемъ знать, можетъ быть я буду въ модѣ. Тебѣ хочется попробовать и того, и другого: и свѣтскихъ куреній, да и нашей эссенціи. Со мной ты демократка, оригиналка, женщина съ великими порывами. Съ Балкашинымъ и его сволочью, ты сама благонамѣренность. Тамъ, тотъ же самый Лёвушка, котораго ты теперь имѣешь претензію принимать, какъ брата, будетъ негодяй Лёвка, больше ничего. Разсчетъ недурной, Анна Игнатьевна, но въ прои-

грышѣ останетесь все-таки вы, а не я, потому-что поймите: мнѣ и проигрывать-то нечего.

— А мнѣ? спросила она съ вызывающимъ видомъ.

— Тебѣ? О, моя милая! Какъ это вы не сообразите, что я всякую минуту могу поставить васъ втупикъ, ошеломить, уничтожить, погубить въ глазахъ общественнаго мнѣнія. То, что̀ для меня будетъ просто забавой, что́ мнѣ придаетъ даже нѣкоторую пикантность, можетъ убить вашу репутацію, вашу карьеру. Дикая выходка съ моей стороны только заинтересуетъ общество. Сдѣлайте ту же выходку вы—и оно выгонитъ васъ изъ своей среды.

— Я что-то плохо понимаю.

— А между тѣмъ это очень просто. Вы строги только къ тѣмъ, кого можете наказать. А меня вы наказать не можете. Мое положеніе такъ скверно, что хуже ужъ не будетъ.

— Позволь, къ какимъ же ты смертнымъ себя причисляешь? Прометей, ужъ на что полу-богъ, да и тотъ былъ къ скалѣ прикованъ, а у насъ за самоуправство...

— Э, да зачѣмъ же понимать всякую выходку въ смыслѣ грабежа на большой дорогѣ? Авось настолько-то у меня смѣкалки хватитъ, чтобы отщелкать васъ поодиночкѣ, безъ особенныхъ для себя послѣдствій. Ужъ если я пойду въ Сибирь, такъ пойду за дѣло.

— А тебѣ и эта карьера впереди улыбается?

— Вѣроятно. Оттого-то я и говорю: развяжись со мною поскорѣе, пока есть время.

— Зачѣмъ же? Я люблю сильныя ощущенія. Окончательно ты, Лёвушка, побѣдилъ меня. Скажи мнѣ только

одно, давно я хотѣла объ этомъ спросить тебя: кто твой отецъ?

— На что тебѣ? „Что въ имени тебѣ моемъ?“

— Вѣдь не Трезвовымъ же въ самомъ дѣлѣ тебя зовутъ?

— Нѣтъ. Это имя валялось на улицѣ; его подняли и подарили мнѣ.

— Скажи же мнѣ настоящее.

— Любопытство Евиной дочери. Твой отецъ, говорятъ, былъ республиканецъ, а мой — чистѣйшій лавочникъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, и больше ничего.

— Но есть же у него фамилія?

— Дюшенъ. Однако отнынѣ и навсегда покончимъ разговоры о моихъ родственникахъ.

— Дюшенъ! повторила Анна, какъ бы соображая, нельзя ли извлечь что-нибудь изъ этого открытія.

— Еще одинъ послѣдній вопросъ. Балкашинъ знаетъ, кто твой отецъ?

— Чортъ ихъ побери. Я съ ними никогда объ этомъ не объяснялся.

— Лёвушка, не злись, я тебя спрошу еще одну вещь. Отчего ты обратился къ Балкашину, а не прямо къ отцу?

— А все оттого же, что батюшка хотѣлъ сдѣлать изъ меня лабазника, нищаго духомъ; а я къ этому никакой охоты не чувствовалъ. Въ одномъ мы съ нимъ только сошлись: онъ желалъ, чтобы я навѣки отказался отъ званія его сына. Я это желаніе оцѣнилъ и исполнилъ.

На этомъ интересномъ мѣстѣ явился Борисъ. Какъ ураганъ, онъ уничтожалъ на пути своемъ всѣ препятствія въ

видѣ стульевъ, табуретокъ и длиннаго мотка шерсти, волочившагося за его сапогомъ.

— Борисъ! пожалѣй! моя работа!

И Анна бросилась подбирать ее.

— Модели? Модели? спрашивалъ Борисъ съ пылкостью влюбленнаго.

— Тутъ.

Лёвка пошелъ съ нимъ въ другую комнату. Долго толковали они тамъ. Анна ужъ уѣхала, а они все что-то примѣривали и прилаживали.

У Балкашиныхъ ждали гостей, какъ и всегда. Ева вернулась съ визитовъ, переодѣлась. Причесала себѣ волосы сперва такъ, потомъ иначе. Нашла, что недурно. Спросила чаю. Сдѣлала одинъ глотокъ. Не понравилось. Велѣла подать кофе. Отпила полчашки, но вспомнила, что кофе дѣйствуетъ на нервы — оставила. Вытащила изъ корзинки полосатое одѣяло, бѣлое съ голубымъ, и сѣла вязать его съ озабоченнымъ видомъ. Потомъ подумала, что оно вяжется уже пять лѣтъ, и что нѣтъ надежды когда-нибудь окончить его. Это ее оттолкнуло и вязанье полетѣло опять въ корзинку. Вдругъ вспомнила, что туфли у нея еще не обшиты голубымъ шнуркомъ. Позвала горничную и велѣла ихъ обшить. Потомъ пошла въ кабинетъ къ мужу. Мужъ сидитъ надъ исторіей Маколея и очень недоволенъ, что его потревожили.

— Ахъ, Николя, я жалѣю, зачѣмъ я выѣзжала. У меня какая-то сыпь на шеѣ.

— Сиди дома, говоритъ мужъ, не поднимая головы.

— Я думаю, ужъ брать-ли мнѣ теплыя ванны! Тѣмъ болѣе, что съ этой прислугой... Я не могу добиться, чтобы въ водѣ было двадцать-шесть градусовъ.

— Двадцать-шесть? переспрашиваетъ мужъ машинально.

— Да, мнѣ докторъ положительно велѣлъ. А эти ослы вѣчно сдѣлаютъ то больше, то меньше. Я думаю, мнѣ отъ этого и помощи нѣтъ. Цвѣтъ лица измѣнился.

— Зачѣмъ ты себѣ брови стерла? Ты съ бровями гораздо лучше.

— Если мнѣ не будетъ лучше, я думаю съѣздить въ Петербургъ. А, Nicolas, какъ ты думаешь?

— Какъ хочешь, матушка.

— Да, мнѣ непремѣнно надо посовѣтоваться съ докторомъ. Что нашъ Феликсъ Францовичъ! Я ему не довѣряю.

Мужъ молчитъ; только страницу перевернулъ.

— Я давича за завтракомъ съѣла яйцо въ смятку. Не знаю, хорошо ли я это сдѣлала? Кажется, мнѣ яйца вредны.

Балкашинъ морщится отъ досады, что ему не даютъ читать. Ева переходитъ на другой конецъ стола.

— А слышалъ ты, начинаетъ она помолчавъ: — мнѣ рекомендуютъ учителя для Володи? Какой-то студентъ, недавно кончившій курсъ, кажется юристъ. Но только это ужасно! Полтора рубля за урокъ! Да у меня любой гимназистъ съ удовольствіемъ пойдетъ за полтинникъ.

— Можетъ быть, онъ бѣдный человѣкъ?

— Тѣмъ болѣе! Бѣдный, и вдругъ заломилъ такую

цѣну. Что онъ за профессоръ! Кажется, эти господа воображаютъ, что насъ можно грабить.

— Ну, что тамъ разсчитывать изъ какого-нибудь полтинника!

— Скажите пожалуйста. Да я лучше на эти полтинники куплю себѣ перчатки. У меня на эти мелочи выходитъ столько денегъ, что я просто не знаю, какъ и оборачиваться.

Дальше бесѣда не клеилась. Балкашинъ положилъ на столъ оба локтя, между локтями книгу и, обернувшись къ женѣ затылкомъ, ни о перчаткахъ, ни о болѣзняхъ слышать не хотѣлъ.

Ева прошла къ дѣтямъ. Тамъ взыскала съ няньки, почему въ дѣтской такой скверный воздухъ. Заглянула въ кострюльку съ манной кашей и нашла, что каша прокисла. Раскричалась, закашлялась, велѣла вынести кастрюльку и уже окончательно поняла, что у нея разстроены нервы. За обѣдомъ супъ былъ недостаточно солонъ, соусъ пересоленъ, жаркое жестко; Володя говорилъ слишкомъ громко, царапалъ ножомъ по тарелкѣ, за что и былъ высланъ вонъ; Наташа пролила воду и получила такое длинное нравоученіе, что не дослушала до конца и заревѣла. Погода скверная, люди всѣ такіе неблагодарные; тоска, скука, голова болитъ. Ева порѣшила, что вечеромъ она возьметъ теплую ванну и завтра не будетъ выѣзжать. Въ семь часовъ пріѣхали гости. Вечеръ былъ съ Грубецкимъ, и потому скуки никто не боялся. Въ городѣ было принято приглашать на вечера съ Грубецкимъ, какъ въ столичныхъ кругахъ зовутъ на вечера съ Патти или съ Луккой.

Въ этотъ день посчастливилось Аннѣ Игнатьевнѣ. Грубецкой приставалъ къ ней съ особеннымъ усердіемъ.

— Знаете, вы сдѣлали побѣду.

— Не можетъ быть.

— Падалку съ ума свели. Совсѣмъ изныла старуха.

— Какъ это? Старуху-то я плѣнила? Стоило объ этомъ разсказывать.

— Да-съ, у этой старушки двѣсти тысячъ годового дохода. Лакомый кусочекъ. Кабы я умѣлъ влюбить ее въ себя...

— На всякій случай попробуйте.

— Боюсь, изъ церкви не довезешь: развалится. Нѣтъ, серьёзно, приударьте за ней. Помретъ, пятьдесятъ тысячъ откажетъ. А она ужъ къ вамъ неравнодушна. Вы ей въ саду скамеечку уступили.

— Да, мы съ ней долго бесѣдовали. Она, кажется, умная женщина.

— Сущая вѣдьма—это такъ. Ни съ кѣмъ не знакомится и ни у кого не бываетъ единственно по ехидству. А что̀ гдѣ дѣлается—все знаетъ.

— Вѣдь она, кажется, мать вашего предводителя?

— Какъ же, родительница. Только они всегда въ ссорѣ. Мирятся три раза въ годъ: въ свѣтлое христово воскресенье, въ тотъ день, когда она пріобщается святыхъ тайнъ, и въ тотъ день, когда онъ пріобщается святыхъ тайнъ. Во всякое другое время—дымъ коромысломъ! Разъ до царя хотѣли дойти. Да кто-то изъ нихъ тутъ причастился, ну и помирились. Внучекъ своихъ она терпѣть не можетъ. Сама называетъ ихъ истуканами, въ чемъ я, впрочемъ, ей противорѣчить не смѣю. И если вы ей понрави-

лись, то я подозрѣваю, что вы съ ней кого-нибудь ловко отщелкали.

— Развѣ какъ-нибудь нечаянно? улыбнулась Анна.

— Ну, да, знаемъ мы васъ, барынь. А вѣдь она мнѣ поручила познакомить васъ съ нею.

— Серьёзно?

Кромѣ шутокъ. Спрашивала: кто вы, что́ вы, откуда вы? Поѣзжайте. Что вамъ?

— И поѣду. А если она будетъ въ дурномъ расположеніи духа?

— Ничего не значитъ. Только будетъ лучше ругаться. Больше яду.

— О, да это преинтересная старуха!

— Еще бы! Наполеона знала, съ аббатами въ маскарады ѣздила.

— Вы меня поражаете!

— На двѣнадцати языкахъ говоритъ. Балетъ танцуетъ; то, бишь, танцовала. Заврался я совсѣмъ.

— Такъ завтра ѣдемъ? помните!

Дюшенъ, Лёвка, старуха Падалка! Анна рѣшительно ходила какъ отуманенная. Потомъ еще Филиппъ съ своей моралью, Борисъ, измученный работою, неудачами, безсонными ночами,—Борисъ, который, ради своего дѣла, начинаетъ, кажется, забывать и ее, по крайней-мѣрѣ относится къ ней разсѣяннѣе, не спрашиваетъ, гдѣ она была, кто наконецъ тѣ гости, которые бываютъ у нея...

VIII.

Начало октября—это начало оживленія въ губернскомъ городѣ, время уѣздныхъ земскихъ собраній и усиленныхъ скандаловъ, сплетенъ, очарованій и разочарованій. Впереди улыбаются клубы, лекціи, благородные спектакли, дворянскіе выборы. Можетъ быть, одинъ или два скандальныхъ процесса, изъ числа тѣхъ, которые хотя и разбираются при открытыхъ дверяхъ, но публику привлекаютъ именно потому, что могли бы разбираться при закрытыхъ.

Съ началомъ октября, вмѣстѣ съ мокрымъ снѣгомъ, сыплются въ изобиліи разные съѣзды, педагогическіе совѣты, молебны съ обѣдами и обѣды съ молебнами. Въ гимназіяхъ безпощадно терзаютъ Кюнера, свои собственные головы и своихъ родителей, недоумѣвающихъ куда сія премудрость и нельзя ли послѣ какъ-нибудь пришить ее къ мундиру медика или юриста. Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ толкутъ воду ученицы, учителя и классныя дамы, въ числѣ двухсотъ съ чѣмъ-то человѣкъ. На рынкахъ большой расходъ на дрова, въ лавкахъ—на карты и на свѣчи. Въ кондитерскихъ закипаетъ новая жизнь; въ трактирахъ гремятъ арфистки; изъ нѣмецкаго клуба нѣмцы гонятъ русскихъ. Губернаторъ усерднѣе, чѣмъ когда-либо, распоряжается по части общественнаго спокойствія. Лили начинаетъ выѣзжать. Вообще про весь высшій кругъ можно сказать одно: онъ выѣзжаетъ. Вчера Ева была у m-me Дюшенъ. Нынче m-me Дюшенъ сидитъ у Евы. Грубецкой начинаетъ вечеръ въ коммерческомъ клубѣ, продолжаетъ его въ сельско-хозяйственномъ и кончаетъ въ дво-

рянскомъ. Сережа Говоровъ пихаетъ себя всюду, куда только можетъ запихнуть себя человѣкъ, нигдѣ не находящій мѣста. Балкашинъ ночуетъ въ клубѣ, платитъ огромные штрафы, днемъ читаетъ Джона-Стюарта-Милля, въ сумерки заходитъ въ кондитерскую и тамъ гремитъ, если находитъ не менѣе пяти слушателей. Весь городъ задался повидимому одной мыслью: бѣжать изъ дому куда бы то ни было, пока ночь не загонитъ обратно. Смотрѣть другъ на друга всѣмъ надоѣло, потому что каждый знаетъ сосѣда наизусть. Отсюда смутная истома, отъ которой человѣкъ готовъ бѣжать сломя голову, готовъ умирать за картами и воспитать въ головѣ своей идею о лоттереѣ-аллегри. Слушая, сколько разныхъ клубовъ, съѣздовъ и собраній было въ городѣ, можно даже ахнуть. Но возьмите въ руку зрительную трубу и взгляните, что́ дѣлается во всѣхъ этихъ клубахъ. Въ коммерческомъ играютъ въ ералашъ, въ преферансъ, въ экарте и въ цхру; въ дворянскомъ— въ цхру, въ экарте, въ ералашъ и въ преферансъ; въ сельско-хозяйственномъ—въ экарте, въ ералашъ, цхру и преферансъ. Лѣтопись этихъ клубовъ, еслибы она существовала, имѣла бы приблизительно такой видъ: „Сентября 15-го дня. Былъ Балкашинъ, игралъ въ карты, ѣлъ телятину и супъ à la tortue; былъ предводитель, спросилъ себѣ порцію зернистой икры и рюмку хересу, говорилъ, что Наполеонъ жалкій авантюристъ, а королева Викторія— старая ханжа; былъ Грубецкой, игралъ въ карты, выпилъ двѣ бутылки портеру; былъ Дюшенъ, пилъ мало, съѣлъ котлетку; былъ Говоровъ, ходилъ въ библіотеку, съѣлъ два блюдечка мороженаго“. Записки эти, съ большой пользою для публики, могли бы составляться подъ редакціей

клубныхъ буфетовъ. Итакъ, городъ выѣзжаетъ. Одолѣваемая недугомъ переселенія, Ева велитъ заложить лошадь и ѣдетъ къ Дюшенамъ.

— Слышали, какъ отличается моя сестрица?

— Что такое?

— И днюетъ, и ночуетъ у Падалки.

— Не можетъ быть!

— Честное слово! Мало того, она сдѣлалась какой-то наѣздницей, амазонкой. За ней всегда толпа мужчинъ.

— И она верхомъ? испугалась m-me Дюшенъ.

— Не верхомъ, но все же... согласитесь!

— Скажите: ея мужъ, что онъ за человѣкъ?

— Ахъ, моя милая, онъ просто сумасшедшій. Онъ хочетъ устроить perpetuum mobile.

— Что вы?

— Увѣряю васъ. Какая-то машина: если ее пустишь, она будетъ и гладить, и стирать, и муку возить. Словомъ сказать, мы ужъ тогда не существуемъ, да намъ и незачѣмъ будетъ существовать. Представьте себѣ, что за васъ будутъ и письма писать... и я не знаю что. Ужасно!

М-me Дюшенъ покачала головою. Прибѣжали ея малютки и стали тащить ее за подолъ. Мать уговаривала и Тоточку, и Кокочку, давала имъ сухарика, гладила ихъ по головкѣ, но они не унимались.

Разговоръ перешелъ на дѣтей и грозилъ кануть въ бездну материнской любви, какъ Ева сдѣлала вдругъ ловкій поворотъ и одушевилась.

— Видѣли новую знаменитость?

— Кого?

— Черника. Ахъ, какъ онъ хорошъ!

— Да-да, я слышала объ немъ.

— Я остановилась передъ этимъ лицомъ. Замѣчательно хорошъ.

— И уменъ, говорятъ?

— Не знаю, объ умѣ его, конечно, не могу судить, потому что видѣла его всего два раза; но вѣроятно, уменъ. Вѣдь онъ извѣстенъ по своей части. Мнѣ мужъ говорилъ, что Падалка заплатила ему большія деньги.

— Да; онъ, говорятъ, берется поправлять имѣнья разорившихся аристократовъ.

— Вотъ именно, именно.

— Простой агрономъ, а какія деньги получаетъ!

— Ужасно! Но вы слышали, что онъ ухаживаетъ за губернаторшей?

— Что вы!

— Отчаянно!

Въ тотъ же день, когда происходила эта бесѣда, въ разныхъ частяхъ города происходило множество другихъ бесѣдъ въ томъ же родѣ и вкусѣ.

Въ семь часовъ вечера кондитерская была ярко освѣщена. Газовые рожки въ десять глазъ глядѣли изъ оконъ. Слоеные пирожки, шоколатъ и рюмки съ быстротой молніи путешествовали съ одного конца на другой. На столахъ были разбросаны судьбы всей Европы, въ видѣ неизмѣримыхъ газетныхъ листовъ. Въ другой комнатѣ кто-то старался разстроить рояль, наигрывая „мейнъ либеръ Августхенъ“. Посѣтителей было человѣкъ 15, что, при небольшомъ помѣщеніи, казалось ужъ очень достаточно.

— Слушай, ты ферму если заводить, заводи основательно, толковали въ одномъ мѣстѣ.

— Да какъ ее основательно-то заведешь?

— Изучай!

— Да, вотъ оно что. Нѣтъ, братъ, я вотъ греко-латынь изучилъ, да и то что́ знаю—шишъ!

— Господа, кричатъ въ другомъ мѣстѣ: — позвольте узнать, что́ гласный Грубецкой говорилъ объ училищныхъ совѣтахъ?

— Онъ говоритъ, что это страннопріимные дома для всѣхъ заблудившихся въ распутицу на большой дорогѣ.

— И онъ это на собраніи сказалъ?

— На собраніи.

— И его за это не вывели?

— То-ли еще онъ говорилъ. Врачебная управа, говоритъ, думаетъ, что члены ея, коли въ преферансъ умѣютъ играть, то и слава Богу. Тифозная горячка по деревнямъ свирѣпствуетъ, а инспекторъ врачебной управы, говоритъ, намеднись въ клубѣ цѣлую четверть телятины съѣлъ.

— Послушайте, да вѣдь это же, наконецъ, феноменъ, вашъ Грубецкой?

— Вонъ онъ феноменъ-то. Глядите на него, явился.

— А, мое почтеніе!

Грубецкой залѣзъ на диванъ и взялъ газету.

Вдругъ входитъ Балкашинъ съ своей свояченицей. Анна произвела эффектъ. Женщинамъ бывать въ кондитерской не принято. Она видимо пренебрегала свѣтскими условіями. Она подняла вуалетку и, прищурившись отъ блеску, остановилась у дверей въ нѣкоторой нерѣшительности. Но это было минутное колебаніе. Грубецкой вывелъ ее изъ затрудненія, немедленно предложивши ей мѣсто и свои услуги.

Анна нарочно явилась въ кондитерскую, чтобы завтра же заговорили объ этомъ по всему городу. „Чѣмъ больше вы будете говорить обо мнѣ, тѣмъ лучше для меня. Отъ этого зависитъ карьера не только моя, но и моего мужа“.

— Я заѣхала сюда на перепутьи, говорила она Грубецкому.—И ѣду, угадайте къ кому? къ Падалкѣ.

— Отбили вы у меня совсѣмъ старуху. Грѣшно!

— Премилая женщина! Мы съ ней такъ отлично понимаемъ другъ друга. Право, она стоитъ всѣхъ вашихъ дамъ.—Ахъ да, вы прочли о сжатомъ воздухѣ?

Обращая эту фразу къ Грубецкому, она нарочно сказала ее такъ, чтобы всѣ слышали.

— Не могъ нигдѣ достать, оправдывался Грубецкой.—Въ клубѣ, кромѣ „Иллюстраціи“, ничего не найдешь.

— Книгу я вамъ могу дать. Потрудитесь какъ-нибудь зайти ко мнѣ. Господа, вѣроятно, кто-нибудь знаетъ сжатый воздухъ? Объясните пожалуйста гласному Грубецкому. Какъ, вы не знаете? Не можетъ быть! Неужели, господа, я, женщина, могу вамъ прочесть лекцію?

— Позвольте, крикнулъ Сережа:—я самъ тутъ нуль, ничтожество. Но вотъ пріѣхалъ сюда какой-то ученый агрономъ, можетъ быть онъ разрѣшитъ вопросъ.

— Да? Покажите мнѣ этого агронома. Мнѣ было бы очень пріятно знать, что нашелся въ городѣ хоть одинъ человѣкъ, который предо мной не спасовалъ. Потому что вѣдь это же, господа, наконецъ, позоръ: вы читаете вотъ газеты, слѣдите за политикой, и не знаете такой простой вещи, какъ сжатый воздухъ. Мы знаемъ, какую ноту бельгійскій дипломатъ отправилъ къ ганноверскому, и не

знаемъ, какія силы управляютъ нашей промышленностью! Я этого е понимаю.

Она пожала плечами и поставила чашку на столъ. Но вдругъ лицо ея измѣнилось: у дверей стоялъ Филиппъ. У ней былъ несчастный характеръ. Минутами она до того падала духомъ, что готова была отказаться отъ всѣхъ своихъ прежнихъ словъ. Быстрый взглядъ Филиппа подѣйствовалъ на нее, какъ самое радикальное средство. Анна чувствовала, что конфузиться вообще глупо, а тѣмъ болѣе конфузиться передъ Филиппомъ; она это чувствовала и все-таки встала съ мѣста.

— Куда? удивился Балкашинъ.

— Нѣтъ, мнѣ пора.

— Да полно-жъ, посиди.

— Не могу, господа. Мнѣ нужно нынче раньше вернуться домой. Лекцію о сжатомъ воздухѣ до слѣдующаго раза!

Проходя къ двери, она невольно подняла глаза, Филиппъ стоялъ тутъ. Онъ проводилъ ее самымъ мрачнымъ взглядомъ, но не раскрылъ рта, чтобы сказать хоть одно слово.

Старуха Падалка жила на губернаторской улицѣ, недалеко отъ набережной. Домъ былъ старинный, временъ Екатерины, предназначавшійся для какого-то казеннаго зданія, но потомъ, за заслуги отечеству, переданный въ частныя руки. Добраться до Падалки было нелегко. Желѣзныя рѣшотки охраняли подвалы нижняго этажа. Какая-то удивительная винтовая лѣстница вела наверхъ. Вездѣ засовы, болты, рѣшотки. Чудачка старушка была этимъ очень

довольна. Она съ удовольствіемъ разсказывала всѣмъ, что „къ ней лѣзешь, лѣзешь и не долѣзешь.“

Падалка въ молодости была красавицей (извѣстно, что всѣ старухи въ молодости бываютъ красавицами). Объ этомъ твердилъ портретъ, изображавшій ее, по нашему, раздѣтой, но по тогдашней модѣ, вѣроятно, одѣтой. Пепельные локоны падали на мраморную шею, а нѣжно-голубые глаза глядѣли на соловья, или на жаворонка, вообще на какую-то птицу, сидѣвшую у нея на рукѣ. Но общественное мнѣніе, съ свойственнымъ ему упрямствомъ, называло ее уродомъ; не потому, что она потеряла теперь всѣ зубы и половину волосъ, а потому, что она въ свое время была bel-esprit, т.-е. синій чулокъ. Красавицы, какъ извѣстно всему міру, по этой дорожкѣ не любятъ ходить. Это обыкновенный удѣлъ женщинъ съ большимъ умомъ, но съ маленькою красотою. Вообще, глядя на Падалку, никто не вѣрилъ въ ея бывшую миловидность, и гораздо было бы для нея лестнѣе утверждать, что ея красота именно и заключалась въ безобразіи. Въ ней съ замѣчательной цѣлостью сохранился типъ Макбетовскихъ вѣдьмъ. Глаза ея не потухли, несмотря на 90 лѣтъ. Живость въ движеніяхъ и въ разговорѣ была поразительная. Старческое безсиліе проявлялось только въ мелочахъ, или въ какой-нибудь странной выходкѣ. Замѣтно измельчала съ годами сила ея характера. Знакомая въ былыя времена со всѣми европейскими знаменитостями, она теперь интересовалась знать, откуда взяла губернаторша горничную, что́ платитъ прокуроръ за квартиру, когда Грубецкой бываетъ именинникъ. Правда, все это прикрывалось толстымъ слоемъ сарказмовъ, но все-же старческія замашки проскваживали.

Стариной дохнуло на Анну Игнатьевну, когда она вступила въ огромную прихожую съ лампами въ видѣ пауковъ, протягивавшихъ съ потолка свои лапы. Съ карнизовъ смотрѣли чьи-то безобразныя рожи. Каменный полъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ облупился. Массивныя двери вели въ круглую большую залу съ амурами и нимфами на потолкѣ. Но мрачная зала эта никогда не растворялась: за то другая, болѣе свѣтлая и болѣе уютная, открывала посѣтителямъ свои объятія. Впрочемъ, уютность эта была только относительная; въ домѣ Падалки маленькихъ, даже большихъ комнатъ не было: были только огромныя. Всѣ эти громады, казалось, взапуски раздвигали свои мраморныя, но уже сильно потрескавшіяся стѣны. Древностью дышалъ каждый стулъ, каждая пылинка на зеркалѣ. Мозаичные столы считали себѣ вѣрныхъ 90 лѣтъ. Среди этой обстановки хозяйка была не болѣе, какъ лишній экземпляръ въ коллекціи рѣдкостей.

Анна нашла ее въ самой мрачной изъ мрачнѣйшихъ гостиныхъ. Комната имѣла форму длиннѣйшаго ящика съ двумя окнами гдѣ-то тамъ, на другомъ концѣ. Изъ-подъ зеленаго мрамора на стѣнахъ виднѣлась штукатурка. На потолкѣ опять пауки въ видѣ лампъ. Въ одномъ углу дремлетъ попка, а въ другомъ выступаетъ каменная жрица съ арфою въ рукахъ. Въ самой глубинѣ салона стоитъ ископаемый диванъ, и на немъ проводитъ свои дни и вечера Ирина Александровна Падалка. Высохшая отъ старости, миніатюрная, она вся цѣликомъ влѣзла въ широкую бархатную кофту. Подъ ноги, которыя у нея вѣчно стынутъ, поставлена грѣлка. Въ рукахъ филейное вязанье; она перебираетъ его своими костлявыми пальцами съ ловкостью

записной артистки. Мелкія сѣдыя косички и локоны покрываютъ половину головы, остальная спрятана подъ чернымъ тюлевымъ чепчикомъ, поверхъ котораго повязывается черная же косыночка. И все это служитъ рамкою для лица самой классической вѣдьмы временъ короля Дункана. Падалка сидѣла не одна; близко наклонившись къ старухѣ, гость велъ съ ней интимную бесѣду вполголоса. Анна разрушила своимъ появленіямъ это tête-à-tête. Мужчина всталъ и молча поклонился, потомъ взялъ другой стулъ и сѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— А, m-me Roland! здравствуй. Не надула; умница!

Дѣла Анны видимо шли хорошо: ее называли *ты* и m-me Roland. Такое прозвище старуха подарила ей послѣ одного откровеннаго разговора, въ которомъ Анна высказала ей свою зависть къ m-me Roland и всѣмъ ей подобнымъ.

— Зачѣмъ такія подозрѣнія? Вы знаете, я вамъ вѣрна.

Анна пожала протянутую ей руку, сняла шляпку и безъ церемоніи бросила ее на столъ.

— Откуда являешься?

— Представьте себѣ, отъ Шлагендвейса.

Падалка задвигалась.

— Кто такой? какъ я могу знать?

— Это здѣшняя модная кондитерская. Туда ходятъ бить баклуши всѣ наши дѣльные молодые люди.

— И ты пошла имъ помогать?

— Боже меня сохрани! Я зашла только для того, чтобы дать имъ тэму для разговора. Хотите пари, что теперь тамъ говорятъ обо мнѣ? Ну, хотите?

— Итакъ, m-me Roland, ты начинаешь съ кондитерской?

— А почемъ вы знаете, можетъ быть тамъ со временемъ будетъ клубъ демагоговъ. Un cercle rouge!

Гость въ эту минуту всталъ.

— Позвольте съ вами проститься! обратился онъ къ хозяйкѣ.

— До завтра. А я приготовлю бумаги. Вотъ не поможешь ли ты мнѣ? предложила старуха Аннѣ.

— Отчего же нѣтъ? съ удовольствіемъ.

— Тамъ кое-что переписать, подобрать. Да вотъ мы съ тобой нынче вечеромъ займемся. Я такъ рада, что нашла себѣ помощницу, заявила Падалка уже гостю.

— Первый разъ вижу, что молодыя женщины умѣютъ заниматься дѣломъ.

— Вотъ изволите видѣть! (Падалка покачала головой). — Мнѣ вотъ не удивляется, что я съ нимъ битыхъ три часа о навозѣ толкую.

— Вы дѣло другое: женщина опытная, давно уже отказавшаяся отъ свѣта...

— Говорите прямо: зубы всѣ повывалились, волосы всѣ повылѣзли. Только тебѣ о навозѣ и толковать.

— Я и вамъ удивляюсь. Кто вамъ сказалъ, что я передъ вами не изумляюсь? Я только не высказываю своихъ чувствъ, прибавилъ онъ на прощаньи.

Когда онъ вышелъ за двери, Анна засмѣялась.

— Кто это?

— А это... береги свое сердце... это Черникъ. Онъ и Донъ-Жуанъ, и агрономъ, и дипломатъ, и все, что́ хочешь. Не правда-ли, хорошъ?

— Очень хорошъ. Рисуется, конечно; ну, да это въ порядкѣ вещей.

— Лили отъ него съ ума сходитъ.

— Уже?

— Помилуй, онъ тутъ ужъ другую недѣлю. Чего тебѣ еще?

— Quinze jours! Это обыкновенный срокъ для французскихъ влюбленныхъ.

— Ахъ, да что же такое Лили, какъ не французская гризетка? И еще гризетка далеко не перваго разбора.

— Пощадите, она такая хорошенькая куколка.

— Да, если поставить на этажерку: ее на одномъ углу, а мою Лидію на другомъ. Ихъ мѣсто съ фарфоровыми собачками и пепельницами.

— Я думаю, для того, кто зналъ m-me de Staël...

— Между нами, она была преневыносимое созданіе, въ дамскомъ обществѣ, конечно. Съ мужчинами, c'est autre chose. Надо было видѣть ихъ съ Талейраномъ. Этотъ бѣсъ умѣлъ отравлять ее самыми сладкими рѣчами. Ты помнишь, можетъ быть, этотъ анекдотъ: онъ обѣдалъ разъ не помню у кого. По одну сторону сидѣла извѣстная красавица m-me Récamier, по другую—нашъ алмазъ m-me de Staël. Онъ обращается къ обѣимъ и говоритъ: je suis entre l'esprit et la beauté! Ну что, кажется, можетъ быть слаще? А между тѣмъ, тутъ-то и оказалась самая горькая микстура! За одной онъ призналъ умъ, а за другой красоту; ты понимаешь, какъ это было оскорбительно для обѣихъ. M-me de Staël терпѣть не могла, когда ей намекали на отсутствіе красоты.

— Вы знали m-me de Genlis?

— Это была страшнѣйшая неряха; вотъ все, что́ могу сказать тебѣ о ней.

— А Бенжаменъ Констанъ?

— Плакса съ претензіей на политическій и литературный талантъ. И какая милая парочка: онъ и m-me de Staël! Она—цыганка съ самыми дикими замашками, иногда просто съ чалмой на головѣ; онъ — бѣлокурый херувимъ. Я бы за него не дала своего стараго башмака; она за нимъ гонялась, какъ влюбленная кошка.

— Видно, знаменитости хороши только издали?

— Надо тебѣ замѣтить, что для меня вообще знаменитости не существуютъ. Что́ такое знаменитости? Люди, которые заставили о себѣ много говорить. Имъ помогаютъ обстоятельства и самоувѣренность, главное—самоувѣренность! Это на первомъ мѣстѣ.

— Ахъ, какая великая истина! выговорила Анна задумчиво.

— То-то и есть. И ты не унывай, m-me Roland. Мы съ тобой завоюемъ міръ. Я могу тебя понаучить коечему. Въ чемъ другомъ, а въ храбрости у меня недостатка не бывало. Ну, и я не могла пожаловаться, чтобы въ свѣтѣ меня не замѣчали.

— Вы были такъ хороши собой?

— Да, это правда. (И Падалка для подкрѣпленія взглянула на стѣну). Но зачѣмъ же думать, что все связано съ красотой.... Ваша губернаторша недурна, а между тѣмъ она всегда была и останется гризеткой, больше ничего. Моя Лидія хороша, но будь я мужчина, и оставайся она одна на всемъ свѣтѣ,—я бы не женился на ней. Отъ нея морозомъ пахнетъ. Когда она у меня бываетъ, я снѣгъ вижу по угламъ.

Долго еще длился разговоръ все въ томъ же тонѣ. Названо было до полсотни именъ, и каждому досталось:

одному на пряники, другому на орѣхи; старуха никого не обдѣлила. Не даромъ Анна Игнатьевна очаровала Падалку. Она съ своими холодными, смѣлыми взглядами составляла самый завидный pendant къ разрушающейся, но все еще сильно ядовитой старухѣ. Та переживала съ ней свою первую молодость и видѣла въ ней какъ бы вторую себя. Послѣднее время Анна положительно сдѣлалась ей необходимою. Безъ нея казались ей невыносимыми длиннѣйшіе вечера въ этомъ гробу съ чучелами, статуями и проваливающимися диванами. Сидя одна, старуха начинала вздрагивать, когда попка неистово вскрикивалъ въ просонкахъ. На нее находила даже мысль о смерти. А въ 90 лѣтъ такія мысли нельзя сказать, чтобы были особенно привлекательны. Анна одной молодостью, своимъ смѣхомъ прогоняла изъ комнаты могильный запахъ. Къ тому же, она помогала ей приводить въ порядокъ бумаги по имѣнію. Цѣлый вечеръ просидѣли онѣ вмѣстѣ, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, конторскіе счеты съ свѣтской болтовней, земскія собранія съ губернаторшей, и губернаторшу съ новымъ агрономомъ. Падалка только удивлялась смѣтливости своей собесѣдницы, которая, какъ женщина уже привычная, разбирала такія каракули, отъ которыхъ нервнаго человѣка ударитъ въ дрожь, и ловко подводила итоги самымъ запутаннымъ цифрамъ.

У Анны были свои планы.

Плохія времена настали въ домѣ Фаины Ивановны. Властей не признавали, все пошло врозь, все не клеилось. Анна Игнатьевна вела уличную жизнь, пропадала по цѣлымъ днямъ и показывала свои ясныя очи, какъ солнышко, только изрѣдка. Борисъ тоже пропадалъ, иногда даже и ночевалъ на заводѣ или, что́ еще хуже, приводилъ съ со-

бой растрепаннаго Лёвку, съ которымъ и запирался у себя въ кабинетѣ. Глѣбъ лежалъ больной и бросилъ ходить на уроки, что̀ угрожало семьѣ даже въ денежномъ отношеніи. Корсаковы и прежде жили не богато, теперь же ихъ ожидала рѣшительная бѣдность. Жалованья двухъ братьевъ было слишкомъ недостаточно для семейства изъ восьми человѣкъ. Къ тому же, Борисъ, отдавшись своему новому дѣлу, лишился нѣсколькихъ частныхъ уроковъ: оставалась только должность учителя физики и математики въ мужской гимназіи. Варенька съ своихъ учениковъ получала ровно столько, сколько хватало на ея туалетъ.

Грусть и тоску засталъ Филиппъ, когда вернулся домой послѣ встрѣчи съ Анной Игнатьевной въ кондитерской. Въ окна барабанитъ дождь. Скука невыразимая. Даже Марья, и та не гримасничаетъ: молча подаетъ что̀ нужно и уходитъ къ себѣ въ кухню. Филиппъ ходитъ по комнатамъ, мрачный, какъ и все окружающее. Еслибы кто-нибудь поднесъ свѣчку къ его лицу, то увидалъ бы, что недо̀брыя мысли лежатъ на этихъ чертахъ. Подъ вліяніемъ извѣстной идеи, его свѣтлые глаза становились еще свѣтлѣе, его тонкія губы еще тоньше. Крѣпко стиснутыя, онѣ какъ будто пытались что-то выговорить, да слова не выговаривались. Вдругъ онъ точно одумался, прошелъ залу съ рѣшительнымъ видомъ и толкнулъ дверь въ братнину комнату.

Что̀ говорили братья—неизвѣстно. Саша перестала играть и положила локти на клавиши, но ни одинъ звукъ не долетѣлъ до ея ушей. Она прислушивалась, какъ дождь хлещетъ по стекламъ, положила голову на клавиши и въ этой позѣ задремала. Но судя по тому, какъ красно было лицо Филиппа, когда онъ вышелъ изъ кабинета, можно было ду-

мать, что кто-нибудь кому-нибудь задалъ баню. Послѣдствіемъ этой бани было то, что Борисъ свою работу больше не продолжалъ, а вышелъ вслѣдъ за братомъ, и заходилъ по тѣмъ же самымъ половицамъ, по какимъ давича прогуливался Филиппъ, какъ будто задавшись исключительной цѣлью смѣрять, сколько шаговъ будетъ отъ печки до стѣны и обратно.

— Анна, пойдемъ къ себѣ, мнѣ надо съ тобой поговорить.

— Сколько угодно. На-те, несите!

Она кинула ему свою кофту и, не оглядываясь, прошла впередъ.

— Ну-съ, начала она, останавливаясь передъ зеркаломъ и выпутывая изъ-подъ шляпки свои бѣлокурыя косы:—я нынче въ отличномъ расположеніи духа. Мои дѣла идутъ великолѣпно. А ваши?

— Анна, я... заговорилъ Борисъ, и спутался.

Она оглянулась.

— Ты? Что такое ты?

— Я не ожидалъ, чтобъ ты... (Онъ снова запнулся).

Она остановилась въ недоумѣніи. Косы упали ей на плечи, она не стала ихъ прикалывать. Вдругъ онъ подошелъ и схватилъ ее за руку. Руки у него слегка дрожали.

— Знаешь, лучше... скажи теперь, что все кончено, что я тебѣ не нуженъ. Да, это лучше...

Онъ нервно сжималъ ей пальцы. Она широко открыла глаза и остановила ихъ на немъ.

— Что съ тобой?

— Если ты обманывала меня... зачѣмъ же? это все такъ странно. Лучше было сказать тогда. Теперь ужъ

поздно. Я не могу... Я привыкъ къ тебѣ. Все-таки же я твой мужъ! Хоть тебѣ это, можетъ быть, и дико...

— Да, дѣйствительно, это дико; это болѣе, чѣмъ дико.

Ноздри у нея начинали расширяться—вѣрный признакъ, что гнѣвъ недалекъ.

— Мнѣ говорятъ, что я слѣпой, что я ничего не вижу. Я слѣпой, конечно... въ этомъ случаѣ я не полагаюсь на себя. Мнѣ все кажется, что это такъ просто. Да, этого не должно быть... Я не понимаю... Но не могу же я устроить надзоръ. Если ты не хочешь любить меня...

— Послушай, скажешь ли ты мнѣ, въ чемъ дѣло? Если ты сходишь съ ума, то я къ этому вовсе не расположена.

— Ты бросилась въ омутъ, Анна. О твоихъ похожденіяхъ начинаютъ говорить, какъ о чемъ-то... я не знаю. Но, какъ мнѣ заставить ихъ замолчать?

— А! (Она стремительно вырвала у него руку).—Вотъ что! У васъ былъ сейчасъ Филиппъ Яковлевичъ! Онъ вамъ это сказалъ? да? Такъ плюньте же ему въ лицо, и уважайте другой разъ немножко побольше вашу жену. Не оскорбляйте ее намеками, какихъ порядочный мужчина не сдѣлаетъ посторонней женщинѣ.

Она отвернулась отъ него. Борисъ бросился цаловать ей руки.

— Прости меня! Все это глупость, недоразумѣніе. Я съ ума сошелъ, это правда... Могъ ли я не вѣрить тебѣ! Прости-же меня, Анна!

Она стояла неподвижная, какъ королева, у которой ее прогнѣвавшій подданный молитъ пощады. Прозрачная блѣдность разлилась по всему ея лицу. Глазъ она не по-

дымала, а густыя пепельныя косы сбились ей на плеча. Она замерла въ этой позѣ и, казалось, не слышала, о чемъ ее просили.

— Полно же, не сердись! Забудь мои слова, хоть ради того, что они были сказаны въ минуту отчаянья! Повѣрь, что я самъ послѣ буду за нихъ проклинать себя сто разъ. Я никогда не забуду этого, хоть-бы ты даже и простила мнѣ. Лучше послѣ прогони меня отсюда, только теперь взгляни на меня!

Она взглянула. Но холодомъ обдалъ его этотъ взглядъ.

— Зачѣмъ? Я могу сказать вамъ, что простила, но на самомъ дѣлѣ я вамъ не прощу, нѣтъ! Кто разъ въ жизни осмѣливался подозрѣвать меня, тотъ первый вырылъ бездну между нами. Постойте! не мѣшайте мнѣ. Я выскажу вамъ теперь все хладнокровно.

Она остановилась передъ нимъ и положила руку на край жардиньерки.

— Если я дорога для васъ, то вѣдь и вы для меня все,—не забудьте это. Я отдала вамъ свою судьбу, свою молодость. Одного только я не дала вамъ и не дамъ никогда—это своей воли. Отнять ее у меня, — не отниметъ никто. Я слишкомъ дорого цѣню себя, чтобы не требовать къ себѣ уваженія. Я пойду по самой безобразной дорогѣ именно для того, чтобы показать вамъ и всѣмъ прочимъ, что я и съ этой дороги выйду чиста. Кто же это мнѣ запретитъ жить по своему, а не такъ, какъ живутъ другіе? Я смѣюсь надъ этими другими, и пусть они въ свою очередь хохочутъ надо мною — мнѣ это все равно. Нѣтъ, полно! церемоніи надо отложить. Я переломлю себя, свою безхарактерность. Каждый шагъ мнѣ будетъ стоить слезъ,

но я его сдѣлаю. Дорого мнѣ даются иныя минуты въ жизни! Никто не видитъ, никто не знаетъ, чего мнѣ стóитъ иногда одно слово, одно только слово...

Борисъ не смѣлъ подойти къ ней и обрывалъ листья олеандра.

— Я утѣшалась еще тѣмъ, что есть хоть одинъ человѣкъ, который понимаетъ меня. Я думала: пусть въ глазахъ другихъ я погибла, но пусть же этотъ одинъ... Если отнять у меня эту поддержку, я дѣйствительно погибла.

Она опустила голову. Можно ли было не любить эту бѣлокурую головку, эту смирившуюся, въ глазахъ другихъ холодную, бездушную натуру? Дѣйствительно, Борисъ одинъ зналъ ей цѣну. Тамъ, гдѣ иные видѣли только ѣдкіе, насмѣшливые взгляды, онъ угадывалъ глубоко страдавшую женщину, страдавшую часто отъ мелкаго самолюбія, но еще чаще отъ ошибки въ людяхъ, которыхъ она хотѣла бы разбудить и увлечь за собой туда, куда закрытъ былъ входъ ей самой. Она задалась смѣлыми планами и стала съ наслажденіемъ тратить свои силы на пустяки. Она сама втягивалась туда, откуда хотѣла вытащить другихъ.

Долго утѣшалъ ее въ этотъ вечеръ Борисъ, и не могъ утѣшить. Можетъ быть отчасти потому, что онъ былъ не довольно краснорѣчивъ. Борисъ никогда не блисталъ по этой части, а теперь и подавно. Она подавляла его своей страстной рѣчью, онъ терялся иногда отъ одного ея взгляда. Въ этотъ день съ нимъ не было его обыкновенной невозмутимости.

— Какъ это хорошо, говорила Анна, все еще не успокоившись:—быть игрушкой въ рукахъ своего братца! Прекрасно изучать машины, но не надо же самому нако-

нецъ быть машиной. Я была въ кондитерской! Скажите, какое преступленіе! Не значитъ ли это, что я измѣнила своимъ обязанностямъ, что намъ надо разойтись? Въ кондитерской? Это ужасно! Я погибшая женщина?

— Да будетъ тебѣ. Вѣдь ты только безъ толку мучаешь и себя и меня!

— Да, я мучаю. Мнѣ это нравится. Надо же хоть чѣмъ-нибудь отплатить! Для кого я хлопочу, для кого я бросаю все... Много ли ваше дѣло подвинулось впередъ? И оно не подвинется, я вамъ предсказываю, если мнѣ будутъ мѣшать, если вы меня станете держать за платье. Я на привязи не люблю быть, Борисъ Яковлевичъ. Не знаю, какъ вы, а я ни братцевъ, ни сестрицъ знать не хочу.

— Ну, и не будемъ ихъ знать. И не надо.

— Да-съ, а Филиппу Яковлевичу вздумается какъ-нибудь отъ нечего дѣлать настроить васъ на свой тонъ, и вы меня опять встрѣтите сумасшедшими глазами?

Борисъ вскочилъ съ мѣста.

— Ну, хочешь, клятву тебѣ даю, что это было послѣдній разъ.

— Сдержи ее, Борисъ, сказала она вдругъ ласково.— Сдержи ее!

Удивительно, какъ скоро вылетало горе изъ этой пепельной головки. Она уже снова смѣялась и прикалывала себѣ передъ зеркаломъ косы, чтобы выдти къ ужину и подразнить Филиппа. Мужъ стоялъ около и смотрѣлъ на нее. За ужиномъ было почти весело. Анна задобрила Фаину Ивановну, подставивши ей кресло и поднявши съ полу платокъ. Съ Варенькой она была такъ деликатна, что не столько ѣла сама, сколько передавала ей кушанья. Глѣбу

наговорила пропасть сладостей, сочувствовала ему, выпила рюмку вина за его здоровье. Саша нарумянилась краснымъ зубнымъ порошкомъ и вывела себѣ углемъ брови, и на вопросъ, зачѣмъ она это сдѣлала, отвѣчала, что сама не знаетъ. Когда расходились спать, у всѣхъ на душѣ стало легко. Въ домѣ былъ только одинъ глубоко несчастный человѣкъ—и этотъ человѣкъ былъ Филиппъ.

IX.

5-го октября былъ день именинъ открывавшейся желѣзной дороги. Норско-Козликовско-Канишская вѣтвь была окончена, и пробный поѣздъ готовился полетѣть на протяженіи всѣхъ 65 верстъ. Поѣздъ этотъ отправлялся съ двумя цѣлями: во-первыхъ, для того, чтобы испытать прочность полотна и насыпей, а во-вторыхъ, чтобы господамъ строителямъ и учредителямъ можно было пообѣдать, выпить 65 бутылокъ шампанскаго и скушать 700 рублей сер. Явились сюда и знакомые господъ строителей, и знакомые ихъ знакомыхъ, и все, что́ было въ городѣ сіятельнаго и вліятельнаго. Одни съ пріятнымъ желаніемъ нализаться, другіе съ смутнымъ стремленіемъ къ тому, чтобы испытать прочность насыпей, третьи, наконецъ, съ опасеніемъ насчетъ цѣлости своей жизни.

Локомотивъ и два вагона перваго класса, кокетливо стоявшіе у дебаркадера, издали казались хорошенькими игрушками. Въ вокзалѣ понемногу собирались всѣ участвовавшіе и неучаствовавшіе въ торжествѣ. Такъ-какъ день былъ не праздничный, то рабочаго народа не было, а въ

числѣ зрителей оказались только люди, для которыхъ мало интересу въ томъ, будни у нихъ или праздникъ. Вотъ Сережа, для котораго круглый годъ Свѣтлое Христово Воскресенье. Онъ пріѣхалъ сюда потому, что ему все равно, куда ни ѣхать: сюда ли, на заводъ ли, вездѣ одинаково скучно или, если хотите, одинаково весело.

Вотъ Балкашинъ съ Маколеемъ и Спенсеромъ [illegible] ловѣ и съ тяжестью въ желудкѣ. Ему не быть на то[illegible] ствѣ нельзя, потому что... ну, потому, что нельзя. С[illegible] и представить себѣ даже не можетъ, чтобы поѣздъ у[illegible]лъ безъ него.

Вотъ и Ева, которая, не находя облегченія въ теплыхъ ваннахъ, ищетъ его на дебаркадерѣ.

Тутъ же и безсмертный Грубецкой. Все свое наслажденіе онъ полагаетъ теперь въ томъ, чтобы найти строителей дороги и увѣрить ихъ, что насыпи непремѣнно провалятся, что онѣ должны провалиться.

Начальникъ губерніи съ видомъ грустно-озабоченнымъ ведетъ подъ руку свою жену, которая неизмѣримостью шлейфа старается вознаградить себя за маленькій ростъ и разсыпаетъ на всѣ стороны улыбки, поклоны и привѣтливые взгляды.

Старуха Падалка, болѣе чѣмъ когда-нибудь похожая на вѣдьму, влечетъ за собой своего Макбета черезъ всю залу. Роль Макбета на этотъ разъ покорно исполняетъ ея лакей.

Величественный, ослѣпительный Боборыковъ пріѣхалъ не одинъ. Съ нимъ была длинноносая блондинка и такая аккуратная старушка, какую только можетъ пожелать себѣ сынъ, менѣе безпардонный, чѣмъ ея Сережа.

Ничье появленіе не надѣлало столько шуму, какъ появленіе Дюшеновъ. Онъ шелъ въ авангардѣ, она въ арьергардѣ, а между ними ихъ малютки. Тоточка и Кокочка заявили о себѣ такимъ гвалтомъ, что лучшаго не могли бы пожелать самые взыскательные любители пронзительныхъ звуковъ. Предводитель, массивный мужчина, весь сѣдой или скорѣе бѣлый, но съ черными, какъ смоль, усами, подвигался впередъ, тяжело переваливаясь и нахмуривая брови безъ всякой видимой причины. За нимъ также не шла, а двигалась его старшая дочь. Красивая брюнетка, надменная, неприступная, она глядѣла на всѣхъ королевой. Чтобы выдти на сцену ей не доставало только пеплума и сандалій.

Стрѣлка показывала 12; поѣздъ долженъ былъ отправиться въ половинѣ перваго. Публика замѣтно прибывала. Всевозможныя шинели и пальто собирались въ кучки, толковали, выходили на дебаркадеръ и снова возвращались. Двери безпрерывно хлопали, бѣгали какіе-то сторожа. Въ буфетѣ продавали кислыя яблоки, которыхъ никто не покупалъ. Многія лица изъ обыкновенныхъ обратились въ озабоченныя и усиленно-озабоченныя. Иные просто болтали.

Около Боборыкова стоялъ какой-то молодой человѣкъ, въ лохматомъ пальто и высокихъ охотничьихъ сапогахъ. Онъ снялъ фуражку и машинально поправлялъ себѣ волосы, разговаривая съ своимъ собесѣдникомъ. Это былъ сильно всѣхъ соблазнявшій Черникъ. Во-первыхъ, кто онъ: техникъ или агрономъ, или еще что-нибудь?—никто положительно отвѣтить не умѣетъ. Во-вторыхъ, богатъ-ли онъ и, если богатъ, то насколько именно и откуда нажилъ себѣ состояніе?—опять-таки никто не знаетъ. Наконецъ, откуда онъ и на-

долго-ли тутъ, и почему онъ со всѣми знакомъ?—и на это отвѣта нѣтъ.

Въ одномъ только любопытство губерніи было удовлетворено: на счетъ его наружности никакихъ сомнѣній не оставалось. Онъ хорошъ. Это такъ очевидно, что никому и въ голову не приходило возражать. Все, отъ нависшаго немного лба и быстрыхъ взглядовъ до послѣднихъ уголковъ рта—заставляетъ предполагать въ этомъ человѣкѣ какую-то необыкновенную силу. Многихъ влекло къ нему потому, что хотѣлось угадать, что́ таится подъ мнимо-привѣтливымъ выраженіемъ его глазъ. За этими ясными и какъ будто ласковыми взглядами не можетъ не быть чего-то другого, но чего? вотъ это-то и не давалось, это-то и ускользало, такъ же быстро, какъ перебѣгали мысли въ головѣ.

Теперь онъ бесѣдовалъ съ Боборыковымъ. Боборыковъ имѣлъ видъ Юпитера-Громовержца, а Черникъ былъ просто свѣтскій человѣкъ, и больше ничего. У одного каждая фраза отпускалась на вѣсъ золота, другой пересыпалъ фразы, какъ вещи совершенно ненужныя. Въ словахъ его не было ничего недосказаннаго, но въ глазахъ всегда свѣтилась усмѣшка, замѣтная лишь для пристальнаго наблюдателя.

По этой усмѣшкѣ люди иногда узнаютъ іезуита.

Подошла губернаторша. Платье ея такъ непомѣрно шумѣло, что нельзя было не оглянуться. Черникъ оглянулся. Ему милостиво протянули ручку въ черной перчаткѣ.

— Vous êtes de la partie, n'est-ce pas? спрашивала она.

— Да, я ѣду, отвѣчалъ онъ, повидимому не безъ удовольствія слѣдуя за этой миніатюрной повелительницей.

Она взглянула на него изъ-подъ шляпки своими большими глазами и улыбнулась.

— Какой вы нынѣче смѣшной!

— Въ самомъ дѣлѣ? Васъ удивляетъ то, что я одѣтъ верблюдомъ? Но это удобно.

— Вы вѣрно собираетесь посреди дороги провалиться? На васъ болотные сапоги.

— Боже сохрани! Строители увѣрили меня, что опасности нѣтъ. Еслибы я зналъ, что есть, я бы пошелъ прежде застраховать свою жизнь.

— Это зачѣмъ?

— А такъ. Все-таки спокойнѣе, когда знаешь, что кому-нибудь да есть интересъ въ твоей жизни. На этотъ разъ хоть страховому обществу. И то спасибо.

— Будто ужъ вы такъ никому и ненужны?

— Пока нѣтъ, отвѣтилъ онъ, простодушно взглядывая на нее.

— Вы скромничаете?

— Нисколько.

— Вы странный человѣкъ...

— А вы большая кокетка, замѣтилъ онъ вдругъ, поймавши ея взглядъ.

— Отчего? Не больше, чѣмъ другія женщины. Отчего вамъ пришло въ голову сказать мнѣ это?

— Такъ, отвѣтилъ онъ, заставляя подъ этимъ *такъ* угадывать многое. Лили, какъ и слѣдуетъ красавицѣ съ бѣлокурыми локонами, любила намеки, недомеки и вела разговоръ полу-словами. Если ей попадали въ тактъ, она была счастлива.

— Вы начинаете дразнить меня? я буду жаловаться.

— Его превосходительству? улыбнулся Черникъ.

— Да, его превосходительству.

— Ну, пойдемте, пойдемте.

И онъ повлекъ ее прямо на встрѣчу генералу. Лили, можетъ быть, и раскаялась немножко; ей, можетъ быть, и не хотѣлось такъ скоро прерывать бесѣду вдвоемъ, но дѣлать нечего. Надо было покориться.

— Генералъ, ваша жена хочетъ на меня жаловаться.

Губернаторъ постарался сдѣлать на лицѣ своемъ улыбку, но такія вещи давались ему нелегко.

— Она вѣчно ссорится съ мужчинами! добавилъ счастливый супругъ.

— Я думаю! Когда мнѣ говорятъ, что я кокетка...

— А развѣ это неправда? спросилъ Черникъ опять съ такимъ наивнымъ видомъ, что генералъ былъ обезоруженъ и не могъ взыскать за такое неумѣстное выраженіе.

— Нѣтъ, рѣшительно вы нынче дали себѣ слово злить меня.

— Ахъ, здравствуйте!

И Лили раздарила нѣсколько поклоновъ своимъ знакомымъ.

— Вы не забыли?.. началъ генералъ какъ-то мягко, обращаясь къ Чернику.

— Я былъ на заводѣ уже два раза.

— Въ самомъ дѣлѣ! Ну, что, какъ тамъ?

— Пока ничего. Вы понимаете, генералъ, намъ надо дѣлать это исподволь.

— Да-да-да, конечно.

— Крутыми мѣрами тутъ только все испортишь.

— Разумѣется, разумѣется.

— И я нахожу, что ваши подчиненные дѣйствуютъ слишкомъ неосторожно.

— Какъ можно! какъ можно! (Генералъ дѣлается все озабоченнѣе).

— Предоставьте это мнѣ. Я выберу самъ надежныхъ лицъ. Въ этомъ случаѣ на меня можно положиться. Не имѣя на своихъ рукахъ заботъ о цѣлой губерніи, я могу приняться за это серьёзно. Но вы, генералъ... можно ли требовать, чтобы вы за этимъ услѣдили?

— Да, разумѣется, разумѣется.

— Вы должны посвятить себя столькимъ вопросамъ, что этотъ окончательно ускользнетъ. Я же имѣю всѣ средства на то, чтобы прослѣдить его до малѣйшихъ подробностей.

— Да, такъ ужъ вы пожалуйста... И я буду спокойнѣе. А то вы понимаете, столько работы! все валятъ на насъ.

Черникъ поспѣшилъ успокоить генерала, и черезъ пять минутъ разговаривалъ уже съ инженерами. Онъ даже что-то пытался начертить на клочкѣ бумажки, положенной на рукавъ мохнатаго пальто. Но рисунокъ видно не удавался: инженеры смѣялись, художникъ самъ засмѣялся и скомкалъ бумажку. Подошелъ Дюшенъ и протянулъ ему свою пухлую руку.

— Геннадій Николаичъ желаетъ узнать, будете-ли вы сегодня на торжествѣ?

И съ этимъ вопросомъ широкая улыбка освѣтила лицо этого сладкаго брюнета, любителя Шекспира и своихъ малютокъ.

— То-есть, ѣду ли я? Какъ же! Плыву по теченію. Что́ дѣлать!

Тутъ искусный Дюшенъ повлекъ его своими маневрами къ предводительской тушѣ, возсѣдавшей съ дочкой на другомъ концѣ вокзала. Рашель лѣниво подняла глаза и такъ же лѣниво опустила ихъ; Падалка зашевелился, и материнскіе сердитые глаза заблестѣли изъ-подъ сѣдыхъ бровей. Поклоны свои онъ отвѣшивалъ скупо и съ видимымъ усиліемъ заставлялъ поворачиваться свою неповоротливую шею. Бѣлые волосы на головѣ, черные усы и всѣ черты лица его напоминали Мазепу, въ ту уже нецвѣтущую пору, когда онъ могъ плѣнять только Марину.

— Здравствуйте! Ѣдете? Я тоже ѣду. Нельзя: приглашали. Надо поощрять.

— Не прикажете ли затворить форточку? предложилъ Дюшенъ.

— Нельзя! Какъ же я могу. Ну, я желаю, положимъ. А другіе этого не желаютъ. Другіе любятъ свѣжій воздухъ. Какъ же вы вдругъ говорите: затворить!

И предводитель отъ негодованія повелъ плечами. Негодованіе, впрочемъ, падало не столько на Дюшена, сколько на тѣхъ другихъ, которые осмѣливаются любить свѣжій воздухъ.

— Вы не знакомы еще? спрашивалъ Падалка, все еще нѣсколько свирѣпо.—Дочь моя. Андрей Михайловичъ Черникъ.

Рашель нехотя приподнялась. Черникъ, разумѣется, объявилъ, что ему очень пріятно.

— Она у меня дипломатъ, добавилъ Падалка, и тотчасъ же, точно испугавшись дипломатическихъ способностей

своей дочери, перешелъ на другой предметъ. — Ну, что́ начальникъ губерніи? не получалъ никакого циркуляра? а? вы не знаете? а?

Тутъ надо замѣтить нѣкоторую странность почтеннаго предводителя. Онъ имѣлъ претензію знать всѣ государственныя тайны, всѣ циркуляры къ министрамъ, посланникамъ, генералъ-губернаторамъ,—все, словомъ сказать, что́ дѣлается въ Россійской Имперіи. Онъ подбиралъ себѣ въ губерніи партію, имѣлъ своихъ агентовъ, и все это единственно для того, чтобы знать: что́, какъ и почему? Онъ хотѣлъ руководить дѣлами чуть ли не всей имперіи, а ужъ всей губерніи навѣрное; хотѣлъ, чтобы безъ него никто не смѣлъ ни ссориться, ни мириться; слѣдилъ за волненіями Западной Европы, за политикой Франца-Іосифа; сердился, что Гладстонъ проводитъ важныя реформы, и останавливался въ недоумѣніи передъ тѣмъ, что́ творится у него, въ его собственномъ домѣ. Начиная съ Рашели и кончая послѣдней судомойкой, всѣ хозяйничали по-своему, всѣ надували его безжалостно. То онъ узналъ, что дворецкій у него пьянъ, то теща уѣхала въ его каретѣ, то Рашель приказала выставить всѣ окна, то другая дочь пропала кудо-то изъ дому. Падалка приходилъ въ ярость, но дѣло скоро объяснялось. Дворецкій былъ нынче именинникъ; теща думала, что карета не понадобится; Рашель думала, что окна выставлять пора, что свѣжій воздухъ будетъ полезенъ ея отцу; пропавшая дочь думала, что никто не станетъ безпокоиться, если она пойдетъ къ подругѣ, что подруга ея такъ больна... что, конечно, папа́ не пожелаетъ... У папа́ въ головѣ была депеша Горчакова, и онъ ровно ничего не желалъ отъ своихъ дочерей. Пусть онѣ выставляютъ окна, бѣгаютъ изъ

дому: Падалка сердился не на нихъ, а на всю губернію вообще. Дюшенъ сообщалъ ему всѣ новости, всѣ городскія сплетни и былъ ему гораздо нужнѣе дипломатической Рашели.

Черникъ удовлетворилъ его любопытству насчетъ губернатора, утѣшилъ его насчетъ циркуляра и на приглашеніе побывать у него въ имѣніи отвѣчалъ, что собирается какъ-нибудь на дняхъ, какъ только найдетъ свободное время. Потомъ сказалъ нѣсколько любезностей Рашели, пожалѣлъ, что ея не будетъ на торжествѣ, и раскланялся.

Старуха Падалка сидѣла, окруженная своими пріятелями. Грубецкой разсказывалъ какой-то скандальный анекдотъ. Конецъ былъ настолько неприличенъ, что онъ затруднился сказать его вслухъ, такъ-какъ тутъ были дамы. Тогда онъ безъ церемоніи нагнулся къ Падалкѣ и досказалъ ей на-ухо. Та замахала руками.

— Да что́ ты, батюшка, хуже-то меня не нашелъ, что ли, никого?

— Ну, вотъ. Что́ за бѣда такая! Вамъ въ субботу сто лѣтъ минетъ.

Черникъ подошелъ къ нимъ. Старуха стала жаловаться ему. Потомъ вдругъ ядовито замѣтила, что она вообще не знаетъ, куда эти господа собираются и зачѣмъ этотъ поѣздъ.

— Какъ зачѣмъ? помилуйте! Ѣдемъ ѣсть цыплятъ подъ соусомъ, рѣчи будемъ говорить.

Падалку и это разсердило.

— Нынче все на новый манеръ. Коли молодежь кутить ѣдетъ, такъ она и кутитъ не спроста, а все съ возвышенными цѣлями. У насъ просто бывало: перебьютъ бутылки, стекла перебьютъ, да пьяные, безъ сюртуковъ, на тройку! А эти, видите ли, дорогу открываютъ.

— Да-съ, это значитъ года такіе. Ваши пьяные языкомъ ворочать не умѣли, а наши рѣчи будутъ говорить. Да еще какъ! посмотрите-ка. Эхъ, надо отправляться, а я-было нынче къ вамъ въ имѣніе хотѣлъ съѣздить.

— Ну, что-жъ; къ вечеру вернетесь.

— Я вамъ говорю, рѣчи буду говорить; безъ знаковъ препинанія. До свиданья, Ирина Александровна. Звонокъ даютъ, а мнѣ тутъ надо еще одного барина поймать.

Черникъ на-скоро попрощался и, дѣйствительно, пошелъ кого-то ловить.

— Чудакъ! выговорила старуха.

— Шельма онъ, больше ничего, заявилъ Грубецкой, по обыкновенію, коротко и ясно.

— Идите, идите! говорилъ Серёжа въ дверяхъ.—Священнодѣйствіе начинается. Господа инженеры ѣдутъ пропивать акціонерскія денежки.

Но такъ-какъ акціонеровъ тутъ было мало,—они бо́льшею частію сидѣли въ столицѣ,—то никто этого восклицанія близко къ сердцу не принялъ. Проводили глазами улетавшій поѣздъ, пожелали ему всякаго благополучія и разошлись по домамъ.

Въ то же самое время въ городъ входилъ другой поѣздъ. Машина нехотя, лѣниво забирала колесами; наконецъ, застучала, царапнула по рельсамъ, дрогнула и остановилась. Пронзительный свистокъ огласилъ своды дебаркадера. Публика толпами повалила на платформу.

Къ багажному отдѣленію подошелъ какой-то пріѣзжій и въ раздумьи остановился у перилъ

— Желаете получить вашу поклажу?

— Нѣтъ, не надо. Я пришлю послѣ.

Пріѣзжій запахнулъ свое пальто и пошелъ вслѣдъ за другими. На дворѣ онъ столкнулся съ ломовой телегой, выѣзжавшей изъ воротъ. На телегѣ лежали тюки, а на тюкахъ сидѣлъ Лёвка.

Пріѣзжій храбро сталъ пробивать себѣ дорогу черезъ толпу извощиковъ. Ни одна пролетка не соблазнила его. Онъ надвинулъ себѣ фуражку на самые глаза и зашагалъ медленно, но аккуратно, не оглядываясь по сторонамъ и видимо углубленный въ какія-то соображенія. Длинная черная борода дѣлала его замѣтнымъ даже въ толпѣ. Щоки провалились, взглядъ тусклый и нѣсколько отталкивающій. Вообще выраженіе лица такое, что заставляетъ предполагать въ этой особѣ нѣкоторое ехидство, хотя, можетъ быть, и соединенное съ проницательнымъ умомъ.

Потянулись заборы, побитая морозомъ крапива, наконецъ, какой-то валъ, а пріѣзжій все шагалъ. Показались трубы еремѣевскихъ заводовъ, а за ними полѣзли, какъ изъ земли, разныя зданія: кирпичныя, деревянныя, красныя, сѣрыя, коричневыя. Запахло копотью, дымомъ, понесся заводскій гулъ. Изъ воротъ выѣхали съ пустыми телегами торфяники и загремѣли черезъ мостъ. У запаснаго магазина разгружали дроги, на которыхъ недавно путешествовалъ Лёвка съ тюками.

Пріѣзжій подошелъ къ рабочимъ и остановился въ той же позѣ, какъ давича у багажной балюстрады. Мужики подозрительно посмотрѣли на него.

— Вамъ кого?

— Смотрителя.

— Ну, такъ ступайте. Онъ на томъ концѣ живетъ. Вонъ его домъ-то.

— Вотъ я къ нему иду. Пойдемте, предложилъ Лёвка.

Пріѣзжій, въ свою очередь, подозрительно поглядѣлъ на него.

— Вы здѣсь работаете, что ли? спросилъ онъ.

— Я-то? Какъ же-съ! Я вѣдь изъ поповъ разстрига. Мужиковъ нравственности обучалъ. Такъ за невѣріе. Отъ вселенскаго патріарха на семи соборахъ проклятъ.

Пріѣзжій изъ-подъ фуражки опять взглянулъ на Лёвку. „Что, молъ, такое ты тутъ городишь!“.

— Если что вамъ надо, вы на смотрителя не разсчитывайте, продолжалъ нашъ агитаторъ. — Онъ, аки аспидъ. Служитъ только мамонѣ и своему господину. Насъ всѣхъ продастъ за три сребренника. Совѣсть свою давно отдалъ чорту. А намъ, нищимъ, подъ его управленіемъ скверно жить. Впрочемъ, вы, можетъ быть, изволите принадлежать къ породѣ зажиточныхъ лавочниковъ?

— Вы тутъ собственно чѣмъ же? переспросилъ пріѣзжій.

— Всѣмъ-съ: истопникомъ, машинистомъ, извозчикомъ. Всѣмъ-съ, чѣмъ угодно.

— Давно служите?

— Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ, за негодностью, общество приказало мнѣ подать въ отставку. Съ обществомъ мы покончили; но я нахожу, что для здѣшнихъ рабочихъ я еще довольно хорошъ.

— Много получаете?

— Тридцать копѣекъ въ сутки и благодарность.

— Маловато. Впрочемъ, я и меньше получалъ.

— При нѣкоторомъ усиліи, можно прожить и на три копѣйки въ сутки. Вамъ не случалось попробовать?

— Бывало-съ, и это бывало.

— Очень пріятно слышать. Позвольте пожать вамъ руку. Мы съ вами удивительно сходимся характерами.

На встрѣчу попались рабочіе и, снявъ шапки, молча поклонились. Потомъ попался десятникъ, и тоже отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Гляди, самъ пріѣхалъ! разнеслось на заводѣ.

— Кто?

— Да самъ, Еремѣевъ.

Дошли эти слухи до Лёвки. Онъ узналъ, что пріѣзжій, котораго онъ проводилъ къ смотрителю, былъ самъ заводчикъ Еремѣевъ. Лёвка невольно почесалъ себѣ въ затылкѣ.

— А ну, впрочемъ. Все одинъ чортъ на дьяволѣ!

Онъ засунулъ себѣ руки въ карманы, засвисталъ и пошелъ въ мастерскія.

X.

Контора на заводѣ свѣтится, какъ фосфорная спичка въ темнотѣ. Голубыя стѣны ея облиты сіяніемъ газовыхъ рожковъ. Сосновые столы, бюро, шкапы — все сверкаетъ подъ яркимъ свѣтомъ газовыхъ язычковъ. Даже массивная желѣзная касса, и та какъ будто принарядилась по-праздничному. Съ улицы можно было подумать, что тутъ справляютъ какое-нибудь торжество, такъ ослѣпительно сверкали издали оконныя стекла. Вблизи оказывалось, что у сосновыхъ столовъ сидѣли люди рабочіе, всякое пустословіе и праздность отсюда изгнаны, а съ ними вмѣстѣ улетѣло и

веселье. Всѣ находившіяся тутъ фигуры двигались мрачно; молча перекладывались съ мѣста на мѣсто книги и бумаги, методически щелкали косточки на счетахъ; даже звукъ голоса, звукъ шаговъ человѣческихъ напоминалъ скорѣй машину, чѣмъ живое существо. Скрипнетъ стулъ, двинувшійся въ сторону, мелькнетъ за рѣшоткой фигура конторщика, все это какъ будто святотатство, какъ будто нарушеніе природой установленнаго порядка. Въ этой обстановкѣ люди допускаются настолько, насколько они могутъ обратиться въ механизмъ. Богданъ Иванычъ бывалъ тутъ какъ нельзя болѣе у мѣста. Онъ точно по ошибкѣ былъ сотворенъ человѣкомъ; по какому-то странному недоразумѣнію онъ не попалъ въ машинные склады и былъ зачисленъ въ общество людей. Тутъ же стоялъ Борисъ и съ жаромъ объяснялъ что-то мрачному господину, сидѣвшему у стола. Тотъ кусалъ себѣ усы и хмурился. Наконецъ не вытерпѣлъ и заговорилъ.

— Я началъ свою карьеру съ трехъ копѣекъ. Вы имѣете въ своемъ распоряженіи гораздо болѣе средствъ. Странно еще просить себѣ пособія. Къ пособію обращаются только люди, избалованные судьбою. Вы хотите все начинать en grand. Это обыкновенная привычка французовъ. За то посмотрите, у нихъ и не выходитъ ничего путнаго. Гдѣ бы нужно выстроить трех-оконную избу, они строятъ дворецъ. Послѣдствія понятныя. Чего съ избыткомъ хватило бы на избу, во дворцѣ годится только на починку крыльца; да и то пожалуй не хватитъ.

Борисъ слушалъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Онъ терпѣть не могъ аллегорій. Что тутъ толковать о дворцахъ, когда говорятъ о сжатомъ воздухѣ!

— Позвольте вамъ замѣтить, началъ онъ: — что есть вещи, которыя дѣйствительно можно начинать съ пустяковъ. Разбогатѣть можно и отъ трехъ копѣекъ. Но какъ вы хотите, чтобы я на три копѣйки сдѣлалъ то, что́ требуетъ тысячи?

— Вотъ самыя эти тысячи заявляютъ мнѣ прямо, извините за откровенность, о негодности вашего дѣла. Вы на три копѣйки смотрите съ презрѣніемъ, а я только тѣхъ людей и цѣню, которые умѣютъ ихъ уважать.

„Богъ-знаетъ“, думалъ Борисъ: „съ этимъ господиномъ Еремѣевымъ, видно, не сговоришь. Ты ему свое, а онъ тебѣ свое. Ну, къ чему тутъ эта поэма о трехъ копѣйкахъ?“

Все болѣе и болѣе убѣждался Борисъ, что въ нашемъ обществѣ наука никогда не ходила по высокому курсу. Что за дѣло губернскому городу до какого-то сжатаго воздуха? Простой есть, и слава-Богу; на что еще сжатый! Мало ли какія бредни взойдутъ въ голову ученымъ! Вонъ, говорятъ, пожалуй, что солнце тухнетъ. Какъ будто намъ отъ этого легче. Тутъ и безъ того дороговизна, воинская повинность, городская реформа, податная реформа, до сжатаго ли тутъ воздуха, помилуйте! На тринадцати улицахъ фонарей совсѣмъ нѣтъ. Въ гимназію другой годъ дѣтей не принимаютъ, мѣстъ не хватаетъ, а другую выстроить усердія нѣтъ. Нищихъ до пропасти. Ну, что тутъ сжатый воздухъ?

Всего этого Борисъ не умѣлъ принять въ соображеніе, и потому долженъ былъ жестоко страдать. Онъ думалъ плѣнить общество своими поршнями и цилиндрами, но общество платило ему полнѣйшимъ презрѣніемъ. Послѣдняя

его надежда на заводчика Еремѣева лопнула. Еремѣевъ очень прозрачно намекнулъ ему, что смотритъ на него, какъ на шарлатана, и въ отвѣтъ на всѣ просьбы указалъ ворохъ записокъ. Въ одной значилось: „Зная всю доброту вашего сердца и все ваше великодушіе...“, и въ заключеніе просилось заимообразно сто рублей серебромъ. Въ другой: „Приглашеніе къ пожертвованію: Братство Святителя Тихона и т. д.“; заключеніе такое: всякое даяніе благо, не побрезгуемъ и рублемъ. Далѣе. „Осмѣливаюсь обратиться... Знаю, что вы не забываете несчастныхъ... А потому могу надѣяться...“ Краткое резюме: нельзя ли получить отъ васъ хотя 25 рублей, а впрочемъ лучше, если больше. „Художникъ академіи приглашаетъ учредить фотографію на паяхъ, для чего и дать ему, художнику, тысячу руб. заимообразно.“ Затѣмъ настаивало на пособіи общество распространенія безполезныхъ книгъ, общество покровительства скотамъ, общество для пособія умершимъ генераламъ... Все это требовало, просило, умоляло и заявляло о своихъ правахъ на деньги купца Еремѣева. Борисъ увидалъ, что и онъ, и его сжатый воздухъ затерты въ массѣ просителей. Сидѣвшій передъ нимъ милліонеръ былъ для него теперь такъ же мало интересенъ, какъ и вѣрный служитель его Богданъ Иванычъ. Дѣйствительно, оставалось только надѣяться на три копѣйки, и на свои собственныя силы. Одного только не угадалъ Борисъ — что поддержка была близко, что онъ найдетъ ее въ лицѣ агронома Черника, того самаго Черника, который стоялъ на крыльцѣ конторы и бесѣдовалъ съ Лёвкою.

— Знаете, говорилъ онъ:—Архимедъ обѣщалъ повернуть землю, если только найдетъ точку опоры. Замѣтьте

это *если*. А Платонъ, такъ тотъ сказалъ еще лучше: кто хочетъ сдвинуть съ мѣста весь міръ, пусть прежде подвинется самъ.

Лёвка окрысился.

— Я самъ себѣ Платонъ и Архимедъ. Міръ сдвинуть не хочу, а плевать на всѣхъ буду.

— Хорошо, но послушайте: если вы хотите сдѣлать что-нибудь путное, или безпутное, все равно, но если, говорю я, вы желаете добиться своей цѣли, позвольте вамъ сказать, что вы поступаете очень неблагоразумно. Вы уже замѣчены и даже сильно замѣчены. Поэтому, если вы послѣдовательны, вамъ слѣдуетъ какъ можно болѣе стушеваться. Всякая пропаганда тогда только имѣетъ смыслъ, когда самъ пропагандистъ невидимъ и неуловимъ. Вы же... вы прямо бьете на шестимѣсячное заключеніе въ острогѣ.

Лёвка махнулъ рукой.

— Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

— Странный у васъ вкусъ. Но я васъ опять-таки предупреждаю: вы не разсчитывайте на хорошую встрѣчу.

Лёвка оттопырилъ нижнюю губу.

— У всякаго своя спеціальность. Моя—идти на проломъ.

Черникъ бросилъ на него одинъ изъ тѣхъ неуловимыхъ взглядовъ, на которые онъ одинъ только и былъ способенъ.

— Ну, какъ знаете, замѣтилъ онъ.—Только не пеняйте послѣ ни на судьбу, ни на меня.

Когда его лохматое пальто исчезло въ дверяхъ конторы, Лёвка посмотрѣлъ ему вслѣдъ и порѣшилъ: „однако, мы съ тобой, я вижу, другъ друга понимаемъ“.

Поздно вечеромъ въ комнатѣ Богдана Иваныча мерцалъ

одинокій газовый рожокъ. Самъ хозяинъ лежалъ на диванѣ и дремалъ. Тишина была невозмутимая. На столѣ стоялъ давно остывшій стаканъ чаю и потухшій самоваръ. Какая-то ошалѣлая муха билась въ стекло. Хозяинъ наконецъ совсѣмъ заснулъ. Его разбудилъ стукъ шаговъ по лѣстницѣ. Вошелъ Черникъ и бросилъ фуражку на окно.

— Проводилъ? спросилъ Богданъ Иванычъ соннымъ голосомъ.

— Проводилъ, отвѣтилъ тотъ односложно, и выпилъ залпомъ нѣсколько глотковъ холоднаго чаю.

Богданъ Иванычъ почесалъ себѣ шею и зѣвнулъ. Потомъ произнесъ:

— Вотъ охота возиться! потомъ зѣвнулъ еще разъ и добавилъ:—сейчасъ видно, что вамъ вставать-то не въ 5 часовъ.

Молчаніе.

— Что она, по крайней мѣрѣ, ничего? Не очень надоѣдаетъ? Черникъ продолжалъ пить чай молча.

— Не говоритъ, что она несчастна, что ее никто не понимаетъ?

Гость отрицательно покачалъ головой.

— И не говоритъ, что ее насильно замужъ выдали?

Черникъ засмѣялся.

— Да вѣдь это не формальное свиданіе. Ты видишь, она пріѣзжала заводы посмотрѣть.

— Да, да, да. Заводы! Пятый годъ живетъ въ городѣ, только нынче первый разъ собралась. Что-жъ это она въ пять лѣтъ-то, прежде не догадалась?

— И охота тебѣ, Богданъ Иванычъ, быть ядовитымъ.

— Нѣтъ, душа моя, гдѣ же! Только зачѣмъ же это ты у меня ключъ-то отъ калитки взялъ?

— Послушай...

— Ты его не потеряй, по крайней мѣрѣ.

— Богданъ Иванычъ, я надѣюсь, что мы съ тобой вдвоемъ шутить можемъ, но...

— Что толковать. Мы съ тобой понимаемъ.

Черникъ улыбнулся.—Ненадо ссориться съ женщинами. Онѣ любятъ, чтобы ихъ уважали; будемъ ихъ уважать.

— Я бы распоряжался не такъ.

— Позволь. Ученаго учить—только портить. Я всю эту науку прошелъ основательно. Въ этомъ дѣлѣ я соперниковъ не признаю, и ты меня, пожалуйста, не раздражай. Къ тому же, вотъ и чай холодный. Этакая, право, неудача. Любовью займешься—чай остынетъ!

— Чаемъ займешься—любовь остынетъ.

— Да, самъ видишь, какъ трудно жить на свѣтѣ.

Черникъ закурилъ папиросу и отыскалъ себѣ мѣсто на диванѣ возлѣ соннаго хозяина.

— Странно, какъ это устроено все въ природѣ, началъ онъ.—Я до сихъ поръ, нельзя сказать, чтобы не пользовался жизнью. Напротивъ. А между тѣмъ я недоволенъ собою, положительно недоволенъ. Впрочемъ, вѣдь это извѣстно: всѣ великіе люди скверно пишутъ и всѣ бываютъ недовольны собою. И то, и другое во мнѣ есть, ergo... Да договаривай же, догадайся!

— Лѣнь языкомъ ворочать.

Оба помолчали. Потомъ гость началъ снова.

— Ваша губернія ничего себѣ. Здѣсь жить можно.

Я тутъ уже по близости свилъ себѣ гнѣздышко. Надоѣло быть кукушкою, на чужую любезность разсчитывать.

— Ты, я слышалъ, колоніи заводишь?

— Да, видишь, какъ жизнь-то моя полна. И любовь, и колоніи, и губернаторъ тутъ вашъ, все вмѣстѣ; винегретъ порядочный. Ну, какъ же я не великій человѣкъ-то, если я въ этомъ хаосѣ не спутаюсь, не собьюсь съ толку? Тутъ все идетъ къ тому, чтобы сдѣлать изъ меня человѣка, способнаго только на одни интриги, на іезуитство. Что дѣлать! Вамъ надо подыгрывать на вашихъ же инструментахъ. Кто не желаетъ остаться въ дуракахъ, долженъ дурачить другихъ,—это аксіома. Я ей слѣдовалъ, слѣдую и буду всегда слѣдовать. Одни стоятъ за идею, другіе за безусловную честность; я стою за интригу. Я люблю интригу, какъ шахматную игру. Она развиваетъ ваши способности. Сообразите только одно: сколько тутъ шансовъ *за* и *противъ*. На одну доску ставьте женщинъ, на другую слабости человѣческія, на третью чью-нибудь глупость, и всѣмъ этимъ съумѣйте воспользоваться, все это одушевить единымъ духомъ самолюбія! Это великая сила! Я на нее разсчитываю больше, чѣмъ на всѣхъ умныхъ людей. Съ этой силой я вамъ всегда сдѣлаю шахъ и матъ!

— Удивляюсь я, какъ это, право, людямъ спать не хочется.

— Сейчасъ иду, иду. Только слушай: вотъ я недавно у васъ въ городѣ, но ужъ началъ свою партію и доиграю ее до конца. Теперь сообрази ты только одно: если я со всѣми своими хитростями, западнями, съ полнѣйшимъ отсутствіемъ уваженія къ людямъ, съ умѣньемъ понять всѣ ихъ слабости, если я, говорю, не могу до сихъ поръ до-

биться своей цѣли, то чего-жъ путнаго станете вы ожидать отъ человѣка, который задался мыслью безукоризненной честности! Можетъ-ли простое, откровенное слово подѣйствовать на людей, которые сама воплощенная ложь? Нѣтъ, никогда! И не вѣрьте вы тому, кто скажетъ, что добился своего и ни разу не свернулъ съ грязной дороги. Вздоръ это, вранье! Если вы хотите дѣйствительно заступаться за слабыхъ, такъ бейте сильныхъ ихъ же оружіемъ! А люди только и сильны, что своей ловкостью и безстыдствомъ. Именно безстыдствомъ! Нечего толкать человѣка съ пустыми руками подъ пистолетное дуло и говорить: защищайся! Дайте ему пистолетъ—онъ не только себя, и васъ защититъ. И первому, кто мнѣ станетъ проповѣдывать безукоризненную честность, я скажу: братъ, оглянись на себя! Самъ-то ты такъ-ли безукоризненно дѣйствовалъ по отношенію твоихъ меньшихъ братій? Бросилъ-ли ты оружіе, когда они шли противъ тебя съ голыми руками? И въ 99 случаяхъ изо ста окажется: нѣтъ! И вотъ, только этотъ-то сотый можетъ бросить въ меня упрекъ. Остальныхъ я и спрашивать не стану. А затѣмъ покойной ночи!

Хозяинъ, ни слова не говоря, всталъ и потушилъ газовый рожокъ.

Въ этотъ самый вечеръ Глѣбъ серьёзно занемогъ и слегъ въ постель, на этотъ разъ уже не отъ лѣни, а чисто по болѣзни.

Цѣлый день кто-нибудь изъ домашнихъ дежурилъ у него въ комнатѣ. Пришла очередь Анны. Въ любимой Глѣбомъ бѣлой блузѣ сидѣла она у его постели и съ покор-

ностью передавала ему всѣ требуемыя имъ нужныя и ненужныя вещи. То часы ему подвинь, то столикъ подставь, въ которомъ надобности никакой не оказывается, то, наконецъ, платокъ носовой достань, да не этотъ, а другой; этотъ одеколономъ пахнетъ. Лежитъ Глѣбъ и все кажется ему, что кто бы ни прошелъ, всякій ткнетъ въ него пальцемъ. Поэтому, онъ со страхомъ слѣдитъ за движеніями всѣхъ мимоидущихъ. Смутная тревога эта уступаетъ мѣсто забытью.

Анна сидитъ и тоска давитъ ее. Все въ ихъ домѣ пошло подъ гору. На всѣхъ напало уныніе: всякій день ждали чего-нибудь еще худшаго. Каждый желалъ бы, какъ Поликратъ въ Шиллеровой балладѣ, отдать разгнѣваннымъ богамъ свое лучшее сокровище, только бы избавиться отъ этого мучительнаго томленія. Извѣстно, что не такъ тяжело получить толчокъ, какъ ожидать толчка, видѣть взмахъ руки, вычислять заранѣе силу удара.

Неудачи мужа, недостатокъ средствъ, вѣчно надутыя лица родныхъ дѣлали жизнь и безъ того скверной, но Анна ждала, что будетъ еще сквернѣе. Ожиданія ея сбылись.

За стѣной раздался знакомый скрипъ сапогъ, дверь осторожно отворилась, и въ комнату вошелъ Филиппъ. Его лицо было не то, что встревожено, а какъ-то измято. Цвѣтъ глазъ былъ уже рѣшительно свинцовый. Онъ послѣднее время много работалъ, можетъ быть не спалъ по ночамъ; въ банкѣ составлялись какіе-то отчеты. Анна нехотя кивнула ему головой и, чтобы только не разговаривать съ нимъ, взяла разсматривать рецептъ. Но Филиппъ самъ заговорилъ съ ней.

— Вы тутъ! Никакъ не думалъ, что изъ васъ можетъ выдти сестра милосердія. Я скорѣй ожидалъ бы встрѣтить васъ гдѣ-нибудь на бульварѣ или въ кафе-ресторанѣ.

— Я въ этомъ случаѣ проницательнѣе васъ. Я ждала отъ васъ дерзости, и не ошиблась.

Она выговорила эти слова, не отрывая глазъ отъ рецепта. Филиппъ бросилъ испытующій взглядъ на Глѣба, какъ бы для того, чтобы убѣдиться, спитъ ли онъ. Потомъ началъ:

— Можетъ быть, еслибы мы съ вами сдѣлали обоюдно маленькія уступки, мы бы и перестали говорить другъ другу непріятности.

— Едва-ли это можетъ быть.

— Отчего-же?

Она пожала плечами.

— Не сошлись характерами.

— Мы оба слишкомъ самолюбивы, сознайтесь.

— Не знаю, я за обоихъ не берусь отвѣчать. Но за себя ручаюсь.

— А я за себя. Вотъ видите-ли. Намъ, Анна Игнатьевна, не мѣшаетъ побольше слѣдить за собой, за своими поступками, за своими словами наконецъ.

— Потрудитесь говорить въ единственномъ числѣ. Я такъ отвыкла слѣдить за своими словами, обдумывать ихъ, и вообще такъ ненавижу всякія зрѣлыя размышленія, что ваше предложеніе будетъ, кажется, лишнее.

— Вы избалованы.

— Моимъ мужемъ, хотите вы сказать?

— Да, пожалуй и имъ, но больше всего жизнью.

Будь я вашъ мужъ, посмотрите: вы были бы совсѣмъ другая.

Одинъ намекъ, одна мысль о подобной возможности заставили ее смять въ рукахъ рецептъ. Послѣ минутнаго молчанія, которое ей показалось невыносимымъ, она заговорила сама:

— Отчего вы не женитесь, чтобъ было надъ кѣмъ дѣлать опыты?

— Я такъ серьёзно смотрю на женитьбу, что не рѣшусь до тѣхъ поръ, пока не найду дѣвушку вполнѣ достойную. Къ тому же мои средства не позволяютъ мнѣ пока думать объ этомъ.

— Вы получаете, кажется, около восьмисотъ рублей?

— Да, но на моей отвѣтственности семейство и я его обязанъ содержать. Вы знаете, я не раздѣляю воззрѣній вашего мужа, который считаетъ себя вправѣ бросить семью на ея собственное усмотрѣніе.

Анна кинула на него гнѣвный взглядъ.

— Мнѣ кажется, вы не должны бы и упоминать объ этомъ. До сихъ поръ Борисъ отдаетъ матери всѣ свои деньги, даже я, я не брала у него ни копейки. У меня были свои маленькія средства, наконецъ, я продавала свои вещи, чтобы только не пользоваться...

— Я не говорю про васъ, Анна Игнатьевна; я знаю, что вы въ этомъ случаѣ поступаете вполнѣ благородно. Даже болѣе... Но Борисъ Яковлевичъ глядитъ на это иначе. Онъ находитъ, что пренебрегать, напримѣръ, уроками, неглижировать своими учениками—дѣло вполнѣ обыкновенное. Я, смѣю сказать, держусь совершенно другихъ взглядовъ: уроки—это такая вещь, которою неглижировать никакъ не

слѣдуетъ. Онъ можетъ лишиться ихъ, а что будетъ тогда, я васъ спрашиваю? Какая перспектива ожидаетъ тогда наше семейство и васъ, главнымъ образомъ васъ? Вотъ почему, Анна Игнатьевна, я и говорю, что никогда бы не женился. Я, по крайней-мѣрѣ, не чувствую въ себѣ достаточно жесткости, чтобы допустить свою жену терпѣть лишенія.

„Что это? онъ хочетъ уколоть меня?“ подумала Анна, и вся кровь бросилась ей въ лицо.

— Мнѣ кажется, говорила она, глотая слова и не поднимая глазъ:—что гораздо пріятнѣе было бы найти такую женщину, которая смѣло пошла бы съ мужемъ на всякія лишенія, чѣмъ куклу, которую надо услаждать и наряжать. Вамъ, я вижу, кукла нравится болѣе; что касается до меня, то я люблю Бориса именно за то, что онъ даже и не подозрѣваетъ меня въ желаніи упрекнуть его. Вы, можетъ быть, представляете себѣ женщину въ видѣ Полины изъ „Доходнаго мѣста“? Смѣю увѣрить, что не всѣ мы Полины. Я первая составляю исключеніе.

Этотъ каскадъ словъ озадачилъ Филиппа. По крайней мѣрѣ, онъ не сразу нашелся что сказать. Въ эту минуту Анна уронила изъ рукъ бумажку. Ее поразило странное выраженіе его лица, когда онъ дотронулся до оборки ея шитаго платья и до изящной руки, протянувшейся къ нему. Она невольно остановилась и ея суровый взглядъ встрѣтился съ его тяжелыми, свинцовыми взглядами. Какъ молнія промелькнуло что-то въ нихъ, но такъ же скоро потухло. Для женщины достаточно иногда и этой молніи, чтобы освѣтить чувство, до тѣхъ поръ остававшееся неразгаданнымъ. Анну покоробило отъ одной мысли, что этотъ

человѣкъ могъ любить ее. Онъ, впрочемъ, мастерски владѣлъ собою. Снова явился прежній строго холодный видъ и отчетливая отчеканка словъ. Онъ говорилъ еще долго, но уже это были обыкновенныя разглагольствованія Филиппа Корсакова.

Вошла Саша и подала Аннѣ письмо.

— Смотри, это на имя Бориса, но вѣдь все равно, у васъ съ нимъ секретовъ нѣтъ.

Анна сорвала облатку, разорвала конвертъ и вдругъ замерла на мѣстѣ. Иногда двѣ строчки способны въ душѣ человѣка перевернуть все верхъ дномъ. Буквы запрыгали у нея передъ глазами; она сидѣла и не понимала что читаетъ. А письмо было немудреное. Директоръ гимназіи увѣдомлялъ, что мѣсто г. Корсакова занято другимъ, а потому просилъ покорнѣйше, чтобы г. Корсаковъ не трудился больше ходить на уроки. Какой хаосъ очутился разомъ въ головѣ бѣдной женщины! Ужъ не бѣдность, не отчаяніе мужа пугало ее (она знала, что мужъ въ отчаяніе отъ этого не придетъ) — нѣтъ! одна мысль встала передъ ней, и разрослась и заглушила всѣ другія — это мысль о томъ, что она теперь въ зависимости отъ Филиппа! И она, и Борисъ должны будутъ существовать на его 800 рублей! Пускай это только на время,—она ни одного дня не хотѣла быть обязанной этому человѣку. Онъ ей теперь въ десять разъ ненавистнѣе прежняго. Быть въ его рукахъ! Она сжала себѣ пальцы такъ, что только крайняя степень отчаянія помѣшала ей вскрикнуть отъ боли. Потомъ, не отвѣчая ни слова на разспросы, она, какъ драгоцѣнность какую-нибудь, схватила записку и убѣжала съ ней къ себѣ въ комнату.

Когда Борисъ вернулся, Анна молча бросила ее на столъ и съ какимъ-то злорадствомъ слѣдила за нимъ, пока онъ ее читалъ. Но тотъ, по обыкновенію, дочелъ, молча сложилъ и потеръ себѣ носъ.

— Да, скверно! Но чтобы произнести эти слова ему понадобилось по крайней мѣрѣ 5 минутъ размышленія.— Впрочемъ, добавилъ онъ подумавши:—вѣдь это же не можетъ такъ продолжаться; когда-нибудь это кончится.

У жены его не было такой счастливой увѣренности.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Какъ-то разъ Анна сидѣла у Падалки. Она застала старуху за обѣдомъ. Каждый день, аккуратно въ пять часовъ, сервировались четыре блюда. Ископаемый лакей становился за стуломъ. Другой, такой же ископаемый, подавалъ кушанья. Свидѣтелями этой трапезы бывали: дубовый рѣзной буфетъ съ поставленными на немъ китайскими вазами, безобразнѣйшія фигуры на стѣнахъ и дюжины двѣ плетеныхъ стульевъ. Эти двѣ дюжины пропадали, какъ капля въ морѣ, и комната казалась пустынной. Но старуха не могла иначе обѣдать, какъ въ этой катакомбѣ. Она называла ее столовой и всякій разъ являлась сюда питать свое грѣшное тѣло. Даже завтракъ подавался ей не иначе, какъ тутъ, въ сосѣдствѣ съ дубовымъ буфетомъ; онъ былъ ей такъ же необходимъ, какъ и любимая миска въ формѣ черепахи и соусница въ видѣ чернаго австралійскаго лебедя. Если прибавить къ этому двухъ бульдоговъ, стоявшихъ на заднихъ лапахъ и державшихъ въ переднихъ лапахъ восковыя свѣчи, то ясно станетъ, что старуха сидѣла тутъ, какъ въ звѣринцѣ.

— Ну что́, какъ ваше здоровье? спрашивала Анна, перебирая кончиками пальцевъ кисть винограда.

— Ахъ, m-me Roland, не спрашивай ты меня никогда о здоровьѣ. Я здоровѣе васъ всѣхъ. Что́ за скверная привычка хворать. Кто, какъ я, каждое утро беретъ холодныя ванны и ведетъ аккуратную жизнь, повѣрь, никогда не станетъ хворать. А нынче... я удивляюсь! все это хилое, хворое, гнилое!

— Ну, какъ вашъ агрономъ? если вы не позволяете говорить о здоровьѣ.

Старуха выразительно мотнула головой и принялась дрожащими руками чистить грушу.

— Я слышала, онъ съ губернаторшей въ большой дружбѣ.

— Дружбѣ?! Зачѣмъ скромничать, m-me Roland. Зачѣмъ скромничать! Будемъ называть вещи прямо.

— Вы хотите сказать, что у нихъ затѣялась маленькая интрижка?

— И даже большая, моя милая. Даже очень большая. Въ наше время это дѣлалось, конечно, но не такъ открыто. Мы щадили другихъ. Шалили, но шалили такъ, что это было скрыто для свѣта. Теперь же... теперь этимъ гордятся, выставляютъ на показъ. Признаюсь, мнѣ гадко объ этомъ говорить. Она такъ наивно катается съ Черникомъ по всему городу, что, право, это... Ты представь себѣ, онъ одѣнется ямщикомъ, въ бархатную поддевку, шапку на бокъ, и катаетъ ее на тройкѣ по главнымъ улицамъ. Какъ это тебѣ нравится!

Анна улыбалась, разсматривая узоръ на тарелкѣ.

— Я понимаю еще, что мужчина гоняется за женщинами, продолжала Падалка.—Они на это созданы; но чтобы женщина бѣгала за мужчиной—это надо потерять всякое

уваженіе къ себѣ! А вѣдь она рѣшительно является вездѣ, гдѣ только онъ ни бываетъ. Я подозрѣваю даже, что они у меня назначали себѣ rendez-vous, потому что какъ-то раза два онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, и она вслѣдъ за нимъ.

— Что-же мужъ?

— Ты наивничаешь! Что́-жъ мужъ? Разумѣется, онъ узнаетъ объ этомъ послѣдній. Это ихъ удѣлъ. Онъ разливаетъ себѣ кофе... моетъ Нельку (это ея любимая собачонка), шторы на окнахъ вѣшаетъ.

— Неужели?

— А ты какъ думала. Вѣдь это помадная банка. Оттого-то ей такъ и легко ладить съ нимъ. А этотъ Черникъ!.. Онъ завоевалъ жену, не брезгуетъ и мужемъ. Тотъ ступить безъ него не можетъ. Онъ сталъ ему также необходимъ, какъ... вотъ какъ ты мнѣ, докончила старуха, улыбаясь.

Анна раскланялась за такую любезность.

— Ну, а какъ идутъ ваши дѣла съ нимъ?

— Ничего, подвигаются. Боюсь я только, что онъ натворитъ мнѣ тамъ чудесъ. Эти ученые агрономы мнѣ всегда были страшны. У нихъ такія ухватки... Впрочемъ, вѣдь этого рекомендовалъ мнѣ графъ Уваръ Иванычъ... Ты его не знаешь?

— Кого? Уваръ Иваныча? Первый разъ слышу.

— Милый старичокъ. Вотъ я бы желала, чтобы эти нынѣшніе реалисты съ нимъ поговорили.

— Что́, ему лѣтъ сто есть?

Падалка разсердилась.

— Откуда у васъ эта манера смотрѣть такъ на старое поколѣніе? Да въ наше время люди были такіе, что изъ

вашихъ ни одинъ имъ не по плечу. Вы укажите мнѣ изъ теперешнихъ хоть на одного... крупнаго дѣятеля, какъ вы ихъ называете. А у насъ былъ Сперанскій, былъ Канкринъ... Потомъ еще возьмемъ: Кутузовъ, Чарторыйскій и Каподистрія. Гдѣ вы мнѣ теперь такихъ отроете?

Старуха такъ расходилась, что Анна насилу могла ее утѣшить.

— Одно меня безпокоитъ, говорила Падалка, нѣсколько успокоившись:—онъ что-то очень настаиваетъ, чтобы я тамъ продала одинъ клочокъ. Знаешь ты Трошкинъ оврагъ? Ты по плану вѣрно видала?

— Это лѣсъ, если я не ошибаюсь?

— Да, тамъ и пашни есть. Ну, вотъ настаиваетъ, чтобы я продала, да и только. Торопитъ меня. Не понимаю, что́ ему за интересъ.

— Странно, выговорила Анна.—Позвольте мнѣ еще разъ взглянуть на планъ.

— А вотъ сейчасъ! Терентій, принеси намъ изъ угольной комнаты свертокъ: онъ тамъ на этажеркѣ, увидишь, да отнеси его въ гостинную. Мы сами туда пройдемъ.

Старуха поднялась и повлекла гостью за собой. Терентій ушелъ за планомъ, а ископаемый товарищъ его взялъ въ руки бульдоговъ съ канделябрами и пошелъ свѣтить ковылявшей старухѣ. Звонко отдавались шаги ихъ по этимъ склепамъ, а каждое сказанное слово разносилось далеко, точно эхо въ горахъ.

Едва успѣли наши дамы переселиться въ гостинную, какъ явился и самъ агрономъ, но не одинъ, а въ сопровожденіи какого-то молодого человѣка. Это оказался Падалкинъ управляющій, сладенькій нѣмецъ, картавившій, вы-

говаривавшій *р* по-парижски и смѣявшійся шепотомъ, самымъ мелкимъ, дробнымъ смѣхомъ. Несмотря на свою непредставительную наружность, онъ имѣлъ претензію быть свѣтиломъ сельско-хозяйственной науки, претензію, которую онъ, впрочемъ, пряталъ въ самые отдаленные уголки своего сердца. Глубоко убѣжденный въ душѣ, что онъ нѣмецъ и, стало быть, порядочный человѣкъ, и что всѣ русскіе передъ нимъ скотины, онъ, однако, помнилъ, что одна изъ этихъ русскихъ скотинъ платитъ ему четыре тысячи, и разсыпался передъ нею мелкимъ бѣсомъ.

Пошли разговоры объ имѣніи. Анна, разумѣется, стушевалась, но издали зорко слѣдила за всѣмъ, что говорилось. Нѣмецъ горячился, взрылъ всѣ бумаги, сверкалъ массивнѣйшимъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ и доказывалъ, что сдача луговъ въ его управленіе шла отлично, что если нѣкоторыя болота онъ и не осушилъ, то это потому, что ихъ осушить было нельзя.

Черникъ слушалъ его невозмутимо, изрѣдка подбирая бумаги изъ-подъ рукъ суетившагося агронома.

— Вы говорите, что осушить болота нѣтъ возможности. То-есть, вы хотѣли сказать, конечно, не то; не возможности, а нѣтъ средствъ. Прекрасно; отчего-жъ вы не начали разработку торфа?

— Нѣтъ сбыту! сбыту нѣтъ! никакихъ выгодъ! кипятился нѣмецъ.

— Что-съ? Какъ сбыту нѣтъ, когда у васъ подъ рукой Еремѣевскіе заводы. А пароходное общество? А Егоровскіе заводы? А Колычевскіе? Нѣтъ, это вы какъ-нибудь просмотрѣли, герръ Доннъ. Дѣло не въ спросѣ; спросъ большой. Вотъ развѣ капиталу у васъ нѣтъ оборотнаго. И

этого нельзя сказать. Скажите-ка, сколько вы убили на обсѣмененіе луговъ: на эти клеверы, эспарцеты, люцерны!

— Я завелъ разумное хозяйство. Я иначе не могъ! Въ Западной Европѣ... у насъ, въ Вестфаліи...

— Такъ, вѣдь, это въ Вестфаліи-съ... А на экваторѣ еще и не то творится: тамъ пальму можно посадить, и вырастетъ. У васъ, въ прирейнскихъ провинціяхъ, землю въ аренду отдаютъ за полтораста, за 200 талеровъ десятину, а у насъ этакихъ цѣнъ и не слыхивали. Здѣсь за 40 р. можно купить въ вѣчное потомственное владѣніе. У васъ тамъ эспарцетъ посѣешь и денежки за него возьмешь, а у насъ лучшее заливное сѣно сто́итъ грошъ. Какъ же я убью капиталъ на кормовыя травы, когда онѣ у меня и безъ того отлично родятся, да и сбывать-то ихъ некуда.

Долго еще длилось состязаніе двухъ агрономовъ: одного петербургскаго, другого aus Deutschland. Послѣдній долженъ былъ проиграть уже потому, что плохо владѣлъ языкомъ русскихъ скотинъ и всю силу своихъ доказательствъ полагалъ больше въ жестахъ. Черникъ побивалъ его неумолимо и преслѣдовалъ за все: за торфъ, за эспарцетъ, за нѣмецкія ухватки, за вестфальскіе опыты въ русской землѣ, за излишнюю любовь къ европейскому комфорту и къ городской жизни въ особенности.

— Помилуйте! мы, черноработіе, должны жить преимущественно въ деревнѣ.

— Я могу руководить! кричалъ нѣмецъ.

— Руководить! Да что́ мы съ вами за министры такіе! Вѣдь, намъ еще никто портфеля не далъ. Вотъ въ томъ-то и бѣда, что у насъ, въ Россіи (не знаю, какъ у васъ, въ Германіи), положительное изобиліе ми-

нистровъ. Они растутъ, какъ грибы. Какой-нибудь земскій дѣятель, членъ управы—глядишь, министръ! изъ Санктпетербурга руководитъ дѣлами Касимовскаго уѣзда. Какой-нибудь лѣсничій, помощникъ лѣсничаго—опять министръ! у себя въ кабинетѣ объѣзжаетъ лѣсныя дачи. А ужъ правители разныхъ обществъ: желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ, промышленныхъ—про тѣхъ и говорить страшно. Все это кричитъ: я руковожу! я руководилъ! я буду руководить! Вотъ я вамъ скажу про себя: я въ 14, въ 15 лѣтъ пахалъ съ отцомъ землю и на скотномъ дворѣ былъ ветеринаромъ. Оттого я и не боюсь никакой черной работы. А что это насъ съ вами не унижаетъ, такъ про это смѣшно и толковать. Ирина Александровна принимаетъ меня, какъ своего хорошаго знакомаго, а между тѣмъ знаетъ, что мой отецъ былъ простой мужикъ.

— Кто? переспросилъ нѣмецъ. Ему эта диссертація сильно не понравилась.

— Съ вашего позволенія, управляющій у Юсупова. Но не изъ ученыхъ, а по-просту говоря, изъ крестьянъ.

Когда нѣмецъ ушелъ, Черникъ объявилъ, что это одинъ изъ числа тѣхъ господъ, которые готовы разводить виноградъ въ Архангельскѣ и шелкомотальни въ Олонецкой губерніи. Падалка вздохнула.

— Мнѣ его рекомендовалъ графъ Уваръ Иванычъ.

— Вѣроятно, графъ основывался на его дипломѣ, гдѣ онъ показанъ нѣмецкимъ агрономомъ. Но это оказался очень неудачный экземпляръ. Я былъ въ Германіи и нигдѣ не видалъ такихъ дубинъ, какихъ высылаютъ къ намъ въ Россію. Это своего рода эмиграція, но эмиграція весьма для насъ нелестная.

Падалка потрясала головой.

— Больше у меня въ имѣньи никогда не будетъ ни одного нѣмца. Я ихъ не пущу на порогъ!

Затѣмъ начался опять пересмотръ плановъ и бумагъ. Падалка блуждала, какъ въ потемкахъ. Она слишкомъ много читала въ свое время Шатобріана и Ламартина, чтобы смыслить что́-нибудь въ дѣлахъ по имѣнію. Она плыла теперь по теченію и вполнѣ отдалась въ руки своихъ собесѣдниковъ. Анна вызвалась быть представительницей ея интересовъ и говорить съ Черникомъ отъ ея лица. Она, между прочимъ, сдѣлала ему запросъ, почему онъ такъ настаиваетъ на продажѣ сѣвернаго клочка, по Трошкинъ оврагъ включительно. Черникъ отвѣчалъ какъ-то уклончиво и, между прочимъ, сталъ распространяться на тэму о доходности помѣщичьихъ имѣній.

— Вы знаете, что въ сельскомъ хозяйствѣ аксіома: чѣмъ меньше разстоянія, тѣмъ выгоднѣй для владѣльца. Земли, разбросанныя на большомъ пространствѣ, никогда не могутъ принести такого дохода, какъ земли, сгруппированныя около одного центра. На каждыя 194 сажени разстоянія поля отъ усадьбы умножаются расходы: для ручныхъ работъ на 4%, для работы скотомъ на 20% и больше. Поэтому, теперь каждый хозяинъ долженъ стараться по возможности округлить свои владѣнія, а не разбрасывать ихъ безъ толку.

— Прекрасно; что́-жъ изъ этого? спрашивала Анна, остановивши на немъ пристальный взглядъ.—Вы предлагаете, между прочимъ, продать лѣсъ. Мнѣ кажется, къ лѣснымъ дачамъ вашъ законъ о разстояніяхъ не можетъ относиться.

— Нѣтъ, я настаиваю собственно на продажѣ пахатной земли. Лѣсныя же дачи я предлагаю продать на срубъ. Рано или поздно, съ этого надо начать.

— Вы имѣете въ виду покупателей?

— Пока нѣтъ. Но за этимъ дѣло не станетъ.

Часамъ къ девяти Падалка задремала. Ее усыпили эти скучныя пренія. Она оживилась только тогда, когда планы были убраны со стола и у ея собесѣдниковъ завязалась живая бесѣда. Старуха поймала ее на томъ мѣстѣ, когда Черникъ по какому-то случаю увѣрялъ, что онъ, съ своей стороны, вовсе не желаетъ попасть въ рай.

— Помилуйте, что́ за цѣль! Въ аду будутъ всѣ умные люди, всѣ хорошенькія женщины, всѣ актрисы, адвокаты, всѣ великіе мошенники—все публика интересная; можетъ ли быть тамъ скучно?

Падалка укоризненно покачала головой. Но на этомъ интересномъ мѣстѣ явилась ея внучка. Старуха обрадовалась очень умѣренно и нéхотя протянула свои губы для поцѣлуя.

— Какими судьбами?

— Я сейчасъ отъ губернаторши. Заѣхала къ вамъ, потому что еще не поздно. Я знаю, что вы раньше одиннадцати не ложитесь.

Рашель присѣла къ столу и царственнымъ жестомъ поправила свое ярко-зеленое платье. Вся ея фигура, начиная съ золотой гребенки, перехватывавшей черные локоны, и кончая длиннымъ шлейфомъ, дышала классицизмомъ. Это была скорѣе Камилла изъ трагедіи „Les trois Horaces et les trois Curiaces“, чѣмъ дочь губернскаго предводителя.

Аннѣ показалось, что Черникъ очень тонко улыбнулся,

когда гостья подняла на него свои черные глаза и подарила его какой-то фразой. Впрочемъ, онъ и Рашель были по отношенію другъ къ другу воплощенная любезность. Она какъ будто даже вышла изъ обыкновеннаго положенія статуи, и разговорилась.

— Вы слышали, бабушка, Лили устроиваетъ спектакль?

Падалка встрепенулась.

— И участвуетъ сама?

— О, конечно.

— Что́-же, она предлагала, конечно, и тебѣ?

— О, разумѣется.

— И ты согласилась?

— Съ какой стати. Я никогда не позволю себѣ выйти на подмостки. Faire parade de ma personne. Я ненавижу выставку.

— Вы знаете, обратилась она вдругъ въ Чернику:— на васъ разсчитываютъ. Васъ тоже пригласятъ участвовать.

Она подчеркнула эти слова.

— Я далъ себѣ клятвенное обѣщаніе: никогда не играть въ благородныхъ спектакляхъ.

— Васъ будетъ просить сама губернаторша.

— Я ей отвѣчу этими самыми словами.

— Посмотримъ. (Рашель насмѣшливо улыбнулась).

— Что́ же будутъ играть? поинтересовалась Анна.

— Кажется, „Паутину“. Навѣрное не знаю.

— А еще?

— Право, не знаю. Глупость какую-нибудь. „Простушку и Воспитанную“, или „Дочь русскаго актера“.

— Возьмите вотъ ее! предложила вдругъ Падалка, ука-

зывая на Анну.—Она вамъ отлично сыграетъ. Такъ вѣдь, m-me Roland?

Рашель поглядѣла черезъ плечо.

— Вы согласились бы?

Анна отвѣтила ей дерзкимъ взглядомъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Неужели? (Рашель протянула эти слова даже съ нѣкоторымъ состраданіемъ). Если хотите, я скажу Еленѣ Павловнѣ. Тамъ есть роль Вѣрочки. Она небольшая, но довольно миленькая.

— Я миленькихъ ролей терпѣть не могу. Я гораздо охотнѣе возьму большую.

Рашель не удостоила ее отвѣтомъ, но Падалка вступилась за свою m-me Roland, доказывая, что безъ нея благородный спектакль погибъ, что изъ остальныхъ актрисъ одна ходить не умѣетъ, другая говорить не умѣетъ, а всѣ вмѣстѣ не стоятъ мѣднаго гроша. Покончила на томъ, что она сама будетъ рекомендовать Анну губернаторшѣ.

II.

Прибытіе такого милліонера, какъ Еремѣевъ, должно было естественно заинтриговать городъ. Кто такое? что такое? откуда? почему? зачѣмъ? Но отвѣчать было некому. Остановился онъ въ гостинницѣ и дверь его нумера была для всѣхъ заперта.

Въ клубахъ онъ не показывался, ни на какія приманки не ловился, и какую жизнь велъ—всѣмъ оставалось неизвѣстно. Боборыковъ самъ какъ-то отчаянно отмалчивался, когда его объ этомъ разспрашивали. Вѣрнѣе всего, что и онъ ничего не зналъ.

Результатомъ было то, что городъ обидѣлся и порѣшилъ оставить необразованнаго купца безъ вниманія.

Черникъ, у котораго общество цѣнило пока только сѣрые глаза, одинъ имѣлъ доступъ къ эксцентричному милліонеру. Въ одинъ изъ ненастныхъ дней онъ явился къ нему въ пятомъ часу, когда хозяина навѣрное можно было застать дома.

Еремѣевъ спалъ. Гость не велѣлъ его будить. Лакей принесъ двѣ свѣчки, поставилъ на столъ, обдернулъ для чего-то чехлы на креслахъ и скрылся. Гость, молча, заходилъ по комнатѣ, повидимому, что-то соображая. Потомъ присѣлъ и взялъ въ руки первую попавшуюся книгу: „Фаустъ“, Гёте. Развернута страница изъ второй части. Подчеркнуты слова Мефистофеля:

Es bleibt doch immer nach wie vor
Mit ihren hunderttausend Possen
Die Welt ein einz'ger grosser Thor.

Взялъ другую книгу: Гумбольдта „Космосъ“. Третью: „Обличительное богословіе архимандрита Иннокентія“. Посмотрѣлъ еще: „Исторія философіи“ доктора Шверглера. Далѣе, брошюра Прудона „Sur la Justice dans la Révolution et dans l'Eglise“. Наконецъ, какая-то русская брошюра съ эпиграфомъ изъ Милля: „лучше быть недовольнымъ человѣкомъ, чѣмъ самодовольною свиньей“.

Все это Черникъ внимательно пересмотрѣлъ, даже отмѣтки на поляхъ, въ родѣ слѣдующихъ: „Кто изъ насъ не повторитъ вслѣдъ за Гёте: „нѣтъ, сердцу въ томъ не убѣдиться, что не отъ сердца говорится“. „Терпѣть не могу женщинъ писательницъ; Гейне справедливо сказалъ о нихъ, что онѣ вносятъ канканъ въ литературу“. „Изучай самого

себя! вотъ правило, котораго достаточно, чтобы наполнить всю жизнь человѣка. Что̀ можетъ быть выше этого изученія! Оно необходимо намъ такъ же, какъ хлѣбъ и вода". „Идея Божества должна лечь въ основаніе философіи и освѣтить ее тѣмъ лучомъ, какимъ въ картинѣ Айвазовскаго Богъ Саваоѳъ освѣтилъ мракъ хаоса". „Можемъ ли мы отчаяваться, ибо если и *Сына своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть его, какъ убо не и съ нимъ вся намъ дарствуетъ*". „На слова господина Прудона слѣдуетъ возразить здѣсь словами Конта: атеисты суть самые нелогическіе теологи". „Сознаніе тождественно съ предметомъ не какъ *убѣжденіе въ бытіи*, а какъ *знаніе*". Долго наслаждался гость чтеніемъ этихъ замѣтокъ, но кончилъ тѣмъ, что отложилъ ихъ въ сторону, такъ-какъ новый Ларошфуко оказался неистощимъ. У стѣны стояла какая-то желѣзная плита, принесенная видимо для образчика. Черникъ подошелъ и сталъ разсматривать лежавшіе на ней, тоже для образчика, куски торфа. Тутъ же валялись карманные фильтры и мелкія вещицы изъ аллюминія. Онъ взялъ одну изъ нихъ въ руки и уронилъ. Это разбудило хозяина, который и не замедлилъ явиться.

— Что̀-жъ вы меня не подняли? Что̀ это вы разглядываете? Бросьте! не сто̀итъ вниманія.

— Зачѣмъ эти вещи къ вамъ попали?

— А тоже вотъ навязалъ одинъ олухъ, въ родѣ вашего самоучки, который собирается сжимать воздухъ. Этотъ думаетъ добывать аллюминій дешевымъ способомъ изъ чего-то, чуть-ли не изъ песку, который валяется у насъ подъ ногами. Ну, разумѣется, обѣщаетъ ему блестящую будущ-

ность, а себѣ милліонъ состоянія. У меня хочетъ вынуть изъ кармана тысячь пять, не больше!

— Ну, вы, разумѣется, послали его поискать эти пять тысячъ гдѣ-нибудь на улицѣ, въ пескѣ, вмѣстѣ съ аллюминіемъ.

— Нѣтъ, я отсчиталъ ихъ звонкою монетой! ха-ха!

Хозяинъ захохоталъ самымъ непріятнымъ, рѣзкимъ смѣхомъ.

— Однако, знаете, вы въ нашихъ лѣтописяхъ записаны благодѣтелемъ рода человѣческаго.

— Нѣтъ человѣка, который бы менѣе меня имѣлъ претензіи на это званіе. Это избавило бы меня, по крайней мѣрѣ, отъ двухъ милліоновъ двухсотъ тысячъ шарлатановъ, которые имѣютъ претензію ходить въ мой кошелекъ, какъ въ свой собственный.

— Въ такомъ случаѣ, вы сдѣлали ошибку. Вамъ не слѣдовало дѣлать крупныхъ пожертвованій.

— О какихъ это пожертвованіяхъ вы говорите?

— Припомните, что́ вы подписали на южную полярную экспедицію? На экспедицію въ Сѣверный Ледовитый Океанъ и въ Среднюю Азію? Затѣмъ, если хотите, я назову вамъ тѣ суммы, которыя были пожертвованы вами для учебнаго дѣла, для поддержанія русскаго флота. Послѣ такихъ почтенныхъ вещей, что́ можетъ для васъ значить какой-нибудь аллюминій?

— Странно, мы съ вами давно знакомы, а вы не знаете ни меня, ни моего образа мыслей. Насколько я уважаю науку, науку чистую, и насколько готовъ ей служить, настолько же не терплю шарлатанства, такъ-называемыхъ прикладныхъ знаній, попросту говоря лавочниче-

ства, торгашества, которыя только губятъ святое дѣло знанія. Тутъ вамъ, подъ видомъ физики, какой-нибудь артистъ поднесетъ такую штуку, что только почешешься! Я самъ-съ, самъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ многіе очень почтенные люди вылетали въ трубу именно благодаря аферистамъ, этимъ якобы ученымъ. Я пожертвую 20 тысячъ на полярную экспедицію, потому что тамъ я служу знанію, но не дамъ 20-ти копѣекъ тому, кто обѣщаетъ мнѣ выстроить за полцѣны цѣлый заводъ изъ аллюминія. Представьте себѣ, что къ вамъ является господинъ и приноситъ объявленіе: „Отапливанье мастерскихъ водородомъ, или, нѣтъ болѣе торфа!“ И вы повѣрите этому объявленію, и дадите артисту немедленно 10 тысячъ заимообразно? Не явится ли у васъ скорѣе желаніе вытолкать его въ шею?

Черникъ выслушалъ его спокойно, облокотившись на край плиты и не выпуская изъ рукъ злополучной аллюминіевой спичечницы, послужившей тэмой для разговора.

— Позвольте вамъ привести одинъ примѣръ, спросилъ онъ. — Положимъ, что мы съ вами живемъ въ XVIII-мъ столѣтіи, когда паровыя машины еще не существуютъ. Къ вамъ приходитъ неизвѣстная личность, называетъ себя Уатомъ и говоритъ, что она открыла силу пара, но, не имѣя средствъ приложить его къ дѣлу, проситъ вашихъ пособій. Вы отказываете, потому что, говоря вашими собственными словами, тутъ идетъ дѣло не о чистой наукѣ, а о прикладной. Уатъ кажется вамъ шарлатаномъ. Вы его прогоняете. Является другая личность, и объявляетъ о своемъ желаніи учиться философіи, изучать самого себя, опредѣлить понятіе о божествѣ. Ясное дѣло, что вы ему

помогаете. Вашъ кліентъ отправляется въ Гёттингенъ изучать психологію и дѣлается знаменитостью. Уатъ умираетъ въ бѣдности, и съ нимъ умираетъ его открытіе. Спрашивается: не сдѣлали ли мы съ вами маленькой ошибочки? Будетъ ли намъ міръ такъ благодаренъ за философа, какъ онъ былъ бы благодаренъ за паровыя машины?

— Ваша аллегорія прекрасна; но не забудьте, что у нея есть оборотная сторона. Я точно также могу предположить, что ко мнѣ пришелъ и Ньютонъ и какой-нибудь изобрѣтатель новѣйшаго зубного порошка. Думаю, что на этотъ разъ и вы посовѣтовали бы мнѣ оказать предпочтеніе чистой наукѣ, а прикладную выгнать вонъ.

— Мнѣ кажется, что вы напрасно воздвигаете такое гоненіе на шарлатановъ. Ихъ всегда легко узнать. Въ чемъ другомъ, а въ наукѣ они выдаютъ себя сами. Я изъ любопытства, напримѣръ, выслушалъ г. Корсакова и вижу, что онъ никакъ не можетъ быть причисленъ къ изобрѣтателямъ зубныхъ порошковъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? (Еремѣевъ усмѣхнулся).

— Я хотѣлъ даже предложить вамъ обратить на него вниманіе.

Еремѣевъ нахмурилъ брови.

— Послѣ всего, что́ я сейчасъ говорилъ...

— Вы хотите сказать, что мнѣ не слѣдовало и упоминать объ этомъ. Но вы знаете, я человѣкъ откровенный, мнѣ непремѣнно нужно высказаться.

Хозяинъ посмотрѣлъ на него такъ, какъ будто сильно сомнѣвался въ его откровенности.

Черникъ очень вѣжливо и почтительно сталъ его знакомить съ теоріей сжатаго воздуха, намекая на то, что

если Корсаковъ и не Уатъ, то все же личность, достойная уваженія.

Еремѣевъ, начавшій свою карьеру въ мелочной лавочкѣ, мальчикомъ на посылкахъ, продолжавшій ее офеней и писцомъ въ торговой конторѣ, прошелъ всю житейскую школу отъ доски до доски, видѣлъ всѣ ея безобразія, проглотилъ не считая всѣ щелчки и зуботычины и кончилъ тѣмъ, что возненавидѣлъ весь практическій міръ. Онъ перенесъ эту ненависть на торговлю, на промышленность, технологію и все, что̀ съ ними связано. Вездѣ онъ видѣлъ обманъ и шарлатанство. Самъ онъ пробился въ люди безъ всякихъ знаній, единственно благодаря своей смѣтливости, настойчивости и, разумѣется, счастливому случаю. Онъ бралъ съ бою каждый шагъ, пріучилъ себя къ лишеніямъ и... къ подозрительности. Онъ не вѣрилъ ни одному человѣку въ цѣломъ свѣтѣ, и сталъ искать утѣшенія въ наукѣ, въ томъ, что̀ онъ называлъ чистою наукой. Онъ сдѣлался философомъ, богословомъ. Онъ искалъ истины, что не мѣшало ему, впрочемъ, имѣть три милліона капитала и заводы въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Дѣло въ томъ, что эти милліоны были у него уже въ карманѣ, когда ему въ первый разъ пришла въ голову мысль о необходимости познавать самого себя и отыскивать истину.

Сжатый воздухъ не размягчилъ жестокое сердце Еремѣева. Напротивъ, онъ какъ будто еще болѣе закалилъ его противъ нападеній шарлатанства. Черникъ говорилъ полтора часа, а онъ, попрежнему, твердилъ о своемъ нежеланіи истратить двугривенный на поощреніе промышленныхъ дилеттантовъ. Тогда, гость вѣжливымъ образомъ намекнулъ, что хотя его сочувствіе и было бы весьма

лестно, но что въ крайнемъ случаѣ можно обратиться прямо съ воззваніемъ къ обществу.

Хозяинъ расхохотался.

— Пари на сто тысячъ, что общество не дастъ вамъ ни своего сочувствія, ни своихъ денегъ!

Черникъ тоже засмѣялся.

— Ста тысячъ я не имѣю, но охотно принимаю ваше пари въ такомъ видѣ: если я проигрываю, обязуюсь безвозмездно служить вамъ цѣлый годъ; если вы проигрываете—обязуетесь помогать намъ, т.-е. мнѣ и Корсакову, денежными средствами, чтобы наша идея пошла въ ходъ.

— Идетъ! Если вы въ нынѣшнюю зиму успѣете убѣдить хоть одного изъ здѣшнихъ жителей, что сжатый воздухъ не есть вещь никуда негодная, что настанетъ время, когда, какъ вы изволили сейчасъ замѣтить, жители будутъ ходить съ ведрами въ резервуары этого воздуха, какъ они теперь ходятъ въ бассейнъ за водой... такъ если, говорю я, вы ихъ убѣдите въ этомъ и выманите у нихъ хоть рубль серебромъ въ пользу своей идеи, я вамъ служу своими мастерскими, своими машинами—всѣмъ чѣмъ угодно!

Торжественный договоръ былъ заключенъ. Отнынѣ Черникъ открывалъ походъ противъ губернскаго города.

— Слышали вы новость? спрашивалъ Еремѣевъ.—Боборыковъ болѣе не служитъ у меня.

— Какъ?

— А такъ, очень просто. Этотъ баринъ обокралъ меня, и потому предлагаетъ себя мнѣ же въ компаньоны.

— Онъ у васъ давно однакожъ.

— Да-съ; вотъ вамъ еще доказательство, какъ трудно

узнать мошенника, когда онъ прикидывается честнымъ человѣкомъ. Теперь я взялъ себѣ за правило на будущее время всѣхъ считать негодяями. Присутствующіе, конечно, исключаются.

Черникъ поклонился.

— Вотъ вамъ люди! вотъ вамъ справедливость! продолжалъ хозяинъ съ возраставшею досадой. — Какова дерзость! Онъ, мой прикащикъ, мною, можно сказать, за уши вытащенный въ люди, осмѣливается предлагать себя въ компаньоны! Еремѣевъ, Боборыковъ и комп.! Фирма недурна. Ха-ха! И что же онъ вноситъ мнѣ? Какой пай? Деньги, украденныя у меня же! И я не имѣю права преслѣдовать этого человѣка законнымъ путемъ! Вотъ-съ вамъ наше хваленое судопроизводство! На что мнѣ эти сотни голодныхъ юристовъ, когда они не дадутъ мнѣ самаго важнаго изъ всѣхъ юридическихъ правъ—права нравственнаго преслѣдованія! (что онъ подразумѣвалъ подъ этимъ—Аллахъ вѣдаетъ). И до тѣхъ поръ наша юридическая наука будетъ несовершенна, недокончена, пока она не положитъ въ свою основу гуманныхъ началъ, истины! Истины! вотъ что намъ нужно. Пора намъ углубиться въ самихъ себя, изучить себя!

Толстѣйшіе томы философіи Гегеля, Фихте и Канта свидѣтельствовали о томъ, что хозяинъ усердно предается этому изученію. Странный былъ человѣкъ этотъ Еремѣевъ. Одаренный отъ природы богатыми способностями и силой характера замѣчательной, онъ всю жизнь свою долженъ былъ идти ощупью. Въ молодости плохо выученный грамотѣ, онъ въ сорокъ лѣтъ читалъ всѣхъ научныхъ свѣтилъ въ оригиналѣ. Онъ хорошо понималъ иностранные языки, не

умѣя правильно говорить ни на одномъ и выговаривая слова безобразнѣйшимъ образомъ. На пятомъ десяткѣ онъ бросился съ какимъ-то азартомъ въ отыскиваніе истины; спускался въ самые глубокіе колодцы, и не нашелъ ея. Онъ стучался во всѣ запертыя двери и не хотѣлъ видѣть отпертыхъ. На заводахъ его жили тысячи рабочихъ, и о томъ, какова была эта жизнь, онъ долженъ былъ знать по собственному опыту, но онъ какъ-то равнодушно смотрѣлъ на бѣдствія человѣческія, полагая, что истинное счастіе заключается только въ познаніи самого себя.

— Да, повторялъ онъ, теперь окончательно ударившись въ мрачное настроеніе: — да, я прошелъ хорошую школу. Бывало, какъ выспишься на рогожѣ, да натолкешь себѣ, вмѣсто десерта, черныхъ сухарей, какая бодрость духа явится замѣчательная. Что же вы мнѣ указываете на этихъ людей, которые, будто бы, поломаны обстоятельствами! Все это напускное! Больше ломать, чѣмъ ломали меня —трудно! И однакожъ, вотъ цѣлъ и невредимъ. Я не говорю, что каждый долженъ нажить себѣ милліонъ... Но чтобы не нажить себѣ какихъ-нибудь десяти, пятнадцати тысячъ!... вздоръ! Я помню еще тѣ времена, когда ѣздилъ, бывало, съ обозниками по Владимірской губерніи и отмораживалъ себѣ все лицо, да какъ? щеки-то, бывало, принимали бурый, картофельный цвѣтъ! А нынче! Нынче всѣ хотятъ начинать съ конца. И хотятъ послѣ этого, чтобы я уважалъ этихъ недопеченыхъ мальчишекъ, которые кричатъ о своихъ неудачахъ въ жизни! Всякій, кто, имѣя въ карманѣ три копѣйки, не составилъ себѣ потомъ карьеры, есть никуда негодное тряпье!

Черникъ или совсѣмъ молчалъ, или возражалъ лѣниво,

должно быть, на томъ основаніи, что горбатаго исправитъ могилка, и что оспоривать купца Еремѣева значило только услаждать самого себя. Въ своемъ презрѣніи ко всему, что не хочетъ нажить себѣ десяти тысячъ, Еремѣевъ доходилъ до абсурда. По его теоріи выходило, что Боборыкова надо уважать, потому что онъ положилъ себѣ въ карманъ, ужъ конечно, побольше какихъ-нибудь десяти тысячъ, а между тѣмъ, онъ же не могъ о немъ равнодушно вспомнить и ропталъ, что преслѣдовать его законнымъ путемъ нельзя.

— Вотъ еще новость, раздражительно говорилъ Еремѣевъ.—Смотритель у меня на заводѣ надняхъ подходитъ ко мнѣ и объявляетъ, что служить у меня больше не можетъ. „Почему?“—„Не могу“. Теперь спрашиваю я васъ: какое мнѣ дѣло до того, будетъ онъ у меня служить или не будетъ? Онъ могъ пойти и заявить объ этомъ въ конторѣ. Что они лѣзутъ всѣ ко мнѣ!

Черникъ зналъ, почему отказался Богданъ Ивановичъ, но промолчалъ.

Разговоръ скоро зашелъ опять объ истинѣ. Хозяинъ цитировалъ отрывки изъ обличительнаго богословія архимандрита Иннокентія. Потомъ перешелъ къ „Космосу“, къ его великолѣпнымъ картинамъ природы, къ его великой поэзіи. И въ концѣ-концовъ нашелъ, что архимандритъ Иннокентій и Гумбольдтъ говорятъ одно и то же, только въ разныхъ формахъ.

— Гумбольдтъ былъ невѣрующій, замѣтилъ Черникъ.

Еремѣевъ оскорбился такимъ предположеніемъ и сослался на „Космосъ“.

— Я слышалъ, какъ фактъ, что Гумбольдтъ прослылъ истиннымъ христіаниномъ только потому, что объ этомъ

сильно хлопоталъ его другъ, Агасицъ. Онъ и поддержалъ его репутацію у англичанъ.

— Поверхностное знаніе убиваетъ религію, глубокое знаніе укрѣпляетъ ее! Эти слова за мной повторятъ всѣ великіе ученые.

— Зачѣмъ же вы выписали на поляхъ слова Фенелона: „l'instruction augmente et la foi diminue".

— Я выписалъ это, какъ образчикъ неустановившихся взглядовъ. Могъ ли быть Фенелонъ судьей въ этомъ дѣлѣ? онъ не зналъ, что такое истинная наука.

Черникъ улыбнулся.

— Я, нужно вамъ замѣтить, богословскихъ споровъ никогда не поддерживаю. Самъ я человѣкъ вѣрующій, хотя, можетъ быть, и не такъ, какъ другіе, но все-таки вѣрующій; но къ невѣрію другихъ я отношусь какъ только можно снисходительнѣе. Могу ли я карать человѣка за то, что онъ не вѣритъ; да онъ не въ силахъ вѣрить, еслибъ даже и захотѣлъ. Я убѣдить его долженъ, а не карать.

— Убѣдить въ томъ, что говоритъ само за себя!

— Да вѣдь для насъ съ вами оно говоритъ само за себя, а для него нѣтъ! Я вотъ показываю какому-нибудь мальчику ариѳметическую задачу, и мнѣ кажется это такъ просто, а онъ себѣ голову ломаетъ. И если я, вмѣсто того, чтобы убѣдить его, чтобы показать ему рѣшеніе наглядно, ударю его хлыстомъ по головѣ, то посмотрите-ка, какое онъ уваженіе почувствуетъ къ ариѳметикѣ.

— Впрочемъ, я долженъ вамъ сказать, замѣтилъ на это Еремѣевъ: — что я и самъ не одобряю этого. Я стою за свободу совѣсти. Свобода совѣсти — непремѣнно! Это первое условіе благоустроеннаго государства. И затѣмъ пол-

нѣйшій просторъ для богословскихъ преній, споровъ, и даже публичныхъ по возможности. Пусть образуются секты, милліоны сектъ! И пускай каждый ищетъ истину, гдѣ хочетъ.

— Ну, такъ, какъ вы, разсуждаютъ у насъ еще очень немногіе. Вы посмотрите, сколько у насъ еще православныхъ, которые, за малѣйшее какое-нибудь отступленіе отъ обряда или неуважительное, по ихъ мнѣнію, слово, съ удовольствіемъ выцарапаютъ вамъ глаза.

— Да! потому что мы не любимъ истины, мы ударились въ реализмъ. Мы технологію полюбили, а то, что есть прекраснаго, истинно достойнаго подражанія, что намъ даетъ древній міръ, напримѣръ—это мы пропускаемъ мимо ушей.

„Ну, это ты, положимъ, врешь, другъ любезный. Технологія не помѣшаетъ тебѣ быть истиннымъ христіаниномъ, а древній міръ научитъ тебя такимъ истинамъ, что Гумбольдтовы кости въ могилѣ перевернутся“, подумалъ Черникъ, но, по свойственной ему осторожности, промолчалъ. Или онъ не хотѣлъ возраженіями раздражать своего собесѣдника, или вообще словопреній не любилъ.

III.

Губернаторша хочетъ знать біографію Черника. Хочетъ знать ее также и Ева, и ея мужъ, и старуха Падалка, и Анна Игнатьевна—словомъ сказать, я угожу всему губернскому городу, если только сообщу ее. А мнѣ очень хочется угодить губернскому городу.

Андрей Михайловичъ Черникъ родился лѣтъ тридцать

тому назадъ, и при появленіи на свѣтъ не обѣщалъ ничего особеннаго. Но родители его были не честолюбивы: мать сама доила коровъ, ткала полотенца и стряпала на кухнѣ; отецъ не брезгалъ полевыми работами и, случалось, торжественно провожалъ телѣгу съ навозомъ отъ двора до самой пашни. Первыя пять лѣтъ своей жизни маленькій Андрюшка посвятилъ исключительно удивленію. Удивлялся онъ, зачѣмъ матка даетъ ему затрещины, зачѣмъ она не посидитъ на мѣстѣ, а все шныритъ изъ угла въ уголъ, зачѣмъ не кормитъ собаку, зачѣмъ у этой собаки щенята?

У него была сильно развита страсть къ сравненіямъ. Когда мамка стирала бѣлье и въ корытѣ накоплялась мыльная пѣна, онъ представлялъ себѣ, что это снѣгъ, и наоборотъ, при видѣ снѣга сравнивалъ его мысленно съ мыльною пѣной. Мамку сравнивалъ съ тетушкой Пелагеей, а тетушку Пелагею съ вѣдьмой, и всякій разъ оставался доволенъ.

Явленія природы онъ началъ объяснять себѣ очень рано: небо казалось ему такъ высоко, что снѣгъ летитъ оттуда все лѣто и не можетъ долетѣть. Наконецъ, когда долетитъ, начинается зима. Про громъ хоть и слыхалъ, что это Илія пророкъ катается, но не вѣрилъ, а думалъ, что это грѣшники въ аду шумятъ. А молнія—это значитъ кусочикъ ада. Грѣшники подбѣгутъ къ двери цѣлою кучей, только хотятъ отворить—ихъ сейчасъ назадъ толкаютъ, а огонь-то и видно. Андрюшка былъ также очень любознателенъ. Онъ разъ спросилъ у матери: „Богъ и Богородица, это все равно?“ Она ему дала затрещину. Онъ заплакалъ и ушелъ играть въ бабки съ мальчишками.

Съ этихъ поръ онъ рѣдко разспрашивалъ о чемъ-нибудь, а до всего старался доходить своимъ умомъ. Видѣлъ онъ, напримѣръ, что мать цѣлые вечера сидитъ и ткетъ. „На что это ей столько полотенцевъ?“ думалось ему. „Вѣрно она ихъ послѣ сошьетъ и сдѣлаетъ простыню“. Но больше всѣхъ интересовалъ Андрюшку отецъ. Ему гораздо легче было объяснить себѣ происхожденіе грома, молніи и временъ года, чѣмъ понять, отчего это папка всегда такой сердитый; мужики его боятся, а онъ можетъ дѣлать все, что захочетъ. И въ контору ходитъ, а когда баринъ пріѣдетъ, то и къ барину, и никто ему не смѣетъ помѣшать. А вотъ, когда онъ, Андрюшка, забрался разъ въ контору и пришелъ въ неописанный восторгъ при видѣ приходо-расходной книги, полной бѣлыхъ, еще неисписанныхъ листовъ, его больно отодрали за вихоръ. Вотъ и мужики тоже всѣ кланяются папкѣ, а ему никогда. Попробовалъ онъ разъ надѣть отцовскую шапку, въ тайной надеждѣ, что и ему поклонятся; но ошибся въ разсчетѣ.

Были у него и сестры, но онѣ рѣдко доживали до двухъ лѣтъ и изъ колыбели отправлялись прямо въ могилу. Увидавши, какъ онѣ ворочаются въ люлькѣ и безсмысленно таращатъ глаза, Андрей получилъ о нихъ самое невыгодное понятіе, какъ о животныхъ низшаго разряда. Разъ вздумалось ему произвести опытъ надъ однимъ изъ этихъ ничтожныхъ твореній, должно быть, съ научною цѣлью. Мать застала его на самомъ интересномъ мѣстѣ, когда онъ пробовалъ пальцами выдавить сестрѣ глаза. Можно представить, какъ она отблагодарила его за такое усердіе. Получивши хорошую встрепку, онъ прекратилъ свои опыты и съ этихъ поръ дарилъ сестеръ полнѣйшимъ пренебреженіемъ.

Такъ проводилъ онъ свое время среди игры съ мальчишками на улицѣ, различныхъ размышленій и удивленій. Слушалъ, какъ мамка спорила съ папкой и сокрушалась, зачѣмъ онъ, имѣя теперь нѣсколькихъ работниковъ, самъ исполняетъ холопское дѣло: высыпаетъ овесъ лошадямъ, копаетъ грядки на огородѣ, чинитъ сломанную телѣжку или машину. Мальчикъ вмѣстѣ съ матерью готовъ былъ проливать слезы о томъ, что папка берется за холопское дѣло, а не живетъ, какъ настоящіе господа. У Андрюшки составилось особое понятіе о жизни настоящихъ господъ, которые, по его мнѣнію, должны были пить чай, по крайней-мѣрѣ, четыре раза въ день и клали въ чашку сахару сколько душѣ угодно; съ мужиками никогда не водились, а все только съ купцами, да съ генералами; умѣли книжки читать и дочери у нихъ были барышни, а не дѣвки. Барышни эти сильно занимали его, и не столько онѣ сами, сколько ихъ зонтики и перчатки. Послѣ онъ разсказывалъ своимъ чумазымъ товарищамъ, что онѣ носятъ лѣтомъ варежки изъ собачьей кожи, и всѣ много хохотали.

Если шестилѣтній Андрюшка мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться бариномъ, то лѣтъ въ двѣнадцать его ужъ узнать нельзя было, такъ измѣнило его вліяніе отца. Кстати слова два объ отцѣ.

Крѣпостной одного богатаго помѣщика, онъ еще въ дѣтствѣ какъ-то попалъ въ милость; потомъ былъ отданъ куда-то въ ученье; затѣмъ опредѣленъ въ конторщики. Побывавши по барской волѣ сначала въ господскомъ домѣ, затѣмъ въ средѣ мастеровыхъ и возвратившись, наконецъ, въ первобытное состояніе, т.-е. въ незатѣйливую мужицкую избу, онъ вышелъ изъ этой перетасовки цѣлъ и невредимъ.

Михаилъ Тимоѳеевичъ, по тогдашнему просто Мишка, отправился къ барину на поклонъ и такъ ловко повелъ свои дѣла, что добился всего, чего хотѣлъ. Попавши разъ въ конторщики, онъ не дремалъ. Зорко сталъ слѣдить за управляющимъ и за всѣмъ, что творилось въ имѣніи. Въ то же время, скопивши себѣ маленькій капиталецъ, сталъ стороной заниматься торговлей или, лучше сказать, ловкими оборотами. Надуть кого-нибудь, обвѣшать, обмѣрить — считалъ за грѣхъ, но обстоятельствами умѣлъ пользоваться, какъ никто. Чуть гдѣ-нибудь почуетъ дешевую покупку, выгодный подрядъ — сейчасъ тутъ, какъ тутъ. Михаилъ Тимоѳеевичъ никогда не дремалъ и имѣлъ еще одно неоцѣненное качество: умѣлъ во-время рискнуть. Случалось ему иногда нести потери, довольно большія для его состоянія, но едва-ли когда-нибудь приходилось упасть духомъ. Живо наверстаетъ потерянное, да и пошелъ опять работать, какъ волъ за пятерыхъ. Праздниковъ онъ не зналъ. Случится въ конторѣ спѣшная работа, такъ и въ Свѣтлое Воскресенье усадятъ за счеты, а выдастся свободное время, такъ своими дѣлами надо позаняться.

Завелъ онъ у себя пчельники, завелъ мельницу, огородъ, овецъ, женился на прикащичьей дочери, а все жилъ, какъ простой мужикъ. По платью ничѣмъ отъ другихъ не отличался, только по уму этотъ мужичокъ далеко пошелъ. Скоро и баринъ сталъ оказывать ему уваженіе. Выписали изъ-за границы пропасть машинъ, такъ что даже всѣ рты поразинули. Шутка-ли дѣло: тутъ и молотилка Горнсби, и катки Кроскилля, и корнерѣзка Бентама, и сѣнокосилка Мак-Кормика, иныя такія есть, что и не выговоришь. Бабы думаютъ: какъ пустятъ ихъ всѣхъ за разъ — такъ

тутъ и быть свѣтопреставленію! Анъ вышло не то. Пустить-то ихъ пустили-бы съ удовольствіемъ, да онѣ сами не пошли. Стоитъ машина—и ни съ мѣста, или ужъ коли тронется, такихъ чудесъ понадѣлаетъ, что послѣ въ три дня не поправишь. Помѣщикъ чуть не плачетъ; гости разсуждаютъ, что всѣ эти нововведенія только на Западѣ хороши, а у насъ ни къ чорту не годятся. Пришелъ Михаилъ Тимоѳеевичъ, поговорилъ съ бариномъ, прогналъ всѣхъ, кто подъ носомъ вертѣлся, и просидѣлъ надъ этими машинами два дня; на третій день пошли, какъ выученныя. Какъ онъ ухитрился это сдѣлать—Богъ его знаетъ. Видно, не даромъ былъ когда-то въ ученьи у механика.

Барину хотѣлось завести у себя образцовое хозяйство. Стали засѣвать поля кормовыми травами. И пошли писать: клеверъ, эспарцетъ, люцерна; люцерна, клеверъ, эспарцетъ. Названія все хорошія, сѣмена выписаны изъ-за границы и на каждомъ мѣшечкѣ ярлычекъ приклеенъ. А посѣяли—либо дрянь какая-нибудь вылѣзетъ, либо совсѣмъ ничего не выходитъ. Опять Михаила Тимоѳеевича на сцену. Нельзя-ли какъ горю помочь?

— Отчего нельзя, можно. Только ужъ вы позвольте мнѣ одному распоряжаться. Мнѣ вашихъ помощниковъ не нужно. Кого самъ выберу, то и ладно.

Баринъ согласился, хотя послѣ и говорилъ женѣ, что этотъ шельма Мишка себѣ на умѣ.

А шельма Мишка принялся за дѣло по-своему. Перевелъ посѣвы съ ярового поля въ озимое, взялъ, вмѣсто заграничныхъ, сѣмена нашего простого самороднаго клевера, велѣлъ при себѣ перепахать всю землю и самъ не погнушался пройтись разъ 12 за сохой. Посѣвы были сдѣланы

раннею весной, а къ Петрову дню помѣщикъ имѣлъ удовольствіе показывать своимъ сосѣдямъ, какъ иностранныя выдумки могутъ удаваться и у насъ въ Россіи.

Михаилъ Тимоѳеевичъ первый открылъ въ имѣніи торфяныя залежи, сталъ добывать торфъ и ввелъ его въ употребленіе на винокуренныхъ заводахъ.

Михаилъ Тимоѳеевичъ придумалъ отдавать въ наймы паровую молотилку; ему платили по 35 руб. въ день. Михаилъ Тимоѳеевичъ открылъ въ деревнѣ новую промышленность. При помощи своей мельницы, онъ затоплялъ водой цѣлое поле и засѣвалъ его камышомъ. Изъ этого камыша плелись потомъ корзинки. Самъ онъ въ искусствѣ плетенія перещеголялъ всѣхъ и кое-когда на досугѣ дѣлалъ такія корзиночки, что ими не побрезгала-бы никакая ручка въ лайковой перчаткѣ. Впослѣдствіи, когда ему приходилось имѣть частыя сношенія съ сосѣдними помѣщиками и вообще съ людьми изъ образованнаго сословія, онъ и самъ замѣтно перемѣнился, даже складъ рѣчи сталъ другой. Никто не узналъ бы въ этомъ высокомъ, суровомъ старикѣ, спокойно разговаривающемъ съ какимъ-нибудь мѣстнымъ тузомъ, бывшаго крестьянина князя Юсупова.

Таковъ былъ отецъ Черника.

Первые годы онъ мало занимался сыномъ—не до того ему было, да и что толку въ трехлѣтнемъ мальчишкѣ. Дѣло матери возиться съ ребятами. Но мальчикъ подросталъ, и Михаилъ Тимоѳеевичъ порѣшилъ, что пора приняться за воспитаніе его и приготовить изъ него достойнаго преемника себѣ.

И воспитаніе началось. Но не съ азбуки, какъ это испоконъ вѣку принято во всѣхъ нашихъ благовоспитан-

ныхъ домахъ. Мальчикъ принялся за нее только тогда, когда многіе изъ его сверстниковъ уже бѣгло читаютъ на трехъ языкахъ.

Странствуя вмѣстѣ съ отцомъ по полямъ, болотамъ и скотнымъ дворамъ, онъ рано узналъ жизнь природы, но не изъ книжки, а изъ дѣйствительности. Михаилъ Тимоѳеевичъ, имѣвшій весьма смутное понятіе о педагогіи, не задавался никакою системой, а просто-на-просто ему хотѣлось заставить сына пройти весь тотъ курсъ, который онъ самъ когда-то проходилъ въ юности. Разумѣется, и это намѣреніе было на половину неисполнимо. Андрюшка былъ огражденъ отъ многихъ невзгодъ, съ которыми отцу его часто приходилось встрѣчаться лицомъ къ лицу. Какое бы суровое, спартанское воспитаніе ни давали мальчику, все-таки кругомъ его лица любящія; ни мать, ни отецъ никогда бы не допустили ребенка до серьёзнаго испытанія. Такихъ лицъ не было около Мишки: ему случалось и недоѣдать, и недосыпать, и колотушки получать, да не отъ матери, а отъ постороннихъ.

Андрюшка — другое дѣло, тотъ всегда могъ быть увѣренъ, что его завтра и одѣнутъ, и накормятъ, и въ шею не вытолкаютъ. Зато ужъ баловства онъ не зналъ. Не подчивали его никакими лакомствами; хочешь ѣсть — ѣшь, что̀ подано, не хочешь—вставай изъ-за стола. Прихотей не допускалось, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ во владѣніе отца. „Будь доволенъ чернымъ хлѣбомъ съ квасомъ; я въ твои годы и этого не имѣлъ часто. А хочешь пряника — заработай!“ И Андрюшка дѣйствительно заработывалъ себѣ пряники въ потѣ лица. За двѣ копѣйки онъ три дня копалъ грядки, расчищалъ дорожки

и свозилъ соръ отъ крыльца. За копѣйку онъ цѣлый день таскалъ матери для стирки воду изъ озера.

Впослѣдствіи, разумѣется, эти невинныя упражненія замѣнились другими, болѣе практическими. Мальчикъ помогалъ отцу плести корзинки, смотрѣлъ за лошадьми, самъ закладывалъ ихъ, когда понадобится, ходилъ учиться на маслобойню, въ сыроварню, въ поле, на мельницу. Онъ учился вездѣ, гдѣ только бывалъ съ отцомъ. Михаилъ Тимоѳеевичъ съ удовольствіемъ замѣчалъ, что сынъ пойдетъ по его слѣдамъ: онъ также съ раннихъ лѣтъ привыкалъ самъ заработывать себѣ деньги, также не любилъ, или, лучше сказать, не умѣлъ болтаться безъ дѣла.

Разъ Андрюшка сдѣлалъ опытъ. Ему хотѣлось попробовать, хорошо ли быть пьянымъ. Вино было куплено на собственныя, трудовыя деньги, и потому онъ считалъ себя въ правѣ. Отецъ сдѣлалъ сцену. Андрей оправдывался: что́-жъ такое? деньги мои. Кому-жъ какое дѣло? Отецъ разсердился, сталъ кричать; сынъ упорно стоялъ на своемъ, но водки больше не пилъ; нашелъ, что пьянымъ быть скучно, плакать хочется.

Десяти лѣтъ Андрюшку стали учить грамотѣ. Постояннаго учителя онъ не имѣлъ, а пользовался, чѣмъ Богъ пошлетъ: ходилъ и къ дьячку, и къ конторщику, долбилъ склады и у отца. А когда, случалось, на лѣто пріѣзжало княжеское семейство, тутъ начиналось обученіе другого рода. Педагогомъ являлся маленькій князекъ, который начиналъ урокъ съ того, что показывалъ Андрюшкѣ, какъ писать палки, но потомъ, когда учителю это надоѣдало, онъ принимался щеголять своими собственными познаніями.

— Андрюшка, скажи мнѣ: что такое водопадъ?

— Вода падаетъ.

— Надо говорить: водопадъ есть паденіе воды.

Но Андрюшка этимъ не поражался. Слѣдовало придумать что-нибудь по-мудренѣе.

— Знаешь какъ по-нѣмецки хлѣбъ? Das Brod!

— Что́ это, совсѣмъ непохоже? Какой же это хлѣбъ— „бродъ“. Бродъ-то у насъ, вонъ, когда черезъ рѣку пѣшкомъ переходятъ. Матушка разсказывала: она вотъ такъ-то разъ черезъ Москву-рѣку пошла, такъ чуть-чуть не потонула.

Учитель видѣлъ, что разсказамъ, пожалуй, и конца не будетъ, а потому спѣшилъ перебить.

— Вотъ, видишь-ли, у всякаго народа свой языкъ...

— Языкъ-то у всѣхъ красный.

— Ахъ ты, глупый, да вѣдь это не тотъ языкъ, что́ во рту, а другой. Разговоръ, значитъ. Мы вотъ называемъ: рука, а по-ихнему: die Hand.

— Да почемъ же они узнаютъ, что́ это рука?

Андрюшка, видимо, ничему не хотѣлъ удивляться. Учитель начиналъ сердиться, однако, дѣлалъ еще одну попытку.

— Знаешь какая земля?

— Черная.

— Нѣтъ, я не про то. Она круглая и мы ходимъ вверхъ ногами. Все равно вонъ, какъ мухи на потолкѣ?

Андрюшка, дѣйствительно, пораженъ, но не вѣритъ этому.

— Такъ у насъ ноги-то развѣ на потолкѣ?

— Это все равно: мы все-таки стоимъ кверху ногами.

— Когда-жъ это бываетъ? Этого никогда не бываетъ.

— Какъ же ты можешь такъ разсуждать. Ты почемъ знаешь?

— Да что-жъ я никогда не видалъ.

— Мало-ли ты чего не видалъ. Стало быть, это такъ, когда всѣ ученые говорятъ.

— Да ученые-то, они, вонъ матушка разсказываетъ, они только глаза отводятъ.

— Твоя матушка дура, а ты весь въ нее.

Этимъ урокъ и оканчивался. Андрюшка выносилъ убѣжденіе, что нѣмцы народъ глупый, сами не понимаютъ, что говорятъ; а ученые все врутъ.

Тринадцати лѣтъ Андрюшка помогалъ уже отцу вести конторскія книги, за что и получалъ приличное вознагражденіе. Михаилъ Тимоѳеевичъ не хотѣлъ внять мольбамъ жены и отдать сына въ гимназію. Напрасно многіе знакомые уговаривали упрямаго старика, доказывая, что внѣ университета нѣтъ спасенія, что отъ него, какъ отъ центра, расходится въ видѣ радіусовъ всякая благодать. На все это было у него два отвѣта: во-первыхъ, наука отвлечетъ его сына отъ практическихъ занятій; во-вторыхъ, онъ тамъ живо заразится барскими замашками, и тогда пропали всѣ отцовскіе труды.

Андрюшка продолжалъ рости на глазахъ у своихъ родителей. Съ матерью онъ никакъ не могъ сойтись. Та, потерявши разъ навсегда надежду видѣть его генераломъ, ни за что не хотѣла простить ему, что онъ пошелъ по батюшкинымъ слѣдамъ. Къ отцу онъ былъ сильно привязанъ, хотя по виду между ними царствовала полнѣйшая холодность. Каждую недѣлю мальчикъ получалъ свое жа-

лованье и долженъ былъ самъ одѣваться на эти деньги. Половину дня онъ проводилъ въ конторѣ, потомъ кололъ дрова, ѣздилъ въ поле, ходилъ работать въ столярную; по вечерамъ могъ читать и заниматься, сколько душѣ угодно. Впослѣдствіи отецъ сталъ даже посвящать его во всѣ тайны своихъ торговыхъ операцій. Ни одной сдѣлки, ни одного подряда или контракта не производилось безъ того, чтобы Андрюшка не узналъ его въ подробности.

Придутъ рабочіе наниматься канаву копать, онъ ужъ слушаетъ, какъ отецъ выторговываетъ у нихъ копѣйку за копѣйкой, а потомъ объясняетъ это экономическими интересами. Пріѣдетъ сосѣдній помѣщикъ снимать луга, напьется чаю, позавтракаетъ, наговоритъ цѣлую пропасть, и, между прочимъ, торгуется отчаяннѣйшимъ образомъ.

Лѣтомъ, когда въ деревню пріѣзжаетъ княжеское семейство, Андрюшка принятъ тамъ вмѣстѣ съ отцомъ и подвергается самымъ разнообразнымъ испытаніямъ. Княжны угощаютъ его мороженымъ, въ полной увѣренности, что онъ сконфузится и не будетъ знать, что́ съ нимъ дѣлать. Но Андрюшка преблагополучно все съѣдаетъ, блюдичка не вылизываетъ и вообще никакого удивленія не показываетъ. Подростая, онъ почему-то вообразилъ, что его прямая обязанность любезничать со всѣми барышнями до 17-ти лѣтъ включительно: дальше онъ не дерзалъ. Ухаживать за старшею княжной считалъ неприличнымъ; за то съ остальными двумя распоряжался по-своему: одной носилъ цвѣты, декламировалъ сентиментальныя стихотворенія; другую старался удивить своими подвигами на счетъ гимнастики, и говорилъ ей дерзости, увѣряя, что дѣлаетъ это изъ участія, чтобы она исправилась. Наивная дѣвочка принимала все за

чистую монету и не подозрѣвая, что ея поклонникъ почерпнулъ это изъ романовъ, гдѣ влюбленные часто бываютъ очень взыскательны къ предмету своей любви. Андрей не пошелъ по той дорогѣ, которую проложилъ ему отецъ; да этого и слѣдовало ожидать. При всемъ внѣшнемъ сходствѣ, между отцемъ и сыномъ существовала громадная разница. Оба съ одинаковымъ отвращеніемъ относились къ бездѣлью и ко всему, что́ заѣдаетъ чужой трудъ, это правда. Но дальше общаго было мало.

Михаилъ Тимоѳеевичъ, несмотря на блестящее поприще талантливаго самоучки, всегда былъ и оставался простымъ ремесленникомъ. Желѣзная воля, усидчивость, жажда денегъ и независимости выдвинули его впередъ. Онъ работалъ сначала по необходимости, потомъ работа стала для него потребностью. Весь секретъ его быстрыхъ успѣховъ заключается въ немногихъ словахъ: терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе! и единственнымъ, могучимъ двигателемъ былъ эгоизмъ, доведенный до высшей степени. Отецъ Андрея былъ изъ числа тѣхъ людей, которые съ самаго дѣтства, то-есть, съ той поры, когда узнаютъ счетъ копейкамъ, любятъ, уважаютъ и поклоняются только самимъ себѣ. Заброшенные чуть не съ младенчества среди постороннихъ, они чувствуютъ, какъ трудно достается кусокъ хлѣба, и по инстинкту начинаютъ ненавидѣть тунеядцевъ. Чѣмъ больше они работаютъ и чѣмъ больше лишеній выносятъ, тѣмъ болѣе презрѣнія чувствуютъ ко всякому, кто не работаетъ столько же, какъ они. Кромѣ того глубокаго презрѣнія къ окружающимъ и слѣпой вѣры въ свои собственныя силы, Михаилъ Тимоѳеевичъ не зналъ въ молодости никакихъ страстей. Некогда ему было заниматься этими пустяками, когда всякая ми-

нута на счету. Послѣ женитьбы, онъ сдѣлался отличнымъ семьяниномъ. Казалось, весь свой небольшой запасъ любви онъ отдалъ женѣ и сыну, такъ что на долю ближнихъ осталось уже очень мало или, лучше сказать, ровно ничего не осталось.

Не таковъ былъ Андрей. Ему нѣ за что было презирать людей. Онъ видѣлъ нищету кругомъ себя, но не имѣлъ удовольствія испытать на себѣ, какъ она ожесточаетъ человѣка и дѣлаетъ его безжалостнымъ къ другимъ. Андрей какимъ-то чудомъ спасся отъ воззрѣній своего отца. Онъ не заразился черствою стороной его характера, хотя эта сторона бываетъ очень заразительна. Онъ не соблазнился тѣми доводами, которые даютъ намъ возможность заткнуть уши и закрыть глаза, чтобы не видѣть и не слышать чужого горя. Безсильны были эти доводы для мальчика, когда у какого-нибудь Гаврилки Рябаго продавали корову за недоимки, и этотъ Гаврилка безсмысленно смотрѣлъ, какъ ее уводили со двора. Не помогъ бы никакой самодовольный стоицизмъ тамъ, гдѣ десятилѣтнія дѣти работаютъ по 12 часовъ въ сутки, проводя цѣлые дни въ гвоздарныхъ кузницахъ, лишенные свѣжаго воздуха и зимой, и лѣтомъ.

Андрей еще ребенкомъ заглядывалъ иногда въ эти кузницы, и долго потомъ носились въ его воображеніи восемь изнуренныхъ лицъ, сидѣвшихъ кругомъ огня и толкавшихъ щипцами раскаленный металлъ; съ утра до ночи оставались тамъ эти люди все въ томъ же положеніи и ковали гвозди, которые тутъ же лежали цѣлыми кучами. Каждое изъ этихъ лицъ, казалось, говорило съ упрекомъ: „Посмотри-ка, каково мнѣ жить на свѣтѣ“. Андрюшка погружался въ размышленія. Сидя за самоваромъ и глядя на

разрисованную сахарницу, онъ задавалъ себѣ вопросъ: отчего однимъ хорошо, а другимъ скверно. Мамка говоритъ, что это такъ Богъ устроилъ, а папка говоритъ, что они лѣнивые. Мальчикъ взглядывалъ на лоснившееся лицо своей мамки и вдругъ терялъ нить своихъ размышленій. Онъ забывалъ о кузницахъ и просилъ себѣ другую чашку въ прикуску.

Но скоро пролетѣли тѣ годы, когда ребенокъ ни на чемъ еще не умѣетъ долго останавливаться. Андрей сталъ не на шутку задумываться. Отъ природы впечатлительный и нервный, онъ отравлялъ себѣ каждый кусокъ воспоминаніемъ о раздирающихъ сценахъ, видѣнныхъ имъ въ конторѣ у отца. То жалкій, чуть не девяностолѣтній старикъ валяется въ ногахъ, Христа ради выпрашивая помилованія. Оказывается, что онъ укралъ вязанку хворосту, пойманъ лѣсникомъ и приговоренъ къ десятирублевому штрафу; а у него и всего-то имущества дай Богъ, чтобы набралось на пятнадцать рублей. То рабочіе, такъ-называемые канавщики, самые жалкіе изъ всѣхъ рабочихъ, приходятъ наниматься изъ сосѣдней голодной губерніи и напрасно молятъ управителя, чтобы онъ далъ имъ хоть сколько-нибудь впередъ, хоть рублишко, хоть полтинничекъ. Не трогаютъ управителя ни испитыя лица, ни оборванная одежда, и выходятъ мужики, понуривъ голову и почесывая затылокъ. Андрюшка боится взглянуть имъ прямо въ глаза, точно онъ укралъ у нихъ что́ или ограбилъ ихъ на большой дорогѣ. За обѣдомъ онъ дѣлаетъ вычисленія. Оказывается, что съѣдено лишняго ровно на полтинникъ. Вотъ ужъ одна просьба и удовлетворена. Вотъ и другой полтинникъ истраченъ на покупку никуда негодной пепельницы. Вотъ и

третій надѣтъ на немъ въ видѣ галстуха. Много такихъ полтинниковъ насчиталъ онъ еще впродолженіе дня. А мужики такъ и пошли рыть канавы разутые, голодные. Напрасно пробовалъ Андрей побороть въ себѣ эту болѣзненную впечатлительность: она росла въ немъ вмѣстѣ съ годами. Онъ налагалъ на себя разныя испытанія, лишенія, онъ дѣлался аскетомъ. Отецъ былъ доволенъ, объясняя это усердіе по-своему. „Мальчикъ, видно, и меня хочетъ перещеголять; онъ пойдетъ далеко. Пусть поработаетъ такъ еще годика два, и я при жизни передамъ ему свой капиталъ“.

Но такое напряженное состояніе не могло продолжаться, и переворотъ совершился. Практическая натура и экзальтація не уживаются вмѣстѣ. Андрей былъ слишкомъ близокъ къ людямъ и къ жизни, чтобы долго парить на небесахъ. Его любовь къ ближнимъ потеряла идеальный характеръ.

Михаилъ Тимоѳеевичъ увидалъ съ прискорбіемъ, что сынъ его пойдетъ далеко дѣйствительно, но не по той дорогѣ. Зайдетъ ли рѣчь о томъ, что удалось сдать луга за высокую цѣну или дешево нанять рабочихъ, Андрей молчитъ, понуривъ голову, насупивъ брови, и отецъ видитъ, что его ловкость и практичность не оцѣнена, не возбуждаетъ въ сынѣ особеннаго удовольствія. Старикъ, напримѣръ, въ минуту откровенности примется разсказывать:

— У меня нынѣшнее лѣто шестьсотъ рублей въ барышахъ осталось.

— Это какимъ образомъ?

— Да такъ, очень просто. Сосѣди поспѣшили рабочихъ нанять, боялись, что этого добра не хватитъ; ну, и

заплатили, разумѣется, хорошія деньги. А я держусь пословицы, что скорость нужна только мухъ да блохъ ловить. Подождалъ недѣльку, другую; подошли рабочіе изъ другихъ губерній, я ихъ за полцѣны и нанялъ. Вижу, все равно, дѣваться имъ некуда. Вотъ и экономія сдѣлана.

— За то надо полагать, что ваши рабочіе въ проигрышѣ, сухо возразилъ сынъ, и разговора дальше не продолжалъ. Михаилъ Тимоѳеевичъ не любилъ такихъ возраженій. Сынъ становился къ нему въ какое-то натянутое положеніе. Прежняя привязанность грозила замѣниться холодностью, еслибы Андрей во́-время не спохватился и не скрылъ отъ отца своихъ истинныхъ чувствъ. Притворство стоило ему сначала большихъ усилій, потомъ вошло въ привычку и, наконецъ, вкоренилось въ его характерѣ: онъ мастерски владѣлъ собой. Жизнь научила его лѣпить изъ людей, какъ изъ глины, разныя фигурки. Никто такъ не умѣлъ польстить ихъ слабостямъ и вмѣстѣ увлечь ихъ за собой, заставить ихъ незамѣтно служить своимъ цѣлямъ. Ему ничего не стоило держать въ пріятномъ заблужденіи всѣхъ, кого нужно, начиная съ отца, который на старости лѣтъ готовъ былъ голову отдать на отсѣченіе, что у сына его только одно на умѣ: деньги и деньги! Онъ счелъ болѣе благоразумнымъ поддѣлаться подъ его тонъ и, заручившись его расположеніемъ, сталъ доказывать, что одного практическаго образованія еще слишкомъ мало. Но чтобы не напугать старика университетомъ, предложилъ, въ видѣ опыта, земледѣльческую академію. Михаилъ Тимоѳеевичъ уступилъ не сразу. Впродолженіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ дней онъ горячился больше, чѣмъ во всю свою остальную жизнь. Наконецъ, обѣ стороны поторговались и

сдѣлали другъ другу уступку. Порѣшили на томъ, что Андрей останется дома еще года полтора, а тамъ ужъ пускай съ Богомъ отправляется на поиски за высшею премудростью. Задняя мысль была та, что за это время успѣетъ лучше выработаться и закалиться его характеръ; что не такъ страшны будутъ соблазны городской жизни. Старикъ въ своей наивности и не подозрѣвалъ, что сынъ его въ деревнѣ былъ такъ же мало застрахованъ отъ искушеній, какъ и въ городѣ. Его собственная страстная натура не дала бы ему покоя ни въ какомъ мирномъ и безобидномъ захолустьѣ нашего отечества.

Условленные полтора года прошли благополучно. Андрей занимался опытами. Пробовалъ разводить питомники лѣсныхъ деревьевъ и ѣздилъ нарочно совѣтоваться съ сосѣднимъ лѣсничимъ бельгійцемъ, мастеромъ своего дѣла. Питомники пошли довольно удачно. Изучалъ различные способы удобренія; но тутъ имѣлъ случай наглядно убѣдиться въ скудости своихъ познаній по части химіи. Порѣшилъ еще, что нѣкоторое понятіе о политической экономіи никакъ не можетъ помѣшать сельскому хозяину. Вообще онъ сталъ смотрѣть на себя, какъ на негодную машину, которую прежде, чѣмъ пустить въ ходъ, надо хорошенько подмазать да починить.

Въ городѣ, какъ и въ деревнѣ, Черникъ оставался все тѣмъ же настойчивымъ, ловкимъ Андреемъ, которому ничего не стóитъ проработать двѣнадцать часовъ въ сутки, а въ случаѣ надобности, и больше, который продолжалъ разбирать по ниточкѣ характеры окружающихъ и приноравливаться къ нимъ. Съ небольшимъ состояніемъ, достав-

шимся ему по смерти отца, и съ большими знакомствами, онъ смѣло пошелъ пробивать себѣ дорогу.

Въ двадцать лѣтъ онъ былъ еще энтузіастъ. Экзальтація, страстность дѣлали иногда его самого игрушкой въ чужихъ рукахъ. Но въ тридцать онъ былъ уже самый совершенный, самый законченный ученикъ той школы, которая учитъ идти къ цѣли не разбирая средствъ. Онъ игралъ по большой, игралъ и по маленькой — и всегда почти съ одинаковымъ успѣхомъ. Его не пугала никакая ставка. Онъ зналъ, что идетъ навѣрняка тамъ, гдѣ другіе рискуютъ. И чѣмъ больше горячились его партнеры, чѣмъ сильнѣе входили они въ азартъ, тѣмъ онъ спокойнѣе высчитывалъ всѣ шансы *за* и *противъ* и доканчивалъ партію однимъ ловкимъ ходомъ.

Онъ изучилъ людей до тонкости, онъ видѣлъ ихъ насквозь и помнилъ, что еще въ священномъ писаніи запрещено зарывать таланты въ землю. Кому дано два, съ того спросится десять — онъ такъ и распоряжался, чтобы къ извѣстному сроку всѣ эти десять талантовъ были у него на лицо. Судьба подарила ему все, что́ только нужно, чтобы имѣть успѣхъ на одной изъ самыхъ маленькихъ планетъ, на той самой *черной* землѣ, у которой онъ когда-то отрицалъ круглую форму. Отецъ съ восьми лѣтъ пріучалъ его къ усидчивому труду, незамѣтно доводя его до сознанія, что „le génie — c'est la patience". Вся сила страстныхъ порывовъ съ лѣтами уходила на то, чтобы сдѣлать эту страсть незамѣтною для другихъ, чтобы затушевать ее для внѣшности самыми густыми красками и всю сосредоточить, обратить на одинъ пунктъ—добиться своего во что бы то ни стало.

Онъ пользовался всѣмъ, что́ только было подъ руками: своими знаніями, своею счастливою наружностью, женщинами, чужою глупостью, чужими слабостями. На каждаго человѣка онъ смотрѣлъ, какъ на орудіе для своей цѣли. И чѣмъ простоватѣе былъ субъектъ, тѣмъ онъ больше его цѣнилъ. Не было еще примѣра, чтобы онъ съ кѣмъ-нибудь поцеремонился. Если вы нужны ему, онъ будетъ за вами ухаживать, выжметъ изъ васъ сокъ и потомъ броситъ, какъ никуда негодную и ненужную ему тряпку. Если вы стали ему на дорогѣ, онъ не толкнетъ васъ — Боже сохрани, толкаются только извозчики да пьяные мужики — онъ очень вѣжливо докажетъ вамъ, что стоять вамъ на этомъ мѣстѣ не безопасно, да и нѣтъ никакой надобности, а не лучше ли отойти вамъ сюда? и нѣжно отведетъ васъ въ сторону. Къ изумленію, вы же останетесь ему благодарны. Черникъ былъ одинъ изъ тѣхъ іезуитовъ-энтузіастовъ, у которыхъ сила страсти прямо пропорціональна силѣ характера.

IV.

Бюджетъ въ домѣ Корсаковыхъ шелъ плохо, изъ рукъ вонъ плохо. Дефицитъ грозилъ неизбѣжный, а никакого займа, ни внутренняго, ни внѣшняго, не предвидѣлось. Фаина Ивановна была раздражена, разстроена, убита. Она вдругъ возненавидѣла всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ возможность ѣздить въ экипажахъ и носить соболи шубы. Она вся побагровѣла, когда услыхала, что Ева отъ болѣзни кушаетъ виноградъ; когда ей сказали, что губернаторша выписала себѣ изъ Петербурга sortie de bal, расшитое золотомъ, то

съ нею чуть не сдѣлался ударъ. Она захлебнулась отъ негодованія, прочитавши гдѣ-то, что Патти беретъ за вечеръ двѣ тысячи франковъ, что есть такія „шкуры примадонны“, которыя не возьмутъ за сезонъ менѣе двадцати тысячъ. Она была глубоко убѣждена, что всѣ эти дивы и тенора грабятъ ее и отнимаютъ у нея кусокъ хлѣба. На старости лѣтъ она поставлена въ необходимость жить копейками, продавать свои завѣтныя вещи, ѣсть за обѣдомъ одну кашу и не запить ее даже кофеемъ. Глѣбу едва хватаетъ на лекарство, Дмитрій ходитъ въ развалившихся сапогахъ. Варенька съ храбростью отчаянія вяжетъ свои воротнички, помышляя о томъ, что у нея нѣтъ на зиму теплыхъ калошъ. Филиппъ чувствуетъ, что проѣдаются его кровныя денежки и потому сознаетъ себя властелиномъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Сестры набиваютъ ему папиросы, сами стираютъ ему платки и гладятъ манишки. Мать приходитъ убирать ему комнату и незамѣтно для себя относится къ нему съ нѣкоторымъ подобострастіемъ. Только Борисъ и его жена продолжаютъ безумствовать по прежнему: одинъ—съ своимъ сжатымъ воздухомъ, другая—съ своими визитами, съ своимъ болѣе, чѣмъ страннымъ образомъ жизни. Для излеченія ихъ созванъ десятый консиліумъ. Послѣднее, радикальное средство предлагалось Филиппомъ. Поддержка и благословеніе давались его матерью. Варенька сидѣла тутъ же съ видомъ карающей богини. Несмотря на всѣ испытанія бѣдности, черная тальма по прежнему красиво драпировала ея плечи и жалкіе остатки ея фигуры.

Выздоравливающій Глѣбъ кушалъ, вмѣсто предписаннаго ему Либиховскаго бульона, вчерашнія, разогрѣтыя щи изъ стакана. Длинные, нестриженые во все время болѣз-

ни волосы, придавали ему видъ художника, голодавшаго нѣсколько недѣль. Вся его фигура окончательно развинтилась. Одни только глаза не утратили прежняго жара.

— Пора выкинуть изъ головы эти финтифлюшки, когда всѣ родные бьются, какъ рыба объ ледъ! горячилась Фаина Ивановна.—Я нынче изъ кухни не выхожу. У меня Варвара и Александра сами стираютъ, сами гладятъ. Мы свѣту божьяго не видимъ. А она у насъ, что́ за барыня такая, чтобы по благороднымъ спектаклямъ ѣздить. Она отъ насъ скоро фруктовъ потребуетъ! Въ голосѣ Фаины Ивановны съ каждымъ словомъ появлялся новый напоръ страсти и заставлялъ дрожать такія звуковыя волны, какихъ трудно было подозрѣвать въ горлѣ почтенной женщины. Она имѣла странную особенность въ минуты гнѣва: спускаться до самыхъ басовыхъ нотъ.

— Я нахожу невозможнымъ участіе Анны Игнатьевны въ какихъ бы то ни было увеселеніяхъ уже потому, декламировалъ Филиппъ: — что всякое такое увеселеніе требуетъ издержекъ. Она не можетъ не видѣть, что мы отказываемъ себѣ во всемъ. Странно и дико мнѣ слышать, что она, несмотря ни на что, думаетъ объ удовольствіяхъ.

— Всякая женщина, выходя замужъ, должна знать, на что́ она идетъ. (Тутъ Фаина Ивановна даже закашлялась). Если она думала балетъ танцовать или тамъ вообще на сценѣ плѣнять, то и пусть бы обнималась съ своимъ Балкашинымъ. Тамъ бы и сидѣла, гдѣ деньгами можно дорожку посыпать. А у насъ каждая копейка на счету. По-моему, это безстыдство бѣдныхъ людей обирать. Да еще кого-же? Родныхъ своего мужа, которымъ она всѣмъ обя-

зана, которые для нея мызгаются по цѣлымъ днямъ. Или ты для того, какъ волъ, работаешь, чтобы она своими шлейфами пошла сцену подметать? Брось, Филиппъ! Пусть убирается на всѣ четыре стороны!

— Неделикатно. Въ высшей степени неделикатно! замѣтила Варинька.

Глѣбъ недоумѣвалъ. Ему тоже страннымъ казалось поведеніе невѣстки. На что, въ самомъ дѣлѣ, она разсчитываетъ? До спектаклей ли тутъ, когда вотъ... Онъ заглянулъ въ свои щи. Впрочемъ, порѣшилъ онъ, сдѣлавши два глотка, ее винить тоже нельзя. Она еще молода. Я самъ когда-то былъ молодъ... Тутъ онъ остановился и подумалъ, что ему до тридцати лѣтъ недостаетъ еще трехъ. Я самъ молодъ, продолжалъ онъ уже въ настоящемъ времени. Знаю, что свѣтъ и его удовольствія имѣютъ свою прелесть. На что-жъ тутъ собственно претендовать. Правда, къ ней ѣздятъ тутъ разные ея поклонники. Но кому-жъ какое до этого дѣло!

Мысль о поклонникахъ нашла отголосокъ въ сердцѣ Филиппа.

— Я одного не могу понять: этихъ визитовъ, этихъ джентльменовъ, которые навѣщаютъ Анну Игнатьевну. Она, мнѣ кажется, должна понять, что мы не въ такомъ положеніи, чтобы принимать визиты.

— Мнѣ совѣстно глядѣть людямъ въ глаза, говорила Варенька:—а не то, что гостей встрѣчать!

— Тебѣ совѣстно! горячилась Фаина Ивановна. — Что изъ этого! У этой женщины нѣтъ совѣсти. Она давно ее потеряла. Губернаторша затѣяла спектакль. Она должна въ немъ участвовать. Да если всѣ мы такъ будемъ разсуждать,

такъ прямо и выходи съ дубиной на большую дорогу. На исправникѣ шуба хорошая; на мнѣ такой шубы нѣтъ — хлопъ его дубино́й! Вѣдь это вотъ къ чему ведетъ! Анна Игнатьевна потребуетъ отъ насъ туалета, экипажа, потому что ей, видите-ли, нужно съ губернаторшей водевиль разыграть!

— Чего вы горячитесь, сухо отвѣтилъ Филиппъ. — Ну, чего вы выходите изъ себя? Этому всему можно положить конецъ и безъ крику, и безъ гвалту!.. Анна Игнатьевна въ спектаклѣ этомъ участвовать не будетъ. Даю вамъ мое слово! (Филиппъ любитъ эффекты. Онъ останавливаетъ на родныхъ торжествующій взглядъ).

— Она не будетъ?! Да ее сейчасъ тупой пилой распилите, она все-таки на своемъ поставитъ!

— На этотъ разъ она уступитъ, многозначительно повторяетъ Филиппъ.

Глѣбъ потягивается въ ожиданіи услышать что-нибудь ужасное. Варенька ёжится подъ своею тальмой и вскидываетъ на брата глаза.

— Мое средство очень простое, изрекаетъ Филиппъ.—Я не употреблю никакого насилія. Это не въ моихъ правилахъ. Я просто предложу на выборъ: или отказаться отъ неумѣстныхъ удовольствій, которыя въ домѣ поселяютъ только раздоръ, или... мирно разойтись.

— То-есть, ты хочешь выгнать ихъ? рѣзко спросилъ Глѣбъ.

— Какъ это выгнать? Я предлагаю полюбовную сдѣлку.

— Ну, ужъ это вздоръ! Ты этого не сдѣлаешь!

— А почему, позвольте васъ спросить?

— Да потому, что... потому, что это чортъ знаетъ что

такое! Вѣдь это значитъ разсчитывать на то, что у нихъ теперь нѣтъ ни копейки, что имъ обоимъ некуда дѣваться. Послѣ этого я могу ждать, что ты и меня завтра вытуришь вонъ!

— Я никогда не позволилъ бы себѣ такой подлости. Напротивъ, я очень радъ, что родственники живутъ съ нами вмѣстѣ, что они, такъ сказать, пользуются моими услугами. Но я постановляю одно условіе...

— Да позволь! Вдругъ ты мнѣ предложишь ходить колесомъ по канату. Я, конечно, скажу: не могу! А, не можешь, такъ убирайся вонъ! Развѣ это не значитъ прямо выгнать человѣка?

Фаина Ивановна съ изумленіемъ смотрѣла на стычку между братьями. Очевидно, Глѣбъ былъ дерзокъ, но, какъ больного, его не слѣдовало раздражать.

У Филиппа затряслись и посинѣли губы, что́ было скверномъ признакомъ. Но говорилъ онъ, по прежнему, тихо, даже тише.

— Я вижу, что сколько людямъ ни дѣлай одолженій, они не умѣютъ цѣнить ихъ. Напротивъ, если вы для нихъ распинаетесь, они скажутъ: этого мало; если вы трудились цѣлый день, не разгибая спины, они скажутъ: работай до кроваваго пота! Я не имѣю больше голоса въ своемъ собственномъ домѣ! Мнѣ не позволяютъ заявлять о моихъ желаніяхъ!

— Полно, успокойся! уговаривала Фаина Ивановна.— Не волнуй себя.

— Не могу я! не могу-съ! Я на себя плевать не позволю. Я никогда не ожидалъ отъ людей деликатности, но невѣжества не потерплю. Братецъ еще слишкомъ молодъ,

чтобы предписывать мнѣ законы. Я самъ себѣ господинъ. Да! (Тутъ онъ окончательно пересталъ владѣть собой: послѣднее слово крикнулъ и оборвался).

Всѣ какъ-то притихли. Одинъ Глѣбъ не смолчалъ.

— Ты воображаешь, что тебя оскорбляютъ, а между тѣмъ, ты самъ оскорбляешь другихъ. Я тебѣ опять скажу: нельзя заставить насъ ходить по той половичкѣ, которую ты намъ укажешь. Ты вотъ мнѣ на эту покажешь, а я пойду по той. Не хочу — и баста. Выгонишь ты меня за это—прекрасно. Я пойду, хотя мнѣ дѣваться и некуда. А все-таки безсловесною скотиной не буду. Вотъ я тебѣ даже совѣтую для пробы вытолкать меня вонъ!

Филиппъ презрительно посмотрѣлъ на него.

— Съ тобой я связываться не стану, потому что гляжу на тебя, какъ на сумасшедшаго. У тебя мозгъ не въ порядкѣ. На всѣ твои безобразія я смотрю сквозь пальцы, потому что тебя еще лечить надо. Но что касается до другого моего братца и до его супруги — тутъ дѣло иное. Тутъ мы еще поговоримъ. А вы, Глѣбъ Яковлевичъ, замѣтьте разъ навсегда, что учить меня поздно. Я давно считаю себя совершеннолѣтнимъ и на всякаго, кто вздумаетъ меня учить, смотрю, какъ на болвана. Не взыщите за выраженіе!

— Мы съ тобой удивительно, какъ сходимся во взглядахъ. Я тоже вотъ считаю подлецами тѣхъ, кто имѣетъ привычку попрекать своими благодѣяніями.

Съ этими словами Глѣбъ такъ поставилъ стаканъ, что онъ треснулъ сверху до низу. Филиппъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Мать бросилась между ними.

— Оставьте! Перестаньте! Какъ вамъ не стыдно. Брось

его, шепнула она старшему сыну. — Развѣ ты не видишь, что онъ боленъ, раздраженъ. Онъ самъ не помнитъ, что́ говоритъ.

— Да! Если я ему прощаю на этотъ разъ, такъ только, какъ сумасшедшему.

Это была послѣдняя фраза, которую Филиппъ бросилъ, выходя изъ комнаты.

Анна этой сцены не слыхала, потому что двери въ ея комнату были плотно притворены.

Она сидѣла одна. Но нѣтъ, не одна она была, съ нею была ея тоска. Она ходила за ней слѣдомъ, давила ее, жала въ своихъ объятіяхъ. Не даромъ Анна Игнатьевна стала послѣднее время избѣгать одиночества. Когда никого не было по близости, на нее нападалъ не ужасъ, но хуже: какое-то мертвящее, гнетущее чувство, отъ котораго хочется убѣжать въ прорубь, въ могилу — словомъ, куда угодно, только бы не оставаться наединѣ съ самой собою. Недавно только она узнала, что есть минуты, когда весь свѣтъ постылъ, когда хочется спросить себя: зачѣмъ я живу? и не находишь отвѣта.

Она съ мучительною тоскою ломала себѣ пальцы и начинала ходить все скорѣй и скорѣй, точно въ этомъ была вся задача ея жизни. Потомъ вдругъ останавливалась, опускалась на стулъ и закрывала глаза рукой. Замирая въ этомъ положеніи, она, казалось, совсѣмъ переставала о чемъ-нибудь думать, пока опять какая-нибудь внезапная мысль не заставляла ее встать и начать снова свою лихорадочную прогулку. Она прильнула, наконецъ, лицомъ къ холодному стеклу и не чувствовала, что съ плечъ у нея тихо спол-

зала шубка. Щеки были горячія, и такія же горячія слезы катились по нимъ.

Вошла Саша. Анна съ изумительною, только однимъ женщинамъ извѣстною, быстротой вытерла себѣ глаза и постаралась улыбнуться. Саша молча, но выразительно, сдѣлала отчаянный жестъ.

— Что такое?

— Развѣ ты не слыхала?

— Да что такое?

— Однако, у васъ тутъ нельзя сказать, чтобы жарко. Это вѣрно Филиппъ Яковлевичъ не приказалъ топить.

— Вѣрнѣе, что просто дровъ нѣтъ,—да что же тамъ?

— Ну, да что. Обыкновенно. Тебя со свѣту сживаютъ. Все о спектаклѣ.

— Да? (Анна жадно ловила ея слова).

— Они просто слышать не хотятъ, чтобы ты въ немъ участвовала. Говорятъ, что это безобразіе.

— Они правы, задумчиво замѣтила Анна.

— Какъ правы? (Саша вытаращила на нее глаза. Она ожидала гнѣва, досады — и вдругъ такое смиренное признаніе).

— Да, я дѣйствительно безобразничаю. Я веду безпутную жизнь. (Анна вдругъ расхохоталась). Ахъ, Саша, Саша! Что мнѣ дѣлать? Научи меня.

Она остановилась и съ глубокимъ унынiемъ смотрѣла на нее.

— Какъ, что дѣлать? Да плюнь на нихъ — вотъ и все тутъ.

— Нельзя этого. Ты не понимаешь. Я съ ними теперь связана. Я у нихъ въ рукахъ. Безъ вашего Филиппа

куда бы мы дѣлись въ самомъ дѣлѣ? Вотъ я его ненавижу, этого Филиппа, а между тѣмъ, должна его уважать. Онъ мой благодѣтель. Ты понимаешь это слово: благодѣтель!

— Вотъ еще! Борисъ ему послѣ заплатитъ. А это что́ такое? спросила Саша, желая замять разговоръ, и взявъ въ руки листъ.

— А, это я вотъ для полоумной старухи стараюсь, которая думаетъ, конечно, что я хлопочу изъ любви къ ней.

— Кто это? Падалка?

— Да, вотъ, сумасшедшая вѣдьма. Не думаетъ-ли она изъ меня сдѣлать приживалку? Ну, нѣтъ, я бы ей совѣтовала выкинуть это изъ головы. Вотъ извольте посмотрѣть. (Она съ ожесточеніемъ выхватила у Саши листъ). „И сдается оный крестьянину Евстигнею Терентьеву срокомъ на 3 мѣсяца“. Какая интересная поэма! Кажется, эти аристократки воображаютъ, что мы влюблены и въ нихъ и въ ихъ обстановку. А я просто влюблена въ ея деньги и, конечно, даромъ работать не намѣрена. Да, впрочемъ, оно такъ и будетъ. Она ужъ теперь безъ меня обходиться не умѣетъ. Я вотъ ужъ два мѣсяца замѣняю ей и конторщика, и компаньонку, и все, что угодно!

Саша слушала съ возрастающимъ удивленіемъ. Анна первый разъ говорила при ней о своихъ отношеніяхъ къ Падалкѣ. Она кончила свой монологъ, задыхаясь отъ досады, и замолкла. Потомъ вдругъ тревожно обернулась.

— Послушай, тамъ серьёзно не хотятъ, чтобы я... Ну, словомъ сказать, чтобы я не играла въ спектаклѣ?

— Да. Они очень сердятся.

— Но, скажи на милость, что́ имъ до этого?

— Они говорятъ, что вся семья трудится, а ты...

— А я сижу сложа ручки? Ну, такъ скажи имъ, что они врутъ. У меня дѣла, можетъ быть, побольше ихняго. Что я не хожу въ лавочку, не стираю воротнички, изъ этого еще не слѣдуетъ, что я хочу быть барышней. Да, наконецъ, твоя матушка не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, пожаловаться, что я держу себя маркграфиней, какъ она меня называетъ. Я съ ней даже и стряпать пойду, если она того пожелаетъ; но она, вѣдь, сама же первая меня выпроводитъ! Или, можетъ быть, Филиппъ Яковлевичъ боится, что я попрошу у него денегъ на туалетъ?

Саша крутила пальцами завивавшіеся на лбу волосы и разсматривала ихъ на свѣтъ. Аннинъ вопросъ, казалось, затруднилъ ее.

— Нѣтъ, этого я не слыхала.

— Ну, да, я понимаю; онъ молчитъ потому только, что осторожнѣе. Но я пари готова держать, что онъ боится этого. Напрасно. Я продамъ свое послѣднее платье, а у него не попрошу двухъ копеекъ!

— Нѣтъ, видишь-ли, не то. Ему, кажется, больше всего не нравится, что къ тебѣ стали многіе ѣздить. Въ особенности онъ не любитъ Сережу Говорова. Можетъ быть Филиппъ думаетъ... (Саша вдругъ остановилась).

— Ну, что́ же онъ думаетъ? Что́?

— Ты сама можешь догадаться.

— Что я въ него влюблена? да? Такъ это дѣло Бориса, а не его. Можетъ быть, ему завидно?

Саша вскинула на нее свои черненькіе глазки.

— Можетъ быть, выговорила она отчетливо.

— А! вотъ оно что! (Холодная усмѣшка блеснула на лицѣ Анны). Ну, въ этомъ я не виновата, а слѣдить за собой не позволю!

Она, однако, противорѣчила себѣ. Филиппъ слѣдилъ за ней; она это знала и боялась его. Она имѣла случай замѣтить, какъ онъ угадывалъ у нея такія мысли и такія чувства, которыя для другихъ оставались тайной. Странно! Она смѣло играла комедію съ Борисомъ, съ Балкашинымъ, съ Падалкой—словомъ, со всѣми, кто только ей на умъ взбредётъ. Съ Филиппомъ она терялась и чувствовала, что не выдерживаетъ роли до конца. Что онъ такое? Банковый чиновникъ—и только. Она, по крайней-мѣрѣ, больше ничего въ немъ не хотѣла признавать. Отчего же она робѣетъ въ его присутствіи? Отчего ей кажется иногда, что этотъ человѣкъ когда-нибудь доканаетъ ее?

— Да, продолжала она, помолчавъ:—будь у меня на вершокъ, на одинъ вершокъ побольше характеру — мои дѣла съ Падалкой пошли бы не такъ. Съ этою сумасшедшею старухой давно надо было объясниться прямо, а у меня не хватаетъ духу. Чего я жду въ самомъ дѣлѣ? Въ концѣ-концовъ, все-таки, лучше Падалка, чѣмъ Филиппъ.

Саша слушала ее съ удивленіемъ.

— Выписала себѣ изъ Петербурга удивительнаго агронома и вѣритъ въ него, какъ въ Бога. Его, видите-ли, Уваръ Иванычъ прислалъ. А мнѣ этотъ Черникъ кажется сильно подозрительнымъ. Онъ, кажется, больше занятъ губернаторшей, чѣмъ Падалкинымъ имѣніемъ. Отрекомендовалъ онъ ей тамъ какого-то управляющаго... Ну, и если они съ нимъ за одно, то я съ этимъ Падалку не поздравляю. Они тамъ ей натворятъ чудесъ.

— Ахъ, Черникъ! Вотъ кого-бы мнѣ хотѣлось посмотрѣть, восторженно восклицаетъ Саша.

— О, что касается до того, чтобы показать себя... Ты останешься имъ довольна. Онъ бьетъ на эффектъ, рисуется, вкрадчивъ, какъ никто — и у женщинъ имѣетъ успѣхъ. Передъ нимъ даже старухи таютъ.

— И ты, конечно? лукаво спросила Саша.

— Боже меня сохрани. Я этихъ дамскихъ фаворитовъ не выношу. По-моему, имъ цѣна—грошъ.

— Ну, а еслибы онъ вдругъ объяснился тебѣ въ любви?

— Ахъ, да я и не ручаюсь, что этого не случится. Это вещь очень возможная. Я тебѣ говорю, что онъ поклонникъ всѣхъ женщинъ вообще и ни одною не пренебрегаетъ. Отчего же предполагать, что онъ пропуститъ меня.

Саша засмѣялась и выглянула въ окно. Она услыхала, что у воротъ остановился чей-то экипажъ.

— Анна! Сергѣй Ильичъ пріѣхалъ! Ну, теперь пойдетъ исторія. Филиппъ опять разсвирѣпѣетъ.

Анна вдругъ измѣнилась въ лицѣ.

— Знаешь, что́! я думаю ему отказать.

— Душечка, нѣтъ! Пожалуйста, нѣтъ.

— Но, вѣдь опять выйдетъ сцена.

— А ты на него такъ, однимъ глазкомъ. Ты съ нимъ не очень разговаривай. Я съ нимъ буду любезничать. Я за десятерыхъ! Филиппъ тогда ничего.

— Хорошо, на твой страхъ, замѣтила Анна съ холодною улыбкой. Но сердце у нея билось скорѣе обыкновеннаго, когда она выходила въ залу. Первый, кого она уви-

дала, былъ Филиппъ. Онъ какъ-то особенно вѣжливо уступилъ ей дорогу. Серёжа Говоровъ привезъ два свертка. Оба оказались списанными ролями, которыя онъ развозилъ по всему городу. Первое слово его было, разумѣется, о здоровьѣ; второе о томъ, что онъ, Серёжа, безпутный малый, который нигдѣ не находитъ себѣ пристанища, а третье о спектаклѣ. Филиппъ былъ тутъ-же и слушалъ его съ видомъ вѣжливаго Цербера, который теперь молчитъ, но въ свое время спуску не дастъ. Первое слово о спектаклѣ было сигналомъ къ аттакѣ.

— Вы говорите, вѣроятно, о томъ театрѣ, который устроиваетъ ея превосходительство?

— Да, да, наша губернаторша. Это она все затѣяла. Знаете, барынямъ дѣлать нéчего; кошельки нынче ужъ не вяжутъ; тамбурныя салфетки ни къ чорту не годятся... Ну, вотъ мы безобразничаемъ въ пользу бѣдныхъ.

— Насколько я могъ понять, вы участвуете тоже.

— Какъ же! Я тамъ и есть самый jeune premier!

— Прекрасно. Это прекрасно, одобрилъ Филиппъ.— Для молодого человѣка, привыкшаго къ свѣтскимъ удовольствіямъ, это, все-таки, развлеченіе.

— Да, совершенно вѣрно. Разговаривая съ Филиппомъ, гость смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ сидѣли дамы. У Саши щеки пылали, а растрепавшіеся завитки волосъ очень красиво падали ей на лобъ. Анна была замѣчательно холодна. На нее, какъ будто, наложила свою печать температура ея комнатъ.

— Грубецкой требуетъ себѣ непремѣнно роли, въ которой бы его подъ конецъ закалывали, разсказываетъ Серёжа, обращаясь исключительно къ дамамъ.—Но такъ какъ такой не нашлось, то онъ играть отказался.

— Онъ не играетъ? Это грустно, замѣтила Анна.

— Нѣтъ, его будутъ просить, и, вѣроятно, упросятъ. Помилуйте, безъ него что́ же за спектакль. Кто же устроитъ скандальчикъ?

Филиппъ насмѣшливо посмотрѣлъ на него.

— А у васъ и скандальчики будутъ?

— Самые легонькіе. Такіе, которые нравятся даже барынямъ высшаго круга. Мы, знаете ли, границъ никогда не переступаемъ...

— Анна Игнатьевна! первая репетиція въ четвергъ.

— Очень рада. (Анна какъ-то нéхотя кивнула головой).

— Какъ жаль, право, что вы не участвуете, обратился гость къ Сашѣ.

— Вы меня извините, остановилъ его Филиппъ:—но я не позволю своей сестрѣ играть.

Серёжа посмотрѣлъ на него, какъ на диковинку.

— Кàкъ не позволите?..

Филиппъ опять очень выразительно повторилъ, что онъ не позволитъ.

— Однакоже, вотъ ваша родственница...

Серёжа указалъ на Анну.

— Что́-съ? невозмутимо спросилъ Филиппъ.

— Анна Игнатьевна, однакоже, играетъ съ нами и не находитъ тутъ ничего неприличнаго.

— Вы, вѣроятно, ошибаетесь, холодно перебилъ Филиппъ.—Моя родственница съ вами не играетъ. Она раздумала.

Такая наглость возмутила Анну. Вся ея робость мгновенно пропала. Розовая краска разлилась по ея щекамъ,

что́ случалось только въ минуты сильнѣйшаго раздраженія, глаза вспыхнули и засвѣтились какимъ-то зеленымъ блескомъ.

— Вы вѣчно все путаете, Филиппъ Яковлевичъ, замѣтила она, стараясь сохранить небрежный видъ.—Никогда ничего подобнаго я не говорила. Вы, вѣроятно, не поняли меня.

Филиппъ съ трудомъ разжалъ себѣ губы, чтобы выговорить нѣсколько словъ.

— Я вѣрилъ и вѣрю до сихъ поръ, что это была шутка. Вы въ спектаклѣ не участвуете. Вы, конечно, сами знаете, почему. Смѣю васъ увѣрить, что Анна Игнатьевна согласилась только для шутки, добавилъ Филиппъ, обращаясь къ Говорову и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бросая на Анну многозначительный взглядъ. Та принужденно расхохоталась.

— Что́ за мистификація! Сергѣй Ильичъ, въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, подумаетъ, что мы говоримъ серьёзно. Нѣтъ, даю вамъ мое слово, что я играю!

Она протянула Говорову руку съ самымъ обворожительнымъ видомъ. Но Сергѣй Ильичъ, дѣйствительно, недоумѣвалъ: кто тутъ кого дурачитъ? Саша присмирѣла и, какъ котёнокъ, прижалась къ спинкѣ дивана, по обыкновенію, глядя на всѣхъ исподлобья. Филиппъ едва сдерживалъ себя. Губы у него опять запрыгали, несмотря на всѣ усилія.

— Признаюсь откровенно, началъ онъ какъ-то глухо:— я не могу допустить, чтобы порядочная женщина играла въ спектакляхъ, гдѣ устраиваютъ скандальчики! Мнѣ кажется, одного этого слова достаточно, чтобы закрыть ей туда двери!

— Послушайте, вступился гость:—Да что вы называете скандальчикомъ? Я разумѣю тутъ очень невинную вещь... Вѣдь, не пощечина же это какая-нибудь! На это, слава-богу, у насъ мѣста найдутся и помимо благородныхъ спектаклей.

— Ахъ, да что объ этомъ говорить, перебила его Анна.—Роль у меня списана и на половину уже выучена. Скандаловъ я не боюсь. Можете разсчитывать на меня.

И она встала, какъ бы давая этимъ понять, что аудіенція кончена. Серёжа тоже всталъ очень поспѣшно. Онъ всегда съ особенною любовью удиралъ оттуда, гдѣ можно было попасть въ семейную непріятность. Филиппъ съ Анной остались вдвоемъ. Она—вся пылающая отъ гнѣва, онъ—тоже не совсѣмъ спокойный. Нѣсколько секундъ оба молчали. Наконецъ, онъ сдѣлалъ усиліе и заговорилъ.

— Ну-съ, Анна Игнатьевна!

Она остановила на немъ взглядъ, полный ненависти и вызова. У ней вертѣлась теперь одна мысль: неужели я боялась этого человѣка?

Филиппъ задыхался. Онъ хотѣлъ говорить, но слова не вылетали. Онъ оторвалъ отъ сюртука пуговицу, повертѣлъ ее и машинально положилъ въ карманъ.

— Вотъ и прекрасно! вырвалось у него, когда онъ увидалъ въ дверяхъ фигуру своего брата. У Бориса былъ самый невинный видъ; онъ хотѣлъ пройти дальше, но выраженіе лица жены остановило его.—Прекрасно! Мы будемъ избавлены отъ трагедіи и разрѣшимъ дѣло просто. Угодно или не угодно тебѣ продолжать жить съ нами, въ своей семьѣ?

Ультиматумъ этотъ былъ брошенъ въ лицо Борису такъ,

что тотъ представлялъ въ эту минуту жалкую фигуру недоумѣнія. Онъ только-что вернулся съ прогулки, въ головѣ у него былъ еще свѣжій воздухъ, и вдругъ тутъ гамлетовскій вопросъ: быть или не быть!

— А! вы вотъ какъ!.. выговорила Анна, и дальше продолжать не могла. Она чувствовала уже не злобу, нѣтъ! у ней въ груди закипѣли такія ощущенія, что она всю свою силу употребила на то, чтобы совладать съ собой. Все у нея внутри трепетало, но грудь подымалась медленно и зеленые глаза остановились на мужѣ. Онъ былъ пораженъ ихъ выраженіемъ.

— Что тутъ такое случилось? спросилъ онъ, противъ обыкновенія, не совсѣмъ спокойно.

— А случилось то, что ваша жена забывается. Она разыгрываетъ изъ тебя какую-то камелію. Она поселяетъ въ домѣ раздоръ. Въ то время, какъ у насъ не на что купить дровъ, она ѣздитъ играть въ скандальныхъ спектакляхъ. У меня есть сестры. Я этого не позволю ради нихъ. Я до сихъ поръ ожидалъ, что Анна Игнатьевна опомнится сама, но теперь я вижу, что это не такого рода женщина. А потому я обращаюсь прямо къ тебѣ. Если ты не употребишь тутъ своей власти, мы должны будемъ разойтись. Да, къ сожалѣнію, я вижу, что исходъ одинъ.

— Ты слышишь? Слышишь ты, что́ позволяетъ себѣ этотъ... (Она вдругъ оборвалась и сжала себѣ губы, чтобы не договорить слова, готоваго сорваться съ языка).

Борисъ одной рукой остановилъ ее, когда она хотѣла пройти къ дверямъ, но остановилъ такъ, что она не стала даже противорѣчить; потомъ обратился къ брату.

— Я не понялъ, чего ты хочешь. Повтори, пожалуйста.

— Я хочу, чтобы ты открылъ глаза и посмотрѣлъ поближе на то, какъ ведетъ себя твоя жена. Ну, словомъ... словомъ, чтобы ты запретилъ ей играть въ спектаклѣ, иначе мы разойдемся... Слышишь? это мое послѣднее слово!

Тутъ ужъ Анна не выдержала.

— Такъ знайте же: это мой послѣдній день въ вашемъ домѣ!

Она хотѣла вырвать свою руку, но Борисъ держалъ ее крѣпко.

— Перестань, не горячись. А лучше вотъ что: Саша! Подай ему стаканъ холодной воды!

Онъ указалъ на Филиппа.

— Что? Вы думаете отпаивать меня? Вы издѣваетесь надо мной?!

— Нисколько. Я тебѣ этотъ совѣтъ даю отъ души. Тебѣ теперь только это и поможетъ. Потому что ты самъ, вѣдь, не помнишь, что говоришь.

— Борисъ Яковлевичъ! такъ я же вамъ вотъ что скажу: вы женились на куртизанкѣ, которая дѣлаетъ изъ васъ ширму для своихъ похожденій!

Филиппъ не успѣлъ опомниться, какъ Борисъ уже одной рукой держалъ его за бортъ сюртука, а другую положилъ къ нему на плечо.

— Если ты не хочешь, чтобы я тебя убилъ на мѣстѣ... проговорилъ онъ съ разстановкой, потомъ перевелъ духъ и прибавилъ:—ты замолчишь!

Филиппъ сдѣлалъ два шага назадъ. Онъ не струсилъ,

но буквально ошалѣлъ. Первый разъ въ жизни чужая рука осмѣлилась коснуться до него. И чья же? Рука самаго кроткаго, добродушнѣйшаго и невозмутимѣйшаго изъ людей.

Братъ не далъ ему даже опомниться. Онъ обернулся къ женѣ и сдѣлалъ ей выразительный знакъ.

— Ступай къ себѣ, Анна. Тебѣ тутъ нечего дѣлать.

Анна повиновалась. Сдѣлала ли она это машинально, или на нее подѣйствовала незнакомая до сихъ поръ жесткость въ голосѣ мужа—трудно сказать. Но она даже не пробовала возражать и молча вышла изъ комнаты. Тутъ только Филиппъ сообразилъ, что онъ оскорбленъ, поруганъ, оплеванъ. Онъ рванулся и засверкалъ своими свинцовыми глазами. Но не нужно было такихъ страшныхъ усилій, потому что братъ на этотъ разъ выпустилъ его самъ.

— Молчи, Филиппъ, выговорилъ онъ все тѣмъ же тономъ.—Больше объ этомъ ни слова!

— Нѣтъ, я не буду молчать! Я не буду! Когда я вижу змѣю, я раздавлю ее ногой. Я вышвырну ее, какъ гадину. А! такъ вотъ какой дьяволъ сидитъ въ васъ, любезнѣйшій братецъ! Вотъ онъ тихій-то омутъ! И это скоты, которые сѣли на мою шею!

Борисъ опять молчалъ. Пока не трогали его божества, онъ готовъ былъ простить всякое неистовство.

— Я распинаюсь для семьи, а меня за шиворотъ хватаютъ! Ты и твоя безпутная, наглая жена, которая обманываетъ тебя... Борисъ схватилъ со стола деревянную коробку, разломалъ ее на части и осколки полетѣли въ лицо Филиппа Яковлевича.

Сбѣжались домашніе. Фаина Ивановна съ ужасомъ бросилась на помощь погибающему сыну. Филиппу сдѣлалось

дурно. Онъ непритворно потерялъ сознаніе, зашатался и грохнулся бы на полъ, еслибы его не поддержала мать.

Борисъ какъ-то странно посмотрѣлъ на нихъ и ушелъ къ женѣ. Анна стояла у дверей, затаивъ дыханіе съ выраженіемъ и ужаса, и какого-то наслажденія на всѣхъ чертахъ. Она была рада, что за нее отмстили наконецъ.

Борисъ, слѣдуя своимъ собственнымъ предписаніямъ, взялъ съ окна стаканъ холодной воды и залпомъ выпилъ его. Потомъ, неизвѣстно для чего, сталъ перелистывать какую-то книгу. Онъ видимо не привыкъ еще къ положенію человѣка взбѣшеннаго и не зналъ, что надо дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ.

Жена подошла къ нему и сначала какъ будто задумалась, потомъ вдругъ рѣзко сказала:

— Собирайся, Борисъ.

— Куда?

Онъ поднялъ голову, какъ человѣкъ, только-что очнувшійся отъ сна.

— Куда хочешь. Намъ нельзя дольше оставаться въ этомъ домѣ.

У него сжалось сердце. „Куда, куда идти?“ Этотъ страшный вопросъ билъ его, какъ молотомъ по головѣ. У него запрыгали въ глазахъ какіе-то красные, зеленые круги. Онъ сдавилъ себѣ руками виски, чтобы не опрокинуться и не упасть. Анна не видала этого движенія. Она настойчиво смотрѣла куда-то вдаль.

— Ты какъ знаешь, продолжала она:—а я ухожу.

Онъ поднялъ на нее мутные глаза.

— Я не остаюсь здѣсь ни одной минуты. Ни одной.

Она нервно стала распутывать на шляпкѣ вуаль. Онъ

все давилъ себѣ виски, точно стараясь выдавить оттуда какую-нибудь мысль. Потомъ медленно поднялся и взялъ ее за руки.

— Иди къ сестрѣ. Ночуй тамъ. Потомъ... Послѣ будетъ видно. А теперь къ сестрѣ. Да.

— А ты? (Невольная робость слышалась въ ея голосѣ).

— А я гдѣ-нибудь; все равно.

— Но гдѣ же, Борисъ? Вѣдь, такъ нельзя.

— Можно! выговорилъ онъ раздражительно.

— Я буду думать о тебѣ.

— Не думай, пожалуйста. Не пропаду.

— Но, вѣдь, нельзя же ночевать на улицѣ.

— Какъ ты говоришь?.. Ахъ да, на улицѣ... Впрочемъ, это все вздоръ, прибавилъ онъ неожиданно и махнулъ рукой.

Анна остановилась надѣвать шляпку и пристально посмотрѣла на него.

— Борисъ, ради Бога... Хоть для меня... Ты нынче какой-то странный.

— Ничего. Не думай, пожалуйста, обо мнѣ.

— Не могу я не думать. Я боюсь, что ты столкнешься опять съ нимъ. (Она сдѣлала знакъ по направленію къ двери. Называть Филиппа по имени она не хотѣла). Уйдемъ сейчасъ. Это самое лучшее. Никто за себя отвѣчать не можетъ. Я сама съ удовольствіемъ плюнула бы ему въ глаза. Но что дѣлать? Надо сдерживать себя.

— Не будемъ больше говорить объ этомъ, какъ-то болѣзненно просилъ Борисъ.

Позвали Сашу. Анна объявила ей, что идетъ къ се-

стрѣ, никакихъ возраженій не стала слушать и черезъ пять минутъ домъ Корсаковыхъ опустѣлъ: ни Бориса, ни его жены не стало.

V.

У Балкашиныхъ вѣчно что-нибудь да праздновалось. У нихъ, какъ выражался Грубецкой, собирались отдыхать всѣ тѣ, кому нечего дѣлать. Это было rendez-vous праздности и комфорта. Каждый вечеръ аккуратно въ окнахъ парадныхъ комнатъ зажигались огни. У подъѣзда вывѣшивались два фонаря, а сѣни и передняя были освѣщены, какъ днемъ. Ева сама признавалась, что она любитъ свѣтъ и уютность, уютность и свѣтъ.

Гости кушаютъ чай и бесѣдуютъ. Грубецкой разсказываетъ, что на еремѣевскихъ заводахъ есть нѣкій Лёвка, личность курьёзная, которая выдаетъ себя за родственника нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ. Въ эту минуту можно навѣрное сказать, что на сердцѣ у двухъ присутствующихъ скребутся кошки: эти лица, во-первыхъ, Николай Михайловичъ Балкашинъ, а во-вторыхъ, сладкій Дюшенъ. Послѣдній считалъ своего незаконнаго сынка давнымъ-давно или сгинувшимъ съ лица земли, или проживающимъ въ другомъ городѣ. Но Лёвка оказался живучъ и до сихъ поръ былъ такъ деликатенъ, что никому, и даже самой m-me Дюшенъ не заявилъ о томъ, какія права онъ имѣетъ на ея мужа. Объяснить эту деликатность щекотливостью нельзя, потому что ямщицкій характеръ Лёвки никакихъ тонкостей не признавалъ. Чтобы понять такую скромность, надобно знать, что́ такое самъ Лёвка.

Помнится, гдѣ-то Льюисъ въ своей физіологіи разсказываетъ объ одномъ французѣ, который уморилъ себя надъ жаровней единственно для того, чтобы прославиться. Желаніе его исполнилось: онъ дѣйствительно заставилъ говорить о себѣ весь Парижъ. Но не всѣ такъ счастливы. Мало захотѣть—надо найти еще такой удивительный родъ смерти, который до тѣхъ поръ былъ бы рѣшительно неизвѣстенъ. Лёвкѣ казалось, что французъ укралъ у него эту мысль. Онъ былъ именно изъ числа тѣхъ людей, которые не задумаются всадить себѣ пулю въ лобъ, съ условіемъ, чтобы на нихъ были обращены глаза всей Европы. Начинаютъ они свое поприще друзьями народа, равенства и свободы, кончаютъ его розно: одни въ тюрьмѣ, другіе на каторгѣ, третьи на министерскихъ скамьяхъ и на креслѣ президента. Все зависитъ отъ того, восторжествуетъ ли хоть на минуту та идея, проповѣдниками которой они являются. Если она торжествуетъ даже на одно мгновеніе—довольно: они успѣли вскарабкаться куда нужно и смотрятъ съ улыбкой, какъ полетѣла внизъ идея, служившая имъ лѣстницей.

Изъ такой-то матеріи былъ скроенъ и мѣщанскій сынъ Лёвка Трезвовъ. Онъ наслѣдовалъ раздраженное воображеніе своей матери и страдалъ одною болѣзнью съ сестрой, то-есть, желаніемъ непремѣнно играть роль. У него ужъ въ кровь всосалась полная увѣренность въ своей геніальности или, по крайней-мѣрѣ, въ томъ, что людямъ спуску давать не слѣдуетъ. Отецъ первый предложилъ ему полюбовную сдѣлку и нашелъ уже мѣсто въ какой-то конторѣ. Но быть лавочникомъ, приказчикомъ Лёвка отказался наотрѣзъ. Онъ хотѣлъ заниматься политикой; онъ обдумы-

валъ нѣчто государственное. У него въ головѣ были законодательныя палаты, реформы общія и частныя, реформы повсемѣстныя. Чтобы быть членомъ торговаго міра и не быть въ то же время лавочникомъ, надо называться Ротшильдомъ и имѣть въ карманѣ по меньшей мѣрѣ милліонъ. Этого милліончика Лёвкѣ никто не далъ, и онъ проклялъ всѣхъ лавочниковъ.

Такимъ образомъ, объявивши войну всему среднему и высшему сословію, онъ сталъ на сторону чернорабочихъ и отнынѣ называлъ себя демагогомъ. Онъ дѣйствительно ненавидѣлъ людей, и если что въ немъ было хорошо, такъ это его откровенность. Онъ не скрывалъ, что бѣдствія рабочаго народа для него важны не сами по себѣ, а просто, какъ орудіе мести. „Я живу скверно; отчего-жъ бы и имъ не жить скверно? Это все вздоръ, пустяки! Не въ этомъ суть!“

Вооруженный такими тенденціями, Лёвка, разумѣется, пренебрегалъ мелкою интригой. Онъ не досаждалъ ни отцу, ни Балкашину, хотя и могъ бы имъ досадить, потому что не хотѣлъ связываться съ отдѣльными единицами, а желалъ отмстить всему обществу вообще.

Какъ бы то ни было, а родственникамъ отчаяннаго авантюриста стало не по себѣ, когда Грубецкой упомянулъ о немъ. Впрочемъ, послѣдній, надо отдать ему справедливость, мѣтилъ больше на хозяина. Близкія отношенія Дюшена къ Лёвкѣ оставались пока тайной для города. Грубецкому просто хотѣлось уличить Балкашина и насолить ему. Дѣлалось это отчасти по враждебной антипатіи, а отчасти потому, что Балкашинъ не далъ взаймы двухъ тысячъ. Грубецкой имѣлъ нѣкоторыя основанія претендовать

на это. „Какъ! я за него работаю, мною управа держится, и не дать мнѣ двухъ тысячъ!“

При всей своей простотѣ и откровенности, Грубецкой былъ себѣ на умѣ. Въ городѣ думали, что если человѣкъ говоритъ всѣмъ въ лицо: „ты, братецъ мой!“, то это значитъ, что у него душа на распашку. Никому и въ голову не приходило, что это своего рода кокетство и, притомъ, кокетство очень выгодное. Дерзости прощаются, всякое безобразіе сходитъ съ рукъ и еще въ концѣ-концовъ прослывешь добрымъ малымъ. Грубецкой, отъ природы веселый и безпутный, уважалъ шутовской колпакъ больше всякой циммермановской шляпы и смѣло надѣлъ его на себя. Что всякій шутъ долженъ быть умнымъ человѣкомъ—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Несмотря на безпутную жизнь, Грубецкой былъ все-таки господинъ дѣльный и для земства положительно полезный. Онъ это сознавалъ и никакъ не могъ переварить, что говоруны въ родѣ Балкашина считаютъ себя за нѣчто.

Вечеръ былъ въ полномъ разгарѣ, когда Анна Игнатьевна рѣшилась, наконецъ, взяться за ручку парадной двери. Много она передумала прежде, чѣмъ рискнуть на этотъ подвигъ.

Уходя изъ дому, она знала, что ей открыты только два пути: къ сестрѣ или къ Падалкѣ. Изъявить желаніе переночевать у старухи, не объяснявши ей причины такого страннаго каприза—было почти невозможно. Старухи вообще любопытны. Она станетъ допытываться: что? какъ? и почему? Кромѣ того, Падалка ужасно упряма. Она живетъ по разъ заведенному порядку, котораго не измѣнитъ ни для кого и ни для чего на свѣтѣ. Итакъ, Анна прошла прямо

къ сестрѣ. Но и сюда опять можно броситься только по пословицѣ: утопающій хватается за соломенку. Анна послѣднее время не ладила съ Балкашинымъ. Она была съ нимъ недостаточна мягка, не соблюдала всѣхъ нужныхъ тонкостей и дружба ихъ снова висѣла на волоскѣ. Николай Михайловичъ былъ прежде всего баринъ. Энтузіастъ, западникъ—но все-таки баринъ. Въ своей невѣсткѣ онъ видѣлъ красоту, грацію, но капризныя выходки ея не всегда выносилъ. Онъ готовъ былъ стоять передъ ней съ кадиломъ, но съ тѣмъ, чтобы и она иногда подсыпала ѳиміаму въ свои рѣчи, или, по крайней мѣрѣ, щадила его самолюбіе. А онъ былъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ очень щекотливъ. Онъ признавалъ за собой двѣ добродѣтели: гуманность и необыкновенный даръ слова, и хотѣлъ, чтобы и другіе не оставляли этихъ талантовъ безъ вниманія. Но никто упорнѣе Анны Игнатьевны не закрывалъ передъ ними глаза. Весь городъ, т.-е. всѣ тѣ, которые у него обѣдали, просиживали вечера, играли съ нимъ въ клубѣ, получали отъ него сигары и фрукты, всѣ эти люди называли его Пальмерстономъ, Питтомъ, Фоксомъ, Шериданомъ, въ шутку, конечно, но, все-таки, давая понять, что въ словахъ этихъ есть своя доля правды. А Анна однажды пресерьёзно увѣряла его, что не знаетъ во всемъ городѣ человѣка, который умѣлъ разсказать, не путаясь, содержаніе какой-нибудь статьи изъ земскаго положенія. Николай Михайловичъ сталъ обижаться не на шутку. Кромѣ того, до него дошли нѣкоторые неосторожные отзывы Анны объ его особѣ. Это окончательно положило конецъ ихъ дружбѣ и послѣднее время они встрѣчались, какъ люди знакомые, но совершенно другъ другу посторонніе.

Цѣлый мучительный вечеръ провела Анна у своихъ родственниковъ. Она слышала кругомъ себя говоръ, точно плескъ воды гдѣ-нибудь вдали. Ей дико казалось, что могутъ болтать о пустякахъ, ѣсть и пить, какъ ни въ чемъ не бывало. Она не умѣла отрѣшиться отъ своей тоски, не умѣла понять, что бѣда поразила только ее, не задѣвъ другихъ даже краешкомъ. Какой-то ужасъ сжималъ ей сердце, когда она слышала около себя взрывъ хохота и видѣла веселыя лица. Съ ней заговаривали, она отвѣчала и смѣялась. Кажется, въ ней дѣйствовалъ тутъ больше инстинктъ, чѣмъ разсудокъ. Иначе, откуда взяла бы она это умѣнье говорить, и въ то же время не понимать, что̀ она говоритъ.

За ужиномъ Грубецкой разсказывалъ ей про Падалку и между прочимъ, что старуха носитъ въ девяносто лѣтъ привязные волосы и на ночь вынимаетъ изо рту зубы; что она ихъ, будто бы, даже разъ, ѣхавши дорогой, потеряла въ кибиткѣ...

„Какіе это все пустяки! думала Анна. Вставные зубы! Ну, что тутъ интереснаго“. Ей вдругъ вспомнился крикъ Филиппа, когда братъ взялъ его за сюртукъ. Въ груди что-то жало и невыносимо давило ее. А Грубецкой все говоритъ. Она остановила на немъ тусклый, рѣшительно ничего не выражающій взглядъ и дѣлала видъ, что слушаетъ. Въ ушахъ звенѣли слова, какіе-то отрывки фразъ, наконецъ, звуки, смысла которыхъ она не понимала. Лицо Грубецкаго принимало видъ какой-то безконечности. Гости за столомъ то пропадали въ туманѣ, то казались задернутыми тонкою кисеей. Она встала изъ-за ужина пошатываясь, и немалыхъ усилій стоило ей придти въ сестрину комнату. Но и тутъ она не успѣла ни на чемъ сосредо-

точиться. Мысли разбѣгались и расходились, какъ круги на водѣ. Только мелькнетъ какое-нибудь ясное сознаніе и сейчасъ же расплывается, все туманнѣе, неопредѣленнѣе, все дальше и, главное, что̀ особенно мучительно, она не можетъ уже вспомнить, о чемъ она сейчасъ думала. Она находилась въ положеніи человѣка, который напрасно усиливается припомнить видѣнный имъ сонъ. Вотъ что-то такое... какъ будто похожее... Нѣтъ, это не то! Вспомнила, наконецъ! Въ одну секунду весь сонъ воскресъ и въ одну же секунду пропалъ опять! Все забыто и больше ужъ не вспомнится.

Глухо слышатся изъ залы чьи-то голоса. Гости уходятъ, прощаются. Въ передней хлопаютъ двери. Въ корридорѣ заскрипѣли сапоги. Это баринъ идетъ къ себѣ въ кабинетъ. Прислуга собираетъ остатки ужина и придвигаетъ къ стѣнѣ столъ. Вездѣ тухнутъ огни. Все засыпаетъ. На часахъ пробило два.

Анна приподнялась на диванѣ, откинула назадъ свои длинные волосы и обвела спальню какимъ-то напряженнымъ взглядомъ. Съ ночного столика моргаетъ ей красный глазъ лилипутки; сестра тяжело сопитъ; отъ печки пышетъ жаромъ. Анна сбросила съ плечъ одѣяло, закинула голову на подушки и долго оставалась въ такомъ положеніи. Слушала, какъ бьетъ три часа, потомъ четыре, наконецъ пять. Тутъ дремота незамѣтно овладѣла ею и перешла въ тяжелый, болѣзненный сонъ.

А Борисъ въ это самое время странствовалъ по опустѣлымъ городскимъ улицамъ. Измѣряя своими исполинскими шагами длину одного переулка, онъ, не задумываясь, переходилъ въ другой, потомъ въ третій, оставилъ за

собою площади, набережную, губернаторскій садъ, пока не вышелъ, наконецъ, за черту города.

По небу низко ходили облака. Подъ ногами таялъ вчерашній снѣгъ и земля казалась бурою. Въ одномъ мѣстѣ лежали бѣлыя массы, въ другомъ — выдавалась темная кочка и рядомъ съ ней лужа. Направо тянулось полотно желѣзной дороги съ насыпями, изрытыми водяными стоками; налѣво овраги съ обрывами, обвалами, съ своими долинами, ущельями и съ лачужками гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ. Жили въ этихъ оврагахъ огородники и вообще тотъ жалкій людъ, который утромъ толчется на базарѣ, встаетъ съ восходомъ солнца и ложится вмѣстѣ съ пѣтухами. Въ десять часовъ все уже было глухо и мертво. Изъ котловины поднималась сырая мгла; гдѣ-то въ самой глубинѣ заливалась собака. По насыпи съ глухимъ грохотомъ пролетѣлъ поѣздъ. Борисъ вскарабкался по откосу на рельсы и зашагалъ по шпаламъ. Внизу было тихо, но тутъ, на открытомъ мѣстѣ, свисталъ вѣтеръ и относилъ ему въ лицо цѣлые клубы дыма отъ улетѣвшаго локомотива. Облака сердито неслись у него надъ головой.

Первый разъ въ жизни онъ понялъ, что́ значитъ быть женатымъ. О себѣ онъ не помнилъ, но милое ему личико, съ дерзкими свѣтлыми глазами, не выходило у него изъ головы ни на одну секунду. Онъ думалъ о ней постоянно, думалъ до сумасшествія, забывая, гдѣ онъ и зачѣмъ онъ сюда попалъ.

Насыпь опустилась и врѣзалась въ гору. По бокамъ поднимались земляныя стѣны, а наверху потянулся мелкій кустарникъ. Мракомъ и сыростью дышало изъ этого перелѣска. Борисъ съ какимъ-то ожесточеніемъ влѣзалъ опять

наверхъ. Онъ не замѣчалъ, что отошелъ отъ дому уже на семь верстъ.

На слѣдующее утро Анна получила письмо; рука незнакомая. Распечатала: отъ Филиппа!

Что́ такое? О чемъ онъ можетъ писать ей. Послѣ вчерашней сцены—это дерзость. Она хотѣла бросить записку; ее удержало только присутствіе Балкашина, который не спускалъ съ нея глазъ. Слѣдовало прочитать, чтобы не подать повода о чемъ-нибудь догадываться.

Письмо было длинное. Написано именно въ томъ духѣ, въ какомъ должны писать банковые чиновники: гладко, послѣдовательно и благоразумно. Видно, что каждая фраза была обдумана, разобрана по частямъ и потомъ снова собрана. Всѣ знаки препинанія на мѣстѣ, точно листъ только-что вышелъ отъ корректора. Все наполнено извиненіями, объясненіями и покорнѣйшими просьбами. Филиппъ и извинялся такъ, какъ извиняются передъ человѣкомъ, которому наступили на мозоль. Кончалось все приглашеніемъ вернуться въ ихъ общій домъ и зажить по прежнему. Анну это взорвало.

— Позвольте мнѣ листокъ бумаги, обратилась она къ Балкашину, все время смотрѣвшему на нее съ видомъ праздная любопытства. Тотъ пригласилъ ее къ себѣ въ кабинетъ.

— Кому это? поинтересовался онъ, когда она взялась за перо.

— Одному хорошему знакомому.

Она тутъ же, въ одно мгновеніе, написала отвѣтъ. Онъ былъ не длиненъ.

„Ваше письмо я считаю за бредъ сумасшедшаго. Не только такой наглости, но даже искренняго раскаянія я бы отъ васъ не приняла. Еслибы вы на колѣняхъ пришли просить у меня прощенія, то и тогда я оттолкнула бы васъ. Есть вещи, которыя никогда не прощаются".

„Ну, теперь ты не посмѣешь обратиться ко мнѣ еще разъ", порѣшила она, запечатывая конвертъ.

Но только-что подали завтракъ, какъ Анну опять вызвали. Она сдѣлала видъ, что это ей надоѣдаетъ и какъ бы нехотя вышла изъ столовой.

Ее встрѣтила Саша, вся раскраснѣвшаяся отъ мороза и отъ волненія. Она прерывающимся голосомъ пыталась объяснить, что случилось что-то такое необыкновенное. Но дальше первыхъ словъ дѣло не шло.

— Поѣдемъ со мной! твердила Саша:—ты послѣ увидишь сама!

— Да отчего же послѣ? Въ чемъ дѣло?

— Вотъ видишь ли... Впрочемъ, нѣтъ, нельзя. Безъ тебя этого никакъ нельзя. Пожалуйста, Анна... я тебя прошу! (Она брала ее за руку съ умоляющимъ видомъ).

— Да умеръ тамъ, что́ ли, кто-нибудь или заболѣлъ? Или домъ обрушился? Можно, я думаю, сказать одно слово!

— Да нѣтъ, это все не то... Я... Ты Анна сама не понимаешь!.. Я говорю: поѣдемъ.

Чѣмъ дальше подвигалась эта бесѣда, тѣмъ больше было недоразумѣній и недомолвокъ. Отъ Саши положительно нельзя было добиться толку. Наконецъ, Анна рѣшилась ѣхать съ ней.

Еще нѣсколько секундъ, и они остановились у воротъ

знакомаго дома. Анна смѣло взялась за калитку и отворила ее. Саша сказала, что она „сейчасъ“, и куда-то исчезла. Едва сдѣлала Анна нѣсколько шаговъ, какъ увидала Филиппа. Въ одну секунду ей стало все ясно. Это была ловушка, западня. Ее заманили для того, чтобы еще разъ столкнуть съ этимъ человѣкомъ. Вся кровь отлила у нея отъ лица, зубы дрогнули, а въ глазахъ что-то загорѣлось. Но не успѣла она опомниться, какъ Филиппъ упалъ передъ ней на колѣни. Онъ цѣловалъ край ея платья и, захлебываясь, говорилъ что-то такое совсѣмъ безсвязное. Она отскочила отъ него, какъ отъ какой-нибудь гадины и, пораженная этой выходкой, молча смотрѣла на него. Онъ медленно, какъ бы съ трудомъ приподнялся съ земли и остановилъ на ней свои, покраснѣвшія отъ безсонницы, глаза.

— Вотъ, вы хотѣли видѣть меня у ногъ своихъ; ваше желаніе исполнилось.

— Я этого никогда не хотѣла. Откуда вы взяли?

— Нѣтъ, вы этого требовали. Я знаю, вы гордая женщина. Вы должны теперь смѣшать меня съ грязью. Ну, что-жъ, смѣшайте! я этого заслужилъ. За одну минуту бѣшенства я поплатился цѣлымъ адомъ такихъ страданій, какихъ...

Онъ вдругъ замолчалъ, точно подавился.

— Чего вы хотите отъ меня? Для чего вы заманили меня сюда?

— Я пришелъ молить прощенія за вчерашнее. Какъ приказано, на колѣняхъ!

Съ этими словами онъ готовился опять привести свое

намѣреніе въ исполненіе, но она остановила его однимъ жестомъ.

— Постойте! О чемъ вы хлопочете. Положимъ даже, что я могу забыть эту обиду... мой мужъ никогда не забудетъ ее. Хотя онъ и швырнулъ вамъ въ лицо пепельницу, или что-то такое, я не знаю, но все же онъ считаетъ оскорбленнымъ себя, а не васъ!

— Борисъ! Я его уважаю... за вчерашнее. Да! Если бы онъ не сдѣлалъ этого, я сталъ бы его презирать. Когда я въ изступленіи говорилъ про васъ такія безумныя слова, онъ долженъ былъ... Онъ могъ убить меня, и былъ бы правъ. Да, кто не заступается за честь своей жены, тотъ мерзавецъ, и больше ничего. Онъ заступился — и я его уважаю. Но ты, Анна! я люблю тебя, какъ братъ, какъ другъ. Я боготворю тебя! Дай же мнѣ загладить свою вину. Скажи его, это святое слово прощенія. Неужели же я весь вѣкъ долженъ оставаться, въ глазахъ твоихъ, подлецомъ?

Онъ подступалъ къ ней все ближе и ближе, она отступала назадъ. Онъ былъ ей гадокъ по прежнему. Но какъ не простить ему? Имѣетъ ли она, наконецъ, право не прощать? Мучительное сомнѣніе закралось къ ней въ душу. Она не могла устоять противъ такой мольбы.

Вотъ тутъ-то въ полномъ блескѣ проявила она свою безхарактерность. Она простила и простила глупо, сама не сознавая, какъ и за что, и чувствуя, что этотъ человѣкъ ей все-таки гадокъ. Въ братскую привязанность его она, конечно, не вѣрила, но устоять противъ мольбы не умѣла.

Къ вечеру Анна Игнатьевна вернулась домой. Борисъ не приходилъ и никто не видалъ его въ тотъ день.

VI.

Вторникъ—день визитовъ Черника. Онъ съ утра объѣзжаетъ весь городъ, какъ докторъ пацiентовъ. Онъ поставляетъ непремѣнною обязанностью быть у всѣхъ, какъ бы для того, чтобы заявить о своемъ существованiи.

У предводителя онъ былъ принятъ Рашелью.

Глубоко сосредоточенная и непроницаемая, она, не спѣша, протянула ему руку.

— Какъ поживаете? спрашивалъ Черникъ, безцеремонно усаживаясь противъ хозяйки.

Рашель вдругъ вспыхнула. Она замѣтила должно быть въ его тонѣ что-то черезчуръ свободное и взглядомъ намекнула, что это ей не совсѣмъ нравится. Но онъ понималъ ее лучше. Онъ давно уже, невѣдомо для нея самой и помимо ея воли, угадалъ ее. Какъ-то въ одинъ изъ вечеровъ онъ поймалъ нѣсколько словъ, нѣсколько полувзглядовъ и по этимъ признакамъ, не колеблясь, записалъ ее въ разрядъ тѣхъ женщинъ, съ которыми дерзость нужнѣе мягкости. Неопытный новичекъ не посмѣлъ бы и подступиться къ Рашели, такъ она была великолѣпна; даже люди, болѣе или менѣе искусившiеся, смотрѣли на нее, какъ на статую, съ которой взятки гладки. Въ глазахъ свѣта, это была неприступная крѣпость. Въ городѣ только и говорили про то, что она мѣтитъ, по меньшей мѣрѣ, за камеръ-юнкера, что въ душѣ ея застыли всѣ чувства, кромѣ гордости и надменности. Но Черникъ, благодаря многолѣтней опытности, менѣе всего унывалъ передъ женщинами такого сорта. Онъ почему-то примѣнялъ къ нимъ

пословицу о тихомъ омутѣ, и почти всегда разсчитывалъ на побѣду. Сразу, впрочемъ, онъ не рисковалъ и сначала держался осторожно; не дѣлалъ никакихъ авансовъ и вѣжливымъ невниманіемъ раздражалъ красавицу до послѣдней степени. Онъ раздражалъ ее систематически, послѣдовательно, и затѣмъ наблюдалъ. Одинъ неосторожный взглядъ, одно горячее слово—и неприступное божество не существовало: оно было въ его рукахъ и онъ больше не церемонился.

Именно такая исторія случилась и съ Рашелью. Увидѣвъ ея классическій профиль и царственную походку, онъ сразу заявилъ себя невѣрующимъ. Рашель, неумолимая въ обществѣ, наединѣ оказалась гораздо сговорчивѣе. Правда, между ними не было еще никакихъ намековъ, она думала начать исторію издалека, но въ томъ-то и бѣда, что она не знала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ ее видѣлъ насквозь, а она хотѣла заинтересовать его именно своею загадочностью. Вышло маленькое недоразумѣніе. Рашель замѣчала, что между ними уже является нѣкоторая интимность, которой она вовсе еще не желала такъ скоро. Она хотѣла поиграть съ нимъ, а вышло, что играетъ ею онъ.

Она невольно опустила свои надменные взоры передъ сѣрыми глазами Андрея Михайловича.

— Вы нынче какъ-будто блѣдны, замѣтилъ онъ вскользь. Это была пустая фраза, но она слышала уже въ ней какой-то скрытый намекъ.

— А знаете, продолжалъ онъ совершенно неожиданно: — у меня есть до васъ нескромная просьба. Въ числѣ вашихъ поклонниковъ есть одинъ господинъ, котораго мнѣ очень хотѣлось бы обратить на путь истинный, а это положительно въ вашихъ рукахъ.

Рашель сильно заинтересовалась.

— Кто такое?

— Г. Боборыковъ.

— Право, я не знала, что онъ мой поклонникъ.

— Не притворяйтесь, замѣтилъ онъ невозмутимо.—Вы это отлично знаете. Не могли вы этого не видѣть, когда это видятъ даже посторонніе, а въ числѣ ихъ вашъ покорнѣйшій слуга. Когда это свѣтило начинаетъ улыбаться въ вашемъ присутствіи, я всегда говорю себѣ: о, любовь—это ты! Со временемъ, впрочемъ, отчего бы вамъ и не... Но не въ томъ дѣло. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы Боборыковъ принялъ участіе въ публичномъ чтеніи, которое я предполагалъ устроить. Понимаете, чтобы онъ подарилъ намъ свое сочувствіе.

— Я не понимаю, чего вы отъ меня хотите. Какъ же могу я ему приказывать.

— А сила-то женской красоты? Мнѣ ли учить васъ этому. Не будьте же наивной. Или вотъ что: чтобы не стѣснять васъ, я прошу у васъ только одного:—позволенія воспользоваться вашимъ именемъ. Позвольте употребить его во зло. Я скажу г. Боборыкову, что лекціи эти устроиваются по вашему желанію... Вѣдь вы имъ сочувствуете? не правда-ли?

Она молча кивнула головой.

— И прекрасно! Значитъ, я ему только заявлю объ этомъ. Потомъ, если позволите, я прибавлю, что вы желали бы также, чтобъ и онъ участвовалъ.

— Да я вовсе этого не желаю! объявила Рашель.

— Никто объ этомъ и не споритъ. Но вѣдь это маленькая свѣтская ложь. Ужъ если вы, Лидія Геннадіевна,

подарили мнѣ свое личное сочувствіе, то, конечно позволите иногда злоупотребить вашимъ именемъ... на пользу общую.

Онъ нѣжно пожалъ ей руку, она сдѣлалась опять вся малиновая и глаза ея заискрились отъ досады на себя за то, что не умѣетъ возразить этому человѣку, не умѣетъ ни въ чемъ отказать ему.

Отъ предводителя Черникъ отправился къ губернатору и остался тамъ обѣдать. Генералъ озабоченъ. Наканунѣ заболѣла у него Нелька, да, кромѣ того, жена прокутила 50 рублей. А онъ отказывалъ себѣ во всемъ. Онъ все лѣто проходилъ въ темномъ пиджакѣ и бѣлаго пикетоваго казакина не надѣвалъ единственно потому, что его пришлось бы часто мыть.

— Вотъ посмотрите, дѣлилъ онъ съ гостемъ свои печали:—какъ моя Елена Павловна безобразничаетъ. Разъ въ клубъ съѣздила, на дамскій вечеръ—50 рублей! Вѣдь это на ассигнаціи-то двѣсти. Двѣсти рублей въ одинъ день! Ну, и не стдитъ ихъ за это въ долговое отдѣленіе посадить?! Я за нее платить не стану. Сказалъ, что не стану—и не буду. Пусть дѣлается съ лавочниками, какъ знаетъ.

— Я развода потребую, шутила Лили.

— Развода?! Въ монастырь не хочешь ли. Вотъ тебѣ и разводъ!

— А вы Нелькѣ вчера давали лекарство? вдругъ строго спрашиваетъ Лили.

— Да что, этотъ докторъ ничего не смыслитъ. Надо обратиться къ другому.

— Пожалуйста, не разсуждайте; дѣлайте, что онъ прописалъ. Рябчика нынче заказали ей?

Кукушъ вдругъ становится грустенъ.

— Ты, мой другъ, этимъ шутишь. Рябчика! Они шесть гривенъ пара.

— Да хоть бы 60 рублей! Что, вы уморить хотите мою собаку! Вотъ, Андрей Михайловичъ, сами видите, каково съ мужьями ладить.

Лили позвонила и явившемуся лакею приказала сейчасъ же, немедленно послать купить и зажарить ея Нелькѣ рябчика.

Генералъ сталъ ныть и жаловаться. Черникъ слегка трунилъ, но не надъ нимъ, а надъ его женой. Лили отшучивалась, увѣряла, что она свою Нельку послѣ мужа любитъ больше всего на свѣтѣ; конечно нечаянно, она спустила съ плечъ свою накидку и тонкая талія обрисовалась еще рельефнѣе изъ-подъ накинутой небрежно кофточки. А тамъ вдругъ локонъ набѣгалъ ей на уши, и она граціозно отбрасывала его назадъ. Въ ней было такъ много живости, подвижности, точно она чувствовала въ себѣ избытокъ жизни и не знала, куда ее дѣвать.

Послѣ исторіи съ рябчикомъ генералъ совсѣмъ пришелъ въ уныніе и встрепенулся только тогда, когда вспомнилъ другую исторію, еще болѣе ужасную.

— Да! Каково! этотъ мерзавецъ-то! Что я съ нимъ буду дѣлать?

Черникъ сейчасъ понялъ, о комъ идетъ рѣчь.

— Если вы говорите, генералъ, о Лёвкѣ Трезвовѣ, то мой совѣтъ одинъ: удалите его съ завода.

— Какъ удалить? Вы мнѣ сами двадцать разъ говорили, что этого дѣла такъ оставлять не слѣдуетъ. Я и не оставлю. Велю его забрать въ полицію—и баста. Безъ вся-

кихъ тонкостей. Въ арестантскія роты его, каналью! Забудетъ проповѣдывать.

Черникъ, казалось, больше былъ занятъ своею чашкой кофе, чѣмъ волненіемъ губернатора.

— Этотъ способъ былъ бы, конечно, лучшій, началъ онъ.— Арестовать его—самое короткое и самое вѣрное средство. Но имѣемъ-ли мы право, есть ли у насъ основаніе арестовать его? вотъ въ чемъ вопросъ, генералъ. Я, конечно, не юристъ, но...

— Не юристъ, не юристъ! И я не юристъ. Но вы знаете ли, милостивый государь, что я обязанъ наблюдать за порядкомъ въ губерніи. Такъ что если вы, положимъ, захотѣли выбить у меня стекла...

— Если я ихъ выбилъ—да. Но если я только пожелалъ этого, самый актъ моего желанія наказанъ быть не можетъ.

— Какъ! вы говорите: пойду у губернатора стекла бить!... и васъ за это полиція не имѣетъ права засадить?

— Несомнѣнно имѣетъ, но тогда нужно, чтобъ я ясно формулировалъ свое желаніе. Но я, положимъ, только намекаю, что вотъ, господа, желаю отличиться на полѣ брани и на полѣ чести, и при этомъ подразумѣваю, что пойду бить стекла. Вы, зная мой буйный нравъ, можете догадываться объ этомъ, но предать меня въ руки полиціи не можете, потому что я прямо и опредѣленно не сказалъ, куда я иду. Можетъ быть, я иду совершать гражданскій подвигъ. Никто мнѣ противнаго не докажетъ. Я это говорю собственно въ приложеніи къ Лёвкѣ. Онъ именно идетъ бить окна, и даже намекаетъ на это, но не настолько ясно, чтобы его можно было уличить. Замѣтьте, генералъ, онъ

до сихъ поръ ничего предосудительнаго и противузаконнаго не дѣлалъ. Онъ близокъ къ этому, да, но до сихъ поръ чистъ, какъ хрусталь.

Губернаторъ краснѣлъ, краснѣлъ и, наконецъ, запылалъ какъ самое яркое зарево.

— Что́ вы мнѣ разсказываете! Я велю его арестовать —и баста! Онъ дикія идеи проповѣдуетъ!

— Совершенно вѣрно, генералъ. Но замѣтьте, какъ онъ ихъ проповѣдуетъ: съ глазу на глазъ, наединѣ. Если вы поступите такъ рѣшительно, не возстановите ли противъ себя общественное мнѣніе?

Черникъ не даромъ употребилъ это слово. Онъ разсчитывалъ на него, какъ на каменную гору, и разсчеты оказались вѣрны. Генералъ боялся общественнаго мнѣнія больше всего на свѣтѣ. Онъ представлялъ его себѣ въ видѣ какого-то чудовища, можетъ быть, въ родѣ змѣя о двѣнадцати головахъ. Извѣстно, что люди ничего такъ не пугаются, какъ того, что́ имъ представляется смутно. Кукушъ никогда не могъ хорошенько уяснить себѣ, что̀ такое общественное мнѣніе? есть ли это дѣйствительно что-нибудь ужасное или такъ только, одинъ призракъ, игра воображенія.

Что, если въ самомъ дѣлѣ онъ своимъ неблагоразумнымъ поступкомъ разсердитъ общественное мнѣніе? что будетъ тогда? Ему представлялось уже, что вся Россія встаетъ и обращается къ нему съ запросами: „а почему вы это сдѣлали, милостивый государь“?

— Такъ подождемъ, сказалъ, наконецъ, генералъ.— Подождемъ! Пусть онъ себя заявитъ. Тогда мы его и прикросмъ. А до тѣхъ поръ не будемъ его трогать.

„Чувствуешь ли ты, Лёвка ,какую облаву на тебя готовитъ его превосходительство?“ подумалъ Черникъ, и вслухъ прибавилъ:

— Я съ своей стороны, вы знаете, всегда предлагалъ эту мѣру; но дѣло въ томъ, что многіе дѣйствительно начинаютъ побаиваться какой-нибудь исторіи на заводѣ. Чтобы предупредить это и, главное, чтобы успокоить всѣхъ, надо просто удалить Лёвку. Иначе скажутъ, что вы потворствуете ему, что вы допускаете безпорядки.

— Я потворствую? я? этому мерзавцу?

Губернаторъ сдѣлался опять весь пунцовый. Несмотря на его худощавое сложеніе, можно было подумать, что параличъ стоитъ гдѣ-нибудь тутъ, по близости.

— Вы знаете, генералъ, продолжалъ Черникъ:—люди всегда такъ склонны осуждать другихъ. Никто не хочетъ понять, что управлять губерніей не то, что, напримѣръ, играть въ преферансъ или ходить дремать въ управу. Мы не хотимъ видѣть, насколько это дѣло трудно и щекотливо. Намъ все кажется, что если въ уѣздѣ кто-нибудь чихнулъ, начальникъ губерніи долженъ это знать.

Тутъ начался очень тонкій панегирикъ губернатору, послѣ котораго тотъ почувствовалъ въ груди пріятное щекотаніе.

Лили, уходившая къ больной Нелькѣ, вернулась и приказала мужу принести изъ кабинета лекарства. Тотъ, конечно, заупрямился. У него на плечахъ лежала цѣлая губернія, а тутъ вдругъ такіе пустяки... Лили взволновалась и стала укорять его.

— Вы не имѣете состраданія къ бѣдному животному. Если бы вы стали умирать, надѣюсь, никто не бросилъ бы

васъ безъ призору. Жалкая, милая собака! Если бы вы видѣли, какіе у нея кроткіе, умоляющіе глаза! обратилась она уже къ Чернику.

И на глазахъ самой Лили задрожали слезы. Генералъ растрогался и пошелъ въ кабинетъ за лекарствомъ.

Лили опустилась на стулъ. Отъ горя она не замѣчала, что сидитъ очень близко къ Чернику.

— Не понимаю, отчего это сдѣлалось! говорила она, вытирая платкомъ катившуюся слезу.—Третьяго дня я водила ее гулять; но вѣдь я дѣлала это и прежде. Неужели она простудилась? Какъ вы думаете, можетъ собака простудиться?

Но онъ ничего не думалъ. Онъ только насмѣшливонѣжно смотрѣлъ на нее.

— Какое вы еще дитя! вымолвилъ онъ, наконецъ, въ видѣ утѣшенья.

— Да, смѣйтесь. А мнѣ право не до смѣху. Это единственное существо на свѣтѣ, которое любило меня такъ, какъ бы я хотѣла, чтобы меня любили. Вонъ мужъ ко мнѣ и привязанъ, да что въ этомъ: все-таки онъ себя любитъ больше, чѣмъ меня. А ужъ для Нельки я дѣйствительно была дороже всего на свѣтѣ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ хотѣли бы собачьей привязанности?

Лили вдругъ встрепенулась.

— Ничего я не хочу. Не приставайте ко мнѣ, пожалуйста.

— Ого! какъ строго. Только я имѣю несчастную привычку не бояться женщинъ. Когда онѣ сердятся, мнѣ просто кажется, что онѣ кокетничаютъ.

— Это оттого, что вы еще не женились и не знаете, что значитъ, когда жена надуется.

— Я и не женюсь никогда.

— Это почему?

— Потому что я люблю поэзію, а то будетъ проза. Вотъ теперь, я сижу рядомъ съ вами — поэзія! А представьте себѣ, что вы моя жена—проза!

— Это, однако, мило съ вашей стороны говорить такія вещи.

— Отчего же не быть иногда откровеннымъ. Вы сами этого хотѣли. Впрочемъ, я долженъ попросить васъ, чтобы полной откровенности вы отъ меня никогда не требовали.

Она немножко приподняла глаза и взглянула на него изъ-подъ своихъ длинныхъ рѣсницъ.

— Это невозможно, продолжалъ онъ, вдругъ дѣлаясь серьёзнымъ.—Вамъ интересно знать причину. Подумайте; можетъ быть, вы угадаете ее.

— Ахъ, нѣтъ, ради Бога нѣтъ, испугалась Лили.— Не говорите мнѣ ничего такого... Je vous assure, monsieur... je vaux mieux que ma renommée. Про насъ съ вами и такъ Богъ знаетъ что разсказываютъ. Я, конечно, смѣюсь надъ этимъ, но все же... это меня злитъ. Мы будемъ друзьями? да, не правда-ли?

Она протянула ему свою руку и очутилась какъ-то еще ближе. Какъ другу, конечно, она могла ему довѣряться. Какъ онъ принялъ это, трудно было разобрать. Но, взглянувши на него, посторонній наблюдатель сказалъ бы, что съ этимъ человѣкомъ шутить не слѣдуетъ. Что-то фальшивое, загадочное свѣтилось въ его глазахъ. Странная складочка обрисовалась на лбу, а на лицѣ мелькнуло вы-

раженіе глубочайшаго презрѣнія. Но выраженіе это исчезло такъ быстро, что трудно было опредѣлительно сказать, было ли это именно презрѣніе, а не что-нибудь другое. Лили ничего не видала. Она не поднимала своихъ рѣсницъ и продолжала уже въ шутливомъ тонѣ:

— У насъ, право, такъ странно на это смотрятъ; какъ будто нельзя ни съ кѣмъ сойтись, не измѣняя своему мужу. Онъ меня одѣваетъ, обуваетъ — и вдругъ я его на кого-нибудь промѣняю!.. Я вамъ скажу откровенно: я мужское общество люблю болѣе, чѣмъ женское; но что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Мнѣ съ вами быть очень пріятно, но, надѣюсь, ни вы, ни я, мы не думаемъ о любви. Развѣ нельзя болтать, смѣяться потому только, что намъ весело... Меня ужасно злятъ эти сплетни.

— Почемъ знать! а можетъ быть, я дѣйствительно люблю васъ! выговорилъ онъ довольно рѣзко, глядя на нее въ упоръ.

Лили такъ растерялась, что боялась посмотрѣть на него, боялась пошевельнуться.

— Я не просила этого признанія, выговорила она чуть слышно.—Это дерзость съ вашей стороны.

— Дерзость? Вы находите? Хорошо. Положимъ, что я этого не говорилъ. Я забываю, что женщинъ надо только уважать. Любить ихъ нельзя. Я беру свои слова назадъ. Вы согласны забыть ихъ, Елена Павловна?

Она молчала и нервно мяла свою золотую цѣпочку, пока не оборвала ее. Она чувствовала на себѣ взглядъ его сѣрыхъ глазъ. Онъ безжалостно мучилъ ее и не хотѣлъ дать ей оправиться.

— Андрей Михайловичъ, вы должны понимать, что я все-таки... Я не ожидала отъ васъ... Это ужасно!

Слезы хлынули у нея изъ глазъ. Она быстро закрыла ихъ руками.

Онъ заслышалъ шаги генерала и всталъ, чтобы закурить папиросу.

— Помните только одно, выговорилъ онъ второпяхъ и вполголоса:—есть пословица: что̀ пройдетъ, то будетъ мило. Завтра ужъ это вамъ не будетъ казаться такъ страшно. Надѣюсь, что я найду васъ тогда утѣшенной и... смягченной! прибавилъ онъ почти шопотомъ.

Затѣмъ весь углубился въ зажиганіе своей папиросы. Спичка не слушалась его.

Вошелъ генералъ съ рецептомъ и пузырькомъ въ рукахъ.

— Смотри-ка, Лелечка... Никакъ ты плачешь? Ну ужъ это глупо, матушка. Извини, рѣшительно глупо. Во-первыхъ, Нелька совсѣмъ не такъ опасна. А во-вторыхъ, все-таки же это собака. О собакѣ плакать... Это даже неблагоразумно.

— Отстаньте, пожалуйста! Для васъ все равно, хоть весь свѣтъ умри, а для меня она дорога.

— Ну, вѣдь рябчика ей купили. И за докторомъ пошлю сегодня. Что-жъ тебѣ еще. Не Захарьина же, въ самомъ дѣлѣ, изъ Москвы выписывать.

— Я могу вамъ порекомендовать, генералъ, одного знакомаго мнѣ медика, предложилъ Черникъ. — У него страсть къ животнымъ и онъ ихъ отлично лечитъ. И беретъ не дорого, добавилъ онъ, въ видѣ утѣшенія.

Генералъ обрадовался и пожелалъ узнать адресъ.

Лили смотрѣла сквозь слезы на своего мужа и думала:

— Право, я не хотѣла тебя обманывать; даю тебѣ слово, что нѣтъ. Я сейчасъ даже только-что говорила объ этомъ. Но онъ такъ удачно выбралъ минуту; я была разстроена. Я не съумѣла оборвать его сразу... а теперь ужъ поздно. Да, теперь онъ больше не уважаетъ меня.

Лили забыла, что исторія ихъ любви тянулась издалека; что это была любовь безъ признанія, но со свиданіями, съ намеками — словомъ, со всею обстановкой, и если онъ имѣлъ причины не уважать ее, то онъ могъ сдѣлать это давно, тогда еще, когда бралъ у Богдана Ивановича ключъ отъ фабричной калитки. Конечно, Лили приходила тогда смотрѣть фабрику, но если сообразить все хорошенько, то, можетъ быть, покажется, что она оставалась слишкомъ долго, что она слишкомъ много вниманія подарила этимъ, для нея рѣшительно неинтереснымъ, заводамъ.

Она завлекала другого и увлеклась сама, но до сихъ поръ никакъ не думала измѣнять мужу, который ее поитъ, кормитъ и одѣваетъ. Нынѣшній день рѣшилъ все. Ужъ, конечно, Черникъ повторитъ свое признаніе, и тогда... придется или прекратить съ нимъ всякое знакомство (этого Лили не хотѣла), или слушать его благосклонно (этого она и подавно не хотѣла). Надо было, однако, выбрать одно изъ двухъ, и Лили порѣшила, что она подумаетъ объ этомъ послѣ... когда выздоровѣетъ Нелька.

Часу въ двѣнадцатомъ Черникъ вернулся домой, гдѣ его ждалъ Богданъ Ивановичъ. Бывшій смотритель еремѣевскихъ заводовъ сидѣлъ передъ бутылкой вина. Онъ пилъ

его не спѣша и закусывалъ пеклеваннымъ хлѣбомъ. Сюртукъ былъ растегнутъ, должно быть, отъ избытка чувствъ, которыхъ Богданъ Ивановичъ никогда иначе не высказывалъ. Желтовато-рыжіе баки его обвисли на щекахъ, но въ глазахъ отражалось чувство собственнаго достоинства и полное равнодушіе ко всему, что́ только существуетъ на свѣтѣ.

Андрей Михайловичъ посмотрѣлъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ на пеклеванный хлѣбъ, потомъ на своего собесѣдника и кончилъ тѣмъ, что самъ выпилъ стаканъ пива. Оба помолчали минутъ десять и одинъ другому не мѣшали.

— Могу тебя поздравить, началъ Черникъ.—Ты *почти* выбранъ.

— Умная, значитъ, старуха.

— Не въ старухѣ тутъ дѣло. Она тебя никогда не видала. Но я тебя такъ отрекомендовалъ, что теперь ужъ начинаю опасаться. Хорошо, если ты оправдаешь хоть пятую часть моихъ рекомендацій! ну, а если ей не понравятся твои баки?

— Ну, тогда я обрѣюсь.

Черникъ посмотрѣлъ на него искоса, какъ бы для того, чтобы удостовѣриться, каковъ онъ будетъ бритый.

— Не думаю, чтобы твоя представительность отъ этого много выиграла. Ну, да все равно, ты постарайся ей понравиться такъ, хоть солидностью, что́ ли, своею.

— Постараюсь, угрюмо вымолвилъ Богданъ Иванычъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ: она никакъ не можетъ помириться съ мыслью, что у ней будетъ управляющій, котораго ей рекомендовалъ не Уваръ Иванычъ. А этотъ Уваръ Иванычъ просто старая, плѣшивая обезьяна. Я, бывало,

съ нимъ по вечерамъ въ пикетъ игралъ, вотъ онъ въ меня и увѣровалъ и прислалъ сюда къ своей бывшей „chère amie“. Хорошо, что я дѣйствительно кое-чему учился; но, вѣдь, это чисто случай. Я могъ и ничего не знать, кромѣ четырнадцати дамъ или четырнадцати королей, и все-таки пріѣхалъ бы сюда съ рекомендательнымъ письмомъ, въ званіи агронома-практика. Хочешь знать, однако, какъ я тебя ей представилъ?

— Я все хочу знать, выговорилъ Богданъ Иванычъ, но такимъ тономъ, что его никто не заподозрилъ бы въ любопытствѣ.

— Ирина Александровна, говорю, онъ молодой человѣкъ, кончилъ курсъ со мной вмѣстѣ; не особенно, говорю, красивъ, даже можно сказать, особенно некрасивъ, но...

— Это свинство! замѣтилъ Богданъ Иванычъ безъ малѣйшихъ признаковъ раздраженія.

— Но, говорю, обладаетъ многими добродѣтелями. Тутъ я описалъ твою нравственную красоту, представилъ тебя даже немножко классикомъ. Ты, кстати, этого не забудь; намекни ей этакъ на свои классическія наклонности. Скажи, что изучалъ Гомера въ оригиналѣ, и Державина весьма уважаешь. Коли она объ Уварѣ Иванычѣ заговоритъ, скажи, что слышалъ о немъ отъ меня, и что такіе люди, дескать, теперь переводятся...

— Это все прекрасно. Одного я только не слышу: какъ же ты меня представлялъ-то? Сказалъ, что я былъ смотрителемъ на заводѣ?

— Вотъ это-то и былъ самый затруднительный пунктъ. Съ какой стати, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, кончившій курсъ въ земледѣльческой академіи, поступаетъ смотрите-

лемъ на химическій заводъ, на тридцать рублей жалованья? Она, разумѣется, къ этому отнеслась подозрительно. Я ей разсказалъ, какъ ты былъ управляющимъ у Калачовыхъ, какъ ты потомъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, лишился этого мѣста, а затѣмъ... Мнѣ оставалось только убѣдить ее въ томъ, что человѣку нужно ѣсть, пить и во что-нибудь одѣваться; что всѣ эти потребности у тебя были и какъ ты ни пріучалъ себя къ діэтѣ, но окончательно пріучиться не могъ. Слѣдствіемъ этого было, говорю, что онъ принялъ первую попавшуюся ему должность и съ удовольствіемъ пошелъ бы не только на тридцать, на пятнадцать рублей.

— А жалованья сколько?

— Прежнему управляющему платили четыре съ чѣмъ-то тысячи. Тебѣ она столько не дастъ, объ этомъ нечего и толковать. Ну, да это пока, а тамъ посмотримъ. Рано или поздно, Ирина Александровна будетъ у меня въ рукахъ.

— Ой-ли? будто это такъ легко?

— Легкаго ничего на свѣтѣ нѣтъ. Легко только выпить стаканъ пива, да и то требуетъ нѣкоторой сноровки. Наши дѣла пошли бы вдвое скорѣе, еслибъ тутъ не эта барыня...

— Кто такой?

— Да вотъ Корсакова. Я отъ нея такой бойкости и не ожидалъ. Теперь я ее начинаю понимать. Это особа, съ которою надо всегда быть на стóрожѣ. Оно, съ одной стороны, конечно, пріятно, что у насъ есть умныя женщины, но, съ другой... я бы охотно простилъ ей даже глупость, лишь бы она не мѣшалась въ чужое дѣло. Не понимаю, съ какою цѣлью, но она возстановляетъ старуху

противъ меня. Каждый разъ, какъ Падалка усиливаетъ пріемы своей недовѣрчивости, я знаю, кому я этимъ обязанъ. Въ этой Корсаковой я положительно вижу какое-то казачество. Ну, повѣришь ли ты, что женщина очень красивая, очень изящная, вдругъ садится съ тобой повѣрять счеты какого-нибудь бурмистра Кузьмы. Говоритъ объ урожаѣ, какъ любой курскій или тамбовскій помѣщикъ.

— Ну, да вѣдь женщина! презрительно замѣтилъ Богданъ Иванычъ.

— Что изъ этого. Не будь ея, ты давно былъ бы у Падалки управляющимъ.

— Какъ это съ барыней не справиться, продолжалъ удивляться Богданъ Иванычъ. — Вѣдь это же твоя спеціальность. Распорядись!

— Думаю попробовать, улыбнулся Черникъ. — Во всякомъ случаѣ, ухаживанье, если даже и безуспѣшное, есть, все-таки, отвлекающее средство.

Тутъ Черникъ, до сихъ поръ ходившій по комнатѣ, сѣлъ на кресло и закурилъ сигару. Заискрился красный огонекъ и освѣтилъ однѣ черты его лица, оставляя въ тѣни другія. Въ глазахъ его, что́ случалось очень рѣдко, выражалась усталость. Рѣзкая тѣнь, ложившаяся на лобъ, дѣлала его какъ-то еще болѣе нависшимъ. Все лицо приняло выраженіе суровое и казалось старѣе обыкновеннаго.

Но что́ же за отношенія были у него съ бывшимъ смотрителемъ еремѣевскихъ заводовъ? Что вызывало его на откровенность? Единственно увѣренность въ томъ, что все сказанное этому человѣку умретъ вмѣстѣ съ нимъ. Однокурсникъ Черника, Богданъ Иванычъ, несмотря на свою видимую неотесанность и невозмутимость, былъ ему преданъ,

какъ самая вѣрная собака. Андрей Михайловичъ, къ удивленію своему, увидалъ, что тутъ всякое лицемѣріе было бы лишнимъ; что этотъ рыжій флегматикъ привязанъ къ нему такъ, какъ рѣдко привязывается самая любящая женщина. Трудно сказать, что̀ особенно цѣнилъ Богданъ Иванычъ въ своемъ другѣ; блестящія ли его способности, или желѣзную силу воли, или, наконецъ, самую его двойственность, лицемѣріе. Онъ не могъ не видѣть въ немъ человѣка съ самыми шаткими понятіями о нравственности, и все-таки уважалъ его глубоко. На глазахъ его, Андрей ставилъ ловушки своимъ ближнимъ, и ему это казалось достойнымъ всякаго удивленія. Андрей зналъ, что сто̀итъ только сказать ему: съѣзди, мой другъ, въ Гренландію; мнѣ нужно завести тамъ контору—другъ преравнодушно скажетъ: вздоръ все это, пустяки, однако сядетъ и поѣдетъ. Богданъ Иванычъ являлся на сцену вездѣ, гдѣ Черникъ дѣйствовать самому, отъ своего лица, было бы неудобно. Сколько покупокъ, сдѣлокъ и контрактовъ было заключено черезъ него! Поступая къ Падалкѣ въ управляющіе, онъ хотя и соблюдалъ свои интересы, но, главнымъ образомъ, являлся опять-таки какъ агентъ Андрея Михайловича, которому выгодно было не терять имѣнія изъ виду и посадить туда свою креатуру.

Что̀ имѣлъ въ виду самъ Черникъ, видно изъ письма, написаннаго имъ еще изъ Петербурга Богдану Иванычу—письма, которое, онъ зналъ, тотъ прочтетъ съ благоговѣніемъ.

„Ты хочешь знать, какая моя ближайшая цѣль? Прежде, чѣмъ отвѣчать на это, я сдѣлаю тебѣ, въ свою очередь, маленькій вопросъ. Замѣтилъ ты, какою повальною болѣзнью страдаетъ все человѣчество? Если не замѣтилъ,

я тебѣ скажу: глупостью. Этотъ ядъ всасывается въ нашу кровь съ младенчества и наука нашла относительно него только одно противоядіе—это знаніе. Но противоядіе найдено, а отрава продолжаетъ дѣйствовать—чѣмъ это объяснить? Я много думалъ надъ этимъ и порѣшилъ, что есть такіе тощіе желудки, которые никакого лекарства не принимаютъ. Ихъ надо прежде накормить и потомъ уже дѣлать надъ ними эксперименты.

„Все это, конечно, аллегорія. Постараюсь приложить ее теперь къ нашему русскому народу. Что ему нужно, прежде всего, чтобы излечить его отъ повальнаго скудоумія? Прежде всего знанія. Но если пословица говоритъ, что сытое брюхо къ ученью глухо, то голодное и подавно. Извѣстное дѣло, что когда мы проголодаемся, то у насъ не выходитъ изъ головы мысль, что вотъ не мѣшало бы чего-нибудь съѣсть. И чѣмъ дальше, тѣмъ усерднѣе мы думаемъ объ этомъ, пока, наконецъ, не удовлетворимъ своему желанію. И если мнѣ кто-нибудь за обѣдомъ положилъ на тарелку, вмѣсто жаркого, ветхій завѣтъ, я огорчусь и буду думать о жаркомъ. Этотъ простой силлогизмъ довелъ меня до того, что мнѣ стало совѣстно предлагать знаніе человѣку, невыспавшемуся и ненаѣвшемуся до-сыта.

„Въ извѣстныхъ отношеніяхъ я фаталистъ. Я вѣрю въ предопредѣленіе. Я вѣрю, что каждому человѣку свыше предопредѣлено подѣлиться своими свѣдѣніями съ тѣми, у кого ихъ нѣтъ. На мое воспитаніе затраченъ капиталъ. Я долженъ вернуть его съ процентами. Что дали университеты, академіи и лицеи тѣмъ, на чьи деньги они содержатся? Дали ли они дѣятелей, которые пошли бы подѣлиться съ народомъ тѣмъ, что всадили въ нихъ десять,

двѣнадцать лѣтъ ученья? Нѣтъ! Это называется взять взаймы безъ отдачи. По новѣйшимъ понятіямъ о нравственности, это вещь очень обыкновенная и нимало не предосудительная. Я человѣкъ безнравственный, и считаю это безчестнымъ.

„Знаніе — мой капиталъ. Моя спеціальность—льняное производство; я изучилъ его въ совершенствѣ и въ то же время вижу кругомъ себя людей, которые прядутъ ленъ, ткутъ его, сѣютъ и не имѣютъ понятія о томъ, что̀ они дѣлаютъ. Не моя ли прямая обязанность научить ихъ тому, что̀ я знаю самъ. Понимай это, пожалуйста, не въ иносказательномъ, а въ прямомъ смыслѣ. Я пришелъ къ тому убѣжденію, что машинная обработка льна несравненно выгоднѣе и успѣшнѣе ручной. Въ вашей губерніи и въ вашемъ уѣздѣ мужички прядутъ и ткутъ ленъ въ повалку. Что́ же они заработываютъ? А вотъ что: иная баба, сама того не замѣчая, ткетъ всю зиму себѣ въ убытокъ. Такъ какъ матеріалъ у нея свой собственный и время не купленное, то она и не можетъ вычислить хорошенько стоимости производства. Вышло, что она себя только утѣшала и ткала въ видѣ развлеченія, такъ какъ мы съ тобой читаемъ французскій романъ. И говорятъ еще послѣ этого, что у насъ машинное производство не всегда можетъ конкуррировать съ кустарною промышленностью! Но развѣ мы, цивилизаторы, научили мужика сѣять ленъ такъ, чтобы онъ не терялъ по негодности 80%? Развѣ мы показали ему, что́ надо дѣлать, чтобы десятина давала не 60 рублей, какъ у насъ, а 360, какъ въ Бельгіи? Нѣтъ, мы этого не сдѣлали. Что́ же? или у насъ нѣтъ людей? У меня полтораста человѣкъ знакомыхъ и изъ нихъ 140 не

знаютъ, куда дѣвать время, а девяносто жалуются на то, что нѣтъ широкой дѣятельности, негдѣ примѣнить своихъ силъ.

„Теперь ты спросишь меня, какими способами я думаю замѣнить ручную работу машинной? Заранѣе предвижу этотъ вопросъ и... краснѣю. Я не рѣшаюсь произнести слово, которое давно уже убито наповалъ нашими публицистами, нашими передовыми мыслителями. Вотъ что̀ лучше: ступай ты въ библіотеку и выбери тамъ себѣ нѣсколько книжекъ, по возможности журналовъ начала, средины и конца шестидесятыхъ годовъ. Потомъ садись и начинай ихъ читать съ азартомъ, съ увлеченіемъ, отъ доски до доски. Замѣть, какое слово будетъ въ нихъ всего чаще повторяться. Это слово есть... *ассоціація*. Теперь ты начинаешь понимать меня? Но оставимъ, пожалуй, названіе, не въ названіяхъ дѣло. Въ Англіи есть города, гдѣ ткачи устроиваютъ публичныя мастерскія. Ты можешь явиться въ эту мастерскую и нанять тамъ какое угодно число ткацкихъ станковъ, которые работаютъ при помощи пара. Такъ-какъ машины эти устроены на счетъ самихъ же ткачей, то, разумѣется, барыши возвращаются въ ихъ же карманъ. Это простѣйшая форма ассоціаціи, и съ нея я думаю начать. Но для перваго обзаведенія нуженъ капиталъ. Откуда взять его? Народный кредитъ существуетъ у насъ пока только на бумагѣ да въ воображеніи почтеннѣйшихъ земскихъ собраній. Крестьянскому обществу на круговую поруку больше двугривеннаго никто не дастъ.

„Но Богъ, сотворивши человѣка, не хотѣлъ его обидѣть, и въ числѣ прочихъ способностей далъ ему хитрость. Изъ всѣхъ даровъ природы, это для меня самый важный,

и ему я исключительно обязанъ своими успѣхами въ жизни. Надѣюсь, что онъ не обманетъ меня и на этотъ разъ. Если я вижу у человѣка слишкомъ толстый кошелекъ, у меня всегда является желаніе облегчить его отъ излишней тяжести. Я влюбленъ въ его деньги, какъ кошка въ сало. Докажу тебѣ это сейчасъ на примѣрѣ. По сосѣдству съ моимъ имѣніемъ, или, лучше сказать, съ моею фермой, есть помѣстье нѣкоей госпожи Падалки, женщины съ милліоннымъ состояніемъ. Одного лѣсу будетъ тысячъ на восемьсотъ, а мужики у нея бѣдствуютъ: кроютъ крыши соломой; зимой ѣздятъ воровать хворостъ и еловыя шишки. Этимъ оскорблено одно изъ моихъ чувствъ, не умѣю тебѣ только сказать, какое именно... Я начинаю размышлять такъ: ограбить васъ, Ирина Александровна, я не желаю, потому что это и васъ бы шокировало, да и для меня было бы несовсѣмъ пріятно. Но взять у васъ въ займы, быть можетъ, помимо вашего желанія, тысячъ десять, пятнадцать — считаю вполнѣ разумнымъ. Отсюда является такой планъ: забрать въ руки ея имѣнье, въ которомъ теперь, вѣроятно, ее грабятъ и тащатъ со всѣхъ сторонъ, и привести все въ порядокъ. Вслѣдствіе разумнаго управленія, каждый годъ, навѣрное, противъ прежняго, въ барышахъ будетъ оставаться болѣе на двадцать тысячъ. Изъ нихъ половину я отдамъ вамъ, какъ законной владѣлицѣ, а изъ другой открою кредитъ крестьянскому обществу...

„Учись, Богданъ Иванычъ, какъ ладить съ людьми. Вотъ тебѣ общее правило: если нужно привлечь ихъ на свою сторону, старайся запутать ихъ такъ, чтобы они стали твоими помощниками поневолѣ; старайся убѣдить ихъ, что твоя идея есть въ то же время и ихъ идея, что ты ею

отъ нихъ даже и попользовался. Тогда они вдругъ загораются усердіемъ. Каждому интересно становится провести свою собственную мысль, хотя до тѣхъ поръ они и не подозрѣвали, что у нихъ есть свои мысли.

„Мнѣ предстоитъ такого рода задача: убѣдить вашего губернатора и предводителя (изъ которыхъ я ни одного не знаю въ лицо), что мысль объ ассоціаціи есть собственно ихъ мысль, что я ее только подхватилъ. Разъ они съ этимъ согласились, я избавленъ отъ необходимости хлопотать о дальнѣйшемъ.

„Вообще, думаю скоро пріѣхать въ ваши края, гдѣ и поговорю съ тобой обо всемъ подробнѣе.“

VII.

Природа заупрямилась. Вмѣсто требуемой осени, на дворѣ стоялъ великій постъ. Люди были въ затруднительномъ положеніи: и подъ ними вода, и надъ ними вода. Ступишь разъ — ногу не вытащишь изъ грязи; ступишь другой — попалъ въ лужу. Весь воздухъ пропитанъ мглой, просѣянной сквозь самое мелкое сито.

Тускло смотрятъ черезъ эту мглу фонари на дебаркадерѣ. Точно они мигаютъ заплывшими отъ сна глазами и стараются разглядѣть, что́ дѣлается тамъ, во тьмѣ. По шпаламъ прогуливается какой-то мальчишка, прыгая съ бревна на бревно и находя въ этомъ неизъяснимое наслажденіе. Онъ шлепаетъ въ тактъ своими босыми ногами, запуская въ то же время глаза туда, гдѣ предполагается жандармъ. Всякій разъ, какъ показывается его сѣрая шинель, мальчишка пропадаетъ. Куда онъ исчезалъ—этого не

рѣшилъ бы самый остроумный, самый проницательный и прозорливый человѣкъ. Но несомнѣнно то, что онъ вдругъ исчезалъ, чтобы снова внезапно появиться, когда сѣрая шинель уходила на приличное разстояніе. Свѣтъ фонарей хватаетъ ровно настолько, чтобы выдѣлить изъ темноты эту фигуру, скачущую по рельсамъ, и по тому именно пути, на который долженъ стать ожидаемый поѣздъ.

Жандармъ, между тѣмъ, продолжалъ мелькать между колоннами. Онъ сознавалъ свои немаловажныя обязанности и высматривалъ себѣ жертвы. Жертва скоро нашлась. Багажная тележка приглянулась какому-то молодцу: онъ спалъ на ней, растянувшись во всю длину своего коренастаго тѣла. Жандармъ усмотрѣлъ эту фигуру, по всѣмъ признакамъ принадлежавшую какому-нибудь жулику, и въ душѣ его закипѣло негодованіе. Но, подойдя ближе, онъ узналъ въ лежавшемъ стараго знакомаго. Онъ увидалъ своего пріятеля, котораго ему не разъ уже случалось гонять изъ вокзала за попытки устроить тамъ для себя постоянный ночлегъ. Послѣднее время, личность стала всѣмъ подозрительною. Оффиціанты чаще поглядывали на приборы, опасаясь за цѣлость серебра. Въ буфетѣ глазъ не спускали съ печеньевъ и апельсиновъ, если по близости шныряло растерзанное пальто. Съ уходомъ послѣдняго поѣзда, его, обыкновенно, угоняли изъ вокзала, и онъ переселялся на дебаркадеръ, гдѣ и нашелъ себѣ пріютъ въ багажной тележкѣ. Но и тутъ не дали ему покою. Жандармъ, весь убранный красными шнурами по сѣрому солдатскому сукну, стоялъ и толкалъ въ бокъ непризнаннаго гостя. Тотъ вскочилъ и безсмысленно поглядѣлъ на него.

— Иди-ка, иди, откуда пришелъ. Много васъ тутъ такихъ-то.

Сонная фигура покачнулась впередъ, съ видимымъ желаніемъ клюнуть носомъ и снова захрапѣть. Жандармъ тряхнулъ ее за шиворотъ.

— Ахъ ты, холера проклятая! Слышишь, ступай пока добромъ зовутъ, а то начальству донесу.

Это странное слово, однакожъ, не подѣйствовало на проклятую холеру. Пораженный блюститель порядка подумалъ съ минуту, что̀ ему дѣлать, потомъ вдругъ схватилъ ослушника за плечо и сталъ его раскачивать, какъ колоколъ. Это средство подѣйствовало. Фигура поднялась на ноги, однимъ не совсѣмъ вѣжливымъ движеніемъ отмахнулась отъ жандарма, какъ отъ мухи, и преравнодушно пошла впередъ. Поровнявшись съ фонаремъ, она освѣтилась и оказалась знакомымъ намъ Лёвкою. Онъ шелъ, а за нимъ двигалась его тѣнь, то забѣгая впередъ, то отставая каждый разъ, какъ онъ проходилъ мимо освѣщенныхъ оконъ вокзала. Лёвка шагалъ все дальше. Онъ отсчиталъ уже пять мокрыхъ ступенекъ и спустился съ дебаркадера, когда пронзительный свистокъ возвѣстилъ о томъ, что поѣздъ близко. Онъ раздумалъ и вернулся назадъ.

На освѣщенной полосѣ полотна показалась черная труба локомотива. Зазвонили дежурные звонки. Машинистъ ловко соскочилъ съ тендера; изъ всѣхъ щелей вылѣзали кондукторы. Изъ вагоновъ хлынула толпа, немедленно проглоченная освѣщенною пастью вокзала. Дебаркадеръ почти мгновенно опустѣлъ. Кое-гдѣ носились только тюки и чемоданы, да пробѣгалъ запоздавшій пассажиръ. Лёвка заглянулъ въ опустѣвшее купе перваго класса: на лампахъ ма-

товые колпаки, на подушкахъ малиновый бархатъ; въ одномъ углу разложенъ карточный столъ и на немъ горятъ еще двѣ свѣчки. Какой-то господинъ, стоя задомъ къ окну, натягиваетъ на себя пальто; артельщикъ тутъ же собираетъ его вещи и шубу. Баринъ обертывается, чтобы достать съ полки свой пледъ—Лёвка узнаетъ въ немъ своего пріятеля Балкашина. Въ немъ закипаетъ ярость—ярость голоднаго человѣка, которому отказываютъ въ ночлегѣ. На него находитъ минута затмѣнія; онъ не разсуждаетъ, да и не хочетъ разсуждать: однимъ сильнымъ ударомъ кулака онъ разбиваетъ въ окнѣ стекло. За всякимъ такимъ сюрпризомъ слѣдуетъ моментъ общаго пораженія и бездѣйствія. Пользуясь этимъ моментомъ, Лёвка соскочилъ внизъ на рельсы, и когда артельщикъ выскочилъ на платформу—его уже не было. Пока жандармъ кинулся на мѣсто происшествія, онъ уже ловко лавировалъ, пролѣзая подъ вагонами запаснаго поѣзда. Еще секунда, и онъ былъ бы раздавленъ, потому что поѣздъ двинулся. Загремѣли цѣпи, застучали колеса, но Лёвка уже не обращалъ на нихъ вниманія: онъ прыгнулъ черезъ яму и скользилъ по грязному спуску, направляясь къ круглому зданію. Подъ носомъ у него маневрировали локомотивы, перекликивавшіеся коротенькими, отрывистыми свистками. Въ темнотѣ мелькали только ихъ красные и желтые глаза. Иной, проѣхавши нѣсколько саженъ, вдругъ останавливался, какъ бы собираясь съ новыми силами; потомъ пыхтѣлъ, сопѣлъ и давалъ задній ходъ, лѣниво поворачивая рычагами на колесахъ. Эта гонка паровиковъ въ темнотѣ не обѣщала ничего хорошаго тому, кто вздумаетъ прогуляться между ними. Въ Лёвкѣ заговорило чувство самосохраненія. Онъ пошелъ сторонкой и пошелъ

безцѣльно, не зная, гдѣ ему нынче преклонить голову. Впереди тянулись кирпичныя зданія, мастерскія, дровяные склады, а назади сверкали огнями огромныя окна вокзала. Нога скользитъ по липкой грязи, платье все отсырѣло; въ желудкѣ пусто, въ головѣ какой-то туманъ.

„Зачѣмъ я разбилъ окно? думаетъ Лёвка, стараясь погрѣть себя моціономъ.—Зачѣмъ? повторяетъ онъ, и отвѣта не находитъ; выходка ему самому кажется дикой. Если кто и потерпѣлъ убытокъ, такъ это желѣзная дорога, а никакъ не Балкашинъ. Да и наконецъ, если предположить, что я огорчилъ этимъ именно его, что̀ же заставило меня убѣжать?“

Къ стыду своему, Лёвка долженъ былъ сознаться, что на него напалъ паническій страхъ. Онъ испыталъ чувство человѣка, за которымъ гонятся. Пробуя на стеклѣ силу своихъ кулаковъ, Лёвка думалъ этимъ начать цѣлый рядъ подвиговъ, но рама разлетѣлась, а съ нею вмѣстѣ разлетѣлась и удаль нашего героя. Онъ не былъ трусомъ отъ природы, но тутъ юркнулъ подъ вагоны и двадцать разъ рисковалъ быть раздавленнымъ, чтобы только уйти отъ жандарма. Это было просто нервное раздраженіе: мысль о погонѣ, о преслѣдованіи за разбитое стекло, показалась ему до того страшною, что возможность погибнуть подъ колесами локомотива являлась чистѣйшими пустяками. Когда онъ протрезвился, вокзалъ былъ уже далеко и жандармъ потерялъ весь свой обаятельный ужасъ. Лёвка нахмурился и ругалъ себя.

Кто-то подъ носомъ у него закашлялъ. Оказалось, что это былъ сторожъ, стоявшій у перевода стрѣлокъ. Кто бы повѣрилъ, что сторожъ этотъ былъ Борисъ Корсаковъ?

Лёвка, по крайней-мѣрѣ, этому не вѣрилъ и остановился въ недоумѣніи. Да, дѣйствительно это Борисъ. Вотъ онъ стоитъ, взявшись за рукоятку стрѣлочнаго аппарата и напряженно смотритъ вдаль, въ ту сторону, гдѣ вокзалъ. Онъ, повидимому, весь пропитанъ усердіемъ къ своей новой должности. Въ рукахъ его судьба цѣлаго поѣзда: стóитъ только повернуть рукоятку немножко въ сторону, и онъ полетитъ внизъ или столкнется съ маневрирующимъ влѣво локомотивомъ.

— Коли это не Борисъ... какъ васъ, Яковлевичъ, чтó-ли... такъ это самъ сатана! воскликнулъ Лёвка.

— Ахъ, здравствуйте! выговорилъ Борисъ такъ любезно, какъ здороваются съ хорошими знакомыми въ гостинной. Его, повидимому, нисколько не смущала странная обстановка этого свиданія.

— За какимъ шутомъ вы сюда попали? Нравы, чтó ли, изучаете? или теорію движенія паровиковъ?

За какимъ шутомъ, въ самомъ дѣлѣ, попалъ сюда Борисъ? Съ того достопамятнаго вечера, какъ онъ пропалъ изъ дому, родные о немъ ничего не слыхали. Узнала о немъ одна жена, и то вотъ какимъ образомъ. Какъ-то разъ у Балкашиныхъ ей говорятъ, что въ кухню приходилъ какой-то человѣкъ (прислуга не знала ея мужа въ лицо) и оставилъ ей письмо. Она посмотрѣла: видитъ нѣсколько листовъ оберточной бумаги, исписанныхъ карандашомъ. Листы всѣ перепутаны. Если кто-нибудь желаетъ познакомиться съ этимъ курьёзнымъ посланіемъ, то вотъ изъ него нѣкоторыя выдержки:

Первый листокъ. „Нигдѣ столько нѣтъ.“—точка. Тутъ не надо забывать, что начала письма нѣтъ. „Я не смѣю

просить тебя послѣдовать за мною сюда, потому что...„ Тутъ карандашъ должно быть сломался или иступился и продолженія разобрать нельзя. „Твои привычки и твое воспитаніе дѣлаютъ для тебя невозможною такую жизнь; я знаю это, Анна, и не хочу надоѣдать тебѣ. Живи у своей сестры, если ты находишь это болѣе удобнымъ, а я пока нашелъ себѣ мѣсто...“ Тутъ разобрать было особенно трудно. Мѣсто чего? „старика“ „стиракса?“ Нѣтъ не то. „Сторожа!“ Анна такъ и ахнула. „Сторожа на желѣзной дорогѣ!“ Не даромъ у него были тогда такіе сумасшедшіе глаза. Кто же могъ на это рѣшиться, какъ не сумасшедшій. Сторожа! Да что-жъ онъ получаетъ? семь рублей жалованья?

Далѣе шло объясненіе, какимъ образомъ это случилось. Въ тотъ вечеръ, какъ Борисъ ушелъ изъ дому, онъ не зналъ, что ему дѣлать и не имѣлъ впереди никакого плана. Онъ вышелъ за городъ и отправился по рельсамъ. Путешествуя по шпаламъ, онъ прошелъ въ лѣсъ; но стало разсвѣтать и онъ, не нашедши утѣшенія въ лѣсу, вернулся назадъ въ городъ. Тутъ, недалеко отъ вокзала, онъ былъ свидѣтелемъ ужаснаго происшествія. На запасномъ пути маневрировалъ локомотивъ съ двумя товарными вагонами. Машинистъ для чего-то на минуту остановилъ его. Одинъ изъ сторожей, думая проскочить между вагонами, ошибся, не разсчиталъ времени и былъ придавленъ буфферами, когда машина тронулась, потомъ свалился и попалъ подъ колеса. Локомотивъ остановили и на глазахъ у Бориса вытащили обезображенный трупъ сторожа. Обо всемъ этомъ было разсказано очень подробно, но тутъ слѣдуетъ опять обратиться къ подлиннику:

„Этотъ случай былъ для меня просто указаніемъ свыше. Почему, думалось мнѣ, эти люди обречены на такую жалкую жизнь и часто на такую грустную смерть, а мы считаемъ себя избранными и кричимъ, что намъ нечего ѣсть, когда получаемъ втрое больше этого сторожа, а работаемъ въ десять разъ меньше? Это не относится къ тебѣ, Анна; я знаю, что ты привыкла съ самаго рожденія, если не къ роскоши, то къ довольству; привычка много значитъ. Но я... отчего-жъ мнѣ и не быть сторожемъ? Все же лучше, чѣмъ сидѣть на шеѣ у своихъ родныхъ; а другого мѣста у меня пока нѣтъ въ виду“.

Далѣе слѣдовало объясненіе, что онъ къ брату не хочетъ вернуться не потому, чтобы возненавидѣлъ его, а потому, что боится, какъ бы не повторилась прежняя сцена, да и наконецъ просто не хочетъ жить на чужой счетъ. (Прежде Борисъ не зналъ слова: *чужой счетъ*. Но послѣ исторіи съ братомъ онъ открылъ его, правда, съ такимъ же изумленіемъ, съ какимъ прочелъ бы объ открытіи южнаго полюса). Потомъ разсказывалось, какъ онъ ходилъ къ начальству хлопотать объ опредѣленіи и вотъ, наконецъ, онъ, Борисъ Яковлевичъ, милостію Божіею стрѣлочникомъ на желѣзной дорогѣ. Письмо оканчивалось горячимъ приглашеніемъ придти повидать его хоть разъ.

Никогда еще оберточная бумага не видала столько нѣжности. Послѣдняя четвертушка вся дышала страстью.

Можно представить себѣ, каковъ это былъ ударъ для Анны Игнатьевны, собиравшейся блестѣть въ благородномъ спектаклѣ. Помирившись съ Филиппомъ, она думала, что все кончено, она чувствовала уже, какъ къ ней возвращается ея прежняя самоувѣренность—и вдругъ такой сюрпризъ!

Она полетѣла къ мужу въ ту же секунду въ полной увѣренности, что выбьетъ у него изъ головы эту странную фантазію.

Долго отыскивала она въ главномъ зданіи сторожа Корсакова. Такого никто не зналъ. Ихъ было тутъ человѣкъ тридцать съ женами, сестрами, свояченицами и цѣлою арміей дѣтей всѣхъ возрастовъ, отъ пятинедѣльнаго до пятнадцатилѣтняго включительно. Тутъ жили и кондукторы, и кочегары, и жандармы, и слесаря; тутъ однихъ корытъ и вѣниковъ въ корридорѣ можно было смѣло насчитать до двухъ съ половиною дюжинъ. Пахло тутъ баней, ибо вѣчно кто-нибудь либо самъ мылся, либо ребятъ своихъ мылъ, либо бѣлье стиралъ. Какъ пятою стихіей въ Россіи, говорятъ, грязь, то шестою тутъ были помои; ихъ можно было встрѣтить во всѣхъ видахъ: въ ведрахъ, въ ушатахъ, въ корытахъ, наконецъ, просто на полу; тутъ ихъ было особенное изобиліе; растрескавшіяся и на половину провалившіяся каменныя плиты никогда не просыхали. Мѣстнымъ обывателямъ это даже отчасти нравилось, потому что доставляло развлеченіе ихъ дѣтямъ, которыя, вмѣсто того, чтобы надоѣдать родителямъ, отправлялись въ корридоръ и тамъ, за неимѣніемъ фребелевскихъ садовъ, учились соединять полезное съ пріятнымъ: правую ногу опускали въ одинъ провалъ, а лѣвую—въ другой, и затѣмъ начинали обѣ полоскать. Визгъ, пискъ и гвалтъ былъ такой, какой только могутъ произвести при нѣкоторомъ усердіи штукъ сорокъ здоровыхъ ребятъ.

Спускаясь въ это подземелье, Анна все еще не знала, кто ей укажетъ, гдѣ найти сторожа Корсакова. Только-что сдѣлала она нѣсколько шаговъ, прижимаясь къ стѣнкѣ,

чтобы миновать не совсѣмъ безопасныя рытвины, какъ на встрѣчу ей неслась уже лихая тройка: бѣлоголовый мальчишка въ корню и двѣ черномазыя дѣвчонки на пристяжкѣ. Вдругъ вся тройка шарахнулась въ сторону, какъ отъ волка: это значитъ, что увидали барыню, явленіе въ этихъ мѣстахъ невиданное и неслыханное. Отворилась одна изъ безчисленныхъ дверей, и на порогѣ показалась женщина съ коромысломъ мокраго бѣлья на плечахъ.

— Я васъ! крикнула она на ребятъ, собственно для того только, чтобы что-нибудь крикнуть, потому что ребята ей не мѣшали.—Я васъ! повторила она еще разъ и пошла своею дорогой. Анна ее остановила.

— Послушайте, милая, не знаете ли вы, гдѣ тутъ стрѣлочникъ Корсаковъ?

Женщина окинула ее быстрымъ взглядомъ и поправила на плечѣ коромысло.

— Онъ небось на дежурствѣ.

Анна стояла въ недоумѣніи.

— Когда-жъ онъ придетъ?

— А кто-жъ ихъ знаетъ. Да вотъ погоди, я тебѣ Матрену кликну. (Она стукнула въ сосѣднюю дверь). Матрена! а Матрена! Иди, что-ль! Умерли вы, что-ль, тамъ?

— Сейчасъ! кричали изнутри.

— То-то сейчасъ. Мнѣ некогда. У меня вонъ бѣлье.

Прошло еще минутки двѣ. Женщина съ коромысломъ начала уже ругаться, какъ вдругъ дверь стремительно распахнулась и дала вылезти почтенной особѣ въ мужскихъ сапогахъ, женской кацавейкѣ и красномъ платкѣ на головѣ.

— Барыня спрашиваетъ Скарсака. Дома онъ, что-ль? Гляди ушелъ?

— Это Борисъ-то? Онъ на дежурствѣ. Да вамъ его зачѣмъ? подозрительно спросила Матрена.

— Мнѣ нужно. Я его жена. Проведи меня къ нему, пожалуйста.

— Жена? Матрена отъ изумленія такъ почесалась, что сдернула съ головы платокъ. — Какъ же это? Гдѣ-жъ вы проживаете-то?

— Ну, ужъ это тамъ мое дѣло. Ты вотъ мнѣ его-то какъ-нибудь вызови.

— Такъ, такъ. Что-жъ это онъ мнѣ ничего не говорилъ. Я вѣдь у яво хозяйка. Онъ, значитъ, на моихъ харчахъ. А вы, что-жъ, въ горничныхъ, что ли, у кого живете?

— Ну, да, въ горничныхъ, съ досадой отвѣчала Анна.

— Такъ, такъ. У меня вотъ тоже племянница въ дѣвкахъ живетъ, вздохнула Матрена.— У купца Блинова. А мужа твоего, добавила она: —теперь врядъ докликаться. Онъ теперь закатился до самаго до вечера.

Анна нахмурила брови.

— А ты поди ко мнѣ, погрѣйся маненько; я вотъ ребятенокъ дошлю. Танька! поди, пострѣлъ, вотъ погоди я тебя! бѣги къ дядѣ Борису, скажи, молъ, жена спрашиваетъ. Чуешь? Такъ и скажи, что жена, молъ. Да подолъ-то обдерни, пострѣлъ. Вотъ я тебѣ ужо виски-то выдеру.

Черезъ полчаса Борисъ пришелъ. Анна встрѣтила его холодно и на его горячее привѣтствіе не отвѣчала.

— Ты юродствуешь? спросила она, осматривая комнату.

Ее особенно поразила постель: на нарахъ брошенъ ту-

лунъ и на немъ что-то такое въ родѣ подушки или, вѣрнѣе, мѣшокъ, набитый тряпьемъ.

— Ты хочешь спасаться? Хочешь блаженства въ будущей жизни? повторила она, не скрывая своего раздраженія.

— Ты сердишься на меня? а?

— Сердиться на васъ за ваши фантазіи я не имѣю права; говорятъ, у всякаго барона своя фантазія. Но, признаюсь, такой я не ожидала.

Она расправила платье и почти съ отвращеніемъ сѣла на скамью.

Онъ стоялъ, какъ обвиненный, у котораго защитительная рѣчь еще не готова. Онъ думалъ, что эта женщина внесетъ свѣтъ и радость въ его жилище. Она пришла къ нему съ укоромъ.

— Вѣдь я тебѣ писалъ, началъ онъ нетвердо.

— Ты мнѣ писалъ! Во-первыхъ, я совѣтовала бы тебѣ поискать начало этого письма. Можетъ быть, ваша Матрена завертываетъ въ него селедки. А во-вторыхъ, не мѣшало бы выводить буквы получше, потому что я древнихъ рукописей разбирать не училась и ослѣпнуть то же не желаю.

— Да развѣ я безъ начала? заикался Борисъ.

— Развѣ! повторила она съ досадой:—но не въ томъ дѣло. Надѣюсь, что это просто шалость. Ты стрѣлочникомъ здѣсь, конечно, не останешься?

Лицо его приняло болѣзненное выраженіе. Онъ предвидѣлъ аттаку и зажмурился, приготовляясь отразить ее.

— Это пока, выговорилъ онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ.—Потомъ я, конечно...

— Не потомъ! Не потомъ, а теперь. Ты знаешь ли, какъ глядятъ на человѣка, который былъ сторожемъ на желѣзной дорогѣ? Его возьмутъ въ лакеи, но ужъ никакой другой должности ему не дадутъ. За что же ты губишь свою будущность? Пожалѣй меня, наконецъ. Положимъ, твоя Матрена приняла меня сейчасъ за горничную, но, вѣдь, не захочешь же ты, въ самомъ дѣлѣ, чтобы я пошла мыть полы? Надѣюсь нѣтъ? Наконецъ, еслибы *ты* этого пожелалъ, я тебѣ скажу: милый мой, намъ надо разстаться.

Это слово рѣзало его, какъ ножомъ.

— Куда-жъ ты хочешь, чтобы я дѣвался?

— Туда же, гдѣ и я теперь. Къ своимъ роднымъ.

— Какъ, ты помирилась?

Онъ широко раскрылъ глаза. Въ нихъ отразился почти испугъ.

— Чему-жъ ты удивляешься? Вѣдь надо же гдѣ-нибудь жить.

— Я думалъ, ты у своей сестры.

— Боже меня сохрани! Соничка терпитъ мое присутствіе только одинъ, много два дня, дальше ее начинаетъ тошнить отъ меня. Да, Борисъ, мнѣ некуда дѣваться. Говорятъ, что утопающій не только за соломенку, за бритву хватается. Такъ и я за твоихъ родныхъ. Тебѣ дѣла нѣтъ до того, каково мнѣ жить тамъ. Ты проводишь свои принципы. Ты порѣшилъ, что всѣ люди должны быть равны и ради равенства пошелъ въ сторожа на семь рублей жалованья. Я понимаю, что это можно сдѣлать для курьёза, чтобы публиковать въ газетахъ... но не тогда же, когда женѣ негдѣ приткнуть голову.

— Тебя пугаетъ одно названіе.

— Милый мой, вѣдь я не Филиппъ Яковлевичъ, чтобы гоняться за словами. По-моему, называйся хоть дворникомъ, хоть истопникомъ, да получай хорошее жалованье. Но, вѣдь, семь рублей—это безобразіе, Борисъ.

Онъ хотѣлъ-было сказать: вотъ, подожди, пойдетъ въ ходъ моя машина! но не все ли это было равно, что заявить: погоди, вотъ, когда англичане сдѣлаютъ меня губернаторомъ въ Мельбурнѣ... Можно навѣрное сказать, что Анна на это бы не откликнулась. Поэтому, онъ о машинѣ промолчалъ, а замѣтилъ только женѣ съ улыбкой, что она страшная матеріалистка. Та блеснула своими холодными глазами.

— Дайте мнѣ пятьдесятъ тысячъ годового дохода—я буду идеалистка. Обезпечьте меня на всю жизнь, я буду читать Вертера, Шатобріана, стану развивать свой эстетическій вкусъ, объ идеалахъ буду говорить захлебываясь; равенство, свобода, братство съ языка у меня не сойдутъ. Для этого нужно только одно маленькое условіе: чтобы я не знала, что мнѣ надо завтра пойти продавать свое платье, что можетъ повториться такая же сцена, какъ намедншняя, когда меня вытолкнули на улицу, какъ бѣдную дворянку... Да, повторила она гнѣвно: — я буду идеалистка, когда на свѣтѣ не останется ни одного матеріалиста. До тѣхъ поръ—нѣтъ! На мою долю отпустили слишкомъ мало кротости. Я въ этомъ не виновата.

— Какъ въ тебѣ много братниnаго! выговорилъ Борисъ задумчиво.

— Да, у насъ съ нимъ много родственнаго. Надо тебѣ замѣтить впрочемъ, что я люблю людей, которые никому не даютъ спуску. Я вижу въ нихъ жизнь, огонь, а

не холодную кровь, не глупое равнодушіе ко всему на свѣтѣ.

Это былъ очень не тонкій намекъ, брошенный въ его сторону. Онъ понялъ это и многое хотѣлъ бы возразить, но боялся раздражить ее. Вѣдь она пришла ненадолго. Неужели отравить и эти немногія минуты? У него въ головѣ была только одна мысль: удержать ее, услышать отъ нея хоть одно ласковое слово и какъ-нибудь, Боже сохрани, не разсердить ее. Бѣдняга, онъ не зналъ, что, задавшись разъ такою мыслью, человѣкъ навѣрное проигрываетъ. Онъ кажется смѣшонъ, не находчивъ и раздражаетъ даже самою своею мягкостью. Анна сидѣла пасмурная, какъ осенній день. Прежде всѣ ея вспышки и гнѣвныя рѣчи оканчивались примиреньемъ. Она умѣла такъ неподражаемо хорошо смѣяться сквозь слезы, она бывала въ эти минуты такъ обворожительна! Теперь нѣтъ. Правда, черезъ десять минутъ гнѣвъ ея остылъ, но лицо не освѣтилось капризною улыбкой и сохранило какое-то озабоченное выраженіе. Она слушала мужа разсѣянно, давала ему иногда даже высказываться до конца, не перебивая, чего съ нею никогда не случалось. Словомъ, это была не та Анна, что прежде. Она даже не особенно настаиваетъ на томъ, чтобы мужъ бросилъ это мѣсто и переѣхалъ жить съ нею. Явившись сюда, она исполнила лишь скучную обязанность. Точно она хотѣла сказать: „милый другъ, ты видѣлъ, я пыталась уговорить тебя, но напрасно; я нарочно пріѣхала сюда, въ эту грязную берлогу—ты меня не слушаешь; не вини же меня послѣ. Мы будемъ жить врозь“. Она мало разспрашивала о немъ и много разсказывала о себѣ. (Впрочемъ, это всегда такъ бываетъ, когда равновѣсіе нарушено и одна сторона

любитъ сильнѣе, чѣмъ другая). У нея было пропасть дѣлъ. Этотъ спектакль, эти хлопоты съ Падалкой, потомъ родные. Все это надо уладить, устроить, обо всемъ подумать самой. Она даже увлеклась немного, разсказывая о своихъ новыхъ знакомствахъ и о томъ, что для успѣха въ свѣтѣ, или гдѣ бы то ни было, нужно прежде всего хорошую обстановку; все остальное пустяки.

Ему сковывала языкъ все та же глупая боязнь противорѣчить ей. Онъ сталъ говорить что-то о самоотверженіи, о томъ, что *быть* и *казаться* не одно и то же, что много людей истинно-талантливыхъ пропадаютъ въ нуждѣ и неизвѣстности. Говорить о самоотверженіи такой женщинѣ, какъ Анна Игнатьевна! Конечно, она разсердилась.

— Пойми ты разъ навсегда, что всякая добродѣтель выглядитъ глупо. Если ты найдешь способъ быть добродѣтельнымъ и въ то же время не прослыть у людей дуракомъ, тогда... тогда говори мнѣ о самоотреченіи. Я, по крайней мѣрѣ, замѣтила по себѣ: какъ только я постараюсь сдѣлать кому-нибудь добро—выходитъ что-нибудь безпутное. Значитъ, я ни на что хорошее не способна. Добродѣтельна я никогда не буду, потому-что не могу быть.

Борисъ покачалъ головой. Онъ зналъ, что въ женѣ его много мягкости. Зачѣмъ выставлять себя Мефистофелемъ? Совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ являлась она тому, кто умѣлъ расшевелить ее, затронуть ея лучшія стороны... Не такъ много холоду было въ этихъ сѣрыхъ глазахъ, какъ казалось съ виду. Не страшна была эта надменная улыбка тому, кто зналъ Анну ближе. Но были минуты, когда самый близкій человѣкъ не могъ сказать, какой бѣсъ сидитъ въ этой женщинѣ. Одну изъ такихъ минутъ переживалъ

теперь Борисъ. Онъ едва успѣвалъ слѣдить за ея разсказами; онъ удивлялся, когда она имѣла время перезнакомиться чуть не со всѣмъ городомъ. Она имѣетъ въ виду то-то и то-то. Она хочетъ сдѣлать это и не сдѣлать того. Словомъ, это была посторонняя женщина, явившаяся съ визитомъ и съ цѣлымъ запасомъ городскихъ новостей.

Анна забыла, казалось, зачѣмъ она сюда пришла и, вмѣсто мужа, видѣла передъ собой только слушателя, которому смѣло можно говорить все, что̀ ни попало.

— Ахъ, да, ты слышалъ? мой братецъ вошелъ въ моду. Послѣднюю недѣлю у Падалки только о немъ и говорятъ. Кто ни пріѣдетъ—первое слово о Лёвкѣ. Вчера на репетиціи никто не зналъ своей роли, за то всѣ знали, что на свѣтѣ есть Лёвка Трезвовъ. Моему сестриному сердцу это было, конечно, очень пріятно. Если увидишь его, передай ему, пожалуйста, объ этомъ. Однако, я тутъ болтаю пустяки, а мнѣ некогда.

Она встала.

— Прощай, Борисъ!

— Только-то! произнесъ онъ съ упрекомъ.

— Ты больше не стоишь. Надо чѣмъ-нибудь наказать твое упрямство. Я не хочу знать тебя, пока ты не откажешься отъ своей фантазіи. И не жди, Борисъ, я не стану бывать у тебя.

— Ты требуешь, стало-быть, чтобы я поступилъ опять на даровые хлѣбы къ Филиппу?

Она замялась.

— Нѣтъ, не то. Послушай, можетъ быть скоро у меня будутъ деньги, даже навѣрное будутъ.

Онъ молча посмотрѣлъ на нее. Онъ догадывался, на что́ она разсчитываетъ.

— Ты видишь самъ теперь, какъ безразсудно съ твоей стороны на какія-нибудь двѣ недѣли такъ компрометировать себя. Ты могъ бы подождать немного. Или, можетъ быть, въ твои принципы не входитъ одолжаться женѣ? Твоя щекотливость, можетъ быть, не позволитъ тебѣ пользоваться моими деньгами?

— Нѣтъ, моя щекотливость такъ далеко не идетъ.

Онъ взялъ ея руку и нѣжно сжималъ ее въ своей.

— Надѣюсь. А то только этого бы недоставало. Такъ какъ же, Борисъ, ты бросаешь эту должность? да?

— Когда деньги будутъ у тебя въ рукахъ. До тѣхъ поръ нѣтъ.

— Какъ знаешь, выговорила она вдругъ холодно.— Прощай.

Онъ хотѣлъ сказать ей много, и вмѣсто всего этого выговорилъ только одно: прощай! Въ томъ взглядѣ, которымъ онъ проводилъ ее, вылились всѣ его чувства. Видно было, что онъ хотѣлъ задержать ее, крикнуть ей: постой! погоди! но слова не слетали съ языка. Она безжалостно-равнодушно протянула ему руку и пошла къ двери.

— Ахъ да, что же вашъ сжатый воздухъ? крикнула она вдругъ, уходя.

Онъ обрадовался и этому вопросу.

— Ничего, вотъ думаю завтра сходить къ Чернику. Теперь все отъ него зависитъ.

— Да, вотъ тоже будетъ сюрпризъ, когда онъ узнаетъ, что имѣетъ честь говорить съ сторожемъ при желѣзной дорогѣ!

Она видимо не хотѣла простить мужу его выходки.

Такъ кончился визитъ, начатый съ тѣмъ, чтобы вытащить мужа во что бы то ни стало изъ берлоги. Цѣль эта не была достигнута, но она уходила спокойная. Совѣсть подсказывала ей, что она сдѣлала все, что могла, дальше... Но дальше передъ ней носился уже другой міръ, другія лица. Послѣднее время у нея было столько новыхъ интересовъ. Она начала разомъ нѣсколько партій. Доиграетъ-ли до конца хоть одну? А одну въ особенности ей хотѣлось выиграть. Мужъ носился далеко въ туманѣ вмѣстѣ съ сжатымъ воздухомъ, который еще такъ недавно интересовалъ ее. А теперь... Она улыбнулась, припоминая о комъ-то или о чемъ-то. Но этотъ кто-то или что-то былъ ужъ, конечно, не Борисъ Яковлевичъ и не сжатый воздухъ.

Вернемся теперь къ удивленному Лёвкѣ. Онъ чувствовалъ себя скверно послѣ недавняго подвига. На сердцѣ у него скребли милліоны кошекъ и скребли тѣмъ ощутительнѣе, что желудокъ былъ пустъ, а въ головѣ, напротивъ, чувствовалась какая-то стопудовая тяжесть. Онъ испытывалъ теперь все, что только можетъ испытать человѣкъ съ громаднымъ самолюбіемъ, который думалъ удивить весь міръ и вдругъ... вышибъ раму у окна!

Неожиданная встрѣча съ Борисомъ подѣйствовала на Лёвку благотворно. Онъ узналъ въ немъ своего брата-скитальца, не признавая въ немъ, однако, своихъ талантовъ.

— Вы что́-жъ, дорогу что́-ли сторожите, чтобы не украли?

— Нѣтъ, вотъ стрѣлки надо переводить. Пассажир-

скій поѣздъ сейчасъ пойдетъ. (И онъ снова напряженно сталъ всматриваться вдаль).

У Лёвки вдругъ блеснула мысль.

— Знаете, что! Уступите-ка мнѣ свое мѣсто.

— Зачѣмъ? равнодушно спрашивалъ Борисъ.

— Такъ. Мнѣ хочется пошутить. Мнѣ хочется опрокинуть поѣздъ внизъ.

Борисъ обернулся и старался разглядѣть во тьмѣ, не рехнулся-ли его пріятель.

— Чего вы на меня глаза-то вытаращили? Я цѣлъ-цѣлехонекъ. И въ головѣ у меня ничего не треснуло. Все на своемъ мѣстѣ. Не бойтесь. Пустите-ка, я вамъ говорю.

— Какая-жъ у васъ цѣль? спрашивалъ Борисъ. Лёвка начиналъ интересовать его, какъ предметъ для психологическаго наблюденія.

— Цѣль очень понятная. Я люблю сильныя ощущенія. Я давно думалъ, какъ бы это было хорошо устроить такое зрѣлище: пустить два поѣзда, одинъ на встрѣчу другому, скорость имъ дать этакъ верстъ шестьдесятъ въ часъ, и пусть ихъ столкнутся. А тутъ бы устроить амфитеатръ, и зрители, и все какъ слѣдуетъ. Треску-то сколько, ужасу! словомъ, зрѣлище потрясающее.

— Это что же? Возвращеніе ко временамъ Нерона и Діоклетіана?

— Эка, нашли чѣмъ удивить! Нерона! Да мы съ тѣхъ поръ чуть не на двадцать вѣковъ ушли. Неужели же ничего новенькаго не могли выдумать? Неужто-жъ такъ и останемся съ какимъ-нибудь жалкимъ боемъ быковъ, да пѣвицъ разныхъ, соловьевъ будемъ слушать. Нѣтъ, а вы

устройте мнѣ такой спектакль, чтобы меня дѣйствительно встряхнуло, кровь бы всю обновило. Вотъ это такъ!

— Это все двадцать лѣтъ въ васъ говорятъ. Не знаете, куда силы свои дѣвать, вотъ вамъ и чудится Богъ знаетъ что.

— Нѣтъ, не двадцать лѣтъ, что вы толкуете. Вы были въ двадцать лѣтъ такой?

— Я такимъ никогда не былъ.

— Вотъ то-то и есть. У васъ кровь-то въ жилахъ водой разбавлена, а у меня нѣтъ. Въ томъ-то вся и бѣда. Мнѣ вотъ нужны наркотическія средства, что-нибудь растравляющее, одуряющее. Неужели вы не чувствуете, какая въ этомъ прелесть! сколько поэзіи! Летитъ поѣздъ во мракѣ, летитъ такъ спокойно, величественно! пассажиры, кто дремлетъ, кто болтаетъ, а кто такъ себѣ глазѣетъ. Всѣ думаютъ о житейскомъ, о небесномъ никто не помышляетъ. Вдругъ: хлопъ! — и все это хаосъ! Смотрите: по тому пути идетъ локомотивъ. Вы слышите свистокъ? Слышите—и этотъ поѣздъ тронулся. Ура! моя идея идетъ въ ходъ. Блестящая, блестящая мысль!

И онъ судорожно схватился за рукоятку стрѣлочнаго аппарата. Въ движеніяхъ его было что-то сумасшедшее. Борисъ поймалъ его за руку.

— Полно шутить. Отойдите прочь!

— Ни за что на свѣтѣ. Мнѣ здѣсь хорошо.

Онъ шутя, какъ перышко оттолкнулъ Бориса и впился глазами въ огоньки, двигавшіеся отъ вокзала. Съ боку раздался пронзительный свистокъ. Это маневрировавшій локомотивъ давалъ знать, что онъ отправляется назадъ, въ круглое зданіе. Изъ лѣсу отвѣчалъ другой свистокъ, воз-

вѣщавшій о прибытіи товарнаго поѣзда. На дебаркадерѣ послѣдній звонокъ, знакъ, что и пассажирскій тоже тронулся. Въ этомъ хаосѣ свистковъ, ночью, когда безъ фонаря не видно на разстояніи двухъ шаговъ, въ сосѣдствѣ съ полусумасшедшимъ человѣкомъ, Борисъ совсѣмъ растерялся. Онъ чувствовалъ, какъ съ головы до ногъ пробѣгаетъ по его тѣлу дрожь. У него вдругъ мелькнуло сознаніе о какихъ-то неразумныхъ, но страшныхъ силахъ, о гибели цѣлаго поѣзда. Самая обстановка подходила къ этой катастрофѣ. Темная, пронизывающая сырость легла на землю. Чернѣвшее надъ головой небо напоминало какую-то страшную пропасть, уходившую не внизъ, а вверхъ. Туманъ и мракъ закутали всѣ зданія. Были тутъ какіе-то кирпичные заводы, да лачужки огородниковъ, но все это пропадало во тьмѣ. Жалобно стонали телеграфныя нити, посылая въ столицу какую-то депешу; глухо доносился звукъ дальняго поѣзда. Но вотъ онъ подходитъ все ближе и ближе. Вотъ замелькали по частоколу станціоннаго сада свѣтлыя тѣни отъ освѣщенныхъ оконъ вагоновъ. Вотъ осталась назади длинная мастерская съ вылетавшими изъ трубы искрами. Мелькнули дровяные склады и товарная платформа.

Борисъ, не помня себя, кинулся къ Лёвкѣ. Тотъ не уступалъ. Между ними завязалась борьба. По рельсамъ доносился уже стукъ колесъ. Еще минута, и будетъ поздно. Что значили всѣ усилія Бориса въ сравненіи съ баснословною силой его противника. Одинъ отталкивалъ другого, какъ докучливаго ребенка, въ котораго достаточно ткнуть слегка пальцемъ, чтобы онъ отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ. Глаза Лёвки и глаза подвигавшагося локомотива встрѣтились и не разставались. Вдругъ Лёвка уступилъ. Онъ бро-

силъ рукоятку и молча отодвинулся. Струсилъ-ли онъ, или что другое заставило его раздумать, но только поѣздъ прошелъ благополучно.

— Чортъ съ вами! крикнулъ ему Лёвка въ напутствіе.

Борисъ вытиралъ рукавомъ холодную испарину, выступившую у него на лбу.

— Что? здóрово я васъ напугалъ? Вѣкъ не забудете?

— Засадить васъ надо въ домъ умалишенныхъ; вотъ что, объяснилъ Борисъ не совсѣмъ еще успокоившимся голосомъ.

— Вы, можетъ быть, думаете, что я шутилъ? надъ вами забавлялся? Нѣтъ-съ, не шутилъ, а раздумалъ!

— Знаете чтó, сказалъ вдругъ Борисъ: — я долженъ буду предупредить... я попрошу, чтобы васъ сюда больше не пускали.

— Сдѣлайте одолженіе. Это для меня все равно.

— Потому что, понимаете-ли, я обязанъ... Такъ нельзя.

— Да мнѣ-жъ это все равно. Я вамъ опять-таки повторяю. Вы бы лучше вотъ что... Вы ужинать будете?

— Буду. Пойдемте.

— Еще бы не пойти? Вы знаете, что я со вчерашняго вечера ничего не пробовалъ. Не знаете? Ну, тѣмъ хуже для васъ. Оно и для меня довольно скверно, добавилъ онъ поучительно.—Понимаете, съ голоду все такое представляется неподходящее.

— Идите-ка, въ самомъ дѣлѣ, поѣшьте, а то вы бредить начинаете.

— Я думаю, какъ бы это было хорошо, кабы я вмѣстѣ съ этими пассажирами былъ и вмѣстѣ бы съ ними полетѣлъ куда-нибудь, хоть подъ мостъ, чтó-ли. Должно

быть, ощущеніе пріятное. Чувствуешь, что околѣваешь не просто, а, такъ-сказать, элегантно, по театральному. Послушайте, неужели вамъ не хочется сломать себѣ шеи?

Борисъ усмѣхнулся.

— Нисколько.

— Странно! Удивительно! Ужъ, вѣдь, во всякомъ случаѣ, это интереснѣе, чѣмъ вѣчно тянуть лямку, отсчитывать день за днемъ, сутки за сутками...

— А что́, спросилъ вдругъ Борисъ, собираясь съ духомъ:—вы моей жены не видали?

— Не имѣлъ этой чести. Тамъ, у васъ скотина одинъ живетъ, Филиппъ какой-то. Такъ онъ изволилъ оскорбиться, что я его разъ толкнулъ или задѣлъ тамъ, что́-ли—не помню. Ну, оскорбился—и баста. Не приказалъ пускать.

— Она у меня недавно была, задумчиво объявилъ Борисъ.

— Да что́ вы, скажите на милость, развелись, что́-ли, съ нею?

Борисъ испугался такого предположенія и разсказалъ ему всю свою исторію, пропуская, впрочемъ, нѣкоторыя щекотливыя мѣста изъ своей сцены съ Филиппомъ. Въ заключеніе онъ сообщилъ Лёвкѣ, что имъ интересуются, что барыни готовы смотрѣть его за деньги, а полицеймейстерша такъ даже просто обѣщалась пригласить его къ себѣ. Лёвка принялъ это къ свѣдѣнію.

VIII.

Въ три часа вернулся изъ должности Филиппъ и потребовалъ себѣ обѣдать. Не успѣли еще накрыть на столъ,

какъ явилась и Анна, зарумянившаяся отъ мороза, но чѣмъ-то озабоченная и серьёзная. Вечеромъ назначена главная репетиція. У нея пропасть хлопотъ: надо сдѣлать нѣкоторыя покупки, надо обо всемъ позаботиться. За обѣдомъ она получаетъ одну записочку — отъ Падалки. Немного погодя другую—отъ распорядителей спектакля. Наконецъ, третью, отъ сестры, которая проситъ позволенія пройти за кулисы. Всякому нужно отвѣтить, потомъ подумать о своемъ туалетѣ, а тутъ еще Саша пристаетъ съ своимъ шитьемъ. Анна пожертвовала ей для спектакля свое бѣлое платье, которое нужно передѣлать и распороть. Вслѣдствіе этого, по всѣмъ комнатамъ валяются кисейные лоскутки и сама Саша является не иначе, какъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ полотнищъ. Все это за ней волочится, тащится, кружева попадаютъ подъ ноги.

— Нужно тутъ дѣлать затачку? кричитъ она еще изъ другой комнаты.

Или вдругъ объявляетъ:

— Анна! что́ я сдѣлала! я рукавъ-то, вѣдь, вшила на изнанку.

Анна, наконецъ, прогнала ее и сѣла за какіе-то счеты.

Филиппъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ и мрачно перелистывалъ книгу, когда вдругъ въ дверь къ нему стукнула Анна Игнатьевна.

— Можно войти?

Онъ самъ всталъ и отворилъ ей.

Какъ она ни старалась подавить свое отвращеніе, оставаясь наединѣ съ нимъ, но, говорятъ, есть на свѣтѣ три вещи, которыхъ нельзя скрыть: это кашля, любви и еще чего-то... не помню. Но я смѣло прибавлю: отвращенія.

Оно сквозитъ въ выраженіи глазъ, оно слышится въ интонаціи голоса. Сталкиваясь съ человѣкомъ, который ей гадокъ, Анна старалась по возможности даже не глядѣть на него.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, вымолвила она сухо, усаживаясь не на то мѣсто, которое онъ ей указывалъ, а подальше, на стулъ. И тутъ же, отъ волненія или отъ досады, столкнула коробочку съ стальными перьями.

Ему это было очень непріятно. Онъ любилъ во всемъ порядокъ. Онъ уважалъ аккуратность до педантизма. Одна соринка на жилетѣ заставляла его взяться за щетку и чистить его 10 минутъ, заглядывая въ каждую складочку. Крошечное пятнышко на манишкѣ приводило его въ ужасъ. Онъ поспѣшно скидалъ ее и надѣвалъ другую. (Послѣднее время, когда средства не позволяли взять прачку, мать стирала сама и первый разъ въ жизни возроптала на старшаго сына за его капризы). Филиппъ никогда не дотронулся бы до вещи, которая побывала въ рукахъ у кухарки, безъ того, чтобы послѣ не вымытъ себѣ тщательно руки. На этотъ случай у него всегда висѣло въ спальнѣ чистое полотенце, мѣнявшееся черезъ день. Онъ ни за какія сокровища въ мірѣ не надѣлъ бы на себя сюртука, побывавшаго на плечахъ у одного изъ братьевъ. Такому человѣку видѣть безпорядокъ у себя въ комнатѣ былъ ножъ острый. Онъ поспѣшно бросился поднимать упавшую коробочку, потому-что она раздражала его.

— Дѣло вотъ въ чемъ, говорила Анна.—Я знаю, что я вамъ много обязана и считаю себя вашею должницей. Надняхъ я должна получить деньги. Правда, небольшую

сумму, но все равно, я сочту первымъ своимъ долгомъ отдать ее вамъ.

— Я никакъ не могу взять того, что́ мнѣ не принадлежитъ, холодно замѣтилъ Филиппъ.

— Полноте, пожалуйста. Зачѣмъ мы будемъ играть комедію. Всѣ ваши одолженія такого рода, что могутъ быть переведены на деньги, и деньгами я вамъ ихъ возвращу. Но не объ этомъ я пришла сказать вамъ. Этотъ вопросъ я считаю рѣшеннымъ. Я... вотъ видите-ли... (она замялась). Мнѣ пришлютъ сегодня бальное платье, которое сто́итъ рублей полтораста, если не больше... Но ужъ никакъ не меньше. Такъ вотъ у васъ естественно явится подозрѣніе, на какія деньги это сдѣлано. Вы подумаете, можетъ быть, что я промотала ихъ, вмѣсто того, чтобы отдать вамъ, какъ обѣщалась. Я не даю вамъ никакого права наблюдать за собой, но въ этомъ случаѣ вы были бы... вы могли такъ разсуждать. Дѣйствительно, пока я ваша должница, первыя мои деньги принадлежатъ не мнѣ, а вамъ. Надѣюсь, вы въ этомъ со мной согласны. Теперь я вамъ скажу только вотъ что: платье это куплено не мною, оно мнѣ подарено. Даже могу сказать вамъ кѣмъ: Падалкой. Я этого могла бы и не говорить, но все равно.

Она говорила торопливо, однимъ духомъ, не давая ему перебить.

Филиппъ, какъ видно, остолбенѣлъ отъ такого объясненія.

— Вы напрасно объ этомъ и упоминаете, началъ онъ.—Я никакого платья не видалъ, да если бы и увидалъ, то это до меня не касается. Я никогда не позволилъ бы себѣ...

— Опять комедія. Зачѣмъ вы говорите мнѣ теперь вѣжливыя фразы, когда двадцать разъ вы и ваша мать обвиняли меня за то, что я разоряю семью. Для чего это?

— Я желалъ только обратить ваше вниманіе на то...

— Ну, да, на то, что я думаю о нарядахъ, когда дома нечѣмъ истопить печки. Боже мой! вѣдь я-же все это знаю и слышала. Я для того и пришла, чтобы покончить съ этою исторіей. Надняхъ я надѣюсь расквитаться съ вами. Опять-таки, говорю это себѣ въ утѣшеніе. А платье это мнѣ необходимо для спектакля. Послѣ я готова продать его хоть на другой же день. А пока позвольте мнѣ эту маленькую роскошь, просила она не то насмѣшливо, не то серьёзно.

Филиппъ церемонно поклонился ей.

— Позвольте обратить ваше вниманіе на то, что я въ этомъ дѣлѣ не судья. Вы можете надѣть на себя все, что вамъ будетъ угодно.

— Да? ну, очень вамъ благодарна. Вы еще очень великодушный кредиторъ.

Она встала и прибавила:

— Извините, что я васъ побезпокоила.

— Вы уходите?

— Да, больше я ничего не имѣю сказать.

— Такъ позвольте, я имѣю нѣчто сказать вамъ.

„Ужъ не объясняться ли ты вздумалъ? Не совѣтую!“ подумала она, и передала ему эту мысль глазами. Но онъ не смутился.

— По вашему желанію (онъ изъ деликатности только не сказалъ: по вашей просьбѣ) я былъ у Боборыкова и освѣдомился на счетъ мѣста вашему мужу. Мѣсто нашлось.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Она стояла до сихъ поръ взявшись за ручку стула и каждую минуту готовая уйти, но тутъ вдругъ обернулась къ нему.

— Да, жалованье такое же, какъ и у меня: пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. Служить придется въ его конторѣ, такъ-какъ г. Боборыковъ открываетъ теперь свою фирму.

— Ахъ, какъ это любезно съ вашей стороны; благодарю васъ! говорила Анна, протягивая ему руку.

— Не за что-съ.

Онъ очень холодно отвѣтилъ ей на рукопожатіе. Вообще онъ держалъ себя нынче, какъ настоящій джентльменъ.

— Я попрошу васъ еще объ одномъ, начала Анна по возможности мягко.—Пожалуйста, не говорите Борису, что объ этомъ мѣстѣ хлопотали вы. Считайте, что вы сдѣлали это для меня, а не для него. Вы знаете, онъ ужасно упрямъ и въ извѣстныхъ отношеніяхъ какъ-то глупо щекотливъ. Ему будетъ представляться Богъ знаетъ что; онъ, пожалуй, откажется. Пусть онъ лучше думаетъ, что за него просила у Боборыкова я, хоть черезъ сестру... ну, словомъ, тамъ черезъ кого-нибудь. Я знаю, вы мнѣ не откажете въ этомъ? не правда ли?

— Хорошо-съ, извольте. Только вотъ... я не смѣю назвать этого условіемъ, но это тоже съ моей стороны маленькая просьба. Могу я надѣяться, что Борисъ Яковлевичъ, получивши мѣсто, останется жить съ нами? Это было бы очень желательно, какъ для меня, такъ и для матери; въ особенности для матери. Она любитъ, чтобы вся семья была около нея. Для нея было бы тяжело въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ измѣнять своимъ привычкамъ.

Анна слушала его, нахмурившись.

— Конечно, выговорила она, стараясь подавить свой гнѣвъ:—я надѣюсь, что Борисъ не откажется отъ этого. Во всякомъ случаѣ, позвольте еще разъ поблагодарить васъ.

Онъ опять повторилъ, что́ не за что. Она раскланялась и вышла. Въ душѣ у нея закипали самыя скверныя чувства.

„Ага! ты продаешь свою услугу! Ты оцѣнилъ ее недурно. Тебѣ нужно приковать меня къ себѣ, чтобы всюду и всегда слѣдить за мной. Но кто же виноватъ въ томъ, что я связана теперь съ этою гадиной? Развѣ не я сама? Зачѣмъ я принимаю одолженія отъ человѣка, который мнѣ ненавистенъ? Развѣ я не въ правѣ была двадцать разъ оттолкнуть его? Да, но что изъ этого! Надо подавить отвращеніе, иначе трудно пробить себѣ дорогу. Что мнѣ дала эта свѣтская жизнь, это безчисленное множество знакомствъ? Она не дала пятидесятирублеваго мѣста моему мужу. И не дастъ, пока не потребуетъ отъ меня униженія. Такъ или иначе, а унижаться надо. Не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ. Ту же самую должность я могла бы достать Борису другимъ путемъ. Стоило только ухаживать за предводительскою дочкой, втереться къ ней въ дружбу и потомъ черезъ нее дѣйствовать на Боборыкова. Но развѣ этотъ путь лучше? Что касается до гадости, то они одинаково гадки оба. Я предпочитаю, все-таки, имѣть дѣло съ Филиппомъ, потому что это останется въ семьѣ и я не сдѣлаюсь сказкой всего города, ухаживая за разными вліятельными барышнями и черезъ нихъ выпрашивая мѣста своему мужу.

IX.

Господа гласные съѣзжаются на земское собраніе, которое откроется черезъ два дня. По этому случаю, городъ ликуетъ и устроиваетъ спектакль. Во всякомъ порядочномъ домѣ можно найти на столѣ афишку, возвѣщающую о томъ, что такого-то числа, въ 7 часовъ пополудни, будетъ дана любителями комедія Манна „Паутина“, и за тѣмъ небольшой водевиль съ куплетами. Противъ губернаторскаго сада стоитъ цѣлый рядъ экипажей. Это значитъ, что съѣздъ начался. Всѣ двѣнадцать оконъ благороднаго собранія такъ и сверкаютъ.

Зала освѣщена, на манеръ столичныхъ, цѣлымъ рядомъ люстръ, повѣшенныхъ сбоку, между колоннами. Въ одномъ мѣстѣ сверкаетъ что-нибудь розовое, въ другомъ голубое, въ третьемъ розовое и голубое рядомъ. Зеленыя панье, сѣрыя панье, желтыя панье, и шиньоны, шиньоны безъ конца. Какъ гоголевскому Шпонькѣ снилась когда-то все жена: и на колокольнѣ жена, и въ шляпѣ жена, и въ карманѣ жена, такъ и тутъ все дамы, дамы и дамы! Одна вся въ легкомъ, прозрачномъ, каждую минуту готовая испариться и улетѣть. Другую тянетъ къ землѣ двухъаршинный хвостъ бархатнаго платья, такъ что сомнѣнье беретъ, кто кого тащитъ: она ли хвостъ, или хвостъ ее. И все это каждую минуту оборачивается, хватается за шлейфъ, чтобы пролѣзть между стульевъ самой или дать пролѣзть другимъ. Распорядители спектакля, вѣроятно, въ тѣхъ видахъ, чтобы собрать какъ можно больше денегъ, оставили пустого пространства очень немного, такъ что зри-

тели невольно учились танцовальному искусству, пробираясь къ своимъ мѣстамъ, въ особенности къ тѣмъ, которыя были въ переднихъ рядахъ. Отсюда слѣдуетъ, что больше всего пострадали именно тѣ, которые дороже заплатили.

Его превосходительство, начальникъ губерніи стоялъ у барьера и бесѣдовалъ съ какимъ-то длиннымъ господиномъ. Предводитель дворянства совершалъ трудное путешествіе отъ дверей къ своему креслу. Его тучное тѣло качалось и пыхтѣло, а глаза сердито бѣгали во всѣ стороны. За нимъ шла его античная дочка, поразительно блестящая въ своемъ палевомъ платьѣ. Захвативши въ одну руку вѣеръ, она другой подбирала юбку и глядѣла исключительно въ спину своего папаши, не обращая никакого вниманія на присутствующихъ, которые провожали глазами эту гордую красавицу. Она была слишкомъ хороша для того, чтобы кокетничать; она позволяла на себя любоваться—и только. Бабушка ея, Ирина Александровна, надѣлала большого скандала, явившись въ собраніе съ своимъ лакеемъ и посадивши его рядомъ съ собою. Несмотря на невыносимую жару, она сидѣла закутанная въ мѣха, въ какую-то соболью опушь, положенную на бархатную кофту. Она привезла своего Терентія на зло всему обществу, на которое она, по собственному выраженію, плевать хотѣла. Какъ только ей случилось замѣтить, что ея сынъ, почтенный Геннадій Николаевичъ наводитъ на нее бинокль, она нарочно оборачивалась къ своему Терентію и приказывала ему подать себѣ афишку или достать лорнетку. Геннадій Николаевичъ постепенно переводилъ бинокль въ другую сторону. Все видимо клонилось къ тому, что у нихъ съ мамашей скоро опять дѣло дойдетъ до Государя.

Балкашинъ давно уже сидѣлъ рядомъ съ докторомъ Феликсомъ Францовичемъ, которому разсказывалъ про послѣдніе дебаты въ англійскомъ парламентѣ. Ева пріѣхала потомъ, ко второму дѣйствію. Il faut se faire attendre, разсуждала она дома, надѣвая свою кружевную ротонду.

Въ оркестрѣ заиграли увертюру изъ „Цампы“. Представленіе началось. Любители оказались изъ рукъ вонъ плохи. Хороша была только г-жа Корсакова, да какой-то г. Мельниковъ, изображавшій молодого писаря. Это былъ чистый бѣсъ любопытства и трусости, особенно въ ту минуту, когда онъ вытаскиваетъ изъ-подъ кардонки любовную записку. „Ты на рожу-то, на рожу-то ему посмотри“, говорилъ кто-то на хорахъ. Анна Игнатьевна въ сценѣ съ влюбленнымъ старцемъ вызвала много аплодисментовъ. Даже его превосходительство удостоилъ ударить двумя пальцами правой руки о перчатку лѣвой.

— Кто такая? благосклонно спросилъ пріѣзжій коммерсантъ у своего сосѣда.

— Вы про кого изволите говорить?

— Да вотъ... (онъ поглядѣлъ въ афишку) г-жа Корсакова.

— Ахъ, это, кажется, жена какого-то учителя. Навѣрное не знаю-съ.

— Недурна, замѣтилъ коммерсантъ и въ то же время сталъ лорнировать проходившую мимо Рашель.

Но вообще публика осталась къ представленію довольно равнодушна. Въ буфетѣ толковали все больше о земствѣ, о предстоявшемъ собраніи. Трое какихъ-то помѣщиковъ стояли у амбразуры и спорили о соляномъ акцизѣ.

— Какъ ты полагаешь, нужна коровѣ соль?

— То-есть, какъ нужна?

— Сколько ты кладешь въ годъ на корову?

— Фунтовъ пять.

— Двадцать пять!

— Да вѣдь это ты говоришь.

— Не я говорю. Въ Пруссіи исчислено, что каждая штука рогатаго скота...

— Да то въ Пруссіи!

— Да вѣдь коровы-то вездѣ однѣ!

— Да позвольте, вступается третій помѣщикъ:—что тутъ толковать о коровахъ. У насъ русскій мужикъ страдаетъ отъ недостатка соли!

— Слышали вы, разсказывалъ полицеймейстеръ въ буфетѣ:—Ткачева прошлое лѣто въ Липецкѣ на велосипедѣ каталась.

— Не можетъ быть!

— Да какъ же, мнѣ жена говорила. Она ее сама собственными глазами видѣла.

— Знаете ли вы, сколько земледѣльческихъ обществъ во Франціи? усовѣщиваетъ кто-то своего знакомаго.

— И знать не хочу.

— Да нѣтъ, вы примите это во вниманіе. Шестьсотъ-съ.

— Да хоть бы тысячу шестьсотъ. Я говорю, что у насъ это чисто толченье воды. Да вотъ вамъ сейчасъ: я членъ. Ну, и что-же-съ? Устроиваютъ господа члены сельско-хозяйственную выставку. Прекрасно! я тоже хлопочу, стараюсь, зданіе мы тамъ нанимаемъ, помѣщеніе, ну, все такое... Я тоже экспонентъ, понимаете, присылаю фруктовое варенье, а такого варенья, какъ у меня, замѣтьте,

во всей губерніи нѣтъ. Только вдругъ-съ—отказъ! Не удостоиваютъ награды. Это вы, говоритъ, изволите изъ-за границы фрукты выписывать, да изъ нихъ и варите. Это, говоритъ, не есть поощреніе отечественной промышленности. Слышите! Какова штучка-то? а? Изъ-за границы! Ну, что-жъ, дѣйствительно, изъ-за границы, да кто мнѣ это можетъ запретить? Нѣтъ, я васъ спрашиваю, кто мнѣ можетъ запретить?

— Ахъ, Яковъ Иванычъ! подобострастно кланяется одна фигура другой.—Васъ ли я вижу! А я думалъ, что вы въ Петербургѣ.

— Завтрашній день ѣду туда, изрекаетъ особа, именуемая Яковомъ Иванычемъ.

— Какъ-съ? уѣзжаете? А какъ же на собраніе-то? Вѣдь черезъ два дня откроется.

— Что́-съ? Чего это я не видалъ на вашемъ собраніи. Дремать, что́-ли, мнѣ туда ѣздить? Такъ это мнѣ гораздо удобнѣе у себя въ креслѣ передъ каминомъ.

Грубецкой дружески бесѣдовалъ съ Балкашинымъ.

— Нѣтъ, вѣдь оно въ сущности что-жъ, душа моя, толковалъ онъ:—непріятно, согласенъ съ этимъ, но опять, съ другой стороны, вѣдь ты же не обязанъ этого малаго посадить къ себѣ на шею. Законы тебя къ этому никоимъ образомъ принудить не могутъ. Законъ на твоей сторонѣ...

— Нѣтъ, вѣдь я тебѣ скажу откровенно, перебилъ Балкашинъ:—всѣ глядятъ на этого праздношатающагося Лёвку такъ, какъ будто онъ по моей винѣ теперь хочетъ свернуть себѣ голову. Вопервыхъ, какой же онъ мнѣ родственникъ?

— Да что ты мнѣ толкуешь! Будь я на твоемъ мѣстѣ,

я бы то же самое сдѣлалъ: „Я тебя, любезнѣйшій, не знаю и знать не желаю! ступай себѣ куда хочешь!“ Вотъ и весь разговоръ. Вѣдь, ежели мнѣ про гуманность будутъ говорить, такъ мнѣ гуманность не указъ!

— Нѣтъ, вотъ видишь-ли, предположивши даже, что я человѣкъ гуманный...

— Да нешто ты гуманный?

— Постой, я говорю: предположивши даже...

— Да, вотъ ежели ты гуманный... Ну, братъ, ты меня извини, я этого не зналъ. Это вѣдь совсѣмъ другой оборотъ дѣлу придаетъ.

— Брось ты, пожалуйста, хоть на время, свои глупыя шутки.

— Да вѣдь, другъ, охота-же тебѣ быть гуманнымъ. Я тебѣ всегда говорилъ: эй, не будь! не будь, Николай Михайлычъ, гуманнымъ! Вотъ теперь съ тебя общество вдесятеро и спроситъ.

И неумолимый Грубецкой пошелъ уже болтать съ кѣмъ-то изъ пріятелей.

Рашель въ эту минуту бесѣдовала съ Черникомъ.

— Вы были за кулисами? спрашивала она небрежно, играя вѣеромъ.

— Былъ.

— Ну, что́ же?

— Ничего. Барыни одѣваются. Говорятъ, приходите послѣ.

— Только-то! Немного же тамъ интереснаго.

— Какъ и вездѣ, замѣтилъ онъ насмѣшливо.

— Какъ это вездѣ? Не дѣлайте, пожалуйста, изъ себя разочароваинаго.

— Боже меня сохрани! Я доволенъ тѣмъ, что есть.

— Вы миритесь съ жизнью, даже безъ интереса?

— Нѣтъ, вотъ какъ видите, я ищу его. Даже явился сюда. Думалъ найти здѣсь сильныя ощущенія.

— Ну, и что́ же? спрашивала Рашель, глядя въ сторону.

— Не нахожу! докончилъ онъ дерзко и сталъ смотрѣть на медальонъ, висѣвшій у нея на шеѣ, на кружева, медленно приподнимавшіяся и опускавшіяся у нея на груди.

Рашель обернулась, встрѣтила его взглядъ и вспыхнула.

— Поѣзжайте за сильными ощущеніями куда-нибудь въ Австралію, выговорила она быстро и обратилась къ Боборыкову, который въ эту минуту подходилъ къ ней.— Bonsoir! Вы только что пріѣхали?

— Да, меня задержали...

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но второй актъ начался. Господа любители окончательно провалились. Мужскія роли были исполнены до того плохо и нетвердо, что когда упала занавѣсъ, кто-то крикнулъ: суфлера! Дѣйствительно, это былъ единственный человѣкъ, который старался по мѣрѣ силъ своихъ, такъ что его слышно было во всѣхъ рядахъ, до послѣдняго включительно. Нашлись люди, которые пожелали вознаградить его за такое усердіе. Первый вызвавшій его господинъ нашелъ себѣ особенную поддержку на хорахъ. „Суфлера!“ кричали оттуда въ десять голосовъ; но вызываемый не выходилъ. „Суфлера!“ повторяли уже человѣкъ пятнадцать. Поднялся гвалтъ. Наверху хлопали, стучали; внизу шикали. Вмѣсто суфлера, вышелъ на сцену полицеймейстеръ и объявилъ, что если безобразіе

не прекратится, то онъ принужденъ будетъ нѣкоторыхъ господъ вывести вонъ. Его встрѣтили такими аплодисментами, какихъ до той поры зала благороднаго собранія не видала.

За кулисами царствовало смятеніе. Двое изъ любителей оскорбились и отказывались играть. Серёжа Говоровъ ходилъ по сценѣ и кричалъ, что онъ лучше исполнять не умѣетъ, что чортъ бы побралъ всю эту публику. За нимъ ходилъ какой-то старецъ и просилъ его успокоиться. Лили репетировала куплеты для своего водевиля и хохотала, какъ сумасшедшая. Одѣтая маркизой, въ голубой атласной робѣ съ бѣлою вставкой напереди и съ напудренными волосами она ужасно напоминала фарфоровую куколку съ этажерки, Анна ушла въ уборную одѣваться.

Занавѣсъ опять поднимается; публика видитъ балъ у промотавшейся аристократки, видитъ много свѣчей, много разряженныхъ барынь и ждетъ, что́ будетъ дальше. Приходитъ старецъ, разставляетъ какіе-то пузырьки и объясняетъ зрителямъ, что затѣяна лотерея и что пузырьки—выигрыши. Но зрители остаются равнодушны, можетъ быть, потому, что они слышали уже это изъ суфлерской будки. Приходитъ Серёжа Говоровъ и начинаетъ горячиться, потому что въ роли у него написано: „горячись“. Но никакого одобренія за свое усердіе не видитъ.

Губернаторъ дѣлаетъ строгую мину и говоритъ своему сосѣду, что онъ въ этой роли видѣлъ Шумскаго. Во второмъ ряду, слышно, кто-то еще сообщаетъ, что онъ въ этой роли видѣлъ Шумскаго. Общее уныніе.

Вдругъ всѣ встрепенулись и бинокли направляются на сцену. Является Анна Игнатьевна въ бальномъ нарядѣ.

Черное бархатное платье красиво волочится и драпируется на ней. Декольтированная шея и руки поражаютъ своею ослѣпительною бѣлизной. Длинные локоны подобраны и перехвачены чернымъ бархатомъ и какими-то золотыми бусами. Въ рукахъ вѣеръ, который она, въ минуту состязанія съ своимъ возлюбленнымъ, мнетъ и вертитъ немилосердно. Порывистая, страстная женщина такъ и рвется наружу изъ этихъ гнѣвныхъ сѣрыхъ глазъ, изъ этихъ полуоткрытыхъ губъ, которыя сжимаются только для того, чтобы потомъ съ новою отчетливостью выговорить какое-нибудь рѣзкое слово. И вдругъ, почти внезапно, безъ перехода, на лицѣ загорается выраженіе самой нѣжной любви. Она то ведетъ дерзкую аттаку на своего возлюбленнаго, то опять отступаетъ, чтобы услышать отъ него слово любви и примиренія.

Публика пріятно удивлена какъ талантомъ актрисы, такъ и ея туалетомъ. Bravo! летятъ со всѣхъ сторонъ. Капельмейстеръ передаетъ букетъ. Г-жа Корсакова дѣлаетъ реверансы, очень граціозно подбирая свой шлейфъ. Аплодисменты усиливаются и реверансы также.

Кто-то изъ особъ объявляетъ, что онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить въ провинціи такую элегантную красавицу. Въ слѣдующемъ антрактѣ было много говорено о томъ, что Корсакова женщина видная и блестящая, что странно только одно, гдѣ она скрывалась до сихъ поръ. Почтенный директоръ гимназіи вѣрить не хотѣлъ, чтобы это была жена бывшаго учителя физики. Балкашинъ ходилъ нахмурившись. Ему почему-то грустно стало, что его предсказанія сбываются и Анна Игнатьевна не на шутку думаетъ блестѣть.

Спектакль подходилъ къ концу. „Паутина“ кончилась

и г-жа Корсакова получила еще два букета, не считая аплодисментовъ и вызововъ. Афишка обѣщала еще водевиль съ куплетами. Публика посмотрѣла—заглавіе довольно странное и вмѣстѣ съ тѣмъ простое: „На гороховомъ полѣ“. Ну, ладно, думаетъ, дай погляжу, что такое. Поднимается занавѣсъ. Сначала, разумѣется, лакей чиститъ сапоги; потомъ выходитъ губернаторша, одѣтая маркизой. Почему маркиза и почему она на Гороховомъ полѣ—этого никто не понимаетъ. Послѣ, впрочемъ, оказывается, что это совсѣмъ не маркиза, а какая-то Зизи.

Является поварёнокъ, за нимъ учитель музыки; начинаются прыганья за окошко, залѣзанья подъ столъ—словомъ, водевиль, какъ слѣдуетъ. Зизи ужъ подъ конецъ не Зизи, а дочь какого-то графа. По этому случаю она танцуетъ русскую; поварёнокъ оказывается ея братомъ, и тоже танцуетъ. Наконецъ, учитель музыки пускается вальсировать. Публика хохочетъ и занавѣсъ падаетъ.

Лили получила корзинку съ гирляндой цвѣтовъ и съ своимъ вензелемъ. Злые языки говорили, будто это ей поднесъ мужъ. Послѣ спектакля устроенъ ужинъ. Кѣмъ именно и на чьи деньги—неизвѣстно, но дѣло въ томъ, что ужинъ существуетъ. Приглашены, разумѣется, только избранные, которыхъ набралось, впрочемъ, довольно много. Распорядителемъ является какой-то лысый господинъ. Онъ покорнѣйше проситъ всѣхъ кушать и не думать о завтрашнемъ днѣ.

Анна вышла въ томъ же самомъ бальномъ платьѣ, накинувши на плечи кружевную мантилью и заколовши ее розой изъ поднесеннаго букета. Она была очаровательно любезна со всѣми, кто ей говорилъ комплименты. Она въ

шутку подарила одному юношѣ цвѣтокъ изъ своего букета и пила вмѣстѣ съ другими за здоровье губернаторши, какъ учредительницы спектакля.

Лили блестѣла своимъ жемчугомъ, своими синими глазами, своими локонами—словомъ, всѣмъ, что только заслужило ей названіе прелестной женщины. Она не жалѣла улыбокъ и расточала ихъ направо и налѣво. Она дарила желающимъ наивно-удивленные взгляды изъ подъ длинныхъ рѣсницъ. Къ ней такъ шло ея голубое платье, залитое бѣлыми кружевами!

Рашель уѣхала съ своей бабушкой, и ужинать не осталась. Ее, кажется, испугала перспектива ужина, за которымъ непремѣнно надо будетъ что-нибудь говорить. Рашель не любила большого общества, а еще болѣе того, что́ называется conversation générale. Она находила, что гораздо будетъ эффектнѣе уѣхать прежде другихъ и отказаться отъ ужина, чѣмъ сидѣть за столомъ и глупо молчать. Она холодно кивнула головой своимъ знакомымъ, сказала: „папа! я уѣзжаю“, и оставила залу. Черникъ вышелъ провожать ее на лѣстницу, дорогой пожалъ ей руку и объявилъ, что завтра онъ будетъ имѣть честь видѣть ея папа. Подсаживая ее въ карету, онъ просилъ ее не губить даромъ человѣка и быть другой разъ съ Боборыковымъ полюбезнѣе. Рашель тихо засмѣялась и сказала: „до свиданья“, но такъ мягко, что казалось это говоритъ не она, а кто-нибудь другой. Дверцы захлопнулись и экипажъ тронулся; Черникъ взбѣжалъ опять на лѣстницу, но на поворотѣ столкнулся съ Анной, которая провожала Падалку. Старуха стояла вся закутанная и упакованная въ шубы и отъ души хохотала надъ тѣмъ, что́ ей разсказы-

вала вполголоса ея собесѣдница. Увидавши Черника, Анна остановилась, а Падалка дала знакъ своему Терентію, который давно дожидался ее съ пледомъ въ рукѣ. Послѣдній платокъ былъ накинутъ на нее длинными руками вѣрнаго слуги и долго еще, спускаясь по ступенькамъ, она оборачивалась и кивала головой.

Анна остановилась передъ зеркаломъ поправить себѣ прическу и спросила черезъ плечо Черника, какъ онъ находитъ сегодняшній спектакль. Онъ, разумѣется, похвалилъ и между прочимъ высказалъ удивленіе ея таланту.

— Представьте себѣ! а мы сейчасъ только съ Ириной Александровной удивлялись вашему таланту.

— Какому, скажите пожалуйста?

— Это будетъ, пожалуй, нескромно.

— Ничего, я вамъ даю слово не оскорбляться.

— Вы ухаживаете разомъ за тремя особами, а за двумя очень серьёзно. Берегитесь! выбирайте какую-нибудь одну, пока еще не поздно.

Черникъ засмѣялся.

— Я только-что хотѣлъ бросить ихъ всѣхъ и начать ухаживать за вами. Для перваго начала позвольте предложить вамъ руку.

Она приняла тоже смѣясь и, слегка опираясь на него, смотрѣла, какъ красиво оттѣняется ея бѣлая перчатка на черномъ суконѣ.

— Такъ вы думаете теперь приняться за меня? Bravo! Зачѣмъ вы только начали такъ поздно?

— Да помилуйте, когда-же было! Мы съ вами все говорили о десятинахъ, да о трехпольной системѣ.

— Вотъ то-то и есть. Никогда женщинѣ не слѣ-

дуетъ заниматься хозяйствомъ; она сейчасъ теряетъ своихъ поклонниковъ! Кончено! отнынѣ я говорю только о чувствахъ!

— Ну, это не ваша спеціальность, замѣтилъ онъ насмѣшливо. — Такія женщины, какъ вы, о чувствахъ не говорятъ.

— Это почему?

— Да потому, что у васъ ихъ нѣтъ.

— Представьте себѣ, какъ господинъ Черникъ знаетъ меня? Когда это мы съ вами успѣли такъ близко познакомиться?

— Иногда достаточно двухъ словъ и одного движенія, чтобы человѣкъ опредѣлился вполнѣ.

— Боже, какъ вы проницательны! У васъ, должно быть, удивительный даръ угадывать людей.

— Это даръ, доступный всякому, кто только захочетъ быть наблюдательнымъ.

— Какъ это? съ двухъ словъ опредѣлять характеръ?

— Бо́льшею частью это такъ и бываетъ. Мы въ пустякахъ высказываемся скорѣе, потому что меньше наблюдаемъ за собой.

— Да это парадоксы!

— Нимало. Я, напримѣръ, въ жизни своей не встрѣчалъ человѣка, который не сказалъ бы, что іезуитство есть вещь, достойная всякаго омерзѣнія, а между тѣмъ, каждый изъ насъ непремѣнно іезуитъ и чаще всего выдаетъ себя въ какихъ-нибудь мелочахъ, самъ того не замѣчая.

— Какъ? вы не встрѣчали въ жизни своей человѣка, который стоялъ бы за іезуитство? Смотрите-же на меня пристальнѣе. Я буду ваша первая встрѣча въ этомъ родѣ. Я за него стою! Я горячая защитница его!

Онъ удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Вы находите смѣлостью то, что я призналась въ этомъ чувствѣ? По-моему, іезуиты прекраснѣйшіе люди, уже потому, что я всегда предполагаю въ нихъ извѣстную силу характера. А такъ-какъ я сама этой добродѣтели не имѣю, то она мнѣ особенно нравится въ другихъ.

— Въ такомъ случаѣ вы должны сочувствовать всякому мошеннику, который энергично преслѣдуетъ свою цѣль.

— Нужно, чтобы цѣль оправдывала средства, чтобы она ихъ дѣйствительно оправдывала!

— Да, но вотъ видите-ли, что́ вы назовете оправдывающею цѣлью? Вѣдь я, напримѣръ, могу оправдать то, что вы назовете фальшью.

— Ахъ, я говорю только лично о себѣ. Что въ моихъ глазахъ хорошо, то и оправдывается; а до другихъ мнѣ дѣла нѣтъ.

— Да; вы вотъ какъ это толкуете! улыбнулся онъ, взглянувши мелькомъ на ея пышную прическу и на легкую, нѣжную краску, выступившую на щекахъ. Она шла къ нему профилемъ съ выраженіемъ насмѣшливымъ и выжидающимъ въ одно и то же время.

— А вы какъ думаете?

— О, да съ вами опасно имѣть дѣло! Вы женщина коварная. Какъ же на васъ положиться, когда вы не признаете нравственности!

— И не совѣтую на меня полагаться. Я иногда и сама себя обманываю, а нетолько другихъ!

Она заключила это самонадѣяннымъ взглядомъ, и какъ бы нехотя поправила мантилью, черезъ которую сквозили ея изящныя плечи.

— Однако, вы не будьте со мной слишкомъ любезны, добавила она, опуская глаза.—На васъ глядитъ губернаторша; она запишетъ это въ свою памятную книжку.

— Я приду и вычеркну, шутилъ Черникъ, не сводя съ нея своихъ взглядовъ.

— Будто бы? поддразнивала Анна Игнатьевна.

— Вѣдь я-же сказалъ, что отнынѣ буду ухаживать за вами.

— Я конкурренціи не допускаю! или я, или никто.

— Анна Игнатьевна, это слишкомъ жестоко!

— Я женщина безъ чувствъ; помните! вы это сами сказали. А пока позвольте васъ познакомить съ моею родственницей. Саша! это Андрей Михайловичъ Черникъ. А вамъ рекомендую: Александра Яковлевна, сестра моего мужа; повѣса страшная. Это между нами.

Саша съ большимъ любопытствомъ разглядывала Черника, котораго ей такъ давно хотѣлось посмотрѣть. Такимъ образомъ совершилось это знакомство, и никто не предвидѣлъ тогда, какія оно со временемъ будетъ имѣть послѣдствія!

X.

На другой день за кофеемъ Падалка имѣла удовольствіе видѣть Анну Игнатьевну у себя. Обѣ, какъ женщины чрезвычайно скромныя, могли, конечно, позволить себѣ немножко пройтись на счетъ своихъ ближнихъ. Анна потревожила слегка прахъ тѣхъ событій, которыя совершались вчера за кулисами. Ирина Александровна могла разсказать, кто сидѣлъ въ первомъ ряду и даже описать, кто какъ

себя чувствовалъ. Губернаторъ, она знала, плакалъ въ душѣ объ атласѣ и кружевахъ, которыя жена его мызгала по сценѣ. Полицеймейстерша пріѣхала только для Черника и погналась за нимъ, когда увидала его въ проходѣ. Балкашинъ (пусть Анна извинитъ, хотя онъ ей и родственникъ, но Ирина Александровна не хочетъ дѣлать для него исключенія), Балкашинъ высматривалъ себѣ новую жертву для своихъ завтрашнихъ подвиговъ въ клубѣ.

— Кстати, вѣдь онъ недавно обыгралъ кого-то на десять тысячъ? Ты это слышала?

И не дожидаясь отвѣта, Падалка продолжала разсказывать дальше, какъ ея внучка нарядилась канарейкой, думая плѣнить этимъ всѣхъ своихъ обожателей и, главное, какъ скверно долженъ былъ себя чувствовать Геннадій Николаевичъ. Старуха описала почти съ художественною вѣрностью, какъ онъ вертѣлся съ биноклемъ, стараясь избѣгать того мѣста, гдѣ сидитъ *она* съ своимъ лакеемъ Терентіемъ.

Анна, въ свою очередь, могла разсказать, что за ужиномъ Лили бросала на Черника очень нѣжные взгляды; что почтенный директоръ гимназіи за пятой рюмкой расчувствовался, пилъ за здоровье университета и разбилъ свой бокалъ; что кто-то изъ помѣщиковъ предсказывалъ близкую войну съ Англіей.

Тутъ она кстати поблагодарила Падалку за карету и за бальное платье, намекнувши на то, что успѣхомъ своимъ она обязана больше всего этому платью и, главное, изящному вкусу Ирины Александровны, которая посовѣтовала ей явиться въ черномъ.

Старушка очень рада, что имѣетъ случай поговорить о

своемъ необыкновенномъ вкусѣ, которымъ, какъ всѣмъ извѣстно, она отличалась еще въ молодости. Слѣдуетъ описаніе тѣхъ туалетовъ, которые она надѣвала во дворецъ и на балъ къ графамъ Строгоновымъ. Отъ избытка чувствъ, нижняя челюсть не всегда слушается Ирины Александровны и отстаетъ совсѣмъ некстати. Но она храбро сражается съ нею и заставляетъ гостью выслушать до конца описаніе бывшей тогда въ модѣ отдѣлки изъ лебежьяго пуху. Послѣ такого подвига надо было перевести духъ и выпить вторую чашку кофе. Затѣмъ старуха сообщила Аннѣ, что управляющій уже нанятъ.

Анна быстро подняла глаза.

— Это тотъ, кого рекомендовалъ вамъ Черникъ?

— Да. А что́?

— Напрасно, выговорила она коротко, и сжала губы.

Падалка начала тревожиться.

— Да отчего, что́ такое? Развѣ ты его знаешь?

— Я знаю только одно, что на рекомендацію Андрея Михайловича я бы никогда не положилась.

— На кого же мнѣ полагаться прикажете! не на Дюшенку-же въ самомъ дѣлѣ. Его Геннадій Николаевичъ нарочно подучитъ обобрать меня. Развѣ ты не знаешь, что мой сынъ, еслибы можно, давно бы отравилъ меня. Неужели же я поставлена теперь въ необходимость довѣряться его приближеннымъ? Я молю Бога, чтобы онъ избавилъ меня отъ этого.

— Зачѣмъ же непремѣнно Дюшена. Я вамъ его не называю. Какъ-будто, кромѣ него, нѣтъ людей! Но я, опять-таки, скажу одно: на вашемъ мѣстѣ менѣе, чѣмъ-кому-нибудь, я бы стала довѣряться Чернику.

Падалка задвигала губами и хотѣла что-то сказать, но отъ удивленія-ли или отъ тревоги, только челюсть опять не слушалась ея.

— Неужели вы не замѣчаете, продолжала Анна: — что онъ имѣетъ на васъ какіе-то виды. То-есть, по крайней-мѣрѣ, если не на васъ, то на ваше имѣнье. Какъ вы ни браните Дюшена, а я съ нимъ согласна: это человѣкъ съ задними мыслями. Меня эта покупка лѣса сильно интригуетъ. Послѣ того, какъ мы съ вами видѣлись въ послѣдній разъ, онъ вѣрно опять говорилъ вамъ объ этомъ.

— Да, говорилъ.

— Вотъ видите-ли! Если я не ошибаюсь, онъ тоже изъ числа тѣхъ спекулянтовъ, которымъ не нужно вѣрить вотъ на сколько! (она отмѣрила крошечное пространство на своемъ мизинцѣ). Онъ поведетъ дѣла отлично, въ этомъ я и не сомнѣваюсь, только не для насъ съ вами, а для себя!

— Я, право, не знаю, говорила Падалка, смущенная рѣзкимъ и самоувѣреннымъ тономъ своей собесѣдницы: — откуда у тебя всѣ эти подозрѣнія. Ты смотришь на свѣтъ, точно онъ полонъ мошенниками.

— Отъ мошенника до ловкаго человѣка далеко, Ирина Александровна. Легко провести границу между двумя губерніями, но между тѣмъ, что́ называется честнымъ и безчестнымъ... очень трудно! Да что-же мы съ вами говоримъ о добродѣтели этого Черника, когда мы, извините, вѣдь обѣ не знаемъ его.

— Уваръ Иванычъ не сталъ бы его рекомендовать...

— А какое дѣло Увару Иванычу до того, вытащитъ онъ у васъ изъ кармана лишнія десять тысячъ или не

вытащить. Я, конечно, говорю это только для примѣра. И опять-таки гораздо охотнѣе готова предполагать въ вашемъ Черникѣ честнѣйшаго господина, но пока мы съ вами въ этомъ не увѣрены, намъ надо принять всѣ предосторожности.

— Не могу же я, однако, прогнать этого управляющаго, замѣтила Падалка сердито. — Я дала слово Андрею Михайловичу, что возьму его... Да и онъ самъ былъ у меня. Это дѣло ужъ рѣшенное. Не говори мнѣ, пожалуйста, объ этомъ!

— Какъ хотите, сказала Анна, прикидываясь равнодушной. — Конечно, вѣдь, могу и я ошибаться. Можетъ быть, у васъ въ имѣньи все останется цѣло, и это можетъ быть.

Она пожала плечами и стала играть кистью у подушки. Но въ ея тонѣ слышалось другое. Падалку нетолько жадной, даже экономной нельзя было назвать. Она знала бережливость только по имени. Но гдѣ же есть такой человѣкъ, которому было бы пріятно потерять изъ кармана десять тысячъ. Такая перспектива испугала ее. Въ юности большая мотовка, на старости она любила сознавать, что у нея есть помѣстье, которое приноситъ около ста тысячъ годового дохода. И представить себѣ вдругъ, что отъ этихъ ста тысячъ что-нибудь пропадетъ. Ужасно!

Старуха заволновалась.

А Анна нарочно растравляла ее.

— Вы вспомните, говорила она: — вашего нѣмца. Онъ вамъ стоилъ вѣрныхъ двадцати-пяти тысячъ. Вотъ вамъ и рекомендація Увара Иваныча. Нѣтъ, не знаю, какъ вы, а я нахожу, что эти опыты стоютъ слишкомъ дорого. За

одного двадцать-пять, да за другого двадцать — немного найдется такихъ добрыхъ женщинъ, какъ вы.

Бѣдная Падалка становилась совсѣмъ грустною. У нея даже аппетитъ пропалъ. Она не допила свою чашку и дрожащими руками стала расправлять на столѣ скатерть. Нѣтъ ничего легче, какъ сбить ее съ толку во всѣхъ вопросахъ, не касавшихся французской литературы и изящныхъ искусствъ. Пока жива была покойница дочь ея, бывшая замужемъ за княземъ Оболенскимъ, она распоряжалась ея имѣніями, назначала ей управляющихъ и во все входила сама. Это была женщина, въ родѣ Анны Игнатьевны, дѣятельная и никому потачки не дававшая. Но вотъ княгиня умерла, и Падалка осталась сиротой. Пошли рекомендаціи Увара Иваныча и опыты съ нѣмцами. Вдругъ Иринѣ Александровнѣ приходитъ блестящая мысль. Чтó, еслибы Анна въ самомъ дѣлѣ заняла мѣсто княгини Оболенской и сняла бы съ нея всѣ заботы о сельскомъ хозяйствѣ, о торфяномъ производствѣ и лѣсосѣкахъ! Это былобы тѣмъ удобнѣе, что Анна сама когда-то управляла имѣніемъ у зятя. Отчего-бы не поручить ей теперь слѣдить за новымъ управляющимъ?

Падалкѣ казалось, что она открыла Америку. Она не замѣчала, что Анна Игнатьевна наводила ее на эту мысль уже давно. Ея m-me Roland, между невинною болтовней объ итальянскихъ артистахъ и о парижской жизни, всегда умѣла бросить нѣсколько фразъ, которыя всѣ имѣли въ виду натолкнуть безтолковую старуху на эту мысль. Стало быть, все устроивается прелестно. Анну Игнатьевну приглашаютъ съѣздить въ деревню, познакомиться съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ и затѣмъ уже не терять ихъ изъ

виду, продолжая постоянно слѣдить за ними. О вознагражденіи, разумѣется, не будетъ и толку. Ирина Александровна не хочетъ предлагать никакихъ условій. Пусть Анна назначитъ ихъ сама. Она увѣрена, что онѣ сойдутся. Она проситъ только объ одномъ, чтобы m-me Roland не забывала ее.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СОЛЬ ЗЕМЛИ

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

С. Смирновой.

ТОМЪ II

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.
1875

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
ВОЛЬ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Падалка шлетъ въ деревню приказаніе: отопить весь домъ къ пріѣзду ея внучки и Анны Игнатьевны.

Дворецкій отряжаетъ истопниковъ во всѣ уголки ненасытной громады; начинается война съ сыростью, съ плѣсенью, съ угаромъ; снимаются чахлы съ картинъ, раздвигается сдвинутая въ кучу мебель.

Падалка пожаловала Аннѣ Игнатьевнѣ должность министра безъ портфеля. Она сдѣлала ее своею приближенной, подарила ей свое расположеніе, свое довѣріе, но въ то-же время не дала никакихъ формальныхъ правъ на управленіе имѣніемъ. Настоящимъ министромъ съ портфелемъ и со всѣми полномочіями былъ Богданъ Иванычъ. Оставалось рѣшить теперь, какимъ образомъ устроить за нимъ надзоръ, но такъ, чтобы это не было слишкомъ явно и обидно, какъ для него самого, такъ и для его покровителя, Черника. Что значили такіе пустяки для дипломатическихъ способностей Ирины Александровны, водившей нѣкогда интимное знакомство съ Талейраномъ и знававшей Меттерниха въ лицо? Она пригласила m-me Roland и сообщила ей свою конфиденціальную ноту. Обѣ посмѣялись, поболтали, и въ результатѣ получилось вотъ что:

Рашель никогда не видала деревни зимой. Ей надо показать поля, занесенныя снѣгомъ, избы въ сугробахъ, лѣсъ, задремавшій подъ бѣлымъ покровомъ. Нельзя въ наше время порядочной дѣвушкѣ не знать, что́ мужики дѣлаютъ въ деревнѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ. По настоящему, слѣдовало бы даже хоть недѣльки на двѣ открыть школу и ходить туда учить ребятишекъ нравственности и чистописанію. Двѣ недѣли—это немного, а между тѣмъ, послѣ имѣется возможность сказать: moi aussi j'ai mes élèves à la campagne; и у меня есть въ деревнѣ ученики! Не имѣть ихъ какъ-то совѣстно. Теперь такъ принято; кто-же изъ высшаго круга не открылъ, или, по крайней мѣрѣ, не желалъ открыть у себя въ имѣніи сельскую школу?

Все это Рашель выслушала отъ своей бабушки, а между прочимъ и то, что въ деревню ѣдетъ теперь Черникъ. Это было сказано, конечно, вскользь, но глубоко запало въ душу красавицы. Ей думалось, что въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, деревня имѣетъ зимой нѣкоторую прелесть. Она вдругъ увѣровала въ ея обаянія—les prestiges de la campagne...

Когда страсть загорается въ сердцѣ такихъ женщинъ, какъ Лидія Геннадіевна, онѣ не знаютъ препятствій. Что значили для нея теперь какія-нибудь 50 верстъ. Она заранѣе торжествовала побѣду, она видѣла уже дерзкаго агронома у ногъ своихъ, и думала о той минутѣ, когда холодностью своею накажетъ его за всѣ промахи.

Но бабушка, кромѣ того, чрезвычайно предупредительна; чтобы не пускать ее одну, она нашла ей очень милую спутницу, Анну Игнатьевну. Это будетъ partie de plaisir для

обѣихъ. Ирина Александровна надѣется, что обѣ останутся довольны.

Падалкина усадьба въ селѣ Хандровѣ стоитъ мрачная и сердитая, съ своею причудливою архитектурой временъ Екатерины и Потемкина, съ своими башнями, павильонами, оранжереями, конюшнями и винными подвалами. Въ павильонахъ давно выбиты стекла, конюшни стоятъ пустыя на всѣ сорокъ стойлъ, башенные часы неизмѣнно показываютъ половину пятаго; оранжерея служитъ только какъ предлогъ для существованія садовника. Въ погребахъ остались только пустыя бочки, груда разбитыхъ бутылокъ, да картофель, догнивавшій тутъ свой третій сезонъ. Кухня, наглухо заколоченная ставнями, радушно открывала свои двери всякому, кто желалъ бы попользоваться ея заслонками и вьюшками съ плиты. Нимфы и каріатиды въ саду очень часто эквилибрировали на одной ногѣ и, лишившись носа, стыдливо прикрывали себя рукой, у которой недоставало локтя или цѣлой кисти. Скамейки въ аллеяхъ пропадали подъ густою пеленой снѣга и тѣмъ только скрывали свое убожество, но весной можно видѣть, что у одной отвалилась спинка, а у другой и самое сидѣнье свернулось на бокъ, оставляя на показъ врытые въ землю столбики. Все разсыпалось, все валилось на сторону. Уцѣлѣлъ только одинъ великанъ—барскій домъ, и хоть сильно пострадалъ старикъ, хоть и далъ трещины по всѣмъ стѣнамъ, но все еще стоялъ бодро, и сурово выдвигалъ впередъ свои башни и каменныя террасы. Точно онъ заснулъ на время крѣпкимъ сномъ и нарочно остановилъ на часахъ стрѣлку. Казалось, вотъ пойдутъ часы, двинется стрѣлка и проснется старый исполинъ: раскроетъ двери на террасы и на главный подъѣздъ, за-

стучатъ шары на билліардѣ, заиграетъ оркестръ на эстрадѣ въ круглой залѣ.

Но когда-то это еще будетъ, а теперь усадьба пока спитъ. Только въ квартирѣ у дворецкаго теплится лампада, и богомольная старушка выходитъ въ сѣни покликать свою Машку или изъ форточки выброситъ крошекъ „гулинькамъ“. Изъ оранжереи вылетаетъ тоненькій дымокъ, возвѣщая о томъ, что у садовника топится печка. Затѣмъ, все тихо и глухо. Дворъ занесенъ сугробами, а въ садъ хоть и не заглядывай: на томъ мѣстѣ, гдѣ лѣтомъ значились дорожки, теперь такія массы снѣга, что уйдешь въ нихъ совсѣмъ съ головой. У сиреневыхъ кустовъ около забора едва видны однѣ верхушки. Чугунныя ворота съ массивными гербами Падалокъ обыкновенно бывали наглухо затворены, но въ эту зиму выскочили изъ петель и держались только съ помощію подпорокъ.

По главной аллеѣ, которая вела къ подъѣзду, какой-то мужикъ катался на треугольникѣ и выравнивалъ дорогу: единственный замѣтный признакъ, что ждутъ гостей. На другомъ концѣ усадьбы, въ конторѣ, занимался Богданъ Иванычъ, уже вступившій въ отправленіе своей новой должности. Тутъ-же рядомъ, во флигелѣ, собиралъ свои пожитки его предшественникъ, ученый нѣмецъ aus Deutschland. Прислуживавшій ему мальчикъ Гаврюшка смотрѣлъ, какъ нѣмецъ укладываетъ свои зубочистки, какъ онъ завертываетъ гребешокъ въ полотенце и ни за что не положитъ большую наволочку сверху маленькой, а если и сдѣлаетъ это по ошибкѣ, то потомъ возьметъ и переложитъ: большую внизъ, а маленькую на нее.

Гаврюшка стоялъ съ ваксельными щетками въ рукахъ

и машинально потиралъ ихъ себѣ о колѣни. На лицѣ у него выражалось самое блаженное состояніе, особенно когда нѣмецъ откупорилъ какую-то стклянку и сталъ ее нюхать. Процессъ укладыванья одинаково занималъ и барина и слугу, который помогалъ, впрочемъ, больше глазами. На самомъ интересномъ мѣстѣ, когда стали складывать вчетверо турецкій халатъ на фланелевой подкладкѣ, кто-то неистово стукнулъ въ дверь, и вслѣдъ затѣмъ, не дожидаясь, чтобы хозяева отперли, изъ сѣней закричали, что господа пріѣхали, чтобы Гаврюшка бѣжалъ сейчасъ-же въ домъ. Нѣмецъ съ отчаяніемъ смотрѣлъ, какъ упалъ на полъ турецкій халатъ и какъ, еще недавно вѣрный ему, Гаврюшка измѣннически оставилъ его одного съ раскрытымъ и на половину еще неуложеннымъ чемоданомъ. Это окончательно утвердило его въ невыгодномъ мнѣніи насчетъ русскихъ скотинъ, мнѣніи, которое онъ думаетъ отвезти съ собою и въ Германію.

Пріѣхали пока только Рашель и Анна; Черникъ долженъ былъ явиться на другой день. Лидія Геннадіевна, не смотря на зимнее время, одѣтая въ одно драповое манто, вся посинѣла и съ трудомъ могла вытащить изъ муфты закоченѣвшія руки; однакоже, не измѣняя своему достоинству, медленно и величественно поднялась по лѣстницѣ бабушкинаго замка. Анна, закутанная до невозможности, быстро однакожъ взбѣжала по каменнымъ ступенькамъ, мелькомъ взглянувши на львовъ, сторожившихъ входъ въ святилище.

Сѣни поражали оригинальностью: съ пролетомъ во всѣ три этажа, они оканчивались вверху какимъ-то куполомъ. Широкая, витая лѣстница взбѣгала по стѣнамъ и устрой-

ствомъ своимъ напоминала лѣстницу большого театра. Огромное простѣночное зеркало отражало нашихъ путешественницъ во всей непривлекательности ихъ дорожнаго костюма. Рашель была поражена: никогда еще цвѣтъ лица ея такъ сильно не пострадалъ, какъ отъ этого путешествія, совершеннаго налегкѣ. Даже выраженіе ея черныхъ глазъ какъ будто потускнѣло и потеряло свою прелесть. Она поспѣшно прошла въ свою комнату, не подаривши ни малѣйшимъ вниманіемъ палаты своей бабушки. За ней двинулась ея дѣвушка съ цѣлымъ магазиномъ туалетныхъ принадлежностей. Бросились стирать пыль, спускать драпри, зажигать курительныя машинки, чтобы прогнать затхлый, могильный воздухъ. Лидія Геннадіевна съ отвращеніемъ сбросила пыльную клеенку съ умывальника, потомъ поглядѣла на свѣтъ поданную ей воду, нашла, что она нечиста и велѣла принести себѣ другой. Она почти съ презрѣніемъ посмотрѣла на розовую бархатную мебель, затканную бѣлымъ, какъ будто покрытую тончайшими кружевами. Она находила, что это слишкомъ ярко, „que ça lui donne sur les nerfs“. Ее сердили даже стѣны, обитыя коврами: виды, вытканные по блѣдному розовому фону, казались ей верхомъ безвкусицы. Словомъ, она была недовольна своею комнатой: слишкомъ яркій свѣтъ, слишкомъ мало уютности и воздухъ какого-то погреба!

Горничная разставляла на туалетѣ ея дорожный несессеръ, ея зеркало, ящикъ съ перчатками и молитвенникъ. Достали спальныя туфли и спальный капотъ изъ бѣлаго кашемира. Рашель облеклась въ него, спросила себѣ чего-нибудь горячаго, скушала котлетку и отослала горничную. Тепло, удобство и удовлетворенный аппетитъ возвратили ей

ея свѣжесть. Она успокоилась, взглянувши въ зеркало и увидавши, какая глубокая надменность блеститъ попрежнему въ ея глазахъ. Она легла на пате и лѣниво, нехотя стала перелистывать книжку, взятую на дорогу. Это были „Les Femmes“ Альфонса Карра. „L'amour c'est le parfum de l'âme qui s'épanouit“ прочла она и задумалась. Передъ ней уже носился въ туманѣ чей-то образъ; она вдругъ встала и подошла къ туалету, чтобы еще разъ взглянуть на себя. „Парижанка не можетъ быть дурна собой“, говоритъ Альфонсъ Карръ. „Да, но она беретъ свою миловидность съ бою; она каждую минуту должна думать о томъ, чтобы какъ-нибудь не потерять своего обаянія, а я... для меня это лишнее“, мелькнуло гордое сознаніе въ головѣ Рашели. Она поправила брошку, поправила золотую гребенку на волосахъ и отошла спокойная, надменная. Она ждала своей жертвы; ей невозможнымъ казалось, чтобы Черникъ устоялъ противъ ея красоты. Au fait qu'est ce qu'il est? Она сдвинула брови и ея классическій профиль лучше, чѣмъ когда-либо, обрисовался на розовомъ фонѣ дивана, къ которому она прилегла.

Анна Игнатьевна проводила свое время иначе. У нея не было для развлеченія Альфонса Карра, не было съ собой камерфрейлины. Она отыскала себѣ комнату и, какъ женщина практическая, прежде всего спросила обѣдать. Ей подали единственную котлету, но сервированную на какомъ-то удивительномъ китайскомъ фарфорѣ, съ хрусталемъ, съ малахитовыми ручками у ножей и съ массивными серебряными судками. Не совсѣмъ чистую воду для питья подали въ изящномъ хрустальномъ кувшинѣ съ неподражаемою живописью.

При яркомъ сіяніи канделябры съ четырьмя свѣчами, все это сверкало, переливалось и выставляло въ несовсѣмъ выгодномъ свѣтѣ котлету подъ картофельнымъ соусомъ. На вопросъ, нѣтъ-ли чего-нибудь еще, Анна съ прискорбіемъ узнала, что больше ничего нѣтъ.

— Такъ дайте мнѣ чаю, наконецъ. Не могу-же я сидѣть голодная. Неужели вы все время будете насъ такъ кормить?

Въ отвѣтъ на это ей объявляютъ, что провизіи тутъ нѣтъ, повара тоже нѣтъ, но, что, впрочемъ, напредки постараются приготовить лучше.

„Однако, я вижу, сюда надо было ѣхать съ консервами, съ готовою провизіей, какъ въ кругосвѣтное плаваніе“. Анна сдѣлала гримасу, но утѣшилась тѣмъ, что Лидіи Геннадіевнѣ теперь тоже не лучше, и что единственная котлетка, вѣроятно, не разъ заставила ее пожалѣть о родительскомъ домѣ. Послѣ такого подкрѣпительнаго размышленія, Анна Игнатьевна начинаетъ разглядывать свой будуаръ. Ея любимый голубой цвѣтъ покрываетъ всю мебель. Голубыя штофныя занавѣски задернуты надъ постелью, стоявшею за мраморною балюстрадой. Все это, правда, полиняло и имѣетъ скорѣе видъ историческаго памятника, но иногда самая старина бываетъ пріятна. Она переноситъ въ тѣ времена, когда все это было ново, свѣжо, когда жизнь кипѣла въ мертвыхъ теперь комнатахъ. Кто спалъ за этимъ голубымъ пологомъ лѣтъ 50 тому назадъ? Можетъ быть, какая-нибудь красавица, капризная повелительница, благодѣтельница нѣсколькихъ тысячъ душъ и цѣлаго штата дворовыхъ, которыхъ нещадно сѣкли у нея на конюшнѣ. Днемъ она вышивала рыцарей на подушкахъ, вечеромъ

танцовала экосезъ и колола булавками свою неловкую горничную. Плакала надъ страданіями Абеляра и Элоизы и съ веселымъ любопытствомъ слушала, какъ выдрали кучера Михея за то, что онъ испортилъ гнѣдого коренника ея батюшки. Ходила въ жемчугѣ и въ брилліантахъ, и въ Рождество Христово сама изъ собственныхъ рукъ подносила прислугѣ по чаркѣ водки.

На каминѣ стояли часы съ черною мраморною группой, изображавшей m-elle Mars и ея поклонниковъ. Между колоннами висѣли гирляндой зеркальные фонари, которые должны были вечеромъ придавать комнатѣ волшебный видъ. Хороши были также двери изъ кедроваго дерева съ золоченою рѣзьбой; все это стерлось, потускнѣло, но все еще очень краснорѣчиво говорило о прежнемъ великолѣпіи.

Анна подошла къ окну и раздвинула гардины: какой печальный видъ! безконечная снѣжная пустыня и голыя липы, сердито качавшія верхушками. Лѣтомъ тутъ открывался видъ на рѣку и на заливные луга, до самаго горизонта тянулось тогда зеленое поле. Особенно хорошо было оно въ знойные іюльскіе дни, когда начинается косьба и надъ землей, какъ паръ какой, стоитъ раскаленный воздухъ. Хорошо было тутъ въ іюньскіе вечера, когда съ рѣки тянетъ сыростью, съ неба не сходитъ заря, а подъ окномъ летаютъ и свистятъ крыльями летучія мыши. Хорошо и въ августѣ, когда мракъ, но все еще лѣтній мракъ, и свѣжесть врываются въ комнату, внизу въ травѣ трещатъ и заливаются кузнечики, изъ саду пахнетъ грибами, гдѣ-то вдали на берегу рыбаки разложили костеръ.

Но каково теперь смотрѣть на эти сугробы! Самаго веселаго человѣка одолѣетъ тоска. Анна облокотилась на

подоконникъ и долго смотрѣла на эту безотрадную картину. На сердцѣ у нея жало и щемило, но ей сладка была эта самая грусть. Далеко уносило ее воображеніе, и странно: она видѣла теперь степь, въ степи чумаки, сухой хворостъ, огоньки, паробки, хохотъ и котлы съ кашицей, или Волгу, черезъ которую на душегубкѣ переправляется какой-то удалецъ и ночуетъ въ камышахъ; или сибирскіе дремучіе лѣса и холодный быстрый Енисей, огромные утесы, трясины, обрывы съ брусникой и ежевикой на уступахъ, привольная жизнь охотника—все манило ее теперь. Она видѣла Байкалъ съ его дикою сибирскою прелестью, она смотрѣлась въ его прозрачную, безконечно глубокую воду, она видѣла на горизонтѣ горы, а на горахъ этихъ лѣсъ и въ этомъ лѣсу, казалось, было теперь все ея блаженство!

Она вдругъ опустила гардины и отошла отъ окна.

Ровно черезъ день, вся компанія сидѣла за обѣдомъ. На деревнѣ отыскали отставного солдата, объявившаго себя поваромъ. Онъ состряпалъ какіе-то помои, назвалъ ихъ супъ à la tortue и подалъ на столъ; потомъ слѣдовало пюре, потомъ еще пюре, затѣмъ соусъ и, наконецъ, хворостъ съ битыми сливками. Все это было скверно, но при отсутствіи всякой провизіи извинительно. Рашель, привыкшая къ обѣденнымъ импровизаціямъ своего батюшки, кушала молча. Богданъ Иванычъ, приглашенный за общую трапезу, и подавно молчалъ; но Черникъ велѣлъ позвать повара и пресерьёзно говорилъ ему рѣчь, въ которой благодарилъ за угощеніе. Старикъ кланялся и скромно объяснялъ свое

искусство тѣмъ, что долго жилъ у графовъ Орловыхъ Демидовыхъ.

— Такъ вы пріѣхали сюда пользоваться зимними удовольствіями? спрашивалъ Черникъ, обращаясь къ дамамъ. Рашель молча кивнула головой. Анна отвѣчала, что она пріѣхала посмотрѣть, каковы бываютъ вьюги въ деревнѣ и такіе ли тутъ сугробы, какъ въ городѣ. Черникъ улыбнулся и взглянулъ ей прямо въ лицо. Въ послѣднее время онъ дѣйствительно разгадалъ ее.

— Васъ интересуютъ, можетъ быть, дѣла по имѣнію? спрашивалъ между тѣмъ Черникъ все съ тѣмъ же лукавымъ взглядомъ.—Я и мой товарищъ (онъ указалъ на Богдана Иваныча) мы можемъ служить вамъ. Все наше знаніе, вся наша опытность къ вашимъ услугамъ.

Рашель съ удивленіемъ вскинула глаза. О чемъ это онъ говоритъ? Кажется, если она не ослышалась, о какихъ-то дѣлахъ по имѣнію. Вотъ странный способъ занимать дамъ за обѣдомъ. Какъ будто это можетъ интересовать ихъ. Но удивленіе Лидіи Геннадіевны возрасло, когда она услыхала отвѣтъ Анны Игнатьевны.

— Вы мнѣ окажете этимъ большое удовольствіе. Вы знаете, я очень большая охотница до сельскаго хозяйства. Хотя, конечно, дилеттантка, добавила она небрежно: — но именно, какъ дилеттантка, я и обращаюсь къ спеціалисту.

— Богданъ Иванычъ, что-жъ ты братъ! Скажи, что ты всегда готовъ служить дамамъ...

— Готовъ служить! сердито выговорилъ Богданъ Иванычъ.

— Такого любезнаго согласія я не хочу, смѣялась Анна.—Я боюсь, что вы меня когда-нибудь прогоните изъ конторы. Бѣда попасться вамъ подъ сердитую руку.

Богданъ Иванычъ подозрительно посмотрѣлъ на нее, но ничего не сказалъ.

— Вы, пожалуйста, не смущайтесь, что онъ смотритъ волкомъ. Наружность обманчива, говорилъ Черникъ.—Онъ прекрасный человѣкъ. Онъ даже вотъ не такъ давно просилъ меня дать ему нѣсколько уроковъ, какъ ухаживать за женщинами.

— А вы въ этомъ дѣлѣ опытны? спросила вдругъ Рашель.

— Вы это могли испытать на себѣ.

Она вспыхнула.

— Какъ это?

— Будто я за вами не ухаживалъ?

Рашель растерялась.

— Вы ухаживаете за всѣми на свѣтѣ, произнесла она наивно.

Анна посмѣивалась. Ее забавлялъ этотъ щелчокъ самолюбію Рашели, которая сконфузилась очень замѣтно.

Богданъ Иванычъ, какъ только доѣлъ послѣдній кусокъ, такъ, не теряя лишняго времени, всталъ и ушелъ къ себѣ. Анна поднялась изъ-за стола, подарила Чернику и его собесѣдницѣ очень выразительную улыбку и тоже ушла къ себѣ.

Рашель осталась съ агрономомъ одна. Она отодвинула стулъ, отошла къ камину и поставила ногу на рѣшетку, сдѣлавши полъ-оборота къ своему собесѣднику. Онъ сидѣлъ, положивши руки на столъ и перебирая пальцами волосы. Въ его прищуренныхъ глазахъ свѣтилась такая вызывающая иронія, что она невольно отвернулась.

— Ну-съ? началъ онъ, не мѣняя своей позы.

Она вопросительно и надменно взглянула на него. Съ минуту длилось молчаніе.

— Судьба столкнула насъ съ вами и въ деревнѣ. Судьба — большая шутница, продолжалъ онъ, закуривая папиросу и пересаживаясь покомфортабельнѣе въ кресло.

Ее раздражало каждое его движеніе. Во всѣхъ его жестахъ она видѣла неуваженіе къ себѣ.

— Оставимъ судьбу въ покоѣ, сказала она съ досадой.—Я вижу только одно, что вы держите себя совершенно по-американски.

— Васъ смущаетъ моя папироса?

— Меня смущаетъ все: вашъ тонъ, ваша манера говорить со мной!

— Да, но согласитесь, что гораздо легче бросить свою папиросу, чѣмъ свой тонъ. Я, напримѣръ, никакъ не рѣшусь требовать, чтобы вы перемѣнили выраженіе своего лица. Оно у васъ очень суровое, чтобы не сказать свирѣпое. Однакоже, я молчу.

— Вы очень хорошо слышите, что вы не молчите, а напротивъ, говорите дерзости.

— Ne faites pas la prude, замѣтилъ онъ, бросивши на нее бѣглый взглядъ.—Ничего не можетъ быть въ женщинѣ фальшивѣе, неестественнѣе, какъ эта pruderie. Я скорѣе допускаю наивность.

— Вы меня извините, я не понимаю вашей морали.

— Лидія Геннадіевна, позвольте разсказать вамъ одинъ анекдотъ. Какой-то французъ подходитъ на вечерѣ къ маскѣ и беретъ ее подъ руку. Она оскорбляется. „Pour qui me prenez-vous, monsieur?“ Тотъ ей, ни мало не смущаясь,

отвѣчаетъ: „pour qui? mais pour moi, beau masque!“ Поняли вы этотъ каламбуръ?

— Я бы желала знать, какой онъ имѣетъ смыслъ, говоритъ Рашель, гордо откинувъ голову.

— А вотъ какой-съ: еслибы она, вмѣсто нелѣпой, банальной фразы, брошенной ему въ лицо, обратила все дѣло въ шутку, повѣрьте, онъ не отвѣтилъ бы ей такъ нахально. Напротивъ, скорѣе можно ожидать, что онъ извинился бы и оставилъ ее? Явиться въ маскарадъ и разыгрывать изъ себя неприступную богиню—до крайности глупо.

Рашель молчала.

— Такъ-то-съ, Лидія Геннадіевна, продолжалъ онъ:— не лучше-ли намъ съ вами заключить миръ. Я съ своей стороны готовъ начать первый.

Онъ протянулъ ей руку. Она подала ему свою и постаралась улыбнуться, но улыбка вышла какъ-то неестественна. Сказавши для приличія нѣсколько словъ, она ушла къ себѣ разстроенная, и на прощаньи бросила ему опять одинъ изъ своихъ гордыхъ взглядовъ. Она не хотѣла сдаваться такъ скоро.

Черникъ остался на своемъ мѣстѣ и продолжалъ докуривать папиросу.

Прислуга, убирая со стола, унесла всѣ свѣчи, кромѣ одной канделябры, которая не могла освѣтить залы. Ея овальныя стѣны, ея своды и каріатиды очень неясно выдѣлялись изъ полумрака. Зеленый бархатъ на панеляхъ казался грязнаго цвѣта, а затканное по немъ золото выступало ярко только около того мѣста, гдѣ горѣли свѣчи. Напрасно красовались вазы на гранитныхъ консоляхъ; напрасно старались бронзовые геніи поддержать на своихъ

рукахъ алебастровые столы—все это теперь смотрѣло тускло и, вмѣсто великолѣпнаго, принимало какой-то мрачный оттѣнокъ. Огромное итальянское окно, освѣщавшее всю залу, пропускало самый слабый свѣтъ, отражавшійся отъ снѣга.

Черникъ курилъ и думалъ—о чемъ? неизвѣстно. Можетъ быть, о старинныхъ преданіяхъ, о шумныхъ пирахъ, справлявшихся когда-то въ этой залѣ, а можетъ быть, о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ Рашелью. Она не особенно привлекала его. Онъ оставался совершенно равнодушенъ къ красотѣ этой дѣвушки, которая напоминала ему невыѣзженную лошадь. Но онъ ухаживалъ за ней серьёзно, ухаживалъ настойчиво, имѣя въ виду то, что она будетъ нужна ему еще двадцать разъ. Имѣть такую союзницу въ домѣ предводителя, казалось ему совсѣмъ нелишнимъ. Во-первыхъ, Геннадій Николаевичъ могъ быть для него хорошею практикой. Какъ помѣщикъ, онъ былъ, пожалуй, богаче своей матери. А въ головѣ Андрея Михайловича давно составился планъ захватить въ свои руки какъ можно больше имѣній и, по возможности, въ одномъ уѣздѣ, или гдѣ-нибудь по близости. Ему важно было развязать себѣ руки, расширить поле своей дѣятельности; а о томъ, насколько будутъ оправданы его средства, онъ не заботился. Онъ давно поставилъ себѣ за правило: „не стѣсняться съ тѣмъ, кто со мной не стѣсняется“. Ради своей идеи, ради того, чтобы она восторжествовала, онъ никогда не побоялся бы поставить на карту судьбу человѣка, даже не одного, если нужно. Онъ никогда не задумался бы о томъ, позволяется или не позволяется жертвовать отдѣльными единицами для блага общаго. Андрей Михайловичъ давно рѣ-

шилъ этотъ вопросъ утвердительно. Правда, что никакіе насильственные перевороты въ его виды не входили, потому что онъ не ждалъ отъ нихъ добра. Онъ былъ убѣжденъ, что мирнымъ, хотя и коварнымъ путемъ, скорѣе доходятъ къ цѣли. Но случись такъ, что въ молодости жизнь дала бы его мыслямъ другое направленіе, что онъ увѣровалъ бы въ необходимость великихъ революцій, демонстрацій, кровавыхъ жертвъ—кто знаетъ, на какую дорогу вышелъ бы онъ тогда? Такіе люди, какъ онъ, не останавливаются ни передъ чѣмъ.

Что-же такое, однакожъ, Андрей Михайловичъ? Онъ самъ называлъ себя почетнымъ гражданиномъ изъ числа тѣхъ, которыми дорожитъ отечество и которые составляютъ его оплотъ. И въ самомъ дѣлѣ: онъ всѣми уважается, всюду принимается и считается прекраснѣйшимъ человѣкомъ. Его цѣнятъ даже тѣ, кому онъ строитъ ковы, какъ, напримѣръ, Геннадій Николаевичъ. Почтенный предводитель, недавно, къ удивленію всего города, сталъ отстаивать земскій кредитъ. Онъ, который всегда жаловался дворянамъ, что ихъ грабятъ, который о мужикахъ говорить не могъ равнодушно, вдругъ теперь желаетъ имъ всякаго благополучія. Чудеса!

А дѣло было вотъ какъ. Земство грозило въ этомъ году непремѣнно поднять на ноги земскій кредитъ. Геннадій Николаевичъ сердился. Какъ! не посовѣтовавшись съ нимъ! Что за выскочки! А тутъ подвернулся Черникъ. „Даю вамъ мое слово—говорилъ онъ—что земство только наболтаетъ и ничего не сдѣлаетъ“. Между прочимъ, онъ совѣтовалъ Геннадію Николаевичу выслушать терпѣливо земскую болтовню и потомъ отмстить имъ самымъ блестя-

щимъ образомъ, то-есть, устроить кредитъ помимо ихъ. Съ этою цѣлью, Черникъ предлагалъ свои услуги, и въ томъ числѣ послать въ газеты статью о просвѣщенномъ содѣйствіи предводителя дворянства. Спустя нѣсколько времени вышло даже такъ, что это мысль совсѣмъ не Черника, а самого Геннадія Николаевича. Ну, а затѣмъ, вещь извѣстная: какой-же авторъ не любитъ своего произведенія?

И вотъ, земство съѣхалось. Вечернее засѣданіе началось. Кто-то покорнѣйше проситъ управу объѣзжать запасные хлѣбные магазины и самолично ревизовать ихъ. Управа говоритъ: „господа, мнѣ очень пріятно... но у насъ такія скверныя дороги“... Скверныя дороги! Управа попала въ больное мѣсто. „Да, дороги скверны; это несомнѣнно“. Пять человѣкъ кричатъ разомъ: „Шоссировка! Длинные полозья! Треугольники!“ Управа встаетъ и спрашиваетъ съ мрачнымъ видомъ: „Деньги?“

Затѣмъ, читается докладъ о выдачѣ трехсотъ рублей на похороны медика, служившаго земству вѣрой и правдой. Собраніе дѣлится на двѣ части: всѣ тѣ, кто имѣетъ въ виду умереть на рукахъ земства, пособіе это оправдываютъ. Тѣ же, кому не улыбается впереди карьера земскаго дѣятеля на жалованьи, заявляютъ неудовольствіе. Одинъ замѣчаетъ, что, вѣроятно, покойнаго доктора хоронили съ музыкой, иначе нѣкуда было ухлопать триста рублей. Другой заявляетъ, что и онъ тоже желаетъ быть погребеннымъ на земскія деньги, съ тѣмъ, чтобы слѣдующую ему сумму выдали немедленно.

Затѣмъ, выдвигается на сцену вопросъ о народномъ образованіи. Сюжетъ этотъ хорошъ тѣмъ, что о немъ могутъ говорить всѣ, и даже тѣ, кто въ немъ ровно ничего

не смыслитъ. Балкашинъ тутъ съумѣлъ показать себя. Онъ предлагалъ собранію устройство *нормальныхъ* школъ и по этому случаю говорилъ о Песталлоци, объ „Эмилѣ“ Руссо и даже о Робертѣ Оуэнѣ. Вскользь упомянулъ о томъ, что много сидѣлъ надъ англійскими и нѣмецкими источниками. Затѣмъ, всталъ господинъ съ орденомъ и заговорилъ о разсадникахъ просвѣщенія, о нравственности, причемъ на мужиковъ глядѣлъ строго, такъ что тѣ даже оторопѣли. Кончилъ—и всѣ сидѣли въ недоумѣніи: всякому казалось, что онъ чего-то не разслушалъ, не выслушалъ или не дослушалъ. Секретарь собранія, обязанный занести рѣчь въ протоколъ, сталъ втупикъ. Поймаетъ фразу, какъ будто и есть въ ней смыслъ, смотришь поближе—нѣтъ. Усыпленное собраніе начинаетъ просыпаться. Вскакиваетъ нѣкая корчага въ образѣ фабриканта и кричитъ, что она желаетъ, чтобы дѣти ея учились у поповъ, потому что попы, хотя и завистливы, но псалтирь знаютъ; что былъ примѣръ: одинъ мальчикъ учился у дьячка, а потомъ поступилъ въ приказчики и получалъ пятьдесятъ рублей жалованья. А онъ, фабрикантъ, педагогическихъ курсовъ не желаетъ и ежели дѣти его выучатся церковной грамотѣ, то и слава Богу. На это другой гласный заявилъ, что псалтиря не только ребятишки, и взрослые-то не понимаютъ. И что если кто умѣетъ открывать кабаки, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ что-нибудь смыслилъ въ педагогикѣ. Фабрикантъ разсвирѣпѣлъ, господинъ съ орденомъ тоже разсвирѣпѣлъ—и гвалтъ поднялся великій. Геннадій Николаевичъ звономъ своимъ покрылъ всѣхъ и объявилъ засѣданіе прерваннымъ.

Прошло такимъ образомъ цѣлыхъ шесть дней, а о кре-

дитѣ еще ни полслова. Заговорили о немъ только на седьмой день. Языками ворочали вяло, обращались съ нимъ осторожно, деликатно, не то, что съ народнымъ образованіемъ, гдѣ всякій налеталъ съ наскоку. На слѣдующій день, по неявкѣ узаконеннаго числа гласныхъ, собраніе не состоялось. А затѣмъ, какъ ни бились, какъ ни старались, а гласныхъ ужъ собрать не могли.

Геннадій Николаевичъ торжествовалъ. Черникъ тоже. Ассоціація его въ видѣ какого-то кредитнаго и производительнаго товарищества успѣла проскользнуть въ руки уважаемаго предводителя, который обѣщалъ ей свою поддержку и ходатайство передъ правительствомъ.

Порѣшивши на этомъ, Черникъ повелъ аттаку противъ его превосходительства. Съ начальникомъ губерніи дѣла пошли скорѣе. Болтая по вечерамъ съ женой, сдѣлавши ей признаніе въ любви, онъ развлекалъ мужа бесѣдами о томъ, какъ необходимо слѣдовать за вѣкомъ и угадывать потребности дня. Общественное мнѣніе требуетъ теперь кредита. Вотъ прекрасный случай заслужить названіе дѣятельнаго, мыслящаго администратора.

Такимъ образомъ, главное было сдѣлано. Теперь можно было съѣздить въ деревню старухи Падалки и тамъ устроить Богдана Иваныча. Анна Игнатьевна, хотя и не казалась ему опасною соперницей, но, тѣмъ не менѣе, нужно было, такъ или иначе, устранить ее. Онъ порѣшилъ и съ ней затѣять такую-же игру, какъ съ губернаторшей. Это было тѣмъ легче, что Анна Игнатьевна нравилась ему. Красоту ея онъ ставилъ выше красоты Лили и Рашели, хотя тѣ имѣли больше правъ назваться хорошенькими женщинами. Его влекла къ ней даже самая простота ея въ

обращеніи съ нимъ. Она просиживала съ нимъ по нѣсколько часовъ, разговаривая о дѣлахъ, и какъ ни въ чемъ не бывало издѣвалась, трунила и подсмѣивалась надъ нимъ. Въ ея голосѣ всегда слышалась насмѣшка, въ ея полуоткрытыхъ глазахъ сверкала иронія: она какъ будто дразнила его.

Онъ зналъ, что она ведетъ теперь противъ него интригу, и это еще болѣе подстрекало его самолюбіе, заставляло думать о томъ, какъ бы овладѣть этою женщиной. Сидя теперь въ огромной, мрачной залѣ и выкуривая третью папиросу, онъ думалъ о ней. Онъ припоминалъ складки ея платья, ея послѣдній взглядъ, ея насмѣшливую, вызывающую манеру говорить и закидывать собесѣдника фразами, часто не дожидаясь возраженія—и невольно улыбнулся.

Проходитъ цѣлая недѣля. Время идетъ монотонно. Богданъ Иванычъ или сидитъ въ конторѣ, или ѣздитъ по лѣсамъ. Рашель, слѣдуя совѣтамъ бабушки, ходитъ въ школу смотрѣть, какъ учатся ребятишки. Подбирая свое атласное платье и вынимая изъ кармана надушенный платокъ, она задаетъ мальчикамъ вопросы изъ священнаго писанія и изъ географіи.

Черникъ, если не уѣзжаетъ на свою ферму, которая отъ Падалкиной усадьбы въ двѣнадцати верстахъ, и не сидитъ съ Богданомъ Иванычемъ, то посвящаетъ себя дамамъ. Гуляетъ съ ними по деревнѣ, катаетъ ихъ въ саняхъ, Лидію Геннадіевну преимущественно, потому что она страстно любитъ прогулки. Она не можетъ жить безъ свѣжаго воздуха. Она почти въ одномъ платьѣ ходитъ по террасѣ,

иногда рискуетъ сойти внизъ, но, провалившись въ снѣгъ по колѣна, возвращается назадъ.

Анна Игнатьевна полюбила старый домъ и, казалось, дала себѣ слово изучить его съ чердака и до самыхъ подваловъ. Она знала наизусть всѣ корридоры, сѣни, дѣвичьи, нашла потайную дверь въ одномъ кабинетѣ и поднималась по винтовой лѣстницѣ на ту башню, гдѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, часовая стрѣлка остановилась на половинѣ пятаго. Она смотрѣла оттуда на окрестности. Лѣтомъ видъ былъ великолѣпный, но теперь все та же снѣжная пустыня.

Полюбила Анна также большую концертную залу съ ея эстрадой изъ бѣлаго мрамора и бронзовою балюстрадой, съ ея статуями въ нишахъ и готическими окнами, съ ея стѣнными люстрами, бронза которыхъ очень эффектно выдѣлялась на черномъ мраморѣ. Какимъ-то величіемъ дышала эта зала. Анна жалѣла только объ одномъ, что не могла видѣть ее вечеромъ при полномъ освѣщеніи.

Часто, облокотившись на балюстраду, она прислушивалась къ тишинѣ и, глядя на нотные пюпитры, на возвышеніе для капельмейстера, потомъ на узорчатыя окна, она ждала, чтобы взошелъ мѣсяцъ и сдѣлалъ изъ этой комнаты волшебную декорацію. Недоставало только какой-нибудь фантазіи, какого-нибудь невѣроятнаго событія или привидѣнія, чтобы сдѣлать ее вполнѣ счастливой. Она жаждала чего-нибудь сверхъестественнаго. Такая поэзія въ обстановкѣ и такая монотонность, проза въ жизни!

Она взошла на эстраду и тамъ, усѣвшись у одного пюпитра, глубоко задумалась. Она разстроила свое воображеніе до такой степени, что ей слышалась уже въ воздухѣ какая-то симфонія. Вдругъ звукъ шаговъ, на этотъ разъ

уже не воображаемыхъ, а самыхъ дѣйствительныхъ, заставилъ ее вздрогнуть и оставить свои мечты. До нея долетѣла мужская походка и шорохъ женскаго платья. Первымъ ея движеніемъ было встать и пойти на встрѣчу, но странная нерѣшительность удержала ее, а черезъ нѣсколько минутъ было уже поздно: она увидала двѣ фигуры и услышала нѣсколько словъ, послѣ которыхъ уже нельзя было выдать своего присутствія. Сначала говорила женщина:

— Вы знаете, что я люблю васъ, и пользуетесь этимъ.

Мужчина отвѣчалъ ей тихо, но она не сдерживала себя и продолжала вполголоса:

— Да, я люблю васъ такъ, какъ вы, можетъ быть, этого и не стоите.

— Въ самомъ дѣлѣ? переспросилъ онъ.

— Да, я не хочу, чтобы вы ухаживали за этою женщиной. Слышите ли, я не хочу этого!

— Замѣчательно, какъ всѣ женщины недальновидны. Вы хотите, чтобы наши отношенія замѣтили?

— Нѣтъ, я этого не хочу, но...

— Послушайте, если я буду вертѣться исключительно около васъ, то вѣдь, согласитесь, трудно не догадаться. А такія женщины, какъ Анна Игнатьевна, догадываются объ этомъ первыя.

— Мнѣ дѣла нѣтъ... Пусть она знаетъ...

— Н-ну... (онъ пожалъ плечами). Какъ для меня, такъ и для васъ было бы теперь очень неудобно быть чересчуръ откровеннымъ. Я долженъ щадить и ваши чувства и свои...

— Все это хорошо, отлично! (она говорила раздражи-

тельно). Но я видѣть не могу, какъ эта Анна Игнатьевна кокетничаетъ съ вами и какъ вы кокетничаете съ ней. Что́-же я наконецъ? подставная кукла? Я васъ возненавижу, если узнаю, что это была шутка. Я этого никогда не прощу! Слышите?! Не вы мнѣ, а я вамъ сказала, что люблю васъ; но это все равно, вы мнѣ подали къ этому всѣ поводы.

Она быстро дышала и въ сильномъ волненіи, не попадая рукой на гребенку, спѣшила подобрать растрепавшіеся локоны.

Анна была взволнована, едва ли менѣе ея. Какимъ образомъ они могли не замѣтить ея? Правда, ея темное платье пропадало между пюпитрами и имъ, вѣроятно, въ голову не придетъ подозрѣвать здѣсь ея присутствіе, но все-же она старалась стушеваться, какъ могла. Въ ней проснулась робость и страстное любопытство, которое заставляло ее приникнуть головой къ закрывавшему ее піанино, чтобы не потерять ни одного слова. Нога невольно и конвульсивно нажимала педаль.

Нѣсколько фразъ, сказанныхъ слишкомъ тихо, не позволяли ей услѣдить за нитью разговора. Къ тому-же разговаривавшіе ходили по залѣ взадъ и впередъ и всякій разъ, какъ они удалялись на другой конецъ, она переставала слышать ихъ бесѣду.

Вдругъ кому-то изъ нихъ пришла фантазія перемѣнить направленіе своей прогулки: они шли теперь параллельно съ балюстрадой оркестра, и ни одно слово не пропадало уже для ихъ невольной слушательницы.

— Кто вамъ сказалъ, что я за ней ухаживаю? Послѣ этого вы меня будете увѣрять, что я ухаживаю за Богда-

номъ Иванычемъ, потому что вѣдь я и съ нимъ просиживаю по нѣскольку часовъ.

— Кто мнѣ отвѣтитъ за то, что вы съ ней нынче не объяснялись въ любви...

Онъ засмѣялся.

— Я вамъ отвѣчу. Поймите, что я *долженъ* быть съ ней вѣжливымъ, предупредительнымъ, любезнымъ, даже немножко влюбленнымъ, чтобы сохранить благоразумное равновѣсіе. Вы слыхали о теоріи политическаго равновѣсія?..

— Оставьте, пожалуйста, ваши шутки. Я ничего не слыхала. Послушайте, скажите мнѣ откровенно... скажите мнѣ прямо: вы не обманываете меня? нѣтъ? Вы не любите другую?

— Назовите мнѣ, на кого падаютъ ваши подозрѣнія.

— Ахъ, Боже мой, на Елену Павловну, на Анну Игнатьевну, на всѣхъ!

— Обѣ замужнія женщины, замѣтилъ онъ, какъ будто даже оскорбившись.

— Monsieur, je ne fais plus la prude! выговорила она надменно.

Какъ жаль, что не было теперь солнца, чтобы освѣтить ея гордую, страстную красоту, ея зеленое атласное платье, ея черные, какъ смоль, распустившіеся локоны и пылавшія щеки.

— Я не ребенокъ, чтобы вы стали меня увѣрять, будто замужнія женщины не измѣняютъ никогда своимъ мужьямъ.

Она горько и тихо засмѣялась.

— Послушайте, если мужчина слишкомъ явно ухаживаетъ за женщиной, то вѣдь это явный признакъ, что онъ

къ ней ничего особеннаго не чувствуетъ, и не уважаетъ ее — это главное.

— Въ самомъ дѣлѣ?!

— Я говорю про замужнихъ, разумѣется.

— Для меня не утѣшеніе, что вы влюбитесь въ нее, не уважая.

— Да въ кого? Въ кого?

— А вотъ хоть бы въ эту Анну Игнатьевну.

Онъ засмѣялся. Анна слышала это очень ясно, и вдругъ вся вспыхнула отъ гнѣва. Нога еще сильнѣе нажимала педаль, а глаза заискрились такъ, что, казалось, пріобрѣли способность свѣтиться въ темнотѣ.

— Вы умная дѣвушка, продолжалъ онъ утѣшать Лидію Геннадіевну:—разсудите только одно, какъ можно приревновать къ женщинѣ, съ которой, какъ вы сами могли замѣтить, гораздо легче говорить объ урожаѣ, чѣмъ о чувствахъ.

Анна подняла глаза. Въ эту самую минуту они проходили мимо. Рашель не видала ея, но онъ увидалъ. Рашель шла, опустивши голову, но онъ нечаянно обернулся въ сторону и встрѣтилъ лихорадочный, блестящій взглядъ. Не смотря на темноту, взглядъ этотъ врѣзался у него въ памяти.

Они ушли. Анна посмотрѣла имъ вслѣдъ, спустилась съ эстрады, прошла черезъ всю залу въ гостинную, тамъ достала изъ кармана спички, зажгла два кенкета, сняла съ этажерки запыленный альбомъ и сѣла къ столу его разсматривать. Она знала, что утромъ еще было дано обѣщаніе ужинать въ этой гостинной.

На этотъ разъ кушали en trois. Рашель была молча-

лива. Она сидѣла неподвижно, лѣниво кушала и лѣниво отвѣчала на вопросы. Разговаривая съ Анной, она не удостоивала даже поднять на нее глаза. Говорили только Анна и Черникъ, оба очень оживленно. Встрѣчаясь иногда глазами, они какъ будто бросали другъ другу вызовъ, но потомъ все оканчивалось мирно и они продолжали болтать, какъ ни въ чемъ не бывало.

Когда Рашель ушла, ссылаясь на усталость, Черникъ сообщилъ Аннѣ, что черезъ двѣ недѣли онъ прочтетъ лекцію о льняномъ производствѣ. Ее вѣрнѣе впрочемъ будетъ назвать: о болтовнѣ съ дамами или „искусство привлекать публику на литературныя собранія“. Это будетъ французская causerie во вкусѣ Альфонса Карра, Пельтана и tutti quanti. Я стану говорить обо всемъ, но въ легкомъ жанрѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я боюсь, что въ болтовнѣ вамъ не перещеголять нашихъ барынь.

Анна пересѣла къ дивану и взялась за альбомъ.

— Où donc la passion va-t-elle se nicher! говорила она, вздыхая и перелистывая его. — Кто бы этому могъ повѣрить. Да, другъ Горацio!... декламировала она, предательски опуская глаза и какъ будто не замѣчая Черника.

Тотъ всталъ.

— Что значатъ эти слова, Анна Игнатьевна? Какой тайный смыслъ скрывается въ нихъ?

— Нѣтъ, это я такъ; размышляю вслухъ. У меня есть эта несчастная привычка.

— Вы хитрите, но я человѣкъ откровенный. Я скажу вамъ прямо: вы давича совсѣмъ сразили меня.

— Я? (Анна прикинулась удивленной).

— Я видѣлъ васъ на концертной эстрадѣ и признаюсь, это было очень эффектно.

Она сдѣлала легкое движеніе.

„Ужъ не хочетъ-ли онъ намекнуть, что я подслушивала его?“

— Да, замѣтила она, не смутившись.—Ныньче свѣтъ на изнанку. Прежде въ залѣ были зрители, а на эстрадѣ зрѣлище; теперь наоборотъ!

— Я не знаю, право, кто изъ насъ долженъ извиниться, началъ онъ довольно дерзко.

— О, ни тотъ, ни другой, конечно! Я имѣла глупость въ сумерки мечтать и не знала, что мѣсто уже абонировано; вы немножко откровенно отозвались обо мнѣ. Я считаю, что мы квиты.

— Все, что́ я говорилъ про васъ Лидіи Геннадіевнѣ, я готовъ повторить и теперь.

— Да? Въ томъ числѣ и то, что вы будете за мной ухаживать pour fermer les yeux au public?

Она послала ему самую граціозную улыбку. Нѣтъ, рѣшительно это не женщина, а бѣсъ! Она ставитъ его въ такое глупое положеніе. Правда, всѣ онѣ причудливы, но эта перещеголяла всѣхъ. Чему больше удивляться: ея хитрости, кокетству или ея красотѣ. Все въ ней было хорошо: ея косы, высоко подобранныя и перехваченныя чернымъ бархатомъ, полузакрытые глаза, матовая прозрачность кожи на щекахъ, даже самая ея поза, выдѣлявшая необыкновенно-изящно сложенную фигуру. И такое предательски скромное суконное платье. Онъ видѣлъ кокетство даже въ этомъ платьѣ. Оно какъ-то особенно сидѣло на ней, дѣлая ее тоньше и стройнѣе. А эти коричневыя бо-

тинки, а этотъ хрустальный крестъ на шеѣ? Нѣтъ, рѣшительно такъ умѣютъ одѣваться только великія кокетки.

Онъ выразилъ ей эту мысль, вмѣсто всякаго оправданія.

Она расхохоталась.

— Не заигрывайте со мной. Признайтесь лучше, что судьба съ вами сыграла не совсѣмъ пріятную штуку. Положимъ, „она умѣетъ говорить только объ урожаѣ“, но... все-же вы не хотѣли, чтобы она знала, что́ говорятъ о ней за глаза.

Онъ подошелъ къ ней ближе.

— Когда вы узнаете меня покороче и узнаете, какую комедію заставляютъ меня иногда играть обстоятельства, вы не станете судить меня такъ строго.

— О, Боже! да я васъ совсѣмъ и не сужу. Почемъ вы знаете, можетъ быть, я тоже не хочу, чтобы до васъ дошло когда-нибудь, что̀ я говорю про васъ своимъ пріятельницамъ. Выходитъ опять, что мы съ вами квиты. Только васъ судьба выдала, а меня еще нѣтъ.

— Итакъ, отнынѣ вы мой врагъ? И это за одно неосторожное, безсмысленное слово, которому нельзя даже придать никакой цѣны?

— Ne prenez donc pas les choses au sérieux! Не вздумайте въ самомъ дѣлѣ ухаживать за мной! (Она погрозила ему). Послѣ давишней сцены это будетъ несовсѣмъ удобно. Ну, однако, прощайте, я иду спать. Завтра надо пораньше встать, чтобы говорить опять объ урожаѣ. Вы, человѣкъ не любящій блеску, должны цѣнить во мнѣ это качество. Не возражайте, не возражайте. Спокойной вамъ ночи!

Она протянула ему кончики пальцевъ, подобрала не-

много юбку, чтобы не запутаться въ шлейфѣ и въ самомъ дѣлѣ исчезла, не дожидаясь возраженій.

Итакъ, начало неудачно. Она видимо смѣется надъ нимъ. „Продолженіе впредь“, подумалъ Андрей Михайловичъ, закурилъ послѣднюю папиросу и пошелъ во флигель къ Богдану Иванычу.

Первый настоящій зимній день съ двадцати-градуснымъ морозомъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, днемъ отъѣзда и прощанія съ Падалкиною усадьбой. Старый домъ готовился опять замерзнуть, отсырѣть и заснуть. Мебель, картины и зеркала покроются опять чахлами; не пощадятъ и портретъ Екатерины Великой, висѣвшій въ гостинной и сурово глядѣвшій изъ своей рамы на суету мірскую. Серебро и китайскіе фарфоры запрутъ опять въ буфетъ. Пропадетъ безъ вѣсти поваръ графовъ Орловыхъ и Демидовыхъ. Сойдетъ со сцены и мужикъ, катавшійся на треугольникѣ по главной аллеѣ. Будетъ снова жена дворецкаго кормить своихъ гуленекъ, будутъ заносить обитателей усадьбы снѣговые сугробы.

Черникъ послѣдній разъ завтракалъ съ Богданомъ Иванычемъ.

— Смотри-же, совѣтовалъ предусмотрительный агрономъ своему пріятелю, — помни условіе. Въ случаѣ чего-нибудь... сейчасъ давай мнѣ знать.

— Да, я помню, мрачно замѣчаетъ Богданъ Иванычъ.

— А вотъ что я тебѣ еще скажу, другъ любезный. Ты знаешь, я хотѣлъ къ себѣ на ферму Лёвку получить, и думаю, что это мнѣ удастся. Но только ты, все-таки,

за нимъ присматривай, понимаешь. Его съ глазъ спускать никакъ нельзя. Какъ-нибудь исподволь...

Въ дверь выглянулъ Гаврюшка.

— Велѣли сказать: лошади готовы!

— А, другъ любезный, ты что-жъ меня давича не разбудилъ?

— Да я васъ будилъ-съ.

— Да кто-жъ шопотомъ будитъ. Представь себѣ: пришелъ и шепчетъ. Хорошо, что я самъ не спалъ. Чего ты? говорю. „Я васъ бужу-съ“. Да что-жъ ты громче не крикнешь? „Да я васъ боюсь разбудить-съ!“

Гаврюшка сконфузился и сталъ пятиться къ дверямъ.

II.

Черникъ сидитъ у себя въ кабинетѣ и пишетъ. Онъ готовится къ лекціи, которую долженъ на-дняхъ прочесть. Въ передней раздался звонокъ.

Гость долго шаркалъ ногами у дверей, потомъ, какъ медвѣдь, задѣвая по дорогѣ, вдвинулся, наконецъ, въ кабинетъ. Кто не узналъ бы Лёвку въ этой рваной шинелькѣ и не менѣе рваныхъ сапогахъ? Шинель видимо была ему не по росту: длинные рукава подвернуты. по́лы сколоты или зашиты. Какъ ни смѣшонъ былъ самый нарядъ, но лицо оборванца далеко не было смѣшно: оно сохранило и прежнюю типичность и прежній сверкающій взглядъ.

— А, мое почтеніе! встрѣтилъ его хозяинъ. — А я ужъ думалъ, что мы на этомъ свѣтѣ съ вами больше не свидимся. Садитесь.

— Спасибо за приглашеніе. И такъ бы сѣлъ.

Лёвка съ видимымъ щегольствомъ помѣстилъ свои лохмотья на кресла.

— Данила! (Человѣкъ, называвшійся Данилой, выглянулъ изъ дверей.) Распорядись поскорѣе самоваромъ, да подашь рому. Это отъ сплину, объяснилъ Черникъ Лёвкѣ, собиравшемуся возражать. — Единственное извѣстное мнѣ лекарство.

Черникъ совралъ. Лёвка просто возбуждалъ его состраданіе своею растерзанною одеждой, и онъ рѣшилъ согрѣть его хоть ромомъ.

Лёвка взялъ со стола книгу и очень невѣжливо и азартно сталъ ее перелистывать.

— Вы, кромѣ сельскаго хозяйства, читаете что-нибудь? спросилъ онъ, уткнувши носъ въ какую-то, вовсе неинтересную главу.

— Случается.

— Ну, а что-же здѣсь насчетъ чернозема? интересно?

— А вотъ спросите объ этомъ у вашей сестры.

— Мнѣ сестра не указъ. Я у васъ спрашиваю.

— Чѣмъ толковать о черноземѣ, поговоримъ лучше о дѣлѣ, сказалъ Черникъ, вдругъ мѣняя тонъ.—Что-жъ, вы подумали о моемъ предложеніи? Или у васъ отвѣтъ еще не готовъ?

Лёвка насупился и потиралъ себѣ колѣни.

— Что отвѣтъ! Не въ томъ суть. Я для васъ человѣкъ неподходящій.

— Это ужъ моя забота. Если опытъ не удастся, то пострадаю отъ него я, а не вы.

— Опытъ! Слуга покорный. Я вовсе не думаю служить болваномъ для вашихъ экспериментовъ.

— Вы предпочитаете попасть въ полицію или таскать кули гдѣ-нибудь на товарной станціи? Дѣло ваше, сухо замѣтилъ Черникъ.

— Мнѣ и предпочитать нечего. Не изъ чего выбирать. Тамъ-ли, тутъ-ли, все равно — всякій норовитъ изъ меня сокъ выжать.

— Что вы называете выжать сокъ? то-ли, что каждый, взамѣнъ своихъ, потребуетъ отъ васъ вашихъ услугъ? Это что́-ли? Такъ вѣдь, батюшка, стыдно такъ разсуждать тому, кто имѣетъ претензію знать политическую экономію или, по крайней-мѣрѣ, имѣть о ней понятіе. Вы должны быть готовы къ тому, что даромъ на этомъ свѣтѣ ничего не дѣлается.

— Да, обмѣнъ цѣнностей; знаю, на что вы намекаете. А если мнѣ наплевать на ваши услуги? если я ихъ и услугами-то не признаю?

— Да, ну это особая статья. Тутъ я ничего и возражать не стану. Если вамъ угодно поставить себя внѣ законовъ естественныхъ и соціальныхъ, то... Одно я, впрочемъ, могу вамъ сказать: отъ уголовныхъ-то вы ужъ никакъ не уйдете.

— Нашли чѣмъ испугать. Я и то удивляюсь, какъ эти ваши, такъ-называемые, законы до сихъ поръ меня не сцапали.

— Кстати, скажите откровенно: неужели вамъ въ самомъ дѣлѣ хочется, чтобы они васъ сцапали?

Съ этими словами Черникъ пристально посмотрѣлъ ему въ глаза. Лёвка смутился, хотя и постарался удвоить нахальность.

— Не всѣмъ быть такимъ благоустроеннымъ. Вы на свой аршинъ не мѣряйте.

— Я мѣряю не на свой аршинъ, а на общечеловѣче-

скій. Какой бы выродокъ вы ни были, вы, все-таки, прежде всего человѣкъ. Не въ нашей природѣ искать уголовной отвѣтственности. Можно быть чудакомъ во всѣхъ отношеніяхъ, но не въ этомъ. Никто не ищетъ неволи. Вы это замѣтьте. Никто, кромѣ сумасшедшихъ. Ну, а сумасшествія въ васъ, я, по крайней-мѣрѣ, еще не замѣтилъ.

— А я вамъ вотъ что скажу, началъ Лёвка раздражительно, показывая на Данилу, явившагося съ подносомъ.—Видите вы эти чаи съ ромами?.. Ну-съ, такъ вотъ не у всякаго они есть. Вы потому и законовъ боитесь, что боитесь свои чаи потерять. А у меня ваши законы что возьмутъ? шишъ.

— А свобода-то? будто ужъ она не подороже немножко чаю съ ромомъ?

— Свобода!? Отдаю ее за гривенникъ. Кто больше?

Черникъ вскинулъ на него глазами.

— Вы погодите въ благородное негодованіе приходить. Вы разберите сперва, о чемъ мы съ вами толкуемъ. Если о свободѣ мысли и слова, такъ у меня ея никто, никакая сила въ мірѣ не отниметъ. А о прочей и разсуждать не стóитъ. Слово и мысль всегда свободны: сначала и до скончанія міра! И это самыя страшныя, самыя смертоносныя орудія. И если я знаю, что ихъ у меня никто не украдетъ, такъ на прочее я плюю.

— Ну, а если васъ одиночному заключенію подвергнутъ? Куда тогда дѣнется вашъ даръ слова?

— Не подвергнутъ! Это вранье, порѣшилъ Лёвка безъ аппеляціи, и отломилъ корку бѣлаго хлѣба.

Потомъ, какъ бы вспомнивши, что это чужая собственность, потеръ ее между пальцевъ, но ѣсть не сталъ.

— Вотъ, размышлялъ онъ, глядя на человѣка, уставлявшаго стаканы.—Обмѣнъ цѣнностей! Обмѣнъ услугъ! Ну, что вы ему за его услуги съ своей стороны предлагаете? Три съ полтиной въ мѣсяцъ? спрашивалъ онъ, указывая вслѣдъ удалявшемуся Данилѣ.

Черникъ засмѣялся.

— Каюсь, что тутъ равенства нѣтъ. Я плачу́ ему гораздо больше того, чего онъ сто́итъ.

— Гляди, вы послѣ такъ станете и обо мнѣ разсуждать. У васъ какъ разъ попадешь въ званіе лакея на жалованьи.

— Вольно-же вамъ этимъ обижаться. Я вотъ давно себя считаю лакеемъ на жалованьи — и ничего! Хлопочу только объ одномъ, чтобы платили побольше.

— Извѣстная теорія лавочниковъ! усмѣхнулся Лёвка.

— А вы скажите, въ чемъ-же состоитъ ваша-то теорія, спокойно замѣтилъ Черникъ.

— Моя? Въ томъ, чтобы не имѣть никакой. Какой-то профессоръ на вопросъ: что́ есть фикція? очень остроумно отвѣчалъ: „фикція есть то, чего нѣтъ“. Такъ вотъ и моя теорія есть тоже фикція.

— Да, ну это болѣе остроумно, чѣмъ правдоподобно, говорилъ хозяинъ, подвигая гостю стаканъ.

— Я покончилъ теперь со всѣми теоріями и пойду туда, куда меня поведетъ жизнь.

— Даже не задаваясь никакою мыслью?

— Задавшись тою мыслью, что всѣ скоты, и азъ ссмь скотъ.

— Это, опять-таки, болѣе оригинально, чѣмъ правдоподобно.

— Ну, да это, конечно, вранье, замѣтилъ вдругъ Лёвка серьёзно: — а суть въ томъ, что я буду жить по-своему.

— Пейте-же вашъ чай-то; онъ простынетъ.

— Благодарю, не хочу.

Черникъ догадался, что гость его отказывается изъ какой-то странной щекотливости.

— Въ счетъ вашихъ будущихъ услугъ, настаивалъ онъ, подвигая ему снова стаканъ.—Я человѣкъ практическій и буду говорить языкомъ практическимъ. Это не болѣе, какъ обмѣнъ цѣнностей: вы мнѣ будете служить своимъ талантомъ, я вамъ служу пока своимъ чаемъ. Чувствую, что эта мѣна слишкомъ неравная, и потому считаю себя пока вамъ обязаннымъ. Но послѣ, надѣюсь, мы съ вами расквитаемся.

— Интересно знать, чѣмъ? угрюмо проворчалъ Лёвка.

— Однако, что-же мы съ вами играемъ въ прятки? Пора намъ объясниться разъ навсегда. Принимаете вы или не принимаете мое предложеніе?

Лёвка видимо избѣгалъ прямого отвѣта.

— Вы разсчитываете, что въ меня мужики скорѣе увѣруютъ? сказалъ онъ въ видѣ размышленія.

— Не скрою, что вы мнѣ очень нужны. Вы облегчите мнѣ мое дѣло... не скажу въ десять разъ, но значительно облегчите. Но теперь оставимъ меня и мой интересъ въ сторонѣ. Посмотримъ, насколько это будетъ полезно для васъ самихъ. Вы пріобрѣтаете себѣ положеніе, гораздо болѣе прочное, чѣмъ то, которое имѣли на заводѣ — это разъ! И при тѣхъ-же самыхъ условіяхъ—это два.

— Что́ вы называете „тѣми-же самыми условіями“?

— А то, что вы точно также будете имѣть возможность создавать себѣ поклонниковъ и послѣдователей. Словомъ, вы останетесь въ той-же атмосферѣ, какъ и прежде, но только на болѣе легальномъ пути.

— О легальности вы мнѣ не говорите. Это лишнее.

— Беру свое слово назадъ. Далѣе: вамъ представляется возможность съѣздить за границу. Для вашего самолюбія и для вашего таланта это положительно откроетъ новую дорогу. И вмѣсто того, чтобы покончить какимъ-нибудь скандаломъ въ губернскомъ городѣ, вы можете пойти далеко. Я вамъ это говорю искренно. Конечно, работать придется много, но въ силѣ вамъ природа не отказала. Пейте-же вашъ чай, въ самомъ дѣлѣ. Онъ остынетъ.

Лёвка задумался и машинально мѣшалъ ложкой въ стаканѣ. Онъ бывалъ опьяненъ всякій разъ, какъ ему обѣщали успѣхъ. Конечно, можетъ быть, онъ и вретъ все, этотъ Черникъ; а можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ дорогато открывается. И Лёвка пытливо посмотрѣлъ на своего хозяина, какъ бы для того, чтобы проникнуть въ самыя тайныя его мысли. Однако, прекрасные, глубокіе, сѣрые глаза были прекрасны, глубоки — и только: дальше они ничего не говорили. Но еслибы Лёвка обладалъ даромъ читать въ душѣ человѣческой, онъ прочелъ бы вотъ что: Чернику для его новой затѣи или для „кредитнаго и производительнаго товарищества“, какъ она названа въ проектѣ, нуженъ способный агентъ. Этого агента онъ усмотрѣлъ въ лицѣ Лёвки. Въ немъ нашелъ онъ одно драгоцѣнное качество: умѣнье сойтись съ мужикомъ, который всегда видѣлъ въ Лёвкѣ своего брата рабочаго. Пренебрегать такою личностью нельзя.

Лёвка способенъ былъ скорѣе разрушать, чѣмъ создавать и пропаганду могъ повести такъ, что попалъ бы въ руки полиціи. Чтобы не допустить до такого скандала, Черникъ разсчитывалъ помѣстить своего агента подъ перекрестный огонь двойного надзора: своего лично и Богдана Иваныча. Въ случаѣ малѣйшаго поползновенія къ демонстраціямъ, дѣло можно было потушить немедленно. А чтобы еще болѣе гарантировать себя со стороны буйнаго демагога, Черникъ придумалъ новый маневръ: онъ повелъ аттаку на самую личность Лёвки и главнѣйшимъ образомъ на его ненасытное самолюбіе. Онъ рисовалъ ему впереди блестящую карьеру, нарочно приподнимая только одинъ уголокъ занавѣса и предоставляя самому дополнять остальное. Онъ понялъ, чего жаждетъ эта сумасшедшая, до безумія самонадѣянная натура. Онъ запутывалъ ее своими сѣтями, признавалъ въ ней талантъ, силу воли, сулилъ всякія блага и манилъ впередъ.

„На первое время — думалъ Черникъ — онъ не услышитъ отъ меня ничего на счетъ безполезности разрушающаго элемента. Теперь это было бы лишнее. Теперь онъ и спитъ и видитъ, чтобы пересадить нѣкоторыхъ лицъ снизу вверхъ и наоборотъ... Но, со временемъ онъ самъ откажется отъ своихъ идей... или... или онъ ужъ ровно никуда не годится. Во всякомъ случаѣ, попробовать можно.“

И проба началась.

Лёвка сразу не сдавался. Онъ все еще щеголялъ своею ненавистью къ людямъ.

Черникъ слушалъ его болтовню, какъ неизбѣжное зло, и налилъ ему второй стаканъ. Отъ сильнаго пріема рому гость разгорячился и сталъ въ рѣчахъ какъ-то еще не-

обузданнѣе. Хозяинъ сидѣлъ спокойный, невозмутимый, изрѣдка останавливая глаза на своемъ собесѣдникѣ и прерывая потокъ его словъ.

Одинъ вполнѣ отдавался удовольствію высказывать передъ кѣмъ-нибудь свои чувства, вылить накопившуюся желчь; другой сидѣлъ и изучалъ, какъ изучаютъ подъ микроскопомъ какого-нибудь жука.

— Я вамъ скажу, что за сволочь здѣсь живетъ, откровенничалъ Лёвка.—Прослышалъ я какъ-то, что здѣшняя полиціймейстерша желаетъ меня видѣть. Она нѣкую обезьяну думала во мнѣ усмотрѣть. Да я и самъ, признаться, пошелъ поглядѣть на нее тоже, какъ на обезьяну. Ну-съ, являюсь, остановился у притолки—жду. Выходитъ, наконецъ, дама, гро-гро, фру-фру на ней разныя. Щеки пунцовыя, губы пунцовыя и на головѣ пунцовый бантъ... Брюнетка, собой не дурна... „Что вамъ, говоритъ, угодно?“ Я ей говорю: сударыня, я не знаю, что *вамъ*, угодно. Я по вашему желанію явился, потому, говорю, *вы* любопытствовали меня видѣть. Она два шага назадъ. „Я, говоритъ, первый разъ васъ вижу и не знаю, кто вамъ позволилъ... какъ вы смѣете...“ Ну, я ей тутъ точно-что сказалъ комплиментъ, и ушелъ. Она, видно, героя во мнѣ думала встрѣтить, а увидала этакъ нанковый балахонъ — ну, и гряди вонъ. А вотъ дайте мнѣ вашу физіономію, да хоть одной заплатой поменьше—совсѣмъ другая музыка будетъ.

— А вѣдь она дѣйствительно желала васъ видѣть, замѣтилъ Черникъ.—Кто вамъ объ этомъ сказалъ?

— Сестрица моя любезная.

Въ Лёвкиной фразѣ послышалась даже горечь.

— Кстати: вы съ ней не въ хорошихъ отношеніяхъ?

— Съ Анной Игнатьевной-то? Да съ ней самъ чортъ дружбы не сведетъ, а не то, что мы грѣшные.

— Будто она такая коварная?

— Послушали бы вы, что́ она про васъ говоритъ.

Черникъ прищурился.

— А что?

— Да не хвалитъ—вотъ что. Да она, впрочемъ, никого не хвалитъ. Мы съ ней въ этомъ можемъ другъ другу руку протянуть!

— Вы, я вижу, однако, свою сестру не почитаете.

— Да и вамъ не совѣтую, добавилъ Лёвка энергически, и уже безъ всякаго приглашенія налилъ себѣ третій стаканъ.—Мужъ у нея хорошъ, вставилъ онъ, ни съ того, ни съ сего.—Мужъ хорошъ. Онъ лучше ея.

— Да она и любитъ его, замѣтилъ Черникъ между прочимъ.

Лёвка захохоталъ.

— Она вамъ въ этомъ призналась?

Хозяинъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Я такъ-же вѣрю въ ихъ любовь, продолжалъ Лёвка:—какъ вотъ въ то, что у меня теперь на лбу выросли рога, пояснилъ онъ уже совсѣмъ вразумительно.

Черникъ очень благоразумно промолчалъ, продолжая внимательно слушать.

— То-есть, оно, вотъ видите-ли, онъ-то въ нее... какъ кошка въ сало, а она... Ну, да впрочемъ, шутъ съ ними.

Тѣмъ разговоръ объ Аннѣ Игнатьевнѣ и покончился.

Спустя немного Лёвка уже разсказывалъ эпизоды изъ своего дѣтства и юности.

— Вы знаете, какъ я учился? Не знаете? Послушайте. Тятенька мой жилъ въ Питерѣ. Онъ тогда женитьбой занимался, а за меня сюда высылалъ семь рублей въ мѣсяцъ и помѣстилъ въ одно благородное семейство. Въ этомъ благородномъ семействѣ держали меня такъ: спалъ я въ кухнѣ; на завтракъ получалъ двѣ баранки, иногда, для разнообразія, двѣ баранки и затрещину. На ужинъ ломоть чернаго хлѣба съ квасомъ. Въ чемъ я ходилъ тогда... что у меня на ногахъ было—ну, вотъ, вы видите меня теперь? Теперь я аристократъ. Наконецъ, женился мой тятенька—и по этому случаю прислалъ мнѣ полную обмундировку. Опредѣлили меня въ гимназію. Книгъ нѣтъ, учиться непочемъ. Приду въ классъ, урока не знаю—дёрка! Другой разъ опять: урока не знаешь—дёрка! Э! да что вспоминать!

— Гдѣ-же была тогда ваша мать? спросилъ Черникъ съ участіемъ, потому что Лёвка въ эту минуту былъ дѣйствительно жалокъ.

— А она тогда въ Москвѣ гдѣ-то въ нянькахъ жила.

Лёвка насупился и замолчалъ. Курчавые, какъ у негра, волосы лѣзли ему на лобъ. Глаза потускнѣли.

— Потомъ она... догадало ее къ зятю обратиться, продолжалъ онъ уже какъ-то вяло.—Знаете Балкашина?

— Знаю.

— Ну, вотъ... Тогда ужъ я мальчикъ большой былъ, а тутъ-то меня и калѣчили. Гости пріѣдутъ; поди съ лакеемъ половики постели! Поди въ лавочку сбѣгай! За чаемъ крендели подаютъ—меня мимо. „Нѣтъ, скажутъ, онъ нынче не стóитъ. Онъ нынче дурно себя велъ“. Я это помню! Я это все помню!

Лёвка поглядѣлъ мутными глазами и стукнулъ кулакомъ по столу.

— А вѣдь Маколея давалъ мнѣ читать! бормоталъ Лёвка.—И французскую революцію... и всякую штуку. Родственникъ-то мой, просвѣтитель! Сейчасъ французскую революцію, а сейчасъ-же въ уголъ ступай, Соничка пожаловалась... Болваны!

Лёвка опять стукнулъ по столу. Черникъ велѣлъ убирать подносъ.

— И ей было скверно, что-жъ... я въ этомъ признаюсь! не унимался гость.—Но все же она дѣвчонка, она всегда вывернется... Ахъ, эта Анна! (Онъ вздохнулъ и опустилъ голову).

Онъ задумался еще глубже.

Хозяинъ тѣмъ временемъ сталъ надѣвать пальто.

— Знаете-ли что; я сейчасъ иду. Мнѣ нужно по лудѣ. А вамъ совѣтую пока лечь и отдохнуть. Вотъ пройдите въ ту комнату.

— Хорошо, произнесъ Лёвка покорно, но съ мѣста не вставалъ.

Черникъ подошелъ къ письменному столу, потомъ обернулся: гость все сидитъ. Онъ подошелъ и слегка тронулъ его за плечо, предлагая ему опять идти въ ту комнату. Лёвка машинально приподнялся. Онъ уже на половину спалъ. Безпрекословно направляясь къ двери, онъ вдругъ остановился.

— А что-жъ, когда-жъ вы меня въ Бельгію-то пошлете? спросилъ онъ соннымъ голосомъ.

— Скоро, скоро; идите себѣ съ Богомъ.

— Я буду тамъ льняное производство изучать.

— И прелестно! Ступайте-же, ступайте.

— Покойной вамъ ночи! произнесъ вдругъ Лёвка неожиданно, не обращая, повидимому, вниманія на то, что было еще два часа дня.

Черникъ отыскалъ свою фуражку и ушелъ изъ дому съ тѣмъ, чтобы зайти прежде всего къ Корсакову, съ которымъ ему нужно было поговорить насчетъ лекцій.

III.

Борисъ переселился опять къ роднымъ. Онъ принялъ должность у Боборыкова, увѣренный, что ее выхлопотала ему жена, черезъ разныхъ своихъ знакомыхъ. Участія тутъ Филиппа онъ и не подозрѣвалъ и къ брату относился холодно. Послѣднее время онъ готовилъ городу поразительную и до невозможности убѣдительную лекцію. Онъ просиживалъ за ней дни и ночи, и она доставалась ему тѣмъ труднѣе, что Черникъ требовалъ непремѣнно популярнаго изложенія. Но странно: чѣмъ яснѣе была мысль для самого автора, тѣмъ она туманнѣе выходила на бумагѣ. Борисъ въ отчаяніи: онъ вычеркиваетъ цѣлыя страницы, пишетъ сызнова, поддѣлывается подъ тонъ безграмотной публики и вдругъ вставляетъ алгебраическую формулу, длиной въ пятнадцать строчекъ слишкомъ. Анна Игнатьевна, какъ самый неумолимый цензоръ, зачеркиваетъ ее съ первой буквы до послѣдней, предлагая въ то-же время замѣнить уравненіе чѣмъ-нибудь болѣе игривымъ и менѣе головоломнымъ.

— Не могу-же я, однако, подать собраніе анекдотовъ, вступается Борисъ:—не могу я выкинуть всѣ цифры, всѣ математическія данныя, словомъ всю научную сторону. Это

будетъ шарлатанство. Да у меня тогда и не останется ничего.

— Ага! Вотъ въ этомъ-то и бѣда твоя. Посмотри, поучись у людей.

— Васъ все нужно увеселять! Вы дѣла не хотите слушать. Чтобы вамъ понравиться, надо внизъ головой по канату ходить.

— А ты какъ думалъ? Разумѣется. Хочешь знать, какъ тебѣ эту лекцію надо прочесть, чтобы имѣть успѣхъ? Прежде всего ты выходишь на каѳедру и начинаешь... не о сжатомъ воздухѣ, Боже тебя сохрани. Развѣ можно такъ кидаться сразу, какъ голодный на говядину. Это производитъ дурное впечатлѣніе. Нѣтъ! ты выходишь и говоришь: милостивые государи! тутъ ты на минутку останавливаешься. Это даетъ видъ, что ты читаешь экспромптомъ. Захлебываться-же и глотать слова, какъ ты имѣешь привычку— рѣшительно не годится. Будутъ думать, что ты выучилъ урокъ наизусть и боишься его позабыть. Итакъ, ты начинаешь, положимъ такимъ образомъ: Милостивые государи, вы слышали, конечно, что Гарибальди живетъ на островѣ Капрерѣ!

Борисъ, до сихъ поръ слушавшій со вниманіемъ, въ надеждѣ, что между болтовней жены проскользнетъ какой-нибудь дѣльный совѣтъ, при такомъ неожиданномъ появленіи на сцену Гарибальди, невольно встрепенулся.

— Какъ Гарибальди? На что́ мнѣ Гарибальди?

— Ахъ, Боже мой, никто и не говоритъ, что онъ тебѣ очень нуженъ. C'est une manière de commencer. Надо же съ чего-нибудь начать. Ты будешь говорить о

сжатомъ воздухѣ—начинай съ Гарибальди. Всѣ заинтересованы и чѣмъ сильнѣй скачокъ, тѣмъ лучше.

— Да это смыслу не имѣетъ. Какъ я отъ Гарибальди къ сжатому воздуху могу перейти?

— А это твое дѣло. Какой-же ты ораторъ, если не умѣешь дѣлать скачковъ. Въ этомъ-то и состоитъ искусство. Чѣмъ больше ты будешь поражать своихъ слушателей, тѣмъ лучше. Надо, чтобъ ихъ всегда била лихорадка, чтобы они боялись проронить одно слово.

— Это все хорошо для адвоката. Да и то для такого, который не кліента своего защищаетъ, а себя выставляетъ на показъ.

— Милый мой, это хорошо вообще для всякаго, кто желаетъ имѣть успѣхъ. А кому нравится только процессъ чтенія для чтенія, тому, разумѣется, я этого средства не рекомендую.

Съ этими словами Анна Игнатьевна встала и объявила, что ей нужно нынче быть у Падалки.

Борисъ остался одинъ. Онъ уже привыкъ къ выходкамъ жены, привыкъ слышать отъ нея вещи самыя неподходящія, но на этотъ разъ ему стало почему-то грустно. Что́, если въ ея словахъ есть даже десятая доля правды? Что́, если въ самомъ дѣлѣ надо имѣть даръ заставить себя слушать? Гдѣ онъ у него? Какія данныя на то, что лекція его будетъ понята и оцѣнена слушателями?

Онъ взялъ со стола листки, оставленные женой. Въ глазахъ у него замелькали фразы, перечеркнутыя ея синимъ карандашомъ. Вопросительные знаки такъ и пестрѣли на поляхъ. Перевернулъ страницу: опять цѣлый дождь вопросительныхъ знаковъ. Если для нея это непонятно, то

кольми паче для той образованной публики, которую онъ собирается поучать. Анна, все-таки, имѣетъ болѣе или менѣе ясное понятіе о сжатомъ воздухѣ, а публика... Ну, та едва-ли знаетъ даже о его существованіи...

Борисъ перетиралъ между пальцами свои листки и почти съ отчаяніемъ глядѣлъ на нихъ. Что дѣлать теперь? Времени уже остается немного. Пока онъ размышлялъ такимъ образомъ, Черникъ звонилъ у дверей.

— Ну что, какъ дѣла? спрашивалъ Черникъ, расположившись съ Борисомъ въ его комнатѣ.

Борисъ въ отвѣтъ подалъ ему листки.

— Вотъ посмотрите, какъ жена все мое писанье перемарала.

Черникъ посмотрѣлъ на длинныя синія линейки, означавшія, что подъ симъ камнемъ погребено все здѣсь написанное.

— Да, цензура строгая, выговорилъ онъ наконецъ.— Все техника, все цифры, продолжалъ онъ, пересматривая рукопись. — Вы знаете, наша публика этого не любитъ.

— Вотъ мнѣ и Анна то же говоритъ. Да я какъ-то... я себя передѣлывать не умѣю. Я двадцать разъ иную фразу переверну, а цифры все тутъ, какъ тутъ. Ихъ никакъ не выкинешь. Да что и за доказательства безъ числовыхъ данныхъ; мнѣ тогда всякій имѣетъ право не повѣрить.

— Послушайте, съ техникомъ вы говорите техническимъ языкомъ. Но съ нашею публикой... воля ваша, ее надо умѣть потѣшить.

Борисъ какъ-то отчаянно махнулъ рукой.

— Вотъ и она мнѣ все то же говоритъ!

— И Анна Игнатьевна совершенно права. Я не думаю, чтобы вашъ предметъ былъ такъ сухъ, чтобы нельзя было изложить его какъ-нибудь полегче, поувлекательнѣе.

— Да что́-же можетъ быть увлекательнѣе этихъ цифръ. Онѣ говорятъ сами за себя. Это такія неопровержимыя доказательства, что они... ну, да просто они упрямаго человѣка убѣдятъ.

— Эхъ, увлекаетесь вы, Борисъ Яковлевичъ! Какъ вы не видите до сихъ поръ, что у русскаго человѣка цифры въ головѣ не укладываются. У насъ статистики еще нѣтъ; а если и есть, такъ въ непристойномъ видѣ. Это *вы* въ цифрахъ поэзію видите, а для насъ онѣ такъ-же интересны, какъ прошлогодній календарь. Заикнитесь о нихъ—только вы насъ и видѣли!

— Что́-же вы хотите? чтобы я вышелъ и сказалъ; господа, ахъ, какъ хорошъ сжатый воздухъ! ахъ, какъ онъ хорошъ! И я могъ бы вамъ это доказать, да... не смѣю, боюсь васъ обидѣть.

— Что-жъ, приблизительно и это можно сказать, только, разумѣется, давши фразѣ другой оборотъ.

Далѣе Черникъ сталъ доказывать, что Борисъ не такъ смотритъ на вещи, что проектъ его увлекателенъ дѣйствительно, но только не цифрами. Что публику надо ошеломить смѣлостью фантазіи, ссылкой на своихъ предшественниковъ, на ихъ успѣхъ. Разсказать ей, пожалуй, нѣсколько анекдотовъ, нѣсколько біографій, словомъ, матеріалу не жалѣть, только бы заинтересовать ее. Всегда найдутся дилетанты, которые пожелаютъ познакомиться съ проектомъ ближе. Потомъ, когда будешь имѣть дѣло съ отдѣльными лицами, можно будетъ пустить въ ходъ и тяжелую баттарею.

Борисъ не уступалъ и рѣшительно отказывался выходить въ качествѣ оратора. Ему казалось святотатствомъ мѣшать дѣло съ бездѣльемъ.

Черникъ въ концѣ пустился на хитрость.

— Позвольте мнѣ быть вашимъ корректоромъ, просилъ онъ.—Не цензоромъ, а просто корректоромъ. Вы пришлете мнѣ ваши листки, я приведу ихъ въ порядокъ, и если вы пожертвуете нѣкоторыми цифрами, мы оставимъ ихъ пока въ портфелѣ. Онѣ пригодятся намъ послѣ. А теперь повѣрьте, что я съумѣю выставить на первый планъ всѣ ваши убѣдительныя мѣста, и если сдѣлаю дополненія, то самыя незначительныя.

Борисъ съ грустью смотрѣлъ на свое произведеніе, обезображенное прелестными ручками прелестной Анны Игнатьевны. Больше его исказить уже нельзя. Не все-ли равно?!

— Возьмите, сказалъ онъ, собирая свои листки.—Дѣлайте, какъ знаете. Пусть эти лекціи будутъ въ вашемъ распоряженіи.

— Къ тому-же, прибавилъ Черникъ:—онѣ важны для васъ не какъ цѣль, а какъ средство. Важно то, чтобы я выигралъ свое пари. Мы будемъ отыскивать дилетанта, который помогъ бы намъ своимъ капиталомъ. Вѣдь не публику-же въ самомъ дѣлѣ мы станемъ обучать. А кстати, какъ здоровье Анны Игнатьевны? вдругъ спросилъ Черникъ, взглянувши мелькомъ на женскія перчатки, валявшіяся на столѣ.

— Ничего. Вотъ ушла куда-то. Она, вѣдь, дома мало сидитъ.

— Она вамъ, я вижу, помогаетъ въ вашихъ занятіяхъ.

— Да, какъ случится. Иной разъ поможетъ, иной и помѣшаетъ. Ссоримся мы все съ ней; ну да, знаете, милые бранятся, только тѣшатся. Она жить не можетъ безъ того, чтобы не поспорить, да кого-нибудь не задѣть.

И онъ засмѣялся такимъ теплымъ, искреннимъ смѣхомъ, что Черникъ невольно подумалъ: какъ онъ долженъ любить эту женщину, если одно воспоминаніе о ней дѣлаетъ изъ него совсѣмъ другого человѣка. Анна, напротивъ, сколько онъ замѣтилъ, о мужѣ почти всегда говорила небрежно. Онъ это принялъ къ свѣдѣнію.

— Вотъ это все ея бумаги, разсказывалъ Борисъ, указывая на цѣлую кипу тетрадей и въ наивности своей не подозрѣвая, что онъ выдаетъ женину тайну. — Съ Падалкой у нихъ все какія-то дѣла по имѣнію. Деревня, сельское хозяйство—это ея страсть. Она говоритъ: я родилась, чтобы быть управляющимъ.

Черникъ слушалъ внимательно, думая про себя: ну, она не поблагодаритъ тебя за эти признанія.

— Третьяго дня, продолжалъ Борисъ:—послушалъ я, какъ она съ однимъ господиномъ говоритъ о протестованныхъ и непротестованныхъ векселяхъ... Всѣ въ ней способности зналъ, а этой не подозрѣвалъ. Банкиръ, да и только. Вексельное право знаетъ, какъ „Отче нашъ“.

Въ дверь выглянула Саша. Бросивши на гостя лукавый взглядъ, она отодвинула ногой какую-то доску, составлявшую одну изъ кабинетныхъ принадлежностей ея брата, и смѣло вошла въ комнату.

— Мамаша проситъ васъ выпить у нея чашку чаю.

Черникъ вѣжливо поклонился.

— Пойдемте въ самомъ дѣлѣ, предложилъ Борисъ съ

своей стороны. — Можетъ быть, и жена скоро вернется, добавилъ онъ въ видѣ утѣшенія, предполагая вѣроятно, что всякому будетъ пріятно объ этомъ слышать.

Въ залѣ началось торжественное чаепитіе. Фаина Ивановна надѣла на голову черную тюлевую косынку, шаль заколола булавкой и сама, собственною персоной, разливала чай, показывая гостю по локоть свои бѣлыя, мягкія руки.

Филиппъ былъ тутъ, такой-же священный и неприступный, какъ и всегда. Онъ только-что пришелъ изъ должности, усталъ и считалъ себя избавленнымъ отъ обязанности занимать гостя. Онъ мѣшалъ ложкой въ стаканѣ и глядѣлъ въ него, какъ въ бездонную пропасть. Вообще имѣлъ видъ сосредоточеннаго мудреца.

Варенька сидѣла тоже усталая. Она недавно покончила съ своими учениками и въ головѣ у нея еще носились: притоки Ганга и Брамапутры, Пенджабъ и прочая дребедень. Она не успѣла еще закалить себя классическими авторами: ея древніе миѳы лежали неразрѣзанными, а исторія греческой культуры такъ и остановилась со вчерашняго дня на пятнадцатой страницѣ.

Глѣбъ, сверхъ обыкновенія, былъ веселъ и разговорчивъ: разсказывалъ анекдоты и даже, по забывчивости, два раза вставалъ, чтобы взять спички, не требуя чужой помощи.

Фаина Ивановна изъ силъ выбивалась, чтобы занять гостя, о которомъ она была почему-то самаго высокаго мнѣнія. Сначала заговорила съ нимъ о дороговизнѣ, потомъ о соблюденіи постовъ; наконецъ, изъ боязни, что эти предметы мало интересуютъ его, стала разсказывать о размноженіи нищихъ и о томъ, что вотъ у одного недавно на-

шли въ тюфякѣ пятипроцентныя бумаги на сумму около двѣнадцати тысячъ.

Саша, помѣстившаяся такъ, чтобы не быть у матери на глазахъ, усмотрѣла въ окно Анну, возвращавшуюся отъ Падалки. Не дожидаясь звонка, она побѣжала отворять ей двери, чтобы первой возвѣстить о присутствіи гостя.

— У насъ Черникъ! сообщила она голосомъ таинственнымъ и въ то-же время задыхающимся отъ удовольствія.— Его мамаша позвала пить чай!

— Что̀ Филиппъ? было первымъ вопросомъ Анны Игнатьевны.

Саша удивилась.

— Ка̀къ что́ Филиппъ?

— Да, вѣдь, онъ-же не можетъ видѣть равнодушно мужчины у себя въ домѣ. Пари держу, что какъ только гость за порогъ, онъ запретитъ матери приглашать его другой разъ къ чаю.

Филиппъ мгновенно принялъ въ глазахъ Саши образъ тирана со всѣми его аттрибутами.

— Пускай! проговорила она съ удалью, вынесенною ею изъ послѣднихъ классовъ гимназіи. — Пускай! Его не будутъ звать у насъ, онъ будетъ ходить къ вамъ. Тѣмъ хуже для Филиппа! Тутъ, по крайней-мѣрѣ, онъ на глазахъ, а тамъ... Нѣтъ, Анна, онъ этого не сдѣлаетъ. Повѣрь, что нѣтъ!

— Да мнѣ, надо тебѣ замѣтить, это рѣшительно все равно, говорила Анна, лѣниво опускаясь на кресло. — Рѣшительно! повторила она какъ-то еще небрежнѣе, откинувши голову на спинку и закрывая глаза съ видомъ женщины, сильно утомленной.

— Ты устала? Зачѣмъ ты ходила къ Падалкѣ?

— А вотъ! (Анна вынула изъ кармана и бросила на столъ портмоне). Мнѣ нужны были деньги.

Саша съ любопытствомъ глядѣла на портмоне.

— И какъ-же? Ты у нея попросила?

— Свое жалованье? Надѣюсь!

— Вѣдь это неловко, я думаю?

— Гдѣ это у васъ, въ гимназіи этому учатъ? Выкинь это, пожалуйста, изъ головы. Брать заработанныя деньги никогда не можетъ быть неловко. Скверно быть бѣдной дворянкой передъ этими аристократками; но я бѣдной дворянкой никогда не была, и повѣрь, что эта Ирина Александровна знаетъ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Я для нея madame Roland — и только. Она не посмѣетъ попросить меня принести ей платокъ или подвинуть кресло! Безъ ея просьбы, я это сдѣлаю, — да, но такъ, какъ сдѣлала бы это и для тебя. Она это отлично понимаетъ. Многіе смотрятъ на меня, какъ на ея компаньонку, но эти *многіе* ошибаются!

Анна надменно опустила глаза и замолчала. Саша, по обыкновенію, вертѣла пальцами вьющуюся прядь своихъ волосъ. Она прибѣгала къ этому средству всякій разъ, какъ ей приходилось выслушивать рѣчь, на которую она не знала, что́ отвѣчать.

— Я служу ей такъ-же, продолжала Анна: — какъ мой мужъ служитъ Боборыкову, какъ самъ Боборыковъ служилъ, въ свою очередь, Еремѣеву и т. д. Это просто не болѣе, какъ извѣстнаго рода обязательство съ той и съ другой стороны.

— Развѣ ты у нея управляющимъ, Анна? спросила Саша, терявшаяся все болѣе и болѣе.

— Не совсѣмъ, но... quelque chose dans le genre, ты понимаешь? Ты, пожалуйста, не пугайся. Я знаю, что у васъ тамъ, въ гимназіи, женскія права понимаются нѣсколько иначе. Вы тамъ представляете себѣ разныхъ телеграфистокъ, переплетчицъ, фельдшерицъ... а я, pardon, просто управляющій.

Вдругъ Саша замѣчаетъ чье-то пальто, переброшенное черезъ спинку стула.

— Анна! а вѣдь, это его пальто! говоритъ она таинственнымъ голосомъ.

— Чье?

— Его! Черника!

Саша хватаетъ пальто въ охабку и несетъ его въ спальню.

— Что ты дѣлаешь?

Саша хохочетъ.

— Я хочу посмотрѣть, что онъ носитъ въ карманѣ. Нѣтъ-ли тутъ гребенки или пудры... вѣдь, если онъ мажется, тогда и влюбляться въ него не стóитъ.

Анна сдвинула брови.

— Ты съ ума сошла. Да онъ сейчасъ можетъ войти сюда!

Саша, засунувшая уже было руку въ карманъ, поспѣшно вынула ее оттуда.

— А я запру дверь!

Въ два прыжка любопытная гимназистка заперла дверь, вернулась назадъ, налетѣла на то мѣсто, гдѣ лежала ея находка, и, задерживая дыханіе, вся пунцовая отъ удо-

вольствія, вытащила изъ кармана письмо. Молча, но выразительно она показала его Аннѣ.

— Это у васъ гдѣ-же, въ исторіи или въ географіи учатъ читать чужія письма?

Но Саша уже ничего не слушала. На одно мгновеніе наступило глубокое молчаніе. Саша впилась глазами въ листикъ, который держала въ рукахъ. Анна пристально, упорно, почти мрачно глядѣла на нее.

Вдругъ Саша захохотала.

„Андрей! вы забыли меня. Я скучаю. Какъ не стыдно, Андрей!“ декламировала Саша. „Какъ не стыдно, Андрей“, повторила она еще разъ и выразительно пожала плечами. Потомъ вдругъ поднесла листикъ къ глазамъ и продолжала читать: „Хорошо вамъ быть эгоистами; у васъ есть общественныя дѣла, есть занятія, а у меня никого, кромѣ моей Нельки“. Нелька? Это еще кто такое? удивилась Саша. Не знаешь-ли ты, Анна, что̀ это за Нелька? Ужъ это не брюнетъ-ли тоже какой-нибудь?

— Взгляни, пожалуйста, на подпись, просила Анна вмѣсто отвѣта.—Первая буква, вѣроятно: *Е*?

— Ты угадала. А вторая?

— *К*.

— Ты колдунья, Анна. *Е* и *К*.

— Однако, мы съ тобой занимаемся дѣломъ! Скажи, пожалуйста, за какіе грѣхи я должна слушать чужое письмо?

—А ты не слушай. Я для себя буду читать. Я хочу знать, какъ объясняются въ любви. Я, можетъ быть, сама кому-нибудь напишу: „Милый Андрей, приходи поскорѣй! дома одна Нелька!“ Душечка Анна, ты знаешь, отъ кого это письмо; скажи мнѣ!

— Знать я не могу. Я могу догадываться.

— Это отъ губернаторши? да? (Анна молча кивнула головой.) Отлично! Анна, знаешь, я украду это письмо.

— Какой вздоръ! Вообще это преглупая исторія. (Въ голосѣ ея слышалось раздраженіе.) Что намъ за дѣло до его переписки? Что онъ объяснялся въ любви всѣмъ здѣшнимъ барынямъ поочередно, въ этомъ никто не сомнѣвался и прежде; что нашлись женщины, настолько лишенныя всякаго самолюбія, чтобы броситься въ объятія къ этому человѣку—это тоже ни для кого не тайна. Но читать любовныя посланія какого-нибудь Донъ-Жуана... Какъ хочешь, Саша, а это не дѣлаетъ намъ съ тобою чести!

— Вотъ очень мнѣ нужно!

— Это глупо, наконецъ!

— Пускай. Да ты слушай только: „Я цѣлые вечера сижу одна. Надо мой веселый характеръ, чтобы не сойти съ ума и не проклинать свою жизнь“. Она сидитъ одна! Вотъ диковинка. Я бы посадила къ ней для развлеченія мамашу. Вотъ тогда мы посмотрѣли бы, что́ она заговоритъ.

— Саша, я прошу тебя, брось это письмо, или читай его про себя.

— Ни за что! Ты слушай только, какъ интересно. Она сейчасъ, вѣрно, будетъ посылать ему поцалуи. „Ахъ, зачѣмъ вы явились, зачѣмъ только мы познакомились съ вами?“ Какъ зачѣмъ? чтобы цаловаться, это понятно. Я бы и спрашивать не стала.

Анна стояла уже у туалета и, нагнувшись, перебирала какія-то бусы.

Чтеніе продолжалось.

„Я знаю, вы не любите, когда я говорю объ этомъ;

вы хотите видѣть меня вѣчно веселою, болтливою; но развѣ-же это возможно". А! онъ веселыхъ любитъ. Примемъ это къ свѣдѣнію. Интересно, будетъ она ругать мужа или нѣтъ? „Для васъ это шутка, а для меня... Нѣтъ, Андрей, вы не поймете меня, зачѣмъ говорить объ этомъ. Лучше скажу вамъ, что жду васъ сегодня вечеромъ, жду непремѣнно. Васъ можетъ задержать только очень, очень важное дѣло. И тогда вы должны меня увѣдомить. Слышите? Непремѣнно! Я отговорокъ не допускаю!" А вѣдь это безнравственное письмо, Анна, какъ ты думаешь? а?

— Кончено? спросила та, обернувшись и остановивши на своей belle-soeur суровый взглядъ.

Саша прищурилась на нее.

— А вѣдь ты ревнуешь его къ ней, Анна! признайся.

— Нѣтъ, не то! (Она вдругъ выпрямилась и разорвала нитку янтаря, которую держала въ рукахъ). Мнѣ стыдно за эту женщину. Мнѣ гадко за нихъ, за всѣхъ. Не то, чтобы нельзя было измѣнять своему мужу, нѣтъ, я не то хочу сказать. Я не такая строгая пуританка. Но полюбить такого человѣка!.. (она гнѣвно сжала губы) человѣка, который завѣдомо смѣется надъ ними, который выбираетъ себѣ жертвы на двѣ, на три недѣли: нынче поклоняется одной, завтра другой, послѣзавтра третьей!.. которому нужна не любовь, а побѣда, удовлетворенное самолюбіе... Знать, что онъ заранѣе увѣренъ въ побѣдѣ... да тутъ-то и является страстное желаніе оборвать, оттолкнуть, дать почувствовать свое презрѣніе... а онѣ вѣшаются ему на шею!

Саша въ изумленіи опустила листокъ и смотрѣла въ лицо своей невѣсткѣ. Что значитъ эта вспышка? Отчего у нея такъ сверкаютъ глаза? Куда дѣвалась ея усталость?

— Кажется, кто-то идетъ.

Саша въ одно мгновеніе скомкала записку и сунула ее въ пальто, потомъ опомнилась, вынула ее опять, аккуратно сложила и снова сунула. Схватила пальто, бросила его на прежнее мѣсто и, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулась назадъ. Тревога оказалась фальшивая: никого не было. Но Саша такъ разстроила свое воображеніе, что дальше уже не рѣшилась продолжать чтеніе и объявила, что она идетъ посмотрѣть на *милаго Андрея*.

Анна все стояла у туалета, сжимая въ своихъ рукахъ разорванную нитку и разсыпавшіяся бусы янтаря.

— Ага! выговорила она, наконецъ, съ какою-то злою улыбкой.—Теперь и сомнѣнія нѣтъ... Тѣмъ лучше!

Она бросила бусы и ушла въ залу.

IV.

Дождались и воскресенья. Около думы собираются экипажи. Даже для порядку приставлены два жандарма. Рядомъ съ залой, въ той камнатѣ, гдѣ помѣщается канцелярія думы, собралось нѣсколько человѣкъ и въ числѣ ихъ господинъ распорядитель. Онъ разговариваетъ то съ тѣмъ, то съ другимъ и объясняетъ распорядителямъ устройство моделей, приготовленныхъ Борисомъ для его лекціи. Самого Бориса еще нѣтъ.

— Это, вы говорите, предохранительный клапанъ? спрашивалъ какой-то господинъ съ видомъ знатока.—Смотрите, я нахожу, что плечо рычага слишкомъ длинно.

— Э! стѣнки-то не выдержатъ давленія, увѣрялъ другой.—Гдѣ имъ выдержать! Такой ли тутъ нужно резервуаръ!

Можно было подумать, что собрались все техники и спеціалисты. Одинъ пожималъ кранъ и оставался имъ недоволенъ, другой щупалъ манометръ, глядѣлъ его на свѣтъ и потомъ выставлялъ впередъ нижнюю губу съ видомъ презрительнаго сомнѣнія. Нашлись и такіе артисты, что щелкали по стѣнкамъ прибора и потомъ громко начинали хохотать.

— Скажите, пожалуйста, обратился знаменитѣйшій въ городѣ адвокатъ къ Чернику:—вы вѣрите въ этотъ сжатый воздухъ?

— Вѣрю-съ.

— И думаете, что у него есть своя будущность?

— Это трудно сказать. Если ему не откроетъ конкурренціи еще какая-нибудь новая сила, то по всей вѣроятности...

— Я слышалъ, однакожъ, отъ людей знающихъ, что эта теорія не выдерживаетъ никакой критики...

— Да позвольте васъ спросить, былъ ли у насъ когда-нибудь примѣръ, чтобы *знающіе люди* встрѣчали новую мысль хладнокровно? чтобы они ее съ самаго начала не топтали въ грязь?

— Я съ вами не могу согласиться: иначе пришлось бы всѣхъ нашихъ передовыхъ людей, всѣхъ нашихъ ученыхъ назвать невѣждами.

— Вы не хотите вѣрить мнѣ, такъ повѣрьте фактамъ. Когда Стефенсонъ намѣревался пустить свой первый паровозъ, онъ былъ еще личностью совершенно неизвѣстною. Но въ Лондонѣ жилъ тогда другой Стефенсонъ, знаменитость, первый англійскій инженеръ тогдашняго времени. Стали, разумѣется, ходить слухи о томъ, что вотъ устрои-

вается какая-то удивительная машина. Многіе приписывали устройство ея знаменитому инженеру. Что-же вы думаете? онъ публично, черезъ газеты объявилъ всему Лондону, что не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ безумцемъ, который носитъ съ нимъ одинаковую фамилію, и покорнѣйше просилъ его съ этимъ безумцемъ не смѣшивать. Вотъ-съ вамъ самый передовой человѣкъ тогдашней Англіи! А сколько было у него въ хвостѣ другихъ передовыхъ людей! И каждый изъ нихъ съ удовольствіемъ плюнулъ бы въ лицо изобрѣтателю локомотивовъ, само собою разумѣется, еслибы это было дозволено закономъ.

— То были времена, теперь другія, многозначительно замѣтилъ адвокатъ.

— Это было въ двадцатыхъ годахъ; а вотъ вамъ и другой примѣръ, это уже изъ сороковыхъ годовъ. Когда Морсъ первый разъ объявилъ, что черезъ Атлантическій океанъ можно устроить подводный телеграфъ, во всей Европѣ не нашлось ни одного смѣлаго мыслителя, который бы ему повѣрилъ. Замѣтьте это: *ни одного!* Кто-же теперь увѣритъ меня въ томъ, что подобная-же исторія не можетъ повториться въ семидесятыхъ годахъ? Чѣмъ мы застрахованы, помилуйте?

— Да, въ этомъ-то отношеніи, пожалуй, вы и правы, задумчиво замѣтилъ адвокатъ. — Если ужъ у насъ такіе люди, какъ Дарвинъ и Бокль, встрѣчаютъ ожесточенныхъ противниковъ, если ужъ они должны вести войну съ общественнымъ мнѣніемъ...

— Зачѣмъ съ общественнымъ мнѣніемъ! говорите прямо: съ своими братьями учеными. И послѣдняя горше первой! У насъ науки нѣтъ. У насъ есть всегда двѣ науки,

и обѣ между собою воюютъ. Вотъ вы назвали Дарвина; но это еще что! Дарвину дорожка болѣе или менѣе была подготовлена. Выводы его существовали еще до него. Онъ только ихъ собралъ, сгруппировалъ и выставилъ съ особеннымъ талантомъ, съ особенною силой. И если, какъ вы говорите, даже онъ встрѣтилъ противниковъ, то сколькоже ихъ было у его предшественниковъ. И дѣйствительно, возьмите вы Ламарка, Сентъ-Илера, Окена; что́ это было, когда *они* высказывали свою мысль первый разъ!

— Все это такъ: проложить новую дорогу у насъ, дѣйствительно, трудно. Но примите въ соображеніе и то, сколько-же было мыльныхъ пузырей. Сколько между Дарвинами затесалось разныхъ не-Дарвиновъ, разныхъ самоучекъ, алхимиковъ...

— За алхимиковъ я сейчасъ готовъ заступиться: мы имъ обязаны фосфоромъ и фарфоромъ. Правда, они ихъ открыли нечаянно, да что намъ до этого. Вотъ вы сами видите, что можно искать философскій камень и въ то-же время сдѣлать что-нибудь путное. За что-же такое гоненіе на сжатый воздухъ?

— Да, если понимать его въ томъ смыслѣ, что онъ не помѣшаетъ открыть что-нибудь другое, улыбнулся адвокатъ.—Скажите, однакоже, продолжалъ онъ:—неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, такъ сильно сочувствуете ему? Какой интересъ изъ этого вамъ?

— Личнаго интереса не вижу, но вообще эта мысль занимаетъ меня. Надо вамъ замѣтить, что я въ этомъ дѣлѣ не спеціалистъ и могу, конечно, ошибаться. Возможно и то, что эта теорія современемъ окажется невыдерживающею критики; но до сихъ поръ, по крайней-мѣрѣ, я ни

одного дѣльнаго возраженія не слыхалъ. Нынѣшняя лекція съ тѣмъ отчасти и устроивается, чтобы вызвать если не поддержку, то хоть опроверженія, словомъ, чтобы дать этому вопросу жизнь. Лучше всего я рекомендовалъ бы вамъ обратиться къ самому автору. Кстати, вотъ и онъ.

Борисъ, не совсѣмъ спокойный и не совсѣмъ гладко причесанный, машинально отвѣчалъ на рекомендаціи и прошелъ къ своимъ моделямъ.

Черникъ покривилъ душой, увѣряя адвоката, что никакого личнаго интереса для себя въ сжатомъ воздухѣ онъ не видитъ. У него была мысль, которую онъ скрывалъ отъ публики и на которую строжайше запретилъ Борису намекать въ своей лекціи. Онъ разсчитывалъ: нельзя ли съ помощью сжатаго воздуха сдѣлать конкурренцію крупнымъ фабрикамъ. На сторонѣ фабрикъ стояли огромные паровики и машины сложной конструкціи съ положенными на нихъ сотнями тысячъ; имъ можно было бы противопоставить несложные и, главное, недорогіе приборы въ три, въ четыре силы, приведенные въ дѣйствіе сжатымъ воздухомъ. Приборы эти были бы доступны самому небогатому ремесленнику, который, такимъ образомъ, открылъ бы машинное производство у себя на дому. Это была бы кустарная промышленность на новыхъ началахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, она представлялась Чернику, который не упускалъ изъ виду своихъ артелей. Сжатый воздухъ, если онъ только дѣйствительно таковъ, какимъ его описывалъ Борисъ въ минуты вдохновенія, могъ быть для него драгоцѣнностью. Иначе зачѣмъ сталъ бы онъ хлопотать, устроивать лекціи, держать съ Еремѣевымъ рискованное пари?

Въ залѣ публика, между тѣмъ, собиралась. Около воз-

вышенія, на которомъ, во время мировыхъ съѣздовъ, засѣдаютъ господа судьи, стоитъ какая-то дама въ черномъ и разговариваетъ съ окружившими ея мужчинами. По однимъ великолѣпно-пепельнымъ волосамъ и по манерѣ поворачивать голову можно узнать Анну Игнатьевну.

— Правда, что вы пишете для мужа диссертаціи? спрашивалъ ее какой-то длинный молодой человѣкъ.

Она бросила на него небрежный взглядъ.

— У меня мужъ грамотный и писать умѣетъ самъ. Скажите ради Бога, обратилась она уже къ другому сосѣду, кто этотъ высокій господинъ? Неужели это Еремѣевъ?

— Не имѣю удовольствія знать его.

— Да, да, это онъ; непремѣнно онъ!

Собесѣдники Анны Игнатьевны невольно обернулись. Предметъ общаго вниманія, мрачный милліонеръ, пробирался къ своему мѣсту, наступая на ноги и на платье попадавшимся дамамъ.

— Господи! сколько удовольствія, говорила Анна, наводя на него лорнетку.—И все это за рубль серебромъ.

Изъ боковыхъ дверей показался самъ распорядитель и пошелъ въ публику. Отыскавши глазами Рашель, онъ направился къ ней.

— На два слова, сказалъ онъ, подсаживаясь къ ней.— Вы помните, конечно, наше условіе. (Она молча кивнула головой). Боборыковъ пріѣхалъ. Онъ сидитъ на томъ концѣ. Я сейчасъ скажу ему, что вы желаете его видѣть.

— Я этого совсѣмъ и не желаю, но все равно... можете прислать его.

— Не забудьте-же. Какъ только кончится лекція, вы

скажете ему то, о чемъ я васъ просилъ. Онъ уже достаточно подготовленъ... Особеннаго труда это не составитъ. Одинъ, два ласковыхъ взгляда... да, наконецъ, просто ваше приказаніе. Оно должно быть для него закономъ.

— Сознайтесь только, что это очень глупо.

— Вы не безпокойтесь. Я беру всю вину на себя. Вы скажете ему только, что опыты эти для васъ очень интересны, что вы желали бы помочь этому Корсакову.

— Ему это покажется странно. Онъ спроситъ почему?

— Ахъ, Боже мой, почему! Ну, такъ, женскій капризъ. Завтра вы потребуете отъ него чего-нибудь еще... болѣе удивительнаго. Вчерашняя фантазія не покажется ему уже тогда такою странною. Да, наконецъ, вы скажете ему... вотъ отличная мысль! Вы знаете жену Корсакова...

— Далѣе?

— Вы скажете, что она просила васъ похлопотать. Разумѣется, сохраняя это въ тайнѣ.

Рашель вспыхнула.

— Послушайте, вы заставляете меня лгать наконецъ.

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— О чемъ вы безпокоитесь! Это самая невинная ложь, и, къ тому-же, она никогда не будетъ открыта. Вамъ стоитъ только сказать, что это секретъ, чтобы онъ молчалъ... и въ немъ умретъ все, какъ въ могилѣ.

— Какъ будто это утѣшеніе, проговорила она чуть слышно.

Онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не слыхалъ.

— Ну-съ, такъ я надѣюсь, докончилъ онъ, вставая.

Она съ тревогой проводила его глазами.

Чего-же онъ просилъ у нея? Ничего болѣе, какъ сво-

имъ вліяніемъ заставить Боборыкова принять участіе въ сжатомъ воздухѣ. Подъ диктантъ Лидіи Геннадіевны, ея поклонникъ явится дилеттантомъ, покровителемъ наукъ и долженъ будетъ гласно пожертвовать нѣкоторую сумму. Тогда пари выиграно. Это будетъ первый шагъ, чтобы выдвинуть впередъ Бориса и его идею. Помогая мужу, онъ не задумался ни на минуту употребить во зло имя жены. Анна Игнатьевна и не подозрѣвала, какъ оскорбляли ее, собираясь отъ ея имени просить пособія у Боборыкова.

Черникъ съ самымъ невиннымъ видомъ подошелъ къ ней и перебросился нѣсколькими фразами. Потомъ отправился на встрѣчу губернаторшѣ, которая, по обыкновенію, привѣтливо раскланивалась на обѣ стороны, поправляя на ходу то мантилью, то локонъ. Бѣлый пуховый шарфикъ на шеѣ и весь ея затѣйливый туалетъ дѣлали ее какъ-то еще миловиднѣе. Крошечная рука въ свѣтлой перчаткѣ протягивалась только избраннымъ, въ томъ числѣ и красивому агроному, который встрѣтилъ ее съ самою предательски нѣжною улыбкой.

Случай свелъ Лили съ Анной. Судьба устроила такъ, что мѣста ихъ были рядомъ. Обѣ, разумѣется, очень обрадованы.

— Я такъ давно хотѣла видѣть васъ, увѣряетъ Лили. —Право, я не думала, что вы меня совсѣмъ забудете.

— Что дѣлать, жалѣетъ Анна. — Чтобы встрѣтиться съ вами, надо непремѣнно какой-нибудь спектакль или лекцію. Иначе гдѣ-же намъ видѣться. Вы такъ рѣдко бываете у Ирины Александровны, а другихъ общихъ знакомыхъ у насъ нѣтъ.

— Что́ бы вамъ заглянуть когда-нибудь ко мнѣ! Мы живемъ такъ недалеко отъ Ирины Александровны, гово-

ритъ Лили, и думаетъ про себя: „она, однакожъ, очень хороша. Какъ я не замѣтила этого прежде! Какъ могла я до сихъ поръ пропустить ее безъ вниманія. Но неужели могутъ сѣрые глаза нравиться больше синихъ?“ —Какіе у васъ великолѣпные волосы! добавила она вслухъ.

— А я завидую вамъ. У васъ волосы вьются отъ природы. Что можетъ быть лучше!

— Ахъ, что вы, нѣтъ! Еслибы вы знали, какъ они сердятъ меня. Они, правда, очень вивкіе, но я гораздо больше люблю волнистые. Вотъ такіе, какъ у васъ.

— Какое сравненіе! настаивала Анна.—Это такъ естественно, такъ граціозно!

Лили не уступала.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, не спорьте! Я вамъ говорю, что я всегда любовалась вашими волосами.

Анна немножко удивлена этою необыкновенною любезностью и старается отплатить тѣмъ-же. Завязывается оживленный разговоръ.

— Не правда-ли, какая милая дѣвушка, эта Лидія Геннадіевна? C'est une charmante personne! рекомендуетъ ее Лили.

— Не знаю; она мнѣ не нравится. Она мнѣ слишкомъ напоминаетъ богиню.

— Ну, да, конечно... Это ея маленькій недостатокъ. Она гораздо больше думаетъ о себѣ, чѣмъ...

Лили замялась.

— Чѣмъ она стóитъ, докончила Анна и засмѣялась.

— Вы не замѣтили, что у нея есть тутъ обожатель?

— Кто? Андрей Михайлычъ? наивно спрашиваетъ Анна.

— Oh! que non! Боборыковъ! Развѣ-же вы не знаете его?

— Очень мало. Но отчего-же вы думаете, что я ошиблась? Мнѣ кажется, Черникъ то-же изъ ея поклонниковъ.

Анна нарочно говоритъ медленно и наслаждается эффектомъ.

— Право, я не думаю этого...

Лили напрасно старается скрыть свое смущеніе. Краска выдаетъ ее.

— Впрочемъ, это можетъ быть и вздоръ, перебиваетъ Анна.—Я, конечно, ничего не говорю навѣрное. Можетъ быть, я и ошибаюсь. Но знаете-ли... я слышала вообще, что Черникъ сердцеѣдъ.

— Да? (Лили вдругъ сдѣлалась небрежна). — Это я слышала тоже. Здѣсь разсказываютъ даже, что онъ за мной ухаживаетъ.

— А развѣ это неправда?

— Ну да... Но, что́ вы называете ухаживаньемъ? (Бѣдная Лили боялась поднять глаза). Если назвать такъ нѣсколько любезностей... ce sont des hommages que l'on rend à toutes les femmes.

— Да я въ этомъ и не сомнѣваюсь, неумолимо продолжала Анна.—Онъ, конечно, ухаживаетъ за всѣми. Вотъ, однако-жъ, лекція, кажется, начинается.

— C'est votre mari? спрашивала губернаторша, нѣжно наклоняясь къ Аннѣ.

— Да, это мой мужъ, отвѣчала та коротко.

Лекція началась дѣйствительно. Борисъ не послѣдовалъ предписаніямъ своей жены. Онъ захлебнулся, зажмурился и потомъ разомъ, не давая слушателямъ опомниться, выпустилъ цѣлый потокъ словъ. Публика не успѣла еще приготовиться, шумѣла, усаживалась, и потому блистательное

вступленіе навсегда пропало для нея. Никто не слыхалъ, о чемъ тамъ говорилось. Можетъ быть, и о Гарибальди, живущемъ на островѣ Капрерѣ, какъ совѣтовала Анна Игнатьевна; а можетъ, и о другомъ чемъ-нибудь.

Еще нѣсколько фразъ, и Борисъ окончательно забылъ, что передъ нимъ сидитъ многочисленная аудиторія. Онъ схватился обѣими руками за края стола и при этомъ то зажмуривалъ глаза, то поднималъ ихъ вверхъ, такъ-что можно было подумать, что онъ разсказываетъ или самому себѣ или кому-нибудь на небо. Въ тетрадку онъ не заглядывалъ. Она была для него только невиннымъ предлогомъ для того, чтобы крутить ее между пальцами. Черникъ съ ужасомъ видѣлъ, что вся его корректура погибла даромъ. Вся, тщательно имъ исправленная и передѣланная, популярная статья обратилась въ рукахъ автора въ простой свертокъ бумаги, которымъ онъ вертѣлъ и стучалъ по столу. Ни одного слова не услыхала публика изъ того, что́ было написано въ тетрадкѣ. За то она услыхала много такихъ подробностей, которыхъ, къ сожалѣнію своему, не могла понять.

Анна сидѣла небрежно, скрестивши руки на груди и не спуская съ мужа пристальнаго взгляда. Она мѣнялась въ лицѣ всякій разъ, какъ Борисъ употреблялъ отчаянныя усилія, чтобы сдвинуть столъ съ мѣста или вдругъ, зарядившись какимъ-нибудь математическимъ доказательствомъ, выкрикивалъ его самымъ рѣзкимъ фальцетомъ. Она слышала, какъ позади кто-то фыркнулъ, когда Борисъ нѣжно разсказывалъ о томъ времени, когда жители будутъ ведрами черпать сжатый воздухъ изъ бассейна. Въ публикѣ начинали смѣяться уже не надъ лекціей, а надъ лекторомъ,

который гораздо больше похожъ былъ на влюбленнаго, чѣмъ на ученаго.

Чѣмъ дальше подвигалось чтеніе, тѣмъ непривѣтливѣе становилось лицо Анны Игнатьевны. Она стиснула зубы и, опустивъ глаза, глядѣла на конецъ своей ботинки, который крѣпко нажимала къ полу. Она знала, что въ залѣ есть еще человѣкъ, которому лекція эта должна быть такъ-же пріятна, какъ скрипъ ножа по стеклу. Она даже разъ обернулась въ сторону, гдѣ онъ сидѣлъ. Но онъ былъ невозмутимо спокоенъ. Впрочемъ, это неудивительно. Она знаетъ, что Черникъ мастерски владѣетъ собой; что у него на лицѣ не прочтешь его мысли.

Слушателямъ становится жарко. Вѣрный признакъ, что Борисъ уходилъ ихъ своимъ чтеніемъ. Въ публикѣ начинаютъ махать платками, кашляютъ, сморкаются. Какой-то толстый купецъ, на виду у всѣхъ, вылѣзаетъ изъ пятаго ряда, не жалѣя колѣнъ своихъ сосѣдей, и направляется къ выходу. Немного погодя, за нимъ выходитъ одинъ господинъ, а вслѣдъ за этимъ неизвѣстная барыня. Броженіе умовъ уже началось. Еще немного, и можно ожидать, что вся зала поднимется на ноги и оставитъ лектора одного. Вотъ еще и еще исчезаютъ слушатели. Но Борисъ не видитъ этихъ зловѣщихъ признаковъ; не видитъ же онъ ихъ по той простой причинѣ, что у него закрыты глаза.

Если никто изъ аристократіи не всталъ съ мѣста, то это можно объяснить только однимъ: любопытствомъ. Всякому интересно услышать слѣдующую за тѣмъ лекцію Черника. Всѣ до того привыкли видѣть его въ гостинной свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ, что увидать его на каѳедрѣ будетъ пріятно уже ради курьёза. Тѣ немногіе люди,

которые знали его за хорошаго и дѣльнаго агронома, надѣялись услыхать отъ него что-нибудь поучительное.

Но, какъ жестоко были обмануты всѣ эти надежды. Борисъ читалъ такъ долго, что занялъ все время, какое только можно было занять у публики безъ особеннаго скандала. Черникъ вышелъ и объявилъ, что лекцію свою онъ откладываетъ до другого раза. Когда публика выразила свое неодобреніе, то онъ очень основательно показалъ ей на окна: стекла принимали мутно-грязный цвѣтъ, какъ бы докладывая о томъ, что на дворѣ наступаютъ сумерки. А такъ-какъ этого не предвидѣли и лекціи думали окончить еще засвѣтло, то объ освѣщеніи никто и не подумалъ. Дѣлать нечего: публика должна была разойтись, не зная хорошенько, на кого ей больше претендовать: на короткіе-ли зимніе дни, или на длинныя рѣчи оратора. Сжатый воздухъ не произвелъ рѣшительно никакого впечатлѣнія. Не помогли даже и модели. Публика смотрѣла на нихъ рѣшительно такъ-же, какъ стала бы смотрѣть на ученаго слона. Два шага за дверь балагана—и слонъ забытъ.

Когда зала опустѣла и остались только лица, болѣе или менѣе заинтересованныя лекціей и преимущественно моделями, Анна подошла къ своему мужу, стоявшему рядомъ съ Черникомъ. Уже по одной ея походкѣ, по крѣпко сжатымъ губамъ, можно было догадаться, что она ничего особенно любезнаго не скажетъ.

Она протянула Борису свою прекрасную руку и сказала, необыкновенно ясно отчеканивая слова:

— Поздравляю васъ съ полнѣйшимъ неуспѣхомъ!

Потомъ также быстро отняла свою руку и поклонилась. Борисъ растерянно глядѣлъ на нее.

Въ эту минуту подошелъ какой-то господинъ.

— Позвольте, просилъ онъ:—обратиться къ вамъ съ вопросомъ. Я не совсѣмъ понимаю конструкцію одной модели. Не потрудитесь-ли вы...

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!

И Борисъ стремительно кинулся къ столу объяснять ему конструкцію.

Черникъ обратился къ Аннѣ Игнатьевнѣ.

— Да, вашъ мужъ сдѣлалъ нынче большую ошибку.

— Вся его жизнь есть рядъ ошибокъ, отвѣчала она рѣзко.

— Что это значитъ? спросилъ онъ тихо.

— Ничего. До свиданья.

Она мелькомъ протянула ему руку и пошла, не оглядываясь. Онъ, какъ прикованный, стоялъ на мѣстѣ и слѣдилъ за ней глазами до самыхъ дверей.

V.

Куда бы Лёвка ни явился, онъ вездѣ будетъ нежданнымъ гостемъ. Кромѣ него, во всемъ городѣ только еще одинъ Грубецкой обладалъ такою-же удивительною способностью изумлять хозяевъ своимъ появленіемъ.

Анна сидитъ у себя въ комнатѣ; Борисъ—у себя, и работаетъ надъ моделями. Опасаясь, чтобы кто-нибудь не помѣшалъ, онъ заперъ дверь на крючокъ. Вдругъ ее неистово потрясаютъ.

— Сейчасъ, сейчасъ. Кто тамъ? Погодите. Одну минуту.

Но тамъ даже и двухъ секундъ ждать не хотятъ.

Стукъ усиливается. Борисъ, все-таки, продолжаетъ прилаживать какой-то винтъ и отворяетъ не раньше, какъ всадивши его по самую головку.

— Умерли вы тутъ, что́-ли? угрюмо спрашиваетъ гость.

— Это вы, батюшка! удивляется Борисъ, оглядывая Лёвку.

— Мы-съ. Что́, сестрица дома?

Борисъ кивнулъ головой на сосѣднюю комнату.

— Ладно. Колотите себѣ тутъ, что нужно. Я вамъ не мѣшаю.

Если Борисъ не замѣтилъ никакой перемѣны въ особѣ Лёвки, то Анна такъ и ахнула. Ее поразилъ щеголеватый, чтобы не сказать франтовской видъ брата. Клеенчатый плащъ, перетянутый у пояса ремнемъ, и высокіе охотничьи сапоги придавали ему какую-то воинственную осанку. Недоставало только винтовки черезъ плечо, и передъ вами былъ одинъ изъ тѣхъ американцевъ, которые въ романахъ Купера скачутъ день и ночь по горамъ и равнинамъ, воюютъ съ индѣйцами, охотятся за медвѣдями. Коренастое сложеніе, нѣкоторая угрюмость на лицѣ и всѣ признаки страшной силы, такой силы, съ которою не весело встрѣтиться одинъ на одинъ, дѣлали изъ него интересный образчикъ американскихъ авантюристовъ. Оставалось только пожалѣть, что ему не приходится проводить жизнь гдѣ-нибудь въ дѣвственномъ лѣсу или въ степи, на охотѣ за буйволами.

— Хлопнись въ обморокъ! предлагалъ Лёвка.—Я такъ и зналъ, что ты будешь пялить глаза.

Она покачала головой.

— Ты, должно быть, укралъ это платье.

— Само собой! Элегантная барыня, а какъ выражается: *укралъ!*

— Да ты не сердись. Я имѣю полное право это предполагать, потому что ты уже давно собираешься въ Сибирь. Я думаю, что это, можетъ быть, начало... первая проба.

— Что, мы съ тобой хоть разъ въ жизни поговоримъ деликатно?

— Изволь. Сдѣлай одолженіе. Я ничего лучшаго не желаю. Какъ ты поживаешь, Лёвушка? Все-ли ты въ добромъ здоровьи? Что ты подѣлываешь?

— Ну-ка, шутки въ сторону. А вѣдь я уѣзжаю.

— Куда?

— Да пока еще не въ Сибирь. Недалеко. Верстъ пятьдесятъ, шестьдесятъ отсюда.

— Я отъ тебя ожидаю чего-нибудь болѣе грандіознаго. Почему бы тебѣ не поѣхать въ Константинополь, напримѣръ?

— Всѣ, говорятъ, начинаютъ понемножку, объявилъ онъ.—Изъ маленькаго сѣмячка, говорятъ, дерево потомъ выростаетъ. Я хотѣлъ начать прямо съ дерева, да нѣтъ, говорятъ, нельзя.

— Кто-жъ это говоритъ?

— Ученый человѣкъ. Имя-же ему Андрей.

— Это ужъ не Черникъ-ли?

— Онъ самый.

— Скажите, пожалуйста! На что это ты ему понадобился?

Лёвка усмѣхнулся.

— Ты хочешь сказать, на что *онъ* мнѣ понадобился?

— Поменьше самоувѣренности, Лёвушка, поменьше самоувѣренности! Я именно хочу спросить, что онъ изъ тебя думаетъ сдѣлать? Я знаю, что этотъ человѣкъ даромъ пальцемъ не пошевельнетъ.

— И азъ грѣшный даромъ ничего не дѣлаю. Я даже и за деньги-то не охотникъ служить. А тутъ согласился, потому что...

Онъ не нашелъ слова и остановился.

— Потому что?.. переспросила она.

— Да выгодныя для меня условія предлагаетъ. Деньги тамъ пустяки; я на нихъ плюю... А... вообще выгодно.

— А я... такъ вообще ничего не понимаю.

— Ну, вотъ въ чемъ суть: онъ тамъ артели устраиваетъ... только ты помалчивай. Онъ объ этомъ просилъ не болтать.

— Тайна, значитъ. Хорошо; дальше.

— А дальше, я ему буду помогать.

— Ты? ему помогать?

— Вотъ зарядила сорока Якова. Онъ?! ты?! Онъ и я. Ты, я вижу, сестрица, меня до сихъ поръ дуракомъ считаешь.

— Не то, Лёвушка. Но какой-же ты помощникъ. Ты все уничтожаешь, разрушаешь. Ты ему перебунтуешь всѣхъ мужиковъ.

— Нѣтъ, у насъ такого уговора не было. Я, нужно тебѣ замѣтить, убѣжденій своихъ не перемѣнилъ, и цѣль у меня все та-же, но думаю добраться къ ней другимъ путемъ. Вотъ видишь-ли, продолжалъ онъ, поплотнѣе усаживаясь въ кресло и располагая начать изложеніе своихъ новыхъ идей.—Чтобы придти, въ концѣ-концовъ, къ раз-

рушенію, надо прежде сдѣлаться солиднымъ. У насъ свѣтъ такъ устроенъ. Пока я мелкая мразь, букашка, я могу разрушать; но какія-же это будутъ ничтожныя послѣдствія! Сдвинулъ съ мѣста какой-нибудь камешекъ—и баста! Больше не хватаетъ силъ. А разъ я забрался на высоту, о!—тогда другая пѣсня!

— Такъ ты на высоту собираешься взобраться? замѣтила она только.

— А почему-жъ бы и нѣтъ? Ты сама, помнится, соглашалась со мной, что людей выдвигаютъ впередъ обстоятельства. Немножко таланта, много нахальства; одинъ счастливый случай—и карьера сдѣлана. Счастливый случай мнѣ представился—это вашъ агрономъ. Зачѣмъ-же я буду выпускать его изъ рукъ.

— Чѣмъ онъ можетъ служить тебѣ?

— Да хоть бы вотъ чѣмъ, напримѣръ: на его средства я черезъ годъ, черезъ два, отправляюсь за границу.

— Съ какою цѣлью?

— Говорится-то, будто для того, чтобы изучать льняное производство. Ну, разумѣется, для меня это только предлогъ. Ленъ льномъ, а я себѣ дѣло найду.

— Да вѣдь и тамъ съ неба звѣзды не хватаютъ, замѣтила она. — И тамъ надо работать.

— Этимъ, матушка, меня не испугаешь. Мнѣ къ работѣ не привыкать.

— Такъ чего-же ты особеннаго ждешь отъ этой *заграницы?*

Онъ даже съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ поглядѣлъ на нее.

— Ну, объ этомъ долго толковать, объявилъ онъ наконецъ.

— Бредишь ты, Лёвушка. Вездѣ тебѣ будетъ скверно. Что здѣсь, что тамъ... пробиться впередъ вездѣ трудно.

— Смотри, кто-нибудь изъ насъ ошибется, сказалъ онъ, мрачно взглянувъ на нее исподлобья, и всталъ: — Однако, прощай. Я къ тебѣ еще какъ-нибудь зайду.

— Такъ ты не сейчасъ еще ѣдешь?

— Нѣтъ, на-дняхъ.

— Ну, до свиданья.

Онъ пошелъ къ двери. Она все подсмѣивалась.

— Такъ теперь куда-же? въ артель? А на будущій годъ въ Бельгію? или въ Англію? да?

— Къ чорту на кулички! отвѣтилъ онъ равнодушно и захлопнулъ дверь.

Въ этотъ-же день Анна Игнатьевна имѣла удовольствіе видѣть Черника. Онъ пришелъ собственно къ ея мужу.

Борисъ узнаетъ отъ него, что дѣло ихъ понемногу подвигается впередъ, что Боборыковъ согласенъ принять участіе въ сжатомъ воздухѣ.

— Я сейчасъ отъ него, объявилъ Черникъ. — Онъ желаетъ васъ видѣть.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, что-же! я готовъ.

Борисъ суетливо всталъ и началъ убирать свою работу.

— Да вы особенно не спѣшите. До четырехъ часовъ вы его нынче навѣрное застанете.

— Нѣтъ, ужъ вы мнѣ позвольте. Теперь половина третьяго. Надо успѣть переговорить обо всемъ.

— Послушайте. Вы ему на научную сторону особенно

не напирайте. Онъ дилеттантъ, понимаете? Чѣмъ вы меньше будете съ нимъ толковать, тѣмъ лучше. Онъ уже ассигновалъ извѣстную сумму, и что бы вы ему теперь ни говорили, онъ не прибавитъ и не убавитъ отъ нея ни копейки. Я его знаю.

— Пари, стало быть, выиграно? спросила Анна, сидѣвшая тутъ-же, съ работой въ рукахъ.

Черникъ улыбнулся.

— Да, выиграно, только, признаюсь, не совсѣмъ выгоднымъ для меня образомъ. Боборыковъ и Еремѣевъ, вы знаете, съ нѣкотораго времени враги. Ну, и теперь я попалъ между двухъ огней.

— Кажется, большой чудакъ этотъ Еремѣевъ?

— Да, но мнѣ не хотѣлось бы съ нимъ ссориться. Онъ очень умный господинъ, это разъ; а второе, у насъ есть съ нимъ кое-какія дѣла. Вы окончательно уходите, Борисъ Яковлевичъ?

— А развѣ мы не вмѣстѣ? Я думалъ, что и вы со мной?

— Нѣтъ. Я не хочу вамъ мѣшать. Я, если позволите, выкурю у васъ одну папироску, а потомъ отправлюсь тоже по своимъ дѣламъ. Надѣюсь, хозяйка противъ этого ничего не имѣетъ?

Онъ обернулся къ Аннѣ. Та лукаво улыбнулась ему.

— Вы знаете, что хозяйка очень рада. Она боится одиночества.

Она поправила запутавшуюся шерстинку и вскинула на гостя выразительный взглядъ.

— Гдѣ моя фуражка? Никогда я ея не найду, ворчалъ Борисъ, заглядывая во всѣ такія мѣста, куда могла бы помѣститься его фуражка.

Наконецъ онъ исчезъ.

Анна Игнатьевна усерднѣе, чѣмъ когда-нибудь, принялась за работу. Она сидитъ опустивши глаза, но на лицѣ у нея написано, что она кокетка. Кто съумѣетъ такъ изящно нагнуться и такъ красиво держать иголку въ рукѣ, на которой сверкаетъ обручальное кольцо?

Онъ закуриваетъ папиросу и садится противъ хозяйки, причемъ позволяетъ себѣ взять въ руки одинъ изъ ея клубковъ. Онъ разсматриваетъ его съ видомъ крайняго любопытства, потомъ кладетъ обратно на столъ.

— Это берлинская шерсть?

Она усмѣхнулась и кивнула головой.

— Это коверъ, или подушка, или поддонникъ?

— Ахъ, не говорите мнѣ, пожалуйста, про мою работу! Терпѣть не могу, когда мнѣ о ней говорятъ.

Онъ поспѣшно бросилъ клубокъ назадъ въ корзинку, притворяясь испуганнымъ.

— Скажите, пожалуйста, начала она:—что за человѣкъ этотъ Еремѣевъ?

— Онъ? милліонеръ и философъ!

— Милліонеръ и философъ! Какъ это плохо вяжется между собою.

— Что вы, Богъ съ вами. Да это-же вещь извѣстная, что философія существуетъ для того, чтобы услаждать досуги богатыхъ людей. Философія и классическіе языки! Кстати, Чарльзъ Ридъ, гдѣ-то въ одномъ изъ своихъ романовъ, предлагаетъ обложить ихъ налогомъ, какъ предметъ роскоши. Вы не читали этого?

— Нѣтъ, но Богъ съ нимъ, съ Чарльзомъ Ридомъ.

Разскажите мнѣ что-нибудь о Еремѣевѣ. Отчего онъ до сихъ поръ не женится?

— Онъ вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда женщины могутъ нравиться.

— Что за вздоръ. Ему какихъ-нибудь сорокъ, сорокъпять лѣтъ; а вы влюбляетесь безъ ума до шестидесяти и даже дальше. Это чистые пустяки. Наконецъ, я могу спросить, почему онъ не женился прежде, когда былъ молодъ?

— Тогда онъ былъ не тѣмъ занятъ. Его молодость прошла въ лишеніяхъ. Сначала онъ искалъ куска хлѣба, потомъ пробивалъ карьеру, а потомъ его заняла наука. Это все, знаете, отобьетъ охоту думать о любви. Гумбольдтъ, говорятъ, забылъ жениться.

Она остановила на немъ свой свѣтлый, черезчуръ свѣтлый и прозрачный взглядъ.

— Нужно вамъ сказать, что я этому не вѣрю! Самые серьёзные, самые дѣльные изъ васъ, въ то-же время самыя жалкія игрушки въ нашихъ рукахъ. Кто сдѣлалъ себѣ изъ любви спеціальность, кто имѣлъ время насъ изучить, о! тотъ скорѣе держитъ насъ въ рукахъ, а эти Гумбольдты!..

Она засмѣялась и принялась опять за работу.

— Съ ними имѣть дѣло лучше, замѣтилъ онъ тихо.

— О, несомнѣнно! А впрочемъ, какъ кому. Я, напримѣръ, этихъ наивныхъ обожателей не терплю. Для меня безкорыстная любовь—приторность, и больше ничего. Я всегда хохочу, когда какой-нибудь философъ таетъ около своей жены... Она его увѣшала орденами, а онъ отъ своихъ in-folio, отъ своей библіи бѣжитъ къ ней, и отъ нея опять къ библіи. И что всего курьёзнѣе, всего уморитель-

нѣе, такъ это, что онъ ей вѣритъ! Ха-ха! Да этихъ людей нѣтъ даже интереса обманывать. Помилуйте. Я бы изъ одного самолюбія осталась ему вѣрна. А утѣшалась бы тѣмъ, что онъ Гумбольдтъ, а если и не Гумбольдтъ, то, все-таки, изучилъ какого-нибудь таракана или думалъ открыть планету. Да, ужъ эти ученые! Какъ людей, я ихъ уважаю, но какъ мужья, они, по-моему, никуда не годятся. Они заведутъ себѣ разъ жену, какъ носовой платокъ, и потомъ остаются уже совершенно спокойны, въ полной увѣренности, что его у нихъ никто не отниметъ. Тутъ онъ? Тутъ! Ну, и отлично!

Она была почти раздражена. Онъ слушалъ ее внимательно. На лицѣ у него мелкнуло то-же странное выраженіе, какое было въ день объясненія съ Лили. Не то нѣжность, не то насмѣшка или презрѣніе. Можетъ быть, и то, и другое. Одно мгновенье—и все исчезло безъ слѣда.

— Вамъ нужны бури, разнообразіе? спрашивалъ онъ ее, какъ бы поддразнивая.

— О, нѣтъ! Зачѣмъ такъ много. Мнѣ нужно просто разнообразіе. Вотъ глядите: нынче я вышиваю коврикъ, завтра—поддонникъ! два коврика сряду я вышить не въ состояніи.

— Это, должно быть, соединено для васъ со многими непріятностями.

— Это почему?

— А потому, что обыденная жизнь страдаетъ именно однообразіемъ.

— Э, да вѣдь я не требовательна. Мнѣ только главное, чтобы никто не мозолилъ глаза и не надоѣдалъ до тошноты. Мужъ мой, слава Богу, цѣлые дни или пропа-

даетъ, или чѣмъ-нибудь занятъ, за что я къ нему вдвойнѣ расположена. Право, знаете, это поддерживаетъ любовь.

— Я вижу, все, что касается до кокетства, вамъ извѣстно, какъ десять заповѣдей. Меня всегда занимало въ васъ соединеніе величайшей кокетки и въ то-же время женщины дѣльной. Признайтесь откровенно, вѣдь вы бы, я думаю, не отказались вести торговыя дѣла. И не отказались бы влюбить кого-нибудь въ себя.

Она смотрѣла на него прищурившись.

— Что-жъ! одно полезно, другое пріятно.

— Знаете, что въ васъ я встрѣчаю еще первый такой примѣръ.

— Будто бы? Неужели я такая рѣдкость?

— Да вѣдь вы знаете себѣ цѣну. Въ васъ самолюбія больше, чѣмъ во всѣхъ здѣшнихъ барыняхъ, взятыхъ вмѣстѣ. Я иногда наблюдалъ за вами; вы—Александръ Македонскій, вы хотѣли бы покорить себѣ весь свѣтъ.

— Ой, какъ много! Что я стала бы съ нимъ дѣлать? Нѣтъ, это было бы скучно! Никогда не надо доходить до конца; всегда нужно, чтобы впереди что-нибудь оставалось. Хоть немножко. Иначе, некуда будетъ идти.

— Понимаю. Это значитъ вотъ что: мнѣ лестно имѣть двухъ, трехъ поклонниковъ, но видѣть у ногъ своихъ весь городъ, это уже опять скучно. Что-же мнѣ тогда дѣлать? Кого завлекать? Но вѣдь и Александръ Македонскій плакалъ о томъ, что отецъ его покоритъ весь міръ и ему ничего не останется.

— Да, это грустно, дѣйствительно. Вы представьте себѣ, что всѣ ваши цѣли достигнуты. Что тогда?

— Какъ что? Да я буду счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

— Не думаю.

Она воткнула иголку и задумчиво посмотрѣла на него. Что-то въ родѣ грусти выразилось на лицѣ ея. Эта грусть, какъ явленіе непривычное, дѣлала ее вдвое прелестнѣе. Можетъ быть, она знаетъ это и задумывается нарочно? Этотъ вопросъ задалъ себѣ Черникъ. Онъ не вѣрилъ ни одному ея движенію. Онъ зналъ, что отъ этой женщины искренности можно ждать меньше всего.

— Ахъ, да! начала она вдругъ. — У меня сейчасъ былъ братъ. Я слышала, что вы приглашаете его къ себѣ. Что это за маскарадъ, скажите пожалуйста? На что онъ вамъ нуженъ?

— Онъ вамъ развѣ ничего не передавалъ?

— Нѣтъ, онъ говорить-то говорилъ много, да что пользы. Вы знаете, Лёвушка у меня такой человѣкъ, что чѣмъ онъ больше наскажетъ, тѣмъ меньше толку. Вотъ его вы могли бы вѣрнѣе назвать Александромъ Македонскимъ. Онъ у меня иначе не помирится, какъ на царской коронѣ. Я его, впрочемъ, за это хвалю.

— Когда я былъ маленькимъ, разсказывалъ Черникъ: —я какъ-то слышалъ о Наполеонѣ, что онъ изъ простого офицера сдѣлался потомъ императоромъ. Такъ у меня одно время, года два, я думаю, не выходило изъ головы сдѣлаться самому императоромъ. Ложишься, бывало, спать, или тюрю какую-нибудь хлебаешь, и думаешь: а вѣдь вотъ, пожалуя, я буду царь! я тогда этой тюри не стану ѣсть. Также точно и братъ вашъ... если вы позволите назвать его этимъ именемъ.

— Сдѣлайте одолженіе. Всѣмъ извѣстно, что онъ мой братъ, да и я этого ни мало не стыжусь. Дѣло не въ томъ.

Но мнѣ досадно, что онъ задается сразу такими громадными планами. Навѣрное можно сказать, что онъ вездѣ будетъ проигрывать.

— Вотъ мнѣ и хотѣлось бы именно научить его, какъ люди выигрываютъ. Показать ему начало. Начало! это самое главное. Потомъ онъ пойдетъ самъ.

— Какое участіе! замѣтила Анна насмѣшливо. — Что́ васъ такъ интересуетъ въ немъ?

Черникъ съ минуту молчалъ, какъ бы желая что́-то сказать и не рѣшаясь.

— Съ меня достаточно того, что онъ вашъ братъ, вымолвилъ онъ, наконецъ.

— Боже! какая любезность!

Она раскланялась, но ни мало не смутилась.

— Такъ вы дѣлаете это для меня, подсмѣивалась она, роняя клубокъ и заставляя его поднимать.—Кто бы подумалъ, что на свѣтѣ есть еще такіе великодушные люди. Это услуга безкорыстная, конечно?

— Не совсѣмъ.

— Ахъ, такъ не нужно, не нужно ея! Я не люблю оставаться въ долгу. Вы хотите сдѣлать меня своею должницей? Ни за что!

Она дразнила его своими взглядами, своими улыбками. Она то наклонялась надъ своею работой и вскидывала на него блестящіе, сѣрые глаза, то откидывала голову назадъ и полузакрывала ихъ, защищая длинными рѣсницами. Изъподъ темнаго бархата кофточки, шея и лицо казались еще бѣлѣе и прозрачнѣе; волосы были зачесаны высоко, и только нѣсколько пепельныхъ завитковъ падали на затылокъ и даже забѣгали за ухо. Хоть бы разъ вспыхнулъ румянецъ

на этихъ матовыхъ щекахъ. Нѣтъ, онѣ оставались безцвѣтными по-прежнему, зато тѣмъ ярче выдавался блескъ глазъ, и въ этомъ даже была своя особенная прелесть.

Онъ поднялся съ мѣста и сталъ тушить папиросу, не докуривши ее. Онъ казался нѣсколько взволнованнымъ.

— Вы странная женщина, Анна Игнатьевна, заговорилъ онъ. — Знаете-ли, что вы сбиваете меня съ толку. У меня вертится на языкѣ слово, которое я хотѣлъ бы сказать вамъ. Не сердитесь, если оно сорвется у меня невольно.

Она прикинулась удивленной.

— Это должно быть что-нибудь ужасное? спрашивала она, складывая руки и останавливая на немъ любопытный взглядъ.

— Ужасное? нѣтъ, но во всякомъ случаѣ...

Онъ остановился, какъ бы не рѣшаясь договорить. Онъ мялъ и ломалъ между пальцами потушенную папиросу.

— Я ужаснаго не люблю, предупреждаю васъ. Лучше и не начинайте. Что за охота разстраивать себѣ нервы. Они и такъ у меня не совсѣмъ крѣпки.

— Можетъ быть, у васъ ихъ совсѣмъ нѣтъ.

— Что за дерзость! Кто вамъ сказалъ, что я такая безчувственная? Напротивъ, я очень чувствительная женщина. Я люблю даже животныхъ, даже дѣтей, только тогда, разумѣется, когда они не вертятся около меня. Вотъ посмотрите, какъ мнѣ будетъ милъ этотъ Васька, когда онъ уберется отсюда въ другую комнату.

И она, шутя, оттолкнула кота, который увивался у ея ногъ.

— Это значитъ, что l'absent est celui qui reste?

— Вотъ именно, именно!

— Знаете, что вы этимъ самымъ выгоняете меня.

— Боже сохрани! Я говорю только про дѣтей и про кошекъ.

Съ минуту они молчали. Она сидѣла, откинувшись на спинку и опустивши глаза, лѣниво выдѣлывала свои зеленые крестики. Во всей ея фигурѣ выражалась какая-то томная усталость. Знаетъ-ли она, какъ красиво оттѣняются у нея рѣсницы? Какъ хороша она теперь съ своею лѣнивою нѣгой?

Вдругъ онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился противъ нея у стола.

— Какъ я жалѣю, выговорилъ онъ отчетливо: — что вы замужемъ.

Она опустила работу на колѣни и нехотя подняла глаза.

— Да, я жалѣю объ этомъ. Это отнимаетъ у меня право сказать вамъ то, что я хотѣлъ бы сказать.

— Боже мой, какія тутъ еще права! Вы можете говорить мнѣ все, лишь бы это было прилично.

— Да? Вы разрѣшаете?

Онъ подошелъ къ ней близко, ближе, чѣмъ она того желала. Его горячій взглядъ даже немножко тревожилъ ее.

— Полюбить замужнюю женщину—несчастіе, я знаю. Но я васъ люблю!

Онъ сдѣлалъ еще движеніе. Она встала не спѣша, какъ бы для того, чтобы предупредить возможность какой-нибудь сцены.

Онъ ждалъ или гнѣва, или робкаго признанія, можетъ быть, слезъ, отчаянія, но не ждалъ одного: смѣха. Это

не былъ даже смѣхъ презрѣнія. Она смѣялась дѣйствительно оттого, что ей весело. Она хохотала такъ, что кружева манишки трепетали у нея на груди, а серьги судорожно вздрагивали.

Первый разъ въ жизни съ нимъ случилась такая сцена, и первый разъ въ жизни онъ потерялся передъ женщиной. Глаза у него блеснули.

— Вамъ весело?

— Ахъ, Боже мой. Да отчего-же мнѣ грустить? Мнѣ весело, конечно. Вѣдь я-же — это знала давно. Я ждала этого. Изъ всѣхъ здѣшнихъ барынь въ вашемъ спискѣ недоставало только меня. Вы хотѣли вписать послѣднюю фамилію. Погодите немножко! Не торопитесь!

И она, подсмѣиваясь, отошла къ туалету.

Въ немъ видимо происходила борьба. Глаза у него блеснули и брови сдвинулись. Она раздражала въ немъ его самолюбіе и его страсть.

— Анна Игнатьевна, я говорю съ вами искренно. И не хорошо съ вашей стороны издѣваться надо мной.

— Андрей Михайловичъ, я, съ своей стороны, прошу у васъ только одной милости. Не считайте меня ужъ такою наивностью.

— Что такое? Вы думаете, что это пустое ухаживанье? Что я говорю съ вами такъ же, какъ говорилъ съ Лидіей Геннадіевной? Умѣйте же, наконецъ, различать комедію отъ настоящей, неподдѣльной дѣйствительности. Анна Игнатьевна, еще разъ повторяю вамъ, что меня обстоятельства заставляютъ быть актёромъ всю мою жизнь. Дайте-же мнѣ хоть разъ, хоть одинъ разъ быть человѣкомъ!

Анна продолжала стоять у туалета и лукаво покачивала головой.

— Это очень хорошо, только который разъ вы это говорите? Судя по тому, какъ вы хорошо это мѣсто выучили, надо думать, что у васъ ужъ въ нашемъ городѣ было, по крайней-мѣрѣ, двѣнадцать объясненій.

— Не судите обо мнѣ по моей репутаціи. Она часто вретъ. Люди говорятъ только о томъ, что̀ имъ кажется, а не о томъ, что́ есть на самомъ дѣлѣ. Не двѣнадцать разъ я въ жизни своей объяснялся въ любви — сто двѣнадцать разъ. Но неужели-же потому, что я прикидывался влюбленнымъ, я лишенъ права дѣйствительно полюбить женщину?

— И много еще вамъ остается говорить? Вѣдь это ужасно! Какъ вы это все запоминаете, Андрей Михайловичъ, мнѣ право жалко васъ.

— Вы лучше бы сдѣлали, еслибы выгнали меня вонъ просто, безъ этихъ ядовитыхъ намековъ. (Онъ взялся за фуражку). Я вижу, что не ошибся въ васъ. Чувства и всего того, что́ у насъ называется душой, въ васъ нѣтъ. Любить такую женщину нельзя. Это было безуміе съ моей стороны. Прощайте, Анна Игнатьевна!

Онъ протянулъ ей руку. Она не дала ему своей.

— Постойте. Зачѣмъ намъ разставаться врагами? Что за особенная бѣда такая, что я не хочу быть вашею стотринадцатою любовью? Неужели вы требуете непремѣнно побѣды? Надо быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ. Если ваше самолюбіе иногда и убито, не унывайте—оно вознаградится сторицей въ другомъ мѣстѣ. Я вамъ говорила, зачѣмъ вы такъ поздно начали ухаживать за мной? Вы дали мнѣ время присмотрѣться къ вашимъ маневрамъ.

Ну, однако, это пустяки. Мы остаемся друзьями. Не смѣйте уходить сейчасъ.

— Вы дѣлаете большую ошибку, оставляя меня послѣ этого объясненія.

— Андрей Михайловичъ, я, опять-таки, повторяю вамъ, что я его принимаю только за настоящую монету. Еслибы у меня было хотя малѣйшее подозрѣніе въ томъ, что въ вашихъ словахъ есть одна сотая доля правды, вы бы не остались здѣсь ни одной секунды.

Она гордо и повелительно глядѣла на него.

— Такъ вы не хотите, чтобы это была правда? Вамъ доставляетъ наслажденіе оттолкнуть меня?

— Да я видѣла-же, видѣла васъ въ роли влюбленнаго! Вы великолѣпны! Довольно! Не говорите мнѣ больше жалкихъ словъ.

Она съ досадой повернула плечами.

Онъ сѣлъ къ столу и закрылъ лицо рукой. Наступило тяжелое молчаніе.

— Да, выговорилъ онъ какъ-то глухо.—Многое я могъ бы сказать, но не хочу оскорблять васъ.

На одну секунду въ глазахъ ея блеснуло что-то похожее на грусть.

— Вы еще очень деликатны. Я должна благодарить васъ и за это. Вы, конечно, могли бы наговорить мнѣ дерзости. Мы теперь одни.

— Вѣдь я не пьяный ямщикъ, Анна Игнатьевна. Могу васъ завѣрить, что я говорю женщинамъ дерзости только тогда, когда онѣ сами напрашиваются на нихъ.

Анна сѣла на прежнее мѣсто и взялась опять за ра-

боту, но по движенію рукъ ея можно было видѣть, что она не совсѣмъ спокойна.

— Я считаю, что объясненія этого не было. Сдѣлайте мнѣ маленькое удовольствіе, просила она:—считайте и вы, что его не было.

— Извольте, отвѣтилъ онъ вдругъ рѣзко.—Я къ вашимъ услугамъ. Прикажете опять говорить о Еремѣевѣ или о вашемъ братѣ?

Пользуясь тѣмъ, что онъ не поднимаетъ глазъ, она украдкой взглянула на него.

„Если это комедія, то какая удивительно-вѣрная, художественная комедія. Всѣ симптомы влюбленнаго. Онъ не измѣняетъ себѣ ни на минуту. Ну да, вѣдь, и практика-то хорошая: сто-двѣнадцать разъ!“ утѣшила она себя.

— Какъ поживаетъ вашъ пріятель, Богданъ Иванычъ? Что онъ, все такой-же нелюдимъ? Также ненавидитъ женщинъ?

— Вы не находите, что этотъ разговоръ немножко страненъ? спросилъ онъ вдругъ, поднимая голову и глядя на нее въ упоръ.

— Вы обѣщали мнѣ свою деликатность. Не забывайте этого, замѣтила она строго.

— Я теперь ничего не скажу, кромѣ того, что я сумасшедшій, что вы сводите меня съума! Да! Я слишкомъ часто встрѣчалъ васъ для того, чтобы оставаться къ вамъ равнодушнымъ. Сталкиваться съ вами каждую недѣлю, иногда каждый день и не влюбиться въ васъ до безумія, до какого-то затмѣнія...

— Когда-же началось это затмѣніе, до объясненія съ губернаторшей или послѣ? до ухаживанья за Лидіей Геннадіевной или послѣ?

— Да поймите, что то была комедія! (Онъ почти гнѣвно смотрѣлъ на нее). Или вы, наконецъ, считаете меня развратникомъ, который разомъ можетъ любить десятерыхъ? Вы скажете, что я былъ влюбленъ въ губернаторшу? Или въ Лидію Геннадіевну?

— Нѣтъ, я этого не скажу. Я скажу, что вы влюблены въ самого себя. Каждая изъ насъ обречена судьбой тѣшить ваше самолюбіе. Ужъ не слишкомъ-ли это роскошно, Андрей Михайлычъ? Вы поставили себя такъ, что мнѣ даже посторонніе намекаютъ на то, что и я не миную вашей благосклонности. Согласитесь, что если это удовлетворяетъ вашему самолюбію, то для моего-то оно ужъ немножко обидно.

— Нѣтъ, нынче, я вижу, мы не поймемъ другъ друга. Прощайте!

Онъ всталъ и съ рѣшительнымъ видомъ протянулъ ей руку.

— Sans adieux! Мы разстаемся друзьями. Съ условіемъ, впрочемъ, что вы мнѣ больше не будете надоѣдать. Не отчаявайтесь. Поищите хорошенько; я увѣрена, что вы найдете болѣе достойную, чѣмъ я. Я вамъ готова даже помогать. Sans adieux!

Она кивнула головой и сама отворила ему дверь. Черезъ другую отворенную дверь изъ корридора въ залу она имѣла удовольствіе видѣть Филиппа, прохаживающагося взадъ и впередъ. Онъ дежурилъ тутъ съ той самой минуты, какъ Борисъ ушелъ изъ дому. Онъ принялъ къ свѣдѣнію, что его невѣстка все это время сидѣла, запершись, наединѣ съ гостемъ.

Анна вернулась и сѣла на прежнее мѣсто. Работа оста-

лась нетронутою. Облокотившись на столъ и положивъ голову на руки, она долго смотрѣла въ одну точку.

Только разъ блеснуло на лицѣ ея выраженіе какого-то торжества. Потомъ все поблекло. Она играла своимъ кольцомъ, то снимая, то надѣвая его на палецъ, даже повернула его на свѣтъ, чтобы посмотрѣть, какъ оно сверкнетъ на солнцѣ.

VI.

Какъ-то разъ, въ воскресенье, все семейство Корсаковыхъ сидѣло за чаемъ. Фаина Ивановна только-что вернулась отъ обѣдни и кушала просфору.

Вдругъ Анна Игнатьевна вынимаетъ изъ кармана письмо и любезно передаетъ его своей belle-mère.

— Взгляните, пожалуйста. Что вы мнѣ посовѣтуете? Какой отвѣтъ дать на это приглашеніе?

Фаина Ивановна пріятно удивлена. Невѣстка съ ней совѣтуется. Это хорошій знакъ.

— Гдѣ мои очки? Очки гдѣ? спрашиваетъ она, суетливо оглядываясь и шаря около себя.

Варенька величаво приподнимается и достаетъ ихъ съ сосѣдняго столика.

Фаина Ивановна начинаетъ читать и съ каждою строчкой лицо ея сіяетъ все болѣе и болѣе. Глаза ея, щеки и ротъ—все обращается, наконецъ, въ одну большую улыбку. Всѣ смотрятъ на нее съ любопытствомъ. Одна Анна пьетъ свой чай съ видомъ полнѣйшаго равнодушія.

— Ѣхать, разумѣется ѣхать! изрекаетъ Фаина Ивановна, складывая листочекъ вчетверо и возвращая его своей невѣсткѣ.

— Куда? не утерпѣла Саша.

— Къ губернаторшѣ! произноситъ Фаина Ивановна съ достоинствомъ. Эти два слова видимо доставляютъ ей неизъяснимое наслажденіе.

— Какъ? Зачѣмъ?

Всѣ удивлены. Даже Борисъ открываетъ глаза. Анна улыбается, едва двигая уголками рта. Ей нужна была реклама, и она удалась: всѣ родные знаютъ теперь, что она получила приглашеніе отъ губернаторши. Ее зовутъ на чашку кофе. Бѣдная Лили проситъ развлечь ее чѣмъ-нибудь въ одиночествѣ. Мужъ уѣхалъ въ уѣздъ. Она скучаетъ. Вѣрно, милая Анна Игнатьевна не откажется навѣстить ее. Милая Анна Игнатьевна передаетъ эту записку Фаинѣ Ивановнѣ, какъ передаютъ объявленіе въ газеты. Цѣль ея достигнута. Фаина Ивановна сладко вздыхаетъ, представляя себѣ, какъ ея потомки будутъ знакомы съ губернаторами. Варенька смотритъ какъ-то благосклоннѣе; Филиппъ доволенъ, даже Глѣбъ чувствуетъ себя польщеннымъ. Анна хорошо замѣчаетъ эффектъ, но не показываетъ виду, что это ее радуетъ.

— Мнѣ кажется, говоритъ она:—что если Елена Павловна желаетъ со мною познакомиться, самое короткое ей было бы пріѣхать ко мнѣ самой.

— Вы слишкомъ многаго требуете, милая моя, мягко замѣчаетъ Фаина Ивановна. Надо сдѣлать маленькую уступку. Вѣдь эти аристократки, вы знаете... у нихъ свои законы, отъ которыхъ онѣ не должны отступать.

— Законы вѣжливости для всѣхъ одни. Но если я и сдѣлаю ей уступку, такъ только потому, что считаться съ ней не хочу.

— Удивляюсь, какое у тебя можетъ быть знакомство съ губернаторшей!

Борисъ дѣйствительно удивлялся, произнося эти слова.

— Неужели-же ты думаешь, что знакомство какого-нибудь Черника или Грубецкаго будетъ полезнѣе для твоей жены? рѣзко спросилъ Филиппъ.

— Оба они умные люди, и какъ ты хочешь, а я думаю, что у Анны съ ними болѣе общаго, чѣмъ съ какою-нибудь Леленькой, Лилинькой... Она, впрочемъ, очень хорошенькая женщина, добавилъ онъ неожиданно:—и я не думаю, чтобы она была очень глупа, но все какъ-то это не тотъ кругъ...

Мнѣніе Бориса, какъ ни съ чѣмъ несообразное, отвергнуто большинствомъ. Не тотъ кругъ! Тѣмъ лучше. Случай попасть въ чужія сани представляется не каждый день.

Черезъ часъ Анна была уже у Лили. Лили такъ рада ей. Она повела ее показывать свою квартиру. Все, отъ умывательнаго столика до письменныхъ принадлежностей генерала, было пересмотрѣно и объяснено. Лили разсказывала, когда у нея обивали мебель, откуда она выписала драпри, кто подарилъ ей коврикъ и столовые часы. Она вспомнила по этому случаю про свое приданое, про тѣ счастливыя времена, когда она выходила замужъ и женихъ возилъ ей въ подарокъ бонбоньерки.

— Да, вздохнула она.—Это было ужъ давно. Теперь онъ ничего не даритъ мнѣ. Теперь я все должна брать силой. Повѣрите, чтобы выпросить какія-нибудь бусы или никуда негодную браслетку, я должна дуться и не говорить съ нимъ по крайней мѣрѣ недѣлю. А мнѣ такъ трудно ни съ кѣмъ не говорить.

— Вашъ мужъ кажется вообще человѣкъ серьёзный.

— Вы хотите сказать, что онъ все больше молчитъ? Да, это правда. Ему нужно только, чтобы я около него всегда сидѣла. Представьте себѣ, какая скука. Или вдругъ онъ предложитъ мнѣ играть съ нимъ въ безику! Каково? Или еще лучше: недавно я скучаю, а онъ не нашелъ ничего лучше, какъ предложить мнѣ, какъ вы думаете, что? поѣхать съ нимъ въ земство!

И Лили въ ужасѣ даже откинула головку.

— Вы были тамъ? спросила она гостью.

— Я была.

— Ахъ, вы гораздо умнѣе меня. Я бы тамъ и ничего не поняла.

— Напрасно вы такъ думаете.

— Даю вамъ слово, что нѣтъ. Когда мужъ примется толковать объ этомъ земствѣ, ну, право, я готова плакать. Vous savez, вѣдь à l'étranger il n'existe pas, le земство!

— Да „à l'étranger“ вѣдь и по-русски не говорятъ! замѣтила Анна какъ-то удивленно.

— Ахъ нѣтъ, я люблю Россію. Вы думаете, можетъ быть... Нѣтъ, право, я люблю ее.

Лили немножко растерялась. Ей казалось, что Анна смѣется надъ нею. Она считала ее чѣмъ-то въ родѣ ученой или, по крайней мѣрѣ, очень умной женщиной, и не знала, какъ попасть ей въ тонъ.

— Мы сейчасъ будемъ пить кофей, обрадовалась она, увидавши лакея съ подносомъ.—Я васъ угощу новинкой. Мнѣ одинъ знакомый привезъ его прямо изъ Аравіи. Изъ Ливана.

И новыя пріятельницы усѣлись за столомъ. Лили стала

разливать, заворачивая свои кружевные рукава. Она кокетничала даже и тутъ: то граціозно нагибалась, чтобы достать щипчики, то выпрямлялась и съ притворною досадой откидывала назадъ свои локоны.

Анна смотрѣла на нее съ какою-то странною улыбкой, и по просьбѣ хозяйки стала снимать свои перчатки.

Всякій разъ, какъ Лили оглядывалась на нее, ей казалось, что гостья смѣется надъ ней. Ей горько становилось, глядя на эту зажигающую, дерзкую красоту. Она все больше и больше начинала вѣрить тому, что для этой женщины Черникъ можетъ измѣнить ей. Какъ-нибудь задобрить ее, сойтись съ ней поближе, можетъ быть, со временемъ открыть ей свой секретъ, казалось ей теперь единственнымъ возможнымъ выходомъ.

„Она не станетъ отбивать его. Она отдастъ его мнѣ“, наивно рѣшила Лили.

Лишиться Андрея казалось ей теперь невозможнымъ. Она слишкомъ привыкла слушать его сладкія рѣчи, ловить его нѣжные взгляды. Она слишкомъ хорошо помнила еще тѣ чудные вечера, когда онъ былъ съ нею, когда они заводили нескончаемую, но прелестную болтовню. Нелька теперь не удовлетворяла ее. Генералъ и подавно. Къ тому же, вѣдь онъ больше былъ тароватъ на поцѣлуи, чѣмъ на разговоры.

— Попробуйте этого печенья, предлагала Лили.—Во всемъ городѣ, никто не умѣетъ дѣлать его такъ, какъ нашъ поваръ. Это его chefd'oeuvre. За то въ остальномъ, не взыщите. Мой мужъ держитъ его только за то, что онъ беретъ шесть рублей въ мѣсяцъ!

— Вашъ мужъ, я вижу, не балуетъ васъ. Отчего вы не возьмете его въ руки?

— Попробуйте! Онъ колется, какъ ёжъ.

Лили засмѣялась.

— А вотъ лисица, говорятъ, умѣетъ и съ ежомъ справиться. Она бросаетъ его въ воду.

— Да то лисица! Мнѣ мама всегда говорила, что я больше похожа на котенка. Я не умѣю хитрить. Я буду плакать, я буду злиться, а мужчины... вы знаете, ихъ забавляетъ, когда мы плачемъ. Скажите мнѣ откровенно, вашъ мужъ исполняетъ всѣ ваши капризы?

— Непремѣнно!

— Вотъ видите! Я говорю, что всѣ жены на свѣтѣ счастливѣе меня. Ахъ, какъ глупо дѣлаютъ тѣ, кто выходитъ замужъ въ 16 лѣтъ!

— Зачѣмъ-же вы шли?

— Какъ зачѣмъ? Меня выдали. Мама сказала: иди! я пошла!

— Странная вы женщина. Когда мама говоритъ: иди! всегда надо сказать: не пойду! Это ясно.

— Ахъ, вы не знаете, у меня мама такая умная, такая милая.

— Да, ну это другое дѣло!

Анна чуть замѣтно улыбнулась и взялась за чашку. Кофе изъ Аравіи видимо не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія, потому что она пила его очень равнодушно.

— Скажите, просила Лили, опуская глаза и будто такъ, между прочимъ.—Правда, что Лидія Геннадіевна выходитъ замужъ за Боборыкова?

— Не слыхала.

— Я сама думаю, что это вздоръ, тѣмъ болѣе, что, помните, вы-же, кажется, говорили мнѣ, что за ней ухаживаетъ Черникъ?

— Что-жъ. Онъ другому не мѣшаетъ, замѣтила Анна.— Она можетъ начать романъ съ Андреемъ Михайловичемъ и кончить его съ Боборыковымъ.

— Mais, au fond, il n'y a rien de sérieux? Неправда-ли?

— Право, не знаю, Елена Павловна. Мнѣ казалось всегда, что Лидія Геннадіевна несовсѣмъ равнодушна къ Чернику, но, можетъ быть, вѣдь это мнѣ только такъ *казалось*.

— Я сама это замѣтила. Но онъ... мнѣ кажется, она ему не нравится.

Лили какимъ-то инстинктомъ угадывала, что настоящая ея соперница не Лидія Геннадіевна. Она упомянула о ней только для того, чтобы навести Анну на разговоръ о Черникѣ.

— Вы слыхали про Гейне, Елена Павловна? спросила Анна неожиданно.

Лили удивленно моргала, какъ-бы что-то припоминая.

— Гейне? Конечно. Онъ писалъ стихи. Что вамъ вздумалось спросить меня о немъ?

— Такъ. Когда я думаю объ Андреѣ Михайловичѣ, мнѣ невольно приходитъ на умъ это сравненіе. Онъ любилъ женщинъ, то-есть, не ихъ собственно, а въ нихъ онъ любилъ себя. Но не онѣ были главною цѣлью его жизни. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на игрушку, для которой никогда бы не пожертвовалъ ни одною своею прихотью. Даже въ минуту сильнѣйшей страсти онъ презиралъ ту,

которой клялся въ любви. Судите сами, что-же оставалось послѣ, на другой день?! Вотъ вамъ Андрей Михайлычъ Черникъ!

— Вы думаете, что онъ никогда не можетъ привязаться къ женщинѣ.

— Привязаться? Никогда. Влюбиться можетъ. Два дня, двѣ недѣли, два мѣсяца... Какая-же это страсть! По-моему, его любовь должна быть позоромъ для женщины.

Лили измѣнилась въ лицѣ. Неужели она о чемъ-нибудь догадывается? Неужели она говоритъ это нарочно для нея?

— Вы очень строго смотрите на это, замѣтила она какъ-то растерянно.

— Я никого не сужу, Елена Павловна. Я только удивляюсь, какъ мало самолюбія у тѣхъ женщинъ, которыя... которыхъ онъ плѣняетъ.

Лили вся вспыхнула. Слезы подступали ей къ глазамъ, но она собрала свои послѣднія, крошечныя силы, чтобы подавить ихъ.

— О комъ вы говорите? могла она только спросить, почти захлебываясь.

— Ахъ, Боже мой, мало-ли о комъ. Развѣ-же вы не знаете, сколько здѣсь въ городѣ хорошенькихъ... Гейне любилъ хорошенькихъ, добавила она, улыбнувшись.

Теперь ясно; ей извѣстно все. Это прямой намекъ на нее. Теперь одно спасеніе—полное признаніе. Сказать ей все, просить ея состраданія. Лили не умѣла бороться, она не умѣла даже хорошенько соображать. Одной секунды достаточно, чтобы убѣдить ее въ чемъ-нибудь, пожалуй, въ совершенно обратномъ тому, что она думала за двѣ ми-

нуты. Если пропасть открыта, кинуться въ нее головой— самый удобный и скорый конецъ. Она, однако, пустилась еще на одну хитрость.

— Онъ любитъ хорошенькихъ, значитъ и васъ?

— Можетъ быть! отвѣтила Анна коротко.

Лили невольно сдѣлала движеніе назадъ. „Что-же это такое? Это какой-то демонъ, а не женщина!“

— Признайтесь откровенно, продолжала Анна съ своею холодною улыбкой.—Вѣдь онъ объяснялся вамъ въ любви?

Лили не выдержала или, лучше сказать, не выдержали ея слезы, которыя полились градомъ. Она схватила руку Анны и сжала ее въ своихъ горячихъ рукахъ, остановивши на ней умоляющій взглядъ.

— Вы знаете все, но вы милая, вы добрая... вы не будете смѣяться надо мной? нѣтъ?

Анна, не отнимая у нея руки, встала съ мѣста, изображая изъ себя какую-то статую изумленія. Она была, дѣйствительно, изумлена. У нея и въ мысляхъ не было намекать Лили на ея отношенія къ Чернику.

— Елена Павловна, право, я ничего не знаю. Да и не хочу знать!

— Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ скрывать! Лучше сказать мнѣ это прямо въ лицо, чѣмъ за глаза. Ахъ, обо мнѣ за глаза разсказываютъ такъ много исторій. Будьте-же хоть вы... Она хотѣла сказать: великодушны, но не докончила и снова заплакала.

— Да увѣряю-же васъ, что я говорила безъ всякой цѣли. Еслибы у меня были хотя малѣйшія подозрѣнія, я бы молчала, Елена Павловна.

— Ахъ нѣтъ, пожалуйста нѣтъ! (Она опять съ жаромъ

пожимала ея руку). Теперь мнѣ все равно. Я скажу вамъ все. Я знаю, вы поймете меня. Анна Игнатьевна! (она силой почти усаживала ее около себя). Это случилось такъ вдругъ! Я, право, и сама не понимаю... Онъ такъ вкрадывается въ душу... Ахъ, вы его не знаете.

Анна молча, но мягко глядѣла на нее и сама нѣжно пожала ей руку. Признаніе нравилось ей, она съ любопытствомъ ждала продолженія. Лили быстро продолжала говорить, безпрестанно поднимая и опуская свои заплаканные глаза. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ей было стыдно, она ни за что не рѣшалась поднять ихъ и упорно глядѣла на кончикъ своей ноги.

— Я вамъ скажу все. Мы сидѣли вотъ тутъ, на этомъ диванѣ. Онъ говоритъ: я васъ люблю. Я не хотѣла этого. Я хотѣла, чтобы онъ замолчалъ. Но если бы вы слышали, какъ онъ это сказалъ. Такъ со мной еще никто не говорилъ.

Лили остановилась.

— И вы повѣрили ему? спросила Анна.

— Что?

Лили даже испугалась, такой былъ непріятный, блестящій взглядъ у ея собесѣдницы.

— Не вѣрьте этому человѣку! продолжала Анна, въ свою очередь сжимая ей руку.—Послушайтесь меня. Вы не будете жалѣть объ этомъ.

— Развѣ вы... что-нибудь знаете о немъ?

— Ничего. Но я имѣю нѣкоторыя основанія говорить такъ. Елена Павловна, мы съ вами ровесницы по годамъ. Но по характеру, вы дѣвочка передо мной. Не сердитесь, что я такъ откровенна. Вы слишкомъ довѣрчивы. Вы мало

знаете жизнь. Я бывала во всякихъ передѣлкахъ. Я научилась и притворяться, и... многому я научилась. Когда г. Черникъ говорилъ вамъ, что онъ любитъ васъ, онъ лгалъ!

Она быстро встала и взялась за шляпку. Лили то-же вскочила и бросилась къ ней.

— Ради Бога! скажите... онъ влюбленъ въ васъ?

Она замерла, ожидая отвѣта.

Анна обернула къ ней свое блѣдное, безстрастное лицо.

— Онъ влюбленъ въ самого себя.

— Нѣтъ, это не то, не то!

Лили прижимала руку къ вискамъ, какъ бы для того, чтобы угомонить напрягавшіяся жилки.

— То самое! Я вамъ сказала правду.

— И больше вы ничего не знаете?

— Больше ничего.

— Нѣтъ, я не пущу васъ ни за что. Еще хоть четверть часа! хоть пять минутъ! Я боюсь оставаться теперь одна.

Анна пожала плечами.

— Если вы такъ этого желаете!..

Она положила шляпку въ сторону.

— Я въ вашихъ рукахъ теперь, наивно признавалась Лили.—Но я не боюсь. Я знаю, что вы мою тайну не выдадите никому. Да? Вы мнѣ даете это обѣщаніе?

— Вамъ не нужно и просить его.

И гостья какъ-то утомленно пожала протянутую ей руку.

Лили увидала себя въ зеркалѣ и встревожилась.

— Какъ у меня наплаканы глаза! Не правда-ли?

(Она поспѣшно стала вытирать ихъ платкомъ). Ахъ, эти глупыя слезы! Еще кто-нибудь увидитъ, станетъ разспрашивать. Мама меня всегда бранила за то, что я никогда не умѣла удержаться. Я ревѣла даже при постороннихъ. Вотъ, непремѣнно, непремѣнно останутся слѣды!

— Это пройдетъ, утѣшила ее Анна.

— Вы не повѣрите, разсказывала Лили, уже усѣвшись на прежнее мѣсто и, по возможности, успокоившись:—какъ мнѣ теперь стало легче. Я рада, что сказала вамъ все. У меня такой глупый характеръ. Мнѣ непремѣнно надо выболтать кому-нибудь свой секретъ, autrement il me pèse sur le coeur, добавила она, вздохнувъ.

— Развѣ у васъ нѣтъ никого, съ кѣмъ бы вы могли быть откровенной?

— Mon Dieu, non! Ce n'est pas à mon mari par exemple que j'irai dire que je suis amoureuse d'un autre.

И Лили даже разсмѣялась отъ такого предположенія.

— А ваша мать?

Лили испугалась.

— Ахъ, что вы. Развѣ ей можно говорить объ этомъ. Я умерла бы со стыда. Elle est si vertueuse. Еслибы вы знали, какъ она смотритъ на такихъ женщинъ, которыя... qui sont infidèles à leurs maris... Она бы отреклась отъ меня.

И Лили снова опечалилась.

VII.

Есть люди, которые всю жизнь проводятъ аккуратно, которые, задавшись разъ мыслью, идутъ къ своей цѣли

неизмѣнно, такъ что скорѣе гора сдвинется съ мѣста, чѣмъ они съ своего пути. Но вотъ пробьетъ часъ—и все рухнуло! и цѣль, и мысль, и заранѣе составленные планы. Осталось только одно безумное чувство, которое толкаетъ назадъ, въ сторону—словомъ, куда угодно, только не впередъ. Человѣкъ дѣлается рабомъ этого чувства и находитъ какое-то особенное наслажденіе въ томъ, чтобы броситься въ пропасть, очертя голову. Правда, это случается разъ въ жизни, но за то ужъ по пословицѣ: рѣдко да мѣтко. Пароксизмъ этотъ послѣ пройдетъ, человѣкъ можетъ опять попасть въ прежнюю колею, но можетъ и никогда не попасть. Катастрофа такъ расшатаетъ его и кинетъ его такъ далеко, что назадъ возврата ужъ не будетъ.

Одинъ изъ такихъ пароксизмовъ переживалъ теперь Черникъ. Ему надо было встрѣтиться съ Анной Игнатьевной десятью годами позднѣе, и тогда буря миновала бы его. Но теперь онъ былъ еще слишкомъ молодъ. Первый разъ въ жизни пришлось согласиться съ тѣмъ, что не всегда можно безнаказанно ломать себя и дѣлать изъ себя какой-то инструментъ, какую-то машину, пущенную на призъ для достиженія извѣстной цѣли. И странно: что́ сходило съ рукъ въ 20 лѣтъ, то не сошло въ 30. Онъ сдѣлался жертвой своей страсти именно тогда, когда считалъ уже себя внѣ всякой опасности. Сколько женщинъ дарили ему свою любовь, и сколько разъ онъ оставлялъ ихъ безъ всякаго сожалѣнія, съ болѣе или менѣе пріятными воспоминаніями. Конечно, неудачи бывали и прежде, и прежде онъ встрѣчалъ женщинъ, оскорбленныхъ его признаніемъ, онъ видѣлъ ихъ негодованіе, иногда ихъ отчаяніе, слезы, но онъ не встрѣчалъ еще женщины, которая посмѣялась

бы надъ нимъ въ лицо, которая завлекла бы его только для того, чтобы потомъ съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ оттолкнуть его. Онъ видѣлъ въ Аннѣ Игнатьевнѣ какого-то демона, но демона увлекательнаго, прелестнаго и, главное, для него недоступнаго. Чѣмъ больше она издѣвалась надъ нимъ, чѣмъ больше раскрывалась между ними пропасть, тѣмъ скорѣе раздражалось его самолюбіе, а съ нимъ и его страсть. И чѣмъ сильнѣе онъ боролся съ нею, тѣмъ она сильнѣе овладѣвала имъ. Онъ съ отчаяніемъ, почти съ гнѣвомъ видѣлъ, какъ гибнетъ его сила воли, какъ онъ становится игрушкой въ рукахъ женщины.

Онъ, обыкновенно осторожный, послѣдовательный, теперь шелъ на проломъ. Онъ не хотѣлъ видѣть препятствій и не вѣрилъ, чтобы неудача была уже такъ неизбѣжна. Тутъ, какъ и всегда, онъ сказалъ: „я добьюсь своего“.

Не имѣя возможности часто видѣться съ Анной Игнатьевной наединѣ, онъ преслѣдовалъ ее въ обществѣ, и преслѣдовалъ систематически. Онъ завелъ знакомство во всѣхъ тѣхъ домахъ, гдѣ надѣялся ее встрѣтить. Онъ ухаживалъ за нею открыто, даже черезчуръ открыто, ни мало не щадя ея самолюбія и давая великолѣпный предлогъ для сплетень. Онъ какъ-будто добивался того, чтобы раздражать ее и вызывать ея гнѣвъ. Но она оставалась равнодушна. Она смѣялась надъ нимъ. Ее ни мало не безпокоили его ухаживанья. Всѣ видятъ ихъ. Пускай! Она какъ-будто даже гордилась этимъ.

Но, смѣлая въ обществѣ, она терялась дома. Она стала замѣчать послѣднее время, что за нею наблюдаютъ. Съ легкой руки Филиппа, устроилась цѣлая система шпіонства.

Всякій визитъ Черника вызывалъ на лицахъ таинственное, угрожающее выраженіе. Если тутъ даже и нѣтъ ничего серьёзнаго (Боже сохрани, этого еще никто и не подозрѣвалъ), то все-же такія черезчуръ частыя посѣщенія становятся неприличными. По крайней-мѣрѣ, пускай бы гость выходилъ каждый разъ въ общую гостинную, пить чай за общимъ столомъ; но нѣтъ, онъ даритъ своимъ присутствіемъ только Бориса и его жену. Борисъ такой розиня: онъ уткнетъ носъ въ свои машины, а тутъ рядомъ они будутъ цѣловаться, и онъ ничего не замѣтитъ. Эта мысль приходила, впрочемъ, исключительно одному Филиппу. Встрѣчая его строгій, неумолимо-холодный взглядъ, Анна всякій разъ чувствовала, какъ у нея кольнуло что-то въ груди. Она точно была виновата передъ нимъ. Она начинала бояться его.

Пыталась она иногда дружелюбно заговорить съ нимъ, улыбнуться ему, но все это какъ-то не клеилось. Филиппъ не подавался на ея ласки. Онъ оставался угрюмо-холоднымъ, какъ бы оставляя за собою право быть впослѣдствіи ея судьей.

Она разъ унизилась до того, что помогала искать ему книгу, которую онъ читалъ наканунѣ вечеромъ. Филиппъ, вѣжливо поклонясь, промолвилъ: „очень вамъ благодаренъ!“ но больше ничѣмъ не доказалъ, что онъ тронутъ этимъ знакомъ расположенія.

Анна чувствовала, что ей готовится западня. Этого достаточно было, чтобы она упала духомъ. Дерзкая въ однихъ случаяхъ, она сильно робѣла въ другихъ. Это была та проклятая робость, которая дѣлаетъ человѣка трусомъ въ ожиданіи какой-нибудь бѣды, но придаетъ ему энергію отчаянія, когда самая бѣда наступила.

Предвидя что-то недоброе, Анна приняла свои предосторожности. Всякій разъ, какъ Черникъ приходилъ въ отсутствіе Бориса, она приглашала къ себѣ Сашу. Такимъ образомъ, никто въ домѣ не могъ заподозрить, что она назначаетъ гостю свиданія.

Но не помогло и это. Тяжелая атмосфера не прочищалась. Филиппъ ходилъ болѣе мрачный и зловѣщій, чѣмъ когда-нибудь. Фаина Ивановна какъ-то странно глядѣла черезъ очки и начинала тяжело сопѣть, точно сдерживая въ себѣ какую-то злую мысль. Со стороны Вареньки было одно только торжественное молчаніе; но какъ много оно говорило! Даже Саша какъ-будто подозрѣвала нѣчто, и начинала лукаво поглядывать.

Какъ-то разъ Фаина Ивановна, занятая чтеніемъ „Странника“, не настолько, однако же, углубилась въ него, чтобы не слыхать звонка въ передней. Даже тогда, когда она уносилась душой въ небеса, она любила узнать, что дѣлается въ этомъ грѣшномъ мірѣ.

— Кто тамъ? Эй! Антошка! поди отопри. Да иди-же батюшка, иди!

Она сняла осторожно очки и однимъ энергическимъ движеніемъ надвинула на плечи платокъ.

— Это Черникъ, равнодушно замѣчаетъ Варенька. Но это равнодушіе притворное. Она знаетъ, какую бурю поднимутъ эти два слова въ душѣ ея матери.

— Черникъ? Ахъ, мой Богъ! Да ты почемъ знаешь? Да ты не врешь?

— Я-же видѣла его въ окно.

— А! въ окно! Антошка, Антошка! кричитъ отчаянно

Фаина Ивановна изъ опасенія, что ея вѣрный рабъ не услышитъ.

Антошка, уже благополучно подходившій къ дверямъ, услыхавъ неистовый призывъ, въ недоумѣніи останавливается. Въ немъ борется чувство долга съ чувствомъ робости. Послѣднее превозмогло, и онъ бросается назадъ на зовъ своей барыни.

— Слушай! когда ты отопрешь этому барину, скажи ему, что я очень рада его видѣть, что жду его сюда кушать чай. Понимаешь? *я, Фаина Ивановна!* Такъ и скажи!

Черезъ пять минутъ Антошка возвращается.

— Они велѣли сказать: благодарю, говоритъ, покорно. Я ужъ чай кушалъ, а мнѣ нужно къ Борису Яковлевичу.

— Да Бориса Яковлевича нѣтъ дома! Пошелъ, скажи ему.

— Я имъ докладывалъ. Онъ, говоритъ, все равно; я къ ихней супругѣ.

Фаина Ивановна всплеснула руками и выпустила тяжелый, громкій вздохъ. Но уныніе овладѣло ею только на минуту. Она быстро стряхнула его и бодрѣе, чѣмъ когда-нибудь, кликнула Сашу.

— Не смѣй ходить туда, если тебя позовутъ! Слышишь?

— Я слышу. Да не знаю, куда вы мнѣ не велите ходить-то.

— Къ Аннѣ Игнатьевнѣ. Поняла?

— Поняла.

— Ну-съ, а теперь, Александра Яковлевна, пожалуйте-ка ко мнѣ въ спальню. Мнѣ нужно съ вами поговорить.

Фаина Ивановна завертывается въ шаль и строго смотритъ на дочь. Святыя мысли „Странника“ борются въ ней

съ грѣховными помыслами. Послѣдніе побѣждаютъ. Ей хочется узнать, что видѣла и что слышала Саша во время визитовъ Черника къ Аннѣ.

— Когда былъ здѣсь Андрей Михайлычъ послѣдній разъ?

— Во вторникъ, отвѣчаетъ Саша безъ запинки.

— Ну, и ты, конечно, торчала тамъ?

— Меня Анна позвала. Я и пришла.

— Да, я знаю. А вотъ, когда тебя зовутъ гладить воротнички, такъ тебѣ надо и переводъ писать, и глаголы спрягать, и еще я не знаю что...

— У насъ по вторникамъ уроковъ мало, говоритъ Саша, глядя въ сторону.

— Ну, хорошо, хорошо. Такъ вы сидѣли тамъ! прекрасно. О чемъ-же тамъ шла бесѣда? Ну? Я тебя спрашиваю.

— Да что же, мама. Мало-ли о чемъ говорили. Развѣ я все помню.

— Поди сюда. (Фаина Ивановна беретъ ее за платье и придвигаетъ къ себѣ). Ты не глупая дѣвочка и изъ дѣтства уже вышла. Ты должна понимать, что есть такіе визиты, которыхъ я не желала бы у себя въ домѣ. Я увѣрена въ Аннѣ Игнатьевнѣ. Но Черникъ бываетъ часто, слишкомъ часто. Объ этомъ могутъ пойти разговоры. Ну, словомъ, тебѣ этого не нужно знать. Ты молода. Я въ твои годы играла еще въ куклы.

Тутъ Фаина Ивановна подумала и прибавила:

— Ну, такъ скажи-же мнѣ, о чемъ тамъ разговаривали?

— О земствѣ, махнула Саша наудачу.

— О земствѣ! Ты не врешь? Ну, положимъ. Еще о чемъ?

— Объ урожаѣ. О сжатомъ воздухѣ.

— Александра! ты меня не дурачь!

— О губернаторшѣ, спохватилась Саша.

— Хорошо. Ну, а потомъ.

— Мало-ли. Онъ говорилъ, что любитъ хорошенькихъ.

— А! Онъ говорилъ это?

— Разсказывалъ, что забылъ разъ въ вагонѣ свой сакъ-вояжъ. Потомъ еще онъ разсказалъ—ахъ, какъ это было интересно!—какъ одинъ мужъ отравилъ свою жену. Потомъ еще.... Да мало-ли. Я всего не помню.

— А она что говорила?

— И она тоже. Да я, мамаша, всего не помню. Позвольте мнѣ, мамаша, пойти обѣдать.

— Ступай! Но помни, что нынѣче я тебѣ запрещаю туда ходить.

Фаина Ивановна вздохнула три раза и встала. Разговоръ съ дочерью нѣсколько освѣжилъ ее. Должно быть, въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего серьёзнаго. Она, однако, пошла на встрѣчу Филиппу, услыхавши его голосъ.

— Ты обѣдалъ? спросила она заботливо.—Нѣтъ? Такъ я велю подать.

— Не безпокойтесь. Я ничего не хочу.

Глаза его глядѣли какъ-то мутно и даже волосы, сверхъ обыкновенія, не были гладко причесаны.

— Борисъ дома? спросилъ онъ отрывисто.

— Нѣтъ, онъ недавно ушелъ. А что?

На это Филиппъ ничего не отвѣтилъ и пошелъ къ себѣ въ комнату. Фаина Ивановна послѣдовала за нимъ.

— Послушай, говорила она, затворяя за собой дверь. —Меня это начинаетъ тревожить.

— Что-съ?

— Да вѣдь *этотъ*... опять тутъ.

Она уже не называла фамиліи, полагая, что дѣло ясно и безъ того.

— Ну, такъ что-же намъ съ вами до этого?

— Какъ что? побойся Бога, Филиппъ. Вѣдь этакъ не можетъ продолжаться. Вѣдь о нашемъ домѣ Богъ знаетъ что будутъ говорить.

— *Будутъ?* А вы думаете, что уже не говорятъ?

— Какъ? что?

— Хорошія вещи разсказываютъ про вашу невѣстку.

Фаина Ивановна поражена ужасомъ.

— Филиппъ, неужели ты подозрѣваешь ее?

— Не во мнѣ дѣло. Я вполнѣ увѣренъ, что преступныхъ мыслей у Анны Игнатьевны нѣтъ, что это съ ея стороны одно непростительное кокетство, но тѣмъ болѣе надо положить этому конецъ. Вы знаете, что̀ говорятъ въ городѣ? Если его не называютъ, то назовутъ завтра ея любовникомъ. Вотъ-съ до чего доходитъ игра этой вѣтряной особы.

Онъ отвернулся и сѣлъ къ столу, какъ бы для того, чтобы начать свои занятія.

Фаина Ивановна всплеснула руками. Безумное кокетство она называла развратомъ, а терпѣть разврата въ своемъ домѣ она не желала.

— Что-же намъ дѣлать? спрашивала она въ глубокомъ унынiи.—Какъ намъ выжить изъ дому этого бѣса, этого...

Филиппъ быстро обернулся.

— Что дѣлать? Сказать обо всемъ Борису. Его дѣло

внушить женѣ, что́ слѣдуетъ. Наши права она еще будетъ оспаривать, но предъ нимъ она должна преклониться.

— Ахъ, нѣтъ, Филиппъ, это его убьетъ.

— А это не убьетъ его, если до него дойдутъ слухи, которые ходятъ теперь про его жену? Вы находите, что это подѣйствуетъ на него отрадно?

— Но, Филиппъ, все-же лучше, я думаю, подождать. Вѣдь мы можемъ поселить у нихъ раздоръ. Ты знаешь, когда разъ западетъ подозрѣніе, трудно будетъ потомъ выгнать его.

Фаина Ивановна дѣйствительно испугалась этой перспективы.

— Какъ знаете! Если вы находите, что слѣдуетъ ждать, будемъ ждать.

И Филиппъ углубился въ какую-то книгу.

— Я думаю вотъ что, предлагала мать.—Не пойти-ли мнѣ теперь къ нимъ?

— Разогнать ихъ, что-ли?

— Нѣтъ, но мало-ли... Я могу найти предлогъ.

Филиппъ опять обернулся и непривѣтливо поглядѣлъ на нее.

— Что-же потомъ? Что изъ этого послѣдуетъ? Я не понимаю и не одобряю средствъ, которыя ни къ чему не ведутъ. Опять-таки повторяю, что намъ съ вами въ это дѣло вмѣшиваться не слѣдуетъ. Это касается прежде всего мужа. Но мы рѣшили ждать. Будемъ ждать!

Съ этими словами онъ взялся опять за книгу съ видимымъ желаніемъ дальше разговора не продолжать. Фаина Ивановна совсѣмъ упала духомъ.

Варенькѣ взгрустнулось. Она не хотѣла оставаться наединѣ и прошла къ брату. Глѣбъ лежалъ и смотрѣлъ картинки въ „Иллюстраціи“.

— Ты что?

— Ничего. Я такъ. (Молчаніе).

— Гляди, какую я тутъ итальянскую рыбачку нашелъ, восклицаетъ вдругъ Глѣбъ восторженно. — Глаза-то! Чудо, а не глаза!

— Богъ съ ней! вздыхаетъ Варенька.

Немного погодя, Глѣбъ находитъ еще какую-то красавицу, и опять ахаетъ. Варенька снова вздыхаетъ. Тогда Глѣбъ опускаетъ „Иллюстрацію“ на колѣни и оборачивается къ сестрѣ.

— Да ты что, новость, что-ли, какую-нибудь пришла сказать? Такъ говори ужъ, не томись. Все-равно, я слушаю.

— Какія-же у насъ могутъ быть новости!

— Да ужъ есть, вижу по глазамъ, что есть. Ну что? Галка, что-ли, на заборъ сѣла? Или губернаторша карету за тобой прислала?

— Ты принималъ лекарство? спрашиваетъ Варенька, чтобы замять разговоръ.

— Ахъ! чортъ бы его побралъ. Все забываю.

И Глѣбъ даже морщится отъ досады. Варенька кротко встаетъ, наливаетъ въ рюмку воды, высыпаетъ туда порошокъ и подаетъ брату. При этомъ замѣчаетъ какъ-бы вскользь:

— А у насъ гость.

— Кто такой?

— Черникъ. (Молчаніе). Ты не находишь, что онъ бываетъ у насъ очень часто?

— Нѣтъ, не нахожу.

Опять молчаніе.

— А мнѣ такъ его визиты немножко странны, говоритъ Варенька, какъ бы осѣненная внезапнымъ вдохновеніемъ.— Скажи, пожалуйста, для кого они предназначаются? Для Саши? — нѣтъ! потому что онъ не обращаетъ на нее никакого вниманія. Обо мнѣ и о мамашѣ я уже и не говорю. Филиппа называть тоже смѣшно. Ты вѣрно его интересуешь такъ-же мало, какъ вотъ эта ложка. Остается Борисъ и его жена. Но Борисъ человѣкъ необщительный. Онъ или за своей работой, или его совсѣмъ нѣтъ дома.

Тутъ она остановилась, какъ бы не рѣшаясь выговорить роковаго слова. Она ждала отъ брата возраженія или какого-нибудь признака жизни—ничуть не бывало! онъ пресерьёзно продолжалъ свое лежанье. Прошло еще минуты двѣ.

— Чего? спросилъ вдругъ Глѣбъ, какъ бы опомнившись.

Ясно стало, что онъ ничего не слыхалъ. На него находили иногда такіе моменты затмѣнія. О чемъ онъ тогда думалъ, трудно сказать. Иногда о какой-нибудь мелодіи, а иногда и вовсе ни о чемъ.

Варенька терпѣливо повторила все, что высказала давича на счетъ посѣщеній Черника. Облегчивши такимъ образомъ свое сердце, она кротко смотрѣла на брата.

Тотъ потянулся и зѣвнулъ.

— Вотъ важный вопросъ, подумаешь: къ кому Черникъ ходитъ? Къ Аннѣ Игнатьевнѣ, или не къ Аннѣ Игнатьевнѣ?

— Да, Глѣбъ, онъ важенъ. Онъ важнѣе, чѣмъ ты думаешь.

— Ясное дѣло. Вѣдь отъ этого зависитъ хлѣбъ нашъ

насущный. Все наше существованіе, можно сказать, виситъ теперь на волоскѣ. Къ ней или не къ ней? Къ ней, такъ я буду сытъ, а не къ ней, такъ издохну, какъ собака.

— Онъ молодъ, хорошъ... Въ разговорѣ его есть блескъ. Въ манерахъ, въ обращеніи все, что́ нравится женщинамъ.

— Да ужъ не ты-ли втюрилась въ него?

— Ее называютъ красавицей, невозмутимо продолжала Варенька.—Хотя я съ этимъ и не согласна, но все-равно, положимъ, что она красавица. У нея есть мужъ; но вѣдь нашъ Борисъ, надо сознаться, не имѣетъ тѣхъ качествъ, которыя нужны, чтобы плѣнять сердца. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ я боюсь, что сравненіе будетъ не въ его пользу. Такой женщинѣ, какъ Анна Игнатьевна, нужно только то, что́ блеститъ. Борисъ блестѣть не умѣетъ.

Тутъ Варенька остановилась, находя, что сказала довольно. Во всѣхъ сильныхъ мѣстахъ она дѣлала паузу. Глѣбъ приподнялся на локтяхъ и внимательно слушалъ ее.

— Вы думаете, что Анна влюблена въ Черника? Ну, это еще, пожалуй, вранье! воскликнулъ онъ энергически.

Варенька сдѣлала невольное движеніе. Зачѣмъ такъ рѣзко называть вещь собственнымъ именемъ? Какъ будто нельзя найти двадцать способовъ высказать ее мягче! Ахъ, всегда у этихъ артистовъ такія необузданныя мысли!

Варенька всѣ усилія употребляетъ теперь, чтобы увѣрить брата, что она навѣрное ничего не знаетъ. Конечно, можно предполагать, можно опасаться, но дай Богъ, чтобы это кончилось иначе.

— А если и влюблена! размышлялъ Глѣбъ. — Кому какое дѣло! Мужу непріятно, это такъ. Но только я и ему не совѣтовалъ бы вмѣшиваться. Чувство должно быть

свободно! докончилъ онъ сантиментально и замолкъ, представляя себѣ, какъ онъ положитъ эту мысль на музыку.

Знала-ли Анна, что́ говорятъ о ней ея родственники? Нѣтъ, она не знала, но догадывалась. Ея подозрительность даже показывала ей все въ черномъ цвѣтѣ. Она боялась иногда выйти изъ своей комнаты, чтобы не услыхать какого-нибудь зловѣщаго шопота. Она подстерегала Бориса, чтобы никогда не оставлять его одного въ семейномъ кругу. „Вотъ — казалось ей — только я уйду за порогъ, и ему что-нибудь шепнутъ. Онъ не повѣритъ, конечно, но подозрѣніе уже заронили, и кто знаетъ, чѣмъ это можетъ кончиться“. Она невольно вспомнила сцену мужа съ Филиппомъ. Припоминая глухое бѣшенство его въ ту минуту, когда осмѣлились оскорбить ее, его святыню; припоминая выраженіе его лица, она покончила съ своими сомнѣніями. Да, Борисъ не такой человѣкъ, съ которымъ можно шутить! Кто поручится, что изъ-за пустяковъ, изъ-за какого-нибудь глупаго намека не повторится прежняя сцена, можетъ быть, болѣе: не выйдетъ какой-нибудь скандальной, трагической исторіи!

Съ каждымъ днемъ она, къ ужасу своему, замѣчала, что отношенія ея въ семьѣ становятся все болѣе и болѣе натянутыми. Она жила какъ будто не у себя дома, а въ непріятельскомъ лагерѣ. Она увидала себя въ положеніи какой-то почетной плѣнницы, которая номинально пользовалась свободой; но „попробуй, перешагни черезъ порогъ— и ты увидишь, чѣмъ это кончится!“ Все такъ запуталось, что развязка была неизбѣжна.

Но чего-же боялась Анна Игнатьевна? Чего? Она не давала себѣ отчета. Вины она не знала за собою и, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ, съ каждою минутой все болѣе и болѣе падала духомъ. Кто бы узналъ прежнюю самонадѣянную и дерзкую женщину? Она пугалась всего, и если не было дѣйствительной опасности, она создавала себѣ призраки. Какая-нибудь гримаса Вареньки или улыбка Саши разстраивала ее на весь день. Вѣчная тревога и какая-то смутная, неопредѣленная тоска преслѣдовали ее теперь и не давали ничѣмъ заняться, ничѣмъ разсѣять себя. Она иногда съ отчаяніемъ задавала себѣ вопросъ: „откуда это проклятая тоска? въ чемъ и передъ кѣмъ я провинилась? Отчего я, какъ преступница какая-нибудь, потеряла спокойствіе?“

И что-то въ родѣ ненависти загоралось у нея къ тому, кто былъ настоящею причиной ея горя. Его постоянныя преслѣдованія, его почти дерзкія ухаживанья казались ей оскорбленіемъ. Когда она сказала, что его любовь должна быть позоромъ для женщины, она сама глубоко вѣрила этому, и вотъ теперь... Да развѣ это любовь? Нѣтъ, она не видѣла даже и этого чувства. Это просто желаніе побѣды, побѣды во что бы то ни стало! Она не хотѣла понять, что такой человѣкъ, какъ Черникъ, разъ доведенный до сумасшествія, до опьяненія, уже остановиться не умѣетъ, и будетъ искать успѣха именно тамъ, гдѣ его найти нельзя.

Какой неистовый хохотъ возбудилъ бы въ Черникѣ тотъ, кто сказалъ бы ему полгода тому назадъ, что какая-нибудь Корсакова, провинціалка, жена губернскаго учите-

ля, составитъ эпоху въ его жизни! Онъ слишкомъ хорошо зналъ себя, чтобы повѣрить этому.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ долженъ былъ сознаться, что „нѣтъ, онъ не зналъ себя“.

Первая встрѣча съ Анной не произвела на него особеннаго впечатлѣнія, кромѣ того, что онъ долженъ былъ признать въ ней женщину эффектную. Потомъ, безпрестанно встрѣчаясь съ нею у Падалки, онъ замѣтилъ въ ней нѣкоторыя странности. Это возбудило его любопытство. Но, затѣмъ, одно время онъ былъ много занятъ своими дѣлами и немного хорошенькою губернаторшей. Это не оставляло ему свободныхъ досуговъ для ухаживанья за эксцентричною красавицей. Онъ довольствовался тѣмъ, что не выпускалъ ее изъ виду. Анна Игнатьевна, между тѣмъ, стала входить въ моду. Въ городѣ о ней заговорили, въ особенности съ того достопамятнаго вечера, когда она плѣнила публику съ подмостокъ любительскаго спектакля. Она выдѣлилась настолько, что не замѣтить ее было невозможно. Постоянно окруженная мужчинами, она видимо пренебрегала обществомъ женщинъ и какъ будто бросала вызовъ тѣмъ, кого ея поведеніе шокировало. При такой обстановкѣ трудно прослыть пуританкой.

Репутація отчаянной кокетки утвердилась за Корсаковой навсегда.

Столкновеніе съ Черникомъ становилось неизбѣжно...

Черникъ былъ влюбленъ, влюбленъ безъ памяти. Онъ ловилъ случаи остаться съ Анной наединѣ; но едва удавалось ему устроить свиданіе, какъ она его разстраивала. Если это было дома, она приглашала кого-нибудь изъ родныхъ, чаще всего Сашу; если на улицѣ, она непремѣнно

встрѣчала какого-нибудь знакомаго, или ей нужно было куда-нибудь зайти. Она всячески раздражала его, она доводила его до какого-то безсильнаго гнѣва, иногда до полнѣйшаго унынія. И что всего хуже въ ея поведеніи, она ни разу не показала ему, что хочетъ кончить эту игру; напротивъ, она всегда какъ будто оставляла ему надежду. Въ этомъ-то и заключался весь ядъ. Одна улыбка, одинъ выразительный взглядъ возбуждали въ немъ опять безумныя сомнѣнія. Кто знаетъ, что́ таится въ ея душѣ и кто поручится за то, что она не уступитъ ему наконецъ?

Въ тотъ день, когда Варенька первая увидала Черника въ окно, а Фаина Ивановна послала ему такое остроумное приглашеніе къ чаю, Анна сидѣла у себя, ничего не подозрѣвая. Она увидала гостя только тогда, когда онъ отворилъ дверь къ Борису въ кабинетъ.

— Ахъ, это вы! удивилась она, когда онъ уже былъ отъ нея въ двухъ шагахъ. — Какая досада, что вы не пришли пятью минутами раньше. Борисъ только-что ушелъ!

Она говорила это съ самымъ невиннымъ видомъ. Черникъ попалъ ей въ тонъ.

— Да, это очень досадно, дѣйствительно. Но ужъ дѣлать нечего. Меня неудачи преслѣдуютъ.

Она слегка пожала плечами.

— У кого ихъ нѣтъ!

— Замѣчательно вѣрная мысль! онѣ у всѣхъ есть. Однакожъ, этотъ стулъ, я вижу, не занятъ. Могу я имъ воспользоваться?

— Сдѣлайте одолженіе. Всѣ стулья, которые вы ви-

дите здѣсь въ комнатѣ, въ вашемъ распоряженіи. Кромѣ одного, прибавила она, помолчавши. Это Сашинъ. Она сидѣла здѣсь все утро и сейчасъ опять придетъ сюда.

— Анна Игнатьевна! началъ онъ не совсѣмъ ровнымъ голосомъ: — ваша родственница прелестная дѣвушка, это несомнѣнно, но мнѣ пріятнѣе было бы видѣть васъ одну, безъ наперсницъ. Я просилъ бы васъ подарить мнѣ какія-нибудь четверть часа, не больше, но я настоятельно прошу объ этомъ!

Въ его словахъ слышалась не то мольба, не то угроза. Она невольно взглянула на него. Выраженіе лица совершенно спокойное, глаза глядятъ холодно, и еслибы не голосъ, который измѣнялъ ему, можно бы подумать, что онъ начнетъ очень благоразумную бесѣду.

Вмѣсто отвѣта, Анна поглядѣла на часы.

— Четверть часа? хорошо. Смотрите сами. Теперь пять минутъ четвертаго. Помните-же, я люблю аккуратность.

Онъ сидѣлъ и молчалъ. Заговорило-ли въ немъ самолюбіе или какое-нибудь другое чувство, но только на лицѣ его мелькнуло выраженіе тяжелой борьбы.

— Двѣ минуты прошло, замѣтила Анна. — Вы пропускаете золотое время. Потомъ я буду безжалостна. Я не прибавлю вамъ ни одной секунды.

Она такъ лукаво, почти нѣжно подсмѣивалась надъ его молчаніемъ.

— Скажите мнѣ одно, началъ онъ вдругъ, поднимая глаза и облокачиваясь на столъ, который раздѣлялъ ихъ. — Вѣрите или не вѣрите вы въ мою любовь?

Она чуть замѣтно покраснѣла.

— Нѣтъ, конечно.

— Нѣтъ? Какія-же вамъ нужны доказательства?

— Поищите въ вашей прежней практикѣ. Я увѣрена, что вы найдете тамъ что-нибудь новенькое. Не всѣ-же средства вы истощили со мной. Я этому вѣрить не хочу. У васъ долженъ быть богатый запасъ....

— У меня они есть, Анна Игнатьевна, но я соображаю свои пріемы съ извѣстными обстоятельствами. Мнѣ приходилось разыгрывать всѣ роли, кромѣ роли дурака. Этого опыта я до сихъ поръ еще не дѣлалъ. И потому судите, какая это для меня теперь новинка. Я положительно не подготовленъ. Я теряюсь. Вы, изъ великодушія, должны помочь мнѣ.

— Право, не знаю, что́ бы вамъ такое предложить. Да самое лучшее, скажите какую-нибудь умную вещь. Этимъ вы выходите изъ роли и возвращаетесь опять въ свою прежнюю сферу. Тогда мнѣ васъ учить уже нечему.

— Положеніе дурака тѣмъ-то и скверно, что онъ всегда порывается сказать что-нибудь умное. Позвольте мнѣ теперь всѣ свои силы, все краснорѣчіе положить на то, чтобы убѣдить васъ.

— Въ чемъ?

— Послушайте. Между нами есть маленькое недоразумѣніе. Я буду откровеннымъ теперь. Не взыщите, Анна Игнатьевна. Четверть часа мои — и я воспользуюсь ими. Въ васъ чертовское самолюбіе. Во всемъ вы хотите быть первой, и въ любви также. Вы слышали обо мнѣ, что я какой-то Донъ-Жуанъ, и заранѣе порѣшили, что всякое мое объясненіе съ вами будетъ объясненіемъ Донъ-Жуана. Въ васъ заговорила гордость. Такой любви вы не хотите. Но я такой и не предлагаю вамъ; я бы и не смѣлъ ее

предложить. Повѣрьте-же мнѣ, возьмите съ меня какую хотите клятву, что я люблю васъ искренно...

Онъ остановился и, затаивъ дыханіе, съ страстною тревогой ждалъ ея отвѣта.

Она оставалась неумолимо холодна. Только насмѣшливая улыбка сбѣжала съ ея губъ.

— И только? Неужели это все, что́ вы имѣете сказать мнѣ? Немного-же, я вижу, требовали отъ васъ женщины. Знаете, Андрей Михайловичъ, есть одинъ очень хорошенькій водевиль...

— Это водевильное объясненіе? да? Согласитесь, однакоже, что я очень хорошій актёръ. Какъ это у меня все естественно, поразительно естественно! Ну, точь въ точь такъ, какъ сталъ бы говорить истинно влюбленный. Какъ будто въ самомъ дѣлѣ... Ха, ха! Вы не замѣчаете, что во мнѣ есть даже нѣкоторые признаки сумасшедшаго? Это входитъ въ роль. Да.

Онъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

Она опять улыбалась.

— Въ настоящую минуту, можетъ быть, вы и влюблены въ меня. Я не спорю.

Онъ быстро обернулся.

— То-есть, что́-же это значитъ „въ настоящую минуту“? Можетъ быть, то, что я, какъ только выйду за двери, такъ моя любовь пропадетъ? Да?

— Ну, немножко подальше. Я могу прибавить сроку.

— Да, вѣдь, Анна Игнатьевна, всякій изъ насъ отвѣчаетъ только за настоящее. Скажите откровенно, когда вы выходили замужъ, были вы увѣрены въ томъ, что будете любить мужа до могилы?

Она сдѣлала невольное движеніе. На лицѣ ея мелькнуло что-то въ родѣ испуга. Онъ пристально глядѣлъ на нее и ловилъ каждый жестъ.

— Да, я была въ этомъ увѣрена, выговорила она отчетливо.

Онъ съ минуту молчалъ и, попрежнему, не спускалъ съ нея глазъ, въ которыхъ свѣтилась даже какъ будто насмѣшка.

— Это неправда, сказалъ онъ, наконецъ, тихо и очень выразительно.

Гнѣвомъ загорѣлся ея взглядъ. Она не умѣла владѣть собой.

— Это опять одинъ изъ тѣхъ пріемовъ, которые хороши не для всѣхъ женщинъ. Со мной они неумѣстны, замѣтьте это! Я попросила бы васъ поискать что-нибудь другое.

— Ну, хорошо. Оставимъ этотъ разговоръ. (Онъ сѣлъ опять къ столу). Говорить вамъ о страсти, значитъ, раздражать васъ или потѣшать. Ни того, ни другого я не желаю. Я буду говорить хладнокровнѣе. Я не люблю васъ, Анна Игнатьевна, положимъ. Вы этого желаете! Я васъ не люблю. Довольны вы? спросилъ онъ какъ-то злобно.

Она осталась невозмутима.

— Время бѣжитъ, Андрей Михайловичъ. Его остается немного. Надо дорожить имъ.

— Пускай его уходитъ. Мнѣ все равно теперь.

Наступила пауза.

— Отчего такое отчаяніе? спросила она вдругъ ласково.

— Нѣтъ, это не отчаяніе, а... какъ бы вамъ сказать... а глупость!

— Отчего вы ни о чемъ не хотите со мной говорить, кромѣ любви? Знаете-ли, что для меня это даже обидно!

— О чемъ-же, Анна Игнатьевна? Развѣ о сельскомъ хозяйствѣ?

— Право, для меня и это было бы пріятнѣе. Но, пожалуй, мы отложимъ это до другого раза, если вы нынче не расположены. Разскажите мнѣ что-нибудь о себѣ, только пропуская всѣ любовныя исторіи, само собою разумѣется. Съ этой-то стороны вы мнѣ немножко знакомы, но вообще... Разсказывайте. Я васъ слушаю.

Она докончила свои слова капризно-повелительнымъ жестомъ. Въ эту минуту она была прелестна. Всѣ капризы шли къ ней, какъ самое нарядное платье.

— Знаете-ли, кто я? спросилъ онъ и, бросивши этотъ вопросъ, немного помолчалъ.—Я—іезуитъ. Одинъ разъ въ жизни и одинъ только человѣкъ сказалъ мнѣ это прямо въ лицо; но я зналъ это и безъ него. На мнѣ лежитъ проклятіе всѣхъ честныхъ и высоко-нравственныхъ людей. Мое ученіе—позоръ! мои мысли—позоръ! всѣ мои поступки—позоръ и позоръ! Но странно, это проклятіе не тяготитъ меня. Какъ вы это объясните себѣ?

Нѣтъ, рѣшительно это другой человѣкъ. Анна не узнавала его. Онъ какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, стряхнулъ съ себя докучливую любовь. Ему стоило только пожелать—и страсть не существуетъ. Она видѣла передъ собой прежняго, непонятнаго, неразгаданнаго Черника.

— Я вамъ скажу, продолжалъ онъ:—для меня высоконравственные люди, люди-идеалы не существуютъ. Всѣ мы сдѣланы изъ одной глины и всѣ мы іезуиты, повѣрьте мнѣ. Разница въ томъ, что одни имѣютъ храбрость признаться

въ этомъ, другіе—нѣтъ. Есть такіе, которые замахаютъ руками, когда я имъ скажу объ этомъ; но, вѣдь, что́-же изъ этого? Для чего обманывать себя? Пожалуй, вѣдь, и страусъ обманываетъ себя, когда зарываетъ голову въ песокъ; да обманетъ-ли онъ другихъ? Къ чему эта комедія? Если мнѣ приведутъ и покажутъ человѣка, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшей доли іезуитства, я поздравлю Діогена: онъ не напрасно бѣгалъ съ фонаремъ. Проповѣдывать, что есть люди-идеалы—это все равно, что проповѣдывать, что есть люди безъ костей. Блаженъ, кто вѣруетъ. Вы вѣрите въ идеалы? спросилъ онъ ее неожиданно.

— Право, не знаю. Я лично ни одного не встрѣчала.

— Ну, а я могу похвастаться. Я ихъ видалъ. Вотъ, говорили мнѣ, человѣкъ святой жизни! или: вотъ человѣкъ, безкорыстно служащій идеѣ! Грустно въ этомъ сознаться, а Діогенъ прошелъ бы мимо. Они не остановили бы его. У каждаго изъ насъ есть изнанка, которую мы не любимъ показывать другимъ, и эту изнанку я нашелъ у идеаловъ. Послѣ этого я потерялъ въ нихъ вѣру.

— Аминь! докончила Анна.

— Позвольте, что́ вы меня торопите. Я еще не кончилъ.

— Вы ничего не говорите о себѣ. Что вы іезуитъ, это я знала и прежде. По крайней мѣрѣ, я догадывалась объ этомъ.

— Вы очень проницательны. Что́-же мнѣ вамъ прибавить еще? Вы сами сейчасъ сознались въ томъ, что́ упорно отрицаете вотъ ужъ другой мѣсяцъ: что я всю жизнь свою долженъ былъ носить маску и притворяться.

— Я этого никогда и не отрицала. Напротивъ, я въ

этомъ укоряю васъ и теперь. Я прошу васъ снять маску и быть со мной естественнымъ, бросить эти театральныя объясненія...

— Скажите, перебилъ онъ ее:—какой мнѣ интересъ прикидываться влюбленнымъ въ васъ? Я разыгрывалъ эту комедію только съ женщинами, которыя были мнѣ почему-нибудь нужны, или которыя стояли мнѣ на дорогѣ. Но вы мнѣ на дорогѣ не стоите, могу васъ въ этомъ завѣрить. Какое-же, скажите, какое чувство говоритъ теперь во мнѣ?

— Самолюбіе! выговорила она тихо.

— Какъ?

Онъ въ изумленіи остановился.

— Да, вамъ нужна побѣда. Но на этотъ разъ надо будетъ покориться, помириться съ судьбой... Побѣды не будетъ. Никогда! прибавила она такъ-же тихо.

Въ глазахъ его засвѣтилось глубокое горе.

— Вы меня не понимаете, Анна Игнатьевна. Я хочу отъ васъ одного... одного только слова! Скажите его, хоть бы только изъ жалости... изъ состраданія... Вѣдь я погибъ... погибъ для себя, для своего дѣла. Я бросилъ все. Я не могу ни о чемъ думать. Я хожу какъ пьяный, какъ помѣшанный. Меня убиваетъ одна мысль, одно сознаніе того...

Онъ не докончилъ и остановился.

— Того, что вы не можете поставить на своемъ?

— Того, что я люблю женщину, которая издѣвается надо мной. Но, самолюбіе въ сторону... Неужели-же вы не знаете, что̀ значитъ чувство привязанности? Не хочу я вѣрить, чтобы вы не понимали, какую страшную пустоту оставляетъ въ человѣкѣ любовь, оставшаяся безъ отвѣта?

Вы должны понимать это. Вѣдь тутъ убито все... Наше счастіе, наша жизнь.

Онъ отвернулся, чтобы не измѣнить себѣ, чтобы не упасть къ ея ногамъ и не просить ея любви, какъ милостыни. Нѣтъ! это свыше ея силъ. Она въ какомъ-то отчаяніи встала съ мѣста и сдѣлала къ нему два шага. Что-то блеснуло, какъ молнія, на ея лицѣ. Но когда онъ обернулся, она стояла суровая и надменная.

— Довольно! замѣтила она сухо.—Зачѣмъ мы съ вами будемъ играть въ „вѣришь — не вѣришь“. Вѣдь я-же давно сказала, что „не вѣрю“. Для чего-же продолжать? Вѣдь это уже становится скучно.

Глаза у него горѣли, когда онъ стоялъ съ ней теперь лицомъ къ лицу. Одну минуту она боялась его.

— Анна Игнатьевна! вамъ надоѣла эта игра. Хорошо, мы ее кончимъ, и съ тѣмъ, чтобы уже никогда не возобновлять, даю вамъ мое слово.

Она улыбнулась.

— Вы мнѣ грозите этимъ?

— Напротивъ, я хочу порадовать васъ. Скажу вамъ даже болѣе. Вѣдь это была дѣйствительно игра—и вы ее почти выиграли. Но для меня вѣдь это чистые пустяки. Завтра я буду у ногъ другой женщины. Я шутилъ, и вы мою шутку поняли. Это дѣлаетъ вамъ честь. Я, правда, не разсчитывалъ въ васъ найти такую добродѣтель и, главное, такую проницательность, но...

Анна вся пылала отъ гнѣва. Чего никогда не случалось съ ней, щеки у нея были пунцовыя.

— Я всегда была увѣрена, что вы... начала она, задыхаясь, и не могла докончить.

— Договаривайте! что я негодяй? Вѣдь я-же васъ предупреждалъ, или *почти* предупреждалъ. Для меня святого ничего нѣтъ, скажу вамъ это по секрету.—Впрочемъ, вѣдь вы демонъ, а не женщина. Не примите это за комплиментъ.

Она схватилась за ручку кресла и крѣпко жала ее между пальцами. Румянецъ на лицѣ смѣнился мертвенною блѣдностью.

— Ваши четверть часа кончились. Мы можемъ проститься.

— Непремѣнно-съ! Но на прощаньи я вамъ скажу, что роль дурака тоже кончилась. Я вылеченъ! Я исцѣленъ! И если только представится случай, я съ удовольствіемъ готовъ служить вамъ тѣмъ лекарствомъ, которымъ поподчивали меня вы! Оно дѣйствуетъ хорошо, какъ видите! Оно возвращаетъ человѣку бодрость, энергію!

Она показала рукой на дверь.

— Уйдите, хоть изъ уваженія, если не ко мнѣ, то къ себѣ!

— Я васъ уважаю. (Онъ сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ; она не двинулась съ мѣста.) Вы дивно хороши во всѣхъ роляхъ. Даже въ этой... въ позѣ гнѣвной богини.

— Еслибы вы знали, какъ вы низко упали въ моихъ глазахъ.

Я это знаю. Съ тѣхъ поръ, какъ я не поклоняюсь вамъ? Вещь извѣстная, что богини требуютъ поклоненія. Но что-жъ дѣлать. Меня слишкомъ ослѣпляетъ вашъ блескъ. Ваше сіяніе не для меня. Я поищу другого свѣтила, менѣе яркаго. Надѣюсь, мы еще встрѣтимся съ вами.

— Да уйдете-ли-же вы, наконецъ.

Такой гнѣвъ, такое неподдѣльное отчаяніе прозвучало въ этой фразѣ, что онъ невольно остановился.

— Да, замѣтилъ онъ, наконецъ.—Торжество на вашей сторонѣ, но торжество не полное, сознайтесь! Прощайте, Анна Игнатьевна. Мы съ вами встрѣтимся еще, но уже какъ равный съ равнымъ! Раба вы больше не увидите во мнѣ!

И онъ ушелъ, не оглядываясь. Она, какъ статуя, окаменѣла въ своей позѣ. Когда она очнулась, онъ былъ уже далеко. Она упала на кресло и невольный стонъ вырвался у нея. О чемъ жалѣла она? Что́ чувствовала она въ эту минуту? Никто, и она сама не могла бы разсказать объ этомъ.

Да, ея торжество неполное!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Мы видѣли Падалкину усадьбу зимой; теперь посмотримъ на нее лѣтомъ.

Первая и самая важная перемѣна та, что Богданъ Иванычъ женился. Сдѣлалъ онъ это какъ-то нечаянно и потомъ не любилъ, когда съ нимъ объ этомъ заговаривали. Женился, молъ, ну и кончено! А какъ? почему? — дѣло мое. Взялъ онъ дочь садовника, Татьяну Дмитріевну, которая дѣлала отличные крупеники.

Май мѣсяцъ подходилъ къ концу. На господскомъ дворѣ закипала невиданная доселѣ жизнь. Въ паркѣ разметали дорожки. Античныя ворота насадили опять на петли. Развалившійся заборъ снесли, и на мѣстѣ его стали строить новый. Только статуи въ саду остались, по прежнему, съ отломанными носами, да старый домъ сердито смотрѣлъ на всѣ эти нововведенія. Его трещины, разсѣлины и обвалившіеся камни на террасѣ какъ-то еще ярче выдѣлялись среди этой общей ломки.

Утромъ, чѣмъ свѣтъ, усадьба начинаетъ просыпаться. Плотники уже горланятъ какую-то пѣсню, сидя верхомъ на срубѣ. Садовникъ съ граблями и съ какими-то рамами въ рукахъ вылѣзаетъ изъ своего логовища. По дорогѣ ѣдетъ

бочка съ водой. Лѣнивѣйшій рабочій и лѣнивѣйшая лошадь идутъ взапуски: кто тише. Она только поматываетъ головой и дѣлаетъ каждый шагъ съ раздумьемъ. Онъ раскачивается всѣмъ туловищемъ и не шагаетъ, а везетъ свои ноги, загребая каждый разъ подошвами цѣлую кучу песку. Лошадь имѣетъ видъ мудреца. Рабочій имѣетъ нѣсколько видъ лошади. И оба чрезвычайно довольны своею судьбой.

Плотники пошли ужъ обѣдать, когда Анна Игнатьевна только-что встала и изволила кушать чай. Отворивши всѣ окна, она подняла драпри и смотрѣла, какъ они колыхались, то надуваясь, то падая внизъ складками. Яркаго свѣта не было, потому что подъ самыми окнами росла сирень, теперь только-что распускавшаяся. Та же сирень стояла въ букетахъ на туалетѣ, а на столѣ ландыши въ стеклянныхъ кувшинахъ и между ними тарелка съ незабудками. Вездѣ весна. Даже на лицѣ Анны Игнатьевны какая-то ссобенная, весенняя свѣжесть. Окончивши свой чай, она ходила по комнатѣ, видимо что-то обдумывая. Потомъ остановилась у зеркала и съ усмѣшкой стала заплетать себѣ косу. У нея были на этотъ день свои планы.

Верстахъ въ трехъ отъ усадьбы есть сторожка знакомаго ей лѣсника Максима. Она отправится сегодня туда, и мимоходомъ, болтая о томъ, о семъ, узнаетъ отъ него все, что ей нужно. До нея дошли слухи, что въ одной лѣсной дачѣ, именно въ той, которую тщетно торговалъ у Падалки Дюшенъ, начались порубки. Ей это показалось страннымъ. Дача, она знала, еще никому не продана, а между тѣмъ ее вырубаютъ. У нея явились подозрѣнія, что это дѣлается съ вѣдома управляющаго, а стало быть, и Черника. Пойти гулять, заблудиться, попасть въ знако-

мую сторожку, отдохнуть тамъ и поболтать съ лѣсникомъ, —все это было очень просто. А между тѣмъ, эта болтовня могла навести ее на какіе-нибудь слѣды. Не можетъ быть, чтобы лѣсникъ не зналъ ничего насчетъ порубокъ и тѣхъ слуховъ, которые о нихъ ходятъ. Ей достаточно схватить кончикъ нити, чтобы добраться до ея начала. Пусть только откроется, что г. Черникъ и его повѣренный участвовали въ этихъ продѣлкахъ, тогда она ужъ не пожалѣетъ себя, и они будутъ въ ея рукахъ.

Одного только она не могла понять: какая была у нихъ цѣль? Этотъ вопросъ немножко безпокоилъ ее.

Не затворяя окошекъ, она спустила драпри и сколола ихъ булавками. Достала изъ туалета длинный бѣлый вуаль, набросила его себѣ на голову и вышла изъ комнаты.

Чтобы попасть на террасу, надо было пройти черезъ всю парадную анфиладу. Какимъ скучнымъ, затхлымъ подваломъ показались ей эти комнаты теперь, когда на дворѣ было такъ хорошо! Даже концертная зала потеряла свое таинственное величіе. Нотные пюпитры казались какими-то уродами, сдвинутыми въ кучу. Солнце, ударяя въ окна, освѣщало длинный столбъ пыли.

Сходя съ террасы, Анна съ страннымъ удовольствіемъ смотрѣла, какъ у нея изъ-подъ ногъ скатились, одинъ за другимъ, два камня. Дряхлый былъ этотъ балконъ, и начиналъ уже понемногу осыпаться. Да и самъ домъ смотрѣлъ старымъ дѣдомъ. Стрѣлка на башнѣ все показывала половину пятаго, а солнце взбиралось все выше и выше.

Дальнія дорожки въ паркѣ, занесенныя прошлогоднимъ листомъ, такъ и остались не разметены. Анна пошла цѣ-

ликомъ. Изъ-подъ ногъ то и дѣло взлетали желтыя бабочки или стрѣлой пролетала ящерица.

Между деревьями мелькаетъ грязный прудъ; направо круто поднимается насыпь, заросшая ельникомъ и орѣшникомъ. Сквозь жиденькія вѣтви видно, какъ скачетъ бѣлка, забираясь на самую верхушку ствола. Еще нѣсколько шаговъ дальше, и надъ головой стучитъ дятелъ. Глухо отдается этотъ стукъ, точно кто гробъ заколачиваетъ.

Воздухъ великолѣпнѣйшій, особенно когда станешь спускаться въ лощинку, которая вся заросла сиренью. Изъза яркой, словно рисованной зелени ея выглядываетъ то бѣлая, то лиловая кисть. Крупная садовая сирень эта точно проситъ васъ не смѣшивать ее съ тою лѣсною дрянью, которая потянется тамъ дальше за паркомъ. И она имѣла свою исторію, свою цвѣтущую пору, когда въ старомъ домѣ гремѣли еще концерты и садовнику было вмѣнено въ непремѣнную обязанность ухаживать за всѣмъ, что растетъ въ паркѣ. А теперь все это глохнетъ, вырождается, и ужъ мѣстами начинаютъ проскакивать лопухи, а тамъ недалеко и до крапивы. И сдѣлается изъ великолѣпнѣйшаго барскаго сада заброшенный пустырь. И останется на мѣстѣ бывшаго храма Діаны два столба, да сама Діана съ разбитымъ черепомъ.

Выбравшись, наконецъ, изъ парка, Анна подумала, спустила вуаль и пошла по направленію къ лѣсу. Вотъ онъ ужъ шумитъ! Верхушки раскачиваются: кланяются, обнимаются, выпрямляются и опять кланяются. Нижнія вѣтки сердито повисли и не шелохнутся. Запахло смолой, болотомъ, грибами. Мягкій мохъ тонетъ подъ ногой.

Дорога, видимо, брошена ужъ давно. Колеи заростаютъ

травой, кое-гдѣ валяется сосна, вывороченная съ корнемъ, и растопыриваетъ свои сухіе сучья. Вотъ пошелъ малинникъ, смородинникъ. Потянулась глубокая канава. Осока лѣзетъ все выше, все гуще. Анна въ недоумѣніи остановилась. Но она была увѣрена, что сторожка гдѣ-нибудь тутъ, по близости. Тутъ есть еще гдѣ-то дровяные склады.

Вдругъ, шагахъ въ десяти отъ нея, выскочила собачонка и съ громкимъ лаемъ понеслась на трехъ ногахъ прямо къ ней. Анна отыскивала уже глазами хозяина этого звѣря. Вскорѣ она увидѣла его вылѣзающимъ изъ чащи.

— Максимъ! крикнула она почти съ восторгомъ. — Это ты?—Лѣсникъ цыкнулъ на свою Жучку, и даже для бо́льшаго внушенія ткнулъ ее сапогомъ, потомъ поспѣшно снялъ шапку. Это былъ парень лѣтъ 25, съ лоснившеюся отъ загару физіономіей и съ курчавыми волосами. Выраженіе его лица, замирающее, торопливое, говорило: „все, что вы изволите приказать—это мы сейчасъ...“ И затѣмъ, что́ бы вы ни сказали ему, онъ на все стремительно отвѣчалъ: оченно хорошо-съ! даже тогда, когда вы сами были увѣрены, что, напротивъ, это очень дурно. За всѣмъ тѣмъ, малый былъ красивый, добродушный и въ минуты откровенности готовый побалагурить. Понятіе о господахъ у него было такое, что ихъ надо всячески ублажать и никоимъ образомъ имъ не противорѣчить. За поясъ у него заткнутъ топоръ. Ноги босыя; рубашка холщевая, красно-лиловаго цвѣта; штаны такіе-же. За спиной у него лукошко: въ ней нѣсколько маслятъ и сыроѣжекъ.

Анна объявила ему, что зашла въ лѣсъ, заплуталась, страшно хочетъ пить и спросила, далеко ли до его сторожки.

— Да она тутъ и есть. Только вотъ сейчасъ, значитъ Трошкинъ оврагъ, это само собой, а сторожка-то моя она здѣсь и есть.

— Ну, ты меня напой чѣмъ-нибудь.

— Оченно хорошо-съ! Да вы извольте вотъ за мной идти. Жучка! Я тебя, идолъ!

Послѣ этого увѣщанія трехногій звѣрь помчался впередъ, не переставая держать на вѣсу четвертую лапу, пораненную въ благородной схваткѣ съ поповскими собаками. Безо всякаго уваженія къ тюлевому шарфу Анны Игнатьевны, Максимъ предлагалъ ей слѣдовать за нимъ туда, гдѣ могла уцѣлѣть только его красно-лиловая рубаха.

Наконецъ, показалась и сторожка. Еще нѣсколько шаговъ впередъ или въ бокъ, и начиналось настоящее болото съ трясинами. Двухлѣтняя дѣвчонка ползала у заваленки и изумленно таращила глаза.

— Какъ это она у тебя тутъ одна? удивилась Анна.

— Ничаво! успокоилъ ее лѣсникъ.

— Да гдѣ-же твоя жена?

— Хозяйка-то? На село ушла, къ снохѣ.

— И она у васъ тутъ совсѣмъ одна?

— А что-же ей дѣлается. Балуетъ, да балуетъ. Что, Танька? соскучилась безъ матери? а?

И онъ благосклонно потрепалъ свою бѣлоголовую дочь, которая черезъ двѣ минуты уже снова ковыряла въ пескѣ и тянулась поймать курицу за хвостъ.

— Да ее волки съѣдятъ.

— Нѣтъ, они лѣтомъ не ходятъ. Они лѣтомъ человѣка боятся.

— Да развѣ это человѣкъ?

— Нѣтъ, ничаво!

Максимъ добродушно усмѣхнулся и пошелъ въ избу. Скоро онъ вернулся съ ковшомъ квасу въ рукахъ.

— Хозяйки-то у меня нѣтъ. Чайкомъ бы надо угостить.

— Нѣтъ, спасибо. Квасъ лучше.

Анна присѣла на завалинку.

— А то давай. Я бы разогрѣлъ самоварчикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; спасибо.

Лѣсникъ опять ушелъ, и опять вернулся. Въ рукахъ у него была на этотъ разъ какая-то шкатулка: желтая съ красными разводами. На крышкѣ представленъ турка, лежавшій безъ головы.

— Вотъ у меня тутъ самая эта музыка и есть, объяснялъ Максимъ, открывая ее съ таинственнымъ видомъ.

— Что такое?

— Да чай-то, значитъ, и сахаръ. А-то прикажите, я бы разогрѣлъ самоварчикъ.

Но Анна и тутъ отказалась, послѣ чего Максимъ такъ же бережно отнесъ шкатулку назадъ.

Какъ истый дипломатъ, Анна Игнатьевна съ полчаса болтала о пустякахъ, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу.

— Ахъ, у васъ тутъ порубка, я слышала? спросила она вдругъ, какъ-бы что-то припоминая.

— Да, лѣшій попуталъ.

— И много повырубили?

— Деревъ ста три повалили. Можетъ больше.

— Да какъ-же, вы-то, лѣсники-то, чего-жъ смотрѣли?

— А вотъ, поди-жъ ты. Меня-то, признаться, не было. Меня въ тѣ поры Богданъ Иванычъ въ городъ посылалъ. Тесъ тутъ возили. Такъ на дровяной дворъ.

Подозрѣнія Анны усиливались.

— Ну, хорошо: тебя не было, а другіе-то что-жъ?

— Да кто ихъ знаетъ. Кто говоритъ, они слышь-ты и знаютъ воровъ-то, да молчатъ. А можетъ, и врутъ.

У Анны блеснули глаза. Нѣтъ болѣе сомнѣнія! она угадала: порубка эта неспроста. Одинъ лѣсникъ отосланъ; другіе запуганы.

— Скажи, пожалуйста, кто-же эти воры? Вѣдь ужъ тутъ не одинъ человѣкъ. Триста деревъ одному не повалить.

— Гдѣ одинъ! Надо быть ихъ тутъ съ сотню.

— Сто человѣкъ, и сторожа не видали!

— Можетъ и видѣли, да не скажутъ. Боятся.

— Да чего-жъ имъ бояться?

— Воры-то, поди-ка, донеси на нихъ. Послѣ наплачешься.

— И ты не знаешь, кто это былъ?

Лѣсникъ почесался.

— Нѣтъ, не знаю.

— Да все-жъ, я думаю, ходятъ слухи. На кого-нибудь показываютъ.

— Мало-ли. Зря болтаютъ, извѣстно. Что зря болтать-то.

— По крайней-мѣрѣ это кто-нибудь изъ сосѣдей?

— Извѣстно, ближній. Дальній не поѣдетъ.

Лѣсникъ отвѣчалъ неохотно. По его угрюмому виду Анна увидала, что дальше разспрашивать нечего.

Изъ лѣсу донесся глухой стукъ колесъ. Стали прислушиваться. Но стукъ этотъ пролетѣлъ вмѣстѣ съ порывомъ вѣтра, и все снова смолкло. Минутъ черезъ пять колеса

опять загремѣли, и еще разъ затихли. Жучка подняла морду вверхъ, гамкнула раза два и понеслась въ чащу. Наконецъ, ясно: кто-то ѣдетъ.

Изъ лѣсу показался вороной коренникъ и сѣрая пристяжка. Немного не доѣзжая до сторожки, кучеръ разомъ осадилъ лошадей. Анна, приподнявшаяся съ мѣста, чтобы посмотрѣть, кто подъѣхалъ, остановилась въ изумленіи. Изъ тележки выскочилъ Черникъ, запыленный, загорѣлый и, вообще, сильно измѣнившійся за послѣднее время. Глаза у него какъ-то провалились, лицо осунулось. Онъ состарился на пять лѣтъ. Кожаный плащъ, такой-же, какой она видѣла на Лёвкѣ, и дорожная сумка черезъ плечо.

Максимъ стремительно бросился къ нему на встрѣчу, мялъ въ рукахъ шапку и съ благоговѣніемъ ловилъ каждый взглядъ его, каждое слово, которое вылетитъ изъ его устъ.

— Анна Игнатьевна! Вы какимъ образомъ здѣсь?

— Очень просто: я заблудилась, отвѣтила она, возвращаясь на прежнее мѣсто и накидывая на голову свой вуаль.

— Слушай, Максимъ, торопливо говорилъ Черникъ, обращаясь къ лѣснику, который и безъ того умиралъ отъ желанія слушать его.—Собери мнѣ всѣхъ здѣшнихъ лѣсниковъ! Понимаешь?

— Оченно хорошо-съ.

— И пусть они сію минуту явятся въ контору. Да всѣ, понимаешь! Всѣ до одного?

— Оченно хорошо-съ.

— И самъ приходи. Есть у тебя квасъ? Дай мнѣ квасу.

Максимъ стремглавъ бросился въ избу.

— Скажите ради Бога, зачѣмъ вы тутъ?

Анна небрежно посмотрѣла на него.

— Вѣдь, я-же вамъ говорю, что сбилась съ дороги.

— Въ такомъ случаѣ я могу довезти васъ. Позвольте вамъ предложить свою тележку.

— Вы ѣдете домой?

— Да.

— Хорошо; я поѣду съ вами.

Она лѣниво поднялась и пошла къ лошадямъ. Черникъ выпилъ залпомъ поданный ему квасъ и вскочилъ въ тележку.

— Такъ смотри-же, чтобы всѣхъ собрать. Непремѣнно.

Колеса опять застучали. Жучка опять бросилась за ними въ догонку, а лѣсникъ все еще стоялъ безъ шапки и провожалъ ихъ глазами.

Нѣсколько времени наши спутники ѣхали молча. Лошади летѣли. На поворотѣ тележка круто завернула и чуть не опрокинулась. Черникъ схватилъ Анну за талью. Она грозно взглянула на него, но потомъ отвернулась. Она поняла, что это было невольное движеніе. По его лицу она увидала, что онъ думаетъ теперь не о ней. Изъ-подъ надвинутой на глаза фуражки, онъ казался какъ-то особенно озабоченнымъ: выраженіе, котораго она прежде у него никогда не видала.

— Скверная исторія, началъ онъ вдругъ отрывисто.— Вы слышали, какую штуку тутъ съиграли? Въ одну ночь вырубили лѣсу рублей на пятьсотъ.

— На кого-же падаютъ ваши подозрѣнія спросила Анна рѣзко, глядя ему въ глаза.

Онъ махнулъ рукой.

— Тутъ подозрѣній нѣтъ. Тутъ есть увѣренность.

Она ждала продолженія, но онъ замолчалъ.

— Что-же? спросила она, наконецъ. — Вы, все-таки, мнѣ ничего не сказали.

— Послѣ!

Онъ опять молчалъ и сталъ глядѣть по сторонамъ.

Анна была теперь увѣрена, что дѣло о порубкѣ его не миновало. Его участіе тутъ явное, нетребующее доказательствъ. Давишнее смущеніе, даже больше, робость лѣсника, сказали ей все. Но какая цѣль? Какая цѣль? вотъ чего она не понимала. Когда они вернулись домой, Черникъ вѣжливо раскланялся и объявилъ, что идетъ въ контору.

Она остановилась въ изумленіи. Что́-же это такое? А гдѣ-же обѣщанное объясненіе?

II.

Анна Игнатьевна напрасно ждала разгадки. Она не видала Черника до поздняго вечера, и когда послѣ ужина встрѣтилась съ нимъ на дворѣ, ему уже поданы были лошади. Куда онъ ѣхалъ? Онъ отвѣтилъ, что въ городъ.

— Послушайте! Что это за таинственная исторія. Могу я узнать о ней хоть что-нибудь?

Онъ говорилъ уклончиво: намекнулъ на то, что все это недоразумѣніе, что, впрочемъ, онъ самъ хорошенько не понимаетъ, въ чемъ дѣло.

— Вы мнѣ предоставляете, стало быть, узнавать это стороной.

Онъ улыбнулся.

— Это какъ вамъ будетъ угодно.

— Хорошо! замѣтила она рѣшительно. — Я такъ и сдѣлаю.

Собираясь уже вскочить въ тарантасъ, онъ вдругъ обернулся и сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

— Вы за мной слѣдите, Анна Игнатьевна. Вы хотите стать мнѣ на дорогѣ. Это месть, недостойная женщины.

Въ темнотѣ не видно было, какъ блеснули ея глаза.

— Откуда сдѣлали вы эту посылку? Что за таинственность такая? Надѣюсь, что мы живемъ не во времена тайной инквизиціи. И если среди бѣла дня врываются въ чужой лѣсъ и вырубаютъ его, то я думаю, что каждому интересно узнать, какъ это случилось. Но развѣ я не вижу, что вы не допускаете этого вопроса! У васъ, вѣроятно, есть какія-нибудь причины, которыя заставляютъ васъ молчать...

— Причины есть, Анна Игнатьевна. И вы, конечно, ихъ знаете.

— Я, опять-таки, прошу васъ объяснить мнѣ ихъ.

— Теперь это будетъ лишнее. Вы можете, какъ сейчасъ очень вѣрно выразились, узнать ихъ стороной. Для того, чтобы поставить мнѣ какую-нибудь ловушку, что́ съ нѣкотораго времени составляетъ вашу завѣтную мечту, этого будетъ болѣе, чѣмъ достаточно. Теперь я могу прибавить только одно: вы оказали мнѣ нынѣшнюю зиму большую услугу, за которую я вамъ навѣки благодаренъ. До сихъ поръ я не зналъ еще, какъ много зла способна сдѣлать женщина. Теперь я это знаю.

— Эта женщина, конечно, я?

— Да, это вы! И меня утѣшаетъ еще одно, что вы когда-нибудь постыдитесь того, что́ вы сдѣлали.

— Вы или съ ума сошли, или... не помните, что говорите.

Она отвернулась и пошла въ сторону. Онъ послѣдовалъ за ней.

— Я слишкомъ хорошо узналъ васъ послѣднее время, чтобы вѣрить еще хоть одному вашему слову. Одно время я былъ глупо влюбленъ въ васъ, но потомъ... вы знаете, любовь переходитъ иногда въ ненависть. Я могу забыть свою страсть, но я не забуду того... чѣмъ я вамъ обязанъ. До настоящей минуты я все еще надѣялся найти въ васъ... хоть одну свѣтлую черту. Теперь я вижу, что вы... воплощенное зло. Только одна женщина способна на такую возмутительную, недостойную месть. Вы мстите не мнѣ, а моему дѣлу... моимъ идеямъ!

Она остановилась и, подавивши все, что закипало у нея на душѣ, смѣло взглянула ему въ глаза.

— Оскорбляться вашими словами, начала она съ прежнею невозмутимостью:— я не стану! Выражать вамъ свое негодованіе — тоже! Это будетъ лишнее, потому что, я понимаю, вы пользуетесь теперь правомъ сильнаго. Вы можете сказать мнѣ еще и не то. Вы знаете, конечно, что я кричать караулъ не стану. Продолжайте!

— Да! Я скажу вамъ еще вотъ что: бросьте ваши странныя преслѣдованія. Вы можете ненавидѣть меня, но затѣвать со мной такую игру не слѣдуетъ. Вы этимъ вызываете меня на какую-нибудь крайность. До сихъ поръ я щадилъ васъ, но... за будущее я не отвѣчаю. Есть ми-

нуты, когда женщина для меня перестаетъ быть женщиной и я теряю къ ней послѣднее уваженіе.

— Андрей Михайлычъ, когда вы очнетесь, я попрошу у васъ объясненія нынѣшнихъ словъ. Теперь — до свиданья.

Она пошла на встрѣчу кучеру, который въ эту минуту проходилъ мимо съ фонаремъ въ рукахъ.

Черникъ хотѣлъ еще что-то сказать, но было уже поздно: она не слыхала его. Онъ вернулся къ своему тарантасу и вскочилъ въ него. Черезъ минуту колеса загремѣли уже по липовой аллеѣ.

Молча, не спѣша, шла Анна по двору. Тихо шелестило ея платье по песку и по мелкой, влажной травкѣ. Надъ самой почти головой ея раза два или три пронизала воздухъ летучая мышь. Изъ парка слышно было, какъ квакаетъ въ пруду цѣлый хоръ лягушекъ. То было дружное, непрерывное кваканье, которое только и можно услышать въ майскую ночь, когда съ болота или съ озера несется цѣлый концертъ. Какой-то ошалѣлый жукъ налетѣлъ и со всего размаху хлопнулся Аннѣ о голову. Она машинально смахнула его платкомъ. Потомъ стала подниматься на террасу. Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, она вдругъ упала въ какомъ-то изнеможеніи и прильнула головой къ холодному камню ступенекъ. Нѣсколько секундъ длилось мертвое молчаніе. Трудно сказать, молилась-ли она, или то былъ просто припадокъ отчаянія. Потомъ, она медленно приподнялась, сѣла на ступеньку и стиснула себѣ пальцы съ такою силой, что, казалось, хотѣла сломать ихъ. Вся ея фигура напоминала какую-то статую. Одинъ былъ только признакъ жизни: это быстро и порывисто поднимав-

шаяся грудь и даже плечи. Глаза были сухи, но по этимъ движеніямъ можно было угадать, что то были рыданія, тѣ рыданія безъ слезъ, которыя душатъ человѣка, а не облегчаютъ его.

Они давили, они жгли ее. Какъ-бы для того, чтобы стряхнуть ихъ, она встала опять, но тутъ-же снова припала головой къ балюстрадѣ. Опять летучая мышь молніей пронеслась на вершокъ отъ ея волосъ. Церковный сторожъ ударилъ въ колоколъ, и уныло повторялъ эти удары до девяти разъ. Анна, наконецъ, очнулась: провела рукой по волосамъ, откинула ихъ назадъ и остановилась. Горячій блескъ ея глазъ говорилъ о томъ, что далеко не все еще спокойно у нея на душѣ.

„ Я воплощенное зло! произнесла она медленно.—Да, это правда. И я вамъ это докажу!“

Она остановилась и долго, долго глядѣла въ одну точку такъ, какъ глядитъ человѣкъ, когда онъ ничего не видитъ.

„Все равно. Я въ жизни, кромѣ зла, не сдѣлаю ничего“.

И снова ярко загорѣлись ея глаза. Она сдѣлала движеніе, съ минуту стояла, какъ бы что-то обдумывая, потомъ вдругъ быстро стала спускаться съ террасы.

Выходя за калитку сада, она пристально всматривалась вдаль. Вездѣ темно, только въ одномъ изъ флигелей свѣтилась лампадка. Она прямо пошла на этотъ огонёкъ. Вскорѣ можно было разсмотрѣть, что на крыльцѣ сидитъ какая-то фигура. Увидавши Анну, она ее окликнула.

— Кто тутъ?

— Это я. Я къ вамъ, Татьяна Дмитріевна. Скажите, вашъ мужъ дома?

— Нѣтъ его, матушка. Послѣ обѣда уѣхалъ; теперь во всю ночь не вернется.

Управительша встала и любезно пригласила Анну зайти съ ней поужинать. Въ комнатѣ окна отворены и заставлены геранью. На лежанкѣ грѣлся пестрый, жирный до гадости, котъ. Въ углу цѣлый иконостасъ, состоявшій изъ шести или семи образовъ, поставленныхъ въ рядъ, одинъ на другой. На столѣ, покрытомъ чистою салфеткой, нѣтъ ничего, кромѣ двухъ тарелокъ, ножа и вилки. Но вскорѣ является цѣлый ужинъ на восемь персонъ, по крайней-мѣрѣ. Татьяна Дмитріевна, до тѣхъ поръ мирно дремавшая на крылечкѣ, вдругъ оживилась и засіяла. Анна сидѣла у окна, глядѣла въ прохладную темь и слушала, какъ стучитъ хозяйка каблуками, спускаясь въ кухню.

— Когда вернется Богданъ Иванычъ? спрашивала Анна за ужиномъ.

— А кто-жъ его знаетъ. Нешто онъ мнѣ говоритъ. Да я думаю, завтра къ обѣду-то вернется.

— Не раньше! Это жаль. Я пришла къ нему попросить, чтобы мнѣ завтра утромъ были лошади.

— Батюшки! Что-жъ это вы, отъ насъ уѣзжать хотите?

— Да, мнѣ надо въ городъ.

— Вотъ бы вамъ съ Андрей Михайлычемъ-то. Вѣдь онъ тоже въ городъ поѣхалъ...

— Нѣтъ, ночью я не люблю...

— Ну, да оно такъ-то такъ, конечно. Что-жъ вамъ безпокоиться. Днемъ лучше. Только, вотъ я не знаю, какъ насчетъ Богдана Иваныча...

— Да вѣдь лошади здѣсь есть?

— Есть. Какъ не быть.

— Да нѣтъ, впрочемъ... Я найму на деревнѣ. Нельзя-ли это какъ-нибудь устроить. Я попросила бы васъ, Татьяна Дмитріевна.

— Извольте. Съ удовольствіемъ. Что-жъ, это можно.

— Скажите, пожалуйста, что у васъ тутъ дѣлается? Что это за порубка такая странная?

— Матушка, я сама ума не приложу. Пытала я у Богдана Иваныча спрашивать. Такъ волкомъ и смотритъ. У насъ этакого дѣла и не слыхано.

— Да, вѣдь, лѣсники въ конторѣ были.

— Были. Да что они! Отъ нихъ и толку-то не добьешься. Знай, одно наладили: „испужались мы оченно, ну и не посмѣли, значитъ, за ворами слѣдомъ идти“.

— Странно.

— Да что! Дѣло-то и безъ лѣсниковъ откроется. Татьяна Дмитріевна помолчала. Видно было, что она собирается сказать что-то таинственное. Дѣйствительно, придвинувшись къ гостьѣ и предварительно оглянувшись, она начала полушопотомъ:

— Что ужъ, матушка, Анна Игнатьевна, я знаю, вы не такой человѣкъ. Вѣдь, что на селѣ-то болтаютъ. Просто не знаю, какъ и разсказывать. Была я давича у матушки-попадьи, холсты ей носила показывать. Ну, то, другое; пошли разговоры. Они что толкуютъ: ишь ты, лѣсъ-то вырубили орѣшковскіе мужики (Орѣшкой называлась ферма Черника и сосѣдняя съ ней деревня). Ишь ты, всѣмъ міромъ пришли, съ топорами, да лѣсниковъ-то пугали, чтобы ни-ни! ежели, говоритъ, кто изъ васъ слово молвитъ — тутъ ему и капутъ. Ну, они, извѣстно, и молчатъ. Вся-

кому свою шкуру жаль. Они прошлое лѣто такъ-то мужика утопили. И за что? За то, что трехъ коровъ свелъ. И суда на нихъ нѣтъ. Пропалъ, да и все тутъ. Такъ-то, матушка.

— Все-таки, ихъ накрыть теперь не мудрено, замѣтила Анна.—Если сдѣлать обыскъ сейчасъ-же, лѣсъ у нихъ окажется по дворамъ. Я удивляюсь, какъ Богданъ Иванычъ не сдѣлалъ этого до сихъ поръ.

Татьяна Дмитріевна вздохнула и опять многозначительно поглядѣла по сторонамъ.

— Что Богданъ Иванычъ! Онъ человѣкъ подневольный. Противъ рожна прать не станешь.

— То-есть, какъ это? Я васъ не понимаю. Что́-же, онъ боится начинать дѣло? Мужиковъ онъ боится?

— Охъ, матушка, нѣтъ, не то. Ужъ онъ, даромъ-что молчитъ, а я сама вижу, что тутъ не ладно. Вы слышали, что на селѣ-то болтаютъ?

— Что такое? Я ничего не знаю.

— Вѣдь, кто этимъ всѣмъ дѣломъ-то заправлялъ? Вѣдь, страшно молвить: Андрей Михайлычъ!

— Андрей Михайлычъ! повторила Анна медленно.

— Матушка, Анна Игнатьевна, только ужъ вы ради самого Христа... Не сказывайте вы на меня. А то меня мужъ убьетъ.

— Полноте. Какъ вамъ не стыдно.

— Ну, то-то. Ужъ я вамъ и такъ... какъ матери родной. Болтать-то ужъ всѣ болтаютъ... Да чтобы не зналъ онъ, что я-то вамъ говорила. Да, стряслась бѣда. Кто-то ее расхлебывать будетъ!

Анна знала, кто ее будетъ расхлебывать. Болѣе часу

просидѣла она еще съ управительшей. И каждая изъ этихъ 60 минутъ была ей дорога, какъ жемчужина, каждая прибавляла къ ея подозрѣніямъ еще одно.

Въ городѣ, конечно, ничего еще не знаютъ объ этой скандальной исторіи. Но она ошиблась: въ городѣ объ этомъ знали. Она и не подозрѣвала, что есть еще личность, которая слѣдитъ за Черникомъ не меньше ея. Это ей стало извѣстно только тогда, когда она явилась къ Падалкѣ.

Старуха, уже расчесанная, свѣжая, бодрая, встрѣтила ее въ своей античной гостиной цѣлымъ градомъ восклицаній.

— Что такое? Объясни хоть ты мнѣ! Что у васъ дѣлается?

— Вы уже слышали, стало-быть?

— Помилуй, m-me Roland. Да я такихъ ужасовъ наслушалась! Вчера господинъ Черникъ пріѣхалъ, я его и принимать просто боялась. Да онъ атаманъ разбойниковъ!

Анна такъ и замерла отъ изумленія.

— Такъ и здѣсь ужъ объ этомъ говорятъ.

Падалка приняла таинственный видъ.

— Покамѣсть, кромѣ меня и Дюшена, никто ничего не знаетъ. Но скоро объ этомъ заговоритъ весь городъ.

— Дюшена? Ему какъ это извѣстно?

— А вотъ, слушай.

Падалка усѣлась опять въ свою нору, забрала всѣ свои пледы, укуталась ими, взяла въ руки филейное вязанье и начала:

— Третьяго дня, послѣ обѣда — ты знаешь, я послѣ обѣда никогда не отдыхаю — я сижу здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, какъ вдругъ слышу: звонокъ! Меня это уди-

вило. Въ эту пору ко мнѣ никто не приходитъ. Вдругъ, гляжу: Дюшенъ! Ты знаешь, этотъ человѣкъ былъ мнѣ всегда антипатиченъ. Онъ мнѣ напоминаетъ одного моего старинаго учителя, сладкаго француза, а я терпѣть не могу сладкихъ французовъ. Но дѣлать нечего; отказать было нельзя. Я его приняла. Ну, m-me Roland, когда онъ потомъ заговорилъ и разсказалъ мнѣ эту исторію — я остолбенѣла. Я буквально остолбенѣла!

Далѣе слѣдовало изложеніе самой исторіи.

— Суди о моемъ удивленіи! добавила Падалка поучительно, докончивши свой разсказъ.

Анна сидѣла молча, видимо что-то обдумывая.

— Этого мало, продолжала неугомонная старуха.— Вчерашній день является ко мнѣ господинъ Черникъ. Благодаря моего Бога, я не труслива, но я увѣрена, что всякая другая призадумалась бы принимать его послѣ такихъ разсказовъ. Я, однако, приняла его; разумѣется, не показывая виду, что мнѣ все извѣстно. Представь себѣ! онъ очень спокойно разсказываетъ мнѣ эту исторію и проситъ —какъ бы ты думала, что?—проситъ замять ее! Слушай дальше. Онъ предлагаетъ взять всѣ убытки на себя и заплатить мнѣ ихъ. Онъ хочетъ подарить мнѣ тысячу рублей. Какъ ты это находишь? Мнѣ остается только торговаться и просить прибавки.

Падалка бросила вязанье и захохотала.

— Потомъ, какъ тебѣ нравится вотъ это: онъ даетъ понять, что весь скандалъ устроенъ Дюшеномъ, что во всемъ виноватъ Дюшенъ. Просто, изъ меня сдѣлали какую-то старую дуру

Анна усмѣхнулась.

— О, объ этомъ не безпокойтесь! Мы это распутаемъ. Скажите мнѣ только одно, добавила она подумавши: —что вы отвѣтили вчера Чернику?

— Ni oui, ni non! Я оставила его въ недоумѣніи. Я избѣгала всякаго рѣшительнаго отвѣта. Сказать откровенно, я хотѣла прежде посовѣтоваться съ тобой. А между тѣмъ, чтобы не терять времени, я сдѣлала вотъ что: я просила Грубецкаго заѣхать ко мнѣ нынѣшній день и привезти мнѣ законовъ, побольше законовъ.

— Чего? переспросила Анна въ недоумѣніи.

— Ахъ, m-me Roland, ты понимаешь: если мнѣ придется начать дѣло, я должна-же имѣть маленькое понятіе о томъ, гдѣ его вести, куда обратиться. Я могу послать въ сенатъ, когда надо послать къ мировому судьѣ... или кто тамъ у васъ еще?

— На что-же вамъ Грубецкой, Ирина Александровна?

— Я хочу сдѣлать его своимъ повѣреннымъ. Онъ судился въ этихъ новыхъ судахъ разъ двѣнадцать, коли не больше. Онъ будетъ мнѣ очень полезенъ.

Анна опять задумалась.

— Я бы вамъ совѣтовала подождать. Говорить ему теперь объ этомъ—все равно, что разсказать всему городу.

— Ахъ, да я и не думаю дѣлать изъ этого тайны. У меня украли лѣсъ—и я буду молчать объ этомъ!

— Пока, Ирина Александровна, только пока. Потомъ пусть объ этомъ узнаютъ—тѣмъ лучше! Но теперь надо подождать. Впрочемъ, какъ хотите! докончила она, вставая.

— Позволь! Что-же я скажу Грубецкому? Онъ придетъ, можетъ быть, черезъ полчаса.

— Ничего. Подождите меня.

— Ты куда-же?

— Съ вашего разрѣшенія, я съѣзжу сейчасъ къ Дюшену и поговорю съ нимъ сама. А потомъ увидимъ.

Оставшись одна, Падалка долго не могла опомниться: такую бурю сомнѣній и любопытства подняла въ ней эта исторія. Она чувствовала, что попала въ водоворотъ столкнувшихся интересовъ. Она видѣла, какъ черезъ эту таинственную порубку сквозитъ какая-то необъяснимая до сихъ поръ загадка. Не скрылась отъ нея и необыкновенная живость Анны Игнатьевны, ея черезчуръ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ. Какъ дипломатъ, Падалка понимала всѣ тонкости дипломатіи и заранѣе радовалась, ожидая, какое представленіе дадутъ ей любители. Оставаясь въ сторонѣ, она готовилась апплодировать тому, кто выйдетъ изъ этой стычки побѣдителемъ. Никогда она не чувствовала себя такъ хорошо. Еслибы въ 90 лѣтъ могъ еще вспыхивать румянецъ, щеки ея навѣрное загорѣлись бы самымъ яркимъ пламенемъ. Напрасно пыталась она теперь приняться за свое филейное вязанье: петли не слушались и скакали у нея въ рукахъ, не попадая куда слѣдуетъ.

Судьба сжалилась надъ ней, пославъ ей Грубецкаго. Онъ явился съ связкой толстѣйшихъ книгъ, и безъ дальнѣйшихъ церемоній швырнулъ ихъ на столъ.

— Вотъ вамъ законы, барыня! Читайте! Всѣ обобралъ, какіе только въ городѣ нашелъ.

Ирина Александровна взяла связку и тщетно пыталась своими дрожащими пальцами распутать узелъ.

Грубецкой вынулъ изъ кармана ножикъ и разрѣзалъ веревку.

— Вотъ вамъ свода законовъ одинъ томъ, который? —

не знаю. Вотъ уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ! Вотъ поваренная книга... то, бишь, настольная книга. А вотъ адвокатъ, юридическій самоучитель и проч., и проч. и проч.

Падалка въ недоумѣніи глядѣла то на него, то на книги.

— Ну, говорите, барыня, вамъ о чемъ нужно? Желаете о наслѣдствахъ? или, можетъ быть, о конкурсномъ управленіи?

— Отстань ты отъ меня. Дай-ка, я сама посмотрю.

— Ну, много вы поймете. Вотъ слушайте: „Прикащикъ или сидѣлецъ, небреженіемъ своимъ повредившій ему повѣренное...“

— Да это что такое?

— А это о прикащикахъ.

— Будетъ тебѣ балаганничать-то!

— Ну, вотъ, вѣдь, на васъ не скоро угодишь. Статья десятая: „Поступки не вмѣняются вовсе въ вину, когда они совершены по принужденію отъ непреодолимой силы“.

— Посмотри ты мнѣ, пожалуйста, о лѣсныхъ порубкахъ.

— Есть о чемъ смотрѣть! Это я вамъ и такъ скажу. Воруй, да не попадайся. Два раза украдъ—не воръ. Третій разъ украдъ—въ тюрьму посадятъ.

— Что ты такое городишь?

— Истинную правду. За порубку лѣса въ чужихъ владѣніяхъ платятъ штрафъ: двойной, если лѣсъ остался на мѣстѣ, тройной, если онъ свезенъ. На этихъ условіяхъ вы два раза въ годъ смѣло можете воровать. Въ третій не совѣтую; тогда ужъ васъ будутъ судить за кражу.

— Да ты врешь, я думаю.

На этомъ интересномъ мѣстѣ имъ помѣшала Анна, вернувшаяся отъ Дюшена.

— А мы вотъ тутъ о порубкахъ смотрѣли, объяснила ей Падалка. И тотчасъ-же поспѣшила ей передать, что́ говорятъ по этому случаю законы. — Я удивляюсь, докончила она: — какая у насъ легкая отвѣтственность. Помилуйте, какой-же это страхъ для вора, когда онъ знаетъ, что самое большое его заставятъ заплатить за украденную вещь. Право, я этого не ожидала!

Долго еще балагурилъ Грубецкой, потѣшая барынь своимъ неуваженіемъ къ законамъ. Наконецъ, объявилъ, что ему, во-первыхъ, ѣсть хочется, а во-вторыхъ, надо въ управѣ побывать, и по этой уважительной причинѣ распрощался.

— Ну, что-жъ? стремительно спрашивала Падалка, едва только гость перешелъ за порогъ. — Что́ ты узнала у Дюшена?

— Многое! Очень многое. Прежде всего вотъ что: я нашла вамъ повѣреннаго.

— Кого?

Падалка замирала отъ любопытства.

— Андрея Михайловича Черника!

— Ты шутишь или говоришь серьёзно?

— Совершенно серьёзно. Пригласите Черника и попросите его начать искъ противъ крестьянъ отъ вашего имени.

— Ну?

— Ну, и только. (Анна разсматривала свои пальчики и играла кольцомъ съ видомъ полнѣйшаго равнодушія).

Дѣло начнется. Крестьяне будутъ вызваны къ суду и дадутъ показанія, которыя... послѣ которыхъ вашъ повѣренный изъ обвинителей попадетъ прямо въ обвиненные.

Падалка слушала съ возрастающимъ изумленіемъ.

— Какимъ это образомъ?

— Очень просто. Крестьяне укажутъ на него прямо, какъ на зачинщика. Насколько въ ихъ словахъ будетъ правды — это намъ раскроетъ самый процессъ.

— Ты въ этомъ увѣрена?

— Совершенно. Я вамъ говорю: положитесь на меня и сдѣлайте такъ. Вы жалѣть не будете.

— Это Дюшенъ тебѣ посовѣтовалъ?

Анна тихо засмѣялась.

— Нѣтъ, эта мысль моя собственная. Дюшенъ изложилъ мнѣ только факты, я заставила его только быть немножко пооткровеннѣе, чѣмъ онъ, можетъ быть, желалъ. Остальное все мое.

— Ты говоришь, сдѣлать его своимъ повѣреннымъ, размышляла Падалка.—Но если онъ не согласится?

— Едва-ли! Ему выбора нѣтъ. Уступить это дѣло другому было бы для него еще невыгоднѣе. А впрочемъ, мы тамъ увидимъ. Главное, Ирина Александровна, не показывайте ему виду, что у васъ есть какія-нибудь подозрѣнія. Это самое главное!

Спустя какіе-нибудь полчаса дѣло было улажено. Анна Игнатьевна торжествовала. Далѣе планъ уже былъ составленъ и ловушка поставлена такъ, что миновать ее нѣтъ возможности.

Анна, казалось, не хотѣла забыть, что она *воплощен-*

ное зло, и что теперь ея цѣль въ жизни блистательно доказать это.

III.

Анна съ жадностью схватилась за неожиданный процессъ, она бросилась, очертя голову, въ интригу только для того, чтобы отмстить человѣку, который въ ни чемъ не былъ виноватъ передъ нею. Но въ ея глазахъ онъ уже давно погибъ. Она съ наслажденіемъ ждала той минуты, когда, униженный, со всѣхъ сторонъ потерпѣвшій пораженіе, онъ сознается, что всѣмъ этимъ обязанъ ей.

Въ этой женщинѣ, недавно еще нерѣшительной, неувѣренной, проснулся какой-то демонъ. Изъ прежнихъ чувствъ ея не осталось ни одного: робость, подозрительность, мучительная тоска—все пропало. Ея смѣлость и самонадѣянность вернулись къ ней съ новою силой.

Давно уже миновали тѣ дни, когда она не смѣла взглянуть прямо въ лицо Филиппу и боялась оставить мужа наединѣ съ родными. Ее не пугали больше косые взгляды свекрови или невѣстки. Она не знала за собой вины и стала опять въ семьѣ на такой ногѣ, что никакія подозрѣнія ей теперь не страшны. И странно, этотъ волшебный переворотъ совершился съ того дня, можно сказать съ того момента, какъ Черникъ вышелъ изъ ихъ дома съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться. Визиты его кончились, а съ ними и тревога въ семействѣ и зловѣщее настроеніе умовъ. Консиліумы перестали собираться и никакихъ конференцій, ни тайныхъ, ни явныхъ, не видно было больше въ гостиной Фаины Ивановны.

Филиппъ ходилъ въ должность, Саша учила физику, Варенька готовила своихъ новобранцевъ въ гимназію и вязала воротнички. Глѣбъ, кромѣ музыки и лежанья на кровати, сталъ еще заниматься акварелью. Борисъ совсѣмъ погрузился въ бездну премудрости. Ни мало не обезкураженный своею неудачей на лекціяхъ, онъ, напротивъ, какъ будто еще возродился духомъ. Онъ занятъ былъ теперь обращеніемъ въ свою вѣру такого интереснаго субъекта, какъ Еремѣевъ. Боборыковъ публично, черезъ газеты, сдѣлалъ пожертвованіе въ пользу сжатаго воздуха. Пари выиграно. Еремѣевъ, съ свойственною ему щекотливою аккуратностью, объявилъ себя побѣжденнымъ и предложилъ свои машины къ услугамъ Бориса. Философствующій милліонеръ и фантазирующій ученый стали находить не малое наслажденіе въ обоюдной бесѣдѣ. Завязывались безконечные споры о религіи, о душѣ, о нравственности абсолютной и относительной. Борисъ всегда чувствовалъ нѣкоторую склонность къ отвлеченнымъ разговорамъ, и въ особенности къ порывамъ вдохновеннаго проповѣдника. Въ оспариваніи своихъ мнѣній Еремѣевъ видѣлъ сначала личное для себя оскорбленіе, но понемногу увлекся и самъ. Защищая любезную ему философію духа, онъ забывалъ, какая пропасть раздѣляетъ его и его противника. Гдѣ одинъ являлся аскетомъ и провозглашалъ служеніе *истинѣ*, другой говорилъ о всепрощеніи и любви къ ближнему. Одинъ глядѣлъ на міръ сухо, почти раздражительно, другой былъ влюбленъ въ него. Все это давало достаточно матеріалу для споровъ, поглощавшихъ иногда цѣлые вечера. Времени Борису оставалось ровно на столько, чтобы вполнѣ посвятить его сжатому воздуху.

Вмѣшиваться еще въ интересы жены было бы уже излишнею роскошью. Онъ рѣдко разспрашивалъ Анну о ея планахъ, точно такъ-же, какъ и она послѣднее время стала показывать мало участія къ его проектамъ. Изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, чтобы между ними возникла холодность. Напротивъ, теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, Борисъ любилъ свою жену.

Возвращаясь съ завода, часто усталый и разбитый физически, онъ воскресалъ отъ одной ея улыбки, отъ какого-нибудь разсѣяннаго, часто сдѣланнаго не впопадъ отвѣта. Сколько блаженныхъ минутъ проводилъ онъ, сидя съ этою женщиной за однимъ столомъ, иногда далеко за полночь, когда онъ, облокотившись на руки и не спуская съ нея влюбленныхъ взглядовъ, что-нибудь разсказывалъ ей, а она тутъ-же дремала въ креслѣ или слушала его молча, не поднимая глазъ.

Едва-ли, впрочемъ, она его слушала. Человѣкъ, болѣе опытный, чѣмъ Борисъ, скоро догадался бы объ этомъ. Надо быть Борисомъ Корсаковымъ, чтобы такъ простодушно бесѣдовать цѣлые часы, ни разу не задавши себѣ вопроса: о чемъ думаетъ теперь эта женщина? По лицу ея пробѣгали странныя тѣни, сжатыя губы изрѣдка вздрагивали, а въ глазахъ вспыхивала невзначай такая искорка, что только слѣпой могъ оставить ее безъ вниманія. Искорка — это неотступная мысль, которая дни и ночи преслѣдуетъ Анну Игнатьевну; мысль о мести, о достойной отплатѣ человѣку, который посмѣялся надъ нею. Она считала себя оскорбленной, болѣе чѣмъ оскорбленной, если есть что-нибудь хуже оскорбленія. Какъ! допустить, чтобы послѣ нея можно было увлечься другою женщиной! дѣлать при-

знанія другой! Эта мысль доводила ее почти до сумасшествія.

Не первою любовью человѣка хотѣла она быть, а его *послѣднею* любовью! Ея самолюбіе, ея гордость были возмущены. Прежняя, будто бы безумная страсть Черника къ Аннѣ смѣнилась полною холодностью, чтобы не сказать больше, пренебреженіемъ. Встрѣчаясь съ нею въ обществѣ, онъ далъ ей понять, что его мнимая любовь никогда и не существовала... Говорило-ли въ немъ самолюбіе человѣка, жаждавшаго побѣды? Не было-ли это скорѣе отчаяніе отвергнутой любви?

Все равно! Анна никогда не могла простить себѣ, что жертва была у нея въ рукахъ, и она ее выпустила. Какая-то новая, незнакомая страсть овладѣла ею, лишила ее способности смотрѣть на вещи хладнокровно. Когда она видѣла Черника вмѣстѣ съ губернаторшей, будь то на улицѣ или въ обществѣ, она чувствовала, какъ въ душѣ у нея закипаетъ ненависть. Когда она слышала сплетни, ходившія по городу про новую любовь Андрея Михайлыча, она горѣла желаніемъ отмстить... Кому? за что? едва-ли она сама хорошенько понимала это.

Прошло два дня послѣ того достопамятнаго свиданія, на которомъ рѣшено было сдѣлать Черника повѣреннымъ Ирины Александровны. Анна изучала законы. Падалка ради Бога упрашивала m-me Roland поберечь себя. Она силою почти отняла у нея книги и усадила ее обѣдать. Анна покорилась: вырваться раньше 7-ми часовъ нечего было и думать, а ей надо было поторопиться домой, гдѣ, она знала, ее ждетъ записка отъ Дюшена. Всѣми

неправдами она отговорилась отъ чаю, представила сотни уважительныхъ причинъ, и простилась съ Падалкой.

Вечеромъ, часу въ девятомъ, когда она сидѣла у себя въ комнатѣ, углубившись въ чтеніе какой-то бумаги, въ дверь выглянула Саша.

— Чего тебѣ?

— Къ тебѣ нынче твой братъ приходилъ.

— Кто? Лёвушка?

Анна поспѣшно встала.

— Да, онъ тутъ съ часъ сидѣлъ, все дожидался. Вотъ только недавно ушелъ. Говоритъ: мнѣ некогда. Я сейчасъ уѣзжаю. А если она хочетъ проститься, то пусть, говоритъ, выходитъ въ московскій вокзалъ. Только ты скорѣй, потому что въ 10 часовъ поѣздъ уйдетъ.

Но это замѣчаніе было уже лишнее. Анна торопливо надѣвала шляпку и оторвала у тальмы вѣшалку, снимая ее съ гвоздя. Можно было подумать, что чья-нибудь жизнь будетъ въ опасности, если она опоздаетъ двумя минутами. Саша, по обыкновенію, съ любопытствомъ слѣдила за ней.

„Это что еще за исторія? Куда это отправляется мой братецъ?

Анна увидала тутъ еще новое звено изъ той цѣпи, которую до сихъ поръ ей не удалось собрать. Почемъ знать, послѣ свиданья съ Лёвкой, не будетъ ли въ ея рукахъ одной уликой больше? Только бы застать его и не дать уйти поѣзду. Досадно, если она опоздаетъ.

Она тревожно всматривается въ даль. Нѣтъ еще! Вокзалъ освѣщенъ. Извозчики стояли у подъѣзда. Но что, если звонокъ уже данъ? гдѣ она будетъ искать брата по

вагонамъ? Стоявшій у дверей сторожъ утѣшилъ ее: звонковъ еще не было.

Въ залѣ толкотня страшная. Найти тутъ желаемаго Лёвку не такъ-то легко. А между тѣмъ, каждую минуту могутъ дать звонокъ. Анна растерялась и стала по двадцати разъ заглядывать въ лицо одному пассажиру, упуская изъ виду десятки другихъ. Попавши въ самую толкотню и затертая въ толпѣ, она уже переставала различать, кто около нея стоитъ, какъ вдругъ, въ двухъ вершкахъ отъ нея, мелькнулъ клеенчатый рукавъ Лёвки. Она безъ церемоніи схватила его. Лёвка обернулся и даже какъ будто обрадовался. Почти въ ту-же секунду ударилъ колокольчикъ. Зала опустѣла.

— Куда ты? спрашивала Анна.

— Въ Петербургъ.

— Зачѣмъ?

— Длинная исторія. Чего давича дома не сидѣла. Все бы по порядку разсказалъ.

— Ради Бога, Лёвушка! Хоть такъ, въ короткихъ словахъ.

— Ну, видишь въ чемъ штука: у насъ тамъ дребедень эта, каша заварилась.

— Ну да, да. Что это такое?

— Да что; ничего. Пустяки, конечно. У насъ тамъ скандалъ вышелъ, ты знаешь. Мужики лѣсъ украли. Ну, да это бы наплевать. А такъ какъ у насъ съ этими мужиками были шуры-муры и при этомъ разныя возвышенныя цѣли, то для нашихъ возвышенныхъ цѣлей это не годится. Понимаешь?

— Я ничего не понимаю!

— Постой. Это не важно. Было бы тебѣ извѣстно, что мы тамъ, между мужиками, идеи проводимъ, и ежели они, вмѣсто этихъ идей, выучатся только воровать, то оно для насъ будетъ нелестно. Ну, да однимъ словомъ вотъ что, добавилъ онъ сердито:—у насъ тамъ товарищество на паяхъ устраивается, и за разрѣшеніемъ уже послали. Такъ ежели теперь этотъ скандалъ не потушить—разрѣшенія не дадутъ! Ясно.

— Ужъ не ты ли будешь тушить его?

— Ты слушай, не перебивай. У вашего Черника пріятелей, какъ нерѣзанныхъ собакъ! Ясное дѣло, онъ разсчитываетъ на то, что они его выручатъ. Да оно такъ и будетъ.

— Прекрасно. Потомъ?

— А потомъ, вотъ я ѣду къ графу Маевскому.

— Ты, къ графу? Зачѣмъ?

Въ другое время Анна не упустила бы случая подтрунить, но теперь ей было не до того.

— Везу ему письмо. Да тутъ, нужно тебѣ замѣтить, письмо только предлогъ. Главная цѣль моя не та.

Анна молча глядѣла на него, стараясь привести мысли свои въ порядокъ. Она ждала уликъ, передъ нею открывался цѣлый заговоръ. Зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ? Что это еще за новая цѣль?

Она сдѣлала нѣсколько торопливыхъ вопросовъ, и узнала вотъ что:

Лёвушка ѣдетъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы оттуда вмѣстѣ съ графомъ, къ которому онъ возьметъ отъ Черника рекомендательное письмо, отправиться въ Бельгію. Тамъ онъ думаетъ найти себѣ дѣло по душѣ.

— А здѣсь, вотъ видишь-ли, докончилъ онъ: — артели-то наши не выгорѣли. Я говорилъ, что у насъ путнаго ничего не сдѣлаютъ. Не такой мы народецъ.

Далѣе Лёвка, видимо, хотѣлъ еще что-то добавить, но благоразумно промолчалъ. Если бы не огромный запасъ самолюбія, онъ сказалъ бы сестрѣ, какую связь имѣетъ порубка лѣсу съ его внезапнымъ отъѣздомъ. Одно время у него мелькнула даже эта мысль, но потомъ онъ ее откинулъ, какъ непригодную. Боязнь упасть въ глазахъ сестры заставила его проглотить фразу, готовую сорваться съ языка.

Аннѣ посольство брата съ аккредитованными грамотами показалось подозрительнымъ.

— Послушай, Лёвушка, начала она вдругъ серьёзно: — знаешь, что я тебѣ скажу: не ѣзди ты нынче. Подожди день или два. Я наведу нѣкоторыя справки. Тутъ что-то не такъ.

Лёвка щелкнулъ языкомъ.

— Нѣтъ, матушка, мнѣ ждать не приходится.

— Это почему?

— А потому, что не нынче, завтра, этотъ баринъ уѣдетъ за границу. Мнѣ тогда на бобахъ сидѣть? Слуга покорный!

— Да въ качествѣ чего-же ты отправляешься съ нимъ?

— А такъ. Домашнимъ секретаремъ. Мнѣ только бы выбраться отсюда. А тамъ мы посмотримъ...

— Лёвушка, я тебя усердно прошу остаться. Наконецъ, не на два дня, а если тебѣ такъ дорого время, то хоть до завтрашняго вечера. Дальше я тебя не стану удерживать. Лёвка сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

На дебаркадерѣ дали второй звонокъ. Анна съ умоляющимъ видомъ положила руку брату на плечо.

— Разъ въ жизни я прошу тебя оказать мнѣ великую услугу, подождать до завтра.

— Нечего! Что пустяки толковать.

— Лёвушка...

— Прощай! некогда.

— Ты не понимаешь самъ, что ты дѣлаешь...

— Некогда!

Лёвка крѣпко пожалъ ей руку и побѣжалъ къ выходу. Она стояла, какъ окаменѣлая и даже на пожатье не отвѣтила.

Конечно, ни братъ, ни сестра не знали, что больше ужъ никогда не увидятся. Это было ихъ послѣднее свиданье.

На слѣдующій день Анна получила неожиданный визитъ. Сестра, отправляясь гулять, сочла почему-то нужнымъ заѣхать къ ней.

Прежде всего она разсказала о томъ, какъ жестоко обкрадываетъ ее портниха, прибавивши, впрочемъ, что это лучшая въ городѣ. Потомъ зашла рѣчь о Грубецкомъ.

— Ты слышала, Грубецкой переѣзжаетъ на другую квартиру?

— Въ самомъ дѣлѣ? Я даже не знала до сихъ поръ, есть-ли у него вообще какая-нибудь квартира.

— Ну, да; я и забыла. Ты такими пустяками не интересуешься. Тебя занимаютъ только политическія новости. Кстати, что подѣлываетъ баварскій король?

— Право не знаю. Но если ты непремѣнно желаешь... Борисъ, подай, кажется, у тебя на столѣ лежатъ „Московскія Вѣдомости“.

— О нѣтъ, зачѣмъ-же... Для чего-же отрывать твоего мужа отъ занятія. Я не такъ любопытна.

— Ничего, говорила Анна, принимая газету изъ рукъ Бориса, который покорно принесъ ее.

Ева расхохоталась.

— Chère amie!.. Mais c'est un trésor que tu as là. Гдѣ можно теперь достать такого мужа? Право, еслибы они продавались съ аукціона, за нихъ давали бы баснословную цѣну. Я первая... Ахъ, Борисъ Яковлевичъ, вы видите во мнѣ вашу поклонницу.

Борисъ молча улыбнулся. Онъ въ это время что-то соображалъ и ждалъ, пока жена вернетъ ему газету. Та быстро пробѣгала ее глазами, дѣлая видъ, что не слыхала ядовитаго замѣчанія сестры.

— Какъ нарочно, объявила она, наконецъ:— о Баваріи тутъ ни слова. Если хочешь что-нибудь о таможенномъ союзѣ...

— О нѣтъ, нѣтъ! Ради самого Бога! Я не достаточно умна, чтобы понимать эту премудрость. Я говорила сейчасъ твоему мужу, что онъ можетъ вскружить мнѣ голову.

— Въ самомъ дѣлѣ, замѣтила Анна холодно.—Кажется, онъ не изъ числа тѣхъ, которые плѣняютъ женщинъ.

— Pourquoi pas! Ты знаешь, вкусы бываютъ разные. Я знала человѣка, который любилъ арбузныя корки.

— Тебѣ больше не нужна газета? спросилъ Борисъ, не обращая вниманія на болтовню своей невѣстки. Полу-

чивши утвердительный отвѣтъ, онъ взялъ „Московскія Вѣдомости“ и ушелъ такъ-же невозмутимо-спокойно, какъ и пришелъ.

— Что, онъ у тебя не лунатикъ? спросила Ева колко.

— Кто? Борисъ? нѣтъ. Я не замѣчала.

— Я думала... Мнѣ казалось, что онъ дѣлаетъ все во снѣ. Я знала одного магнетизера. У него былъ точно такой-же видъ.

— Да, у него есть нѣкоторыя странности. Онъ не любитъ общества.

Ева опять расхохоталась.

— Знаешь, это признакъ болѣзненнаго состоянія. Попробуй полечить его. Это непремѣнно пройдетъ. Это должно пройти.

— Не знаю лекарства.

— Будто? Одно время я думала, что ты нашла его.

Анна лѣниво подняла глаза.

— Когда-же это?

— Нынѣшнею зимой.

— Я не понимаю тебя.

— Значитъ, я ошибалась. Представь себѣ, я была увѣрена, что ты дѣлаешь это для мужа. Я такъ и сказала: она хочетъ его раздразнить, расшевелить...

— Я, все-таки, тебя не понимаю.

Ева лукаво прищурилась.

— Et ton roman avec monsieur Черникъ?

Анна сдвинула брови и посмотрѣла на нее несовсѣмъ дружелюбно.

— Гдѣ-же ты прочитала этотъ романъ? Онъ былъ напечатанъ?

— Не хитри, не хитри! On a des yeux... pour voir.

И Ева также предательски положила ей руку на плечо. Анна съ минуту молчала, потомъ вдругъ остановила на сестрѣ свою холодную улыбку.

— Я удивляюсь тебѣ, Соня. Ты, какъ m-me Дюшенъ, опаздываешь на три года. Ну, кто-же теперь говоритъ о моемъ романѣ съ Черникомъ, когда этому прошло ужъ безъ малаго пять мѣсяцевъ.

— Немножко поменьше. Правда, что теперь ты не больше интересуешь его, чѣмъ и я, но... было время... Сознайся!

— Не говори, пожалуйста, такимъ таинственнымъ тономъ. Я этого боюсь. Я мнительна.

— Да, да; не хитри. Теперь дѣло прошлое: я скажу откровенно, я боялась за тебя. Онъ такъ красивъ, такъ уменъ... ты такъ молода. Конечно, тебя это забавляло, но... Ну, ну, не сердись. Я молчу.

— Право, Соня, я бы тебѣ совѣтовала заняться политикой, настаивала Анна. — Это освѣжаетъ голову. А то, если ты будешь вести счетъ однимъ романамъ...

— Не бойся, милочка. Я не спутаюсь. У меня очень хорошая память! сказала Ева многозначительно.

Потомъ пересѣла на кушетку и протянула свои ножки, на которыхъ сверкали красныя туфли, расшитыя золотомъ. Анна къ отчаянію своему увидѣла, что она еще не располагаетъ скоро уѣхать.

— Этотъ твой Черникъ бѣгаетъ опять за губернаторшей... Или она за нимъ, право, ужъ не разберу. Не далѣе, какъ вчера утромъ, я видѣла ихъ прогуливающимися вмѣстѣ подъ ручку. За ней ѣдетъ ея коляска и тѣ самые

сѣрые рысаки, которые стоютъ двадцать пять рублей пара.

— Какая ты ядовитая.

— Я люблю говорить правду. Грубецкой самъ предлагалъ мнѣ купить точно такихъ-же, даже меньше, за двадцать рублей! Но онъ просилъ пять рублей за комиссію. На ней былъ надѣтъ ея дорогой бурнусъ, который ея супругъ, говорятъ, самъ чиститъ по ночамъ, потихоньку отъ прислуги.

Анна нехотя улыбалась. Ева продолжала дальше. Она была сегодня въ ударѣ.

— Нынѣче Лили, завтра Мими, послѣзавтра какая-нибудь Тити. Только жаль, что у насъ такой плохой выборъ. Наши барыни... Ну, просто не изъ чего выбирать. Я думаю, что онъ поэтому больше и остановился на этой Леночкѣ, хоть нельзя сказать, чтобы она блестѣла умомъ...

— А ты думаешь до сихъ поръ, что въ женщинахъ ищутъ ума? спросила Анна рѣзко.

— Да, немножко... Это никогда не мѣшаетъ. Но, впрочемъ, надо сказать откровенно: эти ваши, такъ-называемыя, *умныя женщины*... (Она сдѣлала гримасу). Но наша Леночка... вѣдь это ужъ другая крайность. Я всегда удивлялась, какъ могъ такой умный человѣкъ растаять около этой куклы... Eh bien... c'est incroyable. Онъ умираетъ отъ любви.

Анна усмѣхнулась.

— Умираетъ! Ужъ нельзя ли поискать другого слова.

— Когда я тебѣ говорю, что она сводитъ его съ ума. Мой Богъ! объ этомъ говоритъ весь городъ. Послѣднее воскресенье онъ былъ даже у обѣдни. Je vous demande

ип реи! Онъ былъ тамъ, потому что тамъ была Елена Павловна.

Анна украдкой вскинула глаза. По лицу ея змѣйкой пробѣжала какая-то злая мысль.

— И что мнѣ всего больше нравится, продолжала Ева:—такъ это то, что они не скрываютъ своихъ чувствъ. Это трогательно. Я такъ и жду, что она какъ-нибудь при всѣхъ кинется ему на шею. Она, кажется, разсчитываетъ на то, что супружескій флагъ прикрываетъ все.—Ахъ да, кстати, продолжала Ева (вполнѣ впрочемъ, увѣренная, что это будетъ совсѣмъ некстати):—я тебя давно хотѣла спросить: что, ты съ нимъ не въ ссорѣ? нѣтъ?

— Ты нынче ужасно любопытна, Соня. Ну, изволь, я тебѣ скажу, что нѣтъ, не въ ссорѣ.

— Отчего-же онъ у васъ не бываетъ?

— А такъ. Нашелъ, вѣроятно, что ему недостаточно весело тутъ.

Ева пристально глядѣла на нее.

— Ты врешь, Анна. Ты не хочешь быть со мной откровенной, тѣмъ хуже. Я любопытна! Помни это, добавила она, вставая.

Анна сурово, даже какъ-то гнѣвно посмотрѣла на сестру.

— За любопытство иногда можно и поплатиться.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, такъ я шучу, шучу. Смѣюли я! докончила она любезно, и протянула сестрѣ руку.

— Прощайте, жестокій человѣкъ! говорила она Борису, проходя мимо и задѣвая его концами своихъ оборокъ.

Тотъ молча поклонился.

Анна проводила сестру съ тѣмъ-же страннымъ выраженіемъ, которое мелькнуло давича въ ея чертахъ.

Потомъ съ самымъ беззаботнымъ видомъ стала что-то напѣвать и взяла даже лейку, чтобы полить цвѣты.

Но когда она стояла у жардиньерки, лейка выпала у нея изъ рукъ и сама она съ какимъ-то отчаяніемъ схватилась за голову. Глубокое, безутѣшное горе легло на эти матовыя, нѣжныя черты. Глаза ея закрылись съ видомъ такого страданія, которому уже нѣтъ утѣшенія. Она откинула назадъ набѣгавшія ей на лобъ пряди волосъ и сдѣлала такое движеніе, какъ будто хотѣла разорвать сдавившее ее платье.

Ей было душно.

Прошло нѣсколько минутъ. Она, какъ стояла у цвѣтовъ, сжимая рукой плетеную рѣшетку, такъ и оставалась въ этомъ положеніи.

— Но вѣдь это адъ, а не жизнь! сказала она тихо.— Да! За одно то, что я испытываю теперь, я имѣю право отмстить. И отомщу! Нѣтъ! Я не умѣю страдать молча. Я не хочу страдать одна. Не хочу! повторила она, и снова задумалась.

Вошелъ мужъ. Она поспѣшно нагнулась, чтобы поднять пустую лейку, и стала изъ нея поливать цвѣты.

Борисъ почему-то обратилъ вниманіе на ея прическу. Не имѣя привычки замѣчать, что дѣлается около него на землѣ, онъ всегда зналъ, когда Анна мѣняла цвѣтъ ленты на головѣ или спускала косу ниже. Онъ даже рисковалъ иногда давать ей по этому случаю совѣты, что́ выходило очень наивно. На этотъ разъ онъ попросилъ ее только

подколоть немного волосы. Она ничего не отвѣтила, даже не взглянула въ его сторону.

— Анна, я тебя... началъ онъ опять.

— Ахъ, да ну подколи самъ, если тебѣ этого хочется!

Онъ не заставилъ повторить приглашенія и даже нарочно съ этою цѣлью взялъ на туалетѣ шпильку. Когда онъ нагнулся къ ней, она вдругъ схватила его за руку.

— Борисъ! послушай!..

Онъ испугался, такое было у нея странное, умоляющее выраженіе.

— Что́ такое? Что́ ты?

— Нѣтъ, ничего! Ничего!

Она быстро выпустила его руку и отвернулась.

— Ты скажи мнѣ! Что̀-же?

— Да ничего! Оставьте меня! Уйдите!

Голосъ у нея дрожалъ.

Но могъ-ли онъ уйти теперь! Онъ стоялъ молча, не рѣшаясь подойти къ ней, не смѣя повторить вопроса. Она знала, что мужъ тутъ, около нея, и еще усерднѣе поливала цвѣты. Вдругъ онъ, ни слова не говоря, взялъ у нея изъ рукъ пустую лейку. Она гнѣвно подняла глаза.

— Я тебѣ принесу воды, утѣшилъ онъ, и вмѣстѣ съ лейкой вышелъ изъ комнаты.

Она опустилась на диванъ и закрыла лицо руками. Какъ молнія пронеслась передъ ней цѣлая вереница дней, пролетѣвшихъ со времени ея замужства. И вездѣ Борисъ! Вездѣ онъ, съ своимъ вѣчно невозмутимымъ, кроткимъ выраженіемъ. Зачѣмъ этотъ человѣкъ такъ привязанъ къ ней? Зачѣмъ не знаетъ она за нимъ ни одного жесткаго слова,

ни одного поступка, за который могла бы укорить его? Она готова была отдать въ эту минуту полжизни за то только, чтобы увидать его преступникомъ, злодѣемъ. Она перебирала въ умѣ своемъ всѣ мелочи, всѣ самые незначительные разговоры—нѣтъ! обвиненія нельзя построить.

Анна встала, прошлась по комнатѣ; потомъ, нимало не жалѣя своихъ чудныхъ волосъ, крѣпко закрутила ихъ на головѣ и немилосердно рвала, втыкая шпильки. Наконецъ, остановилась передъ зеркаломъ и какъ бы въ недоумѣніи долго глядѣла на себя. Смотрѣла, какъ тихо скатилась у нея слеза на щекѣ и упала ей на руку; скатилась другая, и застыла. А она стояла неподвижная, какъ статуя, съ какимъ-то вопросительнымъ, недоумѣвающимъ видомъ.

Да, теперь всѣ преграды, которыя защищаютъ честную женщину, рушатся передъ нею. Она чувствовала, что ее не остановитъ ужъ никакое препятствіе, если только она будетъ близка къ цѣли. Вотъ когда настало время броситься въ омутъ очертя голову, закрыть глаза, не смотря на тѣхъ, кто захочетъ спасти ее, и уходить постепенно, медленно, но безвозвратно.

IV.

Первый актъ комедіи разыгранъ. Черникъ получилъ отъ Ирины Александровны торжественное приглашеніе быть повѣреннымъ въ дѣлѣ о порубкѣ лѣсу.

Предложеніе это не произвело желаемаго эффекта.

Анна, присутствовавшая тутъ-же съ самымъ невиннымъ видомъ, не могла замѣтить никакого особеннаго смущенія

или недоумѣнія на лицѣ ловкаго агронома. Черникъ съ минуту молчалъ, какъ бы что-то соображая, потомъ сухо замѣтилъ:

— Извольте! Если вы такъ настаиваете на этомъ, я къ вашимъ услугамъ. Прикажете передать дѣло судебному слѣдователю?

— Я тамъ не знаю, отговаривалась Падалка.—Кто у васъ тамъ? Я въ эти дрязги никогда не вхожу.

— Очень хорошо-съ; на-дняхъ вы мнѣ дадите довѣренность.

Анна сдѣлала радостное движеніе. „Онъ пойманъ!“ Но ее поразило выраженіе его лица. Только теперь, когда онъ стоялъ лицомъ къ свѣту, она замѣтила, какъ сильно онъ постарѣлъ. Какое горе, какія заботы могли такъ сильно измѣнить человѣка? На лбу легло нѣсколько морщинъ, а глаза ушли еще глубже и тѣмъ сильнѣе врѣзывался въ памяти ихъ взглядъ. Обыкновенно свѣтлый, ласковый, онъ показался ей теперь холоднымъ и рѣзкимъ. Даже какъ будто угроза сверкнула въ немъ на одно мгновеніе. Точно этотъ человѣкъ возненавидѣлъ и жизнь, и людей, и бросалъ имъ свое презрѣніе.

Да, въ эту минуту Анна поняла, что ей не подъ силу борьба съ нимъ. Но стоило только ему отвернуться, стоило только ей почувствовать себя свободною отъ этого взгляда, и къ ней вернулась прежняя храбрость.

Черникъ раскланялся, объявивши, что ему надо быть у губернатора.

„У губернаторши“, докончили дамы мысленно. Но на этотъ разъ онѣ ошибались. Черникъ дѣйствительно отправился къ мужу, а не къ женѣ!

Генералъ встрѣтилъ его съ своимъ всегдашнимъ озабоченнымъ выраженіемъ. Услыхавши, что гость имѣетъ сообщить ему нѣчто важное, онъ собственноручно спустилъ въ кабинетѣ шторы и зажегъ стоявшія на столѣ свѣчи. Въ торжественныхъ случаяхъ онъ всегда обходился безъ прислуги.

— Случилась довольно непріятная исторія, разсказывалъ Черникъ. — Я бы не сталъ вамъ и передавать ее, еслибы не особыя обстоятельства: я боялся, что на ваше имя можетъ лечь какая-нибудь тѣнь. Это-то меня и заставило немедленно сообщить вамъ обо всемъ.

Генералъ испугался и огорчился.

— Я прошу васъ, не придавайте этому какого-нибудь особеннаго значенія. Конечно, можетъ быть, я и преувеличиваю... Въ вашихъ глазахъ, генералъ, это, вѣроятно, не будетъ такъ важно, но вотъ потому-то я и поспѣшилъ поговорить съ вами... Мнѣ нужно слышать ваше мнѣніе. Тогда я буду знать, какъ мнѣ дѣйствовать. До тѣхъ поръ я не рѣшаюсь составить никакого опредѣленнаго плана.

Подготовивши такимъ образомъ мнительнаго губернатора, Черникъ принялъ еще болѣе таинственный видъ и продолжалъ:

— Вы помните, вѣроятно, генералъ, поддержку, которую вы мнѣ оказали въ дѣлѣ о кредитномъ обществѣ.

— Ну, оказалъ, разумѣется, оказалъ. Что изъ этого?

— Въ той бумагѣ, которая отправлена въ министерство, ваша фамилія стояла на первомъ мѣстѣ. Вы были такъ добры тогда, что не отказали мнѣ въ этомъ.

У генерала явилось смутное сознаніе о томъ, что иногда нѣсколько буквъ, поставленныхъ не на мѣстѣ, могутъ

испортить человѣку его карьеру. Подписанная имъ бумага встала передъ нимъ въ видѣ какого-то чудовища. На лбу у него выступила мысль: „Молодой человѣкъ! я сдѣлалъ ошибку. Я сдѣлалъ страшную ошибку!“

Но гость не хотѣлъ этого замѣчать и продолжалъ свое объясненіе.

— Позвольте мнѣ, генералъ, изложить вамъ самое дѣло, самые факты. Двадцать пятаго числа прошлаго мѣсяца, въ имѣньи г-жи Падалки вырубленъ лѣсъ, въ количествѣ пятисотъ слишкомъ деревъ...

— Вы, кажется, начали говорить о бумагѣ.

— Я слишкомъ поторопился... О бумагѣ я упомяну послѣ; связь выяснится сама собою. Позвольте мнѣ сначала изложить вамъ дѣло. Итакъ, двадцать пятаго числа...

Какъ ловкій дипломатъ, Андрей Михайлычъ началъ отъ Адама, кинувши предварительно намекъ на опасность, угрожавшую губернаторскому имени и поставивши такимъ образомъ впереди призракъ, который заставлялъ собесѣдника безъ всякой скуки, напротивъ даже съ нѣкоторымъ замираніемъ сердца, выслушивать длинную поэму о порубкѣ лѣса. По началу своему вовсе неинтересная, она, однако, чѣмъ дальше, тѣмъ становилась занимательнѣе. Въ искусномъ изложеніи Черника, изъ простого, повидимому незначительнаго, событія постепенно разростался цѣлый заговоръ, грозившій не государству, а, что гораздо важнѣе, особѣ губернатора.

Самъ разсказчикъ стушевался: до извѣстной минуты онъ ни разу не дерзнулъ вставить свое собственное, личное сужденіе. Вся его работа состояла только въ томъ, чтобы освѣтить факты такъ или иначе. Переходя постепенно отъ

простого къ болѣе сложному, онъ хваталъ на лету разныя отдѣльныя фразы, слухи, сплетни, ходившіе въ народѣ. Ловилъ подробности, останавливался на самыхъ пустыхъ, незначительныхъ, потомъ, какъ бы невзначай, сопоставлялъ ихъ, прибавлялъ къ нимъ еще двѣ-три—и выходило *ничто*. Выходило такъ неожиданно, что, казалось, самъ авторъ удивлялся этому. А между тѣмъ, смыслъ его давишней фразы о чистотѣ губернаторскаго имени выяснялся все болѣе. Грозный призракъ, въ видѣ бумаги, отправленной въ министерство, выдѣлялся изъ мрака.

Была минута, когда генералъ, взволнованный, потрясенный, возмущенный до глубины души, готовъ былъ закричать: довольно! Это видно было по тѣмъ усиліямъ, съ какими двигались его плечи и напрягались жилы на вискахъ. А разсказчикъ, по прежнему вкрадчивый, таинственный, казалось всѣми жестами своими говорилъ: je ne propose rien, mon général!—j'expose!

Онъ началъ съ того, что мужики вырубили у Падалки лѣсъ. Очень жаль! Генералъ этого не одобряетъ. Всякое покушеніе на чужую собственность есть кража, и обратно: всякая кража есть покушеніе на чужую собственность. Итакъ, мужики совершили самоуправство. Естественно является вопросъ: что-же ихъ на это толкнуло? Губернаторъ, какъ человѣкъ строго-логичный и послѣдовательный, дѣлаетъ такое умозаключеніе: мужикъ бѣденъ, мужикъ пьянствуетъ; стало быть, мужику хочется что-нибудь стянуть; стало-быть, онъ пошелъ и стянулъ. Черникъ, вполнѣ согласный съ вѣрностью и глубиной этого вывода, позволяетъ себѣ сдѣлать, однакоже, нѣкоторое замѣчаніе. Въ общемъ мысль генерала безусловно истинна, но въ частностяхъ бываютъ

нѣкоторыя уклоненія, которыя, конечно, зависятъ отъ мѣстныхъ условій. Такъ, напримѣръ, въ этой, повидимому, столь обыкновенной, порубкѣ надо имѣть въ виду одно обстоятельство, а именно, что крестьяне совершили ее не по собственному своему побужденію. Нѣтъ! Тутъ дѣйствовало подстрекательство постороннихъ лицъ и ложные слухи, пущенные съ цѣлью взбунтовать крестьянъ.

Генералъ вынимаетъ изъ кармана носовой платокъ и вытираетъ себѣ лобъ со всѣми признаками душевнаго волненія. Голову его, какъ молнія, пересѣкаетъ мысль о Лёвкѣ, который удаленъ съ Еремѣевскихъ заводовъ, но не высланъ изъ губерніи. Черникъ спѣшитъ успокоить его: по слухамъ, полученнымъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, Лёвка долженъ теперь находиться въ Петербургѣ. Страшный призракъ этого бунтовщика исчезаетъ въ пространствѣ, чтобы уступить свое мѣсто другому, не менѣе подозрительному. На сцену выступаетъ личность Дюшена.

Этотъ сладкій, но коварный брюнетъ, какъ оказывалось дальше, и былъ причиной всей передряги. Всѣ его интриги теперь открываются; съ каждымъ днемъ является новая улика.

Прежде всего Черникъ просилъ губернатора обратить вниманіе на то, что мужики, совершившіе порубку, были... были—ну, словомъ, были тѣ самые, для которыхъ устраивалось кредитное общество.

Въ глазахъ губернатора молніей пронеслась бумага, отправленная въ министерство. А гость, между тѣмъ, очень мягко поставилъ ему на видъ, что на этой бумагѣ фамилія его, губернатора, стояла рядомъ съ подписью тѣхъ лицъ, которыя теперь обвинялись въ самовольномъ похищеніи

лѣса. Старшина, староста и многіе изъ зажиточныхъ крестьянъ фигурировали въ прошеніи, какъ будущіе учредители общества...

Разумѣется, гнѣвъ губернатора обрушился прежде всего на Черника, какъ на прямого виновника этой катастрофы. Но ловкій дипломатъ это предвидѣлъ. Онъ заговорилъ о томъ, что самъ жертва обмана, низкой интриги, которой онъ, конечно, не придалъ бы и значенія, если бы тутъ не было замѣшано имя его превосходительства. Но теперь, если только генералъ выслушаетъ его, можно будетъ найти способы потушить это дѣло.

Искусно лавируя между разными щекотливыми подробностями, Андрей Михайлычъ выдвинулъ Дюшена такъ, что сомнѣваться далѣе въ его виновности стало невозможно. Онъ бунтовщикъ, это несомнѣнно! И бунтовщикъ, дѣйствовавшій съ видимою цѣлью кому-то насолить. Вопросъ: кому?

Тутъ Черникъ сдѣлалъ длинную паузу; потомъ продолжалъ, но уже значительно понизивши голосъ и придавши ему какой-то особый, таинственный оттѣнокъ.

— Одно время я останавливался на мысли, что онъ хочетъ отмстить этимъ мнѣ, потому что, понимаете, генералъ, нареканіе падаетъ прежде всего на меня. Уже одинъ фактъ привлеченія къ суду меня или крестьянъ роняетъ мое дѣло. Тутъ никакое товарищество, ни промышленное, ни кредитное немыслимо. Ясно стало быть, что, бунтуя крестьянъ, онъ желалъ сдѣлать скандалъ мнѣ. Эта мысль дѣйствительно и приходила мнѣ сначала. Но потомъ...

Черникъ остановился.

— Ну, что-жъ потомъ? спросилъ губернаторъ все еще сердито.

— Потомъ я перемѣнилъ мнѣніе.

Наступила новая пауза. Генералъ опять прекратилъ ее.

— На какихъ основаніяхъ, смѣю спросить?

— Я сталъ соображать: какая цѣль Дюшену интриговать противъ меня? Что́ я для него? Лично мы даже незнакомы, стало быть, никакихъ поводовъ къ непріятностямъ не было. По самому положенію своему въ обществѣ, я стою не такъ высоко, чтобы возбуждать чью-нибудь зависть. Ну, словомъ, взвѣсивши всѣ обстоятельства... Да, генералъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что Дюшенъ имѣлъ въ виду не меня.

Хозяинъ началъ тяжело дышать, что, при его худощавомъ сложеніи, было признакомъ сильнѣйшаго напряженія умственныхъ и тѣлесныхъ силъ.

— Кого-же? выговорилъ онъ, наконецъ, какъ бы нехотя.

— Видите-ли, я не рѣшусь быть опрометчивымъ. Въ этихъ случаяхъ я знаю, что надо быть особенно осторожнымъ. Я разсуждаю такъ, выгода отъ этого скандала могла быть только одна: помѣшать учрежденію товарищества. Но само по себѣ это товарищество вещь для него совершенно безразличная. Существуетъ оно или нѣтъ, ему отъ этого ни тепло, ни холодно. Ясно, что онъ имѣлъ въ виду не фиктивное понятіе о кредитномъ обществѣ, а какихъ-нибудь личностей. Какъ ни странно, а мы должны придти къ этому заключенію. Такъ, если я не ошибаюсь?

Генералъ, молча, кивнулъ головой, но по лицу его видно было, что въ глубинѣ души у него созрѣла уже какая-то ужасная мысль.

— Учредители товарищества, продолжалъ Черникъ:— всѣ у насъ налицо. Это, опять-таки, то-же самое крестьянское общество, о существованіи котораго Дюшенъ прежде едва-ли даже и зналъ. Странно было бы предполагать, что онъ питаетъ къ нему какую-нибудь ненависть. Конечно, нѣтъ. Возьмемъ теперь лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ товариществѣ, хлопотавшихъ о его учрежденіи. Это, во-первыхъ, вы, генералъ, затѣмъ, здѣшній предводитель дворянства и, наконецъ, я. О себѣ я уже говорилъ. Геннадій Николаевичъ, какъ вамъ извѣстно конечно, другъ и покровитель Дюшена...

Черникъ тутъ уже окончательно остановился и даже, какъ бы отъ сильнаго волненія, провелъ рукой по волосамъ.

Съ минуту длилось тягостное молчаніе.

Вдругъ губернаторъ выпрямился во весь ростъ и сверкнулъ глазами.

— Досказывайте! я васъ слушаю, молодой человѣкъ.

— Генералъ, я долженъ васъ предупредить, что это все-таки, не болѣе, какъ предположенія...

— Прекрасно! Я такъ ихъ и приму.

— Мнѣ остается добавить только одно, докончилъ Черникъ, улыбаясь: — что у васъ очень много враговъ, генералъ.

— А! Шпіонство! Мнѣ здѣсь ловушки подставляютъ. А! они не могутъ выносить около себя человѣка, за которымъ не знаютъ ошибокъ. Во все мое пятилѣтнее пребываніе здѣсь, они не могли замѣтить ни сучка, ни задоринки... Такъ они пускаются на интриги! на гнусныя интриги!

Вся желчь у него поднималась при одной мысли о томъ, что въ министерствѣ его узнаютъ теперь за человѣка, протянувшаго руку ворамъ и мошенникамъ.

Но Черникъ, угадывавшій эту мысль, явился и тутъ съ утѣшеніемъ.

— Цѣль у нихъ была очень тонкая, объяснялъ онъ:— но они слишкомъ поторопились. Они забыли русскую пословицу, что палка о двухъ концахъ. Бунтовали крестьянъ для того, чтобы доказать, изъ какой сволочи составлялось будущее товарищество. Этимъ хотѣли бросить тѣнь на насъ. Но если мы докажемъ, что они бунтовали мужиковъ именно съ этою цѣлью, то палка ихъ обратится на нихъ же.

Черникъ развилъ далѣе эту тему въ подробности. Генералъ впивалъ ее, какъ бальзамъ.

— Скажите мнѣ откровенно, началъ онъ вдругъ:—какъ по вашему мнѣнію... этотъ Дюшенъ... онъ дѣйствовалъ самостоятельно? то-есть, я хотѣлъ сказать... Ну, вы меня понимаете.

Черникъ въ душѣ уже праздновалъ побѣду, но по виду сохранялъ выраженіе грустно-задумчивое и нѣсколько времени молчалъ, какъ бы не рѣшаясь выговорить роковое слово.

— Генералъ, вы меня ставите въ затруднительное положеніе. У меня могутъ, конечно, быть извѣстныя соображенія... но, вѣдь я могу ошибаться.

— Ну... какъ другу... положа руку на сердце. Я вѣрю вамъ, молодой человѣкъ... Я васъ оцѣнилъ.

— Насчетъ Дюшена... да... У меня была та-же мысль, что и у васъ.

Губернаторъ стоялъ съ полуоткрытымъ ртомъ. Потомъ вдругъ разразился гнѣвомъ.

— Да! это его интриги! его! его! Онъ давно подкапывается подъ меня. Я это знаю.

И при этомъ такъ стукнулъ попавшимся подъ руку чугуннымъ прессъ-папье, что Лили, если бы была дома, навѣрное прибѣжала бы узнать, что́ случилось. Опять наступило молчаніе, на этотъ разъ уже довольно продолжительное. Генералъ подавилъ свой гнѣвъ:

— Вотъ что... я хотѣлъ васъ спросить. Какъ-же это, вѣдь онъ тоже ходатайствовалъ. Вѣдь и его подпись тамъ есть... Это, пожалуй, немножко странно...

— Да, его фамилія тамъ стоитъ, но, замѣтьте, генералъ, она стоитъ *послѣ* вашей.

— Ну?

— Этого достаточно. Онъ всегда можетъ сослаться на то, что подпись начальника губерніи освящаетъ все. Онъ скажетъ, что подписался единственно потому, что не хотѣлъ оказать вамъ недовѣрія.

— Да-да. Дѣйствительно. Да! Нанимать агентовъ, чтобы они чернили меня... Нѣтъ, я этого не допущу... я...

Черникъ вдругъ принялъ озабоченный видъ.

— Генералъ, во всякомъ случаѣ, намъ надо подождать, чтобы дѣло разъяснилось. Прежде всего, я думаю бы принять вотъ какія мѣры...

И Черникъ началъ изложеніе этихъ мѣръ, оговорившись предварительно, что это не болѣе, какъ предположенія, которыя онъ повергаетъ на разсмотрѣніе его превосходительства. Бесѣда длилась еще съ полчаса. Генералъ одобрилъ всѣ проекты своего собесѣдника.

— Моя довѣрительница, говорилъ Черникъ на прощаньи: — требуетъ, чтобы я началъ дѣло немедленно.

— Нечего и думать. Откажите ей!

— Она возьметъ тогда другого повѣреннаго.

— Сумасшедшая старуха. Въ 90 лѣтъ пустилась кляузничать. Надо ее урезонить.

— Впрочемъ, предлогъ можно найти. Слѣдствіе мы оттянемъ. Мнѣ нужно еще время, чтобы собрать нѣкоторыя улики.

Онъ помолчалъ и затѣмъ прибавилъ.

— Какъ частному человѣку, начинать это дѣло мнѣ было бы рисковано. Но еслибы въ этомъ случаѣ иниціативу взяла на себя полиція, то... допустивши даже полную неудачу... никто не подвергается отвѣтственности.

Губернаторъ задумался.

— На какихъ-же основаніяхъ... То-есть, я хочу сказать... законная сторона...

— На основаніи слуховъ... народной молвы.

— Да! понимаю!

— Ходъ дѣла отъ этого нисколько не измѣнится. Это ограждаетъ только отъ всякой отвѣтственности и меня... и, словомъ сказать, тѣхъ, кто выступаетъ обвинителями. Изъ обвинителей они дѣлаются простыми свидѣтелями, не больше.

— Понимаю, понимаю. Такъ чего-же вы собственно хотите?

— Тогда надо будетъ, генералъ, чтобы полиція получила отъ васъ маленькую инструкцію, негласную, конечно...

Губернаторъ усиленно размышлялъ.

— Инструкцію о чемъ? спросилъ онъ наконецъ.— О возбужденіи слѣдствія?

— Да, именно. Это необходимый шагъ для того, чтобы разоблачить интригу. За успѣхъ, конечно, отвѣчать нельзя. Но почемъ знать... Кто поручится за то, что шагъ за шагомъ мы не дойдемъ до главнаго виновника.

Это доказательство показалось губернатору настолько убѣдительнымъ, что онъ далъ вторично свое благословеніе. Аудіенція кончилась. Черникъ въ душѣ поздравилъ себя съ побѣдой. Отнынѣ онъ и начальникъ губерніи составляютъ одно цѣлое. Ихъ связываетъ общій интересъ: одинъ спасаетъ чистоту своего имени, другой свое кредитное общество, которое каждую минуту грозило провалиться. Теперь есть надежда, что оно спасено. Но какою цѣной?

Черникъ усмѣхнулся. Онъ никогда не задумывался надъ этимъ. На этотъ разъ онъ только поблагодарилъ судьбу за то, что она такъ любезно помогла ему. Мѣсяцъ тому назадъ, губернаторъ и предводитель, никогда другъ къ другу особенно нерасположенные, перессорились на смерть, по выраженію Грубецкаго такъ, что ихъ изъ ушата водой разливали. Поссорились и поклялись отмстить другъ другу. На этомъ событіи Черникъ построилъ свои планы.

V.

Снова Падалкина усадьба открываетъ намъ свои объятія. Вотъ уже и половина іюня прошла, а работы кипятъ по прежнему: не то, такъ другое — все чинится, прихорашивается, штукатурится. Въ одномъ мѣстѣ ломаютъ ста-

рый амбаръ; пыль такая поднимается, что даже любопытныя куры и собаки бѣгутъ прочь. Въ другомъ разгружаютъ цѣлый возъ щебню. Тутъ-же, по близости, Богданъ Иванычъ маршируетъ въ своей плантаторской шляпѣ. Остановится, заглянетъ въ яму съ известкой, поковыряетъ палкой и пойдетъ дальше. Черникъ, только что пріѣхавшій изъ города, засталъ его на томъ интересномъ мѣстѣ, когда онъ объявлялъ одному рабочему, что завтра будетъ имѣть честь прогнать его.

— Ну что? какъ? спрашивалъ Черникъ, когда онъ и его невозмутимый другъ направились къ дому.

— А ничего. Вотъ прежде пообѣдаемъ, а тамъ будетъ видно.

— Есть какая-нибудь надежда?

— У меня вонъ сейчасъ двое дожидаются въ конторѣ.

— А! Отлично!

Больше ничего не было сказано, потому что явилась Татьяна Дмитріевна съ тарелками и съ разсказами. Пріятели молча ѣли.

Въ конторѣ дѣйствительно уже дожидались двое. Одинъ высокій, сердитый старикъ, весь сѣдой, съ хохлацкимъ типомъ и съ длиннымн хохлацкими усами. Въ старенькихъ сѣрыхъ штанахъ съ помочами и въ одной рубахѣ, по случаю жары, растегнутой у ворота, стоялъ онъ у притолки и мрачно смотрѣлъ въ пространство. Нѣсколько поодаль отъ него сидѣла личность совсѣмъ другого покроя. Плотный, несовсѣмъ еще толстый, но уже сильно подававшійся расплыться, обстриженный въ скобку, съ черною кудреватою бородкой, онъ сидѣлъ на стулѣ и съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства постукивалъ пальцами по об-

шлагамъ собственнаго рукава. Ноги его, обутыя въ высокіе сапоги, блестѣвшіе какъ зеркало, чинно выглядывали изъ-подъ длиннополаго сюртука. На бѣломъ, откормленномъ лицѣ бѣгали плутоватые глаза.

Прошло около получаса. Но за все это время ни онъ, ни стоявшій у двери хохолъ не подарили другъ друга ни единымъ словомъ. Хохолъ даже ни разу не хотѣлъ взглянуть въ ту сторону, гдѣ сидѣла фигура въ длинноломъ сюртукѣ. Какъ только вошли господа, фигура эта поспѣшно вскочила. Старикъ только потерся у притолки.

— А, Кирилла, здравствуй! обратился къ нему Черникъ. Старикъ передвинулъ ногами, но поклона у него однакожъ не вышло.

— Осипъ Степанычъ, мое почтеніе! Я васъ попрошу минуточку подождать. Не пройдете-ли вотъ съ Богданъ Иванычемъ въ ту комнату?

Осипъ Степанычъ всею своею особой выразилъ стремительное согласіе и, поскрипывая сапогами, стараясь въ то же время придать своей походкѣ нѣчто воздушное, пошелъ вслѣдъ за Богданомъ Иванычемъ.

— Ну, Кирилла, говорили тебѣ, зачѣмъ я тебя звалъ? началъ Черникъ.

— Я знаю.

Старикъ отвѣчалъ все также мрачно и старался по возможности глядѣть въ сторону.

— Мнѣ Богданъ Иванычъ разсказалъ въ чемъ дѣло. Теперь мнѣ хотѣлось бы только знать, можешь-ли ты повторить свое показаніе на судѣ? если понадобится, понимаешь?

— Мнѣ все равно. Что вамъ, что судьѣ... все едино.

— Вѣдь тутъ твоихъ дѣтей будутъ спрашивать.

— Что-жъ дѣтей. У меня и дѣти врать не пріучены. Я имъ давно сказалъ: коли кто совретъ—убью!

— Я знаю, что ты честный старикъ. Вотъ что: такъ ты разскажи мнѣ обстоятельно, какъ это было. Чтобы мнѣ было видно, понимаешь?

— Такъ и было. Пришелъ сынъ, говоритъ: слышь ты, Андрей Михайлычъ мужиковъ бунтуетъ. Я, признаться, взялъ палку, поучить его маленько. Чтобъ не болталъ зря. Онъ клянется, божится. „Я отъ людей слышалъ.“—Говори, кто сказалъ?—„На ткацкой сказываютъ“.—Кто? Ну, вертѣлся, вертѣлся. „Ѳедька сказалъ, Матвѣевъ сынъ“. Ладно. Встрѣтилъ это я Ѳедьку, попужалъ его. Потомъ Богданъ Иванычъ сталъ меня спрашивать. Я ему: такъ и такъ. Велѣлъ узнать. Я опять за Ѳедьку. Онъ и признался. Прямо на Андрона указалъ. Тотъ имъ всю эту сказку и сказалъ. Ишь ты, будто онъ, вы-то значитъ, мужикамъ говорилъ: руби, говоритъ, въ мою голову! Я-ста этотъ лѣсъ вамъ купилъ. Да Царь-ста вамъ и такъ пожертвуетъ.

Черникъ закусилъ губы и ходилъ по комнатѣ.

— А что, спросилъ онъ вдругъ:—онъ это при свидѣтеляхъ говорилъ?

— Да, можетъ ихъ тутъ человѣкъ двадцать было.

— Именъ ты не знаешь?

— Запамятовалъ. Ѳедька знаетъ.

— Хорошо. Пришли его завтра въ контору. Только не ко мнѣ, а къ Богданъ Иванычу, понимаешь? Вообще ты моего имени имъ не называй. Я только съ тобой и говорю прямо, потому что на тебя полагаюсь. Ну, теперь пока прощай.

Между тѣмъ, въ другой комнатѣ происходила такого рода сцена. Богданъ Иванычъ усѣлся къ столу и усадилъ своего гостя, который имѣлъ видъ, замирающій отъ пріятнаго нетерпѣнія.

— Ну, нѣтъ, нѣчего толковать, началъ флегматично управляющій.—Онъ нынче пріѣхалъ медвѣдемъ. Коли мы ему слово скажемъ, онъ васъ, пожалуй, прогонитъ.

— Кажется, я... заговорилъ обиженно Осипъ Степанычъ.

— Ну, да, я знаю. Я вамъ одно говорю: не для чего ему объ этой исторіи знать. Пріѣхали вы мельницу снимать—и баста!

— Оно, конечно, статья малодоходная, заговорилъ гость, прикашливая и подергиваясь на стулѣ.—При нынѣшнихъ порядкахъ эти мельницы...

— Ну, что о пустякахъ толковать. Не о мельницѣ вы пріѣхали говорить.

— Оно, конечно... предлогъ-съ.

— То-то и есть. Давайте-ка о дѣлѣ! Такъ вотъ, любезнѣйшій Осипъ Степанычъ, „хочешь любишь, хочешь нѣтъ“, а свидѣтелей у насъ набралось довольно. Увернуться ужъ вамъ никакъ... никакимъ образомъ. Къ суду, все равно, потянутъ.

Гость усмѣхнулся.

— Диковинки нѣту-съ. Дѣло привычное. Мы на этихъ судахъ... другой можетъ столько разъ не чихалъ, сколько я на этихъ судахъ бывалъ.

— Я у васъ этой чести не отнимаю. Я только съ вами, какъ съ благоразумнымъ человѣкомъ говорю. За распространеніе ложныхъ слуховъ будете отвѣчать. Вы не-

однократно въ многолюдныхъ собраніяхъ изволили разсказывать, что будто г. Черникъ крестьянскія деньги растратилъ и потому лѣсу у помѣщицы купить не можетъ; что вамъ это за достовѣрное извѣстно. Теперь я найду 20 человѣкъ свидѣтелей, которые эти ваши рѣчи подтвердятъ.

— Въ нетрезвомъ видѣ-съ.

— Это вы на судѣ-то будете показывать? Ну это, батюшка, плохо. Я думалъ, что вы что-нибудь поумнѣе.

— Я на этихъ судахъ...

— Да ладно. Я не судья; судить васъ не буду. Мое дѣло доказать, что вы и вашъ довѣритель имѣли интересъ въ распространеніи этихъ слуховъ.

— Какимъ манеромъ-съ?

Богданъ Иванычъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Давай-ка, братъ, Осипъ Степанычъ, началъ онъ вдругъ:—дѣло на чистоту. Я тебѣ давича говорилъ: винись прямо! показывай на себя. Такъ и такъ, дескать, по внушеніямъ господина Дюшена. Не могъ устоять. Самъ жертва обмана. На счетъ того, что г. Черникъ крестьянскія деньги растратилъ, самъ достовѣрно не знаю, а слышалъ-де, отъ того-же Дюшена. Вѣру въ него имѣлъ слѣпую... Ну, тамъ еще что-нибудь вверни; вранья тебѣ не занимать. Станутъ тебя судить за распространеніе ложныхъ слуховъ. И вотъ тебѣ статья (Богданъ Иванычъ раскрылъ лежавшую на столѣ книгу). Гляди: „За распространеніе ложныхъ слуховъ, хотя не имѣющихъ политической цѣли, но возбуждающихъ безпокойство въ умахъ, виновные подвергаются: аресту не свыше пятнадцати дней или денежному взысканію не свыше пятидесяти рублей“. Видѣлъ?

— Видѣлъ-съ.

— Ну, то-то вотъ и есть. Оштрафуютъ тебя, раба Божія, пятидесятью рублями. Я за тебя этотъ штрафъ внесу. И полтораста рублей тебѣ въ зубы. Понимаешь?

— Что-нибудь прибавите.

— Пятачокъ хочешь?

— Нѣтъ, что-жъ пятачокъ...

— Ну, и не толкуй. Не хочешь—съ Богомъ.

Осипъ Степанычъ повертѣлся на стулѣ.

— Я подумаю-съ.

— Ладно. Дѣло твое.

— Надняхъ зайду-съ.

— Да зайдешь-то ты, непремѣнно зайдешь. Я въ этомъ и не сомнѣваюсь. А вотъ что: если ты у меня слово пикнешь этому барину (Богданъ Иванычъ указалъ на дверь). Понимаешь?

— Зачѣмъ-же-съ.

— То-то. Говори, что мельницу пришелъ снимать — и кончено.

Легкій на поминѣ, Черникъ тутъ-же и явился.

— Ну-съ, я къ вашимъ услугамъ? Что вамъ угодно?

Осипъ Степанычъ опять вскочилъ.

— Мельницу желаю снять-съ!

И пошли толки о мельницѣ. О предъидущемъ разговорѣ ни полслова.

Проводивши гостя и оставшись съ Богданомъ Иванычемъ наединѣ, Черникъ улыбнулся.

— Далъ ему задатокъ?

— Не взялъ. Говоритъ: подумаю.

— Ну?

— Пусть его думаетъ. Сюда-же послѣ придетъ.

— Это вѣрно?

Богданъ Иванычъ кивнулъ головой. Черникъ присѣлъ на подоконникъ.

— Наконецъ-то я вздохну свободно. Просто я эти дни измучился, какъ собака. Нынче на весь вечеръ даю себѣ вакацію. Гуляю, ѣмъ простоквашу. Даже сплю на сѣновалѣ. Вели мнѣ тамъ постель приготовить.

— Ты знаешь, Корсакова здѣсь.

Черникъ встрепенулся.

— Кто?

— Анна Игнатьевна-то ваша. Дочь казацкаго полка! Нынче утромъ потребовала лошадей, уѣхала въ Орѣшки.

Андрей Михайлычъ пожалъ плечами.

— Сумасшедшая женщина.

Наступило молчаніе. Черникъ курилъ папиросу и долго смотрѣлъ на кольца разлетавшагося дыма.

— Ну, что́ твоя жена? спросилъ онъ, наконецъ.

— Ничего.

— Какой это у тебя интересный отвѣтъ: ничего!

— Да что ей дѣлается. Конечно, ничего. Пойдемъ-ка, вотъ лучше пройдемся. Мнѣ кстати посмотрѣть, дѣлаютъ-ли подсадки.

Пошли въ паркъ.

Выходя оттуда, Черникъ спросилъ:

— Когда она вернется? Ты не слыхалъ?

— Кто она?

— Анна Игнатьевна.

— О, шутъ ее знаетъ! *Она!* Говоритъ точно влюбленный.

— Почемъ ты знаешь, можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ влюбленъ.

— Да, ну...

Богданъ Иванычъ покосился на него.

— Нѣтъ, шутки въ сторону, а ты хоть бы поинтересовался, какъ идутъ у меня дѣла въ городѣ.

— Я и такъ давно жду, что ты мнѣ разскажешь. Да ты, можетъ, о любви хочешь?

— Какой тамъ къ чорту о любви. Любовь, братъ, для насъ съ тобой не сотворена. Приглашаю тебя сѣсть на этотъ стогъ, потому что я къ прогулкѣ въ собственномъ смыслѣ нынче не расположенъ.

— Надѣлала мнѣ хлопотъ эта исторія, разсказывалъ онъ, усѣвшись на сѣно; но, кажется, что она кончится благополучно. До суда дѣло едва-ли дойдетъ, а если и дойдетъ, то, во всякомъ случаѣ, пострадаю не я.

— Не ты, такъ твой карманъ, флегматично замѣтилъ Богданъ Иванычъ.

Андрей Михайлычъ усмѣхнулся.

— Падалка за все заплатитъ. Теперь слушай мой планъ. Дюшенъ, распуская про меня слухи, не умѣлъ схоронить концовъ. Первая его ошибка та, что онъ взялъ себѣ плохихъ агентовъ. Одинъ пьяница; другой плутъ, который за полтораста цѣлковыхъ выдастъ его съ руками и съ ногами. Неужели онъ не нашелъ никого, кромѣ пьянаго дьячка? Вмѣсто того, чтобы распускать слухи исподтишка, онъ проповѣдуетъ въ кабакѣ, гдѣ есть пятьдесятъ человѣкъ свидѣтелей. Разумно ли это?

— Ну, да, вѣдь, это трудно доказать, что онъ распускалъ ложные слухи.

— Какъ-такъ?

— А такъ: самъ былъ обманутъ. Онъ говоритъ, что Черникъ воръ. Хорошо. Гдѣ ты это слышалъ? На базарѣ. На базарѣ—и баста! Бабы на возу толковали.

— Такъ, мой милый; совершенно вѣрно. Но не забудь, что у насъ въ рукахъ теперь Осипъ Степанычъ. Если онъ покажетъ, что былъ агентомъ Дюшена и дѣйствовалъ по его наущенію, то, понимаешь... по совокупности обстоятельствъ... Кромѣ того, пойми ты, что для насъ важно не обвиненіе. Если даже законныхъ доказательствъ не хватитъ, что изъ этого!...

Богданъ Иванычъ тяжело вздохнулъ.

— Ты говоришь, ничего, если судъ его оправдаетъ?

— Да, я говорю: ничего.

— Ну, а если онъ тебя привлечетъ къ отвѣтственности за клевету?

— Кто? Дюшенъ?

— Да. Ты его обвинялъ; обвиненіе не доказано. Стало быть, это была клевета.

Черникъ улыбнулся.

— Кто тебѣ сказалъ, что я думаю выступать обвинителемъ. У насъ есть полиція. Она и возбудитъ слѣдствіе.

— Какое дѣло полиціи до этого?

— Усмотрѣвши гдѣ-нибудь преступное дѣйствіе, она обязана возбуждать о немъ слѣдствіе. Положимъ, она тутъ, своею особой, и не усмотрѣла бы его. Но если предположить, что она получитъ секретное предписаніе отъ губернатора... то мгновенно прозрѣетъ и подниметъ дѣло о распространеніи ложныхъ слуховъ.

Богданъ Иванычъ объявилъ, что онъ не совсѣмъ понимаетъ это.

— А между тѣмъ, это очень просто. Начальникъ губерніи пожелалъ, чтобы такого-то числа въ такомъ-то мѣстѣ, было усмотрѣно полиціей преступное дѣяніе; ну, полиція и усмотритъ. На основаніи народнаго говора открыла, дескать, что нѣкій злоумышленникъ распускалъ ложные слухи, дабы взбунтовать крестьянъ и тѣмъ нарушить общественное спокойствіе. Затѣмъ приглашаютъ слѣдователя, наводятъ справки, собираютъ показанія. Наконецъ, добираются до Осипа Степаныча, выслушиваютъ его чистосердечное признаніе—и обвиненіе готово.

Богданъ Иванычъ поглядѣлъ на своего пріятеля.

— Да, подумаешь, какъ это просто, началъ онъ.— Ты прикажешь губернатору, а губернаторъ прикажетъ полиціи...

— Въ губернаторѣ намъ съ тобой сомнѣваться нечего. Онъ прикажетъ все то, что́ только мы съ тобой пожелаемъ.

— Ой?

— Ты знаешь, что мое кредитное общество было у него въ рукахъ. Онъ могъ дать знать въ министерство, что крестьяне оказались неблагонадежны — и я обращенъ въ прахъ. Разрѣшенія тамъ не дадутъ. Тогда мнѣ оставалось уложить свои идеи въ чемоданъ и отправляться съ ними въ другое мѣсто. Но теперь все устраивается. Его превосходительство самъ еще мнѣ поможетъ.

— Ну, дай ему Богъ здоровья.

— Ты помнишь, первою моею мыслью было удалить отсюда Лёвку. Я думалъ: дѣло разыграется, начнется слѣдствіе,

и если его найдутъ тутъ—все пропало. Меня бы непремѣнно обвинили въ томъ, что я пріютилъ у себя демагога и что я его сообщникъ. Но вопросъ въ томъ, какъ удалить его? Ты, вѣдь, долженъ знать, что это дьявольски самолюбивый человѣкъ. Сказать ему прямо: уѣзжайте, потому что ваше присутствіе для меня стѣснительно—онъ бы поклялся меня отравить, стереть съ лица земли, и ужъ, конечно, остался бы на зло мнѣ. Вообще это личность очень опасная, если какънибудь неосторожно задѣть ее, и съ другой стороны очень безопасная, если умѣть съ нею ладить. Лёвка и я, мы послѣднее время были друзьями. Ну, да это, впрочемъ, тебѣ извѣстно. Итакъ, я его призываю и говорю ему, что вотъ по такимъ-то и такимъ-то обстоятельствамъ ваше присутствіе здѣсь небезопасно. Васъ какъ разъ запутаютъ въ это дѣло. Судите, говорю, сами, на сколько вамъ будетъ пріятно попасть подъ арестъ и пр. Поставилъ я ему на видъ, что гораздо пріятнѣе кончить карьеру заграницей, чѣмъ гдѣ-нибудь въ острогѣ. Между прочимъ, показалъ, что ему теперь представляется отличный случай: одинъ изъ моихъ знакомыхъ ѣдетъ заграницу и имѣетъ надобность въ домашнемъ секретарѣ. А такъ какъ, говорю, онъ человѣкъ безпутный, безъ всякихъ собственныхъ убѣжденій, то вамъ легко будетъ завладѣть имъ. Везите его въ Бельгію (онъ кстати и самъ туда собирается) и устраивайте съ нимъ тамъ артели, открывайте пропаганду... Ну, Лёвка, разумѣется, согласился не сразу, однако согласился. Я кстати попросилъ его письмо отвезти этому господину... оказать мнѣ услугу.

— Да кто такое этотъ баринъ-то?

— Ты его не знаешь. Нѣкто графъ Маевскій. Малый

дѣйствительно безпутный: нынче съ француженками возится, завтра республиканецъ, клянется умереть на баррикадахъ, ну, и т. д. Дать ему Лёвку въ домашніе секретари, значитъ, обоихъ ихъ осчастливить. Но я, впрочемъ, Лёвку не желалъ бы терять изъ виду. Теперь меня необходимость заставила удалить его; но я буду за нимъ слѣдить.

— Нашелъ сокровище. Я бы его подъ присмотръ полиціи отдалъ.

— Да, ну это другой вопросъ. Теперь слушай дальше. Демагогъ удаленъ. Съ этой стороны я спокоенъ. Второе, что́ меня значительно облегчаетъ, это то, что Дюшенъ сдѣлалъ непростительную глупость. Онъ не удостовѣрился хорошенько, куда я дѣлъ крестьянскія деньги. Распуская слухъ, что я ихъ утаилъ, онъ не сообразилъ, что денегъ этихъ у меня не было, да и нѣтъ. Интересно будетъ, когда окажется, что они лежатъ себѣ спокойно въ городскомъ банкѣ, откуда могутъ быть мнѣ выданы не иначе, какъ за подписью старосты и старшины. Пріѣхалъ я въ городъ. Прежде всего, разумѣется, сдѣлали на меня набѣгъ барыни. Ирина Александровна, эта рѣдкость прошлаго столѣтія, должно быть, въ свое время была дипломатъ. Вижу я, что ихъ образовался тріумвиратъ: она, Анна Игнатьевна и Дюшенъ. И, верхъ наивности, они увѣрены, что я ничего не подозрѣваю. Старуха предлагаетъ мнѣ быть ея повѣреннымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проговаривается на каждомъ шагу, что не вѣритъ мнѣ на грошъ мѣдный. Затѣмъ, однимъ изъ моихъ первыхъ визитовъ былъ, разумѣется, визитъ къ предводителю. Не принимаютъ. Барина нѣтъ дома. Являюсь другой разъ — опять не принимаютъ. Наконецъ, доходятъ до меня слухи, что Геннадій Николаевичъ про-

клялъ меня на всѣхъ вселенскихъ соборахъ. Слышу я, что изъ прекраснаго молодого человѣка сдѣлался я у него негодяемъ или чѣмъ-то въ родѣ этого. Немного нужно было сообразительности, чтобы понять, въ чемъ дѣло. Прекрасно! Это развязало мнѣ руки. Дюшенъ, видимо, похлопоталъ обо мнѣ. Надо было заплатить за хлопоты. Я отправляюсь къ губернатору. Къ удивленію моему, меня тамъ еще не предупредили. Его превосходительство ничего не знаетъ. На этой дѣвственной почвѣ тѣмъ легче мнѣ было насадить какія угодно сѣмена. Къ сожалѣнію своему, я долженъ сознаться, что это были сѣмена раздора. Какихъ-нибудь двухъ, двухъ съ половиною часовъ мнѣ достаточно было, чтобы убѣдить его превосходительство въ существованіи заговора, который, увы! не существуетъ. Я увѣрилъ его превосходительство, то-есть, не увѣрилъ, а тонкими намеками далъ понять, что Дюшенъ строилъ козни совсѣмъ не мнѣ. Что онъ интриговалъ даже не столько по своему желанію, сколько по приказанію своего покровителя, то-есть, Геннадія Николаевича. Ну, словомъ, тамъ какъ-то вышло такъ, что посягаютъ на чистоту губернаторскаго имени, чуть-ли не на жизнь его злоумышляютъ.

Черникъ остановился. Богданъ Иванычъ поднялъ голову и спросилъ:

— Что-жъ изъ этого выйдетъ?

— А ничего, отвѣтилъ Черникъ, приподнимаясь и стряхивая съ себя сѣно.

— Какъ это такъ ничего?

— А такъ, очень просто.

— Это, однако, довольно странно: *ничего!*

— А! Тебѣ это не нравится. Вѣдь, это-же твой любимый отвѣтъ.

— У меня онъ природный, невозмутимо замѣтилъ Богданъ Иванычъ.

— Да, вотъ оно чтó. Такъ ты не понимаешь, что изъ этого выйдетъ? А между тѣмъ, мнѣ кажется, тебѣ должно бы быть ясно, чего я хотѣлъ. Во-первыхъ, я тебѣ уже говорилъ, что гнѣвъ губернатора былъ бы равносиленъ моей погибели. Который разъ мнѣ приходится повторять, что суда я боялся не для себя, а для своего общества...

— Да это я понимаю...

— Вторая моя цѣль—это, какъ я давича тебѣ замѣтилъ, та, что искъ къ Дюшену начинается не черезъ меня, а черезъ полицію. Ты понимаешь, что мнѣ нужно сохранить чистоту своего имени не меньше, можетъ быть, чѣмъ губернатору. Я всѣ эти дрязги долженъ обходить. Почему-же я и просилъ тебя производить всѣ эти допросы отъ себя, ни разу не припутывая моей фамиліи?

— Такъ у тебя двѣ цѣли было, размышлялъ Богданъ Иванычъ.—Можетъ, не было-ли еще третьей?

— Она вытекаетъ сама собой, какъ неизбѣжный результатъ. Вмѣсто процесса моего съ Дюшеномъ, будетъ сраженіе губернатора съ предводителемъ. Это гораздо грандіознѣе и отвлекаетъ вниманіе публики. Я остаюсь въ тѣни; у меня больше свободнаго времени, которое мнѣ очень дорого.

Богданъ Иванычъ помолчалъ.

— Давно я тебя хотѣлъ спросить, началъ онъ:—зачѣмъ ты послалъ уставъ какого-то кредитнаго общества?

Отчего тебѣ прямо не просить разрѣшенія на товарищество для выдѣлки и обработки льна.

— А видишь-ли, въ чемъ штука: во-первыхъ, намъ теперь кредитъ нужнѣе и уставъ его выработать гораздо легче; составлять промышленное общество хорошо съ просвѣщенною націей, а поди-ка съ моими мужиками... Я еще не знаю, въ какую сторону мы пойдемъ. Это разъ. Второе, мы начнемъ не прямо съ акціонерной компаніи, а съ простѣйшаго вида ея, то-есть, съ артели. Наконецъ, могу еще тебя утѣшить тѣмъ, что въ нашемъ кредитномъ обществѣ есть частичка и промышленнаго. Одна статья гласитъ, что ссуды даются подъ залогъ товаровъ. Эта статья развязываетъ мнѣ руки. Подъ видомъ ссуды, контора прямо будетъ скупать у мужиковъ ленъ, который они обыкновенно продаютъ за полцѣны, потому что ему предстоитъ еще потомъ пройти черезъ десять рукъ. Мы всѣ эти инстанціи устранимъ.

На дворъ въ эту минуту въѣхалъ шарабанъ. Анна соскочила, отдала какія-то приказанія и отправилась въ домъ.

Лошадь шагомъ, лѣниво помахивая головой, проѣхала мимо Черника. Онъ закурилъ папиросу и пошелъ въ садъ.

VI.

Луны нѣтъ, а ночь, тѣмъ не менѣе, свѣтлая. Заря еще не совсѣмъ потухла. Воздухъ свѣжій, но нѣсколько раздражающій отъ крѣпкихъ весеннихъ ароматовъ. На полянкѣ передъ террасой легла прозрачная полутѣнь. Листья

тополей выдѣлялись, какъ сквозь дымку. Окошки въ домѣ, особенно во второмъ этажѣ, отливали какою-то синевой. Изъ кустовъ уже отцвѣтшей сирени пахло сыростью. Изрѣдка пробѣгала нивѣсть откуда налетѣвшая теплая струйка. Черникъ, повидимому, спать не хотѣлъ. Онъ прошелъ сначала по главной аллеѣ вплоть до самаго конца сада, заглянулъ черезъ рѣшетку въ поле, гдѣ все серебрилось тѣмъ-же непонятнымъ свѣтомъ, потомъ вернулся назадъ. Повернувши на боковую дорожку, чинно усаженную тополями, онъ посмотрѣлъ на окошки стараго дома: въ одномъ изъ нихъ мелькнула свѣчка. Онъ остановился. На свѣтломъ фонѣ занавѣски скользнула тѣнь, и пропала. Свѣча продолжала горѣть, но тѣнь больше не показывалась. По соображеніямъ Андрея Михайловича, это должно быть окно библіотеки или смежной съ нею комнаты. Минутъ пять спустя, огонекъ заколыхался, двинулся, сверкнулъ въ двухъ окошкахъ и, затѣмъ, исчезъ. Еще пять минутъ— и онъ блеснулъ уже совсѣмъ на другомъ концѣ: въ стеклянныхъ дверяхъ, которыя выходили на террасу. Одна изъ нихъ неслышно отворилась, и на порогѣ показалась Анна Игнатьевна. Въ одной рукѣ у нея была свѣчка, въ другой тарелка. Она кликнула какую-то Кору, очевидно, собаку, но Кора не являлась. Тогда она замолкла и съ выраженіемъ нѣкоторой усталости поставила на балюстраду тарелку, не опуская свѣчки, которая обливала свѣтомъ ея лицо и выдѣляла ея фигуру изъ полумрака. Судя по тому, что волосы у нея были совершенно распущены, а бѣлый капотъ небрежно застегнутъ, видно было, что она собиралась спать.

Вдругъ она вздрогнула, увидавши мужскую фигуру,

направлявшуюся прямо къ ней. Хотя ночь была и свѣтлая, но свѣчка мѣшала ей различить ясно черты. Она ждала въ нѣкоторомъ недоумѣніи. О присутствіи Черника она и не подозрѣвала.

— Я, кажется, испугалъ васъ, сказалъ онъ, подходя къ террасѣ.

Она быстро, какъ ужаленная, поставила свѣчку и отступила на нѣсколько шаговъ.

— Я думалъ, что вы, можетъ быть, не откажетесь поговорить со мной минутъ десять.

— Извините, отвѣтила она холодно:—вы меня застали въ такомъ видѣ (тутъ она поспѣшно откинула назадъ свои волосы). Я никакъ не ожидала теперь встрѣтить кого-нибудь. Я сейчасъ къ вашимъ услугамъ. Двѣ минуты, чтобы привести въ порядокъ свой туалетъ!

Анна Игнатьевна скользнула въ дверь, даже не захвативши съ собой свѣчки, которая мерцала на балюстрадѣ.

Черникъ игралъ фуражкой и ждалъ, пока она не показалась на террасѣ вторично. На плечи брошена легкая накидка, косы заплетены и подобраны — вотъ и вся перемѣна. На лицѣ выраженіе той-же леденящей холодности.

— Вы имѣете что-нибудь сообщить мнѣ?

— Вы ѣздили нынче въ Орѣшки? спросилъ онъ, вмѣсто отвѣта.

— Да, я отыскивала брата, но, къ сожалѣнію, не нашла его.

— Вашъ братъ въ Петербургѣ.

Она знала это лучше его. Лёвка былъ только пред-

логомъ, чтобы съѣздить въ Орѣшки, гдѣ она собирала нѣкоторыя справки.

— Я думала, что вы въ городѣ, замѣтила Анна.

— Насъ привела сюда съ вами одна причина.

— Въ самомъ дѣлѣ! Какъ вы знаете, что́ меня привело сюда?

— Знаю, Анна Игнатьевна. И пришелъ вотъ сказать вамъ, что вы помогаете негодяю. (Змѣйкой сверкнулъ ея взглядъ). Конечно, причиной этому недоразумѣніе, и я... считаю своею обязанностью разъяснить его. Мнѣ слѣдовало, пожалуй, сдѣлать это раньше, но я не зналъ, во-первыхъ, что встрѣчу въ васъ такого жестокаго врага, а потомъ у меня были какъ-то подозрѣнія, что вамъ все извѣстно. Послѣ я откинулъ эту мысль, какъ ни съ чѣмъ несообразную. Я слишкомъ уважаю васъ, чтобы допустить это. Вы, конечно, не подозрѣваете, какую роль играетъ Дюшенъ въ этой исторіи...

Она молчала, но по ея удивленно-вопросительнымъ взглядамъ видно было, что она не понимаетъ его.

— Я знаю, продолжалъ онъ:—вы обвиняете во всемъ меня. Но, Анна Игнатьевна, прежде чѣмъ принять чью-нибудь сторону, надо узнать, гдѣ правый, гдѣ виноватый. Кидать въ человѣка грязью потому только, что онъ имѣлъ несчастіе попасть въ немилость, недостойно честной женщины. Еслибы я могъ быть увѣренъ, что вы знали, на чьей сторонѣ правда и, все-таки, протянули руку моему противнику, я, конечно, не былъ бы въ настоящую минуту здѣсь и не позволилъ бы себѣ заговорить съ вами. Я понялъ бы тогда, что, кромѣ ненависти, вы не слушаете никакого чувства. Но теперь у меня являются сомнѣнія. Я

начинаю вѣрить тому, что вы дѣйствительно не знаете, въ чемъ дѣло. Къ тому-же, прибавилъ онъ помолчавъ:—откуда у васъ могла явиться ко мнѣ такая глубокая ненависть?

— Дѣйствительно, это было бы странно, замѣтила она холодно.—Ни глубокой и никакой вообще ненависти я къ вамъ не чувствую.

— Въ такомъ случаѣ вы даете мнѣ право объясниться. Не присядете-ли вы? Я боюсь утомить васъ разговорами.

Анна, вмѣсто отвѣта, сѣла на ступеньки.

— Начинается исторія съ того, что я хотѣлъ купить у Ирины Александровны лѣсъ. Вы это помните, конечно. Покупалъ я его не для себя. Я имѣлъ глупость покупать его для общества.

— Я васъ не понимаю.

— Знаете-ли вы, что́ такое крестьянское общество? Кромѣ гвалту и безобразія, я въ этомъ обществѣ ничего не видалъ, какъ и во многихъ другихъ, впрочемъ. Я, однако, теперь раздраженъ, и потому, можетъ быть, выражаюсь рѣзко. Я связался съ этимъ крестьянскимъ обществомъ, да связанъ съ нимъ и теперь, вслѣдствіе разныхъ соображеній, къ дѣлу неидущихъ. Между прочимъ, случился такой казусъ. Мужики мои, какъ только получили отъ помѣщика надѣлъ, такъ первымъ долгомъ начали съ того, что вырубили весь свой лѣсъ до послѣдней хворостинки. Пришла зима—топить нечѣмъ. Что дѣлать? А между тѣмъ, надо вамъ замѣтить, они давно имѣли претензію на ту самую лѣсную дачу Ирины Александровны, о которой вы имѣли удовольствіе такъ много слышать. Какой-то артистъ увѣрилъ ихъ, что эта дача ихъ неотъемлемая соб-

ственность. Ну, и баста! Собственность — да и все тутъ! Мужики бунтуютъ. Ихъ одно время исправникъ перепоролъ даже. Успокоились. „А лѣсъ, все-таки, нашъ!“ Нынѣшній годъ я имѣлъ несчастную мысль предложить имъ слѣдующее: сложиться всѣмъ и на общій мірской капиталъ купить эту дачу. Тутъ-же несчастная звѣзда столкнула меня и съ Дюшеномъ. Случилось какъ разъ, что онъ желалъ пріобрѣсти именно этотъ лѣсъ и потомъ, съ небольшимъ процентомъ разумѣется, сто на сто, продавать его по частямъ этимъ же самымъ мужикамъ. Я, каюсь, призвалъ старшину, да кое-кого изъ стариковъ, поумнѣе, и припугнулъ ихъ, что вотъ, молъ, коли вы будете дремать, лѣсъ у васъ купятъ подъ носомъ, и тогда будетъ поздно. Что́-жъ вы думаете: черезъ двѣ недѣли деньги собрали. Прекрасно! Начинается мое состязаніе съ Дюшеномъ и, благодаря разнымъ недоразумѣніямъ, благодаря вамъ отчасти (онъ поклонился), продолжается всю зиму, да и посю пору не кончено.

Анна сидѣла низко нагнувшись и ударяла себя по платью хлыстикомъ, сорваннымъ ею у террасы. Онъ продолжалъ свою исторію, и чѣмъ дальше подвигалась она, тѣмъ ярче освѣщалась передъ Анной Игнатьевной личность ея сподвижника Дюшена. Она узнала, какъ, пользуясь удобною минутой, онъ заронилъ искру куда слѣдуетъ; какъ, раздразивши мужиковъ слухомъ о томъ, что лѣсъ проданъ другому, онъ толкнулъ ихъ на порубку этого лѣса, который они считали уже своею собственностью. Далѣе, черезъ своихъ же агентовъ, онъ старался поселить убѣжденіе, что Черникъ, собравши деньги съ довѣрчивыхъ крестьянъ, растратилъ ихъ и никогда никакой покупки дѣлать для

общества не думалъ. Наконецъ, какъ послѣднее coup de main этого художественнаго произведенія, въ сосѣдней деревнѣ былъ распущенъ слухъ, что мужиковъ бунтовалъ самъ Черникъ....

Наконецъ, на лицѣ ея отразилось нѣкоторое волненіе. Она поняла, что если кто былъ тутъ обманутъ, такъ это прежде всего она.

— Я предупредилъ васъ, продолжалъ Черникъ: — потому что Дюшенъ теперь, болѣе или менѣе, въ моихъ рукахъ. Дѣло можетъ кончиться для него довольно грустно, а такъ какъ вы помогали ему, то мнѣ не хотѣлось бы, чтобы онъ запуталъ васъ.

— Откуда вы знаете, что я помогала ему?

— Анна Игнатьевна, я, къ сожалѣнію, прожилъ на свѣтѣ тридцать слишкомъ лѣтъ. Если класть на каждый годъ по одному щелчку, то вотъ уже тридцать щелчковъ, а повѣрьте, что каждый изъ нихъ оставляетъ свои слѣды.

— Впрочемъ, это правда! начала вдругъ Анна, поднимая свои, теперь сильно блестѣвшіе, глаза. — Я не хочу отказываться. Я, дѣйствительно, помогала Дюшену.

— Онъ сказалъ вамъ, что я негодяй, и вы были такъ снисходительны, что ни одной минуты не сомнѣвались въ этомъ!

Она отвернулась и ничего не отвѣтила.

— Вѣрите-ли вы мнѣ, по крайней-мѣрѣ, теперь, что исторія, которую я разсказалъ вамъ, есть истинная правда, а не выдумка моя? Или вы и теперь, какъ и прежде, не вѣрите ничему, что я говорю вамъ? (Она молчала). Вы скажете, что мнѣ слѣдовало объясниться раньше; но спросите прежде, могъ-ли я объясниться. Такого-ли рода мое

дѣло, чтобы о немъ можно было разсказывать, не разыгрывая дурака? Вы можете сказать, что я былъ вамъ гадокъ, отвратителенъ, но вы не скажете никогда, что я былъ смѣшонъ. А еслибы я сталъ вамъ проповѣдывать свои идеи, развивать передъ вами свои планы, вы на другой день хохотали бы надо мной до истерики. Увы! мнѣ не выпало даже счастья быть послѣдователемъ идеи, которая хотя и преслѣдуется, но за то тѣмъ выше стоитъ на пьедесталѣ! И мнѣ кажется, что еслибы я затѣялъ революцію, я скорѣе бы нашелъ себя помощниковъ, чѣмъ теперь.

Анна съ удивленіемъ слушала его. Онъ рѣдко говорилъ съ нею о себѣ, и никогда о своихъ планахъ.

— Знаете-ли, продолжалъ онъ:—я съ женщинами не бываю откровененъ, да и не считаю это нужнымъ. Первый разъ въ жизни я дѣлаю исключеніе. Я знаю, что вы меня поймете. Вы съ вашими силами могли бы сдѣлать многое, но вы съ какимъ-то наслажденіемъ убиваете ихъ на пустяки.

— Я это знаю и безъ васъ.

— Да? Вы сознаете это?

— Я сознаю это съ тѣхъ поръ, какъ стала себя помнить. Но что изъ этого! Продолжайте, пожалуйста. Я васъ слушаю. Вы, кажется, говорили что-то такое о революціи?

— Да, я хотѣлъ сказать, что не вѣрю въ нее, какъ не вѣрю и во все то, что слишкомъ блеститъ. Потому что блескъ, вотъ видите-ли, это та-же театральная декорація, доступная только для избранныхъ. И какъ всякое эффектное представленіе, она требуетъ слишкомъ много статистовъ,

актёровъ безъ рѣчей! Вотъ ихъ-то я и желалъ бы спросить, что́ они думаютъ насчетъ этихъ фейерверковъ!

Анна улыбнулась.

— Всякій фейерверкъ хорошъ, если только онъ удался.

— Вы думаете?

— Я въ этомъ увѣрена. И если можно участвовать въ эффектномъ представленіи, то я не понимаю, зачѣмъ-же отказываться? Эффекты—это лучшее, что́ даетъ намъ жизнь.

— Кому-же это *намъ?*

— Ахъ, Боже мой! ну, мнѣ и вамъ.

— А! *мнѣ и вамъ.* Такъ. Но кто-же сомнѣвался въ томъ, что мы съ вами имѣемъ возможность выдвинуться впередъ и занять если не лучшее, то одно изъ лучшихъ мѣстъ? Неужели вы думаете, что это такъ трудно? Но вопросъ въ томъ, что́ будетъ съ тою декораціей, которая вамъ понадобится? Вы никогда не спрашивали себя, какъ *она* относится къ этимъ эффектамъ.

— Я не понимаю, что́ вы хотите сказать. Что́ вы называете декораціей?

— Я вамъ попробую сейчасъ объяснить это. Возьмемъ, для примѣра, хоть тѣ представленія, которыя даются намъ гдѣ-нибудь въ сенатѣ или въ законодательномъ корпусѣ (я, видите-ли, беру западную Европу, потому что отечество намъ такихъ примѣровъ не даетъ). На чей счетъ прогуливаются всѣ эти ораторы, дипломаты, демагоги? Все на счетъ декораціи, то-есть, насчетъ меньшей братіи своей. Они даютъ ей мудрые законы, даютъ конституцію, свободную торговлю, свободную печать, свободную совѣсть... Кажется, декорація должна бы быть счастлива. А подите-ка, спросите ее. Она даже не знаетъ, какая у нея совѣсть: свободная или не свобод-

ная. И какъ вы хотите, чтобы у меня сердце замирало отъ удовольствія при мысли, что печать свободна, когда вчера еще шли только разсужденія о томъ, нужно мнѣ учиться грамотѣ или не нужно... Свободная совѣсть нужна вамъ, господа депутаты—прекрасно! требуйте ее, но требуйте отъ своего имени. Оставьте декорацію въ покоѣ. И посмотрите, какъ много величія потеряетъ тогда зрѣлище, если за этими представителями не будетъ стоять масса!..

Анна слушала его съ видомъ утомленія, изрѣдка вставляя какое-нибудь замѣчаніе. На этотъ разъ она только спросила:

— Что́-же вы предлагаете съ своей стороны?

— Я? Я предлагаю очень радикальное средство. Взять этихъ господъ депутатовъ, сколько ихъ тамъ ни на есть, двѣсти такъ двѣсти, шестьсотъ такъ шестьсотъ, и, оставивши десятую часть, остальныхъ разогнать изъ собранія. Это первое. Чтобы всѣ эти фракціи, лѣвые, правые центры, со всѣми ихъ адресами, программами, самообольщеніями канули въ вѣчность. Затѣмъ, отослать ихъ въ провинцію и разселить по деревнямъ. Пусть каждый въ своемъ уголкѣ прилагаетъ свое знаніе и научитъ мѣньшую братію распоряжаться такъ, чтобы трудъ ея, вмѣсто двухъ процентовъ, приносилъ десять! Само собою разумѣется, что они не будутъ обучать ее конституціи. Вы читали Лассаля? спросилъ онъ ее неожиданно.

— Недавно.

— Вотъ онъ хорошо о конституціи говоритъ. Онъ прямо, съ смѣлостью, на которую способны теперь немногіе, называетъ ее клочкомъ бѣлой бумаги, исписанной буквами, причемъ каждая изъ этихъ буквъ въ отдѣльности какъ будто имѣетъ смыслъ, но всѣ вмѣстѣ ровно ничего не зна-

чатъ. Конституція для голоднаго, безграмотнаго (а если и грамотнаго, то, тѣмъ не менѣе, вполнѣ невѣжественнаго) народа—это рѣшительно все равно, что горчица безъ говядины. Даже, я думаю, что она имѣетъ меньше смысла, чѣмъ горчица. Я вамъ не надоѣлъ однакожъ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я слушаю васъ съ большимъ удовольствіемъ. Мнѣ хочется знать, къ чему вы придете?

— Я знаю, вы думаете теперь: зачѣмъ этотъ баринъ заговорилъ о Лассалѣ? Что имѣетъ общаго Лассаль съ его планами? (Вы помните, вѣдь я вамъ хотѣлъ разсказать о своихъ планахъ). Много, Анна Игнатьевна. И хотя, кажется, отъ какихъ-то жалкихъ артелей, отъ зарождающагося кредитнаго общества до пропаганды Лассаля, какъ до звѣзды небесной, далеко, а между тѣмъ, взгляните пристальнѣе: въ основѣ лежитъ одна мысль. Я не проповѣдую ничего новаго, я провожу ту-же идею, только измѣнивши ее нѣсколько въ формѣ, въ подробностяхъ. (Впрочемъ, какъ кто-то очень вѣрно замѣтилъ, toute idée est neuve tant qu'elle n'a pas triomphé!) Помните вы главное положеніе Лассаля? онъ отрицаетъ, какъ невозможную, всякую мысль о самопомощи, всѣ попытки въ этомъ родѣ онъ называетъ безполезными. И вотъ въ чемъ онъ глубоко правъ! Вотъ въ чемъ я его слѣпой послѣдователь. Въ самомъ дѣлѣ, скажите мнѣ, неужели, если вамъ нужно сдвинуть съ мѣста стулъ, вы будете дожидаться, чтобы онъ подвинулся самъ? или станете просить его, чтобы онъ подвинулся? Нѣтъ, вы возьмете и подвините его. Теперь народъ положительно играетъ у насъ роль этого стула. Мы усерднѣйшимъ образомъ, черезъ всѣ земскія собранія, просимъ его подвинуться. Сами-же не пошевельнемъ пальцемъ. Кого мы даемъ ему

въ учителя? бо́льшею частью еще отставныхъ солдатъ и дьячковъ. Наконецъ, патентованныхъ наставниковъ, положимъ, вполнѣ пригодныхъ для преподаванія, положимъ даже, что они семи пядей во лбу; но если вспомнить, что они получаютъ 200 руб. жалованья и круглый годъ только смотрятъ, какъ бы сбѣжать съ своего мѣста, и въ концѣ-концовъ дѣйствительно сбѣгаютъ, то скажите, много ли выиграетъ отъ этого ихъ паства? Будетъ-ли стулъ подвинутъ?

— Мнѣ хотѣлось бы, все-таки, знать, остановила его Анна: — что́-же вы предлагаете?

— Анна Игнатьевна, я предлагаю забрать всѣхъ болтуновъ, всю эту соль земли, которая обучалась въ университетахъ и въ высшихъ храмахъ наукъ, и разослать ихъ точно такъ-же, какъ воображаемыхъ депутатовъ законодательнаго корпуса, по всѣмъ уѣздамъ до самыхъ отдаленныхъ; въ отдаленные-то еще, пожалуй, преимущественно.

— Ну, и потомъ?

— Ну, и заставить ихъ тамъ работать, строго-настрого запретивши предварительно разговаривать о конституціи. Вы хотите, чтобы на мѣстѣ грубаго народа былъ народъ цивилизованный. Поработайте надъ нимъ, но не изъ столицы, не съ конституціей въ рукахъ. Конституція ваша — это роскошь, это приправа къ блюду, которое еще не существуетъ. Вы понимаете, что подъ словомъ конституція я подразумѣваю всѣ эти хорошія вещи, которыя нужны намъ съ вами, но рѣшительно не нужны нашей декораціи. Всѣ эти отвлеченные вопросы о свободѣ духа, о свободѣ личности (мы забываемъ, что личность не можетъ быть свободна, пока она не увѣрена, будетъ-ли ей завтра что ѣсть), о нѣмецкой педагогикѣ... Я согласенъ, что разсуждать о

конституціи гораздо легче, чѣмъ пойти, напримѣръ, и научить мужика чему-нибудь путному... Я согласенъ, что гораздо проще сказать на юбилеѣ блестящую рѣчь о великомъ союзѣ братьевъ славянъ, чѣмъ пойти и убѣдить хоть одного славянина въ томъ, что вотъ у него болотъ много, въ этихъ болотахъ торфъ лежитъ, а изъ торфянаго угля вышло бы для него отличное удобреніе.

Анна засмѣялась.

— Боже мой, кто бы могъ подумать, что вы такъ много отрицаете! даже рѣчи на юбилеяхъ. Ужъ вѣрите-ли вы въ искусство? спросила она какъ бы съ испугомъ.

— Я отрицаю только то, Анна Игнатьевна, отвѣтилъ онъ рѣзко:— что надѣваетъ на себя маску дѣльности, великой важности для человѣчества. Ежели человѣкъ ѣдетъ на балъ или въ оперу, то онъ такъ и знаетъ, что ѣдетъ въ оперу, больше ничего, и гордиться этимъ не имѣетъ никакого основанія. Но ежели онъ сказалъ гдѣ-нибудь рѣчь о сліяніи или прослушалъ лекцію о педагогикѣ, то, вѣдь, онъ считаетъ, что дѣло сдѣлалъ. Вотъ что обидно! Онъ считаетъ свои обязанности, нѣкоторымъ образомъ, исполненными, и послѣ того, подите-ка, пригласите его взяться за работу, какъ слѣдуетъ, онъ подумаетъ, что вы смѣетесь надъ нимъ.

— Стало быть, ваше предложеніе неосуществимо.

— Къ несчастію, да, но, по крайней-мѣрѣ, мнѣ есть одно утѣшеніе, что я самъ, я лично приложу свою мысль къ дѣлу. Лассаль не имѣлъ и этого утѣшенія.

— Мнѣ помнится, однако, что онъ требовалъ помощи отъ государства.

— Да, и не былъ никогда услышанъ. Онъ поднялъ

цѣлую бурю, но буря эта дальше поверхности не пошла, потому что... время еще не настало. Первыя попытки всегда такъ кончаются. Но за первою послѣдуетъ вторая, за второю третья...

— Однако, настаивала Анна: — Лассаль требовалъ помощи отъ государства. Вы ея не требуете. Въ чемъ-же вы называете себя его послѣдователемъ?

— Я уже сказалъ вамъ, что разница не въ самой мысли, а только въ приложеніи. Лассаль думаетъ, что помощь государства нужна въ видѣ капиталовъ. Я думаю, что она нужна въ видѣ знанія, или, вѣрнѣе, знающихъ людей. Это тотъ-же капиталъ, только въ другой формѣ...

— Да, но это неосуществимо. Гдѣ вы найдете такихъ самоотверженныхъ, которыя бросятъ свою карьеру и прибѣгутъ къ вамъ въ деревню?..

— А гдѣ вы найдете такихъ, которые выпустили бы изъ рукъ разъ попавшій къ нимъ капиталъ? Къ сожалѣнію, предложеніе Лассаля такъ-же мало осуществимо. Какъ въ той, такъ и въ другой формѣ... ему, все равно, суждено провалиться, теперь, по крайней мѣрѣ.

— Такъ что-же за цѣль останавливаться надъ нимъ? Если оно намъ теперь не нужно, то оставимъ его для будущихъ поколѣній.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ на это вотъ что. Сначала былъ на землѣ только одинъ человѣкъ, который вѣрилъ, что мы ходимъ кругомъ солнца, а не солнце кругомъ насъ. Теперь ужъ такой человѣкъ не одинъ, ихъ даже не одинъ милліонъ...

— Я догадываюсь, что́ вы хотите сказать. Теперь

Лассаль одинъ, а въ будущемъ столѣтіи, можетъ быть, каждый изъ насъ будетъ немножко Лассаль?

— Я хочу устроить скромное промышленное общество, самымъ скромнымъ образомъ научить крестьянъ, что вмѣсто отвратительнаго льна можно сѣять хорошій, что даже это, къ удивленію, будетъ гораздо выгоднѣе; что организовавши мало-мальски правильный кредитъ, можно не терять десять процентовъ при покупкѣ матеріала и двадцать при продажѣ товара; что дѣйствовать сообща много удобнѣе, чѣмъ въ разбродъ; что сытое брюхо къ ученью не такъ глухо, какъ голодное, и наконецъ, что одной грамоты мало, ибо она еще ничему путному не научитъ. Все это я надѣюсь доказать, и если мнѣ это удастся, то я буду считать свою земную карьеру вполнѣ законченною. Вы скажете, что это еще очень немного и что не стоило изъ-за этого тревожить прахъ Лассаля. Но, Анна Игнатьевна, вѣдь это все, что только въ силахъ сдѣлать одинъ человѣкъ, не пуская фейерверковъ и, главное, не пуская въ ходъ той декораціи, о которой я вамъ давича говорилъ. Пока дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ лишь отдѣльныя единицы, вы всякую минуту можете спросить: только-то? Но подождемъ, когда насъ будутъ тысячи!..

— И вы вѣрите, что это время когда-нибудь настанетъ?

— Намъ съ вами, конечно, не дожить до него, но... когда-нибудь оно настанетъ! Да, прибавилъ онъ, помолчавъ:—когда-нибудь мы будемъ имѣть право сказать, что мы *соль земли*!

— Что вы называете *солью земли?*

— А вотъ всѣхъ тѣхъ, кого судьба выдвинула изъ

массы. Всякаго, кто умѣетъ толковать о свободной совѣсти, о свободной прессѣ! Всякаго, кто читаетъ журналы, пишетъ въ журналахъ или даже только держитъ ихъ въ рукахъ!.. Кто знаетъ, что есть конституція, юридическія права человѣка. Вотъ это все *соль земли!* И мы съ вами соль земли, и вашъ мужъ, и Ирина Александровна...

Анна молчала. Глубокій, задумчивый взглядъ ея остановился на одной точкѣ.

— Да, выговорила она, наконецъ: — еслибы во мнѣ была сила... Но во мнѣ нѣтъ ея!

— Сила къ чему? повторилъ онъ тихо.—Къ тому, чтобы исполнять свою обязанность? Да если мы соль земли, если намъ даны права, которыхъ нѣтъ у другихъ, то не забудемъ-же и тѣхъ обязанностей, которыя налагаются на насъ вмѣстѣ съ этими правами.

Наступило молчаніе. Анна сидѣла облокотившись рукой на выступъ террасы и глядѣла вдаль. Холодность ея давно растаяла, но на лицо набѣжала не то грусть, не то задумчивость. Онъ стоялъ все на томъ-же мѣстѣ и смотрѣлъ на нее... Недавняя страсть улеглась въ немъ: онъ казался спокойнѣе.

Молчаніе тяготило Анну. Она спросила его.

— Который часъ?

Онъ вынулъ часы, посмотрѣлъ, потомъ положилъ опять въ карманъ и ничего не отвѣтилъ. Анна засмѣялась.

— Что-же вы?

— Право, не знаю. Не видалъ хорошенько. Я думаю совсѣмъ о другомъ, докончилъ онъ, не спуская съ нея глазъ.

Она встала не спѣша и оправила платье.

— Ну вотъ, ужъ вы о другомъ думать начинаете. Видимое дѣло, что пора спать.

— Неужели вамъ хочется спать?

— Это мнѣ нравится! Вы спрашиваете это такъ, точно у насъ теперь солнце въ зенитѣ. Посмотрите: другая заря занимается.

— И вамъ не стыдно уходить теперь съ балкона?

— Ничуть!

— Въ такую ночь?

— Теперь всѣ ночи такія.

Она чувствовала на себѣ его глубокій, проницающій взглядъ, и отвернулась.

— Покойной ночи!

И она съ нерѣшительностью протянула ему руку. Но, обернувшись въ его сторону, вдругъ остановилась. Во взглядѣ, которымъ онъ смотрѣлъ на нее, сказалась цѣлая разбитая жизнь человѣка, и гнѣвъ, и послѣдняя мольба.

Замѣтно испуганная, Анна смѣшалась и замерла на мѣстѣ. Былъ одинъ моментъ, когда она рѣшительно не въ силахъ была сдѣлать ни малѣйшаго движенія.

— Скажите мнѣ послѣдній разъ, что вамъ ненужна моя любовь! что вы ненавидите меня!

Она молчала.

— Я васъ прошу сказать мнѣ это! прошу этого, какъ милости. Это дастъ мнѣ силу уйти отсюда! Узнать послѣдній разъ, что мои надежды—сумасшествіе.

Но она молчала.

— Анна Игнатьевна!

Она даже не обернулась. Еще минута, и она чувство-

вала, какъ тихо обвивается около ея плечъ его рука. Онъ нагнулся и шепнулъ ей: Анна!

Теперь ужъ поздно! Онъ не повѣритъ, если она скажетъ, что не любитъ его. Да она и не пыталась сказать этого.

VII.

На другой день, по условію, Черникъ долженъ былъ придти въ домъ, пить чай съ Анной Игнатьевной. Часовъ около двѣнадцати онъ былъ уже въ гостиной. Въ комнатѣ этой, обращенной окнами на сѣверъ и нѣсколько мрачной, царствовала прохлада. Эффектная мебель огненнаго цвѣта, съ серебряными шнурами и кистями, теряла отъ недостатка солнечнаго свѣта. На одной стѣнѣ аллегорическіе барельефы, понятные только проницательному уму нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ, на другой — зеркала, отражавшія темную зелень сада.

Черникъ давно уже прогуливался взадъ и впередъ: смотрѣлъ, какъ дѣвушка принесла сервизъ, какъ явился Гаврюшка, и неслышно ступая своими босыми ногами, поставилъ самоваръ на столъ .Черникъ продолжалъ ходить по комнатѣ, отражаясь послѣдовательно во всѣхъ четырехъ зеркалахъ. Анна Игнатьевна видимо не спѣшила придти.

Наконецъ дверь отворилась и она вошла не торопясь, оборачиваясь на порогѣ и отдавая какія-то приказанія. Нѣжный взглядъ его былъ встрѣченъ ею довольно холодно. Она какъ бы нехотя протянула ему руку и прошла къ столу. Нагибаясь надъ чашками и откидывая назадъ мѣшавшіе ей рукава, она, казалось, гораздо больше была

занята приборомъ, чѣмъ своимъ собесѣдникомъ. Всегда изящная, она была нынче какъ-то еще изящнѣе. Свѣтлое барежевое платье такъ шло къ ея дерзкой, немножко надменной красотѣ. Въ косѣ былъ запутанъ, какъ бы нечаянно попавшій туда, цвѣтокъ шиповника.

Черникъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Та-ли это женщина, что вчера трепетно прижималась къ нему, едва осмѣливаясь признаться, что она его любитъ? что глядѣла на него глазами полными любви, то пылавшая отъ счастья, то блѣдная отъ ужаса?

Передъ нимъ стояла теперь какая-то, едва знакомая ему особа, немножко утомленная, немножко разсѣянная и чѣмъ-то недовольная.

Въ изумленіи онъ молчалъ; потомъ сдѣлалъ ей какой-то пустой вопросъ. Она отвѣтила, но такъ, какъ могла бы отвѣтить любому изъ своихъ знакомыхъ, который надоѣлъ ей своимъ ухаживаньемъ и съ которымъ даже говорить не хочется.

— Что съ вами, Анна Игнатьевна? спросилъ Черникъ съ участіемъ.

Анна подняла глаза съ недоумѣвающимъ видомъ.

— Ничего! Развѣ вы видите во мнѣ что-нибудь необыкновенное?

— Вы нынче какъ будто разстроены. Или недовольны чѣмъ-нибудь?

— Чѣмъ-же мнѣ быть особенно довольной?

Черникъ съ возрастающимъ удивленіемъ смотрѣлъ на нее. Оба молчали.

Анна вдругъ сказала, не оборачиваясь:

— Я думала нынѣче ночью о нашемъ вчерашнемъ объясненіи.

Онъ тревожно слѣдилъ за нею.

— И пришла къ тому убѣжденію, что мы оба были очень неразсудительны. Намъ не слѣдовало даже и начинать этого разговора.

— Почему? спросилъ онъ тихо.

Она быстро обернулась.

— Къ чему-же это приведетъ?

Черникъ молчалъ, какъ бы не рѣшаясь отвѣтить ей на вопросъ.

— Я не знаю, началъ онъ: — наконецъ, поймете-ли вы меня? Можете-ли вы чувствовать то, что я чувствую? Если нѣтъ, то нечего и говорить. Если да, то...

Онъ остановился.

— Положимъ, что „да“. Потомъ?

— Анна Игнатьевна, тогда вамъ нечего и спрашивать. Вы должны это понимать такъ-же хорошо, какъ и я.

— Ну, нѣтъ, однакожъ? Можетъ быть, я смотрю на вещи иначе.

— Неужели вы могли бы теперь помириться съ мыслью, что намъ надо разойтись? Неужели вамъ приходила такая мысль? Я ее даже допустить не могу. Я не могу даже остановиться на ней. Она мнѣ кажется странной! невозможной! Или, прибавилъ онъ съ горькимъ упрекомъ:—законы предписываютъ намъ забыть другъ друга? Тогда, дѣйствительно, надо бѣжать! потому что встрѣчаться въ свѣтѣ и сознавать, что мы чужіе... Скажите: легко это? возможно это?

— Это возможно, конечно; но не легко. Потому-то

я и спросила васъ: зачѣмъ было нужно вчерашнее объясненіе?

— Я опять скажу вамъ: Анна Игнатьевна, если вы меня понимаете, вы этого не спросите!

— Ну, такъ, стало быть, я васъ не понимаю! перебила она съ легкою досадой.

— Неужели потому только, что мы не встрѣтились съ вами годомъ раньше, мы теперь обречены разбить себѣ всю жизнь? То чувство, которое было бы законно прошлымъ лѣтомъ, теперь въ вашихъ глазахъ преступно? да?

— Что оно преступно, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, отвѣтила Анна холодно.

— На свѣтѣ есть только одинъ человѣкъ, который можетъ обвинить насъ—это вашъ мужъ.

— Довольно! перебила Анна. Этого довольно. Еслибы вы сказали еще мнѣ, что нѣтъ ни одного...

— Я боюсь, замѣтилъ онъ рѣзко:—что съ вашей стороны былъ больше капризъ, чѣмъ любовь!

— Въ самомъ дѣлѣ? На чемъ же основывается у васъ это убѣжденіе?

— На всемъ! Женщина, которая любитъ, не говоритъ такимъ языкомъ, какъ вы. Я зналъ людей, которые шли въ петлю, губили себя, губили другихъ, которые за одинъ годъ, за одинъ мѣсяцъ счастія разбивали себѣ всю жизнь. *Эти* люди любили! Они не обдавали холодомъ того, кто отдавалъ имъ себя, свою привязанность!.. Но я зналъ за то барынь, которыя убивали въ себѣ всякое чувство, все, что въ нихъ было человѣческаго, потому что... хотѣли быть „добродѣтельными“!

Анна была немножко блѣднѣе обыкновеннаго.

— Скажите прямо, начала она:—вы хотите, чтобы я была вашей любовницей?

Это слово ударило его, какъ ножемъ.

— Видитъ Богъ, сказалъ онъ:—чего я не отдалъ бы, чтобы имѣть право назвать васъ своею женой!

Гнѣвное отчаяніе слышалось въ его словахъ. Глаза при этомъ у него вспыхивали, что было нѣсколько странно для того, кто привыкъ видѣть его всегда спокойнымъ и хорошо владѣющимъ собой.

— Нечего и говорить, продолжала Анна:—мужа я не брошу. Что́ бы тамъ ни было! Я, можетъ быть, способна на многія глупости, только не на эту. Я васъ люблю...

Онъ сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

— Нѣтъ, это не любовь, Анна Игнатьевна! Это не любовь! Нельзя такъ разбить всю душу тому, кто вамъ дорогъ! Отнять у него все, что для него есть лучшаго въ жизни! Вы имѣли право это сдѣлать, да! Но не тогда, когда уже показали вдали возможность, хотя бы одинъ лучъ счастья. Сказать человѣку: я люблю тебя! и потомъ сказать ему: прощай! — это все равно, что отравить его медленнымъ ядомъ!

— Погодите! Не горячитесь.

Она протянула руку, какъ бы приглашая его сѣсть на прежнее мѣсто.

— Вы говорите, что такъ страстно любите меня. Хорошо! докажите мнѣ это!

Черникъ не спускалъ съ нея блестящихъ глазъ.

— Вы, кажется, говорили сейчасъ о людяхъ, которые шли въ петлю... О людяхъ, которые губятъ себя, губятъ другихъ... Такъ, если я не ошибаюсь?

Черникъ сдѣлалъ движеніе.

— Что-же, вы хотите испытать меня? Вы требуете отъ меня какой-нибудь жертвы?

Она съ усмѣшкой наклонила голову.

— Именно!

— Только для того, чтобы испытать силу моей любви?

— Отчасти и для этого.

— Говорите, Анна Игнатьевна! Къ стыду своему, я долженъ сознаться, и вы это отлично понимаете, что ни въ чемъ не съумѣю отказать вамъ. Вы видите теперь, что я окончательно и безвозвратно въ вашихъ рукахъ.

— Будто! Мнѣ это очень пріятно. Но смотрите! я потребую доказательства.

— Рѣшительно не могу представить себѣ...

— Вы не хотите разставаться со мною... не хотите бѣжать отъ меня... Я знаю для этого только одно средство.

Черникъ съ тѣмъ-же напряженнымъ, лихорадочнымъ взглядомъ ждалъ, что́ она скажетъ дальше.

— Если вы, дѣйствительно, такъ любите меня, какъ вы говорите...

Она остановилась, потомъ обернулась къ нему съ холодною улыбкой.

— Что́, если я предложу вамъ жениться на другой?

Онъ приподнялся съ мѣста.

— Какъ вы говорите?

— Припомните, что́ вы сказали давича о погибающихъ.

— Истинная любовь только по этому и узнается. Я хочу истинной любви! (Странный огонь вспыхнулъ у нея въ глазахъ). Я погублю себя, своего мужа, васъ и вашу же-

ну. Четыре жертвы! Кажется, этого довольно! Теперь ужъ вы не скажете, что это не истинная любовь!

Она съ минуту наслаждалась его ужасомъ, потомъ вдругъ расхохоталась.

— Ну, нѣтъ. Не думайте, что я такой демонъ. Я не желаю погибели. Я желаю, напротивъ, спасти и себя и другихъ. Если вы хотите моей любви, вы сдѣлаете то, что я вамъ предлагаю. Послѣдній разъ: хотите вы, или не хотите?

Онъ глядѣлъ, какъ отуманенный, въ ея сѣрые, теперь какъ-то особенно прозрачные глаза, и казалось ему, что онъ видитъ въ нихъ какую-то глубокую пропасть. Что́ таится на днѣ, никто не скажетъ, потому что самаго дна не видать. И чѣмъ больше онъ смотрѣлъ, тѣмъ менѣе понималъ, что съ нимъ дѣлается. Онъ чувствовалъ только, что она влекла его въ бездну; но зачѣмъ? куда?

Она подошла къ нему близко, положила ему руку на плечо и тихо сказала:

— Женитесь на Сашѣ!

Онъ вздрогнулъ. Каждое слово ударяло его, какъ молотомъ.

— Вы смѣетесь надо мной?

Анна поспѣшно оставила его и сѣла къ чайному столу. Черникъ вдругъ принялъ видъ человѣка на что-то мгновенно рѣшившагося.

— Хорошо! началъ онъ.—Ваше предложеніе великолѣпно. Но потрудитесь объяснить, чего вы хотите? Желаете-ли вы просто испытать мою преданность, или у васъ есть какая-нибудь другая, непонятная мнѣ цѣль?

— Прежде всего, сядьте и успокойтесь. Я васъ лю-

блю... больше, чѣмъ вы думаете, добавила она тихо.—Но что вы хотите... я никогда не брошу своего мужа. Я не въ силахъ буду этого сдѣлать. И что́ бы вы мнѣ ни говорили, Андрей Михайлычъ, какъ бы ни сильна была моя собственная страсть, я бы скорѣе пожертвовала ею... еслибы не было другого средства. Но средство есть...

Анна молчала, ожидая, что онъ доскажетъ. Но онъ видимо рѣшился заставить ее повторить это слово.

— Хотите вы, чтобы я была близка къ вамъ? чтобы мы никогда ужъ больше не разставались? Андрей Михайлычъ, докончила она едва слышно:—это въ вашей власти теперь.

Онъ опустилъ голову и закрылъ лицо рукой.

— Когда вы женитесь на сестрѣ моего мужа, кто посмѣетъ тогда сказать... бросить въ меня подозрѣніемъ! И онъ... онъ ничего не будетъ знать. До него не дойдетъ никакого двусмысленнаго слуха!.. Иначе все погибло. И тогда, кажется, погибла моя любовь. Я не переживу этого позора. Если вы любите меня, вы должны дорожить моимъ добрымъ именемъ.

Черникъ сидѣлъ все въ томъ-же положеніи.

— Наконецъ, послушайте! Если когда-нибудь Борисъ узнаетъ, что я люблю другого—мы съ вами навѣки чужіе. Слышите-ли? Навѣки! Я не могу погубить человѣка и потомъ перешагнуть черезъ его трупъ... чтобы наслаждаться. Я не умѣю! Я не дошла еще до этого.

Она въ изнеможеніи отвернулась.

— Послушайте, да понимаете-ли вы, что́ вы предлагаете мнѣ? началъ онъ съ отчаяніемъ.—Вѣдь вы губите дѣвушку! Вамъ нужна еще новая жертва! Васъ пугаетъ

преступная любовь... Но вы дѣлаете ее вдвое, втрое болѣе преступною! Кто вамъ далъ право приносить эту новую жертву?.. Сдѣлать другую женщину несчастною...

— Постойте! Будьте-же хладнокровнѣе! остановила его Анна, снова овладѣвшая собой.—Кто вамъ сказалъ, что я хочу сдѣлать кого-нибудь несчастною? Напротивъ! Я только и желаю, чтобы всѣмъ жилось хорошо. Я спасаю, во-первыхъ, своего мужа, который никогда не будетъ ничего знать и, слѣдовательно, никогда не будетъ имѣть повода погибнуть изъ-за меня. А во-вторыхъ... неужели вы думаете, что ваша жена будетъ несчастной? Съ какой стати? Если кто будетъ несчастнымъ, такъ это „вы!“—съ этимъ я согласна. Но... помните, какой цѣной пріобрѣтается истинная любовь!

Онъ схватилъ ее за руку.

— Не оправдывайтесь! Это будетъ поступокъ безумный, которому нѣтъ оправданія! Но, вѣдь, вы знаете... вы знаете, что я вашъ рабъ!

Онъ сжималъ ея руки, стараясь прочесть хоть какое-нибудь утѣшеніе въ этихъ свѣтлыхъ и глубокихъ и въ то же время прозрачныхъ глазахъ.

Наступило молчаніе: и сладкое, и мучительное для обоихъ. Наконецъ, Черникъ спросилъ Анну, увѣрена-ли она, что Саша согласится на его предложеніе. Анна отвѣтила, что ни минуты не сомнѣвается въ этомъ; она знаетъ, что Андрей Михайлычъ нравится Сашѣ. На вопросъ, какъ возобновить знакомство; она, отвѣтила, что это очень просто.

— Вамъ стоитъ только пойти къ Еремѣеву и встрѣтить тамъ моего мужа. Онъ послѣднее время часто жалѣлъ, что не видитъ васъ больше. Вы поговорите съ нимъ полчаса,

придете къ намъ посмотрѣть его машины—и знакомство возобновлено. Послѣ пяти визитовъ я намекну Сашѣ, что вы къ ней неравнодушны. Послѣ десяти я намекну объ этомъ моей belle-mère... Остальное, надѣюсь, вы понимаете. Мнѣ не учить васъ, докончила она, улыбаясь.

Черникъ смотрѣлъ на нее тѣмъ глубокимъ, пронизывающимъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилась и любовь, и отчаяніе, и даже, пожалуй, ненависть. Анна поникла головой. Она испугалась такого скораго, почти безмолвнаго согласія на ея безумное предложеніе. Она ждала сопротивленія. Она ждала сцены и приготовилась къ ней. Но дѣло обошлось гораздо тише.

VIII.

День перваго визита Черника къ Корсаковымъ былъ днемъ страшной тревоги для Фаины Ивановны. Она не досчитывалась двухъ паръ чулокъ и одной серебряной ложки. Можно представить, какой гвалтъ поднялся въ домѣ. Къ двумъ часамъ пополудни ложка, однако, нашлась, а къ половинѣ третьяго отыскались и чулки. Вслѣдствіе этого Фаина Ивановна просвѣтлѣла, надѣла очки и сѣла на диванъ читать прошлогоднее „Развлеченіе“. Въ домѣ все просіяло. День солнечный, блестящій. Окошки всѣ отворены насквозь; вѣтеръ колышетъ кисейныя занавѣски.

Саша, въ бѣленькомъ платочкѣ, надвинутомъ на самые глаза, поливаетъ въ палисадникѣ цвѣты. Дмитрій тутъ-же копаетъ грядки, повѣсивши предварительно свой сюртукъ на сукъ акаціи. Наскучивши поливаніемъ цвѣтовъ, Саша

усматриваетъ какую-то несчастную курицу, за которою и гоняется съ восторгомъ по всему палисаднику; наконецъ, когда и это занятіе покончено, а другого болѣе интереснаго не предвидится, она черпаетъ изъ ушата воду и выливаетъ на голову брата, объясняя это тѣмъ, что она приняла его за нѣкоторое рѣдкостное растеніе, извѣстное только въ тропическихъ климатахъ. Тропическое растеніе вскакиваетъ и пускается за ней въ погоню. Саша взвизгиваетъ, хлопаетъ на лету калиткой и выбѣгаетъ на улицу. Дмитрій вылетаетъ туда-же, забывая, что оставилъ свой сюртукъ на суку. Еще нѣсколько мгновеній—и оба, братъ и сестра, попадаютъ въ объятія Бориса, а съ нимъ и еще какого-то господина. Саша, узнавши Черника, стремительно кидается въ домъ. Фаина Ивановна кладетъ книгу на столъ, снимаетъ съ себя очки и спрашиваетъ о причинѣ такого безумнаго нашествія.

Появленіе Бориса и Андрея Михайлыча разрѣшаетъ ея недоумѣніе. Хозяйка и гость раскланиваются. Съ обѣихъ сторонъ слѣдуютъ тысячи взаимныхъ любезностей.

Борисъ поспѣшно прошелъ къ себѣ въ комнату, чтобы привести въ порядокъ нѣкоторыя модели, которыя онъ желалъ показать гостю.

— Угадай, кого я привелъ? предложилъ онъ женѣ, которая прохаживалась, сложивши ручки и, сверхъ обыкновенія, ничѣмъ незанятая.

— Угадать не трудно. Я видала твоего гостя.

— Нѣтъ, серьёзно?

— Я только удивлена немножко. Съ какой стати онъ возобновляетъ съ нами знакомство!

— Вотъ это вы, женщины, всегда такъ. Ну что-жъ:

хотѣлъ человѣкъ—ходилъ, не захотѣлъ—пересталъ, захотѣлъ—опять пришелъ. Кажется, это очень просто. И совершенно въ порядкѣ вещей.

— Ты его не спросилъ по крайней-мѣрѣ, почему онъ пропадалъ цѣлыхъ полгода?

— Нѣтъ, я ему говорилъ... что вообще... Вѣдь онъ отличный человѣкъ. Я, понимаешь-ли, не знаю тамъ его характера, но дѣльный человѣкъ. Въ этомъ я рѣдко ошибаюсь.

Жена усмѣхнулась.

— Гдѣ-же! Ты такъ знаешь людей!

— Лучше, чѣмъ ты думаешь; лучше! произнесъ Борисъ поучительно.—Что-жъ, я его сюда позову, замѣтилъ онъ, покончивши съ своими моделями.

— Къ чему это! Фаина Ивановна и такъ сердится, что ты у нея уводишь всѣхъ гостей.

— Да какже; онъ желалъ посмотрѣть машины.

— На прощаньи придетъ и посмотритъ. А теперь вовсе ненужно. Иди, иди!

И она, какъ бы шутя, выпроводила его изъ комнаты.

Не ранѣе, какъ черезъ полчаса, когда Черникъ успѣлъ уже заслужить расположеніе Фаины Ивановны и перекинуться нѣсколькими фразами съ Сашей, разгорѣвшейся отъ недавней усердной бѣготни, Анна Игнатьевна вошла въ гостиную. Гость приподнялся съ мѣста. Какъ ни была она увѣрена въ себѣ, а одно мгновеніе она чувствовала, какъ закружилась у нея голова и полъ зашатался подъ ногами.

Къ счастью, тутъ не было Филиппа. Анна имѣла время опомниться. Она засмѣялась, выразила свое удивленіе насчетъ такой неожиданной встрѣчи, спросила Черника что-то

о ихъ общихъ знакомыхъ, потомъ подсѣла къ Сашѣ. Черникъ просидѣлъ еще нѣсколько минутъ, просилъ позволенія бывать чаще, осмотрѣлъ съ Борисомъ его машины, далъ ему нѣсколько совѣтовъ и простился.

Фаина Ивановна осталась рѣшительно очарована любезностью Андрея Михайлыча. Она забыла свое прежнее нерасположеніе къ этому искусителю женскихъ сердецъ и сказала со вздохомъ, что на свѣтѣ еще несовсѣмъ вывелись тѣ рѣдкіе экземпляры „прекрасныхъ молодыхъ людей“, которыхъ такъ много было въ ея доброе старое время.

Анна рѣшительно должна была сознаться, что ей достается съ бою каждая ступенька, которая ведетъ къ ея безумной цѣли. Несчастная подозрительность вернулась къ ней во всей силѣ: ей казалось, что всѣ угадываютъ ея планы, что если пока и молчатъ, такъ только съ тѣмъ, чтобы потомъ поразить ее разомъ; можетъ быть, это западня, подставленная ей нарочно.

Что было всего мучительнѣе, такъ это то, что, встрѣчаясь съ Черникомъ почти каждый день, она не имѣла возможности остаться съ нимъ наединѣ ни одной минуты. Пригласить его къ себѣ она не рѣшилась бы ни за что на свѣтѣ. Принимать его у себя запросто, пока онъ не сдѣлалъ еще Сашѣ формальнаго предложенія, было, по ея мнѣнію, безуміемъ. Это навлекло бы только новыя подозрѣнія, бороться противъ которыхъ она, конечно, будетъ не въ силахъ. Назначить ему свиданіе гдѣ-нибудь на сторонѣ — въ губернскомъ городѣ, гдѣ все на виду, это вещь почти невозможная. Къ тому-же, теперь, при ея возбуж-

денномъ состояніи она не можетъ отвѣчать за себя: кто поручится, что она не выдастъ себя какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ, можетъ быть, однимъ взглядомъ?

Черникъ между тѣмъ, не имѣя случая переговорить съ ней наединѣ, далекъ былъ отъ мысли, что въ душѣ ея поднялась такая буря. Напротивъ, увѣренный въ томъ, что эта женщина, задумавшая такую сумасшедшую интригу, скорѣй сломаетъ всѣ препятствія, чѣмъ откажется отъ нея, онъ удивлялся только одному, что она стала послѣднее время какъ будто избѣгать его.

Какъ-то разъ, выходя отъ Корсаковыхъ, гдѣ онъ просидѣлъ цѣлый вечеръ, на которомъ Анна Игнатьевна даже и не показывалась, онъ увидалъ ее теперь въ палисадникѣ. Она стояла у рѣшетки, на половину спрятанная между акаціей, и видимо поджидала его. Сдѣлавши ему знакъ, чтобы онъ не отворялъ калитки, она, не двигаясь съ мѣста, даже не наклоняясь къ нему, чуть слышно сказала:

— Филиппъ догадывается. Если вы не сдѣлаете предложенія теперь-же, на этихъ-же дняхъ все будетъ открыто. Прощайте!

Онъ хотѣлъ что-то сказать ей, но она была уже далеко. Ея свѣтлое платье мелькнуло въ темнотѣ и пропало за кустами. Въ эту минуту въ домѣ гдѣ-то стукнуло затворявшееся окно.

Черникъ отошелъ отъ рѣшетки и вышелъ на улицу, скудно освѣщенную двумя-тремя фонарями, да только-что народившимся мѣсяцемъ.

Что дѣлать? Въ голосѣ Анны слышалась такая отчаянная рѣшимость, что оставлять дѣло въ этомъ положеніи нечего и думать. А между тѣмъ обстоятельства заставляютъ

его ѣхать немедленно въ уѣздъ. Несчастный процессъ о порубкѣ рѣшительно связывалъ Чернику руки. Обстоятельства требовали быстрыхъ и, главное, рѣшительныхъ мѣръ. Надо было позаботиться о томъ, чтобы не оставить противнику ни одной лазейки. Хлопотъ предстояло много, и откладывать ихъ было бы рисковано. По городу и такъ уже начинали носиться смутные слухи; разсказывались разныя нелѣпости.

Но Анна Игнатьевна? Что будетъ съ нею, если онъ уѣдетъ? Вѣдь, она способна опять на какое-нибудь безуміе. По тону ея голоса, по тому выраженію, съ которымъ были сказаны послѣднія слова въ палисадникѣ, онъ мгновенно понялъ все. Нѣтъ, она не такъ спокойна, какъ онъ думалъ до сихъ поръ. Одна минута гнѣва или отчаянія способна довести ее до послѣднихъ границъ, и, кто знаетъ, на что не рѣшится она тогда! Надо поддержать ее, убѣдить, что время еще терпитъ, надо вернуть ей ея самоувѣренность—да, но какъ? Гдѣ онъ можетъ говорить съ нею безъ свидѣтелей?

Рѣшеніе этой загадки совершенно неожиданно представилось на слѣдующее утро. Часовъ около 12-ти Анна явилась къ нему сама. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда она вошла къ нему въ кабинетъ.

— У меня есть до васъ дѣло, объявила она, бросая на столъ какой-то свертокъ.—Видите эту бумагу? Не развертывайте ее; это только предлогъ. Визитъ мой не долженъ быть тайной, и объясненіе вотъ: я пріѣхала по порученію Ирины Александровны.

— Ирины Александровны? переспросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Конечно, это вздоръ. Я-же вамъ говорю, что это предлогъ. Захватила первую попавшуюся бумагу, вонъ смотрите: планъ китайскаго павильона... все равно, пусть думаютъ, что у насъ съ вами есть важныя дѣла. Никто не будетъ знать, что это китайскій павильонъ. Слышите, мой визитъ не будетъ тайной. Сейчасъ мимо проѣхалъ предводитель. Онъ видѣлъ, какъ я входила къ вамъ.

Она казалась разстроенною и сѣла въ кресло, не снимая шляпки.

— Андрей Михайлычъ, я пріѣхала сказать, что такъ далѣе продолжаться не можетъ. Моихъ силъ больше не хватаетъ... Если вы не хотите, чтобы я пошла и во всемъ призналась имъ...

Она обернулась къ нему съ выраженіемъ глубокой тоски и отчаянія. Теперь исчезло послѣднее сомнѣніе. Безъ поддержки эта женщина погибла. Одной ей не справиться съ своими сомнѣніями, съ страшною подозрительностью, тяготѣвшей надъ ней. Она была ему вдвое дороже теперь, когда сидѣла предъ нимъ безпомощная, съ какою-то гнѣвною мольбой въ голосѣ и глазахъ.

— Скажите мнѣ, что такое случилось? спросилъ онъ такъ спокойно, съ такимъ ободряющимъ взглядомъ, что ей невольно стало отраднѣе. Одно сознаніе, что около нея сидитъ человѣкъ, который не пожалѣетъ ничего, чтобы помочь ей, возвращало ей немножко прежнюю самоувѣренность.

— Мнѣ нечего разсказывать. Филиппъ слѣдитъ за мной, онъ не только подозрѣваетъ... онъ догадывается. Куда мнѣ уйти отъ него? Онъ доводитъ меня до сумасшествія, до какой-то!.. Нѣтъ, вамъ не понять этого. Вы не жили въ

этомъ аду, вы не знаете его... Я объ одномъ прошу васъ, я умоляю васъ: Кончайте скорѣе! Или дѣлайте ей предложеніе, или...

Анна остановилась.

— Или откажитесь отъ меня? да? Никогда, закончилъ онъ тихо.—Никогда!

Она высвободила руку и сдвинула брови.

— Если такъ, то вы должны сдѣлать то, о чемъ я васъ прошу. Все равно, я открою имъ все. Тогда будетъ поздно. А я чувствую, что кончу этимъ. Не говорите ничего; не утѣшайте меня. Я утѣшусь теперь, но когда я выйду за порогъ—я опять погибшая женщина.

Онъ сдѣлалъ къ ней движеніе, но она однимъ жестомъ остановила его.

— Андрей Михайлычъ, если вы не хотите исполнить мою просьбу—хорошо! я не буду настаивать. Но помните, когда я признаюсь во всемъ—не вините меня! Кто былъ причиной разрыва—разбирайте тогда сами!

Она поднялась съ гнѣвнымъ выраженіемъ, но онъ почти силой усадилъ ее на мѣсто.

— Ну, скажите, благоразумная-ли вы женщина...

— А, кто говорилъ о моемъ благоразуміи!

— Да нѣтъ-же, разсудите сами, вѣдь вы требуете невозможнаго. Ну, какже вы хотите, чтобы я послѣ двухъ-трехъ недѣль сдѣлалъ дѣвушкѣ предложеніе...

— Во-первыхъ, вы знали ее прежде.

— Тѣмъ хуже! Я совсѣмъ прекратилъ знакомство.

— Тѣмъ лучше! Вотъ это-то именно и хорошо, что вы прекратили знакомство. Это-то и даетъ намъ отличное объясненіе. Не думайте ни о чемъ! я беру все на себя.

Онъ, молча, съ тоской глядѣлъ на нее и, казалось, не понималъ, о чемъ она его проситъ.

— Я намекну Сашѣ, а потомъ ваше дѣло только подтвердить, что вы ее любите.—Вы боролись съ своей страстью. Обстоятельства ваши такого рода, что вы не хотѣли жениться; ваши дѣла требуютъ постоянныхъ разъѣздовъ; для семейной жизни это неудобно. Вы встрѣтили дѣвушку, влюбились въ нее. Но какъ связать навѣки свою судьбу! Эта мысль пугала васъ. Вы рѣшились бѣжать отъ любимой дѣвушки. Вотъ вамъ и объясненіе! Вы хотѣли испытать себя; хотѣли узнать, что́ побѣдитъ: страсть или разсудокъ? Страсть побѣдила. Жизнь безъ Александры Яковлевны для васъ уже не жизнь!

— И жизнь безъ нея для меня уже не жизнь! повторилъ онъ какъ бы машинально, не спуская съ нея того-же глубоко-задумчиваго взгляда.

— Да будетъ вамъ! (Анна полушутя, полусерьёзно тронула его рукой). Слушайте что́ вамъ говорятъ. Это будетъ, конечно, немножко похоже на сказку, но мало-ли чему люди не вѣрятъ. Ужъ если человѣкъ дѣлаетъ предложеніе—значитъ влюбленъ. Я вамъ говорю, что все пойдетъ отлично. Фаина Ивановна будетъ такъ счастлива, что, конечно, не замѣтитъ нѣкоторыхъ маленькихъ ошибокъ. Филиппъ хотя и будетъ подозрѣвать, что я къ вамъ неравнодушна, но, по крайней-мѣрѣ, увидитъ, что съ вашей стороны взаимности нѣтъ—и успокоится. Сашѣ довольно только представить себѣ, что она хозяйка дома, ни отъ кого независимая, что она ужъ больше не гимназистка и физики ее никто учить не заставитъ—ея блаженство полное. Всѣмъ будетъ хорошо, всѣмъ будетъ отрадно. И если

найдется одинъ человѣкъ, который скажетъ, что онъ несчастливъ... то неужели онъ не проститъ мнѣ?..

Анна отвернулась, но Черникъ видѣлъ, что въ глазахъ ея блеснули слезы. За эти слезы онъ готовъ былъ простить ей все на свѣтѣ! И дѣйствительно, онъ обѣщалъ ей все, чего она требовала. Онъ просилъ одного—отсрочки, ссылаясь на свои дѣла.

Анна дала свое согласіе; потомъ объявила, что она ѣдетъ отсюда къ своему родственнику Балкашину.

— И знаете зачѣмъ? докончила она.—Хлопотать насчетъ того, чтобы пристроить моего Бориса.

— Пристроить? Куда?

— На время. Я думаю, нельзя-ли прикомандировать его къ выставкѣ. Пусть его позаймется.

— Вы говорите о той выставкѣ, которая будетъ въ концѣ лѣта.

— Да.

— О сельско-хозяйственной?

— Ну, да, да. Они должны быть еще благодарны, что есть такой великій ученый, который будетъ ихъ тамъ утѣшать новыми открытіями. Я почти увѣрена, что мнѣ не откажутъ. А между тѣмъ, это дастъ Борису занятіе, онъ будетъ меньше обращать вниманія на меня, а мнѣ... мнѣ это необходимо, докончила она тихо.—Въ тѣ минуты, когда я схожу съ ума—теперь такія минуты бываютъ со мной часто—я за себя не отвѣчаю. Я не умѣю притворяться...

Она поникла головой. Она не противилась ему, когда онъ, обнявши ее одною рукой, другою сжималъ ея тонкіе, холодные пальцы.

— Андрей, говорила она, поднимая на него глаза почти съ мольбой:—когда ты уѣдешь отсюда, я не знаю, право, что будетъ со мной? Я боюсь остаться въ своей семьѣ. Я боюсь! прошептала она, прижимаясь къ нему еще ближе.

У него мелькнула мысль, неужели его могутъ когда-нибудь разлучить съ этою женщиной?

Въ тотъ-же день, она поѣхала къ сестрѣ и выбрала нарочно сумерки, когда была увѣрена, что никого не застанетъ у нея. Николай Михайловичъ никогда не спалъ послѣ обѣда. Въ спокойнѣйшемъ креслѣ, при свѣтѣ изящнѣйшей лампочки, онъ разрѣзалъ какой-то новый журналъ прекраснѣйшимъ ножемъ изъ слоновой кости, когда Анна стукнула слегка въ дверь.

— On entre chez vous? спросила она почему-то по-французски.

Онъ не узналъ ея голоса и объявилъ церемонное приглашеніе.

— Ахъ, какой отшельникъ! Знаете-ли, что я завидую вамъ. Вы такъ хорошо устроились.

Она граціозно протянула ему всѣ пять пальчиковъ.

Тутъ надо замѣтить, что въ послѣднее время отношенія ихъ опять нѣсколько поправились. Мѣсяца два тому назадъ, Анна не на шутку принялась за своего неизмѣннаго друга, Николая Михайлыча. Она устраивала ему разныя ловушки, въ которыхъ должна была погибнуть его холодность. Она увѣряла, что все это недоразумѣнія, что нашлись люди, прямой интересъ которыхъ былъ въ томъ, чтобы поссорить ихъ; намекала при этомъ на свои семей-

ныя отношенія, на то, что она игрушка обстоятельствъ. Но, впрочемъ, Балкашинъ подавался туго.

Онъ до крайности любезно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то ехидно, подставилъ ей кресло.

— Чему я обязанъ?.. началъ онъ съ торжественною улыбкой.

— Не смѣйте кончать, или я ухожу. Я бѣгу отъ всякихъ церемоній и хочу здѣсь быть совершенно свободною. Это позволяется? Или, можетъ быть, Соня велѣла вамъ принимать меня въ гостиной?

— Нѣкоторое время вы, кажется, сами желали этого.

— Чего это?

— Встрѣчаться со мной только въ гостиной.

— Ахъ, не то совсѣмъ. Вы меня не понимаете. Да, наконецъ, еслибы и такъ... Нѣкоторое время я была глупа, и только. Est-ce qu'on ne pardonne plus à sa petite soeur?

— Не всегда, Анна Игнатьевна, замѣтилъ онъ выразительно.

— Я для васъ не Анна Игнатьевна. Я „Анна“ и „ты!“ Слышите-ли? Что это вы читаете?

— Ничего пока. Я только разрѣзаю. Вы повѣрите-ли, что мнѣ въ послѣднее время не даютъ прочесть двухъ строчекъ. Положительно не даютъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это непріятно быть на столько занятымъ, схитрила Анна.

— Да, удовольствія это мнѣ доставляетъ очень мало. Одни газопроводы и водопроводы сведутъ человѣка съ ума. Я имѣлъ несчастіе попасть въ коммисію, и мнѣ положительно съ этими вопросами не даютъ теперь прохода. Нашъ городъ цивилизуется только съ этой стороны. Онъ

хватаетъ верхушки и подражаетъ Западной Европѣ въ газовомъ освѣщеніи. Наши передовые мыслители этому радуются. А въ уѣздномъ училищѣ, напримѣръ, разбѣжались всѣ ученики. Это, по ихъ мнѣнію, такіе пустяки, на которые не стоитъ обращать вниманія.

— А знаете, я слышала очень лестный отзывъ о вашей рѣчи... Помните, о народномъ образованіи?

Балкашинъ вздохнулъ.

— Да, это была проповѣдь въ пустынѣ. Ни одинъ изъ моихъ проектовъ не прошелъ. Имъ нравилась, кажется, не столько моя рѣчь, сколько обороты моей рѣчи.

— C'est que... vous avez tort d'être éloquent. Такой ораторъ, какъ вы, для провинціи не годится. У насъ привыкли говорить безъ сказуемыхъ, а вы вдругъ даете намъ цѣлыя предложенія—это ужасно!

Польстивши Балкашину со стороны его дара слова, Анна замѣтно попала въ слабую струну. Еще немного—и они бесѣдовали уже гораздо дружелюбнѣе.

Бѣдная Ева спала и не подозрѣвала, какія ковы строитъ ей теперь сестра. Она сидитъ такая обворожительно-прекрасная и поставивши на карту свои 22 года, свои взгляды, свой заразительный смѣхъ, смѣло дѣлаетъ ходъ, который долженъ разбить ея противника. Балкашинъ уже на столько опустился, что не способенъ влюбиться страстно, но дружба съ хорошенькою, увлекательною женщиной всегда была для него самою отрадною мечтой. Въ этой уютной обстановкѣ такъ пріятно болтать съ милою особой, пожалуй, выслушивать отъ нея маленькіе секреты. Одинъ изъ нихъ Анна предлагала ему сейчасъ-же, увѣряя, что это большая тайна.

— Слушайте, начала она:—я люблю сильныя ощущенія. Вы этому вѣрите?

— Отъ всей души.

— Я хочу вмѣшаться не въ свое дѣло и устроитъ одну вещь.

Онъ покачалъ головой.

— Обѣщайтесь мнѣ помочь!

— Послушай, да ты просто смѣешься надо мной. Помочь тебѣ, въ чемъ... ты сама не знаешь.

— Какой вздоръ! Я знаю все. Мой мужъ хочетъ непремѣнно устроить опыты надъ сжатымъ воздухомъ. Но ему нужно большое помѣщеніе.

Николай Михайлычъ поморщился.

— Опять!

— Ахъ, да поймите, это совсѣмъ не то. Это будутъ просто фокусы; что-нибудь въ родѣ шара, который Надаръ пускалъ на потѣху всему Парижу. Но чтобы имѣть успѣхъ, надо чтобы народу была тьма. Понимаете?

— Да что-же такое берется устроить твой мужъ?

— Это его секретъ. Онъ никому не разсказываетъ объ этомъ.

— Однако-же, надо быть увѣреннымъ, что это не какіе-нибудь пустяки, что это ему удастся.

— О, да. Въ этомъ я увѣрена. Видите-ли, я вамъ могу сказать: онъ изобрѣлъ какой-то новый двигатель, въ которомъ сила сжатаго воздуха соединяется какимъ-то образомъ съ электричествомъ... Ну, словомъ, я не знаю, какая-то тамъ взаимная передача. Одна машина приводитъ въ движеніе другую, другая третью, а та опять первую... Вы замѣтьте, на лекціи у него были всѣ модели, кромѣ этой.

Онъ боится, что у него кто-нибудь украдетъ его мысль. Это его idée fixe!

— Ну, хорошо, хорошо. Въ чемъ-же дѣло?

— Въ концѣ лѣта будетъ выставка?

— Будетъ.

— Устраиваетъ ее сельско-хозяйственный клубъ?

— Клубъ.

— И вы тамъ предсѣдателемъ? или почетнымъ членомъ?

— Предсѣдателемъ.

— Отлично! Вы мнѣ поможете.

— Да въ чемъ? въ чемъ? испугался Николай Михайлычъ.

— На время выставки вы уступите моему мужу небольшое отдѣленіе для опытовъ.

— Помилуй, да это невозможно. Надо, чтобы на это согласился весь комитетъ.

— Въ которомъ вы предсѣдателемъ?

— Да, но это ровно ничего не значитъ.

— Пустяки! Вы поддержите мое предложеніе. Другіе его примутъ.

— Достаточно мнѣ сдѣлать какое-нибудь предложеніе, чтобы мои друзья тотчасъ-же забаллотировали его.

— Неужели у васъ тамъ такъ много враговъ?

— Нѣтъ, мы всѣ друзья!—до первой стычки. Я тебѣ говорю, что у насъ нельзя купить чернильницы безъ того, чтобы не раздѣлиться на партіи.

— Это очень грустно, замѣтила Анна.—А я, сказать вамъ откровенно, много надѣялась на васъ. Да и теперь еще увѣрена, что если вы захотите, вы, все-таки, поставите

на своемъ. Вѣдь, изъ нихъ никто говорить порядочно не умѣетъ.

— Что изъ этого. Они возьмутъ гвалтомъ. Горло драть умѣетъ всякій. Вѣдь вотъ, прибавилъ онъ, помолчавши и понизивши голосъ: — кто способенъ даже на эти низости, на скверныя интриги! тотъ, кто считается моимъ лучшимъ другомъ: Грубецкой.

Анна поняла только одно, что, кромѣ поддержки своего родственника, ей нужно еще заручиться поддержкой Грубецкаго. Получивши отъ Николая Михайловича клятвенное обѣщаніе, что онъ будетъ хлопотать за нее въ комитетѣ, она въ тотъ-же день отправилась къ Грубецкому.

Особенная счастливая звѣзда помогла ей застать его дома. Поймавши хозяина въ ту минуту, какъ онъ уже надѣвалъ пальто, чтобы куда-то бѣжать, она, смѣясь, загородила ему двери:

— Ну, теперь не уйдете. Я васъ рѣшительно арестую.

— Барыня, вы какими судьбами?

— Объ этомъ послѣ. А теперь приглашайте меня. Вотъ я посмотрю еще, чѣмъ вы меня угощать будете.

— А нешто надо? Ну, коли такъ, пойдемте въ трактиръ. Дома, ей-Богу, ничего нѣтъ.

Анна отыскивала глазами стулъ, на который можно было бы сѣсть. Хозяинъ пригласилъ ее въ слѣдующую комнату, гдѣ, увѣрялъ онъ, у него самая свѣжая мебель.

Дѣйствительно, великолѣпное кресло и пара дорогихъ стульевъ могли заслужить отчасти эту рекомендацію. Два длиннѣйшихъ шкапа, задернутыхъ зеленою тафтой, таинственнымъ видомъ своимъ говорили о тѣхъ сокровищахъ,

которыя въ нихъ хранятся. (Сказать по секрету, одинъ изъ нихъ былъ пустой, въ другомъ береглась старая пара сапогъ, двѣ платяныя щетки и мѣсяцесловъ на 1858 годъ). Изъ предметовъ роскоши было тутъ еще два массивныхъ хрустальныхъ подсвѣчника, альбомъ съ нагими женщинами и дамская корзиночка съ берлинскими шерстями, неизвѣстно какъ сюда попавшая. У письменнаго стола на половину была отломана рѣшетка.

— Ну, вы теперь какъ хотите, объявила Анна: — а я не уйду отсюда, пока не получу формальнаго обѣщанія, что вы исполните мою просьбу. Дѣло вотъ въ чемъ: будьте моимъ адвокатомъ въ клубѣ.

Анна объяснила ему, въ чемъ состояла ея просьба.

Грубецкой глубокомысленно размышлялъ.

— Да они меня на клочки разорвутъ!

— Пустяки. Для васъ это положительно дѣло двухъ минутъ.

— Какъ бы не такъ. Да вы знаете-ли, кто у насъ тамъ засѣдаетъ-то? Да они меня съѣдятъ, въ порошокъ изотрутъ...

— Перестаньте!

— Чего перестать! Я вамъ истинную правду говорю. У насъ тамъ весь сокъ, вся патока, такъ сказать, — это старшины. Коли ихъ убѣдилъ, ну, тогда говори: аминь! До тѣхъ поръ Боже сохрани! Теперь глядите сами. Одному я по-сю пору 200 р. долженъ, я ему скажу: уступи намъ мѣстечко! Онъ скажетъ: долгъ подай! Ну, ладно, это въ сторону. Теперь другой: я у его жены разъ въ собраніи стулъ унесъ. Ну, такъ онъ послѣ этого, могу вамъ доложить, такой со мною ехидный сталъ, просто со свѣту

сживаетъ. Это ужъ два; про третьяго и говорить нечего. Онъ у меня въ участкѣ мировой судья. Я какъ только увижу, что на улицѣ мальчишки дерутся — сейчасъ посылаю ихъ къ нему. А онъ этого страсть не любитъ; только и глядитъ, какъ бы изъ камеры вонъ. Стало быть, и этотъ баринъ меня не поддержитъ. А родственникъ вашъ, такъ тотъ бѣда... Онъ про меня, я знаю, статью пишетъ въ журналъ.

Успокоивши его на счетъ Балкашина и объявивши, что съ этой стороны помѣхи не будетъ, Анна долго еще продолжала убѣждать своего собесѣдника, пока не получила отъ него торжественнаго обѣщанія всячески помогать ей. Ради шутки, она взяла даже съ него росписку, въ которой онъ гласилъ, что симъ обязуюсь я, нижеподписавшійся, оказывать женѣ коллежскаго ассесора Корсаковой всякую помощь и содѣйствіе по дѣлу о дозволеніи производить опыты въ зданіи выставки сельско-хозяйственныхъ произведеній.

IX.

Двѣ недѣли, назначенныя для путешествія Черника по уѣзду, подходили къ концу.

Анна въ это время рѣшительно завертѣлась: близкое замужство Саши, предстоящая выставка и опыты надъ сжатымъ воздухомъ, дѣло съ Падалкой — все это не оставляло свободной минуты, не давало ей времени опомниться и спросить себя, гдѣ она и что съ ней. Она съ какимъ-то азартомъ кинулась теперь въ шумную жизнь: участвовала въ пикникахъ, каталась съ цѣлою компаніей на па-

роходѣ, ѣздила за городъ на дачу къ сестрѣ и къ знакомымъ.

Лѣто, какъ нарочно, вышло шумное. Выставка-ли оживила городъ, или просто людямъ стало весело, но только взапуски давались разныя празднества. Даже Еремѣевъ пустился въ свѣтъ, и для закладки новаго, чудовищныхъ размѣровъ, завода, задалъ пиръ всему городу. Самъ преосвященный отслужилъ молебенъ, самъ губернаторъ пилъ за здоровье хозяина или, вѣрнѣе, его трехъ съ половиною милліоновъ.

Въ городскомъ саду одна совѣтница каталась на велосипедѣ, чѣмъ несказанно соблазняла всю публику.

Въ одномъ домѣ, гдѣ имѣются самыя свѣжія новости, слышали, что Черника, по дѣлу о порубкѣ лѣса, отдали подъ судъ; въ другомъ, гдѣ всѣ извѣстія получаются съ иголочки, разсказывали, что Черникъ предлагалъ Лидіи Геннадіевнѣ бѣжать съ нимъ, за что и былъ съ позоромъ выгнанъ изъ предводительскаго дома.

Въ тотъ день, какъ этотъ слухъ былъ городомъ окончательно принятъ и утвержденъ, Черникъ вернулся изъ уѣзда.

По условію съ Анной Игнатьевной, въ этотъ день онъ долженъ былъ сдѣлать Сашѣ предложеніе. Чѣмъ ближе подходила страшная минута, тѣмъ сильнѣе давила его тяжелая, тупая тоска. Онъ видѣлъ, какъ на него спускается какой-то туманъ, какъ его влечетъ куда-то: но куда? зачѣмъ? Онъ идетъ, потому что ему надо идти, потому что остановиться не имѣетъ силъ. Бывали проблески сознанія, но за то бывали и такія мгновенія, когда онъ говорилъ себѣ: все равно! и чувствовалъ, что ему дѣйствительно ужъ все равно.

Чтобы хоть сколько-нибудь отдалить развязку, чтобы украсть у судьбы хоть полчаса, онъ рѣшилъ, что пойдетъ къ Корсаковымъ вечеромъ.

Случилось такъ, что въ этотъ день былъ праздникъ и въ городскомъ саду гулянье. Проходя мимо, Черникъ слышалъ звуки полковой музыки, но не догадался заглянуть: онъ увидѣлъ бы тамъ свою будущую невѣсту съ родными.

Дома оставались только Филиппъ и Анна. Борисъ тоже гдѣ-то путешествовалъ.

Анна Игнатьевна, недавно вернувшаяся отъ сестры, сидѣла у растворенаго окошка и прислушивалась къ городскому шуму: къ дальнему стуку колесъ, къ гармоникѣ, замиравшей гдѣ-то на углу. Въ сосѣдней комнатѣ, Филиппъ мрачно ходилъ взадъ и впередъ. Шаги его тяжело ложились на половицы и глухо раздавались среди тишины.

Услыхавши въ передней шорохъ, онъ направился туда, и лицомъ къ лицу столкнулся съ Черникомъ. Оба какъ-то невольно отступили назадъ. Черникъ что-то сказалъ, но Филиппъ молча смѣрялъ его глазами, молча поклонился и продолжалъ свою прогулку. Гость спокойно положилъ шляпу, снялъ перчатки и взялся за стулъ.

— Вамъ кого угодно? рѣзко спросилъ хозяинъ.

— Я желалъ бы видѣть вашу матушку.

— Ея нѣтъ дома.

Черникъ съ минуту молчалъ, какъ бы рѣшая, что ему на это сказать.

Вдругъ отворилась, или, скорѣе, съ какою-то стремительностью распахнулась дверь. Вошла Анна. Будь въ комнатѣ немножко посвѣтлѣе, можно было бы замѣтить, что она бѣлѣе полотна.

— Ахъ, это вы! удивилась она. — Я слышала чей-то голосъ и не могла понять, кто это. Здравствуйте! Гдѣ это вы пропадали? Садитесь, пожалуйста.

Все это она выговорила залпомъ, потомъ обернулась къ Филиппу.

— Что, наши скоро вернутся? Вы не знаете?

Тотъ подошелъ и какъ-то особенно упорно взглянулъ ей въ глаза.

— Не знаю, сказалъ онъ глухо и отошелъ.

Анна сдѣлала движеніе, хотѣла что-то отвѣтить ему, но слова не вылетали.

Черникъ съ самымъ беззаботнымъ видомъ принялся разсказывать о томъ, что онъ сейчасъ, проходя мимо сада, слышалъ музыку. Анна сказала что-то не впопадъ и предложила чаю.

— Вы будете? спросила она Филиппа, проходя мимо, чтобы распорядиться.

— Не занимайтесь мною! Прошу васъ, не занимайтесь мною!

И онъ подчеркнулъ эти слова. Черникъ опять остался съ нимъ наединѣ. Въ душѣ его закипала ярость. Онъ готовъ былъ задушить его уже за одинъ этотъ тонъ. Онъ не зналъ, какъ отмстить ему за любимую женщину, которая томилась и страдала у него на глазахъ. Невольный ужасъ Анны, когда Филиппъ устремилъ на нее свой инквизиторскій взглядъ, ея смущеніе, когда онъ изрекъ свое: не знаю! — все это достаточно говорило о томъ, что́ она выносила отъ этого человѣка. Да, Черникъ глубоко ненавидѣлъ его теперь; но то была безсильная ненависть. Надо было оставаться хладнокровнымъ, даже болѣе: вѣжливымъ.

Онъ молилъ въ душѣ, чтобы Филиппъ сказалъ ему дерзость, это давало ему право отвѣтить тѣмъ-же. Но Филиппъ, какъ на зло, молчалъ и только продолжалъ свою нескончаемую прогулку.

Анна вернулась. По тону ея голоса слышно было, что она замѣтно успокоилась. Она, не стѣсняясь, подсѣла къ гостю и, пересыпая свою болтовню смѣхомъ, стала ему что-то разсказывать. Изрѣдка вскидывая глаза на Филиппа, она опять обращала ихъ къ Чернику и продолжала свой разсказъ. Но тотъ, кому дорого было каждое ея движеніе, малѣйшій звукъ ея голоса, тотъ, конечно, не могъ не замѣтить, какъ иногда вздрагивали у нея губы, какъ по лицу молніей пробѣгало выраженіе, котораго она не въ силахъ была скрыть.

Возвращеніе Бориса положило конецъ этой тяжелой сценѣ. Онъ пришелъ въ ту минуту, когда жена его рѣшительно изнемогала отъ усилій сохранить необходимую развязность. Увидавши мужа, она вздохнула свободнѣе и, поручивъ ему гостя, быстро скользнула изъ комнаты. Въ коридорѣ ее догналъ Филиппъ. Онъ шелъ къ себѣ.

— Актриса!

Это слово онъ бросилъ ей мимоходомъ, но такъ явственно, такъ выразительно, что сомнѣваться долѣе нельзя.

Она схватила его за руку и гнѣвнымъ, задыхающимся голосомъ спросила:

— Что такое? Повторите, что вы сказали!

Вся она дышала ненавистью, глаза вспыхнули и загорѣлись. Онъ не отвѣтилъ ничего и прошелъ мимо. Съ минуту она глядѣла ему вслѣдъ, потомъ тихо повернулась и пошла опять въ залу.

Борисъ добродушно бесѣдовалъ съ гостемъ, причемъ можно было видѣть въ темнотѣ, какъ онъ дѣлалъ жесты, вѣроятно, показывая размѣры какого-нибудь предмета. Марья освѣтила всѣхъ и подала чай.

Разговоръ, между прочимъ, зашелъ о Лёвкѣ. Борисъ высказалъ свое сожалѣніе, что у насъ такъ часто изъ талантливой головы не выходитъ ничего путнаго.

— Самолюбіе заѣдаетъ, замѣтилъ Черникъ. — Знаете, ничто такъ не губитъ человѣка, какъ эта масса самолюбія, которая ему не подъ силу.

— Да, удивлялся Борисъ:—странные есть люди. И чего они хотятъ? Вотъ спросите у нея. (Онъ указалъ на жену). Она своего брата понимаетъ. А я его, ей-Богу, не понимаю. Иной разъ говоришь съ нимъ — видишь, что свѣтлая голова. А все что-то не то. Мысли у него странныя бываютъ. Вдругъ скажетъ: ненавижу всѣхъ! Или: меня всѣ ненавидятъ! Вѣдь вотъ, задался-же человѣкъ.

— А между тѣмъ, это натура талантливая, вступился Черникъ:—но до крайности неразвитая и потому исковерканная. Онъ читалъ тамъ кое-какія книжки, преимущественно по соціальнымъ вопросамъ, и глубоко убѣжденъ, что знаетъ много, а между тѣмъ, вѣдь онъ не имѣетъ простыхъ элементарныхъ свѣдѣній. Онъ проваливается на самыхъ пустыхъ вопросахъ. Какъ же вы хотите, чтобы мальчикъ, начавшій не съ азбуки, а прямо чуть ли не съ политической экономіи, былъ послѣдователенъ! Въ немъ есть силы, онъ это сознаетъ, но онъ не умѣетъ приложить ихъ. А общество, вслѣдствіе этого, совсѣмъ не признаетъ въ немъ никакихъ силъ. Понятно, что это должно его озлобить. Я, конечно, не знатокъ сердца человѣческаго, но мнѣ казалось

всегда, что въ немъ есть даже нѣкоторая мягкость. Онъ ея стыдился, это правда, и пряталъ подъ самою грубою маской. Но самая эта грубость была часто напускная. Вы не замѣчали этого?

Борисъ махнулъ рукой.

— Онъ теперь за границей?

— Да, долженъ быть за границей. Обстоятельства вышли такія... Надо будетъ вернуть его. Жалѣю, что послалъ его съ безпутнымъ господиномъ... Послѣднее время онъ у меня много занимался и, между прочимъ, французскимъ языкомъ. Не имѣя о немъ никакого понятія, ни малѣйшей подготовки, онъ въ три, въ четыре мѣсяца сталъ читать довольно легко и даже говорить немножко, для перваго начала очень удовлетворительно. Къ тому-же, замѣтьте, что человѣкъ не имѣетъ къ языкамъ особенной способности и взялъ единственно силой своего упрямства. Я видѣлъ, какъ это ему доставалось.

Анна увидала на столѣ газету, принесенную мужемъ, и развернула ее. Она рада была всякому предлогу, чтобы только не вмѣшиваться въ разговоръ.

А Борисъ какъ нарочно заговорилъ о ней.

— Вѣдь вотъ моя жена... Вы ее спросите. У нихъ съ братцемъ однѣ фантазіи. Она его всячески одобряетъ.

Борисъ добродушно засмѣялся. Черникъ боялся взглянуть на Анну. Онъ почти угадывалъ, что она мѣняется въ лицѣ.

— Я удивляюсь, продолжалъ счастливый мужъ:—какъ мы съ ней ужились. А ничего, Богъ миловалъ. Знаю, что ей непремѣнно нужно гдѣ-нибудь бывать... во дворцѣ, что-ли. Ей все тѣсно, простору надо. Да. А вотъ тутъ этакая

маленькая комнатка, ну и помирись. Бѣда эти женщины... Ужъ всѣ-ли онѣ такія, не знаю. Вы какъ думаете?

Черникъ опять бросилъ на Анну безпокойный взглядъ.

— Вотъ женитесь, посмòтрите, какъ они насъ забираютъ въ руки, шутилъ Борисъ. — Противорѣчить и не думай—бѣда!

— Хочу попробовать. Думаю вотъ тоже жениться.

— И отлично дѣлаете. Жизнь совсѣмъ другой цвѣтъ приметъ.

Вдругъ слабое восклицаніе Анны заставило обоихъ оглянуться. Она была видимо поражена и несовсѣмъ твердымъ голосомъ начала читать:

„12-го числа, близъ Лѣтняго сада, усмотрѣнъ застрѣлившимся неизвѣстный молодой человѣкъ. (Затѣмъ слѣдовало описаніе, въ какомъ положеніи найденъ трупъ, описаніе примѣтъ, и въ концѣ прибавлено слѣдующее): Изъ кармана у него вынуты двѣ записки страннаго содержанія. Обѣ написаны карандашомъ и очень безпорядочнымъ почеркомъ. Первая: „Дабы не тревожить полицію, симъ объявляю, что въ смерти своей никого не виню. Аминь“. Подписано: Лёвка Трезвовъ.

Вторая. „На свѣтѣ живется скверно. Удивляюсь, какъ я не догадался объ этомъ раньше. Это было такъ просто, а между тѣмъ, сколько я ломалъ голову. Совѣтую, господа, всѣмъ, кому тяжело тянуть эту лямку, подумать объ этомъ. Пусть жизнью наслаждаются избранные! А мы, сверхштатные, поищемъ себѣ другого краю. Считаю нужнымъ засвидѣтельствовать, что пишу въ здравомъ разсудкѣ. Смерти жду сознательно. Интересно, какое будетъ ощущеніе, когда пуля засядетъ въ мозгу“. Подписи нѣтъ.

Нѣсколько минутъ всѣ молчали: слишкомъ были поражены смертью человѣка, о которомъ четверть часа тому назадъ говорили, какъ о живомъ. Надъ нимъ произносили приговоры, ему сулили свѣтлую будущность, когда онъ лежалъ уже въ могилѣ. Лёвка кончилъ такъ-же дерзко, такъ-же неудачно, какъ провелъ и всю свою жизнь. Двадцать лѣтъ онъ рѣшалъ вопросъ о томъ, какъ себя устроить, и рѣшилъ его съ пистолетомъ въ рукахъ. Одна минута отчаянія, внезапный отъѣздъ безпутнаго графа, который укатилъ за границу неожиданно, почти тайкомъ, самъ не зная хорошенько, почему и зачѣмъ, и бросилъ его въ Петербургѣ одного, безъ родныхъ, безъ знакомыхъ, безъ денегъ,—одна такая минута покончила все.

Странно дѣйствуетъ на людей слухъ о чьей-нибудь смерти, особенно, когда онъ застаетъ ихъ врасплохъ. Всѣ какъ-то замерли. Фигура Лёвки была еще слишкомъ жива передъ глазами. Неужели въ самомъ дѣлѣ человѣкъ этотъ, еще полный силъ, полный самыхъ безумныхъ мечтаній—теперь уже трупъ? Какъ повѣрить, что уже ни одно проклятіе не сорвется больше съ этихъ дерзкихъ устъ, ни разу не загорятся черные, огневые глаза?

Анна рѣшительно видѣла брата передъ собой. Она чувствовала еще его послѣднее, крѣпкое пожатіе. Зачѣмъ не удержала она его тогда, зачѣмъ не наглядѣлась вдосталь?

Странная жалость является у насъ къ покойнику, котораго мы при жизни часто вовсе и не любили.

Но человѣкъ прежде всего эгоистъ. Возвращеніе Фаины Ивановны со всѣми домочадцами заставило вспомнить о той

возмутительной сценѣ, которая должна теперь разыграться. Образъ Лёвки сталъ блѣднѣть и незамѣтно стушевался въ туманѣ. Большую ошибку дѣлаютъ люди, что умираютъ. Память о нихъ исчезаетъ гораздо скорѣе, чѣмъ они думаютъ. Саша вспыхнула немножко, увидавши Черника (она была уже достаточно подготовлена Анной къ формальному объясненію), но потомъ скоро оправилась. Черникъ торжественно придвинулъ Фаинѣ Ивановнѣ кресло и вообще съ первыхъ же словъ далъ понять, что онъ пришелъ не даромъ. Фаина Ивановна прикинулась ничего непонимающею. Съ самымъ простодушнымъ видомъ она начала разсказывать, въ какомъ платьѣ была нынче губернаторша. Потомъ усердно подчивала гостя чаемъ. Саша ушла и не показывалась. Положеніе Черника было бы глупое, еслибы оно не было къ тому-же мучительнымъ. Обстоятельства заставили его бесѣдовать даже съ Варенькой и выслушивать ея сожалѣнія о томъ, что въ саду не исполняютъ классической музыки. Болтать о пустякахъ, когда черезъ нѣсколько секундъ должна рѣшиться судьба человѣка... въ умѣ Черника блеснула мысль: какъ было бы хорошо, еслибы всѣмъ, и ему въ томъ числѣ, можно было куда-нибудь исчезнуть, исчезнуть безъ слѣда.

Борисъ дѣлалъ разныя простодушныя замѣчанія; между прочимъ, увидалъ въ окно Сашу, прогуливавшуюся въ палисадникѣ, увѣдомилъ и объ этомъ.

Черникъ приподнялся съ мѣста.

— Вы мнѣ позволите передать Александрѣ Яковлевнѣ нѣкоторыя карточки? Она меня просила.

Фаина Ивановна освѣдомилась, кого эти карточки изо-

бражаютъ, узнала, что артистовъ итальянской оперы, и дала свое согласіе.

Когда гость вышелъ, въ комнатѣ наступила торжественная тишина. Никто не сомнѣвался, чѣмъ должна кончиться его бесѣда съ Сашей. Одинъ Борисъ оставался въ невѣдѣніи; но и онъ не расположенъ былъ нарушать своими разговорами общаго таинственнаго настроенія. Онъ думалъ о Лёвкѣ и о томъ, какъ странно, что одни люди умираютъ, а другіе веселятся—мысль довольно избитая, но всегда тяжелая, если на ней остановиться подольше.

Анна не смѣла выдти изъ комнаты. Она, какъ стояла у окна, такъ и осталась, не шевелясь, не двигая ни однимъ мускуломъ, даже ни разу не моргнувши. Странно было видѣть эти широко-открытые глаза, обращенные вдаль. Всю ее охватилъ какой-то стремительный ужасъ. Дыханье перехватывало, свѣтъ отъ лампы обратился въ мракъ или скорѣе въ какую-то пустоту. Она не разсмотрѣла Филиппа, когда тотъ прошелъ отъ нея въ двухъ шагахъ. Она не чувствовала, какъ Варенька вынимала у нея изъ-подъ рукъ платокъ.

Весь міръ обратился въ одинъ страшный вопросъ: „что ты сдѣлала?“

Черникъ вернулся. Онъ былъ одинъ и, повидимому, спокоенъ.

Обращаясь къ Фаинѣ Ивановнѣ, онъ вѣжливо попросилъ ее удѣлить ему двѣ минутки. Всѣ вздрогнули. Иногда въ голосѣ человѣческомъ есть что-то такое, что даже самой простой фразѣ придаетъ потрясающее выраженіе.

Фаина Ивановна дрожащими руками взяла свѣчку и пригласила гостя въ другую комнату.

Даже Борисъ понялъ теперь, что тутъ не спроста, и обвелъ всѣхъ присутствующихъ недоумѣвающимъ взглядомъ. Сестра сидѣла, облокотившись на столъ и не поднимая глазъ отъ полу. Глѣбъ разсѣянно барабанилъ по скатерти. Дмитрій что-то стругалъ, но тоже съ видомъ нѣсколько сконфуженнымъ. Всѣ трое имѣли видъ людей, которымъ даны роли безъ рѣчей въ какой-то торжественной драмѣ.

Анна незамѣтно вышла изъ комнаты. А Филиппъ стоялъ ошеломленный и, встрѣтившись взглядомъ съ братомъ, отвѣтилъ ему тѣмъ-же нѣмымъ вопросомъ.

Дверь растворилась, и Фаина Ивановна со свѣчкой величественно показалась на порогѣ.

— Позовите Сашу! сказала она громко, но не совсѣмъ твердо.

Дмитрій вскочилъ и стремительно кинулся за сестрой. Фаина Ивановна не говорила больше ни слова. Она ждала дочь и до ея прихода рѣшила томить всѣхъ молчаніемъ. Слышенъ былъ только тяжелый вздохъ, да стукъ подсвѣчника, поставленнаго на столъ все тою-же нетвердою рукой. Фигура Черника, на котораго устремлено было теперь общее вниманіе, какъ-то особенно рельефно выдѣлялась изъ полумрака. Лицо его оставалось въ темнотѣ, но вся поза дышала сдержанностью и таинственностью. Варенька разсказывала послѣ, что онъ въ эту минуту напоминалъ ей злого духа.

Саша вошла вся пылающая, почти со слезами на глазахъ; она пропустила впередъ брата и слѣдовала за нимъ, какъ осужденная преступница. На жениха своего она не взглянула ни разу.

Фаина Ивановна дала подойти ей поближе, потомъ, не

спѣша, сняла съ шеи образокъ и, все также не спѣша, осѣнила имъ дочь три раза.

— Будь счастлива! начала она торжественно, стараясь придать голосу своему твердость, которой у нея не было.— Не забывай мать свою! А любить... люби его. (Паузы дѣлались все чаще и чаще). Слушайся его... Живите въ мирѣ... какъ я жила съ покойникомъ отцомъ. И вы ужъ... не забывайте ее! Отнимаете, вѣдь, у меня.

Фаина Ивановна обняла дочь и вдругъ зарыдала.

Всѣмъ стало тяжело. Саша припала къ матери и плакала навзрыдъ. Черникъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, стиснувши рукой выдавшійся уголъ дивана. Варенька удивлялась его жесткости и сама потихоньку вытерла скатившуюся слезу. Крѣпко сжимая дочь въ своихъ объятіяхъ, Фаина Ивановна вдругъ оттолкнула ее, потомъ сжала опять и, припавши головой на плечо къ ней, зарыдала сильнѣй.

Сцена становилась невыносимою.

Наконецъ, мать, выпустивъ свою жертву, сказала:

— Ну, будетъ! и стала, постепенно, вытирать себѣ лицо.

Потомъ, обернувшись къ Чернику, сдѣлала ему знакъ, что онъ можетъ теперь подойти къ невѣстѣ. Онъ, казалось, не сразу понялъ, въ чемъ дѣло.

Черникъ вышелъ, наконецъ, изъ того полумрака, гдѣ, по выраженію Вареньки, онъ имѣлъ видъ злого духа, наклонился къ невѣстѣ и взялъ ее за руку. Саша чувствовала, что поцалуй неизбѣженъ. И онъ дѣйствительно поцаловалъ ее, поцаловалъ при всѣхъ. Самой влюбленной дѣвушкѣ такая выставка не можетъ быть пріятна. Это былъ именно одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда человѣку хо-

чется провалиться сквозь землю. Но матери думаютъ объ этомъ иначе.

Фаина Ивановна считала, что лишній зритель никакъ не можетъ испортить такой сцены. Окинувши комнату быстрымъ взглядомъ, она къ ужасу своему замѣтила, что не всѣ на лицо: невѣстки ея не было. Даже Марья стояла тутъ и съ умиленіемъ на лицѣ смотрѣла на жениха съ невѣстой, а Анны Игнатьевны нѣтъ.

Ужасъ мгновенно смѣнился въ душѣ Фаины Ивановны негодованіемъ.

— Гдѣ-же Анна Игнатьевна? Мнѣ кажется, она могла бы раздѣлить съ нами общую радость. Мнѣ кажется, она могла бы оставить на это время свои дѣла.

Всѣ обернулись. Дѣйствительно, это странно. Въ такую минуту...

Но Анна стояла уже въ дверяхъ. Какъ бы ослѣпленная непривычнымъ свѣтомъ, она на минуту остановилась, потомъ вдругъ быстро пошла на встрѣчу Сашѣ.

— Я это знала давно, шепнула она, наклоняясь къ невѣстѣ.

При этомъ платьемъ своимъ она должна была коснуться Черника и даже кружевомъ зацѣпилась о запонки, блестѣвшія у него на рукавѣ. Распутывая ихъ, она улыбалась и замѣтила, что это дурная примѣта. Потомъ пожала руку жениху, обняла невѣсту, и принесла свое поздравленіе Фаинѣ Ивановнѣ.

Когда она, затѣмъ, отошла къ столу и свѣтъ ударилъ ей въ лицо, нельзя было не замѣтить, какъ она поразительно хороша въ этотъ вечеръ. Огонь, помимо ея воли, вспыхивалъ въ глазахъ, быстро потухалъ и также быстро

загорался вновь, но только на одно мгновеніе. Эта внутренняя борьба освѣщала ея черты и говорила одному, но только „одному“ человѣку о томъ, что происходило у нея въ душѣ.

Филиппъ пожиралъ глазами группу съ счастливою невѣстой въ срединѣ и съ красавицей женой Бориса на краю.

Отуманенный, опьяненный видомъ этой женщины, онъ забывалъ, что за сцена разыгрывается передъ нимъ; онъ видѣлъ только всѣ свои подозрѣнія разбитыми и чувствовалъ смѣсь какой-то жгучей радости и такого-же жгучаго горя.

Въ одиннадцатомъ часу, Черникъ сталъ прощаться. Онъ хотѣлъ почтительно поцаловать руку у невѣсты, но Фаина Ивановна опять подала сигналъ, который разрѣшалъ поцалуй болѣе нѣжный. Едва его губы коснулись Сашиныхъ, какъ онъ почувствовалъ на себѣ огневой взглядъ Анны Игнатьевны. Это былъ уже взглядъ ревности. Когда онъ, наконецъ, подошелъ къ ней проститься и взялъ ее за руку, тутъ только первый разъ во весь вечеръ глаза ихъ встрѣтились, и что они прочли въ нихъ — объ этомъ не забудутъ никогда.

Былъ первый часъ, а никто еще не спалъ. Фаина Ивановна заперлась съ дочерьми у себя въ спальной. Филиппъ остался въ залѣ. Никѣмъ незамѣченный, онъ сидѣлъ въ потьмахъ и черезъ отворенныя двери могъ видѣть, что дѣлается на половинѣ брата.

Борисъ что-то писалъ. Потомъ бросилъ перо, отодвинулъ свѣчку и задумался. Сзади, какъ тѣнь, скользнула

Анна. Въ движеніяхъ ея было что́-то неровное. Она осмотрѣлась кругомъ, кинула взглядъ въ окно и остановилась. Вдругъ она склонилась надъ его стуломъ и зарыдала. Борисъ вскочилъ въ испугѣ. Видно было, что онъ рѣшительно онѣмѣлъ отъ изумленія. Что̀ онъ спрашивалъ, нельзя было разслышать, потому что онъ говорилъ тихо, но ея слова долетали ясно, всѣ до одного.

— Еслибы кто-нибудь видѣлъ мои страданія... Ахъ, Борисъ, еслибы ты видѣлъ ихъ... Ты, можетъ быть, простилъ бы меня...

— Да въ чемъ? Богъ съ тобой.

— Во всемъ, во всемъ!.. Но эти мученья, этотъ адъ...

Она подняла голову и стиснула ее рукой.

— Я понимаю тебя, замѣтилъ онъ тихо.

Она опустила руку и остановила на немъ грустный взглядъ.

— Что́ ты понимаешь? Нѣтъ, ты не понимаешь меня!

Тоска заблестѣла у нея въ глазахъ. Она съ какимъ-то отчаяньемъ сдѣлала движеніе и замолкла. Мужъ глядѣлъ на нее съ такою любовью, съ такимъ состраданіемъ, что, казалось бы, душу свою отдалъ, только бы видѣть эту женщину счастливою.

Но не въ его власти было ея счастіе.

— И нужно было, чтобы этотъ вечеръ, этотъ проклятый вечеръ пришелъ, наконецъ! Ахъ, еслибы можно было вернуть...

— Вернуть нельзя, вздохнулъ Борисъ.

— Можно! сказала она стремительно.—Можно! Но у меня не хватитъ силы... Господи, дай-же мнѣ силу!.. дай мнѣ ее хоть разъ въ жизни... Вѣчно быть разбитой, иско-

верканной!.. За что̀ погибъ человѣкъ, который въ тысячу разъ лучше меня? За что я погубила его?

— Не ты погубила его.

— А! (она вдругъ остановилась и пристально, безмолвно смотрѣла на мужа). Не я? Да, это правда, не я.

Она захохотала.

— Да полно, что съ тобой?

— Что́ со мной? Ничего! Мы говоримъ о Лёвкѣ? да? Тебѣ его жалко, Борисъ? спросила она какимъ-то страннымъ, вкрадчивымъ тономъ.

Онъ отвернулся и молча кивнулъ головой.

— И мнѣ тоже. Да. Мнѣ его жалко. Ну, а какъ ты думаешь, кромѣ Лёвки, я никого не могу жалѣть? И погубить никого не могу?

Борису стало страшно. Онъ боялся за разсудокъ своей жены. Въ словахъ ея слышалось что́-то такое, положительно сумасшедшее.

— Борисъ, что если я?.. Нѣтъ. Никогда, никогда я не скажу этого слова. Пусть будетъ, что́ будетъ — я молчу.

Мужъ пытался успокоить ее, усадить на кресло — напрасно.

— У меня ужасныя мысли мелькаютъ. Ты ихъ не знаешь; и не нужно. Зачѣмъ тебѣ ихъ знать, Борисъ! Пусть ужъ я лучше погибаю одна. Мнѣ все равно, выхода нѣтъ. А ты понимаешь, что значитъ это слово: нѣтъ выхода!

Она положила ему руку на плечо и смотрѣла какимъ-то испуганнымъ, неестественно-напряженнымъ взглядомъ.

— Да что́ съ тобой! Анна! милая! Ты нездорова.

— Нѣтъ, я здорова. (Она близко нагнулась къ нему

и спросила): Борисъ, скажи, любишь ты меня? (Онъ отвѣтилъ ей взглядомъ). И никогда не разлюбишь? нѣтъ?

— Никогда! сказалъ онъ горячо.

Она молча, беззвучно упала къ его ногамъ и, обливаясь слезами, схватила его руки.

Онъ вскрикнулъ, хотѣлъ поднять ее.

— Ничего, ничего! твердила она, глотая душившія ее слезы.

Онъ поднялъ ее почти насильно. Она съ трудомъ встала и, опираясь ему на руку, дошла до постели.

Борисъ уговорилъ ее лечь, потушилъ, по ея приказанію, свѣчку и, по ея-же приказанію, долженъ былъ удалиться, чтобы оставить ее одну.

— Прощай! сказала она тихо:—и прости! прибавила она еще тише, когда мужъ уже не могъ слышать ее.

Выходя въ залу, Борисъ вдругъ почувствовалъ, что на плечо его легла чья-то тяжелая рука. И безъ того уже съ сильно разстроенными нервами и воображеніемъ, онъ вздрогнулъ. Передъ нимъ стоялъ братъ.

— Ты знаешь, о чемъ она плакала?

— Тише, ради Бога тише. Она сейчасъ только легла.

— Ты знаешь, о чемъ твоя жена плакала? повторилъ Филиппъ гнѣвно.

— Вѣдь у нея братъ застрѣлился. Ты пойми это. Она нынче вечеромъ только это узнала.

Филиппъ вдругъ отступилъ.

— Братъ! Вотъ какъ! Что-жъ, она его такъ любила? спросилъ онъ насмѣшливо.

— Тише, Филиппъ. Ты ее разбудишь. Ты не знаешь,

какое у нея мягкое сердце. Вы ее никто не знаете. Ужъ если эта женщина къ кому-нибудь разъ привяжется...

— Да, къ брату, напримѣръ. Такъ ты увѣренъ, что она нынче оплакивала брата?

— А что́? Развѣ есть какая-нибудь другая причина? Она тебѣ, можетъ быть, что-нибудь говорила?

— Мнѣ? Ты съ ума сошелъ! Покойной ночи.

— Да нѣтъ, послушай...

— Тише! Анну Игнатьевну разбудишь...

Филиппъ пошелъ-было къ себѣ, но потомъ вдругъ вернулся.

— Твоя жена или демонъ... или... я не знаю что! Теперь я тебѣ больше ничего не скажу, но... потомъ посмотримъ!

— Филиппъ, я тебя прошу...

— Послѣ! Теперь больше ни слова! Въ самомъ дѣлѣ? Братъ застрѣлился!

Филиппъ засмѣялся тѣмъ тихимъ, убійственнымъ смѣхомъ, отъ котораго морозъ подираетъ по кожѣ, и хлопнулъ дверью.

X.

Падалка имѣла нѣкоторыя странности. Каждый годъ аккуратно она праздновала день своего рожденія, чего обыкновенно старухи не дѣлаютъ.

20-го іюля „весь городъ“ (выражаясь словами Евы) являлся къ Иринѣ Александровнѣ засвидѣтельствовать о томъ, что онъ ее всячески почитаетъ и уважаетъ. Даже Грубецкой облекался во фракъ и шелъ поздравлять прош-

лое столѣтіе. Давно уже, со временъ счастливой молодости, когда мужъ дарилъ ей брилліантовые фермуары, Падалка не получала такого пріятнаго подарка, какъ теперь, когда Анна сообщила ей *первой*, первой во всей губерніи, о томъ, что Черникъ женится.

Падалка заметалась и, увидавши входящаго гостя, стремительно, какъ кипятокъ на голову, бросила ему это извѣстіе.

— Вы слышали, Черникъ женится!

Вскорѣ въ гостиной открылся перекрестный огонь. Фраза: Черникъ женится! летала рикошетомъ по всей комнатѣ. Вошла Лили сіяющая, вся залитая блескомъ своего ярко-голубого платья, капризная, счастливая, привѣтливая.

— Вы слышали? Черникъ женится.

Лили спуталась и растерянно, наивно отступала назадъ, задѣвая шлейфомъ за табуретку.

Анна любезно посторонилась, чтобы уступить ей мѣсто.

— Скажите! Кто бы этому повѣрилъ! Я видѣла его три дня тому назадъ и ничего не знала!

Лили сконфузилась, вся вспыхнула и съ трудомъ подавила подступавшія къ глазамъ слезы.

— Кто-же невѣста? спросила она наклоняясь, какъ бы для того, чтобы поправить тюникъ.

Падалка торжественно указала на Анну.

— Сестра ея мужа. Vous savez, la petite. Вы ее видѣли должно быть.

Лили широко раскрыла глаза и соображала. Но на губахъ ея играла уже улыбка. Она обладала удивительною способностью вспыхивать и потухать, какъ фосфорная спичка. Ея смущеніе набѣгало мгновенно, и такъ-же мгновенно пропадало.

Она принялась болтать съ жандармскимъ офицеромъ, не спуская глазъ съ двери, откуда долженъ былъ, по ея мнѣнію, появиться ея невѣрный Андрей. Вся счастливая жизнь, созданная ея воображеніемъ, жизнь, въ которой оставленъ былъ только самый маленькій уголочекъ строгому генералу и очень большой нѣжнымъ взглядамъ, разговорамъ, прогулкамъ вдвоемъ, на берегу рѣки—вся эта жизнь была теперь брошена къ ногамъ какой-то Саши.

Лили была очень несчастна, но у нея оставалось еще впереди утѣшеніе: раздирающая сцена съ Андреемъ.

Пришелъ Грубецкой, и на лихорадочное восклицаніе Ирины Александровны, на волновавшую всѣхъ новость, отозвался довольно равнодушно. Все, что не касалось его желудка, его управы и его пріятеля Балкашина, было для него безразлично.

— Женится! ишь-ты. Ну, что-жъ! Однимъ умникомъ на свѣтѣ больше.

Но вотъ и самъ великолѣпный предводитель дворянства и его царственная дочь!

— Слышали вы? Черникъ женится!

Предводитель задвигалъ губами. Какое ему дѣло до Черника! Лидія Геннадіевна поцаловала у бабушки руку, потомъ гордо выпрямилась и легкимъ наклоненіемъ головы поблагодарила гостя, подвинувшаго ей стулъ. Кто-бы изъ всѣхъ здѣсь присутствовавшихъ могъ подумать, что ея сердцу и самолюбію нанесенъ смертельный ударъ? Никто, кромѣ Анны Игнатьевны. Она одна, встрѣтившись взглядами съ надменною красавицей, уловила на лицѣ у нея нѣкоторую блѣдность.

Мужчины собрались около закуски. Зашелъ разговоръ

о предстоящей выставкѣ. Кто-то предлагалъ Черника, какъ агронома, пригласить въ комитетъ. Предводитель разсердился.

— Агрономъ! Хорошъ агрономъ! Мужиковъ бунтуетъ.

— Какъ? что?

— Спросите вотъ его, говоритъ предводитель, указывая на Дюшена.

Общее вниманіе обращается на послѣдняго. Но Дюшенъ скромно доѣдаетъ свой пирогъ и объявляетъ, что онъ самъ еще хорошенько не знаетъ, въ чемъ дѣло.

Послѣ такихъ намековъ, появленіе Черника производитъ рѣшительный скандалъ. Женихъ! Бунтовщикъ! Въ гостиной все мгновенно смолкаетъ, когда онъ входитъ. Причину такой внезапной тишины объяснить не трудно: вѣрный признакъ, что васъ тутъ разобрали по косточкамъ. Но Черникъ этимъ ни мало не смутился. Онъ вошелъ очень спокойно. Къ общему удивленію, на лицѣ его не было написано, что онъ женихъ, еще того менѣе, что онъ бунтовщикъ. На сухой поклонъ Лидіи Геннадіевны, на едва замѣтный кивокъ предводителя онъ отвѣтилъ такъ, какъ отвѣтилъ бы всякій благовоспитанный человѣкъ. Съ хозяйкой онъ былъ предупредителенъ, съ дамами вѣжливъ и любезенъ. Около губернаторши имѣлъ даже видъ преданнаго и нѣжнаго поклонника. Поздравленія принималъ съ очень вѣжливой улыбкой.

Итакъ, Черникъ женится! И на комъ? Боже мой, на дочери какой-то чиновницы! Какая-то нигдѣ невидѣнная и неслыханная Сашенька!

Не успѣлъ еще городъ опомниться отъ этой новости, какъ надъ нимъ разразилась другая: дочь предводителя выходитъ замужъ. Самъ Геннадій Николаевичъ разсказалъ объ этомъ въ клубѣ и представилъ Боборыкова, какъ своего будущаго зятя.

Что за странное совпаденіе обстоятельствъ! Какое сомнѣніе теперь въ томъ, что Черникъ потерпѣлъ у предводителя фіаско и съ досады взялъ за себя первую попавшуюся дѣвчонку. Но что все это въ сравненіи съ тѣмъ, что́ про него разсказываютъ теперь по городу! Мнимый бунтъ въ Падалкиномъ имѣньи разростался до чудовищныхъ размѣровъ. Участіе въ немъ Черника было ясно, какъ день. Clair comme le bonjour, говорила полицеймейстерша. Но онъ пользуется покровительствомъ губернатора, и затѣмъ... tout est dit par là. Никакого процесса не будетъ. Но городъ ошибался. Процессъ готовился и разразился совершенно неожиданно.

Въ послѣднихъ числахъ іюля, въ камеру мирового судьи была принесена земскою полиціей жалоба на двухъ лицъ, обвинявшихся въ распространеніи ложныхъ слуховъ съ цѣлію взбунтовать крестьянъ. Если принять въ соображеніе, что камера находилась въ уѣздѣ и что дѣло само по себѣ интереса не представляло, трудно было предвидѣть, какую бурю оно подниметъ въ сердцахъ мирныхъ гражданъ, какое яблоко раздора будетъ брошено во всѣ четыре городскіе клуба, какіе банкеты будутъ задаваться по поводу величайшей галиматьи, à propos de bottes, какъ говорятъ французы. Разсчетъ Черника оказался вѣренъ: изъ ничтожнаго процесса его съ Дюпеномъ должна была выйти грандіозная распря между начальникомъ губерніи и пред-

водителемъ дворянства—распря, поглотившая на время всѣ интересы и оставлявшая въ тѣни главнаго виновника ея, чего тотъ собственно и добивался.

Дней пять спустя послѣ описанной уже сцены у Падалки, Черникъ сидѣлъ у себя на квартирѣ вмѣстѣ съ Богданомъ Иванычемъ. Послѣдній только-что пріѣхалъ изъ деревни.

— Разбирательство кончилось часа въ четыре, разсказывалъ онъ, по обыкновенію угрюмо и какъ бы нехотя.—Велѣлъ я обѣдъ приготовить. Ну, вотъ, пріѣхалъ судья. Накормилъ я его хорошенько, напоилъ слегка. Разговорились. Оказывается, что ты человѣкъ очень проницательный; все вышло какъ по календарю. Призвали обвиненныхъ: одинъ во всемъ сознался, другой кругомъ заперся. Но судья, принимая во вниманіе показанія свидѣтелей и чистосердечное признаніе одного изъ обвиненныхъ, оштрафовалъ обоихъ въ 30 р. Конецъ и Богу слава!

— Ну, а Дюшенъ?

— А Дюшенъ ничего. Повѣстку ему прислали. Нынче, я думаю, получитъ.

— Bravo! Значитъ, онъ къ дѣлу привлеченъ. Сейчасъ ѣду къ губернатору.

— А скандалу ты не боишься?

— Напримѣръ?

— А напримѣръ, что предводитель тебѣ... Или онъ у васъ смирный, не дерется?

— Ты можешь быть увѣренъ, что онъ моего участія тутъ и подозрѣвать не будетъ. Посмотри, мы еще съ нимъ друзья будемъ. Вчера въ клубѣ встрѣтились—ужъ разговариваемъ. Прежде вѣдь онъ, какъ тебѣ извѣстно, въ домъ

меня къ себѣ пересталъ пускать. А вчера зашелъ споръ о политикѣ, я его сторону держалъ. Ну, онъ остался мною доволенъ. Потомъ о мужикахъ заговорили, чтобы потачки имъ не давать. Я говорю, что совершенно вѣрно...

— Такъ. На долго-ли это только. Вѣдь у него Дюшенъ подъ бокомъ.

— А я-то на что. Вѣдь я то-же подъ бокомъ. Милый мой, ужъ если я выбралъ себѣ резиденціей какую-либо губернію, такъ повѣрь, что я буду жить въ мирѣ со всѣми свѣтилами этой губерніи.

— Хитро ты что-то задумалъ, Андрей Михайлычъ. Хочешь перессорить губернатора съ предводителемъ, да съ обоими въ мирѣ жить. Смотри, какъ бы не пришлось выбирать.

— Во-первыхъ, нужно тебѣ замѣтить, что я ихъ не ссорилъ. Они до меня еще повздорили. А во-вторыхъ, ничего нѣтъ удобнѣе для человѣка, какъ попасть между двумя разъяренными противниками, разумѣется, когда съ нѣкоторымъ благоразуміемъ будешь держаться въ сторонѣ. Если ты бросишься сломя голову и попадешь подъ кулаки, такъ это ужъ твоя вина. Но если, говорю я, ты отойдешь къ сторонѣ, то въ убыткѣ никогда не будешь. Ты сообрази только одно, что въ ярости человѣкъ ослѣпленъ, а съ слѣпыми, понятная вещь, дѣло имѣть легче, чѣмъ съ зрячими.

Богданъ Иванычъ взялся за фуражку.

— Ну, ступай къ губернатору, а я пойду покупки дѣлать. Шутъ васъ дернулъ съ этою выставкой. Какія-то хвойныя породы тамъ выставлять.

— Нельзя, братъ, реклама. Вонъ, про меня и такъ

ужъ говорятъ: и мошенникъ, и такой-сякой... А вотъ какъ увидятъ они, что мошенникъ-то былъ собственно не я, а Дюшенъ; да, притомъ, какъ увидятъ еще на выставкѣ мои произведенія, ну и буду я опять человѣкъ почтенный, всѣми уважаемый. Вотъ еще посмотри, не нынче, завтра меня въ комитетъ выберутъ. Представлю я имъ образцы искусственныхъ туковъ, просто влюбятся въ меня наши помѣщики.

— Ну, однако, прощай.

Богданъ Иванычъ пошелъ-было къ двери, но на порогѣ обернулся.

— Такъ трубу-то пожарную покупать, что́-ли?

— Покупай! отвѣтилъ ему стремительно Черникъ, потомъ взялъ то-же фуражку и отправился къ губернатору.

Аудіенція продолжалась часъ съ небольшимъ. Его превосходительство узналъ, что Дюшенъ уже привлеченъ къ суду и благословилъ своего кліента на дальнѣйшіе подвиги. Начинаясь снизу, съ дьячка Андрона и Осипа Степаныча, дѣло добралось уже до Дюшена, а тамъ, какъ знать, дойдетъ, можетъ быть, и до предводителя. Генералъ питалъ эту надежду, хотя ей и не суждено было сбыться.

Возвращаясь домой, Черникъ никакъ не ожидалъ столкнуться съ Анной Игнатьевной. Со времени ихъ объясненія это былъ только ея второй визитъ къ нему. Одного взгляда было ему достаточно, чтобы видѣть, что она разстроена.

— Опять какое-нибудь несчастіе, сказалъ онъ, вынимая у нея изъ рукъ зонтикъ и снимая съ нея тальму. — Иначе вы не пришли бы ко мнѣ.

— Никакого несчастія, но мнѣ нужно поговорить съ тобой.

Это „ты“, этотъ мягкій, теплый взглядъ были ему такъ дороги!

— Ты знаешь, какіе слухи ходятъ про тебя по городу?

Въ голосѣ ея слышался почти ужасъ.

— Нѣтъ, не знаю. Что-же такое? спросилъ онъ, наклоняясь къ ней, какъ-бы притотовляясь выслушать тайну.

— Про тебя Богъ знаетъ что разсказываютъ. Эта несчастная исторія съ Падалкинымъ лѣсомъ... Тебя выставляютъ какимъ-то разбойникомъ. Такъ не можетъ продолжаться.

— Но въ чемъ-же дѣло? Что-же такое случилось?

Онъ спрашивалъ какъ-бы съ испугомъ, но глаза у него смѣялись и выдавали его.

— Я была вчера у сестры. Она не имѣетъ привычки стѣсняться со мной и наговорила мнѣ такого вздору... потомъ ея гости... Потомъ Падалка, наконецъ... Все это наперерывъ сочиняетъ сплетни на тебя. Одна другой нелѣпѣе. Геннадій Николаевичъ увѣрялъ (я сама этого не слыхала, но мнѣ передавали), что ты язва, что такіе люди, какъ ты, созданы для того, чтобы расшатывать общественное зданіе.

— Ну, да вѣдь онъ говорилъ это нѣсколько дней тому назадъ. Теперь мы съ нимъ начинаемъ мириться.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила она радостно. — Ну, я не знаю; я передаю тебѣ только то, что слышала. Мой родственникъ увѣряетъ, что ты просто (она замялась и потомъ быстро выговорила), что ты ловкій плутъ, которому довѣрять нельзя.

Онъ улыбнулся. Какихъ усилій ей стоило выговорить это слово!

— Твой родственникъ говоритъ это? Значитъ, я послѣднее время недостаточно удивлялся его краснорѣчію. Да, помню, помню. Я недавно въ клубѣ отозвался неуважительно обо всѣхъ здѣшнихъ школахъ. Вѣдь онѣ, кажется, состоятъ подъ его вѣдѣніемъ?

— Онъ предсѣдатель училищныхъ совѣтовъ.

— А! это была большая ошибка! воскликнулъ онъ съ комическимъ ужасомъ.—Но, вѣдь, это вещь поправимая. Дѣло въ томъ, что я послѣднее время рѣдко бывалъ у Балкашина. Надо будетъ возобновить знакомство.

— Зачѣмъ было оставлять его! сказала Анна съ упрекомъ.

— А кто виноватъ? Кто завертѣлъ меня послѣднее время? Кто у меня отнялъ волю, разсудокъ?.. Кто меня доводилъ до отчаянія, до сумасшествія?.. Я удивляюсь еще, какъ я цѣлъ до сихъ поръ! Какъ я не надѣлалъ тысячи такихъ глупостей, послѣ которыхъ оставалось бы только бѣжать отсюда. Вы должны еще, Анна Игнатьевна, выдать мнѣ похвальный листъ за то, что я сохранилъ еще нѣкоторое подобіе благоразумнаго человѣка. Я могъ легко разстроить всѣ свои планы. А разстроить ихъ изъ-за женщины... Я этого никогда бы не простилъ себѣ.

— Да? Стало быть, я на второмъ мѣстѣ? И еслибы представился выборъ...

— Не говори этого, Анна. Тутъ не можетъ быть выбора. И еслибы я полюбилъ женщину, которая бы стала на дорогѣ къ моей цѣли... я не знаю, можетъ быть, я

пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ, за это не отвѣчаю, но чтобы бросить все къ ея ногамъ... нѣтъ!

Анна сжала губы и, опустивши глаза, молчала.

— Но, къ счастью, сказалъ онъ, взявши ее за руку:— я полюбилъ женщину, которая не только не помѣшаетъ, но поможетъ мнѣ. Не такъ-ли?

Она упорно молчала. Но потомъ, когда подняла глаза, въ нихъ свѣтилась уже любовь.

— Да, выговорила она чуть слышно: — да! Тебѣ не надо выбирать. Я не смѣю этого требовать. И я бы, можетъ быть, не стала уважать тебя, если бы ты выбралъ меня. Я была до сихъ поръ кокетка, это правда, я любила поклонниковъ... Но если ты сдѣлаешь изъ меня что-нибудь другое... Ты можешь сдѣлать это, Андрей. Не я буду требовать, чтобы ты передѣлался для меня, но ты... ты самъ этого можешь требовать.

— И ты измѣнишься! ты измѣнишься, Анна! Я дѣлаю тебѣ большую уступку. Ты видишь, я отдаю тебѣ всю жизнь, потому что эта женитьба... лучшаго залога тебѣ не надо. Но за то я потребую уступокъ и отъ тебя.

— Твоя женитьба... Знаешь, что́ мнѣ иногда приходитъ въ голову? Ты не повѣришь этому, Андрей. Я боюсь, что ты когда-нибудь полюбишь свою жену.

Онъ усмѣхнулся.

— Ну, да, я боюсь этого! повторила она гнѣвно.— Кто можетъ ручаться за будущее! Человѣкъ женится безъ любви и потомъ привыкаетъ, потомъ привязывается. Помни что она всегда будетъ около тебя, подмѣтитъ всѣ твои слабости, будетъ пользоваться каждою счастливою минутой... А я? что я для тебя? Эта преступная любовь скоро утом-

ляетъ человѣка, разбиваетъ его. Семейная жизнь втягиваетъ незамѣтно...

Глаза у нея понемногу разгорались, голосъ зазвенѣлъ. Она сама испугалась картины, которую нарисовала себѣ.

— Я могу сказать то же, замѣтилъ онъ спокойно.— У тебя есть мужъ. Онъ любитъ тебя. Зачѣмъ-же другой? Зачѣмъ преступная любовь, когда тебѣ даютъ семейную жизнь?

— Ахъ, это не то! вырвалось у нея невольно.

— Не то, Анна Игнатьевна! Я довѣряю вамъ больше. Я больше васъ убѣжденъ въ томъ, что любовь сильнѣе привычки!

— Хорошо, перебила она.—Ты думаешь, можетъ быть, что Саша не разсказываетъ мнѣ, какъ ты объясняешься съ ней? Она передаетъ мнѣ все до послѣдняго слова!

— Ну, и что-же дальше?

— Каждый твой нѣжный взглядъ, каждое ласковое слово—а они змѣей ложатся мнѣ на сердце! Я ненавижу ее тогда, эту Сашу. Да и тебя тоже. Потому что, если ты когда-нибудь будешь ко мнѣ равнодушенъ...

Въ глазахъ ея блеснула угроза. Но что-же ему? Онъ наслаждался даже самымъ гнѣвомъ ея.

— Неужели же ты не понимаешь, говорилъ онъ: — для кого это дѣлается? Ты не сердиться должна на меня, а спросить, чего мнѣ это стóитъ, это притворство, эти сочиненныя ласки?

Еще пять минутъ, и она, уже совершенно успокоенная, болтала о другомъ.

— Ты мнѣ не сказалъ, все-таки, чтó ты думаешь объ этихъ слухахъ? Вѣдь надо-же ихъ какъ-нибудь покончить.

— Они кончатся сами собой.

— Какимъ образомъ?

— Ты знаешь, что Дюшенъ долженъ проиграть дѣло.

— Да, но другіе этого не знаютъ.

— Дѣло уже началось.

— Когда?

— Оно, можно сказать, уже и кончилось, но не для Дюшена. Для него оно еще впереди.

— Наконецъ-то! Я нарочно до сихъ поръ молчала и ни слова не говорила Падалкѣ. Ты оправдаешь себя блистательно. Такъ вѣдь?

Онъ улыбнулся.

— Мнѣ нечего оправдывать себя. Обвиненнымъ я не буду.

— Но ты будешь обвинителемъ?

— Ни тѣмъ, ни другимъ.

Она съ наивнымъ видомъ сложила руки.

— Андрей, я, наконецъ, не понимаю тебя.

— Съ какой стати мнѣ являться на судъ, если я могу и не являться.

— Но вѣдь ты слышалъ, что́ про тебя говорятъ! Ты долженъ непремѣнно оправдать себя. Ты долженъ бросить имъ назадъ ихъ сплетню?

— Я брошу имъ новый скандалъ. Это будетъ дѣйствительнѣе. Они займутся имъ и оставятъ меня въ покоѣ.

Анна пожала плечами.

— Странныя мысли! Я не понимаю этого смиренія!

— Кто говоритъ о смиреніи? Я этого чувства не знаю. Не въ томъ вопросъ. Чтобы явиться на судъ, у меня должно быть двѣ цѣли: оправдать себя и обвинить своего против-

ника. Хорошо. Разберемъ теперь объ эти цѣли. Сплетни, распущенныя на мой счетъ, рушатся сами собой. Во-первыхъ, за давностью: всякая сплетня живетъ извѣстное число дней, пожалуй, мѣсяцевъ, но затѣмъ она непремѣнно исчезаетъ и уступаетъ мѣсто другой. Это ужъ законъ природы.

— Хорошо, мы будемъ, стало быть, ждать, пока публика милостиво забудетъ насъ!

Онъ улыбнулся. Его забавляла ея вспыльчивость.

— Нѣтъ, мы поможемъ ей забыть насъ. Мы дадимъ ей другое занятіе. Она увидитъ наконецъ, что мы не такъ интересны, какъ она думала, и оставитъ насъ въ покоѣ. А право, оставаться въ сторонѣ отъ этой, такъ-называемой, публики—это все, чего только человѣкъ можетъ пожелать.

— Опять смиреніе!

— Опять не смиреніе. Анна, ты не понимаешь меня. Разъ меня потребовали къ суду, я долженъ буду отвѣчать не за одного себя. По самому ходу дѣла, меня сейчасъ спросятъ о моихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, о томъ, какую я роль играю среди нихъ, какіе у меня планы? А я вовсе не намѣренъ излагать ихъ на потѣху здѣшней публики. Они существуютъ пока только въ будущемъ. Говорить о томъ, чего еще не существуетъ — это значитъ быть проповѣдникомъ. А я менѣе всего рожденъ быть проповѣдникомъ.

Анна украдкой взглянула на него.

— Не знаю, сказала она.—Можетъ быть, это и такъ. Я сама всегда думала, что откровенностью съ людьми возьмешь немного. Но мнѣ кажется, что все-же иногда нужно

говорить съ ними смѣло, даже дерзко. Есть идеи, которыя нужно высказывать громко.

— У насъ слишкомъ много высказывалось разныхъ идей и слишкомъ мало прилагалось ихъ къ жизни. Мы достаточно уже проучены, чтобы вѣрить тѣмъ пророкамъ, которые указываютъ намъ новую зарю и зовутъ насъ... куда? неизвѣстно.

Анна молчала. Странная грусть набѣжала на ея черты.

— Отчего, продолжалъ онъ: — отчего твой братъ былъ бы всегда несчастнымъ человѣкомъ? Оттого, что онъ шелъ именно этимъ путемъ, путемъ пророчества. Во-первыхъ, онъ самъ не сознавалъ, чего онъ хочетъ. Но въ этомъ виноватъ ужъ не онъ, а недостатокъ знанія, недостатокъ развитія; да, къ тому-же, и безобразное воспитаніе его. Но положимъ даже, что онъ сознаетъ ясно, куда идетъ. Что же потомъ? Онъ будетъ прежде всего искать себѣ послѣдователей — и не найдетъ ни одного, потому что они являются послѣ, когда начало уже положено. Онъ не поймetъ, что пламенная рѣчь намъ не нужна, и будетъ проповѣдывать, будетъ гремѣть; противъ кого-же? Противъ „нашего общества“, которому нужно сто тысячъ примѣровъ, чтобы двинуться впередъ на одинъ шагъ. А онъ хочетъ убѣдить насъ пламенною рѣчью.

— Что-же надо дѣлать? Ждать и молчать?

— Молчать, но не ждать. Анна, неужели ты представляешь себѣ всякую борьбу въ жизни въ видѣ борьбы съ отдѣльнымъ лицомъ, съ какою-нибудь Падалкой, Боборыковымъ? Мнѣ нѣтъ дѣла ни до Падалки, ни до Боборыкова! Ихъ я убѣдить не могу. Ихъ пѣсенка спѣта: дорога проложена, и они пойдутъ по ней вплоть до могилы.

Бороться съ нашимъ образованнымъ обществомъ, съ тѣмъ, что́, помнишь, мы называли „солью земли“, я не могу, да и не хочу.

— Но съ чѣмъ же тогда?

— Съ чѣмъ? „Въ ряду золъ, которыми страдаетъ человѣчество, *незнаніе* есть одно изъ главныхъ и, притомъ, самое большое“. Это сказалъ не я, а Либихъ. *Незнаніе!* Вотъ мой врагъ, и борьбы съ нимъ я не боюсь.

Анна молчала.

— А ты, продолжалъ онъ:—ты хотѣла, чтобы я вышелъ къ публикѣ и сказалъ ей красивую рѣчь. Къ чему? Чтобы быть напечатаннымъ въ газетахъ? Ее прочтутъ, какъ главу изъ романа, и бросятъ подъ столъ. Нѣтъ, никогда не буду я имѣть дѣла съ нашею просвѣщенною публикой, потому что я не вѣрю въ нее. Ну, скажи, спросилъ онъ вдругъ, наклоняясь къ ней и блеснувши почти суровымъ взглядомъ: — скажи, знаешь-ли ты здѣсь въ городѣ хоть одного человѣка, котораго бы можно было убѣдить!

— Убѣдить въ чемъ? спросила она тихо.

— Въ томъ, что онъ „соль земли“, что на него этимъ самымъ возлагаются великія обязанности! А, ты молчишь— стало быть, я правъ. Такого нѣтъ! Кого же я буду утѣшать своими рѣчами? себя, Анна Игнатьевна? докончилъ онъ горько.

Она встала и молча взяла со стола свой зонтикъ.

— Ты уходишь уже? спросилъ онъ Анну. — Видно, мой разговоръ и тебѣ надоѣлъ. Одной на свѣтѣ женщинѣ заговорилъ объ этомъ, да и та бѣжитъ.

Она подошла сама и взяла его за руки.

— Андрей, не думай такъ обо мнѣ. Я, можетъ быть, пойму тебя... Мнѣ кажется, я понимаю тебя...

— Такъ мы давича ошибались съ тобой?

— Какъ? (Она испугалась).

— Мы рѣшили, что въ городѣ не найдется ни одного человѣка, котораго можно было бы убѣдить. Кажется, я нашелъ одного...

Анна боялась на него взглянуть. Слабая краска разливалась по лицу ея. Но онъ настойчиво требовалъ отвѣта.

— Да! сказала она чуть слышно и, встрѣтивши его взглядъ, полный глубокой, безпредѣльной любви къ ней, быстро опустила глаза. Вдругъ она стремительно отняла свои руки и схватилась за зонтикъ.

— Прощай! сказала она, и голосъ у нея обрывался отъ волненія. — Прощай! мнѣ пора. Но помни, прибавила она: — я твоя! Теперь въ твоей волѣ вывести на путь истинный. Если ты этого не сдѣлаешь... тогда... Тогда все пропало!

Вотъ оно, наконецъ, это курьёзное дѣло, поселившее раздоръ въ городѣ и раздѣлившее его на два лагеря!

Слова Черника объ ослѣпленіи человѣческомъ и о томъ, что люди въ ярости не видятъ дальше своего носа, сбылись буквально. Застигнутый врасплохъ и вытребованный повѣсткой въ уѣздъ, не зная хорошенько зачѣмъ и почему, Дюшенъ блистательно провалился. Показанія Осипа Степаныча, который продалъ его за полтораста рублей, поразили его, какъ громомъ. Послѣдній ударъ нанесла ему собственная его неосторожность: онъ имѣлъ когда-то глупость давать свои инструкціи въ присутствіи третьяго лица. Орѣш-

ковскій староста, всѣмъ извѣстный за человѣка честнаго, показалъ, что этотъ баринъ не разъ называлъ ему Черника бунтовщикомъ и, притомъ, однажды у него въ избѣ приказывалъ Андрону распустить слухъ, что лѣсъ уже проданъ, а г. Черникъ деньги растратилъ, причемъ и его, старосту, Дюшенъ склонялъ къ тому-же, и наградить за это обѣщалъ, но онъ, староста, на это не согласился. Кончилось дѣло тѣмъ, что мировой судья приговорилъ обвиненнаго къ двухъ-недѣльному аресту. Дюшенъ объявилъ, что приговоромъ недоволенъ, и взбѣшенный вернулся въ городъ. Теперь только онъ началъ разгадывать по частямъ ту странную загадку, которую ему задалъ губернаторъ своею немилостью.

Первое, что́ ему показалось подозрительнымъ—это то, что дѣло началось черезъ полицію. Отправляясь отъ этой посылки, путемъ разныхъ, болѣе или менѣе остроумныхъ силлогизмовъ, онъ дошелъ до такого заключенія: участіе начальника губерніи въ этомъ дѣлѣ несомнѣнное. Желая чѣмъ-нибудь досадить предводителю, онъ рѣшилъ дать щелчокъ его приближенному. Но дѣйствовалъ онъ тутъ не одинъ: мысль эта была подана ему Черникомъ. Слѣдствіе произведено слишкомъ искусно, всѣ улики и показанія свидѣтелей подобраны слишкомъ ловко, чтобы видѣть тутъ одно только усердіе полиціи.

Все это Дюшенъ обдумывалъ дорогой на пути изъ уѣзда въ городъ. Когда онъ явился къ своему покровителю, подозрѣнія его были настолько ясны, что онъ могъ послѣдовательно изложить ихъ.

Геннадій Николаевичъ разразился гнѣвомъ. Какъ? сдѣ-

лать это на зло ему? предводителю дворянства? Подавать дѣло на мировой съѣздъ! Подавать немедленно! И тогда...

— Мы посмотримъ! закончилъ Геннадій Николаевичъ, поднимаясь съ мѣста и бросая на столъ газету, гдѣ еще недавно занимала его распря въ германскомъ рейхстагѣ.

Давно уже Геннадій Николаевичъ не былъ такъ равнодушенъ къ судьбамъ Европы, какъ нынѣче, когда была поставлена на карту его собственная судьба. Если мировой съѣздъ не оправдаетъ Дюшена, котораго онъ считалъ какъ-бы членомъ своего семейства, онъ признаетъ себя оскорбленнымъ, признаетъ въ лицѣ своемъ оскорбленнымъ все дворянство, и немедленно отказывается отъ своего званія.

Таковъ былъ его ультиматумъ, и на другой-же день всѣ клубы были объяты пламенемъ. Вездѣ только и рѣчи было о томъ, что въ высшихъ сферахъ объявлена междоусобная война.

Съ другой стороны, пущенные неизвѣстно кѣмъ, стали носиться смутные слухи о томъ, что предводитель вступается въ это дѣло такъ горячо потому, что замѣшанъ въ немъ самъ. Все это производило неописанное волненіе въ умахъ.

Геннадій Николаевичъ подбиралъ себѣ партію. Такъ поступалъ онъ всегда въ критическія минуты. Онъ пригласилъ господъ дворянъ постоять за свою честь и не давать Дюшена въ обиду, потому что, говорилъ онъ, „кто-же изъ насъ можетъ быть послѣ этого увѣренъ, что его не засудитъ всякій мужикъ?“ Уже одно то, что свидѣтелями противъ обвиненнаго были все мужики, служило, по его крайнему разумѣнію, достаточнымъ поводомъ и къ кассаціи, и къ апелляціи, и къ чему угодно. Члены мирового

съѣзда попали въ неловкое положеніе. Съ одной стороны, губернаторъ очень прозрачно намекнулъ на то, что онъ это дѣло считаетъ какъ-бы своимъ собственнымъ и вполнѣ увѣренъ въ безпристрастіи господъ судей, словомъ, говорилъ все то, что́ прокуроръ въ подобныхъ случаяхъ говоритъ присяжнымъ: дескать, чувства ваши сами по себѣ, а судъ самъ по себѣ, и вы, господа присяжные, не зѣвайте! Съ другой стороны, предводитель уже не намеками, а такъ напрямки и объявилъ, что кто не за насъ, тотъ противъ насъ! и кто осмѣлится моего приближеннаго обвинить, того я буду считать личнымъ своимъ врагомъ!

Словомъ сказать, нѣкоторые члены съѣзда заранѣе рѣшили, что къ извѣстному сроку они заболѣютъ и на разбирательство не явятся. Война была въ полномъ разгарѣ. Въ одномъ клубѣ провозглашали тосты за предводителя, въ другомъ за губернатора, иногда за того и за другого вмѣстѣ, по пословицѣ „вали въ кучу, послѣ разберемъ!“ Боборыковъ, разумѣется, держалъ сторону своего будущаго тестя. Еремѣевъ уже по этому самому примкнулъ къ партіи губернатора.

Сдѣлалъ онъ это въ пику „своему бывшему прикащику“ и этимъ доказалъ, что даже и философы не чужды слабостей человѣческихъ. Балкашинъ искусно балансировалъ между обѣими партіями, говорилъ, по обыкновенію, много, но въ концѣ-концовъ какъ-то всегда оставлялъ слушателей въ недоумѣніи; никто, ни даже самый прозорливый человѣкъ не могъ бы сказать, чью сторону онъ держитъ. Носятся слухи, что онъ, какъ почетный мировой судья и членъ съѣзда, къ извѣстному времени тоже забо-

лѣетъ; но въ день открытія выставки опять выздоровѣетъ и будетъ предсѣдательствовать въ комитетѣ.

Грубецкой, на вопросъ, чью сторону онъ держитъ, и кто изъ противниковъ, по его мнѣнію, правъ, съ обычною ему дерзостью отвѣчалъ, что плюетъ на обоихъ.

Но что-же Черникъ? Онъ удивлялся и недоумѣвалъ вмѣстѣ съ другими. По прежнему былъ отлично принятъ въ домѣ у губернатора и, къ общему ужасу, даже можно сказать, къ общему скандалу, возобновилъ свое знакомство у предводителя. Даже Дюшенъ, который недавно обѣщался привлечь этого петербургскаго агронома къ суду, теперь любезно протягивалъ ему руку.

Въ положенный день и часъ, члены мирового съѣзда заболѣли и, за неявкою ихъ, съѣздъ не состоялся.

Два или три дня усиленно поговорили объ этой исторіи, какъ-бы отдавая ей послѣднюю дань. Затѣмъ, стали охладѣвать къ ней. Исторія, надѣлавшая столько скандала, рухнула сама собой. Общество занялось выставкой. Къ тому-же, тутъ случилось одно странное событіе, многихъ заинтересовавшее своею загадочностью.

Объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

XI.

Передъ зданіемъ выставки есть большая площадь. Но такъ какъ зданіе стоитъ за чертой города, то площадь заросла травой и въ обыкновенное время представляетъ видъ довольно печальный. Въ сторонѣ жмутся невзрачные домишки, далѣе тянется прудъ и какія-то неизвѣстно для

чего тутъ поставленныя деревянныя перила, въ родѣ тѣхъ, что попадаются на шоссе. Потомъ виднѣется застава, а тамъ пошли огороды, огороды, и такъ до самаго горизонта. Гдѣ-то ужъ тамъ, на самомъ краю, чернѣется опушка лѣса. И такъ, въ обыкновенное время мѣстность пустынная, непривлекательная. Другое дѣло теперь, когда передъ выставкой закипаетъ жизнь. Въ самомъ зданіи идетъ стукъ и грохотъ отъ сотни молотковъ, выбивающихъ дробь по стѣнамъ и карнизамъ. Гдѣ-нибудь подъ самымъ куполомъ, сидя верхомъ на веревкѣ, маляръ тянетъ свою безконечную пѣсню и, какъ-нибудь не въ мѣру размахнувшись кистью, роняетъ ее внизъ, хорошо если не на головы работающимъ тамъ плотникамъ. И слышится потомъ, какъ изъ поднебесья, его голосъ, требующій, чтобы его инструментъ вернули ему обратно. Змѣей извиваясь, спускается внизъ веревка; кисть навязана и благополучно совершаетъ свое восхожденіе.

Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ все уже готово и господа экспоненты распоряжаются установкой, въ другихъ все еще мажутъ, красятъ и приколачиваютъ.

На площади, человѣкъ сорокъ землекоповъ взрываютъ землю и прокладываютъ трубы; въ сторонѣ воздвигаются деревянныя платформы и торчатъ безобразные остовы какихъ-то машинъ. Въ одномъ мѣстѣ ставятъ вѣшки, въ другомъ подвозятъ на ломовикахъ какой-то паровикъ.

Одинъ уголъ этой площади, со всѣмъ, что на немъ есть, состоитъ теперь въ вѣдѣніи Бориса. По одному его жесту, рабочіе взроютъ и засыплютъ ровъ въ десять футовъ глубины; по одному его мановенію, снесутъ, если нужно, всѣ платформы, вѣхи и загородки.

Давно Анна Игнатьевна не жила такою шумною, открытою и тревожною жизнью. Дни пролетали почти мгновенно. Время мчалось передъ нею съ неуловимою, непонятною ей быстротой. Она переживала его, какъ въ лихорадкѣ, какъ въ горячкѣ.

Въ семьѣ ее почти не видали. Она, какъ Геннадій Николаевичъ, подбирала себѣ партію. Выставка не обойдется безъ нея! Ей нужно было во что бы то ни стало выдвинуть своего мужа. Она имѣла друзей во всѣхъ клубахъ, нашла себѣ сторонниковъ и въ комитетѣ. Ей знакомы всѣ эксперты и половина экспонентовъ. Ея именемъ требовалось въ чрезвычайныхъ засѣданіяхъ сельско-хозяйственнаго клуба помѣщеніе при выставкѣ или, еще того лучше, прилегающая къ зданію площадь для имѣющихъ производиться г. Корсаковымъ опытовъ надъ сжатымъ воздухомъ. Предложеніе подняло цѣлую бурю. Опыты! Какіе? зачѣмъ? почему? для чего опыты, когда прежде обходились и безъ нихъ? не было, значитъ и не нужно, а кабы нужно, такъ были бы. Одинъ помѣщикъ разсказывалъ даже по этому случаю, какъ у него одинъ знакомый дѣлалъ вотъ тоже опыты надъ сѣрною кислотой, да и кончилъ тѣмъ, что спалилъ себѣ лицо.

Но предложеніе тѣмъ не менѣе прошло.

Анна Игнатьевна сама лично была у Еремѣева, чтобы условиться съ нимъ насчетъ того количества рабочихъ и тѣхъ матеріаловъ, которые онъ можетъ дать ея мужу; сама ѣздила къ полицеймейстеру за разрѣшеніемъ. Черезъ Андрея Михайлыча она получила согласіе губернатора, который хотя и усматривалъ въ предполагаемыхъ опытахъ нѣкоторый соблазнъ, но, основываясь на показаніяхъ Черника,

какъ человѣка вполнѣ благонамѣреннаго и, притомъ, нелегкомысленнаго, далъ свое милостивое разрѣшеніе.

Такимъ образомъ, главныя препятствія были устранены. Оставались еще тысячи мелкихъ неудобствъ, тысячи хлопотъ, но Анна смѣло взяла ихъ на себя, оставляя мужу только его клапаны, насосы и резервуары.

У нея были двѣ цѣли—и обѣ достигнуты блистательно. Первая та, чтобы завертѣть мужа, чтобы не оставить ему ни одной свободной минуты, которая дала бы ему возможность вглядѣться поближе въ свое семейное счастіе и все то, что дѣлается около него. Вторая, чтобы кинуться въ омутъ самой, чтобы интригами, хлопотами, безумною, лихорадочною дѣятельностью задавить въ себѣ душившее ее чувство тоски, чтобы уйти хоть куда-нибудь отъ этихъ мученій, которыя отнимали у нея счастье, покой, отнимали сонъ и заставляли по ночамъ съ ужасомъ хвататься за подушку и ждать, какъ блаженства, дневного свѣта...

Она бѣжала изъ своего дома, какъ изъ тюрьмы.

16-го августа была назначена Сашина свадьба. 17-го Борисъ долженъ явиться на судъ публики съ своими опытами.

Напрасно протестовали родные, напрасно Фаина Ивановна завѣряла, что безумно затѣвать разомъ такія два важныя дѣла—Борисъ и жена его оставались неумолимы. Случай представляется такъ рѣдко! Имъ надо пользоваться.

Ни минуты не задумываясь, Анна взяла на себя раздачу билетовъ, взялась заказать афиши, устроить самую обстановку и даже смотрѣть за порядкомъ. Все это, разу-

мѣется, требовало почти постояннаго присутствія ея на мѣстѣ работъ, гдѣ она по плану, составленному заранѣе вмѣстѣ съ мужемъ, распоряжалась устройствомъ кассы, ограды, входовъ и выходовъ для публики; гдѣ подъ ея руководствомъ разставлялись стулья и скамейки и назначалось мѣсто для платформы. Недалеко отъ главнаго зданія, она открыла въ павильонѣ цѣлую мастерскую, гдѣ ея знакомые рѣзали, штемпелевали и нумеровали билеты. Всегда цѣлая компанія молодёжи, смѣхъ, говоръ, суета!...

Но то, что́ въ другое время могло наполнить душу ея гордостью и сознаніемъ невозможной почти побѣды, теперь бросало ее только въ какой-то туманъ. Туманъ сходилъ, и ужасъ обхватывалъ ее... Въ самый разгаръ хохота и веселья передъ нею, какъ призракъ, вставало воспоминаніе той страшной минуты, которая должна рѣшить ея участь. Если бы еще ея одной! Но съ нею связана судьба другихъ лицъ...

А страшная минута приближалась.

Вотъ уже и канунъ Успеньева дня! Всѣ ушли ко всенощной. Въ домѣ по всѣмъ уголкамъ зажгли лампадки.

Марья прошла въ залу, постелила чистый половикъ, положила нѣсколько набожныхъ поклоновъ и скрылась опять къ себѣ въ кухню. Въ комнатахъ пахло смолкой, ладономъ, какими-то куреньями.

Свѣжій воздухъ, врываясь въ окна, слегка шелестилъ листками развернутой книжки и приподнималъ кончикъ занавѣски.

Анна осталась одна, и тутъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, почувствовала весь ужасъ своего положенія! Какъ помѣшанная, ходила она теперь по этимъ пустыннымъ комнатамъ, и

планы одинъ другого безумнѣе смѣнялись у нея въ головѣ. Признаться во всемъ? Она чувствовала, что изъ нея клещами не вырвутъ ни одного слова. Молчать? Но вѣдь это невозможно!

Гдѣ же выходъ?

Она остановилась и стала безцѣльно смотрѣть въ окно. Солнце ударяло въ стекла противуположнаго дома и отливало золотомъ. Въ этомъ золотистомъ отливѣ разстроенное воображеніе видѣло какія-то невѣдомыя страны, что-то такое чарующее, необъяснимое... Такъ человѣкъ способенъ иногда улетѣть въ пространство, забыть, что онъ живетъ на землѣ, что онъ прикованъ къ этой землѣ... Какое-то сладостное, восторженное чувство охватило Анну. Ей казалось, что она видитъ передъ собой новую жизнь, жизнь съ любимымъ человѣкомъ, жизнь не для себя, а для другихъ, для какого-то святого дѣла... Она удивлялась своему прошедшему, своему безполезному, безцѣльному прошедшему.

И вдругъ, какъ молнія, ударило ее воспоминаніе о настоящемъ. У нея отнято даже право на эту новую жизнь.

Раздавшіеся сзади шаги заставили ее обернуться. Передъ нею стоялъ Черникъ.

Съ ужасомъ она отступила и молча глядѣла на него. Потомъ протянула руку по направленію къ двери.

— Уйдите! сказала она повелительно, не сводя съ него того-же страннаго, напряженнаго взгляда.

— Ты плакала?

— Уйдите! повторила она гнѣвно.

— Сейчасъ придутъ всѣ. Всенощная уже кончилась.

Я пришелъ, чтобы видѣть тебя одну хоть нѣсколько минутъ... Ты плакала?

— Да, я плакала, надъ своимъ безумiемъ, надъ своимъ безсилiемъ. Господи, отчего-же я не могу заглушить въ себѣ этого чувства!..

— Теперь еще не поздно! сказалъ онъ, пронизывая ее своими блестящими взглядами.

Она поспѣшно отерла глаза и въ нихъ сверкнула уже насмѣшка.

— Не поздно сдѣлаться вашею любовницей?... Да, это правда. Мнѣ стóитъ только пойти и во всемъ признаться. Скандалъ будетъ полный. Что-жъ, вамъ этого и нужно! Я тогда поневолѣ должна буду броситься въ ваши объятiя. Мнѣ некуда дѣваться. Это понятно.

Онъ ударилъ по столу фуражкой.

— Я не хочу, чтобы ты говорила это!..

— Довольно! Они идутъ. Если вы умѣете владѣть собой, то для меня это не такъ-то легко. Еще эти сцены... Я этого не вынесу.

Когда Фаина Ивановна, вся запыхавшаяся и пунцовая отъ усталости, вошла въ комнату, невѣстка ея мирно бесѣдовала съ гостемъ. Она лѣниво перекидывалась съ нимъ словами, обрывая одною рукой листики у желтофiоля.

Влетѣла Саша, и съ плутовскою улыбкой протянула руку жениху.

— Вы давно здѣсь?

Нельзя было сдѣлать этого вопроса невиннѣе. Но Аннѣ слышался уже тайный намекъ. Она отвернулась и стала еще небрежнѣе обрывать листики.

— А! вы любезничаете, продолжала Саша.—Хорошо!

Я ревнива. Я вамъ отказываю! докончила она торжественно, и сдѣлала пируэтъ. Повернувшись на одной ногѣ, она присѣла и смотрѣла, какими складками ляжетъ у нея платье.

— Итакъ, вы мнѣ отказываете? подсмѣивался Черникъ.

— Рѣшительно и навсегда!

Саша повернулась еще разъ, мимоходомъ щелкнула Дмитрія, потомъ, увидавши Бориса, бросилась къ нему.

— А, Борисъ, здравствуй! Здѣсь дѣлаются ужасныя вещи! Андрей Михайлычъ ухаживаетъ за твоею женой. Они тутъ безъ насъ объясняются въ любви. Я ему отказываю. А тебѣ совѣтую... совѣтую... вызвать его на дуэль! докончила она съ хохотомъ и убѣжала изъ комнаты.

Борисъ засмѣялся.

— Что-жъ это такое, началъ онъ.—Анна Игнатьевна, чуръ не измѣнять мнѣ!

Анна тоже засмѣялась.

— Мужъ подошелъ и добродушно положилъ ей руку на плечо.

— Смотри, я буду за тобой наблюдать. (Потомъ вдругъ сдѣлалъ серьёзную мину). Послушай-ка, вѣдь скамеекъ-то не хватаетъ!

— А! это ужасно.

— Нѣтъ, да въ самомъ дѣлѣ. Надо будетъ гдѣ-нибудь достать... Или стульевъ, что-ли...

На этихъ словахъ вошелъ Филиппъ и быстрымъ взглядомъ окинулъ всю группу, но по обыкновенію промолчалъ. Только поклонился.

— Откуда? спросила Анна.

Но онъ почему-то не счелъ нужнымъ отвѣчать и сдѣлалъ видъ, что не слыхалъ вопроса.

16-е августа! Неужели этотъ день наступилъ наконецъ? Что-то сказочное, невозможное чудилось въ немъ Сашѣ.

Но подвѣнечное платье лежало на столѣ, но въ домѣ царствовала та торжественная, таинственная суматоха, послѣ которой сомнѣнія невозможны.

Мать, всякій разъ проходя мимо дочери, поручала ей молиться Богу. Но какая-жъ тутъ молитва? Довольно и того, что ее нынче оставляютъ безъ ѣды. Ей и такъ чудятся всякія страсти. Она ходитъ, какъ въ туманѣ.

„Господи! Хоть бы Анна пришла!“ думаетъ она тоскливо, переходя отъ одного окна къ другому.

Пришла, наконецъ, и Анна и, отправляясь въ свою комнату, сдѣлала Сашѣ знакъ, чтобы она послѣдовала за ней.

Когда онѣ остались вдвоемъ, Анна молча стояла у туалета и перебирала въ рукахъ какую-то ленту.

— Что тебѣ? спросила она вдругъ, какъ-бы до сихъ поръ не замѣчая Саши.

Та удивилась.

— Ты меня звала, Анна.

— Ахъ, да.

Новое молчаніе.

— Анна, знаешь, мнѣ страшно...

— Это отчего?

— Да такъ, я не знаю.

Анна обернулась и долго, пристально смотрѣла на Сашу. Потомъ сдѣлала ей знакъ рукой.

— Поди сюда! сказала она тихо.

Та молча подошла.

Вдругъ Анна обняла ее и, крѣпко прижимая къ себѣ, такъ что чувствовала надъ собой ея горячее дыханіе, страстнымъ, задыхающимся голосомъ, проговорила:

— Саша, не выходи замужъ! Нѣтъ, нѣтъ! Не выходи. Не надо.

— Отчего? что́ ты? спрашивала та съ испугомъ.

— Понимаешь-ли ты, въ какую бездну ты идешь? Понимаешь-ли ты, что возврату больше нѣтъ? Это гибель, гибель и гибель!

— Да Анна...

— Это адъ! Это хуже, чѣмъ адъ. Смотри, ты такъ молода. За что-же ты губишь себя? Вѣдь еще будетъ время... много времени впереди. Саша, откажи ему, пока еще не поздно! Слышишь-ли, пока еще не поздно! повторила она стремительно. Глаза у нея горѣли. Руки ея крѣпко сжимали Сашины.

— Анна, я тебя, ей-Богу, не понимаю. Вѣдь вотъ ты-же счастлива. Отчего-же ты думаешь, что я буду несчастлива?

— Отчего? (она вдругъ выпустила ея руки). Ахъ, да вздоръ все это! И не вѣрь ты тому, кто будетъ тебѣ говорить, что замужняя жизнь для женщины несчастье! Пустяки это все. Посмотри, какъ ты будешь счастлива!

— Только, продолжала она, обнимая Сашу, на этотъ разъ уже нѣжно:—хочешь, я тебя научу, какъ обращаться съ мужемъ? какъ привязать его къ себѣ? Ты подмѣть всѣ его слабости, ухаживай за нимъ... старайся, чтобы онъ привыкъ къ тебѣ, чтобы ты была ему необходима... (голосъ у нея былъ неровный и затѣмъ дрожалъ). Пусть онъ ищетъ въ семьѣ отрады. Какой бы у него ни былъ безоб-

разный характеръ, онъ кончитъ тѣмъ, что привяжется къ тебѣ. Ласкай его! повторяла она съ какимъ-то гнѣвнымъ наслажденіемъ. — Противъ женской ласки они устоять не могутъ. Онъ будетъ у твоихъ ногъ.

Въ душу Саши закрадывались странныя подозрѣнія. Неужели Анна любитъ его? Мысль, что и онъ можетъ любить Анну, конечно, не мелькнула у нея.

— Когда твой Андрей придетъ усталый, болтай съ нимъ, старайся развлечь его. (Анна говорила тихо, мягко, какъ бы сама упиваясь ядомъ своихъ словъ). Пользуйся каждою минутой слабости его! заставляй его исполнять твои капризы... Сдѣлай такъ, чтобы онъ глядѣлъ тебѣ въ глаза. Вѣдь пріятно, когда любимый человѣкъ глядитъ тебѣ въ глаза? Да?

Какая-то злая радость сверкнула у нея во взглядѣ, когда она повторила этотъ вопросъ.

— Ну, ступай! закончила она неожиданно. — Мнѣ надо еще заняться дѣломъ.

Въ семь часовъ вечера церковь горѣла огнемъ. Приглашенныхъ не было, но зрителей оказалось пропасть. Всѣ почти знакомыя дамы Черника были тутъ на лицо. Посмотрѣть, какъ онъ будетъ вѣнчаться—это болѣе, чѣмъ интересно.

Наконецъ, по церкви проносится громкій шопотъ. Публика подается впередъ.

Женихъ идетъ!

Черникъ вошелъ и остановился у колонны. Все такъ-же хорошъ и все такъ-же изящно спокоенъ. Ни малѣйшихъ признаковъ тревоги.

Пѣвчіе пропѣли концертъ и замолкли. Но вотъ хоръ грянулъ снова. Опять понесся шопотъ, опять задвигалась публика.

— Нехороша! Недурна! Мила! понеслось со всѣхъ сторонъ.

Восклицанія сыпались даже тогда, когда лица невѣсты никто не могъ еще хорошенько разсмотрѣть. Слѣдомъ за ней шла Анна. Вся блестящая, вся залитая шелкомъ и кружевами, она была непростительно хороша въ эту минуту. Черникъ взялъ машинально невѣсту за руку, но передъ собою видѣлъ только ее, эту обворожительную, дорогую для него женщину.

Глаза ихъ встрѣтились на одно мгновеніе, менѣе, чѣмъ на одно мгновеніе. „Еще не поздно!“ подумала она. Но силы подсказывали ей: нѣтъ, уже поздно! онѣ отказывались служить ей.

Въ публикѣ кто-то спросилъ, указывая на нее:

— Да кто-же невѣста, наконецъ? Эта или та? Вы посмотрите, вѣдь на ней лица нѣтъ.

Какой-то господинъ съ большимъ участіемъ предложилъ принести ей воды. Она отказалась.

— Замѣчательно красивая женщина! замѣтилъ онъ потомъ своему пріятелю.

Она была, дѣйствительно, замѣчательно-хороша теперь въ своемъ свѣтло-сиреневомъ платьѣ, съ прозрачною, кружевною накидкой, черезъ которую сквозили ея плечи, съ вѣткой зелени и ландышей въ волосахъ.

Внимательно слѣдила она за вѣнчаніемъ, какъ бы вслушиваясь въ каждое слово, въ каждый возгласъ священника.

Когда все было кончено, она первая подошла къ Сашѣ и протянула ей руку. Потомъ также точно поздравила ея мужа. Изъ церкви поѣхали уже на квартиру молодыхъ.

Встрѣчая ихъ, Фаина Ивановна немножко всплакнула, но потомъ скоро просіяла. Она повела Сашу по всѣмъ комнатамъ показывать ей ея будущую собственность.

Варенька поправляла передъ зеркаломъ свою прическу. Изъ братьевъ одинъ неподвижно смотрѣлъ куда-то вдаль, другой, расположившись въ мягкомъ креслѣ, повидимому, ни о чемъ не думалъ и былъ очень доволенъ своею судьбой. Бориса не было. Онъ не вернулся еще съ выставки. Онъ извинился передъ сестрой, что рѣшительно не можетъ быть у нея на свадьбѣ, но обѣщался придти часамъ къ девяти, никакъ не позже.

Нагибаясь надъ столомъ, чтобы достать свою накидку, Анна шепнула Чернику, даже не обертываясь въ его сторону:

— Я сейчасъ скажу имъ все!

Онъ взглянулъ и обомлѣлъ. Блѣдная, съ посинѣвшими губами, съ какимъ-то сумасшедшимъ, неестественно-напряженнымъ взглядомъ, она, дѣйствительно, способна была на все.

Эти страшныя слова открыли ему, наконецъ, глаза. Голосъ у нея былъ тихій, ровный, даже спокойный, но это было то предательское спокойствіе, послѣ котораго гроза неминуемо должна разразиться.

Бросивши ему свою послѣднюю фразу, она вышла изъ комнаты. Пойти вслѣдъ за ней? Но на нихъ обращено общее вниманіе. Перекинувшись, для приличія, нѣсколькими

фразами съ Варенькой, онъ какъ бы нехотя поднялся съ мѣста.

— Саша, кажется, въ столовой, любезно объяснилъ ему Дмитрій, показываясь въ дверяхъ.

Черникъ поблагодарилъ и прошелъ въ корридоръ. Тамъ, налѣво, онъ зналъ, есть одна пустая комната, предназначенная для кладовой. Онъ какимъ-то инстинктомъ угадалъ, что Анна тамъ. Да, она, дѣйствительно, была тамъ. Притаившись, какъ кошка, у дверей, она ждала его.

— Ну? спросила она стремительно. — Ну? вы слышали?

— Что?

— Я скажу все! Я должна сказать...

— Анна!..

Она бросилась къ нему и обвила его шею руками. Но это было движеніе не страсти, а скорѣе какого-то ужаса. Она крѣпко прижалась къ нему и, поднимая на него умоляющіе, почти сумасшедшіе глаза, молча глядѣла на него. Онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и одно мгновеніе ему казалось, что и земля, и комната, все кружится и проваливается вмѣстѣ съ ними.

— Да, сказала она страстно:—я погубила тебя. Теперь все кончено.

— Но ты этого не сдѣлаешь, Анна!

— Нѣтъ, я это сдѣлаю! выговорила она отчетливо.— Не сердись на меня. Прости меня... если можешь. Но я не могу... Я не въ силахъ...

Она вдругъ вырвалась и указала ему рукой на дверь.

— Ступай! Теперь все равно.

Онъ бросился къ ней. Онъ молилъ ее, грозилъ ей,

онъ представлялъ ей безуміе этого поступка—все напрасно! Она оставалась непреклонна.

— Нѣтъ, нѣтъ—никогда! Я признаюсь имъ во всемъ. Ихъ жизнь разбита... За что, за что я погубила ихъ? И ты хочешь, чтобы я жила послѣ этого... чтобы я наслаждалась. Нѣтъ, я жду наказанія... я жду его, какъ милости. И вотъ оно приближается! докончила она тихо.

На лицо ея легла печать какой-то покорности.

— Я не уйду отсюда! началъ онъ гнѣвно, захлопнувши дверь и съ какимъ-то отчаяніемъ хватаясь за ручку:—я не уйду отсюда, пока ты не скажешь, что это былъ бредъ, что ты будешь молчать!

— Я не скажу этого! повторила она рѣшительно.

— Да ты больна, Анна! Это просто разстроенное воображеніе. Успокойся, оправься... Черезъ пять минутъ ты пожалѣешь о томъ, что ты сдѣлала.

Она молча отрицательно покачала головой.

Онъ упалъ къ ея ногамъ и покрывалъ руки ея поцалуями, потомъ съ силою сжималъ ихъ. Онъ молилъ взглядами, словами... Она отвернулась и молчала.

— Да что-же ты за демонъ, наконецъ!.. Есть-ли въ тебѣ хоть что-нибудь человѣческое!..

— Вы слышите, сказала она холодно.—Васъ зовутъ.

По корридору, дѣйствительно, раздавался голосъ Фаины Ивановны.

— Да скажи-же мнѣ, что это была ошибка, минутная вспышка... Вѣдь ты одумалась, наконецъ? Да? ты поняла, что это будетъ безуміе... ни для кого, рѣшительно ни для кого ненужное.

— Ступайте! повторила она настойчиво.

— Я не уйду, пока ты мнѣ не дашь этого обѣщанія.

Она не выдержала наконецъ.

— Хорошо! я даю его... все, все, что вы хотите! Уйдите только!

Девять часовъ пробило. Борисъ еще не являлся. Фаина Ивановна начинала безпокоиться и сердиться.

— Для сестриной свадьбы не могутъ оставить этой галиматьи. Одинъ разъ въ жизни, и тутъ не могутъ пожертвовать... Анна Игнатьевна тоже... спрашиваю я васъ: на кого она нынѣче похожа? Что̀ это за трагедія? Ну, если трудно, если не хотѣли быть на свадьбѣ, если на площади лучше—такъ тамъ бы и сидѣли... Разставляли бы тамъ скамейки...

— Анна Игнатьевна... началъ-было Филиппъ, но Анна Игнатьевна сама вошла въ эту минуту.

Все кончено! Сомнѣнія больше не оставалось. Она сдѣлаетъ сейчасъ скандалъ... Она признается во всемъ.

Черникъ всталъ и пошелъ къ ней на встрѣчу. Она молча отстранила его. Мягкій шорохъ ея платья, ея плавныя движенія, даже тотъ повелительный жестъ, которымъ она остановила его—все было проникнуто какою-то таинственностью. Невольно, безсознательно у всѣхъ замерли сердца, хотя всѣ были далеки отъ мысли, какая сцена должна разыграться сейчасъ.

— Вы знаете, начала она, обращаясь къ присутствующимъ и указывая на Черника:—вы знаете, кто этотъ человѣкъ?

Всѣ молчали.

— Нѣтъ? Зачѣмъ-же вы (она обернулась къ Фаинѣ

Ивановнѣ), зачѣмъ-же вы отдавали свою дочь, не спросивши, за кого вы ее отдаете?

Фаина Ивановна вскрикнула, но говорить не могла. Она чувствовала, что слова нейдутъ у нея съ языка и съ нѣмымъ ужасомъ смотрѣла на эту женщину, которая стояла теперь передъ ней въ полъоборота, блѣдная, какъ полотно, но все-же еще великолѣпная, надменная, холодная...

Эта холодность была притворная. Все чаще и чаще становилось дыханіе Анны, все ярче разгорались ея глаза, которые она какъ бы боялась еще открыть. Слегка приподнявши голову и опуская рѣсницы, она не смотрѣла теперь ни на кого.

— Эту свадьбу устроила я! Но теперь я вамъ скажу... я скажу вамъ...

Она на минуту остановилась.

— Договаривайте! сказалъ Черникъ такимъ страшноспокойнымъ голосомъ, что всѣ вздрогнули.

— Да, я скажу вамъ... это мой любовникъ!

Она хотѣла еще что-то прибавить, но вдругъ схватилась за голову, зашаталась и упала. Никто не поддержалъ ее.

Фаина Ивановна съ воплемъ опустилась на диванъ. Саша такъ странно смотрѣла на эту сцену, какъ будто это была не дѣйствительность, а представленіе, разыгранное хорошими актерами. Она съ какимъ-то недоумѣніемъ, съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдила за интригой такъ, какъ слѣдятъ за ней изъ ложи бель-этажа. Мужъ подошелъ къ ней.

— Александра Яковлевна, началъ онъ:—вы поняли

теперь все! Я не прошу, чтобы вы простили меня; нѣтъ, потому что это невозможно. Вы имѣете полное право назвать меня подлецомъ. И это право—пока единственное, что́ я могу предложить вамъ въ утѣшеніе.

Онъ поклонился ей и, оставивши ее все въ томъ-же изумленномъ, напряженномъ положеніи, вышелъ изъ комнаты.

Черезъ полчаса, по сосѣдству всѣ уже знали, что въ этомъ домѣ разыгралась какая-то драма. Въ кухню приходили любопытные послушать вопли Фаины Ивановны.

У воротъ толпилось человѣкъ пятнадцать, чтобы посмотрѣть, какъ она поѣдетъ домой и увезетъ-ли она съ собою дочь. Да, она увозила ее съ собой. Сашу вывели братья и посадили въ карету. Она какъ-то машинально слѣдовала за ними, едва-ли понимая хорошенько, что́ съ нею дѣлаютъ.

Часовъ около десяти явился Борисъ. Полный разныхъ свѣтлыхъ надеждъ, онъ пробирался между кучкой любопытныхъ, только-что проводившихъ экипажъ.

— Охъ, баринъ! встрѣтила его на крыльцѣ кухарка.— Вѣдь у насъ бѣда стряслась.

— Что́ такóе?

— Да ужъ не знаю, какъ и сказать-то вамъ. Александра Яковлевна уѣхала вѣдь. Съ маменькой вашей. Онѣ и увезли ихъ.

— Куда? спросилъ Борисъ. (Онъ ровно еще ничего не понималъ изъ этой исторіи).

— Да домой уѣхали.

— Зачѣмъ?

— Ахъ, батюшка-баринъ. Да вы пройдите въ горницу. А то ужъ я, право, и не знаю. Наше дѣло такое.

Борисъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ совѣтомъ. Онъ начиналъ не на шутку тревожиться. Первый, кто его встрѣтилъ, былъ Филиппъ.

— Ну, сказалъ онъ:—поздравляю. Все кончено!

— Что́ такое?

— Сообщать тебѣ эту новость не считаю себя вправѣ, да и не желаю. Можешь узнать ее отъ другихъ.

Съ этими словами Филиппъ взялъ фуражку и вышелъ.

Бориса вдругъ точно кто ножомъ ударилъ.

— Гдѣ жена? спросилъ онъ у Вареньки.

Но та собиралась домой и надѣвала на голову платокъ.

— Не знаю, сказала она сухо.—Тутъ гдѣ-нибудь.

„Тутъ гдѣ-нибудь!“ Всѣ уходятъ, а она тутъ!

Онъ поспѣшно бросился въ другую комнату.

Она стояла на колѣняхъ, и, должно быть, хотѣла молиться, но молитва не шла на умъ. Воспаленныя губы не шевелились. Глаза въ какомъ-то оцѣпенѣніи остановились на одной точкѣ. Руки упали и терялись въ складкахъ платья.

Увидавши мужа, она медленно приподнялась.

Борисъ глядѣлъ на нее молча двѣ, три, четыре минуты.

Она тоже молчала. Но онъ понялъ все!...

Черезъ полчаса видѣли, какъ изъ воротъ вышли какой-то баринъ съ барыней. Она тихо просила его о чемъ-то и даже схватила разъ за руку, но онъ высвободилъ ее и быстро пошелъ въ сторону. Она послѣдовала-было за нимъ. Тогда онъ остановился и сталъ ей что-то говорить, что́ именно, нельзя было разобрать; слышали только слово: *никогда!* послѣ котораго она оставила его и не стала уже

больше преслѣдовать. Долго смотрѣла она ему вслѣдъ, потомъ тихо повернулась и пошла назадъ.

На другой день по городу уже носилась таинственная исторія. Масса народу, собравшаяся въ назначенный часъ на площади, чтобы посмотрѣть на знаменитые опыты, дожидалась напрасно. Виновникъ торжества не являлся. Вдругъ пронесся слухъ, что онъ пропалъ безъ вѣсти. Какъ? что? не можетъ быть!

Но время летѣло, а машины стояли неподвижно и на платформѣ никто не показывался.

Въ публикѣ начался ропотъ. Наконецъ, вышелъ на подмостки какой-то баринъ и объявилъ, что, за неявкою г. Корсакова, опыты состояться не могутъ.

На другой день послѣ своей несчастной свадьбы, Черникъ ждалъ Анну Игнатьевну, и ждалъ не напрасно.

Взбѣшенный вчерашнею сценой, онъ теперь почти возненавидѣлъ эту женщину. Съ затаенною яростью, съ какимъ-то злобнымъ наслажденіемъ онъ ждалъ ея прихода, чтобы высказать ей все, что онъ думаетъ о ней теперь. Онъ заранѣе упивался ея униженіемъ, ея отчаяніемъ... Онъ будетъ сторицею вознагражденъ за вчерашній вечеръ, за тотъ моментъ, когда на колѣняхъ молилъ у нея пощады, когда его судьба была у нея въ рукахъ и она разбила ее однимъ словомъ. Наконецъ, вотъ она, желанная минута! шелестъ женскаго платья въ передней... потомъ, нетвердые, какъ ему казалось, шаги, и она была передъ нимъ. Ни

тѣни вчерашняго ужаса, тревоги, мольбы. Спокойный, свѣтлый взглядъ и на всемъ лицѣ отпечатокъ какой-то рѣшимости. Она какъ будто прощалась съ своимъ прошедшимъ и начала новую жизнь.

— Я пришла къ вамъ проститься! сказала она тихо, но безъ малѣйшаго волненія.

Что это такое! Новая комедія? Или она въ самомъ дѣлѣ считаетъ его своимъ рабомъ?

Онъ приподнялся съ выраженіемъ холоднаго презрѣнія. Потомъ началъ медленно, отчетливо шлифуя каждое слово, въ которомъ звучало сдержанное негодованіе.

— А, вы пришли проститься. Хорошо! Но прежде вы выслушаете меня!

И теперь уже не она, а онъ ее остановилъ повелительнымъ жестомъ. Она покорно положила на столъ зонтикъ.

— Вчера только я узналъ, что имѣлъ дѣло съ сумасшедшею женщиной и узналъ это, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, когда я былъ съ ней уже нѣкоторымъ образомъ связанъ. Вы понимаете, что это открытіе уже само по себѣ не можетъ быть пріятно. Но когда, къ тому-же, эта женщина осмѣливается придти ко мнѣ на другой день и протягивать мнѣ руку, какъ своему хорошему знакомому, то вѣдь это уже верхъ дерзости! Это выше того, что человѣкъ можетъ перенести, и вы напрасно не приняли этого во вниманіе. Напрасно вы разсчитывали на то, что я буду деликатенъ до конца!

Никогда еще никто не видалъ его взбѣшеннымъ. Когда такіе люди приходятъ въ бѣшенство, они дѣйствительно бываютъ страшны. Но Анна даже не пошевельнулась. Ка-

залось, что они помѣнялись ролями. Онъ—задыхавшійся отъ гнѣва, отъ волненія, она—спокойная.

— Не думаете-ли вы, продолжалъ онъ, сдѣлавши надъ собою усиліе:—что я ужъ такой окончательный болванъ, который погибнетъ изъ-за женщины, которому женщина можетъ безнаказанно плевать въ лицо? О, какъ вы мало знаете меня, Анна Игнатьевна! Впрочемъ, я понимаю; вы разсуждали такъ: этотъ человѣкъ по моему желанію сдѣлался подлецомъ. Отчего-же послѣ этого не сдѣлать его еще и дуракомъ? Изъ моихъ рукъ онъ приметъ все съ благодарностью. Но вотъ тутъ-то вы и ошиблись!

Онъ подошелъ и, скрестивши руки, остановился отъ нея въ двухъ шагахъ.

— Поняли-ли вы, началъ онъ: — что́ меня заставило согласиться на эту женитьбу? Подумали-ли объ этомъ, Анна Игнатьевна? Боюсь, что нѣтъ. Иначе вы не рѣшились-бы сыграть со мной такой сцены, какъ вчера. Неужели вы полагаете, продолжалъ онъ съ такою усмѣшкой, отъ которой ее невольно покоробило: — неужели вы полагаете, что я согласился на эту женитьбу только изъ боязни потерять васъ? Анна Игнатьевна, вѣдь я всегда былъ увѣренъ, что вы въ моихъ рукахъ! Вы, такая безхарактерная, нерѣшительная женщина, и вы думали, что я испугался васъ, что я согласился на ваше предложеніе съ отчаянія, изъ боязни, что вы ускользнете отъ меня! Какъ вы могли сдѣлать эту страшную ошибку? Какъ вы не поняли, что съ той минуты, какъ вы мнѣ признались въ своей любви, вы мнѣ уже принадлежали? Я могъ дрожать за расположеніе женщины, пока она играла со мной, какъ котенокъ; пока она только дразнила меня—тогда, дѣйствительно, я могъ

бояться, что капризъ пройдетъ, и на мою долю не останется ничего. Но когда я увидалъ, что эта женщина любитъ меня, когда, къ тому-же, я увидалъ, что у нея не хватитъ силы отказаться отъ меня, тогда... тогда меня ужъ не могли испугать ея дѣтскія вспышки. Сильно вы заблуждались, воображая, что я вѣрю въ вашу непреклонную рѣшимость... Вы были слишкомъ слабы и безхарактерны для этого, и мнѣ не нужно было жениться на вашей родственницѣ, чтобы назвать васъ своею.

Анна закрыла лицо руками. Наконецъ-то! Это было мщеніе. Она видимо страдала.

— Вы можете спросить меня, зачѣмъ я женился въ такомъ случаѣ? А! этотъ вопросъ вамъ слѣдовало сдѣлать мнѣ давно! Вы не стали бы тогда такъ самонадѣянно играть мною! Вы поняли бы, что мое чувство надо цѣнить, иначе оно обратится въ ненависть. Да, Анна Игнатьевна, вы не поняли меня. Вотъ наше несчастье. Я женился не въ чаду, не въ минуту сумасшествія — нѣтъ, я сдѣлалъ это сознательно. Бросаться въ омутъ очертя голову мнѣ было не для чего. Это былъ не припадокъ безумія—припадки проходятъ скоро—это была... Ну, что-жъ, договаривайте? Это была привязанность къ вамъ, докончилъ онъ тихо, но явственно, отдѣляя каждый слогъ въ этомъ словѣ. — Да, я женился не для того, чтобы исполнить вашъ капризъ, а для того, чтобы спасти ваше доброе имя. Я любилъ васъ слишкомъ искренно, слишкомъ глубоко, для того, чтобы сдѣлать васъ несчастной—и вы этого не поняли. Да, Анна Игнатьевна, когда вы считали себя погибшею, я, напротивъ, считалъ васъ спасенною.

— Меня спасти нельзя, произнесла она спокойно, почти равнодушно.

Онъ отшатнулся и съ минуту молчалъ.

— Да, теперь, можетъ быть, поздно! сказалъ онъ глухо.

Она съ какою-то странною улыбкой глядѣла вдаль. Это была болѣзненная, мучительная улыбка.

Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ остановился уже поодаль отъ нея.

— Да, Анна Игнатьевна, если разобрать поближе, что́ я сдѣлалъ, то придется сознаться, что это было безуміе. Нѣсколько разъ я задавалъ себѣ вопросъ: имѣлъ-ли я право сдѣлать его? Отвѣтъ былъ, разумѣется, тотъ, что нѣтъ, не имѣлъ, потому что намъ вообще ни на какое безуміе права не дается. Когда вы первый разъ сдѣлали мнѣ ваше предложеніе, оно привело меня въ ужасъ. Даже я, человѣкъ, испорченный до мозга костей, даже я былъ имъ пораженъ. Я испугался за васъ. Я не ожидалъ встрѣтить въ васъ такой страшной, глубокой... Ну, да это въ сторону! Я далъ себѣ слово спасти васъ, но спасти не путемъ словесныхъ убѣжденій—вы знаете, въ слова я не вѣрю — а именно тѣмъ, чтобы дать вамъ другую жизнь, чтобы вырвать васъ изъ вашего болота. Я любилъ столько-же васъ лично, сколько ваши силы, ту помощницу, которую я пріобрѣталъ въ васъ.

Онъ остановился и вдругъ спросилъ:

— Знаете-ли, съ какой минуты ваше предложеніе было мною принято окончательно? Не тогда, когда я услыхалъ его въ первый разъ и даже не тогда, когда я пришелъ къ вамъ въ домъ, чтобы возобновить знакомство.

Нѣтъ! тогда, когда я узналъ поближе Александру Яковлевну. Двухъ недѣль мнѣ было недостаточно, чтобы убѣдиться, что это именно та женщина, которая мнѣ нужна. Съ нею я не рисковалъ ничѣмъ. Связать меня, мою будущность она не могла. Она слишкомъ ничтожна для этого. Для нея я не измѣнилъ бы своего образа жизни ни на іоту. Я не заставилъ бы ее думать моими мыслями, потому что онѣ для нея слишкомъ чужды, ей никогда бы и не понять ихъ, но я сломалъ бы ее. И главное, что для меня всего важнѣе, это не потребовало бы никакихъ особенныхъ усилій; на борьбу съ нею я потратилъ бы немного времени. Не отвѣчаю за то, что она любила бы меня, но что это была бы для меня самая безвредная жена, какую только можно пожелать себѣ—за это я ручаюсь. Никогда изъ любви къ ней я не сдѣлалъ бы ни одной глупости, ничего такого, что́ могло бы меня удалить отъ моей цѣли.

— Вы не сдѣлали бы этого ни для кого, сказала Анна съ усмѣшкой.

Черникъ съ минуту смотрѣлъ на нее въ недоумѣніи.

— Да, это правда, сказалъ онъ, наконецъ. — Я не сдѣлалъ бы этого ни для кого. Ни даже для васъ. Теперь все равно, продолжалъ онъ. — Притворство будетъ лишнее. Скрывать дальше отъ васъ свои мысли мнѣ не для чего. Я видѣлъ, что увлечь васъ за собою мнѣ будетъ не трудно. И если вы заглянете поглубже въ свою душу, вы согласитесь съ тѣмъ, что это правда. Вы любили слишкомъ сильно, чтобы устоять противъ этой любви. Я это зналъ. Бросить мужа, бѣжать изъ семьи—тутъ не было ничего невозможнаго... Это могло быть, и это было бы

такъ, еслибы я сталъ настаивать. Но помните! я никогда не настаивалъ. Не думайте, что я говорю это для того, чтобы оскорбить васъ. Нѣтъ! давича у меня было это желаніе, теперь его нѣтъ. Я первый разъ въ жизни говорю съ вами откровенно—вотъ и все. Я хочу, чтобы между нами не было больше недоразумѣній, чтобы вы поняли меня наконецъ, хотя бы на прощаньи, прибавилъ онъ горько. Итакъ, положимъ, что вы пожертвовали мнѣ своимъ добрымъ именемъ! Что-же потомъ? Первое время вы будете счастливы, первыя минуты счастья вознаградятъ васъ за все. Но долго-ли это продолжится? Для васъ это одно мгновеніе. Черезъ мѣсяцъ вы возненавидѣли бы меня! За что? За то, что я погубилъ вашу репутацію, за то, что я закрылъ вамъ доступъ въ общество, что общество исключаетъ васъ изъ своей среды!—это васъ убило бы. Это отравило бы вамъ всю жизнь и оттолкнуло отъ меня. Да! Не отказывайтесь! Я знаю васъ, къ несчастію, слишкомъ хорошо. Вы слишкомъ любите блескъ и мишуру! Передѣлать васъ въ одинъ мѣсяцъ я былъ-бы не въ силахъ. А черезъ мѣсяцъ было бы уже поздно! Мнѣ надо было прежде, чтобы вы возненавидѣли эту мишуру, чтобы вы, не выходя изъ этого общества, узнали, какъ мало оно значитъ для васъ—и тогда... тогда вы были бы въ моей власти!

Она молчала. Странно! то, что онъ принялъ сначала за дерзкую самоувѣренность, было, напротивъ, чувствомъ женщины, сильно разбитой горемъ, разбитой до того, что она способна уже проглотить всякую обиду, помириться со всякою жизнью. Видно было, что она покончила съ своимъ прошедшимъ.

Онъ почти съ ужасомъ чувствовалъ, что его привязанность къ этой женщинѣ возвращается во всей своей силѣ, что она никогда и не умирала. Но она пришла проститься съ нимъ. По ея взглядамъ, по тону ея голоса можно было понять, что этому рѣшенію она уже не измѣнитъ. Да, они должны разстаться!..

Онъ находилъ какое-то странное наслажденіе въ томъ, чтобы мучить ее. Онъ то убѣждалъ ее отказаться отъ своего намѣренія, то рисовалъ ей яркими красками возможность лучшей жизни, то начиналъ говорить ей горькія истины.

— Куда вы пойдете теперь? Искать опять фейерверковъ, эффектовъ? Наполнить свою жизнь пустотой? Забыть, закрыть глаза на все, что́ должно быть для человѣка святого и сдѣлать себѣ святыню изъ пустяковъ? Гордиться тѣмъ, что вы исполнили свои обязанности въ отношеніи къ мужу и не исполнили ихъ ни къ одному изъ ближнихъ? Сохранить имя честной женщины? Но развѣ можетъ назвать себя честной та женщина, которая видитъ кругомъ себя нищету, невѣжество и ни разу не протянула руку этому невѣжеству? А! докончилъ онъ раздражительно:—мы сохранимъ свою святость, а до прочаго что намъ за дѣло! Законы мы соблюдаемъ и никакому суду, ни уголовному, ни гражданскому, не подлежимъ!

Она вдругъ сдѣлала движеніе.

— Кто вамъ сказалъ, начала она твердо:—что я хочу святости? И почемъ вы знаете, что меня не мучитъ теперь мысль, что жизнь, которую я вела до сихъ поръ, была безобразная? Да, я измѣню ее, насколько это будетъ въ моихъ силахъ. Но вы предлагаете мнѣ... Вы мнѣ протя-

гиваете руку даже теперь... Но развѣ это возможно? вѣдь это было бы, все-таки... счастье для меня. А счастье... послѣ того, что́ я сдѣлала! Да гдѣ-же тогда правда? Да нѣтъ, это не было бы даже и счастье... Одно, что́ мнѣ остается, это бѣжать, бѣжать отсюда!

Онъ сурово глядѣлъ на нее и молчалъ.

— Будь-же хоть теперь, хоть на прощаньи, снисходителенъ ко мнѣ! Прости меня. Вѣдь, кромѣ тебя, мнѣ никто не проститъ. Андрей! (Она опустилась передъ нимъ на колѣни).

Онъ молча поднялъ ее и поцаловалъ. Но это былъ холодный поцалуй. Это было прощанье съ несчастною, преступною любовью. Да, онъ понялъ наконецъ, что теперь ему не удержать ее. Между ними теперь стоялъ навсегда ихъ безумный поступокъ. Любовь становилась невозможностью. Это была бы уже не любовь, а вѣчный адъ.

Она опустилась на стулъ и тяжело дышала. Горячими руками сжимала она себѣ голову, чтобы хоть чѣмъ-нибудь прогнать это страшное чувство, которое ударяло ее, какъ молотомъ. Она сладила, наконецъ, съ собой послѣ неимовѣрныхъ усилій.

— Ну, прощай! сказала она, вставая и протягивая ему руку.

— Развѣ пора?

— Пора! повторила она твердо.

Не давая ей своей руки, онъ глядѣлъ на нее, все еще стараясь подмѣтить хоть искру той слабости, которая прежде дѣлала ее такою безпомощной. Нѣтъ, это уже ясное спокойствіе! это не спокойствіе слабости. Онъ понялъ, что никакія мольбы, никакая пламенная любовь не

удержать ее теперь. Онъ взялъ только эти горячія пальцы, сжималъ ихъ въ своей рукѣ и спросилъ:

— Что-же будетъ со мной?

Она нагнулась къ нему и остановила на немъ ясный, долгій взглядъ.

— Андрей, помни, что ты сказалъ, что никогда женщина не станетъ тебѣ на дорогѣ. Помни, что мы „соль земли", мнѣ глубоко запали въ душу эти слова. Не забывай-же ихъ и ты!

— Да, замѣтилъ онъ горько: — только это вѣдь и спасаетъ меня отъ отчаянія. Только это и даетъ мнѣ силу... перенести еще хоть столько-же. Я чувствую, что живучъ. Мы въ водѣ не тонемъ, въ огнѣ не горимъ! докончилъ онъ съ усмѣшкой, и отвернулся.

— За это я люблю тебя. (Она положила ему руку на плечо). Прощай!

Анна Игнатьевна вдругъ пропала безъ вѣсти.

Мужъ ея вернулся, но пробылъ въ городѣ не долго и тоже куда-то уѣхалъ. Говорятъ, что онъ въ одной изъ дальнихъ губерній получилъ мѣсто учителя гимназіи. Сильно постарѣлъ, посѣдѣлъ и болѣе, чѣмъ когда-нибудь, занимается своимъ сжатымъ воздухомъ и своими опытами.

Саша съ матерью и со всѣмъ семействомъ уѣхала въ Москву. Тамъ получаетъ отъ мужа извѣстное содержаніе и живетъ весело. Жалѣетъ только, что не можетъ выйти замужъ во второй разъ. Влюбляется каждый мѣсяцъ, но уже не въ гимназистовъ, а въ людей солидныхъ.

Черникъ не измѣнилъ своего образа жизни ни на во-

RD 146

лосъ. Все такой-же изящный, всѣми уважаемый, и ото всѣхъ пользующійся репутаціей человѣка, который пойдетъ далеко. Многіе очень твердо убѣждены, что онъ въ самомъ непродолжительномъ времени будетъ хватать съ неба звѣзды, хоть онъ никакихъ особенныхъ поползновеній къ этому не показываетъ.

Дѣла его въ Орѣшкахъ идутъ успѣшно. Въ городѣ одно время ходили подозрѣнія, что онъ устраиваетъ ассоціацію, но теперь этому никто не вѣритъ. Просто выстроилъ льняной заводъ. Правда, тамъ мужики работаютъ какъ-то на особенныхъ условіяхъ, но на какихъ — Богъ ихъ вѣдаетъ. Бунтовать они не бунтуютъ — стало быть, ассоціаціи нѣтъ! Постоянной резиденціи Черникъ не имѣетъ: ѣздитъ по всей Россіи, зимой мѣсяца два или три проводитъ въ Петербургѣ, лѣто большею частію живетъ въ Орѣшкахъ. Слава ученаго агронома, котораго берутъ на расхватъ, осталась за нимъ и ни мало не померкла. Словомъ, все по прежнему. Одна только появилась въ немъ новая черта—это какая-то странная ненависть къ женщинамъ.

Говорятъ, впрочемъ, что онъ и не думалъ отрекаться отъ Анны Игнатьевны. Не теряя ее изъ виду, онъ далъ остыть первому пылу ея рѣшимости и успѣлъ-таки убѣдить ее въ томъ, что „одна“ она погибла! что спасти ее можетъ только онъ! Ходятъ слухи, что онъ нашелъ въ ней отличную себѣ помощницу и что она не думаетъ больше о фейерверкахъ, столь ненавистныхъ ея Андрею. Она попала, наконецъ, въ руки человѣка, который сломилъ ее и не даетъ ей больше бросаться во всѣ стороны. Въ отношеніи къ ней онъ полнѣйшій деспотъ, но деспотъ

мягкій, вкрадчивый, незамѣтный. Она покоряется ему почти безсознательно, забывая, что это самый неумолимый изъ всѣхъ деспотизмовъ, что онъ запутываетъ, заковываетъ человѣка со всѣхъ сторонъ, лишаетъ его воли и не оставляетъ даже надежды когда-нибудь освободиться.

КОНЕЦЪ.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

BBS BROS.
RY BINDING
R 74
UGUSTINE
FLA.
32084

LIBRARY OF CONGRESS
00024102385